

ЗНАМЕНИТЫЕ
ГРЕКИ
И РИМЛЯНЕ

*35 биографий
выдающихся деятелей Греции и Рима,
составленных по Плутарху
и другим древним авторам
М. И. БОТВИННИКОМ И М. Б. РАБИНОВИЧЕМ*

*Подбор иллюстраций
АНТОНА ПРИТУЛЫ*

З 4804010100, Подписное

ISBN 5-87594-034-4

© М. Н. Ботвинник и М. Б. Рабинович,
авторы переложения, 1993

© М. Е. Новиков, художественное
оформление, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Существует только одна наука — это наука история», — писал столетие назад один из великих европейских ученых, пытаюсь разобраться в существовавшей тогда системе наук. Он имел в виду, что как законы природы, так и законы человеческого общества познаются в их развитии: ничто не стоит на месте, все изменяется.

Было время, когда в нашей стране изучение прошлого сводили к голым схемам, к «обществоведению», как это тогда называлось. Знание же конкретных фактов, имен исторических деятелей, дат, исторических названий считалось излишним.

Для того, чтобы убедить ребенка или даже взрослого принять необходимое, но невкусное лекарство, его обычно скрывают в сладкой оболочке или помещают в красивую разноцветную капсулу. Подобным же образом поступали начиная с глубокой древности историки, когда хотели побудить подрастающее поколение к изучению событий прошлого или законов истории. Об этих событиях рассказывали не только в хрониках и скучных исторических пособиях, но и в очерках или исторических повестях, занимательность которых привлекала читателя. Чем больше был талант рассказчика, тем охотнее читали и переписывали его произведения; некоторые из них сделались на многие века образцами исторических сочинений. Одним из таких классиков науки стал грек Плутарх, самый крупный представитель так называемого биографического жанра в истории. И по сегодняшний день во многих странах, культура которых выросла на базе античности, писатели пытаются рассказать об окружающем их мире, составляя биографии современных деятелей культуры или общественной жизни. Такие книги пользуются большим успехом, выходят целыми сериями (например, популярная у нас серия «Жизнь замечательных людей»; иногда книги с биографиями современных исторических деятелей называют «Новый Плутарх» *.

Кем же был этот писатель, навеки вошедший в историю литературы? Греческий

* Недавно книга с таким названием вышла и у нас в России.

ученый и общественный деятель, Плутарх из Херонеи (47—120 г. н. э.) происходил из знатной и богатой семьи, получил прекрасное образование в Афинах и Александрии — культурных центрах тогдашнего греческого мира. Еще в юности Плутарх изучил всю историческую и философскую литературу греков и стал одним из самых образованных людей своего времени.

В эпоху Плутарха Греция уже давно утратила независимость и превратилась в одну из многочисленных провинций Римской империи. Римские завоеватели жестоко угнетали подчиненные народы. Однако с греками они обращались несколько мягче. Высокие достижения эллинской культуры приносили Риму немалую пользу: знатные римляне охотно читали греческие книги, украшали свои дома греческими статуями, а иногда перевозили в Италию даже целые архитектурные сооружения. Вскоре они поняли, что выгоднее приглашать в Италию греческих зодчих и ваятелей, чем перевозить по морю статуи или части здания. Римские ученые пользовались достижениями греческих медиков, историков, агрономов, архитекторов, и жизнь в Риме благодаря этому становилась более комфортабельной и приятной. «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила», — писал на рубеже новой эры поэт Гораций.

Исключительная образованность Плутарха сделала его желанным гостем в Риме. Он был принят и даже играл некоторую роль при дворе императора Траяна (98—117 г. н. э.). Соотечественники тоже осыпали Плутарха почестями, справедливо полагая, что уважение, которое ему оказывал император, не может не отразиться на их собственной судьбе. Когда писатель умер (120 г.), ему на общественный счет был сооружен памятник. Впоследствии на этом памятнике была выбита стихотворная надпись поэта Агафия. В надписи говорилось о том, что жизнь Плутарха принесла богатые плоды и много пользы людям. В своих «Параллельных жизнеописаниях» он сумел найти в Риме параллели к жизням замечательных людей Греции, но, — писал Агафий, — «жизнь самого Плутарха была столь замечательна, что к ней даже он сам подобрать параллель бы не смог».

Чем же заслужил Плутарх столь высокую похвалу? Безмятежное благополучие, сопутствовавшее его жизни, позволило Плутарху написать такое количество произведений, каким могли похвалиться лишь очень немногие из античных писателей. До нас дошло 154 полностью сохранившихся произведений — более четырех тысяч современных книжных страниц, а еще приблизительно столько же было утрачено за те столетия, которые отделяют время писателя от начала книгопечатания. Большинство книг Плутарха посвящено философским, религиозным, моральным и близким к ним вопросам*.

Широкому читателю Плутарх известен более всего как историк. Наибольшим успехом как при жизни автора, так и в последующие века пользовались его «Параллельные жизнеописания». Биографическая форма изложения исторических событий не была изобретением Плутарха. Задолго до него александрийские ученые составляли жизнеописания известных поэтов, философов и других знаменитых людей. Но Плутарх был, возможно, первым, для кого биографии стали основной

* Только сейчас русский читатель получил возможность познакомиться с основными моральными сочинениями Плутарха в одном томе: Плутарх Застольные беседы.—Л., 1990.

формой изложения истории: он писал биографии политических деятелей и полководцев, вплетая события истории страны в канву их жизни.

Книги Плутарха неслучайно названы параллельными или сравнительными жизнеописаниями, так как из пятидесяти написанных им биографий — сорок пять соединены в пары. (Одна группа биографий рассказывает, правда, сразу о четырех героях — братьях Гракхах и двух спартанских царях-реформаторах Агисе и Клеомене.) Греческий герой соединен всегда в пару с римским. В конце каждой пары биографий Плутарх дает сопоставление, в котором определяет черты сходства и различия между греческим и римским героями. Однако эти сопоставления часто надуманы и не могут убедить читателя в близости характеров или обстоятельств жизни обоих.

Что же заставило Плутарха группировать биографии своих героев таким образом? Такое необычное объединение людей, живших в различных исторических условиях, отдаленных друг от друга целыми столетиями, носит, конечно, искусственный характер и объясняется прежде всего желанием Плутарха угодить римлянам. Следует помнить, что книги Плутарха писались в период, когда римские завоеватели открыто высказывали презрение к утратившим независимость «гречишкам». Плутарху было важно найти в прошлом доказательства величия своего народа. Но он никогда не мог забыть, что, как он писал, «над головой Греции занесен римский сапог», и старался не сердить завоевателей, чтобы их гнев не пал на него и его сограждан. Римляне интересовались прежде всего историей своего государства и только в дополнение к ней милостиво соглашались познакомиться с историей других народов. Если бы Плутарх написал биографии одних только греческих героев, римляне могли бы усмотреть в такой книге дерзкий вызов своему могуществу. Некоторым читателям может показаться, что слишком уж легко и быстро Плутарх смирился с чужеземным игом. Он не скрывал, что ищет дружбы и покровительства римских вельмож, но утверждал, что делает это только для пользы родного города Херонеи и всей Греции. Он был искренно уверен, что былой свободы и независимости грекам уже не вернуть, в лучшем случае они могут занять в империи второе место после римлян. Не следует, пожалуй, обвинять Плутарха в конформизме, приспособленчестве. Как историк он хорошо знал, как жестоко расправлялись римляне со всякими попытками отстоять национальную независимость, какими горькими слезами отливались они тем народам, которые осмеливались поднять восстание против жестокого ига. И не его вина, если он не мог предвидеть, что недалеко то время, когда великая Римская империя начнет распадаться и благодарное человечество сможет без всяких оговорок оценить подвиги греческих героев и тот вклад, который внесли греки в сокровищницу мировой культуры. И если сегодня мы можем оценить этот вклад и подвиги греческих героев, то немалая заслуга в этом — подвижническая работа Плутарха, отличавшегося если не любовью к риску, не дерзкой смелостью, то во всяком случае твердостью убеждений и завидным трудолюбием.

Около трети из написанных Плутархом биографий (в том числе жизнеописание Эпаминонда, любимого земляка Плутарха, освободившего родную Беотию от спартанского ига) не дошло до нашего времени. Более всего Плутарха привлекают те герои, имена которых связаны с поворотными моментами истории: из греческих героев Плутарх выбирал в основном тех, которые жили в период наивысшего

государственного и культурного расцвета Греции — в V—IV веках. Биографии Плутарха дают настолько подробное изложение событий периода расцвета Греции, что вполне могут служить хорошим учебником истории этого времени. То же можно сказать и об истории Рима, но здесь интерес Плутарха сосредоточен на наиболее бурном периоде — эпохе гражданских войн и кризиса республики.

Каждая биография Плутарха представляет собой законченное художественное произведение, в котором жизнь человека прослежена от рождения и до самой смерти. Все эпизоды тщательно отобраны и подчинены единой идее. Замечательный талант подсказал писателю единственно верный для такого рода произведений прием, а именно — использование драматической формы, разработанной великими греческими трагиками. В жизни каждого выдающегося человека бывает «завязка», когда определяется его дальнейшая судьба, и «апогей» — звездный час, когда он получает возможность выполнить свое историческое предназначение. Естественной развязкой драмы человеческой жизни бывает смерть, обстоятельствам которой Плутарх уделяет немало места. Законченность формы приводит к тому, что исторические события как бы сконцентрированы вокруг жизни героя; Плутарх держит читателя в постоянном напряжении, в ожидании того, как эти события отразятся на жизни героя, сумеет ли он овладеть ими или станет жертвой исторических катаклизмов. В различные времена людям становились особенно близкими то одни, то другие из описанных Плутархом периодов. В XIX в. наиболее интересным казался период расцвета афинской демократии, блестящая эпоха Перикла, свободолюбивые речи Демосфена. В наше время особый интерес вызывает настроение римских граждан, переставших увлекаться политикой и стремившихся только к спокойной жизни и благосостоянию. Такое изменение в настроении общества, падение интереса к политике и отсутствие стремления к участию в защите родины и к управлению государством привели к замене римской республики императорским строем.

Хотя русская пословица и гласит, что чужой опыт никого ничему не может научить, но, размышляя над биографиями Плутарха, читатель невольно задумается над проблемами современности. Достоинством этих биографий является прежде всего глубокая психологичность в описании поведения и мыслей основных персонажей. «Мы пишем не историю, а жизнеописания, — говорит Плутарх в биографии Александра, — часто какой-нибудь ничтожный поступок, словцо или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями или осады городов. Подобно тому, как художники, мало обращая внимание на прочие части тела, добиваются сходства благодаря точному изображению лица и выражения глаз, в которых проявляется характер человека, так и мне пусть будет позволено, составляя жизнеописание, углубиться в изучение признаков, отражающих духовный мир человека, предоставляя другим воспевать великие дела и битвы».

Отбирая материал для своих биографий, Плутарх стремился не только образовывать, но и воспитывать своих читателей. Мало сказать, что Плутарх был чужд очернительства; наоборот, если можно было рассказать о своем герое что-нибудь хорошее, Плутарх никогда не упускал такого случая: «Справедливость требует, — говорил он, — чтобы историк сообщал о своих героях то, что считает истиной. Если же нельзя установить истину, нужно, чтобы историк рассказывал хорошее, а не плохое». Руководствуясь этим правилом, Плутарх иногда умалчивает о фактах,

которые, с его точки зрения, противоречат характеристике описываемого человека. Добросовестный историк, он не выдумывает и не извращает фактов, но иногда, когда для писателя важно было подчеркнуть значение какой-либо черты характера, Плутарх охотно пользуется сомнительными свидетельствами, отыскивая их среди малоизвестных, не внушающих доверия источников. Основную цель работы Плутарх видел в том, чтобы его биографии вызвали желание походить на тех людей, судьбы которых он описывал.

«Беспользны, — пишет он в биографии Перикла, — такие произведения, которые не вызывают стремление к подражанию доблестным делам. Люди не только восхищаются, но и желают походить на тех, кто их совершает».

До известной степени Плутарху удалось достичь своей цели. У его героев есть чему поучиться. Каждый восхищается упорством Демосфена, который, несмотря на природный дефект речи, сумел сделаться величайшим оратором, или Юлия Цезаря, способного заниматься одновременно тремя делами сразу. Не меньшее восхищение вызывает начало политической карьеры оратора Цицерона, мудрость Перикла или безудержная храбрость Александра Македонского. Героическая жизнь римских борцов за свободу братьев Гракхов произвела такое впечатление на выдающегося деятеля Великой французской революции Бабефа, что он даже присвоил себе это имя и стал именовать себя Гракхом Бабефом. Не только французские революционеры, но и наши соотечественники — Суворов, декабристы — увлекались героями Плутарха. Известные трагедии Шекспира «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра», «Кориолан» представляют собой драматургические переложения составленных Плутархом жизнеописаний.

Мы уже упоминали о том, что не все биографии Плутарха дошли до нашего времени. Говорили мы также о том, что особое внимание Плутарха привлекала эпоха гражданских войн в Риме. Однако дошедшие до нас биографии не дают ответа на вопрос, чем же закончились эти гражданские войны. Авторы настоящей книги решили добавить к жизнеописаниям Плутарха биографию наследника Цезаря Октавиана Августа, которого считают первым римским императором. Для того, чтобы картина жизни в античной Греции и Риме не показалась бы односторонней, наполненной исключительно кровопролитными войнами и политическими переворотами, авторы сочли необходимым добавить биографии крупнейших деятелей культуры — сочинителя трагедий Софокла и римского поэта Овидия. Используя античные источники и биографический материал в произведениях этих писателей, авторы стремились придерживаться приемов Плутарха и формы его жизнеописаний.

Последние десятилетия биографии Плутарха несколько раз издавались на русском языке. Однако подлинный текст Плутарха представляет для современного читателя почти непреодолимые трудности. Обилие малоизвестных имен, непонятных исторических терминов приводят к необходимости снабжать объяснительными примечаниями чуть ли не каждую вторую фразу; в результате этого пропадает художественное достоинство биографий и теряется интерес к фабуле.

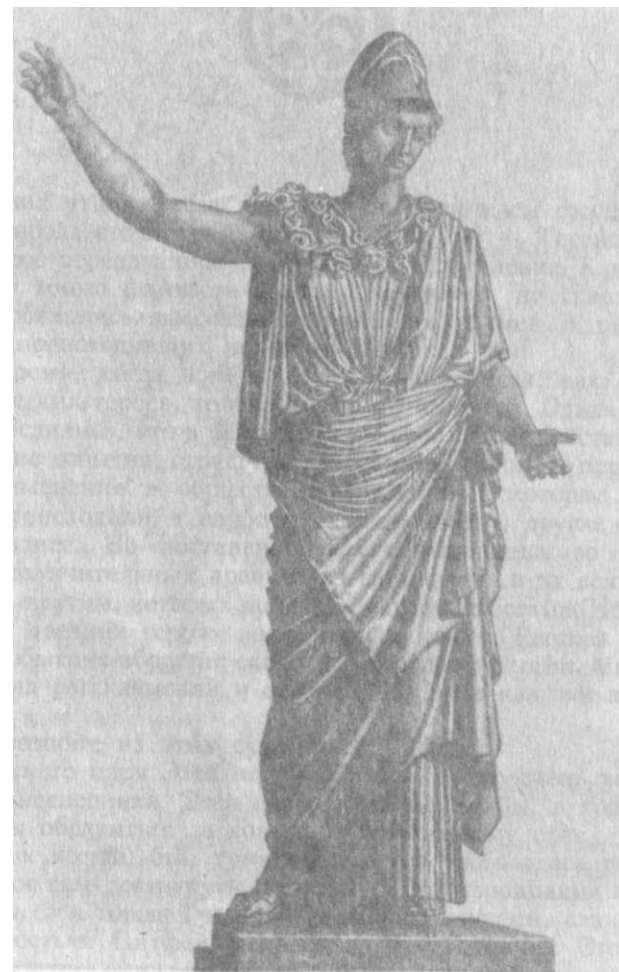
Уже более ста лет назад историки-популяризаторы стали писать пересказы биографий Плутарха, чтобы сделать этого замечательного писателя доступным для своих современников. Пересказы немца Г. Штоля и француза А. Фелье имели большой успех, неоднократно переиздавались и были даже переведены на русский язык. К сожалению, эти переложения XIX века безнадежно устарели: не говоря

уже об архаическом языке и синтаксисе, сама оценка событий в XIX веке значительно отличалась от современной. Авторы настоящей переработки старались приблизить творчество Плутарха к современному читателю, и, судя по интересу, с каким были встречены предыдущие издания, эти труды оказались не бесполезны.

О Т И З Д А Т Е Л Ъ С Т В А

Издавая «Знаменитых греков и римлян», мы надеемся, что книга будет не только интересной и полезной, но, кроме того, ее приятно будет читать. Для этого Издательство решило сопроводить текст значительным числом иллюстраций. Время безжалостно, и тысячелетия не сохранили подлинных изображений знаменитых людей древности. Даже те римские портреты, какие дошли до нас, за исключением немногих, вряд ли точно отражают черты античных героев. Поэтому в книге встречаются, наряду с древними, также и современные иллюстрации, относящиеся к описываемым событиям.

ЗНАМЕНИТЫЕ ГРЕКИ

ТЕСЕЙ

В Афинах чтили Тесея, его считали создателем государства, и в центре города стоял храм, посвященный ему — Тесейон. Мифы об этом герое передавались из поколения в поколение. Как обычно, здесь было много фантастического, сказочного, но сквозь толщу легенд пробивались рассказы стародавних времен о подлинных событиях, происходивших некогда в Аттике.

Было время, когда полагали, что жизнь Тесея, как и других мифологических героев, только красивый вымысел. Однако ученые XX века убедились, что в основе этих мифов лежат действительные исторические события: страшные катастрофы, войны и переселения племен, изменения в общественной жизни. Некоторые из этих событий происходили в глубочайшей древности, другие — значительно позднее. Но постепенно они объединились во времени: имена малозначительных правителей забывались и их деяния приписывались другим, которых почитали наравне с богами. Недостаток сведений о древних героях восполняли легенды. Рассказ об исторических событиях обрастал сказочными подробностями. Множество таких легенд рассказывали и о Тесее. Их знал каждый афинский школьник.

Вот некоторые из этих сказаний.

У афинского царя Эгея не было детей, и его очень волновало отсутствие наследника. Эгей отправился в Дельфы, в храм Аполлона, чтобы обратиться за советом к священному оракулу. Ответ оракула, как всегда, был туманным, и его требовалось разгадать. Эгей не смог сам постигнуть скрытый смысл прорицания и поехал в Пелопоннес, в город Трезены, где царил Питфей, славившийся своей мудростью. Питфей разгадал загадку оракула: Эгею предсказано рождение сына, которому суждена величайшая слава. Пит-

фей хотел, чтобы эта слава коснулась и его рода, и отдал в жены Эгею свою дочь Эфру. Эгей потребовал, чтобы этот брак сохранялся в тайне. Он опасался козней своих племянников, которые считались наследниками трона, пока у него не было собственных детей.

Настал день, когда Эгей должен был возвратиться на родину. Перед уходом он положил свой меч и свои сандалии под огромный камень и наказал Эфре, если у нее родится сын, привести его к этому камню, когда он вырастет. Если юноша сумеет поднять камень, пусть возьмет меч и сандалии и идет к отцу.

У Эфры родился сын, которого назвали Тесеем.

Тесею исполнилось шестнадцать лет. Он стал могучим, стройным юношей, и мать поняла, что настало время испытать его силу. Эфра привела сына к заветному камню, тот легко приподнял глыбу и взял лежащие там меч и сандалии. Тогда Эфра открыла Тесею тайну его рождения и, выполняя волю Эгея, велела отправиться в Афины к отцу. При этом она и Питфей советовали Тесею выбрать морской путь, более удобный и надежный. Дорога сушей была полна опасностей: дикие звери, многочисленные и свирепые разбойники подстерегали путников на этом пути.

Юный Тесей надеялся, что у него хватит сил на многие подвиги и он прославится подобно Гераклу, которому хотел подражать. Тесей желал также предстать перед своим отцом не слабым юношей, а героем. И потому, несмотря на просьбы и уговоры родных, избирает трудный и опасный путь — решает отправиться в Афины сушей.

Как только Тесей перешел границу области Эпидавр, ему преградил дорогу исполинского роста человек, вооруженный железной дубиной. Народ поэтому дал ему прозвище — Коринет (дубиноносец). Этот жестокий человек убивал каждого встречного. Тесей вступил в борьбу с ним, после жестокой схватки одолел противника, вырвал у него палицу и ею же убил Коринета. С этого дня Тесей не расставался с палицей, всегда носил ее с собой подобно тому, как Геракл — шкуру убитого им Немейского льва.

После этого испытания Тесей, уверенный в своих силах, двинулся дальше. Он не побоялся войти в темный Кроммионский лес, где обитал свирепый вепрь, опустошавший поля и убивавший людей. Тесей настиг зверя и уничтожил его, избавив жителей от бедствия. Победа над «Кроммионской свиньей» принесла Тесею славу.

На Коринфском перешейке в пихтовом лесу, посвященном богу морей Посейдону, жил наводивший на всех ужас разбойник Синид. Он умерщвлял путников изощренно-жестоким способом: пригибал к земле верхушки двух деревьев, привязывал к ним несчастного и отпускал стволы. Деревья стремительно выпрямлялись и разрывали человека. Тесей казнил Синида тем же способом, каким тот губил путников.

Тесей

Идя далее, дошел Тесей до границы Мегары, до Спиронской скалы, на которой жил великан. Он заставлял попавшего в его руки путника мыть ему ноги, всячески издевался над ним, а затем ударом ноги сталкивал жертву в море. Разбившееся о камни тело пожирала жившая у подножия скалы гигантская черепаха. Тесей сбросил вниз самого разбойника, и тело его стало добычей прожорливой черепахи.

Когда Тесей дошел до Элевсина, то встретил хозяина этих мест, силача Керкиона, человека огромного роста. Керкион заставлял всех чужеземцев сражаться с ним, легко их побеждал и убивал. Тесей одолел Керкиона и умертвил его.

За Элевсином Тесей встретился с самым свирепым разбойником по имени Дамаст. Он всегда радушно принимал прохожих чужеземцев, приглашал их в свой дом, а там заставлял улечься на ложе. Если это ложе оказывалось слишком коротким, Дамаст обрубал гостю ноги, если чересчур длинным, то вытягивал несчастного, ломая кости. Разбойника Дамаста в народе прозвали Про-

крустом, то есть «Вытягивателем» *. Тесей избавил людей от мучителя Дамаста.

Тесей пришел к Кефису близ Афин. Юноша гордо шел, привлекая внимание своей непривычной для этих мест ионийской одеждой и длинными красиво уложенными волосами. Люди, работавшие на поле, сначала приняли его за девушку, но убедившись в ошибке, стали над ним насмехаться. Выведенный их шутками из себя, Тесей остановился у запряженной быками повозки, выпряг быков, а повозку, высоко подняв на руки, бросил в насмешников. Испугавшись, они разбежались.

Наконец Тесей достиг города Афины.

В городе было неспокойно. Между родственниками Эгея постоянно шли раздоры. В доме у самого Эгея также не было мира. Виной этому была Медея. Эта великая волшебница за свои козни была изгнана из Коринфа, и Эгей приютил изгнанницу. Медея обещала своими чарами вернуть Эгею молодость.

Слухи о подвигах Тесея достигли Афин, и юного героя приветливо встретили в доме Эгея. Однако Медея сразу проникла в тайну рождения Тесея и поняла, что сын Эгея, законный наследник, захочет получить власть. Медея же сама хотела править в Афинах и потому решила погубить пришельца. Она уверила Эгея, что Тесей — враг и соглядатай и от него нужно во что бы то ни стало избавиться. Она посоветовала афинскому царю пригласить юношу к обеду и отравить.

Когда все уселись за стол, Медея поставила перед Тесеем чашу с отравленным питьем. Слуги принесли мясо, и Тесей, желая поразить отца внезапной радостью, вынул меч, чтобы им разрезать мясо. Эгей узнал свой меч, все понял, опрокинул чашу с отравленным напитком и радостно обнял сына. Все с восторгом приветствовали законного наследника и своего будущего царя.

Медея, не дожидаясь справедливой кары, поспешно бежала.

Вскоре Тесею представился случай снова показать свою храбрость и силу. Мы знаем, что племянники Эгея — их было пятьдесят — сыновья его брата Палланта (их называли «Паллантидами»), считали, что после смерти бездетного Эгея власть перейдет к ним. Появление Тесея положило конец этим надеждам. Поняв, что их планы рухнули, Паллантиды напали на город с целью умертвить Тесея и Эгея. Паллантиды выработали коварный план, часть своих сил они оставили в засаде, чтобы сзади напасть на Тесея. Однако Тесей разгадал этот замысел, сам неожиданно напал на спрятавшихся в засаде врагов, большинство перебил, а остальные в панике разбежались.

Эта победа принесла афинянам мир и спокойствие.

Вскоре Тесею представилась еще одна возможность помочь людям в Афинах. В Марафонской долине, неподалеку от Афин, появился свирепый бык. Когда-то Геракл привел этого быка с

* Выражение «прокрустово ложе» вошло в поговорку. Так называют мерку, под которую стараются подогнать неукладывающиеся в нее факты или события.

острова Крита и отдал Эврисфею, которому он, по повелению богов, должен был служить. Но бык убежал и бродил по землям Эллады, пока не пришел в Марафонскую долину. Быка с этого времени стали именовать Марафонским — раньше его называли Критским. Этот бык всем внушал ужас, он губил людей и домашних животных, опустошал поля. Тесей отправился в Марафонскую долину, победил быка, привел его в Афины и принес в жертву Аполлону. Этот подвиг прибавил Тесею славы. Однако главные деяния героя были впереди.

Когда-то задолго до прихода Тесея в Афины, во время праздничных игр, прибывший с острова Крита сын могучего критского царя Миноса Андрогей победил всех в состязаниях. Это было позором для Афин, и Эгей решил погубить Андрогей. Рассказывали, что Эгей послал его за Марафонским быком и сын Миноса погиб.

Разгневанный гибелью сына, Минос начал войну. Он послал к берегам Аттики сильный флот, покорил союзную с Афинами Мегару, после чего осадил город. Осада была длительной и тяжелой для жителей, испытывавших всевозможные лишения, голод, болезни. Прорицатели говорили, что только примирение с Миномом, умиротвит богов и спасет Афины. Был заключен мир. По условиям мира афиняне должны были каждые девять лет посылать на остров Крит семь юношей и семь девушек. На Крите их заключали в построенный архитектором Дедалом знаменитый лабиринт — огромное здание с такими запутанными помещениями, что попавший туда уже не мог найти выхода. В глубине лабиринта жил чудовищный Минотавр — получеловск-полубык, он пожирал несчастных. Правда, некоторые говорили, что афинских девушек и юношей не сжирал Минотавр, а они сами, заблудившись в извилинах лабиринта, умирали от голода и лишений. Так или иначе, но никто оттуда не возвращался.

Когда Тесей уже жил в Афинах, послы Миноса прибыли в очередной раз за своей страшной данью. В городе воцарилась общая печаль. Каждая семья с содроганием ждала своей участи, ведь жертвы выбирались по жребию. Многие отцы семейств упрекали Эгея, обвиняя его в том, что беды, которые обрушились на афинян, посланы в наказание за его коварство, а сам он, не имея детей, не подвергается опасности осиротеть.

Эти упреки и нарекания слышал Тесей, и они задели его гордость; он понимал чувства отцов и матерей, которым предстояло навек расстаться со своими детьми. Благородный юноша, не дожидаясь жребия, решил добровольно отправиться на Крит. Тщетно Эгей умолял Тесея не оставлять его без сына, а государство без наследника. Тесей настоял на своем.

— Я убью Минотавра,— сказал он отцу,— и избавлю Афины от тяжелой дани.

Перед отплытием Тесей обратился за советом к Дельфийскому оракулу. Выслушав его ответ, Тесей на берегу моря принес жертву

богине любви Афродите, прося ее о покровительстве. Жертва была принята благосклонно.

Настал день, когда Тесей и его спутники, афинские юноши и девушки, взошли на корабль, и моряки подняли парус. Как это бывало и прежде, в знак печали был поднят черный парус. Надеясь все же на возможную победу Тесея и его благополучное возвращение, Эгей велел корабельщикам взять с собой второй, белый парус. Тесей обещал отцу, что в случае своего спасения, на обратном пути, подплывая к родным берегам, поднимет белый парус как знак своего успеха.

Когда Тесей и другие афинские юноши и девушки прибыли на остров Крит, их увидела прекрасная дочь царя Миноса Ариадна. С первого взгляда она пленилась мужественным Тесеем — богиня Афродита внушила ей это чувство. Ариадна решила помочь Тесею спастись от гибели. Она дала ему клубок ниток; по ее совету Тесей привязал нить у входа в лабиринт и, удаляясь вглубь, постепенно разматывал клубок. Так дошел он до центра здания, где обитал кровожадный Минотавр. Тесей вступил в схватку с чудовищем и убил его. Затем, держась за спасительную нить, он вышел из лабиринта и вывел оттуда остальных афинян*.

После этого подвига и спасения от гибели Тесей и его спутники сели на корабль. С ними отплывала и Ариадна, которая любила Тесея, а также боялась наказания отца за помощь, которую она оказала герою. Говорят, что по совету Ариадны Тесей перед отплытием продырявил днища кораблей Миноса, чтобы тот не мог сразу броситься в погоню.

Когда корабль афинян подошел к острову Наксос, Тесей бросил якорь и сошел вместе с остальными на берег, чтобы отдохнуть перед дальним плаванием. Во время отдыха Тесею явился бог Дионис, который оповестил его, что он избрал Ариадну в жены и потому она должна остаться на острове. Страшась гнева богов, Тесей покинул спящую Ариадну, и корабль поплыл дальше.

То ли тоскуя по оставленной на острове Наксос возлюбленной, то ли от радости, что они спаслись и невредимыми возвращаются на родину, Тесей забыл о просьбе отца и не сменил траурный черный парус на радостный белый.

Старик Эгей часто сидел на высокой скале и вглядывался вдаль, в море — не плывет ли афинский корабль. Наконец он увидел приближающуюся темную точку, которая постепенно увеличивалась. Он понял, что это плывет корабль Тесея. Когда корабль приблизился, Эгей четко увидел, что на его мачте поднят черный парус. Эгею стало ясно: сына его нет в живых, и в отчаянии он бросился со скалы в море. С тех пор море это стали называть Эгейским и называют его так до сих пор.

Ничего не подозревая, Тесей и его спутники сошли на берег.

* С тех пор появилось крылатое выражение «нить Ариадны» в переносном смысле — путеводная нить, способная вывести из трудного положения.

Тесей принес благодарственные жертвы богам и вошел в город. К своему удивлению он увидел, что встречают его и спасенных им юношей и девушек не радостно, как можно было ожидать, что лица людей омрачает какое-то горе. Он узнает о гибели отца.

Единственный законный наследник Эгея Тесей становится царем. Начало его правления было ознаменовано многими важными делами, которые предопределили будущее афинского государства.

Жители Аттики жили в городах, часто враждовавших между собой, Тесей задумал объединить жителей страны в единый народ. Он терпеливо обходил всех, уговаривал, призывал селиться вместе, убеждая, что за высокими стенами общего города в случае опасности легче будет защититься от врагов. Говорил он и о других выгодах объединения. Одним Тесею удалось убедить, другие же согласились, боясь его силы*.

Тесей везде уничтожил прежние общинные советы и установил один общий совет, расположив его в городе (тогда он и назвал его Афинами). В ознаменование этого события и в честь богини Афины — покровительницы города — Тесей учредил всеобщий аттический праздник — Панафинеи; его праздновали в последние дни месяца гекатомбеона (в августе). Панафинеи происходили ежегодно, но раз в четыре года они были особенно торжественными и назывались Великими Панафинеями. Во время праздника происходили различные гимнастические и музыкальные соревнования. Победителей награждали венками, амфорами с маслом священного оливкового дерева. Так зародился обычай, сохранившийся до нашего времени — награждение победителей спортивных состязаний кубками.

Тесею также приписывали разделение всех жителей Аттики на три группы: знать, земледельцев и ремесленников. Благородным он предоставил право занимать высшие должности в государстве; земледельцы должны были обеспечивать жителей пищей, а ремесленники снабжать их своими изделиями**.

После этого Тесей добровольно сложил с себя власть.

Так к славе героя Тесей прибавил также славу мудрого законодателя.

Легенда о Тесее призвана была объяснить людям, как возникло знаменитое древнее афинское государство, игравшее огромную роль в истории Греции.

* Соединение всей Аттики в единое государство (синойкизм) на самом деле длилось несколько столетий и не могло быть делом одного человека. Еще в 7 веке до н. э., от которого дошло много археологического материала, юг Аттики (Элевсин) был самостоятельным государством. Чтобы заставить жителей примириться с недавно совершившимся объединением и тем придать ему большую прочность, синойкизм стали приписывать древнему, всеми любимому основателю города — герою Тесею.

** Здесь снова Тесею приписывается реформа, которая могла быть только результатом исторического процесса, продолжавшегося длительное время. Ремесленники, например, как отдельная группа населения появились в Аттике лишь в 7—6 вв. до н. э.

Тесея по-прежнему увлекала жажда подвигов, и мифы приписывают ему участие во многих деяниях крупнейших греческих героев. Имя Тесея упоминалось среди участников знаменитой охоты на гигантского дикого вепря, беспощадно опустошавшего окрестные земли вокруг города Калидона. По другому мифу Тесей вместе с аргонавтами плывал за чудесным золотым руном в царство царя Ээта в Колхиде. Он сопровождал Геракла в страну амазонок, где взял в плен их царицу Антиопу. Тесей женился на Антиопе, и та родила ему сына Ипполита.

Царь воинственного племени лапифов Пирифой услышал о подвигах Тесея и решил отправиться в Аттику, чтобы помериться силой с афинским героем, испытать его, узнать, действительно ли он так могуч, как о нем рассказывает молва.

Придя в Марафонскую долину, где паслось принадлежавшее Тесею стадо быков, Пирифой похитил нескольких животных. Он сделал это для того, чтобы возник повод к борьбе с афинским героем. Тесей погнался за похитителем и, нагнав, схватился с ним. Оба героя так были поражены силой и мужеством друг друга, что прекратили схватку и заключили братский союз. С тех пор Тесей и Пирифой стали друзьями.

Вскоре Пирифой должен был жениться на красавице Гипподамии, и Тесей был приглашен на свадьбу в Фессалию. На торжество прибыло множество гостей. Приглашены были также дикие и суровые кентавры — полулюди-полулошади, жившие на горе Пелион.

Свадебный пир был веселым и шумным. Горело множество огней. Столы ломились от яств и вина. Невеста, улыбаясь гостям, сияла приветливостью и красотой. В разгар пира самый сильный и дикий из кентавров Эвритион, разгоряченный и отуманенный вином, набросился вдруг на невесту Пирифоя, желая ее похитить. Тогда многие кентавры также бросились на других женщин. Лапифы, во главе с Пирифоем, и гости из Эллады ринулись на нарушивших закон гостеприимства кентавров.

Тесей крикнул Эвритиону: «Ты с ума сошел! Ты напал на невесту моего друга! Ты и меня этим оскорбляешь!» — и кинувшись к кентавру, вырвал у него испуганную Гипподамию. Эвритион бросился на Тесея, но тот убил его своей палицей. Тогда все кентавры схватились за оружие. Завязался жестокий бой. Эта битва, как известно, закончилась победой лапифов и изгнанием кентавров из Фессалии.

Последние годы жизни Тесей жил одиноко. После смерти своей второй жены Федры (сестры Ариадны) он принял участие в нескольких опасных приключениях совместно со своим другом Пирифоем. Одно из них — похищение дочери Зевса и Леды — прекрасной спартанки Елены. Она была еще девочкой, но молва об ее удивительной красоте и грации широко распространилась по свету. Позднее, став взрослой, Елена вышла замуж за спар-

танского царя Менелая, и ее красота стала причиной Троянской войны и гибели Трои*.

Тесей и Пирифой прибыли в Спарту и нашли Елену в храме Артемиды, где она приносила жертвы богине. Друзья схватили Елену и увели с собой. Погоня спартанцев была безуспешной. Когда они со своей живой добычей достигли Аттики, Пирифой и Тесей кинули жребий, чтобы решить, кому достанется Елена. Выиграл Тесей. Чтобы утешить друга, Тесей обещал помочь Пирифоему захватить в жены любую другую женщину, какая ему понравится. Тогда Пирифой задумал опаснейшее и нечестивое дело: он решил завладеть Персефоной, супругой владыки подземного царства, властителя теней Аида. Выполняя свое обещание, Тесей вместе с Пирифоем отправился в путь. Они спустились под землю и добрались почти до ворот подземного царства. Устав, они присели на камень, чтобы обсудить, что делать дальше. Но когда захотели встать, то не смогли подняться. Не помогли никакие усилия, их тела крепко приросли к камню. Боги наказали их за нечестивость.

Впоследствии, рассказывает миф, когда Геракл отправился в Аид за адским трехголовым псом Кербером, он проходил мимо сидящих на камне Тесея и Пирифоя. Они умоляли Геракла помочь им. Герой наклонился к Тесею, обхватил его руками, с силой рванул и оторвал от камня. Боги позволили Гераклу совершить это, поскольку Тесей не был зачинщиком богохульства, а лишь выполнял обещание, данное другу. Нечестивца же Пирифоя освободить не удалось, и он остался сидеть, слившись со скалой, к которой прирос.

Когда Тесей возвратился в Афины, он увидел, что там все изменилось. За время его отсутствия братья Елены Диоскуры — близнецы Кастор и Полидевк, искавшие сестру, напали на Афины, освободили Елену, разрушили дворец Тесея, а его мать Эфру увели в плен и сделали рабыней Елены. Только позднее, когда после десятилетней осады пала Троя, внуки Эфры, сражавшиеся против троянцев, освободили свою бабуку.

В Афинах же Диоскуры поставили у власти Менесфея — врага Тесея. Менесфей различными обещаниями привлек к себе народ и своими речами настроил его против Тесея. Не сумев вернуть себе власть, Тесей решил покинуть Афины. Чтобы не возбуждать подозрений, он тайно отослал своих детей и имущество на остров Эвбею. Затем, прокляв неблагодарных афинян, он отплыл на остров Скирос, где у него были родичи и имущество. На Скиросе тогда правил царь Ликомед, который завладел достоянием Тесея. Когда Тесей прибыл на остров и обратился к Ликомеду, тот обманом и обещаниями завлек его на вершину скалы. Он говорил, что оттуда Тесей сможет лучше обозреть свои будущие владения. Тесей поднялся на скалу и, глядя вокруг, встал спиной к Ликомеду. Тот воспользовался этим и

* Миф о похищении юной Клены связывает годы жизни Тесен со временем, предшествующим Троянской войне. Таким образом, миф указывает, что Афины существовали еще в Микенское время. Это подтвердили новейшие археологические раскопки.

столкнул его в море. Ликомед надеялся таким образом заслужить благодарность Менесфея, соперника и врага Тесея.

После смерти захватчика Менесфея сыновья Тесея — Акаманф и Демофонт — овладели Афинами. Существовало поверье, что, несмотря на неблагодарность афинян, Тесей продолжал помогать своему городу и его обитателям. Рассказывали, что в решающий момент битвы против персов в Марафонской долине воины услышали ободряющий голос Тесея и увидели его тень. Это дало им силы победить врагов.

Афиняне считали Тесея своим покровителем. После греко-персидских войн они решили перенести с острова Скирос его прах в Афины. Легенда рассказывает, что посланцы не сразу нашли место погребения героя. Им помог орел, который, словно желая указать могилу Тесея, долго кружился над одним и тем же местом. Там и нашли могилу, а в ней остов человека исполинского роста; подле него лежали медное копье и меч. Афиняне поняли, что нашли останки Тесея.

В торжественной процессии перенесли прах героя и похоронили его в Афинах. Могила Тесея в Афинах считалась священным местом: она сделалась прибежищем рабов, слабых, теснимых, искавших защиты. Тогда же посреди города и был воздвигнут посвященный ему храм — Тесейон, и героя стали почитать как основателя и покровителя Афинского государства.

ЛИКУРГ

Ни один из рассказов о великом спартанском законодателе Ликурге не может считаться вполне достоверным. О его происхождении, государственной деятельности и смерти существуют разноречивые известия.

Незадолго до правления Ликурга в Спарте начались смуты. В народе росло недовольство, богатые угнетали бедных, и часто дело доходило до открытых уличных столкновений. В одной из таких стычек убили отца Ликурга. Он был царем Спарты, и, согласно обычаю, его власть перешла к старшему сыну Полидевку, брату Ликурга. Так как Полидевк скоро тоже скончался, не оставив детей, Ликург стал единственным наследником царского престола. Однако вскоре после воцарения он узнал, что царица, жена его умершего брата, ждет ребенка. Ликург объявил, что, если ребенок его брата окажется мальчиком, он передаст ему престол, а сам, пока ребенок не вырастет, будет управлять государством в качестве опекуна.

Царица родила наследника. Когда мальчика принесли к Ликургу, он положил младенца на трон и сказал: «Вот ваш царь, спартанцы! Давайте назовем его Харилаем, и пусть он правит нами на радость народу!» *

За недолгое свое правление Ликург успел заслужить любовь и уважение сограждан. Люди слушались его не только потому, что он был главой государства, но и потому, что он был мудрым и справедливым человеком. Однако у Ликурга были не только друзья, но и противники. Они всячески старались оклеветать его и распространяли слухи, что царский опекун сам стремится захватить престол.

Ликург опасался, что, если что-нибудь случится с молодым царем, виновником будут считать его. Желая избежать клеветы

* Харилай — по-гречески «любезный народу».

и подозрений, Ликург покинул родину и решил не возвращаться до тех пор, пока у Харилая не родится наследник. Тогда, даже в случае смерти Харилая, Ликург не будет иметь право наследовать престол, и никому не придет в голову подозревать его в убийстве царя.

Спартанцы жалели об отъезде Ликурга и не раз просили его вернуться. Но Ликург не был уверен, что граждане дадут ему возможность провести необходимые преобразования в государстве. Поэтому, прежде чем вернуться, Ликург решил заручиться мнением Дельфийского оракула*.

Пифия встретила входящего в храм Ликурга словами:

Вижу тебя я, Ликург, пришедшего в храм мой богатый...
Как мне тебя называть, я не знаю: хотя схож с человеком,
Все же тебя назову я бессмертным скорее, чем смертным.

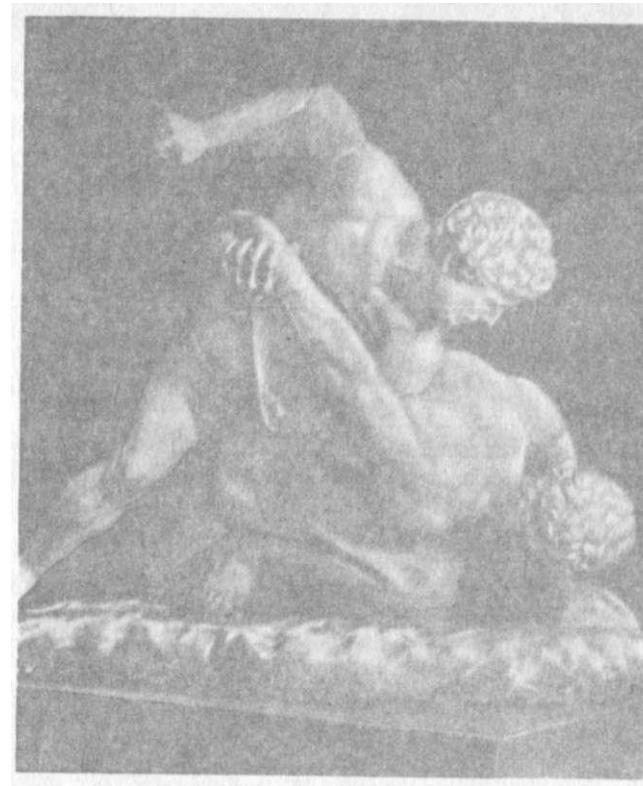
Ликург попросил посоветовать ему лучшие законы. Пифия ответила, что лучше его законов не будет ни у одного государства. Это предсказание ободрило Ликурга, и он вернулся в Спарту, где правил его слабохарактерный племянник Харилай.

Прежде всего Ликург открылся своим друзьям, затем постепенно привлек на свою сторону еще многих. В подходящий момент он с 30 вооруженными друзьями из самых знатных семей занял городскую площадь. Харилай, думая, что заговор направлен против него, бежал, укрывшись в храме Афины. Однако, поняв, что ему нечего бояться, Харилай вышел из своего убежища и вместе с остальными аристократами решил участвовать в преобразованиях.

Важнейшим государственным органом по законам Ликурга стала герусия — совет старейшин (по-гречески — геронтов). Герусия решала споры и давала указания даже царям. Дело в том, что во главе Спарты издревле стояли два царя. Они происходили из двух постоянно враждовавших между собой родов — Агиадов и Еврипонтидов. Одновременно с Харилаем, происходившим из рода Еврипонтидов, в Спарте правил Архелай из рода Агиадов. Оба царя ненавидели друг друга: каждый стремился к единоличной неограниченной власти, которую в Греции называли деспотией. Эта вражда ослабляла государственный строй.

По закону Ликурга, цари сохраняли свое старое значение только на войне. В походе они по-прежнему обладали властью над жизнью и смертью граждан. В мирное время спартанские цари входили в герусию в качестве рядовых членов. Остальные 28 членов герусии выбирались народом пожизненно из числа стариков не моложе 60 лет. Выборы назначались, когда кто-либо из геронтов умирал, и таким образом общее число членов герусии всегда составляло 30

* Дельфийский оракул — общегреческое святилище. Предсказания (оракулы) давались пифией, жрицей бога Аполлона и нарочито неясной форме.

Борцы. Римская копия с бронзового оригинала

человек, включая царей. Это число, по мнению древних, определилось тем, что именно 30 аристократов вышли некогда с Ликургом на площадь. Они и стали первыми членами герусии. В течение всей истории Спарты совет старейшин сохранил свой аристократический характер. Хотя по закону любой спартаец, достигший 60 лет, мог стать геронтом, но обычно в герусию выбирали старцев из наиболее влиятельных семей.

Для того чтобы цари, геронты и народ не спорили между собой из-за власти, Ликург составил соглашение между ними — закон о разделении власти.

«Пусть,— говорилось в законе,— народ будет разделен и по месту жительства и на племена, пусть в герусию входит вместе с царями 30 человек, а народ время от времени собирается у реки Эвроты на собрания. Там пусть народу предлагают решения, которые он может принять или отклонить. У народа пусть будет высшая власть и сила».

Аристократы остались недовольны этим законом, предоставляв-

шим окончательное решение всех вопросов народу. После смерти Ликурга они приняли добавление к закону: «Если народ примет неправильное решение, геронты и цари могут отвергнуть его и распустить народное собрание».

С этого времени, по-видимому, окончательно установился порядок проведения народных собраний в Спарте. Площадь, где происходили собрания, отличалась простотой: не было здесь ни портика — галереи для защиты от солнца, ни статуй, ни других украшений. Спартанцы боялись, как бы удобство и красота не породили в ораторах многоречивость, что привело бы к долгим заседаниям. На открытой, не защищенной от ветра площади, где негде было даже присесть, собрание шло быстро. Выслушав краткую речь царя или геронта, народ криком одобрял или отвергал внешнее предложение. Никому, кроме царей и геронтов, не разрешалось высказывать свое мнение.

Такой порядок ведения государственных дел давал возможность аристократам почти бесконтрольно решать все вопросы управления. Однако народ не желал терпеть несправедливость, и через 130 лет после правления Ликурга была учреждена должность эфоров. Правда, некоторые древнейшие писатели утверждали, что эта должность существовала еще при Ликурге. Но тогда эфоры были просто жрецами-прорицателями * и не играли существенной роли в управлении государством. Позднее же стали регулярно выбирать по одному эфору от каждой из пяти областей страны. В отсутствие царей они вершили суд и расправу над гражданами. В их обязанности входило проверять деятельность должностных лиц и следить, чтобы спартанские законы выполнялись. В случае нарушения карали даже царей. И действительно, контроль за поведением царей привел к тому, что они вынуждены были считаться с народом, опасаясь, чтобы их образ жизни не вызвал народного гнева.

Самым важным и смелым из преобразований Ликурга был передел земли. Все богатство в это время скопилось в руках немногих аристократов, а бедняки, потерявшие свою землю, угрожали восстать и уничтожить власть богачей. Ликург убедил сограждан отказаться от владения землей в пользу государства, с тем чтобы никто больше не мог продавать или покупать землю. Вся землю разделили на равные участки, и каждая спартанская семья получила равный надел. Этим Ликург хотел уничтожить бедность и богатство и заставить всех жить в одинаковых условиях, чтобы никто не был выше другого. Каждый участок обеспечивал семью ячменной мукой и растительным маслом, чего, по мнению Ликурга, было достаточно человеку, чтобы сохранить здоровье и не нуждаться в самом необходимом.

* Слово «эфор» по-гречески означает «наблюдатель», «надзиратель». Так называли жрецов, наблюдавших за звездами и утверждавших правильность избрания царей. Если во время наблюдения падала звезда, это означало, что один из царей должен быть смещен.

Чтобы окончательно уничтожить всякое неравенство, Ликург хотел переделить не только землю, но и движимое имущество.

Однако он понимал, что богачи никогда не согласятся на это, и решил обмануть корыстолюбивых людей. Для этого он убедил их принять такие законы, которые бы сделали богатство бесполезным грузом, так что многие сами рады были бы отказаться от своей собственности.

Прежде всего он запретил пользоваться золотой и серебряной монетой и приказал принимать только железные деньги. Чтобы сделать железо, из которого готовились новые деньги, совершенно бесполезным, Ликург приказал опускать его раскаленным в уксус. Это лишало металл твердости, делало его хрупким и совершенно негодным для каких-либо изделий.

Эти деньги были настолько громоздки и малоценны, что, для того чтобы держать их дома, нужно было строить большую кладовую и перевозить деньги на телеге.

Благодаря новой монете в Спарте прекратились преступления: кто решился бы воровать, брать взятку или грабить, раз нельзя было скрыть свою добычу?

Затем Ликург запретил в Спарте все ремесла. Впрочем, даже если бы Ликург не изгонял ремесленников, они исчезли бы сами, так как вещи не находили сбыта. Железные деньги не шли в других государствах: на них ничего нельзя было купить, и приезжие ремесленники только смеялись, когда кто-либо пытался расплатиться железными деньгами. Роскошь исчезла в Спарте, и богатчеловек теперь никакого преимущества перед бедным.

Третьим проведенным Ликургом преобразованием, также направленным на уничтожение стремлений граждан к накоплению богатств, было учреждение сисситий — совместных обедов свободных спартанцев. Но сиссития была не просто общим обедом, это было товарищество из 15—20 человек, называвшихся сисситами, служивших обычно в одном военном отряде и связанных тесной дружбой.

Ликург хотел, чтобы члены сисситий стали друзьями и готовы были умереть друг за друга. Каждого новичка вводили в палатку, где ели сисситы, и раб с чашей на голове обходил всех. Тот, к кому подходил раб, скатывал из хлеба шарик и кидал его в чашу. Никто не мог увидеть, если кто-нибудь, опуская шарик, слегка сдавливал его пальцами. Сдавленный шарик означал, что бросивший его человек не хочет принять новичка в сисситию. Этого было достаточно для отказа, так как решение о принятии должно было быть единогласным.

Нельзя было допустить, считал Ликург, чтобы хотя бы два человека в сисситии не любили друг друга. Это могло внести раскол в товарищество и привести к страшным последствиям, если сисситам придется сражаться плечом к плечу на поле боя.

Каждый сиссит должен был ежемесячно вносить в общий котел одну меру ячменя (на каждый день выходило около двух кило-

граммов), немного сыра, фруктов, несколько кружек вина*. Кроме того, каждый, кто приносил жертву богам, посылал в сисситию лучшую часть убитого животного. Охотники тоже приносили часть своей добычи.

Тот, кто опаздывал из-за жертвоприношения или охоты, мог обедать дома, но остальные должны были приходиться к обеду вовремя. Спартанцам было запрещено приходиться на сисситии сытыми. Все строго наблюдали за тем, чтобы никто не оставлял свою порцию несъеденной. Это было признаком того, что сиссит поел где-то в другом месте, то есть что он считает общий стол недостаточно хорошим для себя. Такой человек подвергался штрафу и мог быть исключен из сисситии.

Любимым кушаньем сисситов была похлебка. Она готовилась из чечевицы и бычьей крови. Особенно любили ее старики, которые даже отказывались ради нее от мяса, отдавая свою долю молодым. Тяжелые физические упражнения и скудность пищи делали для спартанцев вкусным то, что другим грекам казалось несъедобным.

На сисситии допускались дети. Считалось, что им полезно слушать разговоры и перенимать опыт старших. Кроме того, они учились высмеивать недостатки, не оскорбляя людей. Когда мальчик впервые переступал порог палатки, где обедали спартанцы, старший из сисситов говорил: «За эту дверь не должно выйти ни одно произнесенное здесь слово».

Спартанских мальчиков приучали к мысли, что обижаться на шутку глупо и недостойно спартанца. Находились все-таки люди, не переносившие шуток. Достаточно было такому человеку сказать, что смех ему неприятен, и насмешник сразу умолкал.

Вводя обязательные совместные трапезы, Ликург лишил богачей и Спарте возможности вкусно поесть — одной из главных радостей, которые может дать богатство. Именно введение сисситий больше всего восстановило богачей против Ликурга. Они до того были злы на правителя, что однажды побили его палками и выбили ему глаз. Народ, однако, заступился за реформатора и наказал богачей. Обычай обедать вместе сохранялся в Спарте в течение многих столетий.

Законы Ликурга не были записаны. По его мнению, все, что важно и необходимо для счастья государства, должно войти в обычай и образ жизни граждан с самого раннего детства. Вот почему основное внимание законодателя было обращено на воспитание детей.

Ликург считал, что заботу о детях надо начинать с заботы о матерях. Женщина должна быть здоровой и веселой. Только тогда ее дети будут крепкими и сильными. По законам Ликурга, девушки должны бегать, бороться, бросать диск, метать копье. Подобно юношам, они должны были присутствовать *на* праздниках, участвовать

* Греки разбавляли вино водой, и этот напиток служил им вместо нашего чая; они считали позором пить неразбавленное вино и презирали пьяниц.

в плясках и петь в хоре. В своих песнях девушки славили сильных и храбрых и возбуждали у молодежи горячее желание отличиться.

Женщины в Спарте участвовали в соревнованиях, в которых они могли показать свое мужество и приобрести славное имя. Вот как ответила спартанская царица Горго одной иностранке, когда та упрекала спартанок в том, что женщины у них распоряжаются своими мужьями: «Но ведь мы и рождаем мужей».

Оставаться холостым считалось в Спарте позорным. По приказу властей холостяки должны были зимой раздетыми обходить рыночную площадь и петь песню, в которой говорилось, что они наказаны за неповиновение обычаям. Молодые люди не оказывали холостякам тех знаков уважения, которые принято оказывать старшим. Рассказывают, что, когда однажды холостой полководец вошел в палатку, один молодой воин не встал, чтобы его приветствовать. В ответ на замечание юноша сказал: «Я не обязан вытягиваться перед тобой, ведь у тебя нет сына, который будет впоследствии вставать передо мной».

В Спарте отец не имел права решать судьбу своего ребенка. Сразу после рождения сына отец приносил его в назначенное место, где заседали старейшины. Внимательно осмотрев младенца, старцы, если находили его здоровым и крепким, разрешали отцу растить ребенка и отводили новорожденному надел земли. Если же ребенок оказывался слабым, его приказывали бросить в пропасть, считая, что самому ему лучше не жить и для государства полезнее будет, когда среди граждан не станет слабых и больных.

Детей не пеленали, отучали от страха перед темной и одиночеством, от капризов и нытья, заставляли есть всякую пищу. Дети вырастали здоровыми, а спартанские няньки славились по всей Греции.

Никто не имел в Спарте права воспитывать детей по своему усмотрению. Купленные или наемные педагоги не допускались к детям. В семь лет мальчиков отбирали от родителей и объединяли в небольшие отряды. Здесь их воспитывали всех вместе, приучая к суровой дисциплине. Во главе каждого отряда (который назывался агелой) стоял человек, прославившийся рассудительностью и мужеством. Дети во всем брали с него пример, подчинялись ему и покорно терпели наказания. Старики наблюдали за игрой ребят и часто, нарочно ссоря их, вызывали драки, чтобы выяснить, кто из детей храбрее.

Грамоте мальчиков учили только в пределах необходимости, чтобы они умели прочитать приказ или подписать свое имя. Остальное обучение сводилось к воспитанию безоговорочного повиновения. Спартанцы должны были терпеливо переносить лишения и побеждать в битвах.

По мере того как мальчики вырастали, условия воспитания становились все более суровыми: их стригли коротко, заставляли ходить босиком и в любую погоду играть без одежды. В двенадцать лет им выдавали плащ, который они должны были носить круглый

год. Горячей водой им почти не разрешалось мыться. Спали юные спартанцы все вместе на связках тростника, который приносили себе сами с берегов Эвроты, ломая его руками.

Старшие внимательно следили за развитием детей, ходили в школы, наблюдали за занятиями. За детьми здесь смотрел воспитатель — педоном, и, кроме того, они сами выбирали в каждой агеле вожака — самого сильного и умного юношу. Это мог быть только юноша, который уже более года как вышел из детского возраста. Такие юноши назывались иренами. 20-летний ирен командовал потешными сражениями, которые мальчики разыгрывали, чтобы приучиться к войне.

Дети сами добывали себе дрова и пропитание. Все это они вынуждены были красть. Одни отправлялись в сады, другие прокрадывались в сисситии, стараясь проявить наибольшую хитрость и осторожность. Юным спартанцам умышленно выдавали слишком скудное питание. Их приучали собственными силами бороться с лишениями и воспитывали из них людей ловких и хитрых. Им приходилось не только тайно воровать продукты, но иногда даже нападать на сторожей и силой отбирать необходимое. Попадавшего без пощады били плетью, как неловкого вора, и заставляли голодать.

Боясь наказания, мальчики старались любой ценой скрывать свои преступления. Рассказывают, что один из них украл лисенка и спрятал его у себя под плащом. Зверь распорол ему когтями и зубами живот, но, не желая выдать себя, мальчик крепился и не кричал, пока, обливаясь кровью, не упал мертвым. Этому вполне можно поверить, зная, что многие из мальчиков умирали во время бичевания на алтаре Артемиды*.

После обеда ирен, не выходя из-за стола, проводил с мальчиками нечто вроде занятий: одним он приказывал петь, другим задавал различные вопросы. Эти беседы должны были научить детей отличать хорошее от дурного и судить о поведении людей. Ирен часто наказывал детей в присутствии стариков, чтобы те могли судить, правильны ли его приемы воспитания. Во время наказания старшие не вмешивались в распоряжения юноши, но после того как дети уходили, с него взыскивали, если он наказал строже, чем следовало, или был чересчур мягок и снисходителен.

Детей приучали выражать свои мысли коротко и точно, несколькими простыми словами**. Сам Ликург выражался всегда кратко и отрывисто. Когда кто-то стал требовать, чтобы он ввел в государстве демократию, он сказал: «Введи сперва демократию у себя дома».

Однажды спартанцы спросили Ликурга: «Как сделать, чтобы соседние страны не нападали на нас?» Он отвечал: «Оставайтесь бедными и не будьте ни в чем богаче соседей».

* В Спарте существовал обычай при переводе мальчиков в ирены подвергать их публичному бичеванию на алтаре богини Артемиды. Юноши должны были

доказать пренебрежение к боли.

** Современное слово «лаконизм» (краткость в выражении мысли) происходит от названия области в Спарте — Лаконии.

Вообще спартанцы любили короткие и остроумные ответы. Когда человек говорил умно, но некстати, ему говорили: «Ты говоришь дело, но не к делу».

Однажды в присутствии спартанского царя ругали какого-то философа за то, что на званом царском обеде он не сказал ни слова. Защищая его, царь заметил: «Кто умеет говорить, умеет и выбирать для этого время».

Один человек надоел спартанскому царю вопросами, кто лучший из спартанцев. Никто не удивился, когда царь ответил ему: «Тот, кто меньше всего похож на тебя».

Многие восхищались беспристрастностью устроителей Олимпийских игр при присуждении премий. «Что ж удивительного,— сказал спартанец,— если люди один день в четыре года умеют быть справедливыми».

Когда у царя Архидама спросили, много ли в Спарте войска, он сказал: «Хватит, чтобы прогнать трусов».

Из ответов спартанцев можно составить представление о тех правилах поведения, которых они придерживались. С детских лет спартанцы приучались без особой необходимости не высказывать своих суждений и говорить только то, что нужно.

Однажды спартанец прочел надгробную надпись на братской могиле. После перечня имен шли слова: «Когда они тушили пламя тирании, они пали в бою».

«Так им и надо! — неожиданно сказал спартанец,— Не следовало тушить пламя тирании. Пусть бы сгорела дотла!»

Много внимания в Спарте уделяли хорошему пению. Спартанские песни были мужественны, просты и безыскусственны, но вместе с тем серьезные и поучительны. Они прославляли павших за Спарту, порицали трусов и призывали к подвигу. Вот, например, одна из спартанских песен. Хор стариков начинал: «Когда-то мы были молоды и храбры!» Старикам отвечал хор мужчин: «Теперь храбры мы! Попробуй, если хочешь!» Детский хор подхватывал: «А мы со временем храбрее всех вас будем!»

Высоко ценилась в Спарте музыка. В бой спартанцы шли под звуки флейт. Спартанский поэт говорит: «Хорошая музыка действует на душу не меньше, чем оружие».

Когда юноши становились воинами, строгость их воспитания несколько смягчалась. Им разрешали следить за красотой платья, волос и оружия. Перед боем юноши старались особенно тщательно украсить себя: они расчесывали волосы и смазывали их маслом, помня изречение Ликурга: «Волосы красивых делают красивее, безобразных — еще безобразнее».

В походах гимнастические упражнения молодежи были не такими трудными, да и в остальной жизни была легче. Спартанцам война казалась отдыхом по сравнению с бесконечными упражнениями мирного времени.

Когда войско выстраивалось перед битвой, царь приносил жертвы богам и приказывал всем воинам надеть венки. Под звуки флейт

начиналась военная песня. Величественное и торжественное зрелище представляла шеренга людей, шагавших в такт музыке. Ряды были сомкнуты, ничье сердце не замирало от страха, они шли навстречу опасности с песней, спокойно и весело. Рядом с царем шел воин, победивший на последних Олимпийских играх.

Рассказывают, что одному спартанцу предлагали большую сумму за то, чтобы он сдался и уступил своему сопернику честь победы на Олимпийских играх. Когда он не принял денег и после трудной борьбы одержал победу, его спросили: «Какая тебе польза от твоей победы, что ты ради нее отказался от возможности стать богатым человеком?» — «В сражении я пойду рядом с царем впереди войска», — гордо ответил победитель.

Обратив неприятеля в бегство, спартанцы его преследовали недолго и скоро возвращались. Им казалось низким и недостойным рубить и убивать отступавших врагов. Этот обычай был не только великодушным, но и полезным, так как неприятельское войско, зная, что убивают лишь сопротивляющихся, часто предпочитало бежать, а не сражаться.

По замыслу Ликурга, воспитание спартанца не заканчивалось в тот момент, когда он становился взрослым. И зрелые люди должны были жить так, как предписывал обычай. Спарта была похожа на лагерь, где был установлен строго определенный образ жизни для каждого. Если спартанцам не давалось никаких других поручений, они смотрели за детьми, учили их чему-нибудь или сами учились у стариков.

У спартанцев было много свободного времени, так как заниматься ремеслами или другим полезным трудом им было строго запрещено. Беседы друг с другом, танцы, игры, охота, песни и гимнастические упражнения поглощали весь досуг спартанцев, когда они не были заняты войной.

Когда один спартанец, побывав в Афинах, узнал, что там осудили человека за праздность, он попросил показать ему осужденного за любовь к свободе. Так глубоко спартанцы презирали всякий труд, что нежелание работать они называли «любовью к свободе».

Спартанцы могли жить беззаботно, потому что землю за них обрабатывали илоты. Это были потомки поработанного спартанцами населения, оставшиеся жить на тех участках земли, которыми они владели раньше. В их обязанность входило отдавать завоевателям значительную часть урожая. Илоты и участки земли, которые те обрабатывали, были равномерно поделены между спартанцами. Каждая спартанская семья получала с принадлежавшего ей участка достаточное количество продуктов.

Так как илотов было значительно больше, чем самих спартанцев, то спартанцы постоянно опасались восстаний. Чтобы предупредить восстания илотов, и были учреждены так называемые криптии. Это дало основание обвинять Ликурга в жестокости и несправедливости. Криптия заключалась в следующем. Время от

времени эфоры посылали за город юношей, вооруженных кинжалами. Днем молодые люди скрывались, а ночью выходили на дорогу и убивали илотов. Чтобы придать этим гнусным убийствам вид законности, эфоры, вступая в должность, объявляли илотам войну. Иногда они направляли большие отряды юношей в деревни, чтобы внезапным нападением уничтожить самых сильных и смелых илотов.

Рассказывают, что однажды спартанцы дали двум тысячам отборных илотов свободу. Радостные, надев венки, обходили илоты храмы, чтобы принести благодарность богам за внезапное счастье. Но ночью все они исчезли, и никто не мог рассказать, каким образом они погибли*.

Вообще спартанцы обращались с илотами крайне жестоко. Иногда они нарочно заставляли илотов пить неразбавленное вино, чтобы, доведя их до состояния опьянения, показать юношам, как ужасен порок пьянства. Илотам под угрозой страшных наказаний было запрещено петь песни свободных. Правильно заметили греки, что если свободный в Спарте наиболее свободен, то раб здесь находится в наиболее рабском состоянии.

Когда важнейшие из законов Ликурга вошли в жизнь, он созвал всех граждан на народное собрание. Законодатель сказал, что, для того чтобы сделать всех счастливыми, он должен провести еще одно, самое главное преобразование. Для этого ему надо еще раз посетить Дельфийский оракул, и поэтому Ликург попросил геронтов и всех граждан дать клятву не изменять ничего в законах до его возвращения. Все поклялись, и Ликург уехал в Дельфы. Оракул возвестил, что законы его прекрасны и что до тех пор, пока Спарта будет верна этим законам, она будет процветать и господствовать над другими государствами.

Послав это прорицание на родину, Ликург решил добровольно умереть, чтобы не дать возможности согражданам когда-нибудь изменить его законы. Ведь они обещали не проводить никаких реформ до его возвращения. Ликург был как раз в тех годах (ему было около 85 лет), когда, по мнению древних, можно еще жить, но хорошо и умереть, особенно тому, у кого все желания уже исполнились.

Ликург считал, что смерть общественного деятеля должна быть полезна государству. Кончина должна быть достойным завершением жизни. Простившись с друзьями и сыном, Ликург отказался принимать пищу и вскоре умер от голода. Он боялся, что его останки перенесут в Спарту и граждане будут считать себя свободными от клятвы. Поэтому перед смертью он распорядился сжечь его труп и бросить пепел в море.

Надежды не обманули Ликурга. Пока Спарта придерживалась его законов, в течение нескольких столетий, она оставалась одним из самых сильных государств Греции. Только в конце V в. до н. э., когда в Спарту вместе с золотом и серебром проникли корысть

* О таинственности, которой было окружено истребление илотов, говорит само название этого организованного убийства: «криптия» по-гречески значит «тайная».

и имущественное неравенство, законам Ликурга был нанесен смертельный удар.

В эпоху, когда, по преданию, жил легендарный законодатель Ликург, письменность в Греции только зарождалась и не было еще никаких исторических записей. Все, что было рассказано здесь о Ликурге, мы узнали от историков, живших на много столетий позже, главным образом от Плутарха. Греческие историки приписывали Ликургу все законы, существовавшие в Древней Спарте в эпоху ее расцвета. Но на самом деле они были приняты много позднее и, конечно, не благодаря деятельности какого-либо мудрого законодателя, а в результате борьбы бедняков за свои права. Греческие историки подчеркивали положительные стороны спартанского образа жизни, считая, что только после смерти Ликурга спартанцы перешли к паразитическому существованию, живя за счет чужого труда. На самом деле суровые законы, приписываемые Ликургу, с самого начала устанавливали для спартанцев порядки, необходимые для того, чтобы держать илотов в постоянном страхе.

СОЛОН *

Знаменитый афинский законодатель и поэт Солон считался в древности одним из «семи мудрецов» **. Он происходил из знатного, но обедневшего рода. Отец Солона был человеком небогатым, и после его смерти у сына не осталось почти никаких средств к существованию. Принимать помощь от чужих людей юноша не хотел и поэтому решил попытать счастья за морем.

В те времена в Афинах торговлей с заморскими странами занимались только немногие смельчаки. На кораблях они отправлялись с афинскими товарами в дальние страны, а оттуда привозили дорого ценившийся в Афинах хлеб. Подобное путешествие было делом опасным, но зато одна удачная поездка могла сделать человека богатым.

Солон отправлялся в плавание не только ради наживы, но и для того, чтобы повидать свет, приобрести жизненный опыт и познакомиться с жизнью разных народов. К наживе ради наживы Солон не стремился. В своих стихах он писал, что одинаково богаты и те,

...у кого серебра в изобилие,
Золота много, земли и плодородных полей,
Есть и кони и мулы. Но счастлив и тот, кто имеет
Крепкие бедра и грудь, силу и резвость в ногах...

Солон разбогател, но хвое доброе имя и доблесть он ценил выше приобретенного богатства.

Вернувшись на родину, Солон застал в Афинах ожесточенную

* Биография Солона была составлена Г. А. Стратановским для книги «Знаменитые греки». Л.,

** Семь мудрецов древности — выдающиеся ученые, пользовавшиеся у греков всеобщим уважением. Кроме Солона к ним причисляли Питтака, Клебула, Периандра, Хилона, Бианта и Фалеса Милетского.

борьбу различных групп населения. Простой люд не имел земли и находился в кабале у кучки знатных (эвпатридов). Народ требовал земли и свободы и боролся против власти эвпатридов. Солон стал на его сторону и вскоре приобрел уважение и любовь простых людей. Свой чудесный дар поэта Солон отдал на службу народу. Он стал сочинять стихи, которые в Афинах все знали наизусть; в них поэт внушал необходимость взаимных уступок и примирения для блага родины.

В это время Афины вели долгую и тяжелую войну за остров Саламин с соседним государством Мегарами. Остров этот закрывал путь кораблям в Афины и из Афин. Мегарцы, владевшие островом, могли легко помешать привозу хлеба в Афины (своего хлеба в Афинах не хватало), и тогда городу грозил голод. Афинянам необходимо было захватить Саламин, чтобы открыть свободный подвоз хлеба. На короткое время афинскому войску удалось овладеть островом, но внутренние волнения и борьба партий привели к тому, что удержать его не смогли.

Правившие в Афинах богатые эвпатриды имели достаточно хлеба со своих полей и не нуждались в заморской торговле. Война за Саламин не сулила им выгод, поэтому они издали закон, под страхом смерти запрещающий поднимать в народном собрании вопрос о Саламине.

Простые люди — ремесленники, матросы, торговцы, портовые рабочие — стояли за продолжение войны, так как прекращение морской торговли вело к росту цен на хлеб, а это означало для них разорение и нищету.

Во главе городского люда Солон боролся за возобновление войны. Чтобы обойти закон, запрещающий поднимать вопрос о Саламине, он притворился сумасшедшим.

Как-то раз афиняне увидели странного человека с маленькой шапочкой на голове*, который вприпрыжку бежал к городскому рынку. Это был Солон. На рынке его окружила толпа зевак: слух о его помешательстве уже распространился по городу. Солон забрался на камень, с которого обычно говорили ораторы в народном собрании, но вместо речи стал читать нараспев свои стихи:

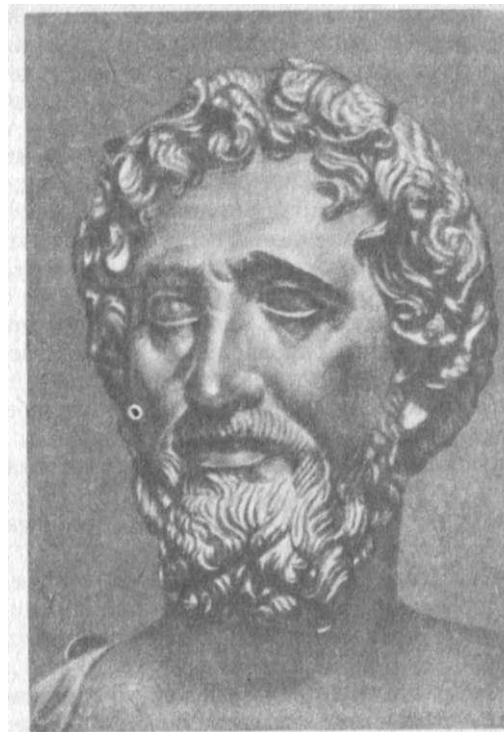
На Саламин поспешите, сразимся за остров желанный,
Этим с себя и с Афин тяжкий мы снимем позор...

Народ откликнулся на призыв Солона и заставил отменить суровый закон, запрещающий вспоминать о Саламине. Война вскоре возобновилась. Во главе афинского войска встал Солон.

Вскоре он со всем флотом отплыл к мысу, лежащему против острова Саламин. Здесь афинские женщины справляли тогда праздник фесмофорий в честь богини Деметры**. Солон приказал

* Обычно греки ходили с непокрытой головой, но больным врачи предписывали надевать шапочку.

** Деметра — богиня, покровительница земледелия? Фесмофории — пятидневный праздник в честь Деметры, справлявшийся по окончании земледельческих работ.

Солон

женщинам уйти прочь, а юношам, еще не имеющим бороды, переодеться в одежды женщин, спрятать под платком оружие и делать вид, что они продолжают празднество. После этого Солон послал на Саламин верного человека, который должен был выдать себя за перебежчика и посоветовать мегарцам побыстрее отправить корабль на аттический берег, где они смогут захватить знатных афинских женщин.

Мегарцы поддались на обман: они высадились на берегу Аттики. Афинские воины неожиданно напали на них и всех перебили. Затем афиняне поплыли на Саламин и овладели островом.

Торжество афинян было полным. Солон прославился и стал самым знаменитым человеком во всей Аттике.

Большинство жителей Аттики во времена Солона занимались сельским хозяйством. Однако уже начали развиваться и ремесла. Кроме крестьян и знати в Афинах уже жило немало ремесленников, моряков и торговцев, а также иностранцев-метеков. Большинство эвпатридов владели своими родовыми землями и обрабатывали их

с помощью рабов и свободных крестьян. В руках крестьян были только мелкие участки земли. Лучшие земли захватили эвпатриды, а крестьяне зачастую с трудом могли прокормить свои семьи. Им приходилось просить у знати в долг семена, рабочий скот, земледельческие орудия.

Мало-помалу крестьяне попадали в долговую кабалу к богачам-эвпатридам или к городским ростовщикам. Трудясь с раннего утра до позднего вечера, крестьянин не мог избавиться от долгов, так как отдавал значительную часть своего урожая эвпатриду. В случае неуплаты в срок земля переходила к кредитору, а крестьянин вместе с семьей становился рабом.

Многие крестьяне, измученные непосильным трудом, вынуждены были бросать свои участки, продавать детей в рабство и бежать в город. Наиболее отважные поднимали восстания против эвпатридов, требовали отмены долгов и возвращения своей земли.

Народ хотел поставить во главе Афин человека, который смог бы провести необходимые реформы. Взоры всех обратились на Солона. Богатые поддерживали его как человека зажиточного и осторожного, а бедные знали, что он не принимал участия в несправедливых делах эвпатридов.

В 594 г. до н. э. Солон избрали архонтом *, чтобы он прекратил внутренние раздоры. Солон стал посредником между борющимися партиями и получил право отменять или сохранять старые законы и вводить новые.

Обе партии предлагали Солону сделаться единоличным правителем для того, чтобы он мог действовать более решительно. Однако Солон отказался, говоря, что тирания — это такое место, на которое не так трудно забраться, как трудно его оставить; да и для государства тирания может стать злом.

Но, отказавшись от единоличной власти, Солон не проявил и излишней мягкости. Он твердо и решительно провел необходимые реформы. По его словам, старался «сочетать силу со справедливостью» и, где только можно, сохранять старые порядки и учреждения. Солон боялся крайностей и потому не хотел и не мог полностью удовлетворить требования обездоленного народа. «Если в государстве перевернуть все вверх дном, то потом не хватит сил поставить все на место», — утверждал он.

Крестьяне требовали, чтобы землю распределили всем поровну. Солон был против этого и утверждал, что нельзя

дать худым и благородным долю равную иметь...

Эвпатридов Солон призывал не быть столь жадными, напоминая, что народ не откажется от своих прав.

Прежде всего, Солон издал закон, который должен был удержать бедняков от немедленного восстания. Он отменил все долговые

* Архонт (по-гречески — «начальник») — должностное лицо в Афинах. На каждый год выбирали 9 архонтов, которые ведали всеми важнейшими делами в государстве.

обязательства и запретил на будущее время обращать афинских граждан за долги в рабов. В Афинах существовал обычай ставить на земле должников каменные столбы, на которых обозначались сумма долга и срок его уплаты. Пока на поле стоял такой столб, крестьянин не мог распорядиться своим урожаем. Весь собранный хлеб принадлежал кредитору.

Солон приказал снять с полей все такие столбы.

Проданных за долги в рабство за границу Солон велел разыскать и выкупить за государственный счет.

Солон с гордостью писал в одном из своих стихотворений, что о пользе его деятельности свидетельствует сама земля Аттики, освобожденная им от рабства:

...Мать черная Земля, с которой снял тогда
Столбов поставленных я много долговых,
Рабыня прежде, ныне же свободная.
На родину, в Афины, в богозданный град
Вернул я многих, прежде в рабство проданных...
Иных, еще в позорном рабстве живших здесь
И трепетавших перед прихотью господ,
Всех я освободил...

Этот закон Солона называли «сисахфия», что значит «освобождение от бремени».

Однако бедняков не удовлетворил новый закон, они были недовольны тем, что Солон не разделил землю поровну и не установил полного равенства граждан, как это сделал в свое время в Спарте Ликург. Впрочем, афиняне продолжали верить Солону и поручили ему составить новые законы для государства.

Солон начал с отмены старинных законов Драконта, которыми за все преступления, даже самые мелкие, установлено было только одно наказание — смерть *,

Затем Солон приступил к преобразованию управления государством. До этого времени власть в Афинах принадлежала эвпатридам, народ не участвовал в управлении. Все дела вершил совет знати (ареопат), который назначал должностных лиц — архонтов. Суд также находился в руках знатных. Народное собрание не имело почти никакого значения. Солон привлек к управлению государством не только эвпатридов, но и богатых людей простого происхождения. Всех граждан он разделил на четыре разряда в зависимости от их дохода. Граждане первых трех разрядов могли занимать государственные должности и несли службу в сухопутной армии. Бедняки (феты) имели право участвовать только в народном собрании и в судах. У них не было средств на приобретение оружия, и потому в армии они составляли вспомогательные отряды или служили гребцами на кораблях.

Высшей законодательной властью в Афинах стало народное

* Драконт (Дракон) — составитель первого афинского письменного свода законов (около 620 г. до н. э.). В современном языке «драконовскими» называют чрезмерно жестокие законы.

собрание. В нем могли участвовать все полноправные афинские граждане; рабы, женщины и метеки не имели никаких политических прав.

Из старых государственных учреждений Солон сохранил ареопаг, поручив ему наблюдение за выполнением законов.

Солон поощрял развитие ремесел. Для того чтобы в стране не было нищих, он издал закон, по которому сын мог не кормить престарелого отца, если тот не выучил его какому-нибудь ремеслу.

Законы Солона должны были действовать в течение 100 лет.

Половинчатость новых законов вызывала постоянное недовольство. К законодателю ежедневно приходили люди: одни просили у Солона разъяснений, другие требовали добавлений к законам и изменений.

...я словно волк вертелся среди стаи псов,

— вспоминал Солон об этом времени.

Солон решил покинуть Афины на 10 лет. Он считал, что за эти годы граждане привыкнут к новым законам, и взял с них клятву, что они ничего не будут менять в законах до его возвращения.

Во время своих странствий Солон побывал в Египте, на острове Кипре, а затем по просьбе лидийского царя Креза приехал в его столицу Сарды, в Малой Азии. Крез * считался самым богатым из царей того времени. Его дворец блистал великолепием, одежды придворных — роскошью. Каждого встреченного им во дворце придворного Солон принимал за царя. Когда же наконец Солон привели к самому Крезу и царь приказал открыть перед афинянином свою сокровищницу, все ожидали, что изумлению Солона не будет границ. Однако Солон остался безразличным.

«Знал ли ты кого-либо счастливее меня?» — спросил царь.

«Да, конечно,— ответил Солон.— Моего земляка Телла. Он был честным и порядочным человеком, умер, сражаясь за родину, и детей своих воспитал так, что они стали хорошими и уважаемыми гражданами».

Крез был очень удивлен, что гость предпочитает судьбу ничтожного афинянина его судьбе. Надеясь, что тот одумается, он спросил: «Кто же, по-твоему, самый счастливый человек после Телла?» Теперь уж он не сомневался, что Солон назовет его имя. Но вместо этого Солон рассказал ему о двух братьях, Клеобисе и Битоне, мать которых была жрицей богини Геры. Юноши выросли могучими богатырями и всегда побеждали во всех состязаниях.

Существовал обычай, что жрица Геры в праздник богини должна была торжественно подъехать к храму на колеснице, запряженной белыми волами. Как-то случилось, что в день праздника волов не смогли найти. Тогда юноши сами впряглись в тяжелую колесницу и привезли мать в храм. Все афиняне прославляли братьев, а мать

* Имя Креза, царствовавшего в середине VI века до н. э., стало нарицательным. Даже в наше время существует выражение «богат, как Крез».

обратилась к Гере с молитвой, прося наградить Клеобиса и Битона за их подвиг высшим счастьем, возможным для человека. Богиня исполнила просьбу матери. В ту же ночь, без боли и печали, они скончались во сне. Что может быть счастливее, чем умереть без страданий на вершине славы и почета?!

«А меня ты не считаешь счастливым?!» — воскликнул царь.

«Не знаю,— ответил Солон. Он не желал льстить царю, но и не хотел гнать его.— Боги наделили нас таким умом, который не позволяет предвидеть будущее. Счастливец можно назвать только того, кто, прожив жизнь до конца, не познал горя и несчастья. Считать счастливым человека, еще живущего,— все равно, что провозглашать победителем воина, еще не закончившего поединка». С этими словами Солон удалился.

В это время в городе Сарды проживал знаменитый баснописец Эзоп *. Встретив Солона, Эзоп сказал ему: «С царями, Солон, или вовсе не следует разговаривать, или надо стараться говорить им только приятное».

«А я думаю,— ответил Солон,— с царями или не стоит совсем разговаривать, или надо говорить им чистую правду».

Солон оказался прав. Спустя некоторое время Крез потерпел поражение в войне с персидским царем Киrom **. Крез попал в плен, и по приказу победителя его должны были сжечь на костре. Священного Креза возвели на костер в присутствии персидских вельмож и самого Кира. Когда языки пламени стали уже лизать сучья костра, Крез стал громко кричать: «О, Солон, Солон!..» Удивленный Кир велел погасить пламя и спросить, кто такой этот Солон, которого несчастный пленник призывает в последние минуты.

«Это — греческий мудрец,— ответил Крез.— Он предупреждал меня, что, пока человек жив, его нельзя называть счастливецом, так как никто не знает, что с ним случится завтра...» И Крез рассказал Киру, что только на костре он понял, как глупо было похвастаться перед Солоном своим богатством, которое он тогда считал равным счастью.

Кир помиловал Креза. Так сказанные некогда мудрые слова Солона спасли жизнь лидийскому царю и отвратили персидского от ненужной жестокости.

А в Афинах в отсутствие Солона снова начались волнения.

Хотя солоновские законы еще сохранялись, но многие были недовольны своим положением и стремились к государственному перевороту. Среди них выделялся дальний родственник Солона и его соратник по войне за остров Саламин — Писистрат. Это был умный, деятельный человек, понимавший тяжелое положение народа. Писистрат обещал провести передел земли и другие реформы, которых требовали бедняки, и для этого добивался для себя неограниченной власти (тирании).

* Эзоп — великий греческий баснописец (VI в. до н. э.). Многие басни Эзопа («Лиса и виноград», «Ворона и лисица») пересказал стихами И. А. Крылов.

** Кир захватил Лидию и всю Малую Азию в 546 г. до н. э.

Аристократы боялись, что Писистрат, захватив власть, распределит землю поровну между всеми гражданами. Многие ненавидели Писистрата так сильно, что жизни его угрожала опасность.

И вот однажды Писистрат прибежал на площадь народного собрания, обливаясь кровью, крича, что его противники напали на него и чуть не убили. Хотя кое-кто утверждал, что никто не покушался на Писистрата, а раны он нанес себе сам, народ все же постановил дать ему телохранителей из беднейших крестьян, вооруженных простыми дубинами. С помощью этого отряда Писистрат захватил афинскую крепость (560 г. до н. э.) и стал править подобно древним царям.

Враги Писистрата вынуждены были бежать из Афин. Солон был уже старым человеком и не хотел вмешиваться в борьбу сограждан. Однако поступок Писистрата вызвал его возмущение. Несмотря на свою старость, Солон пошел в народное собрание, которое, согласно обычаю, происходило на рыночной площади. Солон стыдил граждан, подчинившихся насилию, и призывал их не отказываться от древней свободы.

«Еще несколько дней назад,— говорил он,— было так легко помешать возникновению тирании. Теперь же, когда она уже выросла и окрепла, искоренить ее будет значительно труднее». Но никто не слушал Солон, все были в страхе. Многие друзья предостерегали Солон и советовали ему бежать, так как Писистрат может расправиться с ним.

«На что ты надеешься?» — спрашивали они его.

«На мою старость»,— ответил Солон.

Он оказался прав. Писистрат не только не стал мстить Солону, но всячески подчеркивал свое уважение к нему. Он оставил в силе большую часть солоновских законов и сам подавал пример повиновения этим законам.

Под конец жизни Солон уже не пытался ничего изменить в ходе государственных дел. Он писал стихи, воспевая то, что приносит людям радость,— тихую и мирную жизнь, каждый возраст которой имеет свою прелесть. Жизнь человеческая, по мнению Солон, изменяется каждые семь лет. Первое семилетие завершается тем, что у ребенка происходит смена зубов, к концу второго — у мальчика появляются признаки зрелости, к концу третьего — пробивается борода, и лишь в четвертом семилетии наступает расцвет физических сил. Жениться Солон советует в пятом семилетии. Лучшая пора в жизни мужчины — акме — это годы от 35 до 56, то есть шестая, седьмая и восьмая семилетки.

Ум человека в шестую седмицу вполне созревает
И не стремится уж он к неисполнимым делам...
...Мошен еще человек и в девятой, однако слабеет
В рвенье к великим делам разум его и язык.
Если ж достигнет еще и десятой конца семилетки,
Не преждевременной смерть будет тогда для него.

Предел возраста, устанавливаемый в стихах Солон, многим казался преувеличенным, так как продолжительность жизни в те времена была короче.

Крайний предел жития без забот, без болезней — десятков
Шесть (но не более) лет, боги, пошлите вы мне,

— писал незадолго до Солон поэт Мимнерм. Жизнелюбивый Солон возражал ему, говоря, что хочет

Восемь десятков прожить — после же смерть пусть придет.

Желание Солон исполнилось, он умер глубоким стариком.

Преобразования Солон подорвали господство родовой знати, но власть в государстве не перешла к народу. Ее захватили богатые рабовладельцы и крупные торговцы.

ФЕМИСТОКЛ

В эпоху греко-персидских войн выдвинулось целое поколение бесстрашных борцов за родину. История сохранила нам мало сведений о жизни и подвигах этих героев. Но деятельность наиболее выдающихся вождей народа осталась в памяти последующих поколений. Особенно интересна жизнь вождя афинских демократов Фемистокла.

Фемистокл родился около 525 г. до н. э. и принадлежал к старинному аристократическому роду Ликомидов. Мать его была иностранкой, поэтому некоторые не признавали маленького Фемистокла полноправным афинянином и относились к нему с презрением*.

Такое отношение развило в мальчике болезненное самолюбие.

Он во всем — в играх, в гимнастических упражнениях, в учении — всегда стремился быть первым, мечтал прославиться, чтобы блеск подвигов заставил всех забыть о его происхождении. В свободные часы мальчик не бездельничал, как другие, а придумывал речи, которые собирался произнести в народном собрании, когда станет взрослым. Он знал, что в Афинах выдвинуться может только тот, кто своими выступлениями сумеет увлечь народ. Умом, сообразительностью, остроумием Фемистокл превосходил своих сверстников. Видя это, учитель предсказал ему: «Из тебя, мальчик, выйдет выдающийся человек. Только хороший или дурной — я не знаю. Во всяком случае, ничтожеством ты не будешь!»

Современники впоследствии не раз вспоминали эти слова.

В ранней молодости Фемистокл был несдержан и часто совершал дурные поступки. Презрение знатных афинян бесило его, и он

* Дети, у которых мать была иностранкой, считались в Афинах незаконнорожденными. Позднее у них было отнято даже право гражданства.

старался выделяться чем угодно, хотя бы дерзостью и необузданностью.

Став выдающимся государственным деятелем, Фемистокл, вспоминая о своем детстве, говорил: «Из необузданных жеребят вырастают прекрасные лошади: нужно только их правильно воспитать и выездить».

Жажда славы заглушила в Фемистокле дурные страсти, и он начал часто выступать в суде и в народном собрании. Стройный молодой человек с резкими чертами лица, с ясной и убедительной речью скоро обратил на себя внимание. Фемистокл предлагал провести коренные преобразования в армии и государстве, что привлекло к нему симпатии бедных слоев народа.

Это было тяжелое время для Афин. Могущественная Персидская держава по-прежнему угрожала независимому существованию маленьких, разобщенных государств Эллады. Персидским царям для укрепления их власти были необходимы все новые завоевания. Неудачи первых походов на Грецию не остановили их.

Аристократы, стоявшие в это время у власти в Афинах, считали сопротивление могущественной Персидской державе безнадежным делом. Они не видели и не хотели видеть угрожающей родине опасности. Эти люди понимали, что подготовка к войне потребует включения в армию афинских бедняков, а это означало бы, что бедноте придется предоставить большие права в управлении государством.

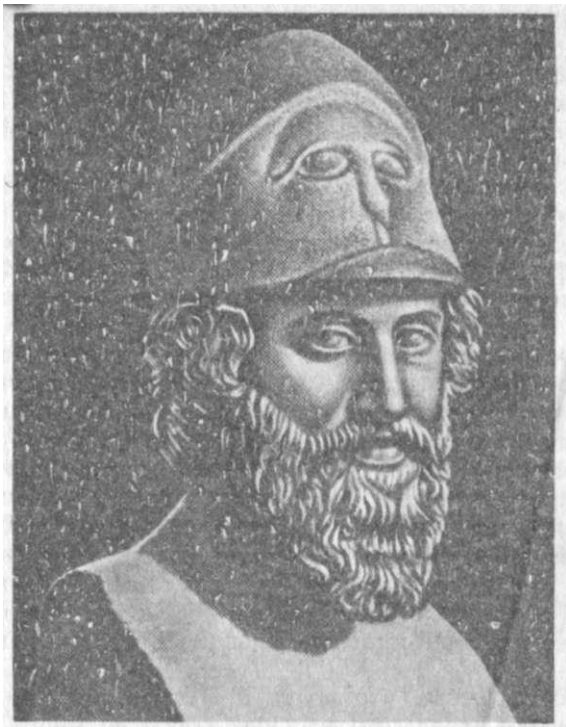
Фемистокл считал, что война с Персией неизбежна и к ней надо готовиться. Зная, что на суше персы во много раз сильнее греков, он видел единственный путь к спасению в создании сильного флота. Большинство афинян также понимали необходимость строительства могучего военного флота.

Однако для постройки кораблей требовались большие средства. Их у государства тогда не было. Фемистокл предложил употребить на постройку флота весь доход, полученный от Лаврийских рудников. Когда-то серебряные Лаврийские рудники принадлежали афинским тиранам. После падения тирании рудники стали достоянием народа. Ежегодно доход от продаваемого серебра делился между всеми гражданами.

Угроза неминуемой войны заставила народное собрание принять предложение Фемистокла. Ежегодно афиняне стали строить по 20 боевых кораблей — триер*. Вскоре Афины сделали самой могучей морской державой в Элладу. Афинская беднота, ранее не допускавшаяся к военной службе, стала служить на кораблях матросами. Они стали полноправными гражданами, и их значение в государстве возросло.

Это вызвало недовольство афинских аристократов, которые продолжали нападать на вождя демократии Фемистокла. Одни говорили, что Фемистокл превратил стойких воинов-афинян в несчастных корабельщиков, которые подобно рабам прикованы к

* Триерой называли корабль с тремя рядами весел.

Фемистокл

веслам, другие упрекали его в растрате народных средств. Однако происки аристократии потерпели неудачу. Народ верил Фемистоклу, и вожди аристократов один за другим были изгнаны из Афин остракизмом. Среди них подвергся остракизму и Аристид, личный враг и соперник Фемистокла, считавший его политику опасной для государства*.

Фемистокл хотел объединить все греческие государства для борьбы с персами. Он призывал греков забыть взаимные распри и подняться на защиту отечества. На Коринфском перешейке состоялось собрание представителей греческих государств. Было решено, что сухопутные силы греков возглавят спартанцы, которых считали самыми опытными воинами. Несмотря на то, что афиняне выставили больше военных кораблей, чем все остальные государства, командование флотом тоже было вручено спартанцу. Фемистокл считал, что не стоит спорить перед лицом врага: «В момент

* Остракизм (от греч. слова «остракон» — черепок) — голосование черепками. Тот, чье имя оказывалось нацарапанным на большинстве черепке*, должен был уйти на 10 лет в изгнание. В переносном смысле «остракизм» означает изгнание.

опасности единство настолько лучше внутренних раздоров, насколько мир лучше войны».

Не все греческие государства приняли участие в союзе против персов. Ближайшие соседи и исконные враги Афин и Спарты — Беотия и Аргос не вошли в союз, а Фессалия, когда началась война, даже перешла на сторону персов.

Между тем Персия закончила приготовления к вторжению в Европу. Бесчисленные племена и народы, подвластные персам, выставили отборные отряды в армию царя Ксеркса. По плану персов, их войско должно было одновременно напасть на Элладу с моря и с суши. Греки свидетельствовали, что персы располагали, более чем миллионной армией пехотинцев и 80 тысячами всадников. Вернее всего, что греки преувеличивали силы противника, но все же войско Ксеркса было огромным и во много раз превосходило армию греков. Персидские полчища не могла бы прокормить и вся Греция. Ксерксу пришлось заранее устроить вдоль всего пути склады продовольствия. Пополнять их должны были корабли, перевозившие продукты и корм для лошадей. Зависимые от персидского царя финикийцы и сирийцы по его приказу построили более тысячи транспортных и военных кораблей.

Перед началом похода Ксеркс отправил в Грецию послов с требованием дать ему «землю и воду», то есть полностью покориться. Многие государства подчинились персам, прежде всего те, где у власти стояла аристократия. Афины, Спарта и их союзники решили сопротивляться захватчикам.

Для переправы сухопутной армии из Азии в Европу Ксеркс приказал построить мост через Геллеспонт (Дарданеллы). Однако внезапная буря разрушила мост. Разъяренный царь велел казнить строителей, а море высечь цепями.

Мост был возведен снова, и в течение семи дней персидская армия непрерывным потоком переправлялась на европейский берег. Одновременно персидские корабли плыли вдоль северного берега Эгейского моря, приближаясь к берегам Фессалии, которая открыто перешла на сторону Персии.

Ужас объял греков. Население некоторых городов бежало при приближении врагов.

Греческое войско заняло проход в горах, отделяющих Грецию от Македонии. Однако эту позицию было бесполезно защищать, так как Фессалия перешла на сторону персов. Тогда греки отступили на юг, заняли Фермопильский проход, отделяющий Фессалию от Средней Греции. Отряд в несколько тысяч греков под командованием спартанского царя Леонида занял высоты, господствующие над узким горным проходом, и в течение нескольких дней успешно отражал напор главных сил персов. Воспользовавшись услугами греческого перебежчика, персы по скрытой узкой горной тропинке обошли Фермопилы с тыла. Царь Леонид, осознав безнадежность положения, отпустил всех союзников. Сам же с тремястами спартанцами, прикрывая отступление, решил погибнуть, но не отсту-

пить. Героически сражаясь, все спартанцы во главе с царем Леонидом пали в битве.

Пока Леонид и его соплеменники геройски защищали Фермопильский проход, афинский флот под командованием Фемистокла стоял у северной оконечности острова Эвбея, чтобы не дать возможности персам высадиться в тылу у спартанцев. Когда пришло известие о гибели защитников Фермопил, оставаться в Эвбейском проливе уже не имело смысла, и флот отплыл к югу, чтобы оборонять побережье Аттики. Плыя вдоль Эвбеи, Фемистокл высматривал удобные для высадки бухты и там на скалах высекал четкие надписи, обращенные к морякам вражеского флота. На персидских кораблях почти не было персов, на них служили главным образом ионийцы — жители греческих городов Малой Азии, давно покоренных Персией.

«Ионийцы! — писал Фемистокл. — Вы — такие же греки, как и мы. Война идет не только за нашу свободу, но и за ваше освобождение. Переходите на нашу сторону, а если это невозможно, — вредите варварам, внося расстройство в их ряды!»

Фемистокл рассчитывал, что если эти надписи не побудят ионийцев к переходу на их сторону, то во всяком случае встретят персов и внесут распри в многоплеменное персидское войско.

Тем временем армия Ксеркса, пройдя Фермопилы, медленно приближалась к пределам Аттики, опустошая все на своем пути. Ближайшим рубежом, удобным для обороны, был узкий Коринфский перешеек, и греки стали поспешно строить на нем стену от моря и до моря. Афины, находившиеся севернее этой стены, были обречены. Единственное, что оставалось афинянам, — это вовремя уйти из города, посадив женщин, стариков и детей на корабли, чтобы они могли переправиться на острова и в Пелопоннес. Однако большинство об этом не хотели и слышать. Покинуть привычные жилища, храмы богов и могилы предков казалось им страшнее смерти.

Чтобы повлиять на упрямых афинян и заставить их принять спасительное решение, Фемистокл использовал суеверие народа.

В храме на Акрополе жила священная змея, которая почиталась как воплощение богини Афины. Внезапно змея исчезла. По наущению Фемистокла жрецы объявили народу, что богиня решила покинуть город, уползла на остров Саламин и призывает народ следовать за нею.

В те же дни стало известно предсказание Дельфийского оракула, возвестившего, что от нашествия персов «погибнет все и только деревянные стены могут защитить афинян и их детей».

Старики, не желавшие покидать родной город, обрадовались предсказанию и стали строить вокруг Акрополя деревянный забор...

Фемистокл истолковал слова оракула иначе: «Деревянные стены, — говорил он, — это корабли, борта которых спасут афинян».

Фемистоклу удалось убедить народ. Жители стали покидать город. Женщин и детей отправляли на противоположный берег

залива в Пелопоннес и на острова Саламин и Эгину. Мужчины сажались на военные корабли, готовясь дать персам решающий морской бой. Многие плакали, покидая родные места, но жители готовы были пожертвовать всем, лишь бы сохранить свою свободу. Домашние животные, которым не было места на кораблях, провожали своих кормильцев голодным ревом и воем. Навсегда осталась в памяти афинян собака, принадлежавшая отцу знаменитого Перикла. Преданный пес, не в силах перенести разлуку с хозяином, бросился в море и плыл за триерой. Ему удалось доплыть до острова Саламина, но, выбравшись на берег, собака упала мертвой. На этом месте ей воздвигли памятник, который можно было видеть столетия спустя.

Вскоре персы, опустошив Аттику, захватили и сожгли Афины. Погибли и те старцы, которые надеялись на «деревянные стены».

Персидские полчища подошли к узкому Коринфскому перешейку, прорваться через который они не могли. Существовала опасность, что персы высадятся с кораблей на Пелопоннес в тылу защитников перешейка. Это была бы прямая угроза Спарте. Понятно, что командовавший объединенными греческими силами спартанский полководец Эврибиад приказал афинским кораблям отойти к берегам Пелопоннеса и курсировать там, не допуская высадки персидского десанта.

На военном совете Фемистокл воспротивился этому: «Нельзя афинским кораблям отходить от берегов Саламина. Ведь тогда наши семьи попадут в руки персов».

Эврибиад понял слова Фемистокла как желание воспротивиться его приказу. Чтобы заставить афинского полководца подчиниться, он замахнулся на него палкой. «Побей, но выслушай! — закричал Фемистокл. — Ведь Саламинский пролив единственное место, где мы можем сдержать победу. Большие, громоздкие корабли персов не смогут здесь маневрировать, будут мешать друг другу. Мы знаем здесь каждый подводный камень, и наши легкие триеры приспособлены как раз для этих мест».

Слова Фемистокла не убедили спартанца. Он приказал капитанам кораблей на следующий день готовиться к отплытию к берегам Пелопоннеса.

Фемистокл решил во что бы то ни стало помешать этому приказу.

Среди его рабов был преданный ему перс по имени Сикинн, воспитатель его детей. Фемистокл послал этого раба к персидскому царю и велел передать: «Фемистокл считает дело греков проигранным и переходит на сторону персов. В доказательство своих слов он сообщает царю план греков: Эврибиад замыслил завтра вывести свои корабли из узкого Саламинского пролива, чтобы уберечь их от персов. Царю следует запереть оба выхода из пролива и не дать грекам уйти».

Царь Ксеркс с радостью поверил сообщению Фемистокла и тотчас отдал приказ своим кораблям закрыть выходы из пролива.

Положение афинян стало критическим. Однако никто не дрогнул: все жаждали решающей битвы, понимая, что от этого зависит дальнейшая судьба их жен и детей. Даже изгнанники, получившие в это трудное для страны время прощение и право вернуться, спешили к афинским кораблям, чтобы принять участие в общей борьбе. Среди них был и давнишний противник Фемистокла Аристид. Тайно пробираясь в лагерь эллинов, он увидел, что греческий флот окружен персидскими кораблями. Добравшись до афинян, Аристид вызвал Фемистокла и сообщил ему об этом.

Фемистокл знал благородную душу Аристида, хотя и не любил его. Он открылся Аристиду, рассказав ему, как послал Сикинна к царю персов и обманул его. Зная, как уважают Аристида спартанцы и другие союзники, Фемистокл просил его ободрить капитанов союзных кораблей, чтобы они не боялись принять бой в проливе. Аристид одобрил план Фемистокла и выполнил его просьбу.

Наступило утро Саламинской битвы (480 г. до н. э.). Стояла ясная погода. Эллинам был виден персидский флот, расположившийся в боевом порядке. Вражеские корабли закрыли оба выхода из пролива. Все поняли, что битва неизбежна.

На аттическом берегу, на высоком холме, с которого был хорошо виден весь Саламинский пролив, был поставлен золотой трон, на котором сидел Ксеркс. Вокруг него стояли придворные и писцы, которые должны были описать великую победу персов.

А в это время в лагере греков Фемистокл приносил жертвы богам. Неожиданно к алтарю подвели трех пленников — красивых и богато одетых юношей. Это были племянники Ксеркса, захваченные накануне. При приближении пленников огонь на жертвеннике вспыхнул особенно ярко, что считалось добрым предзнаменованием. Жрец подошел к Фемистоклу, вложил ему в руки жертвенный нож и повелел заколоть всех троих персов в честь бога Диониса-Сыроядца, которому в глубочайшей древности приносили в жертву не только животных, но и людей. Те времена давно прошли, и греки забыли об этом кровавом обычае. Но суеверные воины потеряли разум в столь трудный день, когда над всеми нависла страшная опасность.

Фемистокл пришел в ужас. Но воины заставили его исполнить приказ жреца и совершить ужасное жертвоприношение. Греческий историк, рассказавший об этом, пишет, что греки и сам Фемистокл впоследствии стыдились этого поступка. Но тогда взволнованная толпа надеялась скорее на вмешательство свирепого бога, чем на хорошо продуманный план битвы.

По свидетельству участвовавшего в сражении знаменитого поэта Эсхила, флот персов насчитывал около 1000 больших кораблей, из них 207 быстроходных. У афинян было всего 180 быстроходных кораблей, на которых, кроме гребцов, находилось более трех тысяч воинов. Кроме того, в греческий флот входило около двухсот

кораблей союзников. Взоры всех эллинов были устремлены на корабль Фемистокла в ожидании сигнала к битве. Афинский военачальник медлил. Наконец с моря подул свежий утренний ветер. Этот ветер раскачал тяжелые персидские корабли и стал поворачивать их бортами к афинским триерам, подставляя незащищенные борта под удары медных носов эллинских судов. Фемистокл понял, что час настал. По его сигналу легкие греческие корабли устремились на врага.

Афинянин Ликомед первым овладел вражеским кораблем, а затем и другие эллины захватили и потопили много персидских судов. Персы сражались храбро, но их огромные неповоротливые корабли не могли развернуться в узком проливе и постоянно наталкивались друг на друга. Битва продолжалась до вечера, когда всем стало ясно, что персидский флот потерпел поражение. Саламинская победа, самая славная в истории морских битв эллинов, была достигнута благодаря разуму и таланту Фемистокла, а также мужеству и общему воодушевлению сражавшихся греков.

После Саламина Ксеркс заколебался: он не мог решить, оставаться ли ему в завоеванной Аттике или же уйти. Чтобы ускорить отступление персов, Фемистокл придумал новую хитрость. Он отправил к царю своего персидского раба, чтобы предупредить Ксеркса, что эллины хотят послать корабли к Геллеспонту разрушить мост, соединяющий Европу с Азией. Фемистокл, якобы друг царя, советует ему, пока персы еще господствуют на море, поспешить вернуться в Азию. Он же, Фемистокл, тем временем будет препятствовать союзникам и задерживать преследование.

Совет Фемистокла ускорил решение Ксеркса, тем более что неплодородная почва Греции не могла прокормить огромную персидскую армию. С большей частью своих войск Ксеркс поспешил к проливу Геллеспонт, оставив в Аттике только небольшую армию под командой Мардония. Военные способности Фемистокла проявились в борьбе и с этим полководцем, которого весной следующего года он вместе с Аристидом разбил при Платеях у северной границы Аттики. Остатки персидского войска вынуждены были покинуть Элладу.

После победы стратеги всех государств собрались на Коринфском перешейке в храме бога Посейдона, чтобы решить, кому из них Эллада обязана своим спасением. Вышло так, что на первое место каждый ставил себя, при этом признавая, что вслед за ним награды должен быть удостоен Фемистокл. В результате голосования высшую награду присудили Фемистоклу. С этим согласились даже спартанцы, хотя они и не любили афинян.

Спартанцы пригласили Фемистокла в гости, увенчали его оливковым венком за мудрость, подарили ему лучшую колесницу, а когда он уезжал, до самой границы его провожал почетный отряд из 300 знатных юношей: почеть, которой Спарта не удостоивала ни одного чужеземца.

Во всех государствах славил Фемистокла. Когда наступили

очередные Олимпийские игры и Фемистокл появился на стадионе, зрители, позабыв о состязаниях, стали ему рукоплескать.

Фемистокл стал считать себя величайшим из людей. Он жаловался, что в родных Афинах его недостаточно ценят. «Вы поступаете со мной,— говорил он соотечественникам,— как с могучим дубом: во время бури сбегаетесь под его защиту, а в хорошую погоду ломаете на нем ветви».

Слава настолько вскружила Фемистоклу голову, что он вообразил себя хозяином Афин и всей Эллады. Шутя, он говорил, что его маленький сынишка самый сильный человек во всей Элладе, так как эллинами командуют афиняне, афинянами — он сам, им же распоряжается жена, а женой — сын...

Одним из первых Фемистокл понял, что после изгнания персов главным соперником Афин стала Спарта. В случае возможного столкновения Афины оказывались беззащитными, так как персы разрушили городские стены. Спарта под разными предлогами запрещала афинянам восстанавливать укрепления. Фемистокл пошел на хитрость. Он начал строительство стен и одновременно пригласил спартанских наблюдателей прибыть в Афины и убедиться своими глазами, что стены не строятся. Когда те прибыли, Фемистокл арестовал их и продолжал возводить стены. Стены были восстановлены, и Фемистокл сам отправился в Спарту для переговоров. Он не боялся за свою жизнь, так как спартанские наблюдатели оставались в Афинах заложниками. Как ни сердились спартанцы, они вынуждены были примириться с постройкой стен.

Фемистокл продолжал укреплять морскую мощь Афин. Он построил и укрепил афинскую морскую гавань Пирей и спустил на воду много кораблей. По его совету союз греческих государств был расширен. Много новых городов-государств вступили в союз, признали главенство Афин и внесли деньги на строительство новых кораблей.

С островными государствами Фемистокл обращался повелительно и гордо. Он требовал от них безоговорочного подчинения Афинам.

Постепенно популярность Фемистокла среди афинян падала. Народ боялся, что политика Фемистокла вовлечет Афины в опасную войну со Спартой. Кроме того, характер Фемистокла был небезупречен: у него не доставало чувства меры и справедливости, и часто, вопреки закону, он прибегал к насилию. Симпатии афинян перешли к Аристиду, старому противнику Фемистокла. Спарта видела в Фемистокле своего величайшего врага и не жалела денег, чтобы подорвать его влияние.

В 471 г. до н. э. Фемистокл был изгнан из Афин остракизмом. Он отправился в Аргос, государство, которое было враждебно Спарте. Фемистокл рассчитывал сблизить Аргос с Афинами и создать сильный антиспартанский союз. Однако спартанцы приняли меры, чтобы обезопасить себя от этого неугомонного человека. Во время войны с персами спартанским войском командовал родственник

царя Павсаний — сторонник отмены жестоких спартанских порядков. Павсаний даже вступил в переговоры с персами, надеясь, что те помогут ему совершить переворот в Спарте. За изменнические сношения с персидским царем Павсания казнили. Неожиданно спартанские правители обвинили Фемистокла, что он вместе с Павсанием вел переговоры с персами. Фемистокл защищался против этого обвинения письменно. Но его враги потребовали, чтобы он явился и предстал перед общеэллинским судом в Спарте. Фемистокл не явился, понимая, что он не уйдет оттуда живым, и был заочно обвинен в государственной измене.

Таким образом, и Афины, и Спарта преследовали спасителя Греции как предателя.

Оставаться в Аргосе было нельзя, и Фемистокл бежит на север, на остров Керкиру, но маленькое государство побоялось предоставить ему убежище. Фемистокл переправился на материк к эпирскому царю Адмету. Схватив на руки маленького сына Адмета, Фемистокл сел с ним у очага эпирского царя, прося о покровительстве. По древнему обычаю, такому просителю нельзя было отказать. Некоторое время Фемистокл жил в Эпире и даже тайно вызвал туда из Афин свою семью. Когда его местопребывание было открыто, Афины потребовали его выдачи. Горными тропами Фемистокл с семьей перешел в Македонию, где сел на корабль, плывущий в Азию. Это был со стороны Фемистокла отчаянный шаг, так как за его голову персидский царь назначил огромное вознаграждение — 200 талантов. Великий царь считал, что никто из греков не причинил персам так много вреда, как Фемистокл.

Высадившись в Малой Азии, Фемистокл некоторое время скрывался от людей, но долго так продолжаться не могло. Он решил отправиться в столицу к самому персидскому царю. В это время Ксеркс уже умер, и правил его сын Артаксеркс. Через знакомого знатного перса Фемистокл передал царю письмо.

«Я,— писал он,— тот самый Фемистокл, который больше всех эллинов принес вреда персам! Я сделал это потому, что мне пришлось обороняться от нападения твоего отца. Но когда опасность для Греции миновала, я послал предупреждение царю Ксерксу и посоветовал ему скорее уйти из Европы. Этим я приобрел право на благодарность. Я и теперь в состоянии оказать тебе большие услуги. Через год я тебе это докажу».

Царь обрадовался и предоставил Фемистоклу действовать как он желает. Фемистокл использовал год, чтобы как можно лучше изучить персидский язык и обычаи. Когда же спустя год он явился к царю, то занял при его дворе такое положение, какого не занимал никогда ни один из эллинов. Царь дал Фемистоклу в управление пять греческих городов на побережье Малой Азии. Эти города должны были обеспечить Фемистоклу безбедное существование. Царь так и сказал, что один из городов он дает ему на хлеб, другой, знаменитый своими виноградниками,— на вино, тре-

тий — «на приправы», а два города должны были дать средства на одежду ему, его семье и свите. Фемистокл спокойно жил, пользуясь богатыми доходами со своих владений.

Артаксеркс, как никого из иноземцев, любил Фемистокла. Тот участвовал в охотах царя, в его домашних развлечениях, что вызвало зависть остальных придворных.

Фемистокл много разъезжал по Персии, знакомясь со страной и ее населением. Но вскоре его поездки стали небезопасными. Он узнал, что враждебно настроенные к нему персидские вельможи хотят его убить. После этого Фемистокл поселился в одном из городов, пожалованных ему царем, и стал жить там безвыездно.

Прошло несколько лет. Царь не напоминал Фемистоклу об его обещаниях оказать персам большие услуги.

Только в 464 г. до н. э., когда пришла весть о восстании Египта — одной из сатрапий персидской державы, — а также о том, что египтянам помогают афиняне, Артаксеркс вспомнил обещание Фемистокла и потребовал, чтобы тот выступил вместе с ним в поход на Грецию.

Фемистокл не пожелал пойти против своей родины. Он собрал друзей и, совершив жертвоприношение богам, принял яд. Говорят, что ему было тогда 65 лет. Впрочем, были историки, которые утверждали, что Фемистокл умер от болезни, избавившей его от выполнения обязательства, которое шло вразрез с его желаниями.

Узнав о самоубийстве Фемистокла, царь почувствовал еще большее уважение к человеку, который не захотел запятнать свою славу борца за свободу Эллады. Он не стал преследовать его семью (у Фемистокла было 10 детей) и оставил им имущество отца.

Великолепную гробницу Фемистокла еще столетия спустя показывали на центральной площади города Магнесии — одного из городов, которыми он правил. Однако ходил слух, будто друзья перенесли его кости на родину и похоронили возле созданной им морской гавани Афин — Пирея. Сделали они это тайно, так как обвинение в измене не было снято с Фемистокла.

Великий греческий историк Фукидид, живший несколькими десятилетиями позже, писал: «Фемистокл обладал исключительной способностью предвидеть события даже отдаленного будущего. За что бы он ни брался, у него всегда находились нужные слова, чтобы объяснить свои действия и убедить всех в своей правоте. Короче говоря, это был человек, которому его гений и быстрота мысли сразу подсказывали наилучший образ действий».

АРИСТИД

Аристид происходил из обедневшего аристократического рода. Он был соперником Фемистокла, и говорят, что их соперничество началось еще в детстве. Фемистокл вырос плутоватым, решительным и очень умным. Аристид же отличался благоразумием, постоянством характера, честностью и справедливостью.

Когда Аристид и Фемистокл выросли, они стали участвовать в общественной жизни Афин. В это время Афинам угрожала серьезная опасность со стороны огромной Персидской державы. Персы захватили греческие города на побережье Малой Азии и приближались к Балканскому полуострову. Материковая Греция была расчленена на множество враждующих между собой государств. Некоторые из них готовы были добровольно подчиниться Персии.

В Афинах в эти годы разгорелась острая политическая борьба. Аристид был сторонником установленных издревле порядков. Образцом для себя он избрал спартанца Ликурга, которого считал лучшим политическим деятелем, достойным подражания. Все это заставило его примкнуть к афинским аристократам. Фемистокл же примкнул к демократической партии.

Как и в детстве, Аристид был необычайно честен и справедлив. Его верность своим убеждениям производила сильное впечатление на современников, и его прозвали Справедливым. Аристид считал, что во всех нововведениях нужно соблюдать осторожность и не нарушать старинных установлений. В этом он был непримиримым противником Фемистокла, призывавшего народ к серьезным переменам. Аристид опасался, что, придя к власти, Фемистокл коренным образом изменит установившиеся веками порядки. Поэтому он всегда выступал против Фемистокла, стремясь подорвать его влияние.

Однажды, выступая против одного из предложений Фемистокла,

Аристид добился победы. Предложение было отклонено. Но успех не обрадовал Аристида. В душе он понимал, что предложение Фемистокла было полезным и что соперничество завлекло его слишком далеко. Покидая народное собрание, Аристид с горечью заметил, что их борьба приносит отечеству не пользу, а вред и что государственные дела только выиграют, если и его, и Фемистокла сбросят в пропасть. Справедливость Аристида побуждала его беспристрастно оценивать не только других, но и самого себя. Как-то, когда его предложение встретило серьезные возражения и должно было быть поставлено на голосование, Аристид сам снял его, поняв его бесполезность.

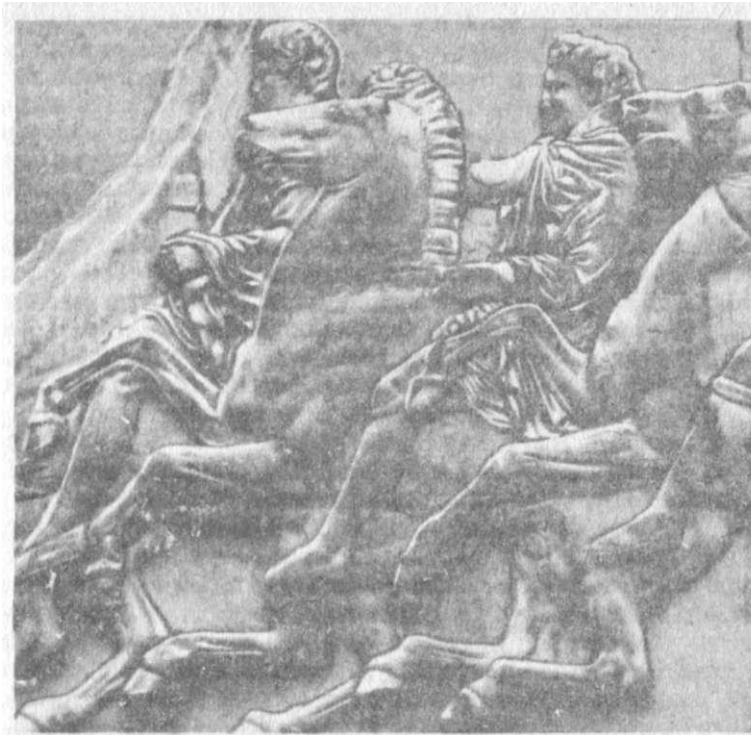
Эти качества Аристида обеспечили ему безусловное доверие сограждан. В спорах между собой афиняне больше доверяли решениям Аристида, чем приговорам судей, назначенных государством. Как-то Аристид разбирал спор между двумя гражданами. Один из них, желая привлечь его на свою сторону, напомнил, что его противник в свое время причинил много неприятностей Аристиду. «Почтеннейший,— спокойно заметил Аристид,— ты лучше говори, чем он обидел тебя. Ведь его судят именно за это».

В другой раз Аристид сам обратился в суд с жалобой на своего врага. После речи Аристида судьи, уверенные в его честности, не хотели даже выслушать обвиняемого. Тогда Аристид вскочил с места, возмущенно требуя дать возможность высказаться своему противнику.

В это время персидский царь Дарий начал новый поход против греков (490 г. до н. э.). Согласно обычаю, командование афинским войском поручили 10 стратегам. Каждый из них по очереди на один день брал на себя верховное руководство. Одним из стратегов назначили Аристида. Когда руководство перешло к нему, он уступил его Мильтиаду, как самому опытному и способному военачальнику. Аристид понимал, что ведение войны требует единоначалия, и убедил всех стратегов последовать его примеру.

Хорошо знавший как сильные, так и слабые стороны персидского войска, Мильтиад был убежден, что с персами можно бороться и добиться победы. Не следует только ждать, пока враги подойдут к стенам Афин, а немедленно идти на них и преградить им путь. Мильтиад двинул войско навстречу врагу и расположил его на узкой равнине у подножья гор близ селения Марафон. Когда с моря высадились персы, афиняне первыми атаковали врага. В ожесточенной битве мужественно, забыв о своей вражде, сражались плечом к плечу. Фемистокл и Аристид.

Наступление афинян было стремительным. Не успели персы высадить с кораблей свою конницу, как их пехота уже была сброшена в море. Греки использовали преимущества своего вооружения, свой боевой опыт и умение сражаться в тесно сомкнутом строю. Обратив врагов в бегство и заставив их сесть на корабли, афиняне увидели, что персы плывут не на восток, а к Афинам.

Фрагмент восточного фриз Парфенона

Опасаясь, что персы захватят город, в котором почти не осталось защитников, Мильтиад отправил большую часть войска быстрым маршем к Афинам. В Марафоне для охраны пленников и захваченной добычи остался только Аристид с небольшим отрядом воинов. Но Аристиду и в голову не пришло взять что-нибудь из этих богатств. Не позволил он этого и никому другому.

Спустя год после сражения при Марафоне Аристид занял должность первого архонта*. Но прошло несколько лет, и прославленного Аристида изгнали из Афин остракизмом. Рассказывают, что причиной изгнания явился распространившийся в народе слух, будто Аристид, разбирая сам судебные дела, хочет подорвать значение народного суда и захватить единоличную власть**.

* В VIII—VI вв. до н. э. во главе Афин стояли 9 архонтов. Впоследствии они утратили руководящую роль в государстве, но сохранили значение в общественной жизни.

** Причиной изгнания Аристида была разгоревшаяся борьба демократов с аристократами. Партия Фемистокла стояла за расширение военного флота, а противившегося этому Аристида изгнали.

Остракизм не был наказанием за преступление. Человека изгоняли из Афин только за то, что его влияние становилось опасным для демократии и возникало опасение, что он может попытаться захватить власть. Остракизм происходил так. Гражданин нацарапывал на глиняном черепке (остраконе) имя человека, которого считал опасным для государственного строя. Черепки затем собирались и подсчитывались. Если общее число поданных черепков составляло менее шести тысяч, то остракизм считался несостоявшимся. Если же было подано более 6 тысяч, то черепки с одним и тем же именем складывались в отдельные кучки. Тот, чье имя упоминалось на наибольшем числе черепков, объявлялся изгнанным на 10 лет. Однако изгнанный продолжал владеть своим имуществом и по прошествии 10-летнего срока мог вернуться в Афины и снова заняться политической деятельностью. Рассказывают, что один неграмотный крестьянин обратился к незнакомому горожанину с просьбой написать на черепке имя Аристидом.

«Что плохого сделал тебе этот человек?» — спросил незнакомец, оказавшийся самим Аристидом. «Ничего, — ответил тот. — Я его даже не знаю. Но мне надоело слушать, что его постоянно называют Справедливым».

Ничего не сказав, Аристид написал свое имя на черепке и вернул его крестьянину. В результате остракизма Аристид был изгнан на 10 лет. Спустя три года, в 480 г. до н. э., новый персидский царь Ксеркс вторгся в Грецию. Опасность была так велика, что афиняне разрешили возвратиться всем изгнанникам. Многие опасались, что Аристид, вернувшись в Грецию, перейдет на сторону персов и это побудит последовать его примеру и других сторонников аристократической партии. Но они, как видно, не понимали этого человека. Еще до постановления о возвращении изгнанников Аристид призвал их всех принять участие в обороне Аттики.

Положение было крайне тяжелым. Войско Ксеркса, пройдя Северную Грецию, сумело через Фермопильский проход прорваться в Среднюю Грецию к Афинам. Все способные носить оружие мужчины сели на корабли, чтобы продолжать борьбу на море. Детей, женщин и стариков успели вывезти из Афин на лежащий у берегов Аттики остров Саламин. Вскоре после этого персы заняли Афины, а их флот подошел к Саламину.

Командовавший объединенным греческим флотом спартанский флотоводец хотел дать приказ греческим кораблям отойти от Саламина. Тогда афинские женщины и дети попали бы в руки персов. Но ночью, чтобы предотвратить бегство греческих кораблей, персидские корабли заняли оба выхода из Саламинского пролива.

Как раз в это время на маленькой лодочке к афинским кораблям подплыл возвращавшийся из изгнания Аристид. Он отважно провел свою лодку между вражескими судами и причалил ночью к кораблям Фемистокла. Вызвав его, Аристид сказал: «Мы — разумные люди, и пора нам прекратить пустое и мальчишеское соперничество.

Сейчас главное — спасти Грецию, тебе — как начальнику и полководцу, а мне — как твоему советнику и помощнику. Ты считаешь, что необходимо как можно скорее дать бой персам. Я согласен с тобой. Хотя спартанцы и не хотят этого сражения, но враги сами содействуют успеху твоего плана. Вражеские корабли окружили нас со всех сторон. Нашему флоту не остается ничего другого, как начать сражение; я убедился, что все пути для бегства нам отрезаны».

Услышав это, Фемистокл обрадовался и попросил Аристидом, к которому особенно благоволили спартанцы, убедить их флотоводца в необходимости немедленно начать морской бой. Однако когда был собран военный совет, Аристид не попросил слова. Видя это, один из стратегов сказал: «Вот видишь, Фемистокл, Аристид тоже не одобряет твоего плана». Но Аристид возразил, что он не стал бы молчать, если бы не считал план Фемистокла наилучшим.

В Саламинском бою Аристид бился вместе со всеми афинянами. Он обратил внимание на находившийся недалеко от Саламина островок Пситталию. На этот остров спасались с разбитых кораблей персидские воины. Аристид с созданным им отрядом высадился на Пситталию. Возле этого островка скопилось больше всего персидских кораблей, и здесь шла самая горячая битва. Воины Аристидом уничтожили множество персов, подплывающих к острову с тонущих кораблей. Поэтому и трофей* в честь Саламинской битвы был поставлен на Пситталии.

После боя Фемистокл предложил немедленно плыть к Геллеспонту и, разрушив построенный персами мост через пролив, не дать войску Ксеркса возможности вернуться домой. Аристид решительно воспротивился этому предложению. Он хотел, чтобы персы как можно скорее покинули Грецию. По мнению Аристидом, персы, потеряв возможность вернуться на родину, станут сражаться более ожесточенно.

Потерпев поражение при Саламине, Ксеркс поспешно повел часть своего войска назад в Азию, поставив во главе оставшихся в Греции войск своего полководца Мардония. Он попытался ослабить сопротивление греков, расколов их союз. Мардоний направил афинянам письмо, в котором обещал отстроить город и сделать их владыками всей Греции, если они захотят заключить мир с Персией. Испугавшись, что афиняне примут это предложение, спартанцы поспешно отправили к ним посла. Они уговаривали не соглашаться на предложение Мардония и обещали приютить афинских женщин и детей и содержать их на счет государства.

По предложению Аристидом афиняне послали спартанцам гордый ответ. «Неудивительно, — писали афиняне, — что нас пытаются подкупать враги. Они могут не знать, что нет такого количества золота

* Трофей — памятник, воздвигавшийся из отобранных у неприятеля доспехов на месте одержанной победы. В современном языке трофеями называют имущество противника, захваченное на поле битвы.

ни на земле, ни под землей, которое афиняне предпочли бы свободе греков. Спартам же стыдно предлагать подавание нашим женщинам, для того чтобы мы не прекратили сражаться за родину».

Послам Мардония Аристид, указывая на солнце, сказал: «Пока солнце движется по своему пути, афиняне не перестанут воевать с персами, мстя за оскверненные святыни, за нашу разоренную страну».

Зимой персидские войска оставили каменистую Аттику и отступили в более плодородные районы, где легче было обеспечить корм лошадям. Воспользовавшись этим, афиняне вернулись в родной город. Но весной следующего года (479 г. до н. э.) Мардоний вторично вторгся в Аттику, и жителям ее снова пришлось бежать. По предложению Аристида, афиняне попросили спартанцев немедленно прийти к ним на помощь. Правители Спарты послали 5 тысяч воинов, каждого из которых сопровождало 7 илотов.

Избранный стратегом, Аристид прибыл во главе тяжеловооруженных афинских воинов к маленькому городку Платеи, расположенному недалеко от северной границы Аттики. Здесь афиняне присоединились к общегреческому ополчению, которым командовал спартанский царь Павсаний. Персидский лагерь находился на другом берегу протекавшей здесь реки Асопа.

Незадолго до начала сражения в греческом лагере возникла распря. Прибывший из пелопоннесского города Тегеи отряд потребовал, чтобы его поставили на левый фланг. Сражаться на фланге (занимать крайнее положение в шеренге) считалось особо ответственным, а потому наиболее почетным. Правый фланг предназначался спартам, а на левый претендовали афиняне. Это показалось тегейцам обидным, и они запротестовали. Афиняне не уступали. Тогда Аристид подошел к соотечественникам и сказал: «Сейчас не время спорить. Какое бы место в строю нам ни назначили, мы постараемся не посрамить славы наших предков. Мы пришли сюда не ссориться с союзниками, а сражаться с врагами Греции. Место в строю не делает человека храбрее. Само сражение покажет, кто больше достоин почета».

Но не только несогласие между союзниками подрывало силы греков. Накануне битвы стало известно об опасном заговоре. Разоренные войной богачи были недовольны, что их влияние сильно упало. Они собрались тайно в Платеях и организовали заговор для свержения демократии. В случае неудачи они готовы были даже пойти на измену и перейти на сторону персов. У них были сторонники в войске. Аристид узнал о заговоре, но считал, что в момент смертельной опасности не стоит начинать расследование. Однако и пренебречь этим делом было нельзя. Из многих участников заговора Аристид арестовал только восемь человек. Из них двое наиболее виновных бежали. Остальных Аристид отпустил. Он хотел дать им возможность раскаяться и честно искупить свою вину в бою.

Тем временем Мардоний готовился к решающему сражению.

Он надеялся на свою конницу, которая на равнине представляла грозную силу.

Остальные силы греков засели в скалистых предгорьях горы Киферона, отделявшей Беотию от Аттики. Лишь три тысячи мегарцев расположились лагерем на равнине. На их лагерь, открытый со всех сторон, и обрушилась персидская конница. Мегарцы послали гонца к спартанскому полководцу Павсанию с просьбой о помощи. Однако Павсаний не решился бросить в бой спартанцев, не умеющих сражаться с конницей. Никто не приходил на помощь мегарцам. Тогда Аристид послал к ним 300 отборных афинских воинов, которые бегом двинулись на равнину. Начальник персидской конницы Масистий, человек знаменитый своей силой и ростом, увидев афинян, поскакал им навстречу. Завязалась жаркая схватка. Греки отчаянно отражали нападение персов. Конь Масистия, раненный стрелой, сбросил своего седока. Персидский полководец был в тяжелых доспехах и не мог сам подняться. Один из афинских воинов, просунув дротик в отверстие в шлеме, сделанное для глаз, убил его. Уцелевшие персы, бросив труп полководца, бежали.

После этого столкновения с персидской конницей бои надолго прекратились. Гадатели предсказывали победу тем, кто будет обороняться, а не нападать. Дело в том, что персы могли победить только на равнине, а греки хотели сражаться в гористой местности, где конница не могла бы развернуться. Но выжидать долго Мардоний не мог. У него оставалось продовольствия всего на несколько дней, и он решил больше не ждать и не откладывать битву.

В полночь к греческому лагерю тихо подъехал человек верхом на коне. Он вызвал Аристида и сказал ему: «Я — царь македонян Александр *. Хотя это и угрожает мне величайшей опасностью, я все же приехал предупредить: завтра Мардоний нападет на вас». Сказав это, Александр попросил Аристида, чтобы тот никому не рассказывал о его приходе.

«Я не могу скрыть твое сообщение от Павсания, но кроме него никто не будет об этом знать», — обещал Аристид.

Узнав о предупреждении царя македонян, Павсаний пригласил к себе всех греческих стратегов и приказал им привести войска в боевую готовность. Афинским воинам, имевшим опыт сражений с персами, Павсаний предложил перейти на правый фланг — самое опасное место, против которого стояли отборные персидские войска. Афинские стратеги считали, что спартаец поступает очень несправедливо, ставя афинян туда, где опасность наиболее велика. Но Аристид переубедил их. «Чего нам бояться?! — сказал он. — Ничто не изменилось со времен Марафонской битвы. Разве враг стал храбрее? Или его оружие стало лучше? Мы победим, как побеждали раньше!»

* Александр I — македонский царь (498—450 гг. до н. э.). Македония в это время была вынуждена подчиниться Персии, но Александр всегда сочувствовал грекам, за что получил прозвище Филэллина (друга эллинов).

Узнав от перебежчиков о передвижении греческих отрядов, Мардоний тоже перестроил свои войска таким образом, чтобы его главные силы оказались против спартанцев. В ответ на это Павсаний тоже начал новое перемещение боевых рядов. День прошел, а сражение так и не началось. С наступлением ночи греки решили отойти к гористой местности, чтобы занять более удобные позиции.

От Мардония не укрылось, что греки покинули прежний лагерь. Он подумал, что враги отступают, и бросился преследовать их. Персы громко кричали и бряцали оружием. Они полагали, что им предстоит не сражаться, а только убивать и грабить.

Заметив приближение персов, Павсаний приказал спартанцам закрыться щитами и ждать, пока враги подойдут вплотную. Персидские стрелы стали уже достигать греческого войска, но спартанцы не двигались с места. Многие падали, пронзенные стрелами, но уцелевшие смыкали ряды, и строй не нарушался. Наконец Павсаний дал сигнал к бою. Только теперь персы поняли, что им придется сражаться не с перепуганными беглецами, а с людьми, решившимися биться насмерть.

Спартанцы вступили в бой, сохраняя сплоченный строй. Они подошли вплотную к врагу, поражая персов копьями. Персы хватили копьё руками, ломали их, а затем выхватили мечи и кинжалы. Закипел кровавый и жестокий бой.

Когда афиняне услышали звуки сражения, они поспешно устремились на помощь спартанцам. С громким криком побежали они вперед. Навстречу им двинулись греческие воины, сражавшиеся на стороне персов. Увидев соотечественников, Аристид вышел вперед и, заклиная их всеми греческими богами, просил не участвовать в сражении. Но те не вняли его мольбам. Аристиду пришлось вместо того, чтобы идти на помощь спартанцам, сразиться с греческим отрядом. Враги не выдержали натиска и отступили.

Тем временем спартанцы тоже обратили персов в бегство и принудили их засесть за стены, окружавшие вражеский обоз. Зная, что спартанцы не умеют штурмовать укрепления, афиняне немедленно поспешили им на помощь. Персидский лагерь был взят, и враги понесли огромные потери, но и греки потеряли около 1500 человек.

После битвы греческие стратеги начали спор о том, какое государство больше заслуживает награды. Спор между афинянами и спартанцами достиг такой остроты, что, казалось, мог быть разрешен только оружием. В этот напряженный момент Аристиду удалось уговорить стратегов передать решение спора всему греческому ополчению. Все воины приняли участие в обсуждении. После долгих размышлений было решено присудить награду платейцам, на земле которых произошла великая битва.

Вскоре Аристид в должности стратега был отправлен на войну с персами к берегам Малой Азии. Прибыв туда, он увидел, что

командовавший там Павсаний держится высокомерно и жестоко обращается со всеми греками, кроме спартанцев. Рядовых воинов он приговаривал к суровым наказаниям, а спартанцам предоставлял лучшие условия, чем остальным.

Аристиду удалось завоевать расположение союзников. Военачальники многих государств, особенно островных, стали уговаривать Аристиду взять на себя руководство общегреческим войском. Аристид не хотел ссориться со спартанцами, пока не был уверен, что в решающий момент союзники поддержат его. Чтобы доказать, что они готовы идти за Аристидом до конца, союзники напали на корабль Павсания. По их требованию Павсаний был вынужден отказаться от командования.

Спартанские законодатели решили не вступать в борьбу с Афинами за руководство общегреческим союзом. Отозвав Павсания, они не послали взамен нового военачальника, и спартанские войска больше не принимали участия в войне с персами. Спартанцы понимали, что, если они станут спорить за владычество на море, им не хватит сил удержать господство в Пелопоннесе. Так вместо возглавляемого Спартой антиперсидского союза возник Афинский морской союз (478 г. до н. э.).

Еще во время спартанского руководства было решено, что каждое греческое государство будет вносить определенные средства на нужды войны. Однако размеры взносов вызвали много споров, и после перехода руководства к Афинам Аристиду было поручено установить размер взносов сообразно с территорией и доходами каждого государства.

В руках Аристиды оказалась огромная власть, но он не использовал ее для личного обогащения. Справедливостью распределения союзнических взносов Аристид приобрел такую славу, какой до него не имел ни один человек.

Аристид умер в Афинах глубоким стариком, почитаемый и любимый согражданами. Он был настолько беден, что в его доме не нашлось денег на похороны, и надгробный памятник ему был сооружен на средства государства.

ПЕРИКЛ

Ксантипп, отец Перикла, и его мать Агариста принадлежали к самым знатным афинским родам. Ксантипп прославился во время греко-персидских войн. Он командовал афинским флотом и одержал победу над персами при мысе Микале у берегов Малой Азии. Агариста происходила из знаменитого и богатого рода Алкмеонидов.

Перикл родился сильным и здоровым ребенком, но поражал всех необыкновенной величиной и формой своей головы. Этот недостаток так и остался у него на всю жизнь, и чтобы скрыть его, художники и скульпторы всегда изображали Перикла в шлеме.

Зато сочинители комедий издевались над необыкновенно большой головой Перикла и придумали для него прозвище «Луковичеголовый».

Перикл получил прекрасное образование. Он слушал лекции философа Зенона, обучавшего ораторскому искусству и умевшего рядом ловких возражений сбить противника с толку и поставить в безвыходное положение. Кроме обязательного для всякого афинянина изучения музыки и стихосложения Перикл обучался также естественным наукам под руководством переехавшего в Афины из Малой Азии философа Анаксагора. Этот человек утверждал, что движением Солнца и Луны управляют не боги, а законы природы, постигнуть которые необходимо человеку. Перикл восхищался Анаксагором и под его руководством основательно изучил науку о небесных явлениях.

Большие познания и природные способности сделали Перикла блестящим оратором, вызывавшим восхищение сограждан. Речи его были прекрасными по форме и глубокими по содержанию, походка размеренной, одежда всегда лежала правильными складками. Никто не мог вывести его из себя. Однажды какой-то

распущенный человек, рассердившись за что-то на Перикла, стал при всех ругать и оскорблять его. Крик и проклятья не прекращались целый день. Перикл ничего не отвечал обидчику. Однако тот не успокаивался. Уже вечером, когда Перикл пошел домой, этот человек последовал за ним, громко выкрикивая оскорбительные слова. Было уже темно, когда они подошли к дому Перикла. Прежде чем войти в дом, Перикл приказал своему рабу взять факел и проводить незнакомца до его дома.

Так же, как и его учитель Анаксагор, Перикл был чужд всяких суеверий. Однажды к нему явился гадальщик и, неся в руках отрубленную голову однорогого барана, предсказал, что скоро вся власть в государстве сосредоточится в руках одного человека. Действительно, вскоре Периклу удалось устранить своего соперника, и все государственные дела оказались в его руках. Гадальщик потребовал награды за свое исполненное предсказание, утверждая, что успех Перикла связан с благоприятной приметой. Однако Перикл не поверил ему и поручил Анаксагору разобраться, в чем была причина уродства однорогого барана. Ученый доказал, что из-за неправильного строения черепа животного второй рог не смог вырасти и чудес здесь никаких нет.

В молодости Перикл боялся подвергнуться остракизму, так как принадлежал к знатному роду и был похож на некогда правившего Афинами тирана Писистрата *. Старики даже поражались тому, насколько его голос и манера говорить походили на речь афинского тирана.

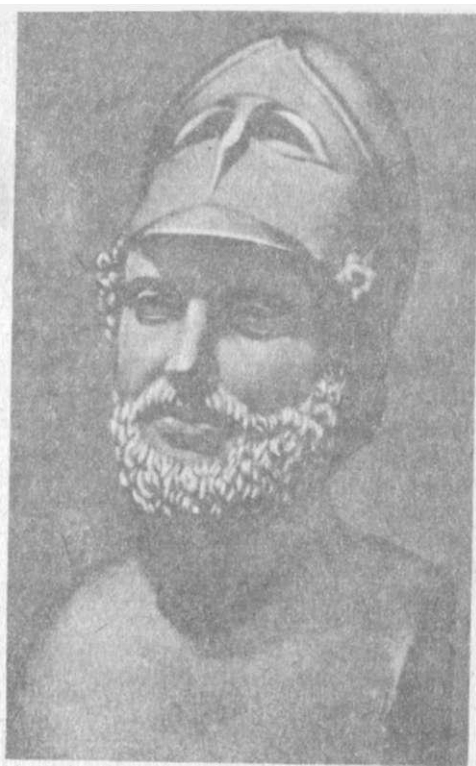
Боязнь изгнания заставила Перикла отдалиться от государственных дел. Но в военных походах он участвовал и отличался там доблестью и отвагой.

В это время в Афинах не было выдающихся политических деятелей: Аристид уже умер, а Фемистокл был изгнан. Почти против своей воли Перикл оказался вовлеченным в государственные дела и избирался на высокие должности. Перикл, несмотря на свое знатное происхождение, примкнул к партии демоса и оставался ей верен в течение всей своей жизни. Он резко переменял образ жизни, перестал встречаться со своими родственниками и прекратил у дружбу со знатными друзьями.

Перикл нечасто выступал в народном собрании, так как не хотел, чтобы его выступления стали привычными для народа. Речь Перикла была красочной и образной. Хорошее образование позволило ему развить свои природные ораторские способности. Современники уподобляли Перикла богу и прозвали его Олимпийцем.

Когда Перикл был еще молод, вождем демократической партии был Эфиальт, ближайший друг Перикла. Эфиальт был страшен для аристократов и безжалостен к людям, совершившим преступление против народа. Враги подослали к Эфиальту наемного убийцу,

* Тиранами в древней Греции называли правителей, которые пришли к власти в результате восстания, а не получили ее по наследству. О приходе к власти Писистрата см. выше биографию Солона.

Перикл

и вождь демократов пал от его руки. Во главе демократической партии остался один Перикл. Вождь аристократов Кимон, сторонник спартанских порядков, был изгнан из Афин за организацию похода в помощь Спарте, воевавшей с восставшими илотами.

Не успел еще окончиться срок изгнания Кимона, как завязалась война Спарты с Афинами. Большое спартанское войско вторглось в пограничную с Аттикой Беотию. Афиняне выступили против спартанцев. Узнав об этом, Кимон самовольно вернулся из изгнания, чтобы принять участие в сражении. Этим он стремился доказать, что интересы родины ему дороже Спарты. Однако сторонники Перикла, помня, что Кимон был изгнан за сочувствие к Спарте, не разрешили изгнаннику встать в строй.

При Танагре, на границе Беотии и Аттики, в 457 г. до н. э. разыгралась жестокая битва. Перикл мужественно сражался, не щадя своей жизни. Все же афиняне потерпели поражение.

В Афинах жалели об изгнании опытного полководца Кимона,

так как считали, что он не довел бы Афины до такого позора. Перикл, почувствовав недовольство граждан, решил пойти навстречу их желаниям: он сам предложил возвратить Кимона. Предложение было принято. Кимон вернулся, и ему удалось добиться заключения перемирия со Спартой, но одновременно он начал войну с Персией за остров Кипр. Во время кипрского похода Кимон заболел и умер.

Смерть Кимона ослабила аристократов, которые не знали, кого противопоставить Периклу. В конце концов они избрали своим вождем зятя Кимона, Фукидида, сына Мелесия, человека безукоризненной репутации *. Хотя у него и не было таких военных талантов, как у Кимона, он был хорошим оратором, сумел объединить аристократов и успешно защищал их интересы в народном собрании. Подобно Кимону, Фукидид старался привлечь граждан на свою сторону подарками, оказывал помощь беднякам.

Иначе действовали демократы. Они считали, что бедняки должны иметь такие же права, как и богатые граждане. Хотя в Афинах для занятия общественных должностей не обязательно было обладать богатством, бедный человек не мог заниматься государственной деятельностью, так как все его время уходило на добывание средств к существованию. По предложению Перикла, за исполнение государственных обязанностей беднякам стали выдавать небольшую плату за каждый день, потраченный ими на общественные дела.

Однако оплачиваемые должности доставались не всем беднякам. Чтобы облегчить положение остальных, Перикл предложил ежегодно снаряжать 60 триер, экипаж которых набирался из свободных граждан, получавших плату за свою службу на корабле. На земле государств, входивших в Афинский союз, создавались афинские поселения (клерухии): всякий афинянин мог получить там участок земли для обработки. Этими поселениями решались сразу две задачи: создавались гарнизоны за пределами Аттики и облегчалось положение простого народа.

Позаботился Перикл и о том, что доставило Афинам наибольшую славу, а у жителей других городов вызывало зависть и восхищение. В годы, когда он руководил государством, афинский кремль — Акрополь — был украшен замечательными произведениями архитектуры и скульптуры. Это строительство вызвало больше всего нападков со стороны врагов Перикла.

«Афинский народ,— кричали они,— теряет уважение греков! Союзники ругают нас за то, что мы перенесли общегреческую казну с острова Делос в Афины. Раньше мы могли по крайней мере оправдываться тем, что казна у нас находится в большей безопасности, чем в любом другом месте. Теперь Перикл лишил нас этого оправдания. Деньги, собранные для ведения войны, растрачиваются на то, чтобы украсить город золотом и драгоценными камнями».

* Не следует путать этого Фукидида с его знаменитым современником историком Фукидидом, сыном Олора.

Перикл отвечал своим обвинителям: «Мы не обязаны давать отчет в расходовании союзных денег. Честно выполняя свои обязательства по отношению к союзникам, мы защищаем их от нападения варваров. Всякому ясно, что деньги, отданные сторожу, принадлежат не тому, кто их заплатил, а тому, кому они уплачены, если только он честно выполняет обязанности сторожа. С тех пор как создан наш союз, мы ни разу не отступали от своих обязательств. Мы достаточно обеспечены всем, что нужно для войны, и имеем право тратить поступающие от союзников деньги на то, что дает жителям заработок, а городу — вечную славу. Граждане, способные к военной службе, получают плату во время походов или обучения. Ремесленники тоже имеют право на поддержку государства. Для того чтобы эти деньги не доставались им даром, надо проводить такие работы, где любой нашел бы применение своим знаниям и способностям».

Перикл постоянно предлагал народу проекты, рассчитанные на длительные работы и требовавшие применения труда свободных ремесленников. Строительство давало также работу и тем, кто подвозил и добывал ценные породы камня, золото, серебро и другие материалы. Сооружения, воздвигнутые при Перикле, были замечательны не только дорогими материалами, из которых они были построены, но и удивительной пропорциональностью всех зданий, предопределившей развитие архитектуры на много веков вперед. Поразительна была также быстрота выполнения всех работ. Кажется, что каждая из этих построек могла быть доведена до конца лишь в результате труда нескольких поколений, в действительности же почти все было сделано за тот короткий срок, пока во главе государства стоял Перикл.

Всем строительством руководил великий греческий скульптор и архитектор Фидий, прославившийся огромной статуей Зевса, которую он сделал для храма в Олимпии. В работах по украшению афинского Акрополя принимали участие и другие великие архитекторы и строители.

Всеобщее восхищение вызывал украшенный колоннами вход на Акрополь — Пропилеи. Строительство этой колоннады длилось 5 лет, и постройка, сохранившаяся до наших дней, настолько прекрасна и так гармонирует с остальными зданиями Акрополя, что кажется, будто она стоит здесь вечно. Храм покровительницы города богини Афины Парфенон * соорудили архитекторы Калликрат и Иктин. Внутри храма стояла 11-метровая статуя богини работы Фидия. В правление Перикла на Акрополе были построены несколько храмов и здание для музыкальных состязаний — Одеон **.

Фукидид и его сторонники продолжали нападать на Перикла за то, что он расходует слишком много средств на строительство. Наконец борьба между ними достигла такой остроты, что в народном

* Название этого знаменитого храма происходит от греческого слова «парфенос» (дева).

** Греческое название «Одеон» происходит от слова «ода» — песня.

собрании был поставлен вопрос об ostracismе. Перикл был в опасности, но большинство народа поддержало его, и изгнан был Фукидид. Этим был положен конец внутренней борьбе. Аристократы, потеряв вождя, утратили влияние в народном собрании. Перикл не имел больше соперников. Народ поручал ему все важнейшие дела: войско, флот, управление государственными доходами. В течение пятнадцати лет (445—430 г. до н. э.) Перикл ежегодно избирался стратегом. Народ полностью доверил ему управление государством.

Перикл заботился о благе государства, не делая никаких послаблений прихотям отдельных граждан. Он не боялся выступать против толпы, если под влиянием момента она хотела принять неверное решение. Перикл как бы походил на врача, который ради пользы больного причиняет ему боль или дает горькое, но целительное лекарство. Своей властью Перикл был обязан не столько красоте и убедительности своих речей, сколько всеобщей уверенности, что его действия всегда направлены на благо народа. Все знали его бескорыстие. Превратив Афины в богатейший город, Перикл несколько не увеличил собственного состояния.

Увлечение Перикла науками сблизило его со знаменитой женщиной-философом Аспасией. Она была уроженкой Милета и переехала в Афины, так как этот город при Перикле стал центром научной и культурной жизни. Сюда из различных государств Греции стекались ученые, писатели, поэты и художники. Аспасия увлекалась красноречием, и даже выдающиеся афинские мудрецы приходили к ней, чтобы послушать ее выступление. Занималась Аспасия и философией. В ее доме постоянно можно было встретить талантливых писателей, драматургов, художников и других замечательных людей.

Аспасия резко отличалась от остальных афинских женщин, привыкших к затворнической жизни; ведь афинянке считалось неприличным заниматься чем-либо кроме домашнего хозяйства. Перикл увлекся этой выдающейся женщиной и женился на ней. Любовь Перикла к Аспасии была так сильна, что он разрешил жене, нарушая афинские обычаи, выходить к гостям мужа, разговаривать с ними и даже принимать участие в спорах.

Возраставшее могущество Афин вызывало беспокойство Спарты, которой еще со времени греко-персидских войн принадлежала руководящая роль в греческом мире. Это беспокойство еще усилилось, когда Перикл предложил собрать в Афинах съезд всех греческих государств для заключения между ними всеобщего мира. В Спарте поняли, что если план Перикла осуществится, то это превратит Афины в политический центр всей Греции. Спарта запретила зависимым от нее государствам посылать своих представителей в Афины, и попытка Перикла созвать общегреческий съезд потерпела неудачу.

Перикл не раз стоял во главе войска. Как полководец он пользовался большим уважением, так как никогда не действовал

наудачу, не решался на битву, если исход ее был сомнителен. Никогда войска, которые вел Перикл, не терпели поражения. Он не признавал хорошими военачальниками тех стратегов, которые, бросившись в рискованное предприятие, добивались случайного успеха.

Однажды полководец Толмид, которого прежние удачи сделали чрезвычайно самонадеянным, решил в самый неблагоприятный момент вторгнуться в Беотию. Он убедил принять участие в этом походе тысячу знатных афинян. Перикл пытался удержать его, но, видя, что тот не поддается уговорам, сказал: «Если ты не веришь моим советам, то во всяком случае не ошибешься, избрав мудрейшего из советников — время».

Тогда никто не обратил внимание на эти слова Перикла. Когда же спустя несколько дней в Афинах получили известие, что Толмид и его соратники погибли, афиняне оценили осторожность и ум Перикла.

Наиболее удачным из походов, которыми руководил Перикл, был поход во Фракию. На узком полуострове Херсонесе Фракийском, прикрывавшем вход в пролив Геллеспонт, жили афиняне. Этот полуостров имел огромное значение, так как владение им обеспечивало возможность беспрепятственно привозить дешевый хлеб в Афины из богатых черноморских колоний. Однако фракийцы постоянно нападали на афинских колонистов, грозя их уничтожить. Перикл разбил фракийцев и перегородил перешеек укреплениями от моря и до моря, благодаря чему нападения на колонию стали невозможными. Кроме того, Перикл переправил на Херсонес еще тысячу поселенцев, чем усилил эту колонию.

Чтобы показать могущество Афинского государства, Перикл совершил дальний морской поход (437 г. до н. э.). Большая, богато украшенная афинская эскадра прошла проливы, вошла в Черное море и проплыла вдоль всего побережья. Этим была оказана помощь причерноморским грекам, и цари варварских племен увидели, сколь велико могущество Афин.

Но часто Перикл старался сдерживать стремление афинян к новым завоеваниям. Например, когда афиняне собирались захватить Египет, Перикл отговорил их от этого рискованного предприятия. Все силы государства он направлял на защиту уже имеющихся земель, опасаясь восстаний в подчиненных Афинам государствах, если афинское войско окажется далеко за морем.

Опасения Перикла подтвердились. Достаточно было членам Афинского союза узнать о поражении Толмида в Беотии, как многие города попытались отложиться от Афин. Сначала мятеж вспыхнул на острове Эвбее, и Перикл отправил туда большое войско (446 г. до н. э.). Вскоре он получил известие, что Мегары (государство, расположенное к югу от Аттики) призвали на помощь против Афин. Спарту и войско спартанцев приблизилось к афинским границам. Перикл не решался вступить в сражение со спартанцами, полагая, что их войско сильнее афинского. Он решил действовать

хитростью. Он знал, что молодой и неопытный спартанский царь во всем слушается своего советника. Периклу удалось подкупить этого советника, после чего спартанцы прекратили наступление и отошли от границы Аттики. В Спарте были возмущены поведением молодого царя. На него наложили такой большой штраф, что он не смог его уплатить и вынужден был уйти в изгнание.

В конце года, когда Перикл давал отчет народному собранию об израсходованных деньгах, он упомянул, что 10 талантов истрачены на «нужное дело». Народ настолько доверял Периклу, что принял его отчет, не требуя раскрытия секрета.

Оградив Аттику от опасности, Перикл с 50 кораблями и пятидесятысячным войском переправился на Эвбею. Восстание было подавлено, и эвбейские города снова были включены в Афинский союз. Вскоре между Афинами и Спартой было заключено перемирие на 30 лет.

В это время два участника Афинского союза — Самос и Милет — вели войну за обладание одним небольшим городом на побережье Малой Азии. Самосцы уже одерживали верх, но афиняне приказали им прекратить войну и решить спорные вопросы третейским судом. Самосцы не послушались, и Перикл провел через народное собрание постановление об отправке на Самос карательной экспедиции.

Главной причиной непреклонности афинян было то, что на Самосе господствовали аристократы, а Перикл хорошо понимал, что в борьбе между Афинами и Спартой аристократы всегда будут на стороне последней.

Перикл сам командовал 40 кораблями, отправившимися к Самосу. Он добился установления на острове демократии, а чтобы жители не вздумали после ухода афинян вернуться к старым порядкам, взял заложниками 50 самых знатных граждан и 50 мальчиков из богатых семейств. Однако заложников вывезти в Афины не удалось, самосские аристократы сумели похитить их. На острове началось восстание. Неподалеку от Самоса произошло ожесточенное морское сражение. Перикл одержал блестящую победу, хотя у него было только 44 корабля, а у противника 70. Получив из Афин подкрепление, Перикл начал осаду острова. Она длилась долго. Только на девятый месяц осажденные островитяне сдались (440 г. до н. э.). Перикл срыл стены города, отобрал у самосцев все корабли и заставил их уплатить большой денежный штраф. Часть этих денег была уплачена немедленно, а остальные обещали выплачивать постепенно. Чтобы афиняне были уверены, что долг будет выплачен, самосцы вынуждены были дать заложников.

Возвратившись в Афины, Перикл устроил торжественное погребение погибших при осаде Самоса воинов. Речь Перикла над могилами павших произвела такое сильное впечатление, что, когда он сходил с трибуны, многие спешили пожать ему руку, а женщины украшали его венками, как победителя на состязаниях.

Покорение Самоса укрепило власть и влияние Перикла. Ему

удалось подчинить одно из самых сильных государств Греции, которое едва не отняло у Афин их владычество на море. Отношения со Спартой становились все более напряженными, и Перикл считал, что Афинам необходимо обеспечить себе союзников не только среди государств Восточной Греции, но и на Западе. В это время жители острова Керкиры * вели войну с пелопонесским городом Коринфом. Перикл убедил народ послать на помощь керкирянам 10 кораблей. Этой эскадре было приказано не вмешиваться в войну и принять участие в сражении только в том случае, если пелопоннесцы попытаются высадиться и занять остров.

Однако афиняне опасались, что столь малая помощь не спасет керкирян. Перикла стали обвинять в том, что он, не принеся пользы своим союзникам, дал врагам прекрасный повод обвинить афинян в нарушении перемирия. Тогда Перикл послал еще 20 кораблей на помощь керкирянам. Корабли пришли как раз в тот день, когда произошла большая морская битва у Сиботских островов близ Керкиры (433 г. до н. э.). Коринфяне одержали победу и готовились уже высадиться на остров, когда появившиеся афинские корабли вынудили их отступить.

Это, выступление афинского флота против коринфян сочли за нарушение перемирия с Пелопоннесским союзом. Коринфяне обратились с жалобой к главе союза Спарте. К ним присоединились Мегары, которые были недовольны тем, что афиняне запретили им торговать с членами Афинского союза. Однако Спарта не была готова к войне; царь Архидам пытался успокоить спартанских союзников и удовлетворить их требования путем переговоров. Важнее всего было добиться отмены постановления афинян о запрете торговли с Мегарами, обрекавшего жителей на голодную смерть. В Афины отправили несколько посольств, но Перикл воспротивился отмене постановления о Мегарах. «Если мы уступим пелопоннесцам, — говорил он в народном собрании, — то они тотчас предъявят нам новые требования, полагая, что мы пошли на уступки из страха».

Отказ Перикла отменить постановление о блокаде Мегар некоторые историки объясняют личными причинами. Афинская беднота последнее время была недовольна Периклом. Ей казалось, что он недостаточно решительно борется за расширение Афинского морского союза. Взносов, поступающих от союзников, не хватало на раздачу денег беднякам. Жить становилось труднее. Периклу было ясно, что только военные успехи помогут ему восстановить свой пошатнувшийся авторитет.

Враги Перикла боялись выступать против него открыто, но стали преследовать его друзей. Руководившего строительными работами на Акрополе скульптора Фидия они обвинили в присвоении части золота, отпущенного на сооружение статуи богини Афины. Однако эту клевету легко удалось опровергнуть. По совету Перикла,

* Керкира (ныне греческий остров Корф) лежит у западного берега Средней Греции.

Фидий сделал золотую одежду статуи так, что ее легко можно было снять и взвесить. Проверка подтвердила честность Фидия. Тем не менее Фидия продолжали преследовать. Вскоре его обвинили в святотатстве: на щите Афины был изображенной с амазонками. Говорили, что среди сражавшихся Фидий изобразил своего покровителя Перикла и самого себя *. На этот раз Фидий не сумел оправдаться и был заключен в тюрьму, где вскоре умер. Ходил слух, что его отравили враги Перикла.

Добившись осуждения Фидия, враги стали преследовать учителя Перикла Анаксагора. Было принято постановление о наказании тех, кто не почитает богов и занимается изучением небесных явлений. Стало ясно, что это постановление направлено против Анаксагора, и Перикл посоветовал философу бежать из Афин.

Почувствовав свою силу, враги Перикла решили привлечь к суду его жену Аспасию. Ее обвинили в безбожии, и для того, чтобы добиться ее оправдания, Периклу пришлось самому прийти в суд и униженно просить судей не подвергать Аспасию наказанию.

Спартанцы справедливо видели в Перикле надежного руководителя афинского народа и полагали, что если отстранить его от власти, афиняне станут сговорчивее. Они отправили в Афины послов, чтобы те напомнили афинянам, что, по матери Перикл происходит из проклятого богами рода Алкмеонидов и поэтому должен быть изгнан из государства **. Однако афиняне разгадали замысел спартанцев. Вражда неприятелей не только не привела к новым нападкам на Перикла, но, наоборот, вызвала у афинян еще больше уважения к человеку, изгнания которого так добивается могущественная Спарта.

Вскоре началась Пелопоннесская война***. Спартанцы с союзниками вторглись в Аттику (431 г. до н. э.). Опустошая страну, они дошли до афинских укреплений. Они вырубали сады, угоняли скот, разоряли жилища. Спартанцы полагали, что афиняне не выдержат, выйдут из-за стен и вступят в бой в открытом поле. Спартанцы не умели брать крепостей, но в открытом бою не знали себе соперников. Перикл удерживал афинян от опасного шага, утешая крестьян, оплакивавших свои погибшие сады и угнанные стада. Он говорил, что вместо вырубленных деревьев вырастут новые, а погибших воинов заменить невозможно.

Когда спартанцы окружили Афины, Перикл решил не проводить народных собраний, чтобы распаленные гневом граждане не приняли неблагоприятного решения. Подобно тому, как во время бури

* Согласно мифу, амазонки — женщины-воительницы — вторглись в Аттику и были отражены Тесеем. См. выше биографию Тесея.

** Приблизительно за 200 лет до описываемых событий Алкмеониды зверски расправились со своими противниками, увидев даже тех, которые искали спасения у алтаря Афины. За это Святотатство весь род Алкмеонидов был изгнан из Афин. Впоследствии их потомки получили прощение и вернулись.

*** Пелопоннесская война (431—404 г. до н. э.) велась между Пелопоннесским союзом и Афинами. В войну постепенно были втянуты почти все греческие государства. Война закончилась поражением Афин.

капитан отдаст приказания, не обращая внимания на вопли испуганных путешественников, Перикл решил не считаться с возмущением крестьян. Перикла не пугало и то, что друзья постоянно упрекали его, а многие называли даже трусом. Сохраняя самообладание, Перикл спокойно переносил оскорбления.

Вскоре Перикл снарядил морской поход вокруг Пелопоннеса, но сам не принял в нем участия, а с небольшим отрядом пехоты вторгся в Мегарскую область и опустошил ее. В первый год войны спартанцы вырубали сады афинских крестьян и причиняли им большие убытки; теперь они сами терпели не меньше.

Спартанцам пришлось бы прекратить войну, если бы неожиданное бедствие не расстроило планы Перикла. На второй год войны в Афинах вспыхнула страшная болезнь — чума, похитившая больше жизней, чем самое кровопролитное сражение.

Эпидемия озлобила афинян. Гнев народа обратился против Перикла. Враги Перикла говорили, что чума вызвана скоплением в городе сельского люда. Запертые, как скот в хлеву, афиняне заражают друг друга, а Перикл не позволяет им выйти за стены и сразиться со спартанцами. Чтобы успокоить граждан, Перикл снарядил 150 кораблей, собрал войско и готовился возглавить новый поход в Пелопоннес. Эти приготовления внушили афинянам большие надежды. Когда флот готовился к отплытию, началось солнечное затмение. Это испугало суеверных афинян, увидевших в этом дурное предзнаменование. Тогда Перикл, подойдя к рулевому своего корабля, накинул ему на голову плащ и спросил: «Тебя не испугал мой плащ?» «Нет, конечно», — отвечал рулевой. «А между тем, — сказал Перикл, — различие между моим плащом, который закрыл тебе свет, и тем, что напугало воинов, только в размерах. Солнце стало невидимым потому, что его закрыл предмет гораздо больший, чем мой плащ!»

Поход Перикла не имел успеха, так как в войске свирепствовала чума. Во всех неудачах обвиняли Перикла. На следующий год (430 г. до н. э.) он не был избран стратегом. Несмотря на то, что Перикл славился своим бескорытием, его обвинили в хищениях и приговорили к большому штрафу.

Чума унесла обоих сыновей Перикла от первого брака. Эта беда сразила его. После похорон Перикл долго не выходил из дома, что не могло не отразиться на ходе государственных дел. В Афинах в это время не было руководителя, который, подобно Периклу, мог бы умело управлять государством. Афиняне решили принести Периклу извинения за несправедливо наложенный штраф и пригласить его снова стать во главе государства.

Но на этот раз Периклу не суждено было долго управлять Афинами. Вскоре после своего избрания он заболел чумой. Болезнь протекала вяло, но больной был уже немолод и часто терял сознание. Когда он умирал, друзья и родственники, сидя у постели Перикла, вспоминали, какой это был замечательный государственный деятель и сколько блестящих побед одержал он над врагами.

Друзья думали, что умирающий их не слышит. Вдруг Перикл приподнял голову и сказал: «Вы хвалите меня за то, что совершали и многие другие, а о самом замечательном из того, что я сделал, не говорите ни слова. Ведь за все годы моего правления по моему приказу не был казнен ни один афинский гражданин».

Когда Перикл умер (в сентябре 429 г. до н. э.), афиняне поняли, какого замечательного руководителя они потеряли. Даже его противники признали, что огромный авторитет Перикла, основанный на любви и поддержке народа, был спасительным оплотом государства. Многие не замечали этого, пока Перикл был жив, но теперь, когда он умер, это стало ясно каждому.

НИКИЙ

Греки справедливо считали мир величайшим благом и счастьем для людей. Вот почему многие древние историки признавали Никия*, противника войны, выдающимся государственным деятелем, хотя он и не обладал такими блестящими дарованиями, как Фемистокл или Перикл. В глазах современников и в памяти потомства все крупные недостатки Никия как государственного деятеля и полководца искупались одним его качеством — бескорыстной и последовательной преданностью делу мира.

Основными чертами его характера были нерешительность, медлительность и робость, которую враги считали трусостью, а друзья — благоразумной осторожностью.

При таких качествах Никий, не любя войны, конечно, не мог быть хорошим полководцем. Однако ему часто приходилось воевать. Под конец жизни его поставили во главе большого флота и войска; он принужден был отправиться в поход, в успех которого не верил, считая предприятие обреченным на неудачу. Однако Никий сражался честно по мере своих сил и способностей и погиб вместе со своим войском.

О детстве и юности Никия ничего не известно. Мы знаем только, что он происходил из богатого и знатного рода и был крупным рабовладельцем. На государственных серебряных рудниках работали 1000 рабов Никия, которых он сдавал в аренду, получая за каждого раба по 1 оболу в день (около 4 копеек). Капитал его, как говорили, составлял огромную для того времени сумму — 100 талантов (150 тыс. золотых руб.).

По обычаю того времени знатные и богатые люди рано посвящали

* В основу биографий Никия, Лисандра, Агиса и Клеомена положены очерки, написанные Г. Л. Стратановским для книги «Знаменитые греки» (Л., 1960 и переработанные составителями.

себя государственной деятельностью. Молодого Никия еще при жизни великого Перикла неоднократно выбирали на должность стратега, и ему несколько раз удавалось отличиться в походах на суше и на море.

Известность в народе молодой человек завоевал благодаря своей исключительной щедрости. Когда ему приходилось выполнять почетную должность хорега*, он давал театральные представления с небывалой роскошью.

Никий отличался удивительным, даже для того времени, суеверием. Чтобы не прогневать богов, он совершал им ежедневные жертвоприношения. Своими огромными затратами на театральные постановки он также думал заслужить милость богов**.

Ежегодно из Афин отправлялись на священный остров Делос*** на праздник Аполлона торжественные процессии певцов чествовать бога священными гимнами.

Однажды, когда хорами заведовал Никий, из Афин отплыл на праздник корабль с певцами, которые высадились на соседнем с Делосом острове. На корабле был привезен заранее построенный разборный мост, украшенный позолотой, гирляндами цветов и дорогими материями. Ночью мост перекинули через узкий пролив, отделяющий островок от Делоса. Утром на следующий день хор в роскошных одеждах, с песнями в честь Аполлона прошел по мосту к храму бога. После жертвоприношения, игр и обильного угощения Никий установил перед храмом Аполлона драгоценный дар богу — медную пальму — и посвятил ему большой участок земли около храма.

В частной жизни Никий не начинал ни одного важного дела, не узнав воли богов через прорицателя, который постоянно жил у него в доме. Так, например, он испрашивал у богов, как ему поступить в том или ином случае при управлении своими рудниками.

Но еще больше, чем богов, Никий боялся своих сограждан. Он жил в вечном страхе перед сикофантами****. Никий пытался откупиться от них деньгами, давая щедро в долг друзьям и врагам. Из осторожности он даже избегал близкого общения с гражданами, никогда не вступал в беседу и ни с кем не обедал вместе. С утра до вечера он занимался общественными делами, а в свободное время запирался дома и не принимал даже друзей и близких.

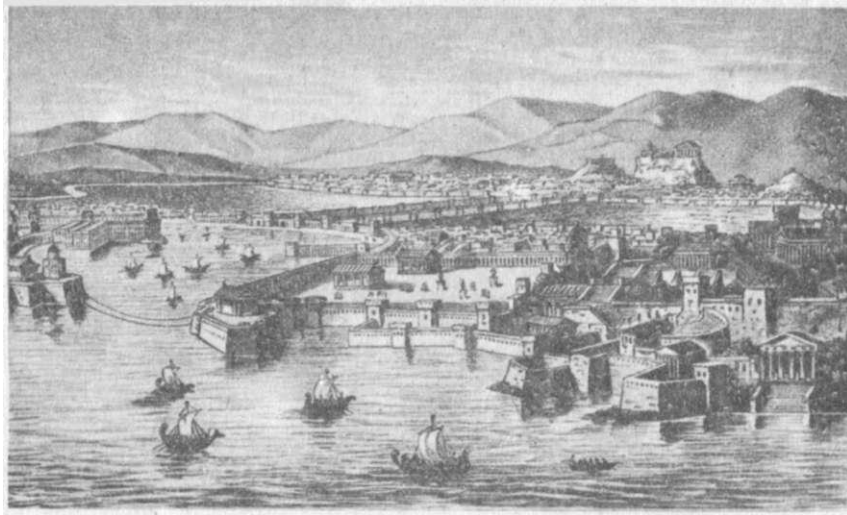
Постоянные страхи сделали и без того от природы осторожного и нерешительного Никия еще более боязливым и осмотрительным. Он не желал и страшился каких бы то ни было перемен и считал, что нужно жить по «отеческим обычаям», так, как жили отцы.

* Хорегами называли лиц, оплачивавших расходы на театральные представления. Хорег — буквально «руководитель хора».

** Театр находился под покровительством бога Диониса.

*** Делос считался родиной бога Аполлона и его сестры Артемиды.

**** В Афинах сикофантами называли доносчиков, которые вымогали деньги у своих жертв, угрожая в противном случае затаскан, их на судам и добиться лишения имущества.

Вид Афин с Пиреем и длинными стенами

Как человек знатный и состоятельный, Никий был противником афинской бедноты и ее вождей, которых он ненавидел и боялся.

Чрезвычайную осторожность, нерешительность и медлительность Никий проявлял и на войне. Он предпочитал вообще уклоняться от командования в опасных походах, зная, что в случае крупной неудачи ему грозит изгнание или даже смерть. Все же, когда ему приходилось быть военачальником, он обычно имел успех. Враги и друзья приписывали его победы исключительно счастью, которое всегда сопутствовало Никию, и приобретенной с годами опытности.

Однако и в походах Никий оставался верен своим предрассудкам. Так, например, разбив коринфян в жестокой битве, он не довершил победу, а заключил с врагом перемирие для погребения двоих афинян*.

После смерти Перикла Никий выдвинулся в первые ряды государственных деятелей. Он сразу же проявил себя решительным противником войны и вскоре нашел поддержку среди групп населения Аттики, пострадавших от войны и склонявшихся к миру.

Больше всех пострадали от войны афинские крестьяне: земля их была разграблена неприятелем, виноградники вырублены, а скот угнан. Поэтому крестьяне громче всех выражали недовольство войной и требовали мира. Они объединились вместе с богатыми землевладельцами и составили умеренную партию — партию мира, вождем которой стал Никий.

* В Греции считалось тяжким грехом оставлять без погребения тела павших в бою. Греки считали, что души непогребенных бродят по свету и мучают сородичей и близких.

Другая партия (так называемая «пирейская») состояла из групп, не чувствовавших так сильно тягостей войны, главным образом из городских ремесленников, мелких торговцев, матросов и купцов, ведущих заморскую торговлю; она стремилась к войне до победного конца. Во главе пирейской партии стояли знаменитый оратор и вождь Клеон, Гипербол и другие.

Клеону и его партии удалось добиться власти. Клеон немедленно принялся за подготовку наступательных операций против Спарты. Он решил поднять восстание илотов в самом Пелопоннесе.

Афинский полководец Демосфен получил приказание напасть на спартанцев в самом Пелопоннесе. Появление здесь афинян должно было вызвать восстание илотов. Демосфен захватил важную гавань спартанцев на Мессенском побережье, город Пилос, откуда можно было легко поднять восстание илотов. Спартанцы, понимая угрожающую им опасность, направили большие сухопутные и морские силы и заняли остров Сфакторию, лежащий против Пилоса. Однако афиняне разбили спартанскую эскадру и осадили гарнизон Сфактерии, состоявший из 400 человек.

Спартанцы, видя, что военное счастье стало улыбаться афинянам, первые предложили заключить мир на выгодных для афинян условиях. Однако теперь афиняне, несмотря на противодействие Никия, ответили отказом.

Война продолжалась, но осада Сфактерии была безуспешной. Несмотря на блокаду, спартанцам удавалось все-таки переправлять на остров съестные припасы, и поэтому осажденных нельзя было взять измором.

Тогда Клеон выступил в афинском народном собрании против Демосфена и Никия. Он обвинил Демосфена в вялом ведении осады. В ответ на обвинения Никий сказал: «Почему бы тебе, Клеон, самому не отправиться против спартанцев?» После недолгих колебаний Клеон принял предложение Никия и стал во главе войска, осаждавшего Сфакторию. Он заявил, что через двадцать дней после своего отплытия в Пелопоннес уничтожит спартанцев или доставит их пленниками в Афины.

Явившись под Сфакторию, Клеон повел вместе с Демосфеном осаду так, что через двадцать дней оставшиеся в живых спартанцы (около 300 человек) сдались в плен и были привезены в Афины. Это заставило спартанцев подумать о мире на приемлемых для афинян условиях.

Клеон предупредил спартанцев, что, если они снова вторгнутся в Аттику, пленные будут казнены. И действительно, вторжения спартанцев в Аттику с этих пор прекратились.

Беспримерная победа Клеона над непобедимыми дотоле на суше спартанцами вызвала в Афинах ликование. Народное собрание определило ему почести как герою, спасителю государства. Многие обвиняли Никия в трусости и вялости за то, что он добровольно отказался от командования в пользу своего противника. Так, знаменитый комический поэт Аристофан осыпал его за это насмешками:

Свидетель Зевс, дремать теперь не время нам,
Как сонный Никий, колебаться некогда.

Клеон между тем со свойственной ему энергией и настойчивостью продолжал наступательную войну против Спарты и ее союзников. Сперва военное счастье было на стороне афинян, им удалось отрезать Мегары от Эгейского моря путем захвата их гавани Нисеи и занять главную стоянку спартанского флота — остров Киферу к югу от Пелопоннеса.

Затем военное счастье изменило афинянам, и они потерпели крупную неудачу в битве с беотийцами при Делии. Это поражение афинян подняло дух спартанцев; они решили перейти к военным действиям во Фракии, чтобы захватить фракийские владения афинян.

Талантливый спартанский полководец Брасид за короткое время, прибыв во Фракию, успел побудить несколько фракийских городов к отделению от афинян.

Клеон выступил против Брасида во главе афинского ополчения. В битве под фракийским городом Амфиполем, где пали оба полководца — Клеон и Брасид, — афиняне потерпели поражение (422 г. до н. э.).

После гибели Клеона и Брасида партии мира в Афинах и Спарте получили преобладание. Афинские крестьяне радовались гибели Клеона и Брасида, считая, что теперь отпали препятствия для заключения мира.

В одной из комедий Аристофана отразилось ликование народа по поводу гибели Клеона. В комедии «Мир» Аристофан изображает страшных демонов войны и ужаса, которые в огромной ступе толкут греческие города, причем пестиками служат Клеон и Брасид.

Пропал толкач афинский знаменитейший,
Погиб кожевник *, что толок Элладу всю
В огромной ступке...
Пропал толкач спартанский наилучший **.

Крестьянин, герой этой комедии, говорит о смерти Клеона:

О госпожа Афина, славно сделал он,
Что вовремя подох на благо городу
И кашу заварить не сможет новую.

Аристофан писал, призывая всех к миру:

Теперь настало время, братья эллины,
Оставив распри, забыв ушибы,
На волю вывеси. Мир любимый.
Пока толкач не помешает новый нам.

Благодаря усилиям Никия и его сторонников вскоре удалось заключить на 50 лет мир со Спартой, известный под названием Никиева, на основе положения, бывшего до войны. Афиняне обязались вернуть спартанцам пленников, отдать Пилос и Сфактерию; спартанцы же должны были возвратить Амфиполь.

* Клеон был кожевником.

** Подразумевается спартанский полководец Брасид.

Мир, однако, длился недолго: обе стороны были недовольны и рассматривали его как передышку перед новой решающей схваткой. Спартанцы не вернули афинянам Амфиполя. В ответ на это афиняне удержали в своих руках Пилос и Сфактерию.

Несмотря на мир Афин со Спартой, во всей Греции царили распри. В самом Пелопоннесе начались раздоры и недовольство действиями Спарты. Особенно недовольны были коринфяне, мантинейцы и аргосцы. Аргосцы и мантинейцы — заклятые враги спартанцев — искали сближения с афинянами.

В это время в Афинах выдвинулся Алкивиад *. Он стал готовить союз с Аргосом и другими пелопоннесскими государствами. Напрасно Никий боролся против этих планов Алкивиада, считая, что они приведут к войне. Никий во главе афинского посольства даже отправился в Спарту, чтобы устранить разногласия между афинянами и спартанцами и тем удержать афинян от союза с Аргосом. Посольство, однако, окончилось полной неудачей. Влияние Никия после этого упало.

К власти пришел Алкивиад, который заключил союз с Аргосом и другими пелопоннесскими государствами.

Спарта оказалась в весьма тяжелом и опасном положении: она была окружена тесным кольцом враждебных ей демократических государств. Одержатъ верх над врагами стало теперь для Спарты вопросом жизни и смерти.

При Мантинее союзное ополчение встретилось со спартанцами. Афиняне не успели оказать союзникам действительной помощи из-за медлительности Никия, и те потерпели полное поражение.

Демократические правительства в Аргосе и других пелопоннесских городах-государствах были свергнуты, и эти государства вновь вступили в Пелопоннесский союз.

Мантинейское поражение привело в Афинах к падению власти Алкивиада и сторонников войны. Во главе правительства опять стал Никий.

По афинскому обычаю вождь группы, потерпевшей неудачу, подвергался изгнанию путем остракизма. Изгнание Алкивиада казалось неминуемым, но ему удалось договориться со сторонниками Никия, и изгнанным оказался вождь демократической партии Гипербол. Алкивиад и Никий вновь оказались у власти. Противники Никия упрекали его в том, что он не может добиться у Спарты возвращения Амфиполя.

Никию пришлось против своей воли отправиться с войском во Фракию отвоевывать Амфиполь. Поход окончился полной неудачей, так как македонский царь, через земли которого лежал путь, принял сторону Спарты и не разрешил проход афинского войска. Неудача Никия привела к падению влияния его партии. Алкивиад сблизился теперь с демократической партией Пирея, стоявшей за войну.

Сторонники пирейской партии мечтали о расширении афинского

* См. ниже биографию Алкивиада.

владычества на запад, о завоевании Сицилии, Карфагена и северного побережья Африки (Ливии).

Алкивиад давно уже замыслил стать владыкой-тираном объединенной под главенством Афин Греции. Он пользовался аристократической и демократической партиями в Афинах только в своих личных целях, присоединяясь то к одной, то к другой. Теперь замыслы Алкивиада совпадали с планом демократической пирейской партии, и он стал вождем сторонников похода в Сицилию.

Все свое красноречие и влияние в народном собрании Алкивиад применил для того, чтобы побудить афинян отправить экспедицию в Сицилию. Впечатлительные афиняне увлеклись заманчивыми картинками, которые им рисовал талантливый оратор. «Надо,— говорил он,— сначала овладеть Сицилией как основой для дальнейших военных действий на западе. Завоевав Сицилию и Карфаген, афиняне захватят сказочно богатую добычу, и тогда все граждане станут богатыми; не надо будет работать, а только повелевать своими подданными».

Возбуждение афинян и их увлечение планами похода в Сицилию достигли высшей степени, когда в Афины явились послы сицилийских городов Леонтины и Эгесты. Послы просили помощи у афинян и уверяли, что на острове вспыхнет демократическое восстание, лишь только туда прибудет афинское войско; они обещали также ссудить большие суммы денег на жалованье афинскому войску, если оно прибудет в Сицилию.

В народном собрании разгорелись жаркие споры о том, следует ли оказать помощь жителям Леонтины и Эгесты. Большинство афинского народа не имело ясного представления об отдаленном острове, считая его сказочно богатой страной, завладеть которой ничего не стоит. Из народного собрания прения перенеслись на улицы, на площади, в лавки и мастерские. Люди всех возрастов — старики и молодые — чертили на песке карты Сицилии и рассказывали всевозможные небылицы об этом острове.

Почти никто не решался выступить против этого фантастического замысла. Один только Никий, вопреки своей обычной робости и нерешительности, на этот раз прямо выступил против похода. Он указывал на большие размеры острова. «В Сицилии,— говорил он,— многочисленное население, враждебное афинянам. Жители острова прекрасно вооружены и имеют большие средства для ведения войны. У нас же, афинян, казна истощена за столько лет войны».

Народное собрание приняло решение послать эскадру в Сицилию с 6000 отборных воинов. Во главе похода поставили Алкивиада, Никия и Ламаха (который славился своей воинской храбростью). Афиняне считали, что Никий принесет большую пользу своей опытностью и осторожностью в соединении с дерзкой отвагой Алкивиада и горячностью Ламаха.

На следующем народном собрании, уже после принятия решения о походе, Никий вновь пытался образумить сограждан. Он открыто обвинил Алкивиада в том, что тот ради личных выгод и в погоне

за славой подвергает государство страшной опасности заморского похода. «Ведь никто из афинян, и сам Алкивиад,— говорил он,— толком не знает, что представляет собою Сицилия и что ждет афинян на большом и враждебном острове. Если наши дела в Сицилии пойдут неудачно, то враги нападут на нас; ведь со Спартой мир ненадежен. Поход и даже завоевание Сицилии только ослабит наши силы».

Народное собрание, однако, не обратило никакого внимания на эти слова. Весь город пришел в движение: богатые граждане были привлечены к постройке и снаряжению кораблей; союзники доставляли необходимые средства; крестьяне заготавливали продовольствие; все граждане, способные носить оружие, деятельно готовились к походу, занимаясь военными упражнениями; кормчие и матросы обучались мореходному искусству.

Ценой крайнего напряжения всех средств государственной казны был построен большой флот в 134 триеры. На снаряжение экспедиции были затрачены огромные средства; одно только жалованье воинам достигало огромной суммы в 1620 талантов (около 2,5 млн. руб.). Между тем накануне отплытия флота произошло роковое событие, взволновавшее афинян, и без того находившихся в крайне возбужденном состоянии: ночью неизвестные люди разбили и изуродовали статуи бога Гермеса (гермы), стоявшие на перекрестках афинских улиц*. Молва обвиняла в этом преступлении Алкивиада. Алкивиад потребовал немедленного разбирательства дела, но враги не решились нанести ему открытый удар. Кроме того, судебное разбирательство должно было задержать отплытие эскадры, а афинское народное собрание торопило с походом. Решено было, что Алкивиад предстанет перед судом после окончания войны, а пока он должен отплыть в Сицилию.

Наконец, назначен был день для отплытия флота (415 г. до н. э.). Афиняне и союзники садились на корабли и готовились к выходу в море. Почти все городское население собралось на проводы; граждане провожали своих близких, друзей и знакомых. Многих охватывало тяжелое чувство тревоги и неуверенности: увидят ли они снова когда-нибудь своих близких и чем кончится далекий поход?

Много досужих зевак собралось в гавани поглазеть на редкостное зрелище; и действительно, большое число прекрасно оснащенных и богато разукрашенных кораблей, блестящее вооружение воинов производили впечатление грозной силы.

Когда воины сели на корабли и погрузка кончилась, раздался сигнал трубы. Одновременно на всех кораблях глашатаи произносили молитвы, которые повторяли воины и толпа на берегу. Матросы и военачальники совершали жертвенные возлияния богам из золотых и серебряных кубков, смешав вино с водой. Затем все запели торжественный гимн (пеан). Корабли подняли якоря и вышли в море.

* Об этом подробнее см. в биографии Алкивиада. Гермес — бог дорог и торговли. Осквернение герм считалось преступлением против религии.

Афинский флот обогнул Пелопоннес и прибыл к острову Керкире (у берегов Эпира), где собралось остальное войско союзников. Здесь стратеги произвели смотр своих сил. Флот был разделен на три эскадры, каждая под командованием особого адмирала. Затем все три эскадры в сопровождении множества транспортных кораблей направились к берегам Италии.

Все три избранных для похода стратега даже после отплытия не могли выработать общего плана действий. Алкивиад — человек сильной воли — стремился взять всю власть в свои руки и предложил не нападать сразу на главного врага — сицилийский город Сиракузы, а добиться отпадения союзных сиракузянам городов. Ламах — пылкий полководец — предлагал плыть прямо на Сиракузы и дать бой под стенами города, пока жители не успели еще подготовиться к отпору. Никий же возражал обоим: он не верил в успех экспедиции и советовал оказать лишь небольшую помощь жителям Эгесты, а затем флоту плыть вокруг Сицилии и, устранив врага, вернуться домой. Этим предложением Никий сразу ослабил боевой дух и решимость афинского войска. Мало того, даже и после выхода в море он продолжал проявлять нерешительность и медлительность. Такое поведение Никия лишало боевого духа других военачальников, и флот терял напрасно время.

В конце концов Ламах присоединился к Алкивиаду, и Никий должен был подчиниться.

Появление громадного афинского флота у берегов Италии вызвало среди южноиталийских государств сильное беспокойство: они понимали, что афиняне прибыли не ради помощи, а с целью завоевать их; поэтому вплоть до города Регия (на юге Италии) афиняне не только не могли высадиться, но даже заpastись питьевой водой. Здесь удалось, наконец, пополнить запасы продовольствия. Но афинских стратегов постигло новое разочарование: выяснилось, что вместо обещанных представителями Эгесты больших сумм денег на жалованье матросам они предлагают лишь небольшую сумму в 30 талантов.

Отсюда афинские корабли направились к сицилийским городам Наксосу и Катане, которые стали на сторону афинян.

В этот момент из Афин прибыл государственный корабль «Саламания» с приказом народного собрания: Алкивиаду сдать командование и немедленно возвратиться в Афины на суд. Дело в том, что в Афинах якобы обнаружилось новые доказательства виновности Алкивиада в оскорблении религии. Алкивиад подчинился, но по дороге бежал. Афиняне сочли бегство Алкивиада доказательством его виновности, и он был заочно приговорен к смертной казни.

После отъезда Алкивиада командование перешло к Никию. Ему следовало бы немедленно начать блокаду Сиракуз, пока сиракузяне не успели собрать большого войска и средств для обороны и пока бесспорный перевес на суше и на море был на стороне афинян. Это была единственная возможность выиграть войну.

Между тем Никий не решался приступить к серьезным военным действиям. Он все еще пытался показом мощи своего флота склонить сицилийские города на сторону афинян. С этой целью он потратил драгоценное летнее время на безуспешное плавание у сицилийских берегов и в конце концов возвратился в Катану ни с чем.

Сиракузяне в это время готовились к обороне. Они послали за помощью в Спарту и другие греческие государства, враждебные афинянам, и успели набрать большое войско из наемников. Наконец сиракузяне почувствовали себя настолько сильными, что решились сами напасть на афинян.

Слухи о планах сиракузян стали доходить до афинян. Тогда только Никий с трудом согласился плыть к Сиракузам. Дело в том, что в древности военные действия греков были связаны временем года: зимой обычно не воевали. Была уже осень, и афинский стратег хотел начать военные действия весной.

При помощи военной хитрости афинянам удалось выманить войско сиракузян из города. Тогда Никий отплыл из Катаны, овладел гаванями Сиракуз и занял удобное место для лагеря. Когда сиракузяне вернулись под стены своего города, произошла битва и афиняне одержали победу. Однако Никий не воспользовался победой и, вместо того чтобы сделать попытку сразу взять Сиракузы, возвратился на зимовку в Наксос.

Узнав об этом, сиракузяне напали на афинский лагерь в Катане и сожгли его. В этой неудаче все обвиняли афинского главнокомандующего.

Теперь, наконец, Никий взялся за осаду Сиракуз. Афинянам удалось незамеченными высадиться около Сиракуз, и захватить высоту, господствующую с запада над городом. Подоспевшая в это время конница сиракузян бросилась на афинян. Завязался жаркий бой, и афиняне одержали блестящую победу, захватив 300 человек в плен.

Затем Никий за короткое время возвел вокруг Сиракуз стену, чтобы блокировать город с моря и с суши. Афинский флот вошел в большую гавань Сиракуз.

Осажденные сиракузяне оборонялись и строили в свою очередь стену, которая должна была идти от города до встречи со стеной афинян. Осажденные все время делали вылазки, чтобы помешать работам афинян, а те старались препятствовать им. Происходили постоянные стычки. Во время одной из них второй афинский стратег, храбрый Ламах, был убит.

Теперь начальником остался один Никий.

Сиракузяне продолжали отчаянно защищаться, но положение их со дня на день ухудшалось: стены, построенные афинянами вокруг города, уже были почти совсем готовы. Кольцо осады вот-вот должно было сомкнуться. Некоторые сицилийские города стали переходить на сторону афинян. Сиракузяне уже считали положение города безнадежным и вступили с афинским главнокомандующим в переговоры об условиях, сдачи.

В этот момент произошло событие, изменившее весь ход войны. По совету Алкивиада, который бежал в Спарту и стал изменником родины, спартанцы послали на помощь сиракузянам 700 воинов под начальством опытного полководца Гилиппа. Ему удалось тайно пересечь пролив и высадиться на северо-западе Сицилии. Никий был настолько уверен в победе, что даже не выставил караулов, хотя и знал о приближении Гилиппа.

Прибыв под Сиракузы, Гилипп сначала послал глашатая к Никию, предлагая афинянам немедленно сесть на корабли и возвратиться в Афины. Никий даже не ответил на это предложение спартанского полководца. Тогда Гилипп вместе с сиракузянами напал на афинян. В первой битве афиняне одержали победу, но затем враги захватили несколько афинских укреплений и прорвались в осажденный город.

Эти неудачи привели афинского стратега в отчаяние, он понял, что афиняне уже не в состоянии отрезать город с суши. Мало того, афиняне сами скоро могли оказаться осажденными, так как сиракузяне построили стену под углом к афинским укреплениям, а вражеская конница стала мешать их сообщениям.

Теперь афинянам оставался один выход — просить немедленной присылки подкреплений из Афин. Никий так и поступил. Он отправил афинскому народному собранию письмо, в котором мрачными красками рисовал положение и просил по болезни заменить его другим стратегом. «Пока я был здоров,— писал Никий,— я оказал много услуг государству, но теперь я не могу уже выполнять должность стратега. Помощь нужна немедленно, так как наши корабли приходят в негодность, союзники разбегаются, правильное снабжение войска нарушено, денег нет и взять негде, потому что союзники отказывают нам в помощи».

Письмо Никия было доставлено в Афины в тяжелое время для города: спартанцы вновь начали войну; по совету Алкивиада, они заняли важный укрепленный пункт в центре Аттики — Декелею. Отсюда спартанцы мешали доставке хлеба в Афины с полей Аттики и из соседней Эвбеи. Днем и ночью враги не давали покоя афинянам. Все население Афин было привлечено к обороне города; стычки с врагом происходили почти ежедневно.

Несмотря на все это, народное собрание напряжением всех сил государства снарядило на помощь в Сицилию еще две эскадры кораблей под начальством опытного полководца Демосфена с 1200 афинских гоплитов и множеством союзников. Кроме того, были собраны и отправлены большие суммы денег.

Еще до прибытия этих подкреплений Никий подвергся внезапному нападению с суши и с моря. Семь афинских кораблей было потоплено, другие же получили значительные повреждения. Но самое главное — враги захватили афинскую базу — мыс Племмирий — со множеством запасов, снаряжением и деньгами.

После того как враги вытеснили афинян с Племмирии, снабжение афинского войска чрезвычайно затруднилось, так как вражеские

корабли стали мешать подвозу продовольствия. Это поражение афинян повлекло за собой переход почти всех сицилийских городов на сторону сиракузян.

Афинское войско окончательно пало духом; никто из афинян уже не верил в победу и благополучное возвращение на родину.

В этот-то момент в афинском лагере заметили приближение большой эскадры. Под звуки музыки флот Демосфена, состоящий из 73 кораблей с 5000 гоплитов и 3000 легковооруженных союзников с большим количеством снаряжения, вошел в гавань. Афиняне воспрянули духом, ликовали; наконец-то, думали они, мы возьмем Сиракузы и с богатой добычей вернемся на родину.

Сиракузяне, наоборот, впали в уныние: они увидели, что прибыло войско не меньше первого и что афиняне по-прежнему могущественны.

Между тем Демосфен, ознакомившись с положением дел, решил немедленно напасть на врага. «Нужно,— говорил он,— поставить на карту все: или захватить Сиракузы, или возвращаться домой».

Никий, как всегда, был против решительных действий. Он указывал, что средства врагов уже истощились и союзники скоро их покинут; тогда, говорил он, они будут просить мира. И действительно, сиракузяне опять завели тайные переговоры с афинянами о мире. Остальные стратеги поддержали Демосфена, говоря, что Никий и раньше медлил и терял драгоценное время и теперь занимается проволочками.

Никий с трудом, под давлением товарищей, уступил.

Демосфен в ту же ночь сделал попытку овладеть Сиракузами. Сначала афинянам удалось потеснить неприятеля, но потом при преследовании отступающих врагов в темноте произошла беспорядочная битва, причем афиняне не могли отличить своих от врагов. В этой битве Демосфен потерпел решительное поражение. Немногим воинам удалось спастись бегством; на поле сражения осталось 2000 трупов афинян и союзников.

После этой неудачи афинские стратеги собрались на совет. Нужно было решить, что же делать дальше. В афинском лагере, который был расположен в нездоровой местности, начались болезни; дух воинов упал; положение представлялось почти безнадежным. Поэтому Демосфен высказался за то, чтобы немедленно возвращаться домой или же перенести стоянку в другое место, подальше от Сиракуз, и оттуда опустошать страну. Но тут Никий неожиданно воспротивился этому плану. Он по-прежнему не верил в победу, но больше, чем сиракузян, боялся своих врагов-демократов, которые по возвращении в Афины, как он думал, предадут его суду и казнят за неудачу. «Я предпочитаю смерть от руки врагов,— говорил он,— чем от руки сограждан».

Между тем в Сиракузы прибыло на помощь новое большое войско. Тогда Никий понял, что война проиграна и нужно скорее

снимать осаду и отправляться домой. Когда все уже было готово к отплытию, ночью произошло лунное затмение, которое сильно испугало Никия и многих воинов. Предсказатели, бывшие в войске афинян, объявили, что боги явно противятся отступлению и что следует ожидать следующего полнолуния.

Но тут произошло самое ужасное из всего, что могли ожидать афиняне, После двухдневного морского сражения, где погибло много афинян, сиракузяне преградили афинскому флоту выход из гавани. Флот афинян оказался в ловушке.

В афинском лагере снова собрался военный совет, и было решено, оставив под охраной больных и раненых, сесть на корабли и во что бы то ни стало прорваться через заграждения и отплыть на родину.

Лучшая часть сухопутного войска афинян была посажена на оставшиеся корабли. Перед отплытием Никий обратился к воинам с короткой речью: «Нам предстоит борьба за отечество. Помните, что вы — последняя надежда родины, у государства нет больше ни флота, ни войска. Если мы потерпим поражение, то родина окажется беззащитной. Все, что нужно, нами предусмотрено. Наши корабли снабжены приспособлениями для абордажного боя. Мы сеемся с вражескими кораблями и будем сражаться, как на суше».

Произошла жаркая битва в невыгодных условиях для тяжелых афинских кораблей. На небольшом пространстве бухты собралось до двухсот кораблей.

Сухопутные войска сиракузян и афинян с берега наблюдали за ходом сражения. Легкие корабли сиракузян со всех сторон нападали на тяжелые афинские триеры. Враги метали в афинян огромные камни, афиняне отвечали им стрелами и дротиками. Однако все попытки афинян прорваться окончились неудачей. Наконец, сиракузяне произвели решительный натиск и обратили в бегство афинские корабли. Началось массовое истребление побежденных; афиняне оказались в безнадежном положении: путь к морю был отрезан, а на суше отступление также было преграждено врагами, которые заняли господствующие высоты, загородили переправы, уничтожили мосты, а долины заняли отрядами конницы.

Теперь афинскому войску оставалось одно спасение — отступать по суше во внутренние области Сицилии. Еще можно было спастись, если бы отступление началось немедленно. Но Никий выступил только спустя два дня после поражения на море.

После всех потерь войско афинян насчитывало еще около 40 тыс. человек. Оно было разделено на два отряда: впереди шел Никий, позади — Демосфен. Воины несли с собой скудный запас продовольствия, всего на 5 дней.

Несчастья постигли афинян с самого начала. Они вынуждены были свернуть с намеченного пути, так как он был прегражден сиракузянами. С этих пор они брели почти наудачу, туда, где

ожидали встретить меньшее сопротивление или надеялись достать продовольствие и воду. Вражеская конница все время не давала им покоя. Голод и жажда доводили отступавших до безумия.

Сам Никий, несмотря на болезнь и несчастья, обрушившиеся на него, сохранял присутствие духа и старался вселить в своих несчастных воинов надежду на спасение.

На шестой день отступления отставший от своих отряд Демосфена был окружен; враги целый день осыпали афинян стрелами и дротиками. Когда выяснилось, что дальнейшее сопротивление приведет к полному истреблению отряда, Демосфен после неудачной попытки самоубийства сдался под условием сохранения жизни воинам.

Два дня спустя сложил оружие и Никий, также получив обещание сохранить ему жизнь.

Сиракузское народное собрание, однако, постановило казнить Никия, Демосфена и других стратегов; афинских союзников продать в рабство, а самих афинян запереть в тесные каменоломни около Сиракуз.

Большая часть афинских пленников погибла в каменоломнях. Несчастные пленники страдали от жажды и холода, от страшной скученности, среди них развились повальные болезни; некоторые умирали от истощения, вызванного скудной и однообразной пищей. Только немногие были проданы в рабство и таким образом спасли свою жизнь. Рассказывают, что некоторым пленникам удалось спасти свою жизнь и даже получить свободу благодаря тому, что они помнили наизусть отрывки из произведений великого афинского трагика Еврипида, слава которого распространилась по всему греческому миру.

Весть о гибели всего войска и флота принес в Афины какой-то иностранец. Высадившись в Пирейской гавани, он зашел в парикмахерскую постричься и стал говорить о несчастье, как о чем-то уже известном. Владелец парикмахерской после первых его слов опрометью бросился в город и сообщил ужасную весть должностным лицам.

Произошел страшный переполох. Немедленно собралось народное собрание. Привели иностранца и стали расспрашивать о подробностях и о том, от кого он узнал об этом несчастье. Так как он ничего вразумительного от испуга сказать не мог, то его сочли злоумышленником, намеренно распространявшим ложные слухи, чтобы произвести смятение в государстве. Несчастный был подвергнут пыткам, и его долго мучили, пока, наконец, не прибыли вестники, подтвердившие страшную правду.

Так погиб Никий. Он принес несчастье родине своей нерешительностью, а также тем, что боялся своих соперников в борьбе за власть больше, чем врагов родной страны.

АЛКИВИАД

— Останови лошадь! — крикнул
ру!

Алкивиаду было девятнадцать лет, когда началась Пелопоннесская война, огромное столкновение между демократическим афинским государством и аристократической Спартой и их союзниками. Вся дальнейшая жизнь Алкивиада связана с этой двадцатисемилетней войной. Умер он в год окончания Пелопоннесской войны.

Алкивиад принадлежал к богатому и знатному афинскому роду Алкмеонидов. Рано потеряв родителей, он воспитывался в доме великого Перикла, его родственника и опекуна.

У Перикла, правителя Афин, бывали выдающиеся люди того времени, и с детских лет Алкивиад встречал многих из них — поэта и драматурга Софокла, философа Анаксагора и других. Он хорошо знал и жену Перикла Аспазию, одну из самых блестящих женщин древней Греции.

Юноша получил прекрасное воспитание и образование. Он был очень красив и сохранял красоту всю жизнь, в детстве, отрочестве и в зрелом возрасте.

Природа наделила Алкивиада незаурядным умом и исключительными способностями. Однако наряду с хорошими чертами характера у него часто проявлялись и отрицательные. Он отличался горячим, неровным, изменчивым нравом, и поведение его часто бывало непредсказуемым. В одном Алкивиад был неизменен и всегда верен себе: он был честолюбив, любой ценой стремился первенствовать и, чтобы добиться успеха, не останавливался ни перед чем.

Рассказывали, что еще мальчиком Алкивиад однажды боролся со своим приятелем. Противник оказался более проворным и сильным. Почувствовав, что с ним не справиться, Алкивиад укусил обхватившую его руку. Противник от боли невольно разжал руки.

— Позор! — закричал он, — ты кусаешься, как девчонка!

— Нет, — ответил Алкивиад, — я кусаюсь, как лев!

В другой раз мальчики играли на узкой улице в кости. Они подбрасывали костяшки и, когда они падали наземь, считали, сколько выпало очков. Настала очередь Алкивиада кидать. Он бросил кости, но не успел взглянуть, сколько ему выпало очков, как к играющим стала быстро приближаться телега. Алкивиад бросился навстречу.

он возчику.— Не порти иг-

Возчик не обратил внимания на мальчишку и продолжал по-нукать лошадь. Играющие расступились, чтобы пропустить телегу. Алкивиад же лег на дорогу перед приближавшейся лошадью и закричал:

— Теперь поезжай, если сможешь!

Возчик вынужден был остановиться. Испуганные прохожие бросились поднимать Алкивиада. Только когда проверили кости, телега смогла тронуться дальше.

Алкивиада занимали не только игры и забавы. Он рано начал учиться, был прилежен, внимательно слушал и легко все запоминал. Учителя радовались его способностям и успехам. Но и здесь проявился его непокорный нрав: он решительно отказался учиться играть на флейте.

— Это занятие недостойно свободного человека, оно лишает его речи. С флейтой у рта нельзя и слова сказать!

Никакие доводы не могли его переубедить. Более того, другие знатные афинские юноши стали подражать Алкивиаду. Постепенно свободные люди перестали обучаться игре на флейте. Это занятие стало считаться унижительным.

Всеобщее восхищение его красотой, умом, дарованиями вскружило голову Алкивиаду. Он решил, что ему все доступно, все дозволено, и он стал часто поступать недостойно, лишь бы обратить на себя внимание, заставить говорить о себе. Поступки его не раз возмущали афинян.

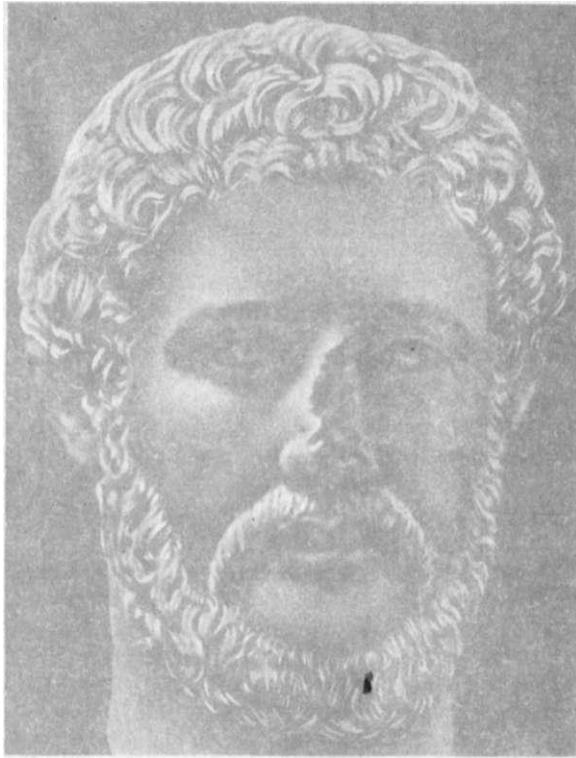
Однажды он пришел к грамматiku (учителю) и попросил у него сочинения Гомера. Учитель сказал, что у него нет Гомера. Алкивиад ударил его и убежал.

Как-то раз ни с того ни с сего на потеху приятелей, с которыми он побился об заклад, он подошел к Гиппонику, богатому афинянину, пользовавшемуся доброй славой и всеобщим уважением, и ударил его. Этот наглый поступок всех возмутил. На другой день, чуть стало светать, Алкивиад пришел к Гиппонику.

— Прости меня, — сказал он, — я очень виноват. Отдаю себя в твои руки. Готов понести любое наказание.

Гиппоник простил обидчика. Несколько лет спустя он даже выдал за Алкивиада свою дочь Гиппорету, которая прожила с ним весьма нелегкую жизнь.

Были у Алкивиада и другие, не украшающие его поступки.

Алкивиад

Например, у него была очень красивая и дорогая собака. В один прекрасный день Алкивиад приказал обрубить собаке хвост. Друзья укоряли Алкивиада за этот бессмысленный поступок, говорили, что в городе жалеют собаку и бранят его;

— Очень хорошо! — ответил Алкивиад. — Пусть лучше болтают о собачьем хвосте, чем обсуждают мои дела.

Достигнув совершеннолетия, Алкивиад смог принимать участие в спортивных состязаниях, в том числе и в Олимпийских играх. Богатство позволяло ему содержать конюшни со множеством лошадей и участвовать в беге колесниц, что могли позволить себе только самые богатые люди.

Однажды Алкивиад прислал в Олимпию сразу* семь колесниц. До этого никто не мог себе такого позволить. Он не только победил и получил первое место, но его колесницы заняли еще два призовых места. По обычаю, победитель мог заказать победную песнь. Ее написал для него знаменитый поэт Еврипид, он восславил Алкивиада такими словами:

— Хочу воспеть тебя, сын Клиния. Победа прекрасна. Еще прекраснее, что тебе единственному из эллинов удалось прийти на колеснице первым, вторым и третьим!..

По старинным греческим обычаям тот, кто победил на Олимпийских играх, мог претендовать на власть в государстве. Конечно, для избрания на высшие государственные должности надо было еще обладать красноречием, уметь говорить в народном собрании. Впоследствии сам великий Демосфен отметил замечательные ораторские способности Алкивиада. Он умел мастерски говорить без подготовок, остроумно отвечать на вопросы, замечания и так увлекательно слушающих, что мало кто замечал, что он слегка шепелявил.

Заметную роль в жизни Алкивиада играла его дружба с Сократом. С юных лет он сблизился с этим великим философом, который сделался его другом и наставником. Это доказывает, что от природы Алкивиад был одарен не только красотой, но и прекрасными душевными качествами, которые Сократ стремился сберечь. Он остерегал своего молодого друга от дурного влияния, которое на него оказывал круг веселых приятелей. Как мы видели, это не всегда удавалось и дурные наклонности Алкивиада брали верх.

Восемнадцатилетний Алкивиад участвовал в походе афинян к городу Потидее. Поход он совершил вместе с Сократом. В битве Алкивиад был ранен, и жизнь ему спас Сократ, отразивший врагов. В свою очередь при отступлении Алкивиад несколько раз защитил Сократа.

Эта странная дружба умудренного жизнью философа и неуравновешенного юноши крепла, несмотря на то, что Сократ откровенно обличал недостатки Алкивиада.

Принимать участие в государственных делах Алкивиад начал рано. Происхождение, богатство, влиятельные друзья и родня облегчали ему путь к занятию государственных должностей.

Но он хотел быть обязанным самому себе, своим талантам, своему ораторскому искусству.

Алкивиад не стал приверженцем ни одной из борющихся в Афинах политических партий. В зависимости от обстоятельств и прежде всего своих целей он примыкал то к одной, то к другой партии. К народу же он относился презрительно, считал, что демократию лучше заменить властью сильного правителя. Еще в юности он открыто высказывал такие мысли. Как-то пришел он к правителю Афин Периклу, но тот не встретился с ним.

— Хозяин занят, — сказали слуги, — он размышляет над отчетом, с которым должен будет выступить перед народом.

— Лучше бы ему подумать над тем, как вообще ни в чем не отчитываться перед афинянами! — воскликнул Алкивиад.

Политическая деятельность Алкивиада началась в трудное для Афин время. Почти десять лет продолжалась война, принесшая неисчислимые бедствия. Многие видные деятели погибли в сражениях. Афины опустошила чума, которая унесла и Перикла. Ни Афины, ни

Спарта не достигли решающего успеха. В этой обстановке главе партии умеренных Никию удалось добиться заключения мира (421 г. до н. э.), который принес временное успокоение. Условиями мира многие в Афинах были недовольны, особенно горожане, торговцы, ремесленники, которым война приносила ряд выгод. Партию городского населения, выступавшую за продолжение войны, возглавлял ремесленник Гипербол. Алкивиад примкнул к этой партии и все силы своего могучего красноречия, всю свою энергию обратил на то, чтобы убедить народ возобновить войну. Ему удалось уговорить многих, но не Никия, своего главного политического противника.

Никий пользовался большим почетом и известностью, а после смерти Перикла сделался самым влиятельным человеком в Афинах. Своей осторожностью, можно сказать — нерешительностью, он отличался от Алкивиада, но многих привлекали к нему именно эти черты характера.

В 420 г. до н. э. Алкивиад был избран стратегом и стал во главе государства. Но влияние Никия, творца мира, оставалось огромным, что вызвало зависть Алкивиада, и он не видел иного способа оттеснить Никия, кроме срыва мирного договора и возобновления войны.

Как только между афинянами и спартамцами возникли первые недоразумения и разногласия, Алкивиад начал все более ожесточать своих земляков против лакедемонян, одновременно настраивая их против Никия.

Готовясь к возможному возобновлению войны, Алкивиад искал новых союзников и привлек к сближению с Афинами некоторые пелопоннесские государства, в том числе и старого врага Спарты — Аргос. Спартамцы выступили против Аргоса.

В Афинах в это время на смену Алкивиаду был избран Никий, который не оказал новым союзникам должной поддержки. Но он разрешил афинским добровольцам во главе с Алкивиадом прийти на помощь восставшим против Спарты пелопоннесцам. В сражении при Мантинее спартамцы победили. Аргосцы и другие пелопоннесские государства вынуждены были подчиниться Спарте.

Поражение при Мантинее привело к краху партии Алкивиада, настаивавшей на продолжении войны.

По установившемуся обычаю полководец, потерпевший поражение, часто не только лишался должности, но подвергался ostracismu, изгнанию из страны. Однако Алкивиад оказался исключением из этого правила. Ловкий дипломат, умеющий убеждать людей и влиять на них, Алкивиад сумел договориться со своими противниками и остался в Афинах, фактически разделив власть с Никием. Изгнали же вместо Алкивиада вождя демократов Гипербола.

Алкивиад продолжал свою борьбу с Никием, стремясь любыми путями ослабить его популярность и влияние и добиться возобновления войны со Спартой. Алкивиад при этом не выбирал средств для достижения своей цели.

Дела Никия ухудшались, как вдруг из Спарты прибыло посольство с целью уладить споры, укрепить мирные отношения между государствами.

Это было ударом по Алкивиаду и его сторонникам. Стремясь во что бы то ни стало сорвать переговоры, он тайно встретился с послами.

— Не узнаю вас, спартамцы,— сказал он,— неужели вы забыли, что Совет всегда ласково принимает тех, кто обращается к нему. Только народ всегда высокомерен, несдержан, на него нельзя положиться. Ни в коем случае не открывайте афинянам, что вы уполномочены сами все решать, не ожидая одобрения из Спарты. Если народ про это узнает, он начнет требовать слишком многого. Нет, друзья мои, если только вы не хотите, чтобы вас заставили поступать вопреки вашей воле и вашим планам, ведите переговоры так, словно вы приехали только прощупать почву и никаких прав и полномочий у вас нет. А я вам охотно помогу.

Свои слова Алкивиад подтвердил клятвой. Послы поверили Алкивиаду, дивясь его красноречию и уму. Они рады были получить такую поддержку.

Назавтра собрался народ, чтобы выслушать послов. Они не успели вымолвить слова, как Алкивиад спросил:

— Правда ли, что вы прибыли с широкими, неограниченными полномочиями?

Памятуя о вчерашнем разговоре, послы ответили:

— Нет, это неверно.

— Ах, вот как! — вскричал Алкивиад, как будто не он нагло обманывал других, а сам жертва обмана.— Значит, вы ввели всех в заблуждение! Вы низкие, коварные лжецы! От них,— Алкивиад обратился к народу,— нельзя ждать ни здравых решений, ни здравых дел!

Народ негодовал. Ничего не подозревавший Никий был поражен таким вероломством.

Спартамские послы уехали ни с чем, и вскоре война возобновилась.

Алкивиад, избранный стратегом, проявил таланты политика и полководца. Ему удалось склонить на сторону Афин несколько больших городов, раньше стоявших за Спарту. Он умело руководил боевыми действиями на суше и на море. Вместе с тем народ возмущали и раздражали роскошь, в которой жил Алкивиад, его разнузданность, его щегольство, излишества. Он мог избить человека из-за пустяка. Возбуждали недовольство многие другие поступки Алкивиада. Но вместе с тем он тратил огромные деньги на организацию для народа театральных представлений, на подарки афинянам. Его щедрость привлекала людей. Он был полон противоречий. Но слава его предков, его красота и таланты заставляли афинян прощать Алкивиаду своеволие и пренебрежение древними обычаями. Драматург Аристофан сказал, что «народ любит и ненавидит Алкивиада, но не хочет обходиться без него».

Некоторые проникательные люди разгадали натуру Алкивиада и указывали народу на его стремление к самовластию, призывая, пока не поздно, обуздать его. Их призывы были тщетными. Но опасения эти оправдались, вскоре Алкивиад действительно принес много бед родине.

После того как война со Спартой возобновилась, Никий возглавил поход во Фракию, чтобы отвоевать расположенные недалеко от Потидеи золотые рудники и захваченный ранее спартанцами город Амфиполь. Поход закончился неудачей, и это еще более поколебало влияние Никия и его партии.

Честолюбивые стремления не давали покоя Алкивиаду. Он мечтал о том, чтобы стать владыкой всей Греции, объединенной вокруг Афин. Он думал о своей славе больше, чем об отечестве. Замыслы Алкивиада совпали с планами демократической партии. Он стал вождем тех, кто был сторонником военной экспедиции на остров Сицилию.

Сицилия еще при жизни Перикла манила афинян, а позднее мысль о завоевании этого богатого острова сделалась всеобщей.

Алкивиад все свое красноречие, всю свою бурную энергию употребил, чтобы побудить афинян направить войско в Сицилию. В своих зажигательных речах Алкивиад увлекал афинян заманчивыми картинами великого будущего Афинского государства.

— Сograждане! — призывал Алкивиад. — Мы должны овладеть Сицилией, и это будет только начало великих дел. Сицилия даст возможность двигаться дальше на запад и овладеть Карфагеном. Завоевав Сицилию и Карфаген, афиняне захватят сказочную добычу и все граждане Афин станут богатыми. Не надо будет работать, а только повелевать своими подданными.

В Афинах царило возбуждение. В это время туда прибыли послы от двух сицилийских городов, Эгесты и Леонтии. Они просили помощи против могущественных Сиракуз. Послы уверяли, что на острове Сицилия афинян ждут и едва афинские воины ступят на берег, вспыхнет всеобщее демократическое восстание. Послы обещали также большие деньги, чтобы содержать афинское войско, когда оно прибудет в Сицилию.

Просьба послов Эгесты и Леонтии обсуждалась в народном собрании. О Сицилии шли споры — на улицах, в домах, в мастерских, в лавках — словом, везде. Большинство афинян ничего не знали об этом далеком острове и рассказывали о нем разные небылицы. Но все думали, что Сицилия сказочно богата и завладеть ею будет легко.

Против этих фантастических замыслов осмелился выступить только Никий:

— Сицилия очень велика, — говорил он, — там большое население, враждебное Афинам. У сицилийцев сильное войско и достаточно денег, чтобы вести войну.

Однако голосу благоразумия не вняли. Народное собрание решило начать поход и отправить в Сицилию шесть тысяч от-

борных воинов на многочисленных кораблях. Во главе войска были поставлены Алкивиад и Никий, а также известный своей храбростью Ламах. Полагали, что дерзкая отвага, несдержанность Алкивиада будет уравновешиваться опытом и осторожным характером Никия.

Весь город пришел в движение, все готовили предстоящий поход: богатые афиняне помогали строить и снаряжать корабли, союзники Афин доставляли нужные средства, крестьяне везли продовольствие, граждане, способные носить оружие, готовились к походу.

Уже после решения народного собрания об экспедиции в Сицилию Никий еще раз попытался образумить народ. Он обвинял Алкивиада в том, что тот из-за личных выгод, в погоне за славой готов подвергнуть отечество и его граждан страшной опасности.

— Ведь никто, — говорил Никий, — даже сам Алкивиад, толком не знает, что ждет там афинян. Возможна неудача, и это ослабит Афины и побудит Спарту к продолжению войны.

Однако и на этот раз народное собрание не обратило внимания на предостережение Никия.

Вскоре был готов большой флот (134 триеры), на который затратили огромные деньги.

Вдруг, накануне отплытия, в Афинах случилось неслыханное происшествие, встревожившее город. Проснувшиеся утром граждане увидели, что стоявшие на перекрестках улиц гермы разбиты, изуродованы. Гермы — невысокие четырехугольные столбы с головой бога Гермеса — чрезвычайно чтились в Афинах. Суеверные афиняне увидели в этом святотатстве дурной знак.

— Кто совершил богохульство?! Кто преступник?! — спрашивали горожане.

Вначале считали, что это сделали вражеские силы, которые надеялись, что осквернение герм афиняне сочтут плохим предзнаменованием и отложат, а может быть, и вовсе отменят поход. Другие видели в этом преступлении происки врагов демократии или изменников.

Началось расследование. Ходом расследования решили воспользоваться враги Алкивиада, увидев удобный повод, чтобы скомпрометировать его, сломать его карьеру. Особенно оживились противники Алкивиада, когда открылось еще одно преступление против религии.

Группа афинской молодежи во время пирушки разыгрывала у себя в доме мистерии богини Деметры, насмехаясь над этими таинствами, которые имели право совершать только специально посвященные женщины. Поползли слухи, что в этом осмеянии священных обрядов участвовал со своими друзьями и Алкивиад. Тайные доносы стали обвинять Алкивиада и в осквернении герм.

Алкивиад стал опасаться худшего. Однако, узнав, что моряки и сухопутное войско за него, что они не желают идти в поход без своего вождя, приободрился. Он стал энергично готовиться к своей защите в суде, требуя немедленного разбирательства дела.

Враги Алкивиада понимали, что при подобных обстоятельствах судьи могут быть снисходительными к нему и он даже сумеет оправдаться. Несколько ораторов, тайных недоброжелателей Алкивиада, выступили в народном собрании якобы с добрыми предложениями.

— Нелепо,— говорили они,— чтобы стоящий во главе такой важной экспедиции полководец задерживался, тратил время на ожидание суда. Пусть он отплывает в добрый час, а после возвращения из похода он сможет держать ответ перед законом.

Злой умысел, таящийся в этом предложении, не ускользнул от Алкивиада. Он опять потребовал немедленного суда.

— Очень худо,— сказал Алкивиад,— идти на врага, не очистившись от обвинений, от доносов, без уверенности в будущем. Суд нельзя откладывать. Я готов умереть, если не докажу своей невиновности. Когда же меня оправдают, я с легким сердцем отправлюсь в поход.

Но ему не удалось убедить народ, и был дан приказ к отплытию. В мае (415 г. до н. э.) экспедиция во главе с Алкивиадом, Никием и Ламахом вышла в море, взяв курс на Сицилию. Это были мощные силы: сто тридцать четыре триеры, пять тысяч тяжелых пехотинцев (гоплитов), более тысячи трехсот лучников, пращников и других легко вооруженных воинов, а также снаряжение и припасы.

Корабли афинян плыли на запад, к берегам Италии. Плавание шло благополучно, казалось, все идет как задумано и удастся поднять против Сиракуз другие сицилийские города. Однако, когда приблизились к цели плавания, поняли, что не все пойдет гладко. Оказалось, большинство греческих городов южной Италии настроено к афинянам враждебно. Появление огромной эскадры вызвало их беспокойство, они справедливо решили, что афиняне пришли не столько для помощи, сколько для подчинения себе греческих государств южной Италии.

Тем временем Алкивиад взял южноиталийский город Регию, затем высадился на Сицилии, где захватил город Катаны. После этого Алкивиад решил приступить к осаде Сиракуз. Ламах согласился с этим планом, но Никий выступил против. Между вождями начались бесплодные споры. Прерваны они были приходом из Афин священной триеры «Саламинии». Корабль пришел за Алкивиадом, ему приказано было возвратиться и предстать перед судом.

Случилось то, чего опасался Алкивиад.

После отплытия экспедиции в Афинах оживили свою деятельность враги Алкивиада. Речь шла уже не только об оскорблении мистерий и надругательстве над священными гермами. Выдвигались еще более серьезные обвинения: безбожники якобы хотели уничтожить демократию в Афинах. Начались многочисленные аресты подозреваемых, допросы, пытки.

Арестован был некий оратор Андокид, известный как ярый ненавистник демократии и приверженец аристократического прав-

ления. В тюрьме он сблизился с одним из товарищей по несчастью — Тимеем. Это был малоизвестный, но решительный и умный человек. Он убедил Андокида, что ему, чтобы спасти себя, нужно сделать ложный донос.

— Тот, кто сознается,— говорил Тимей,— и выдаст сообщников, получит прощение. Иначе ему грозит смертный приговор. А предав нескольких подозрительных личностей, он сам спасется и спасет многих честных людей.

Андокид согласился. Он сделал ложный донос на себя и еще на нескольких человек, в том числе, для большей убедительности, и на своих собственных рабов.

Андокид получил обещанное прощение, остальные были казнены. Однако гнев народа не был удовлетворен, все раздражение обратилось на Алкивиада, и за ним послали «Саламинию».

Конечно, Алкивиад мог пренебречь приказом и остаться, защищенный преданным ему флотом и войском. Он предпочел подчиниться и сел на присланный за ним корабль. Алкивиад понимал, что ему грозит, и перед отъездом он через своих людей предупредил Сиракузы о планах афинян. Когда «Саламиния» причалила к гавани Фурии (южная Италия), Алкивиад сошел на берег и скрылся. Поиски ни к чему не привели.

Кто-то из жителей узнал Алкивиада и спросил:

— Неужели ты не веришь родине?

— Отчего же,— возразил Алкивиад,— верю, но только не в тех случаях, когда дело касается моей жизни. Тут я не поверю даже родной матери...

Вскоре Алкивиад узнал, что его заочно обвинили в осквернении герм, в оскорблении мистерий и приговорили к смерти. Имущество его было конфисковано, а жрецы должны были проклясть его как изменника и оскорбителя святых.

Узнав о приговоре, Алкивиад вскричал:

— О, я докажу им, что я еще жив!

Потеряв надежду на возвращение в отечество, опасаясь, что его выдадут Афинам, он решил на измену. Алкивиад послал гонца в Спарту и просил об убежище, убеждая, что он спартамцам принесет больше пользы как друг, чем причинял вреда будучи врагом.

Спартамцы приняли Алкивиада. Прибыв в Спарту, он прежде всего убедил спартамцев послать отряд в Сицилию для борьбы с афинянами. Затем он посоветовал занять и укрепить важный пункт в Аттике — Декелснь, откуда они смогут опустошать страну. Своими действиями Алкивиад принес много бед родине.

Между тем командование в Сицилии перешло целиком к Никию, человеку нерешительному, который к тому же после отъезда Алкивиада перестал верить в успех экспедиции. Потратив несколько месяцев на бессмысленное плавание вдоль берегов Сицилии, возбудив недовольство войска, он только осенью осадил Сиракузы. Но с наступлением холодов Никий отвел свои силы на зимний отдых.

Только следующим летом началась регулярная осада Сиракуз. Стал намечаться некоторый успех, военный и политический. Афиняне нанесли поражение сиракузянам под стенами города. Сицилийские города стали искать связи с афинянами.

В это время на помощь Сиракузам прибыл сильный спартанский отряд, посланный по совету Алкивиада. Спартанцы нанесли серьезный удар осаждающим и прорвались в окруженный город.

Никий растерялся, он слал просьбы в Афины, умоляя прислать подкрепление и освободить его от командования.

Афины в это время испытывали серьезнейшие трудности. Шла война. Спартанцы, занявшие по совету Алкивиада Декелью, лежащий в центре Аттики, совершали оттуда набеги, разоряли поля, препятствовали доставке хлеба в город.

Наступило третье лето Сиракузской экспедиции.

Народное собрание Афин решило все же послать подкрепление Никию. Более семидесяти кораблей с пятью тысячами гоплитов, тремя тысячами копейщиков, лучников и пращников было отправлено в Сицилию. Возглавлял эти силы опытный полководец Демосфен. Когда подкрепление прибыло под Сиракузы, Демосфен обвинил Никия в трусости и настоял на немедленном решающем сражении. Никий вынужден был уступить. Однако афиняне постигла неудача, они были разбиты и потеряли много людей.

Дух воинов пал. Решено было снять осаду и уйти из Сицилии. Когда все уже было готово к отплытию, ночью началось лунное затмение. Суеверный, как и большинство афинян, Никий счел это дурным предзнаменованием. Отплытие решили отложить на месяц, до следующего полнолуния. Забросив все дела, Никий приносил жертвы богам, молил их отвратить грозящие великие бедствия.

Враги же не теряли времени. В ожесточенном морском бою они нанесли поражение афинянам, а главное — закрыли выход из гавани. Была сделана попытка прорваться, но скучившиеся в небольшой бухте многочисленные неповоротливые афинские корабли сражались в невыгодных для них условиях, потерпели неудачу и не смогли вырваться из западни.

Сухопутному войску враги тоже преградили пути отхода. Окруженным афинянам оставался один путь к спасению: вырваться из кольца и отступить во внутренние районы Сицилии.

С рассветом афиняне стали пробиваться. Завязалось кровопролитное восьмидневное сражение. Вражеская конница непрерывно атаковала. Множество убитых приходилось оставлять без погребения. Большой Никий шел со своими воинами, разделяя с ними тяготы. Глядя на него, многие вспоминали, что Никий был против экспедиции в Сицилию.

Вскоре усталые, голодные, изнемогающие от жажды афиняне были прижаты к берегу реки. Спартанцы и сиракузяне начали избивание вражеских воинов. Положение сделалось безнадежным, афиняне прекратили сопротивление и сложили оружие.

Народное собрание Сиракуз постановило предать казни Никия и других военачальников афинян. Часть пленных была продана в рабство, а большинство отправлено на тяжкие работы в каменоломни, где почти все и погибли.

Таков был печальный конец Сицилийской экспедиции.

Гибель флота и войска в Сицилии была страшным ударом для Афинского государства, что сказалось на дальнейшем ходе войны.

Алкивиад, который был главным зачинщиком сицилийского похода, жил в Спарте и деятельно боролся против своего отечества. Спартанцы восхищались дальновидностью и острым умом Алкивиада и вели военные действия, в значительной степени следуя его советам.

Всех удивлял образ жизни Алкивиада. Недавний богач, привыкший к изысканной еде, к роскоши, пораженный афинянами своими тратами, пирами, решительно изменился. Он мало чем отличался от суровых спартанцев, занимался гимнастикой, купался в холодной воде, коротко стригся, питался ячменными лепешками и черной похлебкой, был немногословен.

Алкивиад, подобно хамелеону, всегда умел приспособляться к окружающей обстановке, при этом одинаково хорошо усваивая и хорошее, и дурное. Если в Спарте он был невзыскателен, серьезен, то в Ионии — беспечен и нежен, во Фракии беспробудно пьянствовал, а в Фессалии не слезал с коня. Все это были лишь внешние перемены, маска, которую надевал Алкивиад, чтобы понравиться окружающим и добиться своих целей.

Влияние Алкивиада в Спарте постепенно уменьшалось, росла враждебность к нему. Многие знатные спартанцы относились к Алкивиаду с недоверием и завидовали успехам чужеземца. Ненавидел его и царь Агис, жену которого Алкивиад соблазнил. Кроме того, значительные успехи Спарты в войне и ослабление Афин сделали менее нужными советы Алкивиада.

Почувствовав изменение обстановки, Алкивиад стал подумывать об отъезде из страны. Как раз в это время ему надлежало отправиться в Ионию, чтобы действовать там в интересах Спарты. Ему удалось склонить к выходу из союза с Афинами много греческих государств Ионии. Вскоре до него дошли слухи, что в Спарте его собираются приговорить к смерти. Не дожидаясь подтверждения этих слухов и опасаясь могущества Спарты, Алкивиад бежал к наместнику персидского царя Тиссаферну.

Это был хитрый и коварный человек, ярый враг всех греков. Он поддерживал то Афины, то Спарту, стремясь ослабить обе стороны. Все же, несмотря на свой жестокий нрав и ненависть к грекам, он понимал, что Алкивиад может быть ему полезен. Кроме того, он был очарован этим человеком, его умом и красотой и осыпал гостя любезностями, дарами и почестями. Алкивиад скоро стал самым влиятельным лицом при дворе сатрапа, который прислушивался к его советам.

Алкивиад посоветовал Тиссаферну уменьшить помощь Спарте

и не доводить Афины до крайности. Пусть греки сами, говорил он, изнурят и ослабят друг друга, и тогда Персия сможет господствовать над всей Грецией. Так убеждал он персидского наместника, но в душе, оставаясь афинянином, тревожился, что его родной город может погибнуть, а он сам окажется в руках спартанцев, приговоривших его к смерти.

Скоро и спартанцы, и афиняне поняли, что многое зависит от Алкивиада, и стали думать о том, чтобы привлечь его на свою сторону. Афины не могли бороться одновременно и со Спартой, и с Персией, и потому сближение с Персией становилось выходом из положения. Помочь в этом мог Алкивиад. Со своей стороны, Алкивиад искал сближения с Афинами, надеясь на отмену заочного приговора и возвращение в отечество.

В то время афинский флот и основное войско находились у острова Самос. Несмотря на неудачи, это еще была грозная сила.

Положение Афин тогда было тяжелым. Сказались последствия долгой войны. Многие жители жаждали мира, но понимали, что с демократической властью Спарта не пойдет на соглашение. В этой обстановке противники демократии подняли голову.

Пользуясь тем, что демократически настроенные флот и войско были далеко, афинские аристократы произвели государственный переворот. Власть перешла к небольшой группе аристократов, олигархов. Новые правители начали жестокую расправу со своими противниками. Был оставлен в силе и смертный приговор, вынесенный когда-то Алкивиаду.

Алкивиад был разочарован и ближе сошелся с демократами. Шаг этот облегчило то, что матросы и воины, стоявшие у Самоса, были решительными сторонниками демократии и обратились к Алкивиаду, прося стать во главе флота и войска и повести их в Афины против олигархов. Предложение было почти единогласным. Только один военачальник заметил:

— Алкивиад одинаково равнодушен и к аристократам, и к демократам, он ищет только средства, чтобы вернуться на родину.

Алкивиад согласился возглавить афинские силы. Опытный полководец и политик, он, однако, понимал, что, если флот уйдет к своим берегам, вся Иония, Геллеспонт окажутся беззащитными и будут легко захвачены спартанцами. Ему удалось изменить настроение войска и настоять, чтобы флот не шел к берегам Аттики.

В Афинах между тем народ, руководимый сторонниками и друзьями Алкивиада, выступил за демократию и низложил олигархов. Народ Афин ждал прибытия Алкивиада, который понимал, что его положение непрочное, зависит от милости толпы. Он же хотел вернуться только как победитель и спаситель родины.

Стремясь любым путем укрепить свою позицию, Алкивиад отправился к Тиссафену, надеясь уговорить его помочь афинянам. Но коварный сатрап на этот раз принял его враждебно, приказал схватить и бросить в тюрьму. Месяц пробыл Алкивиад в темнице, прежде чем ему удалось бежать и вернуться к афинскому войску.

В октябре 411 г. до н. э. восемнадцать кораблей под командованием Алкивиада покинули Самос. Узнав, что большой спартанский флот и присоединившиеся к нему персидские суда, возглавляемые Фарнабазом, находятся неподалеку от Абудоса (у входа в Геллеспонт), Алкивиад двинулся туда. Афиняне стали на якорь близ входа в гавань. Моряки соблюдали все меры предосторожности, чтобы враг не заметил их приближения. В этот момент разразилась гроза, все потемнело, хлынул ливень, что помогло скрытно завершить приготовления. Когда прояснилось, Алкивиад увидел спартанский флот. Опасаясь преждевременно обнаружить свои истинные силы и не желая дать врагам времени уклониться от боя, Алкивиад приказал большинству своих кораблей держаться позади. Сам же с небольшим числом судов двинулся навстречу спартанцам. Завязалось ожесточенное сражение. В разгар боя, когда успех склонялся на сторону спартанцев, появился главный афинский флот, и все изменилось. Спартанские корабли обратились в бегство. Матросы искали спасения на берегу. Алкивиад стремительно высадил десант и полностью разгромил врагов. Пал и их военачальник Миндар. Фарнабазу удалось ускользнуть. Много спартанских кораблей было потоплено, остальные захвачены афинянами. В руки афинян попало донесение спартанцев, как обычно, лаконическое: «Деревяшки погибли. Миндар окочурился. Экипаж голодает. Не знаем, что делать».

Афины вернули себе господство на море. Теперь Алкивиад начал приводить к покорности отпавших от Афин союзников. Он захватил город Халкедон, стоявший на берегу Босфора. Подошедший на помощь персидский сатрап Фарнабаз был отброшен.

После этого Алкивиад двинулся против Византия, стоящего на другом берегу пролива, и осадил город. Сторонники афинян открыли городские ворота. В кровопролитном сражении Алкивиад снова добился победы.

Вот теперь, одержав столько побед над врагами, он рискнул направиться на родину, где его когда-то приговорили к смерти.

Украсив борта своих триер трофейными щитами и другой военной добычей, ведя за собой захваченные у спартанцев корабли, он тронулся в путь.

После восьмилетнего изгнания Алкивиад вернулся в Афины. Встреча превзошла его ожидания. Огромная толпа встречала его радостными криками, ему подносили цветы, все стремились увидеть спасителя Афин, старики показывали его детям.

Конечно, радость граждан омрачалась печальными воспоминаниями о пережитых несчастьях. Многие вспоминали роковую сицилийскую экспедицию и то, что она была начата Алкивиадом.

В народном собрании Алкивиад со слезами рассказал о своих страданиях, о своей судьбе. Он старался внушить согражданам бодрость и надежды на лучшее будущее. Афиняне наградили его золотым венком и избрали стратегом-автократором (единоправителем). Отныне Алкивиаду подчинялись морские и сухопутные силы Афин.

Алкивиад находился на вершине славы. Простой люд, беднота питали к нему безграничную любовь. Народ с радостью подчинился его единоличной власти, надеясь, что он будет действовать в интересах государства.

Но противники Алкивиада, аристократы, старались поскорей выпроводить его из Афин. Война еще продолжалась, и был прекрасный предлог избавить столицу от его присутствия.

В кратчайший срок было снаряжено сто кораблей, и Алкивиад отплыл на восток.

Народ по-прежнему верил, что для Алкивиада нет ничего невозможного.

И на этот раз Алкивиад одержал несколько побед, но решающего успеха не достиг. Это вызвало разочарование. Прошлые Алкивиада не было забыто, и любая неудача вызывала не только недовольство, но и всяческие подозрения. Подняли голову враги полководца и начали выступать против него с прямыми обвинениями.

Алкивиад, который нуждался в средствах для содержания войска, часто отлучался в поисках денег и продовольствия.

Во время одной из таких отлучек Алкивиад передал командование флотом стратегу Антиоху. Это был прекрасный моряк, но вздорный, заносчивый и недалекий человек. Встретив спартанский флот, которым командовал Лисандр, Антиох, несмотря на строгий приказ уклоняться от столкновения, все же начал бой, потерпел поражение и сам погиб.

Узнав об этом, Алкивиад срочно возвратился на Самос и, возглавив основные морские силы Афин, повел их против спартанского флота. Но Лисандр, зная военное искусство Алкивиада, уклонился от битвы.

Когда весть об этих событиях пришла в Афины, оживились враги Алкивиада, они стали будоражить народ, крича всюду, что Алкивиад, в то время как рядом находится вражеский флот, передал командование ничтожным людям, хвастунам, а сам плавал куда хотел, пьянствовал. Припомнили Алкивиаду и прошлые грехи.

Народное собрание поверило обвинениям, отредило Алкивиада от командования и выбрало других стратегов.

Об этом решении народного собрания Алкивиад узнал, когда находился во Фракии, где собирал деньги для войска. Понимая, чем это может ему грозить, он решил не возвращаться на Самос.

Между тем сменившие Алкивиада военачальники направили весь флот к проливу Геллеспонт, на другом берегу которого стояла эскадра Лисандра.

Афинские стратеги избрали странную тактику. На рассвете их корабли приближались к спартанским, пытаясь вызвать их на бой. Не достигнув этого, возвращались в большом беспорядке. Остальное время дня проводили весело и беспечно, без всяких мер предосторожности. Так шел день за днем.

Находясь неподалеку, Алкивиад заметил эти легкомысленные действия. Он решил предостеречь соотечественников от грозившей

опасности, от возможного несчастья. Вскочив на коня, он помчался к афинянам. Он горячо убеждал стратегов изменить тактику, он говорил, что место для стоянки флота выбрано неудачно, вблизи нет удобных гаваней, нет и городов, так что продовольствие приходится доставлять издалека. Говорил он и о плохой дисциплине, о том, что напрасно разрешают матросам надолго покидать свои корабли. Это ведь очень опасно, вблизи большой вражеский флот.

Но его не слушали. Ему грубо посоветовали не соваться не в свое дело, ведь он сейчас не командующий, и велели по добру-по здорову убираться прочь.

Вскоре события доказали правоту Алкивиада. Лисандр неожиданно напал на афинский флот, застал его врасплох и полностью уничтожил. Только восьми кораблям удалось уйти, почти двести было захвачено спартанцами. В плен попало три тысячи афинян. Лисандр приказал казнить пленных.

Это был страшный удар. У афинян не стало флота, дальнейшая борьба сделалась безнадежной. Вскоре Афины признали свое поражение и сдались. Война, длившаяся почти тридцать лет, была проиграна. Спарта стала господствовать на суше и на море.

Опасаясь мести спартанцев, Алкивиад решает отправиться в Персию к царю Артаксерксу. На этот раз он не собирался предлагать свои услуги персам, он надеялся как-то помочь родному побежденному городу, переживавшему тяжкие унижения и позор.

По пути Алкивиад останавливается у сатрапа Фарнабаза, который принял его с почетом и уважением. При содействии Фарнабаза он надеялся быстрее добраться до двора Артаксеркса.

Афиняне теперь, когда все рухнуло и они оказались под тяжелой пятой спартанцев, все чаще вспоминали Алкивиада и горевали о своих ошибках, о том, что в опасное для Афин время отстранили от дел самого даровитого и смелого своего вождя. Афинян не оставляла надежда, что, пока жив Алкивиад, не все потеряно.

— Ведь и раньше,— рассуждали они,— оказавшись на чужбине, Алкивиад не сидел в праздности. И теперь он не останется равнодушным к бедствиям родного города.

Но такие же мысли были и у спартанцев, и они не оставили Алкивиада в покое: Лисандр получил приказ умертвить его.

Фарнабаз, у которого жил афинский изгнанник, не посмел ослушаться, боясь гнева царя, который был расположен к Спарте.

Убийцы окружили деревенский дом, в котором жил Алкивиад, и, боясь встретиться лицом к лицу со своей жертвой, подожгли дом. Алкивиад, схватив все, что было под рукой, приглушил пламя и с мечом в руке выскочил наружу. Одним своим видом он разогнал нападавших. Но те, отойдя на безопасное расстояние, засыпали его градом стрел и копий. Алкивиад был убит. Его похоронили в этом же селении. Ему было сорок шесть лет.

Конечно, в точности неизвестно, как погиб Алкивиад. Есть и другие рассказы. Говорят, что он сам был виноват в своей гибели. Он вызвал враждебность к себе, соблазнив женщину из одной знатной персидской семьи. Ему отомстили братья и родственники этой женщины. Характер Алкивиада допускает такую версию. Вспомним случай с женой спартанского царя Агиса.

Так или иначе кончилась бурная жизнь этого выдающегося человека, соединявшего в себе и великие таланты, и великие недостатки.

Шли годы, десятилетия, столетия, и в памяти людской остались, главным образом, достоинства Алкивиада, замечательного политического и военного деятеля древней Греции.

СОФОКЛ

Великий трагический поэт Софокл родился во второй год 71-й Олимпиады (496/495 г. до н. э.) в небольшом селе Колон, в полудне от Афин. На всю жизнь сохранил Софокл привязанность к родным местам. Уже стариком он с любовью вспоминал о храмах и домах Колона, о вечно бегущих водах реки Кефис, о виноградниках и холмах, с вершины которых открывался великолепный вид на афинский Акрополь и далекое синее море с виднеющимся на горизонте берегом Арголиты. Став известным поэтом, Софокл увековечил свою родину в пьесе «Эдип в Колоне», где он назвал «светлый Колон с его сладкозвучными соловьями» украшением афинской земли.

Софокл был сыном состоятельного человека — владельца оружейной мастерской и получил прекрасное по тому времени образование. Он увлекался всеми видами искусств — гимнастикой, музыкой, хоровым пением. Отец нанял сыну в учителя лучшего музыканта и певца, какого смог найти. Ученик оказался достойным своего учителя. К 16 годам Софокл стал замечательным музыкантом и прекрасно пел. Когда греки праздновали победу над персами при Саламине, Софоклу предложили руководить хором юношей. В коротком плаще, с лирой в руках вел Софокл танцующих вокруг груды захваченного в Саламинской битве вражеского оружия.

Вся его долгая жизнь — он прожил 90 лет — была связана с афинской демократией эпохи ее расцвета.

В жизни афинских граждан большую роль играл возникший в VI в. до н. э. театр, который называли «школой для взрослых». Раньше лучшие поэты обращали свои песни, исполнявшиеся под аккомпанемент лиры, к небольшому кругу знатных сотрапезников.

Теперь, сочиняя для театра, поэты обращались сразу ко всем гражданам полиса.

На склонах холма полукругом сооружались скамьи, на которых могли разместиться тысячи людей. Внизу устраивалась площадка (орхестра), на которую выходил хор, исполнявший хвалебные песни в честь богов и героев. Слова песен были слышны даже на самых отдаленных скамьях. Уже самим грекам было не совсем ясно, как эти хвалебные песни превратились в театральные представления. Их происхождение, по-видимому, было связано с почитанием крестьянского бога, покровителя виноградарства Диониса, спутниками которого считались козлоногие сатиры. Осенью и весной во время сбора винограда и открывания бочек молодого вина в Афинах и других городах было принято представлять «страсти Диониса», когда хор переодетых сатирами крестьян прославлял своего бога и в песнях рассказывал о его злоключениях. Эти песни назывались дифирамбами *. Сперва пели только одетые в козлиные шкуры участники хора, но потом их предводитель (корифей **) и актер, изображавший бога Диониса, стали вести разговор с хором и друг с другом (диалог). Так возникла трагедия (буквальный перевод — «песня козлов»), само название которой говорит о ее происхождении.

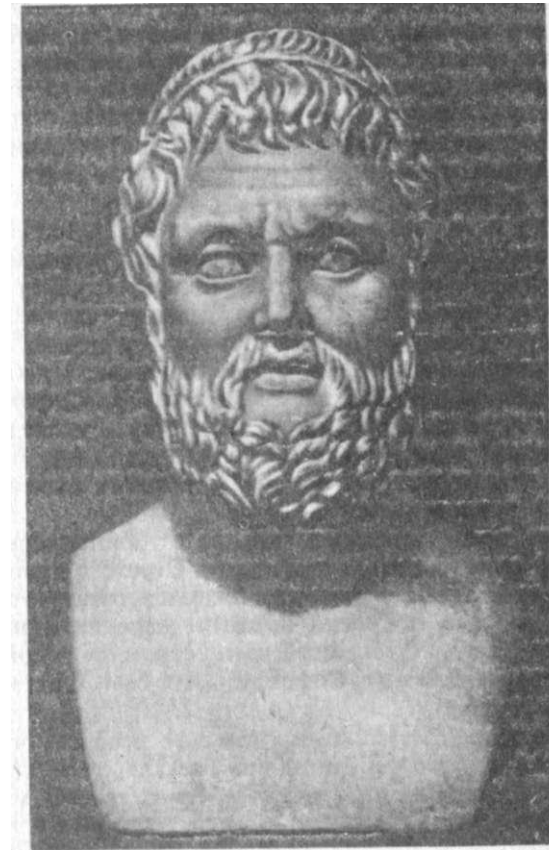
Ко времени жизни Софокла содержание трагедий стало разнообразней. В них уже рассказывалось не только о страданиях и конечном торжестве Диониса. Действующими лицами трагедий становятся также другие боги, герои и даже смертные. Однако по-прежнему женские роли исполнялись мужчинами и хор оставался исключительно мужским. Участники его уже не изображали козлоногих спутников Диониса — сатиров, но в зависимости от содержания пьесы — то почтенных старцев, то юных или старых женщин, то есть тех, устами которых автор выражал свое отношение к происходящим на орхестре событиям. Песни хора порицали или восхваляли поступки героев трагедии.

Актеры (их было обычно два или три) надевали на лица глиняные маски. Эти маски, грубо раскрашенные, изображали человеческие чувства — жестокость, радость, горе, боль и были видны издали. Для выражения каждого чувства была особая маска, так что актеру в течение представления приходилось несколько раз менять маску. В отверстие рта маски было вделано нечто вроде рупора, усиливавшего голос актера. Чтобы актеры, особенно игравшие богов, не казались зрителям ничтожно маленькими, они прикрепляли к ногам небольшие скамеечки, нечто вроде обуви на высокой подошве — котурны.

Хотя содержание трагедий все дальше отходило от мифов и религии, а их авторов все больше занимали вопросы общественной

* Поньше существует выражение «петь дифирамбы», то есть непомерно прославлять кого-нибудь.

** Корифеями в современном языке называют выдающихся деятелей науки, искусства и т. п.

Софокл

и духовной жизни их сограждан, тем не менее дни театральных представлений приурочивались к праздникам и на них царили торжественность и атмосфера священнодействия.

Театральные представления происходили несколько раз в году и продолжались несколько дней с утра до темноты. Зрители начинали собираться на рассвете и в течение дня успевали посмотреть три-четыре пьесы. Поэты вступали в соревнование, и победители получали три награды. Их присуждали несколько наиболее уважаемых граждан. Они же объявляли, какую из пьес этого дня они считают самой лучшей. Такой порядок позволял отмечать наградами действительно выдающиеся произведения, которыми зрители восхищаются уже более двух тысяч лет.

Время жизни Софокла падает на период расцвета Афин и на

годы правления Перикла. Софокл был другом Перикла и членом его знаменитого кружка, куда входили поэты, художники, философы. Как все греки, Софокл участвовал в политической жизни своего государства. Однажды афиняне избрали его вместе с Периклом стратегом, и он участвовал в походе против острова Самоса.

Однако прославился Софокл не как политический деятель, а как замечательный драматург. Каждая его новая пьеса становилась событием для афинян.

В 468 г. до н. э. на празднике великих Дионисий 27-летний Софокл поставил свою первую трагедию о легендарном герое, обучившем афинян земледелию («Триптолем»). Ему предстояло соревноваться с самим Эсхилом. Это было состязание старого искусства — искусства торжественного стиха — и нового, стремившегося увлечь зрителя занимательностью действия. Мнение публики разделилось: одни были за Эсхила, другие — за Софокла. Бурные споры грозили перейти в рукопашную схватку. Руководитель праздника, который должен был назвать судей для присуждения награды, был в затруднении, как выбрать таких людей, авторитет которых будет непререкаем.

В этот день после успешного похода в Афины вернулся флот, возглавляемый всеми десятью стратегами. Стратеги пришли в театр, чтобы после представления принести благодарственную жертву богу Дионису. Им и было поручено вынести решение о награде. Поклявшись, что будут беспристрастны, стратеги посоветовались и присудили первую награду Софоклу. Это был блестящий успех молодого драматурга.

Согласно легенде, Эсхил был этим так огорчен, что покинул родину и уехал на остров Сицилию. Рассказ этот, скорее всего, позднейшая выдумка: Эсхилу не было свойственно мелкое тщеславие, а Софокл всегда подчеркивал свою любовь и уважение к «отцу трагедии».

После первой пьесы Софокл в течение своей долгой жизни написал еще более 100 трагедий и 18 раз получал высшие награды. К сожалению, из его пьес до нашего времени дошло только 8, но и этого достаточно, чтобы понять и оценить гениальность драматурга.

Пьесы Софокла были следующим шагом в развитии греческого театра. Эсхил писал трилогии. Каждая пьеса трилогии отражала только один какой-нибудь эпизод мифа: лишь познакомившись со всеми тремя трагедиями, зритель получал представление о мифе в целом. У Софокла же каждая пьеса являла собой самостоятельное целое, со своей завязкой, развитием действия и развязкой. Если героями Эсхила были обычно боги или люди, наделенные титаническими силами, то герои Софокла были обыкновенными людьми, характеры которых он идеализировал. При этом он всегда выделял какую-нибудь одну основную черту характера — храбрость, мудрость, гордость и т. п. В изображении душевных переживаний драматург достиг большого искусства. В трагедиях Софокла героев

влекут к гибели не страсти и недостатки характера, а неодолимый рок, судьба, predeterminedная человеку еще до его рождения. Идея неотвратимой судьбы не случайно играет такую большую роль в трагедиях Софокла. Хотя время его жизни и пришлось на период расцвета Афин, непрерывные войны и глубокие внутренние противоречия невольно наводили наиболее дальновидных афинян на мысль о неизбежном конце их благополучия. Идея неотвратимости судьбы наиболее ясно чувствуется в партиях хора, который все время присутствует на оркестре и своим пением сопровождает развитие действия. Хор у Софокла стоит выше страстей, владеющих героями, и выражает высшую мудрость, общую волю сограждан, которой отдельный человек должен подчиняться.

В историю мировой литературы Софокл вошел как создатель трагического образа мудрого царя Эдипа, принадлежавшего к роду, над которым за грехи предков тяготело проклятие богов. Трагедия «Царь Эдип» была представлена на третий год Пелопоннесской войны, когда в Афинах свирепствовала эпидемия чумы.

Миф о царе Эдипе знал каждый афинянин. Эдип был найденным; его родителям предсказали, что их сын станет убийцей родного отца и женится на матери, и они решили избежать страшного будущего, замышляя убить ребенка. Только благодаря случайности он спасся от гибели. Его усыновил бездетный коринфский царь Полиб. Юный Эдип ничего не знал о тяготевшем над ним страшном роке. Только когда Эдип стал уже сильным и красивым юношей, Дельфийский оракул предсказал ему, что он убьет отца и станет мужем матери. Эдип немедленно покинул Полиба и его жену, которых он считал своими родителями, и решил никогда не возвращаться в Коринф, чтобы избежать страшной участи. Простым странником подошел Эдип к столице Беотии — городу Фивам. У самого города, на перекрестке трех дорог, на него чуть не наехала колесница, сопровождаемая тремя всадниками. Они осыпали нерасторопного юношу оскорблениями и ударами. В завязавшейся драке Эдипу удалось убить сидевшего в колеснице старца и троих из четырех его спутников.

У Фив Эдипа поджидала новая опасность. Сфинкс — чудовище с львиным туловищем, птичьими крыльями и головой женщины — останавливал всех проходящих и загадывал им загадку: «Кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером — на трех ногах?» Никто не мог разгадать эту загадку, и чудовище пожирало путников.

Мудрый Эдип разгадал загадку сфинкса. «Это человек, — сказал он. — Первый год жизни он ползает, в зрелом возрасте ходит на двух ногах, а состарившись, нуждается в посохе».

Убедившись, что его загадка разгадана, чудовище бросилось в пропасть, а жители Фив получили возможность выходить за городские стены. Благодарные фиванцы избрали Эдипа своим царем и дали ему в жены Иокасту — вдову предшествовавшего царя Лаия, незадолго перед тем убитого неизвестными разбойниками.

Прошло 15 лет. Фивы процветали под властью Эдипа, и жители славили мудрого правителя. Внезапно на страну обрушился гнев богов. В Фивах вспыхнула эпидемия чумы. Описанием страшных бедствий, вызванных болезнью, и начиналась трагедия Софокла. Трудно было придумать более волнующее зрителей начало. В этом году в Афинах свирепствовала эта страшная болезнь. Слушая стихи Софокла, каждый гражданин думал о собственном горе и, следя за судьбой мудрого и справедливого Эдипа, сравнивал ее с участью Перикла, недавно еще первого гражданина Афин. Мудрый Перикл, так же как Эдип, много лет успешно правил в родном городе. Как опытный кормчий, твердой рукой вел он афинское государство, минуя все опасности. Но началась война со Спартой. Военные действия шли первый год так, как предполагал Перикл. Однако на второй год войны случилось то, чего ни Перикл, ни кто-либо другой не мог предвидеть: в городе началась эпидемия чумы. Эта неожиданная беда подорвала положение Перикла. Он был отстранен от руководства государством и должен был заплатить большой штраф. Несчастья преследовали Перикла: оба его сына, сестра, близкие друзья умерли от чумы.

Хотя афиняне вскоре поняли, что несправедливо возлагать на Перикла ответственность за обрушившиеся на них бедствия, и снова доверили ему управление Афинами, воля и силы Перикла были сломлены, и он вскоре умер.

Бедствия Эдипа напоминали афинянам печальную судьбу их недавнего руководителя; казалось, что Софокл ведет речь не о далеком легендарном прошлом, а о сегодняшнем дне. Жители Фив в трагедии Софокла, подобно афинянам, хотели узнать причину свалившейся на них беды. Они обратились к Дельфийскому оракулу, который приказал найти и изгнать до сих пор не наказанного убийцу первого мужа Иокасты — царя Лаия. Эдип энергично принимается за розыски. Он приказывает привести слугу, сопровождавшего покойного царя в его последней поездке. Именно этот слуга принес когда-то весть о гибели его господина, якобы убитого многочисленной шайкой разбойников. Еще до того, как слуга, живший далеко в горах, пришел в Фивы, Эдип призвал прорицателя Тиресия, про которого говорили, что он хотя и слеп, но видит больше иного зрячего. Тиресий долго отказывался помочь Эдипу в розыске убийцы. В конце концов, рассердившись на настойчивость царя, Тиресий неожиданно объявил убийцей Лаия самого Эдипа. Эдип разгневался. Обвинение Тиресия показалось ему вздором. Иокаста, жена царя, посоветовала ему не обращать внимания на нелепые слова Тиресия. Желая успокоить Эдипа, она рассказала о другом неоправданном пророчестве, сделанном ее первым мужем. Дельфийские жрецы предрекли ему гибель от руки собственного сына. Когда у них родился мальчик, продолжала Иокаста, жестокий отец приказал бросить ребенка на съедение диким зверям. Но вот Лаия убил вовсе не сын, а шайка разбойников

на перекрестке трех дорог, и Иокаста до сих пор оплакивает своего напрасно загубленного ребенка.

Рассказ жены не успокоил Эдипа. В его памяти встала полузабытая картина схватки, которую ему пришлось выдержать по пути в Фивы на перекрестке трех дорог. Эдип расспрашивает жену, как выглядел Лаий, и в ее описании с ужасом обнаруживает сходство ее покойного мужа с тем высоким человеком, который сидел в колеснице. Впервые у Эдипа появляется подозрение, что, разыскивая убийцу Лаия, он ищет самого себя. Одно только успокаивает Эдипа: ведь единственный спасшийся спутник Лаия утверждал, что царь и его спутники убиты, многочисленной шайкой разбойников, Эдип же сражался один против пяти. Теперь с еще большим нетерпением ждет Эдип единственного свидетеля, который может подтвердить или опровергнуть его подозрения.

Со страхом ожидают Эдип и Иокаста решения своей судьбы. Это — апогей трагедии, момент наивысшего напряжения, который Софокл искусно продлил умышленным замедлением действия. Вместо ожидаемого слуги Лаия к дворцу Эдипа подходит вестник, прибывший из Коринфа. Он сообщает, что умер коринфский царь Полиб и жители просят Эдипа вернуться и править ими.

Хотя Эдип и был опечален смертью своего любимого отца, в его душе проснулась надежда. Предсказание Дельфийского оракула не исполнилось, не он, Эдип, убил Полиба. Наверно, и Лаий пал не от его руки. Эдип решил отклонить предложение коринфян стать их царем. Оставалась ведь вторая часть предсказания: брак Эдипа с родной матерью. Эдип поделился своими опасениями со стариком, принесшим ему известие о смерти Полиба.

Услышав слова Эдипа, старик засмеялся; сейчас он освободит Эдипа от страха, преследующего его всю жизнь, дав ему великое счастье — право вернуться на родину. И старец сообщает ошеломленному Эдипу, что Полиб вовсе не был его отцом, а жена Полиба — матерью. Много лет назад старец служил пастухом у коринфского царя Полиба. В лесу он встретил незнакомца, который передал ему младенца. Пастух отдал ребенка своему царю, тот усыновил его и назвал Эдипом.

Старик удивлен тем, что его слова не обрадовали Эдипа. Отчего так испугалась Иокаста, жена Эдипа? Для нее теперь все ясно: она хорошо помнит, как жестокий Лаий, когда ему предсказали, что он умрет от руки рожденного ею сына, передал его пастуху и приказал бросить его в горах, в лесной чаще. Она умоляет мужа прекратить дальнейшие расспросы. «Довольно того, что я страдаю», — убеждает она Эдипа. Но царь неумолим, он должен довести расследование до конца и избавить Фивы от чумы. В этом его долг правителя.

Наступает трагическая развязка. Приходит вызванный Эдипом свидетель смерти Лаия. Он испуган предстоящим допросом: чтобы оправдать свое позорное бегство, он тогда прибег к обману, придумав рассказ о нападении разбойников. Увидев коринфского вестника,

слуга испугался еще больше. Он понял, что ему грозит еще одно наказание: именно он нарушил когда-то приказ Лаия, велевшего ему бросить на съедение диким зверям своего новорожденного младенца. Он пожалел ребенка и отдал его пастуху из соседней страны. Слуга был уверен, что никогда больше не увидит ни этого пастуха, ни младенца. И вот теперь в прибывшем из Коринфа вестнике он узнает человека, взявшего из его рук сына Лаия. Отпираться бесполезно. Вестник тоже узнал его. Но Эдип не собирается наказывать слугу, ему стало ясно, что он сын Лаия и Иокасты. Может ли он, убийца отца, женатый на родной матери, осуждать кого-либо? Есть ли на свете более тяжелые преступления? Все предсказания Дельфийского оракула исполнились. Иокаста не в силах вынести позор, на который ее обрекла судьба, она убивает себя. Эдип, сорвав застежку с одежды Иокасты, выкальвает себе глаза. Он считает, что не имеет права уйти из жизни, а должен нести расплату за невольное совершенные преступления. Эдип обрекает себя на слепоту, чтобы не смотреть на причиненное им людям горе. Он гордо идет навстречу своему страшному будущему, не прося пощады, уверенный, что еще будет полезен людям и искупит совершенное им зло.

В конце трагедии хор фиванских старцев поет:

Вот пример для вас — Эдип:
Он загадок разрешитель и могущественный царь;
Тот, на чью судьбу, бывало, каждый с завистью глядел,
Он низвергнут в море бедствий, в бездну страшную упал!
Значит, смертным надо помнить о последнем нашем дне!
И назвать счастливым можно, очевидно, лишь того,
Кто достиг предела жизни, злого горя не познав.

Эту же тему всемогущества судьбы Софокл разрабатывает и в других трагедиях. В «Антигоне» рассказывается о судьбе старшей дочери Эдипа — фиванской царевны Антигоны. Сыновья Эдипа Этеокл и Полиник смертельно враждовали друг с другом. Этеокл захватил власть в Фивах. Тогда Полиник со своими друзьями начал войну против родного города. В поединке под стенами Фив оба брата погибли. Новый царь Креонт приказал лишить Полиника погребения, так как он воевал против своей родины. Однако сестра Полиника, доблестная Антигона, несмотря на царский запрет, воздала брату погребальные почести. За ослушание Креонт приговорил ее к смерти. Слепой прорицатель Тиресий явился к Креонту и поведал ему, что боги разгневались на него за его чудовищную жестокость. Тогда Креонт приказывает освободить Антигону, но уже поздно — Антигона покончила с собой. Узнав о ее гибели, сын Креонта — жених Антигоны — на глазах отца покончил с собой, бросившись на меч. Этого несчастья не могла перенести его мать — жена Креонта, она тоже кончила жизнь самоубийством.

Антигона сознательно избрала путь, который привел ее к гибели. Софокл одобряет ее решение, ибо она подчиняется неписаному нравственному закону. Антигона сохраняет верность родственникам

и не отрекается от брата, хотя тот и совершил преступление. Греки верили, что душа человека, лишенного погребения, обречена на вечные муки. Поэтому они считали, что Антигона совершила героический поступок. Она победила страх смерти и доказала свою верность нравственным принципам, которые, с точки зрения греков, выше и важнее жестоких распоряжений правителей. В «Антигоне» Софокл утверждает нравственное величие человека. Хор поет:

В мире много сил великих,
Но сильнее человека
Нет в природе ничего!

Софокл написал еще много прекрасных трагедий. Сюжеты для них он черпал из сказаний о Троянской войне, мифов о подвигах Геракла и странствиях аргонавтов.

Трагедии Софокла поражали четкостью построения и ясностью мысли, которую он хотел внушить своим согражданам. Восхищает то искусство, с которым поэт рисует образы своих героев: как мужчины, так и женщины в его пьесах глубоко человечны. Афиняне очень любили произведения Софокла, любили также его самого и его семью. В афинском театре при жизни Софокла ставили трагедии его родственников — двух сыновей, племянника и даже внука. Бывало, что народ присуждал награду не великому трагику, а его молодым соперникам, но не это расстраивало Софокла.

Как многие люди, для которых основными являются духовные ценности, Софокл не интересовался житейскими благами. Он мало тратил на себя и так же скупко содержал своих сыновей. Афиняне стали посмеиваться над его скарденностью. Позднее возникла даже легенда, что сыновья Софокла обратились в суд, требуя отстранения престарелого отца от управления семейным имуществом. Странности отца они объясняли старческим слабоумием. Софокл будто бы сказал судьям: «Если я Софокл, то я не слабоумен, если же я слаб умом, то значит, что я — не Софокл». Затем вместо защитительной речи Софокл прочел судьям только что законченную свою последнюю пьесу «Эдип в Колоне». Выслушав ее, судьи еще раз удивились таланту и глубокому уму Софокла и не только не осудили его, но объявили порицание его сыновьям. Сыновья устыдились, и последние годы жизни Софокла уже не были омрачены семейными распрями.

Софокл умер в конце Пелопоннесской войны в возрасте около 90 лет и был похоронен в семейном склепе на дороге из Афин в родной Колон. Всего несколько лет не дожил Софокл до поражения Афин в Пелопоннесской войне. Погибло все то, что он так любил. Но его трагедии пережили века и до сих пор доставляют наслаждение людям.

ЛИСАНДР

Лисандр принадлежал к древнему, знатному роду Гераклидов, который утратил свое богатство, и отец Лисандра был человеком бедным. Своему сыну он дал строгое спартанское воспитание и научил его с достоинством переносить свою бедность.

Уже в молодости Лисандр выделялся умом, блестящими способностями, железной волей и исключительным честолюбием. Рано у него проявились и дурные стороны характера: хитрость, лицемерие. Он мог льстить, ухаживать за людьми высокого положения, терпеть любые обиды и оскорбления, если ему это было выгодно.

Родина Лисандра Спарта уже много лет воевала с Афинской державой за господство в Греции. Несмотря на большие потери, ни один из противников не смог одержать решительной победы. Гибель афинского флота и войска в несчастной сицилийской экспедиции внушила Спарте надежду на скорое окончание войны. Однако Афины быстро построили новый флот. Морское могущество Афин не было сокрушено. Война продолжалась.

Чтобы добиться победы, Спарта решила обратиться за помощью к персам, старым врагам Греции. Наместник Малой Азии, брат персидского царя Кир Младший дал спартамцам много денег для постройки флота и содержания войска.

К этому времени Лисандр достиг высокого положения в государстве. Он проявил себя даровитым военачальником и ловким дипломатом. Ему поручили командовать флотом и, самое главное, вести переговоры с персами о денежной помощи.

Став командующим флотом, Лисандр неизменно руководствовался правилом: нападать только тогда, когда у него перевес в силах, и уклоняться от сражения, если численный перевес у афинян.

Прежде всего Лисандр направился с эскадрой к Эфесу. Перс-

говоры с персами завершились блестящим успехом: он получил огромные средства, а также право собирать, от имени персидского наместника, подати с населения Малой Азии. На эти деньги Лисандр немедленно вдвое повысил жалованье матросам своего флота. Затем он объявил, что, если афинские матросы-наемники перейдут к нему на службу, они получают столько же. Как раз в это время у афинян была задержка уплаты жалованья матросам. Афинские матросы-наемники массами стали перебегать к спартамцам. В короткое время афинский флот остался почти без гробцов.

Афинский флоговодец Антиох, вопреки приказанию Алкивиада, с частью флота ввязался в сражение у мыса Нотии в Малой Азии, и Лисандр нанес ему решительное поражение. Вину за это поражение афинское народное собрание возложило на Алкивиада, и тот должен был уйти в изгнание. Так Спарта избавилась от самого талантливого и опасного врага.

Лисандр в Эфесе собрал представителей аристократов, живших в союзных с Афинами греческих малоазиатских городах. Он щедро раздавал деньги для организации тайных союзов, которые должны были подготовить свержение демократии в этих городах.

Между тем срок командования Лисандра истек, и на его место из Спарты прислали другого командующего Калликратида. Это был человек бесхитростный, прямой и недалекий.

Лисандр был раздосадован назначением Калликратида и стал интриговать, чинить ему всевозможные затруднения. Так, он отослал остаток денег Киру Младшему, а Калликратиду предложил самому выпрашивать деньги у персов или добывать их иным способом.

Союзные со Спартой города тоже были недовольны новым назначением.

Калликратид попал в затруднительное положение. Гордый спартанец считал унижительным для себя вымаливать деньги у персов. А денег, чтобы платить жалованье матросам, не было, среди них начался ропот, открытое недовольство. Скрепя сердце командующему пришлось отправиться в Сарды, к Киру Младшему.

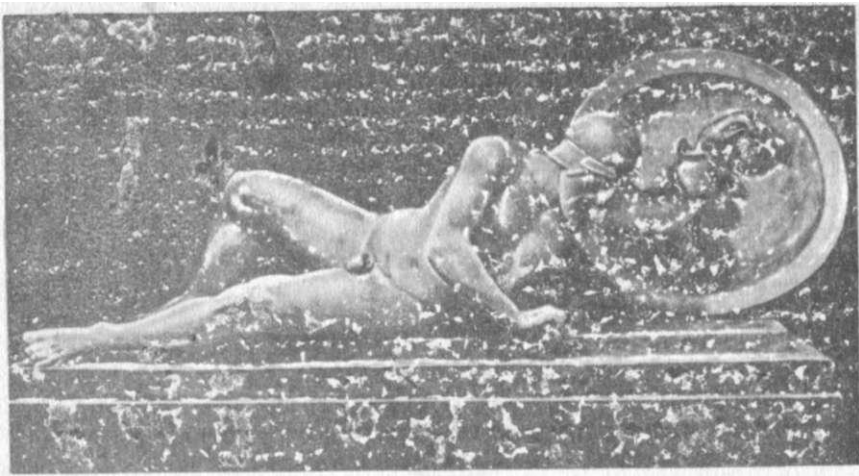
Прибыв во дворец Кира, Калликратид приказал доложить, что спартанец Калликратид желает видеть наместника. Один из придворных сказал ему:

— Сейчас Кир занят, он теперь пьет; тебе придется подождать.

— Хорошо,— ответил Калликратид,— я подожду, пока он кончит пить.

Персы-придворные стали смеяться над ним, и рассерженный Калликратид ушел.

На следующий день он снова явился во дворец, но опять не добился приема у наместника. Поняв, что Кир издевается над ним, взбешенный Калликратид вернулся в Эфес. Он проклинал своих сограждан (в первую очередь Лисандра), которые низкопоклонничали перед «варварами» и приучили их нагло относиться к грекам.

Умиравший воин. Восточный фронто́н храма Афины на острове Эгине

Он поклялся, что, возвратившись в Спарту, приложит все усилия, чтобы прекратить братоубийственную войну. «Тогда,— говорил он,— греки снова будут едины и, как некогда, страшны варварам и больше не станут выпрашивать у них подачки для взаимного уничтожения». Однако вскоре, в сражении при Аргинусских островах, Калликратид был разбит афинянами и погиб в этом бою.

Тогда союзники спартанцев вместе с Киром Младшим отправили в Спарту послов с просьбой вновь поставить во главе флота Лисандра.

В угоду персам и своим союзникам спартанские правители согласились назначить Лисандра командующим флотом, хотя закон запрещал два раза подряд назначать на эту должность одного и того же человека. Чтобы обойти закон, командовать флотом назначили некоего Арака, на деле же командовал Лисандр.

Простые матросы, хотя и были довольны щедростью Лисандра, не одобряли его способов ведения войны. Они упрекали Лисандра, говоря, что не подобает знатному спартанцу, род которого восходит к легендарному Гераклу, воевать с помощью хитрости. В ответ на это Лисандр, смеясь, говорил: «Где не годится львиная шкура, там надо подшить лисью»,— то есть там, где не помогает сила, надо применять хитрость.

Получив снова власть, Лисандр начал уничтожать демократический строй во всех союзных государствах и ставить там у власти аристократию. При этом он не везде и не всегда действовал насилием и угрозами, а чаще применял хитрость и притворство.

Так, в Милете происходила ожесточенная борьба народа с

аристократами. Лисандр помог аристократам уничтожить демократию и изгнать своих противников. Когда аристократы вновь примирились с демократами, он высказал радость по поводу этого примирения. Побудив затем аристократию к новому восстанию, он с войском вошел в город и стал лицемерно укорять мятежников за распри и даже пригрозил им наказанием. А между тем он тайно одобрял убийства демократов.

Лисандр не скупился на обещания и клятвы, но никогда не считал себя связанным ими. Он говорил: «Детей можно обманывать игрушками, а взрослых — клятвами».

Таков был Лисандр — хитрый, бессовестный, двуличный человек.

Его несколько не смущало, что люди бранили его за обманы и коварство. Когда в Азии кто-то прямо в лицо стал перечислять все его обманы и преступления, Лисандр только подзадоривал его:

— Болтай, болтай, иностранишка! Облегчи свою душу, да смотри не упусти чего-нибудь!

Кир Младший пригласил Лисандра в Сарды. Он обещал ему денежную помощь и флот. Кир доверил Лисандру даже сбор дани и управление малоазийскими городами в свое отсутствие.

Лисандр теперь мог щедро расплатиться с матросами и возвратиться в Геллеспонт к своей эскадре. Здесь он приступом взял город Лампсак.

Афинский флот — сто восемьдесят триер — стоял на якоре у Херсонеса Фракийского. Узнав о взятии Лампсака, афиняне снялись с якоря и двинулись против спартанцев.

Афинские корабли остановились против Лампсака. Афинским флотом командовало несколько стратегов и между ними Филокл. Этот Филокл «прославился» тем, что внес в народное собрание предложение: отрубать каждому пленному спартанцу большой палец на правой руке, чтобы лишить его возможности владеть мечом и копьем.

Весь день на кораблях обеих эскадр никто не думал об отдыхе: все готовились на завтра к решительному сражению. Афиняне понимали, что для них поражение будет равносильно гибели родины, и потому решились победить или умереть.

Однако Лисандр не захотел принять открытого боя и замыслил хитрость. Он приказал матросам и кормчим быть наготове, чтобы с рассветом начать сражение, а сухопутному войску оставаться на берегу.

На следующее утро афинские корабли в полном боевом порядке выступили против спартанцев. Но Лисандр не принял вызова; он приказал своим кораблям первой линии сохранять спокойствие и не принимать боя. К вечеру афиняне отошли, и их матросы сошли на берег; Лисандр позволил своим матросам тоже высадиться на берег.

Следующие четыре дня афиняне продолжали свои попытки

вызвать Лисандра на открытый бой, но безуспешно. На пятый день афиняне с явным пренебрежением стали относиться к своему противнику, решив, что он не осмелится уже на них напасть; они вытащили часть своих кораблей на берег, а матросы разбрелись по соседним деревням.

Вот тогда Лисандр отдал приказ атаковать врага одновременно и с моря и с суши.

Флот спартанцев быстро двинулся к противоположному берегу пролива, ширина которого была около двух километров; одновременно сухопутное войско стало занимать господствующую над берегом высоту. Один из афинских стратегов, завидя с берега приближающийся флот неприятеля, приказал матросам немедленно садиться на корабли. Но экипаж невозможно было быстро собрать; кто мирно спал в палатках, кто готовил себе пищу.

Из-за преступной небрежности стратегов не была поставлена даже стража.

Битва продолжалась менее часа. За это время Лисандр уничтожил почти весь афинский флот. Только восемь триер под начальством Конона сумели спастись. Эти корабли ушли на юг, к острову Кипру.

Битва была короткой, но она покончила с афинским могуществом на море. У Афин теперь больше не было ни флота, ни денег, ни матросов. Всего было взято в плен три тысячи воинов и моряков вместе со стратегами. Лисандр посадил пленников на суда и отплыл назад, на другой берег Геллеспонта, к Лампсаку.

Спартанское правительство и совет союзников решили казнить всех пленных афинян. Лисандр призвал к себе пленного стратега Филокла и спросил его, какого наказания заслуживает он, который внес в афинское народное собрание предложение отрубить спартанским пленникам большой палец правой руки? Филокл, не сломленный несчастьем, смело ответил Лисандру:

— Поскорей казни пленных: ведь такая же участь постигла бы тебя, если бы мы победили.— И первым пошел на смерть.

После казни пленных Лисандр стал объезжать прибрежные города и, всюду уничтожая демократию, устанавливал аристократическое правление, оставляя везде спартанские гарнизоны. Начались казни и изгнание сторонников демократии.

Чтобы поскорее захватить Афины, Лисандр снова задумал хитрость. Он объявил, что все афиняне, застигнутые вне города, будут немедленно казнены. Он рассчитывал, что наплыв жителей в Афины вызовет там голод, болезни, и город не сможет выдержать долгой осады.

Расчет Лисандра оправдался: в Афинах вскоре наступила крайняя нужда. Тогда он отплыл с флотом к Пирею и потребовал сдачи города.

Побежденным пришлось принять тяжкие и позорные условия спартанцев. Афиняне должны были разрушить военную гавань,

срыть Длинные стены, защищавшие Город, а также вернуть изгнанных аристократов. Афинский морской союз уничтожался. Еще недавно могущественные Афины потеряли свои заморские владения. У афинян остались только Аттика и остров Саламин.

Лисандр захватил и сжег все корабли афинян, оставив им только двенадцать небольших судов.

Лисандр вступил в Афины; это был день годовщины великой победы афинян над персами при Саламине.

Победители при звуках музыки приступили к разрушению Длинных стен. По условиям мира Афины должны были восстановить у себя «государственный строй отцов», то есть аристократический. Под давлением Лисандра власть была передана комиссии из тридцати человек, ярых противников народа. За террористический режим, какой они установили в Афинах, эти правители впоследствии были прозваны «тридцатью тиранами», или просто «Тридцатью». Новое правительство опиралось на спартанский гарнизон, стоявший в Афинах.

Еще не были до конца срыты Длинные стены, как Лисандр создал совет союзников и потребовал наказания афинян за то, что они недостаточно быстро выполняют условия мирного договора. Среди союзников некоторые требовали полного разрушения Афин. Другие даже предлагали срыть город до основания, жителей продать в рабство, а на месте, где стояли Афины, устроить пастбище для скота.

Однако спартанцы не решились уничтожить великий город. Чтобы унижить поверженного врага, Лисандр приказал разрушать афинские укрепления под звуки флейт и в присутствии представителей всех союзников Спарты. Остатки афинского флота торжественно были сожжены.

В Афинах начались преследования и казни сторонников демократии, чинились всяческие насилия. Афинский народ испытал великое унижение, но не пал духом. Некоторое время спустя народ восстал против спартанцев и их ставленников — «тридцати тиранов» и сверг их.

Лисандр между тем отплыл с флотом во Фракию. Всю добытую военную добычу и мешки с деньгами он отправил в Спарту с одним из своих помощников Гилиппом. Это был всеми уважаемый человек, в свое время одержавший победу над афинянами в Сицилии. Однако он не устоял перед силой денег и совершил позорный поступок. Он решил присвоить часть денег. Для этого Гилипп велел распороть мешки и вынуть из каждого значительную часть денег. Он не знал, что в каждом мешке была опись содержимого. Прибыв в Спарту, Гилипп спрятал присвоенные деньги под крышей своего дома. Когда вскрыли мешки, то в каждом обнаружили большую недостачу, хотя печати были целы.

Были допрошены слуги Гилиппа, и один из них сказал, что у Гилиппа в «черепичнике живет множество сов»; этим он дал

понять, что под черепичной крышей дома Гилиппа спрятаны афинские монеты (на них чеканилось изображение совы — священной птицы богини Афины). Произведенный обыск обнаружил утаенные и спрятанные Гилиппом деньги.

Преступление Гилиппа показало, до чего докатились спартанцы, и вызвало взрыв возмущения. В Спарте вновь было запрещено пользоваться золотой и серебряной монетой. Разрешалась только тяжелая железная монета, которую трудно было накопить в больших размерах. Строгий закон разрешал тратить деньги, привезенные Лисандром, только на нужды государства и грозил смертной казнью всем, у кого они будут найдены.

Однако все эти меры не могли предотвратить распространение роскоши и богатства в победоносной Спарте. Влиятельные граждане мало считались с запретами, и в их руках скопились огромные богатства.

Лисандр ничем не воспользовался из привезенных им сокровищ. В имущественных вопросах он придерживался старинных спартанских обычаев и ничем себя не замарал.

Во главе большого флота Лисандр снова отправился к берегам Малой Азии. Во все греческие города он поставил спартанские гарнизоны во главе с наместниками (гармостами), с их помощью он сделался фактическим владыкой этой области.

Окружавшие его льстецы и всяческие проходимцы объявили его богом-спасителем Греции, воздвигали ему алтари и даже приносили жертвы. Правда, у Лисандра хватало здравого смысла относиться к этому с иронией. Человеку, утверждавшему, что он его обожает и молится на него, Лисандр как-то сказал:

— В поле у меня были два быка и оба молчали. Но я хорошо знаю, кто из них трудяга, а кто бездельник.

Теперь в полной мере проявились отрицательные и страшные черты характера Лисандра: неумолимая, холодная жестокость и вероломство. Он лично присутствовал в захваченных им городах при казнях своих врагов демократов. В большом городе Милете он поклялся не творить беззаконий и обещал сохранить жизнь главарям народной партии, если те выйдут из убежищ, в которых они скрывались. Когда же, поверив его обещанию, они вышли, он приказал казнить восемьсот человек. Жителей некоторых городов Лисандр просто изгонял, отдавая их имущество и земли своим сторонникам.

Повсюду поощрялись клевета и доносы. Корыстолюбие спартанских правителей достигло чудовищных размеров и возбудило против спартанцев всеобщую ненависть. Имя спартанца стало в Греции обозначать насильника, убийцу, тирана.

Лисандр совершенно перестал считаться даже со своими союзниками персами; он грабил и опустошал владения персидских сатрапов; его ближайшие помощники захватывали огромные богатства.

В Спарту шло множество жалоб на насилия, грабежи и без-

закония Лисандра. Но правительство не обращало на эти жалобы никакого внимания.

Наконец поведение Лисандра показалось эфорам слишком опасным. В его руках была сосредоточена вся военная сила, и казалось, что он может в любой момент захватить власть и сделаться тираном. Было решено отозвать Лисандра в Спарту.

Поводом для отзыва послужила жалоба персидского сатрапа Фарнабаза, владения которого Лисандр опустошал и грабил. Лисандру послали приказ немедленно вернуться на родину.

Получив приказ и опасаясь последствий жалобы сатрапа Фарнабаза, Лисандр немедленно отправился к нему, надеясь как-нибудь с ним договориться и устранить его недовольство. Встретившись с Фарнабазом, он просил его написать в Спарту оправдывающее Лисандра письмо и взять обратно свои жалобы. Однако коварный перс обманул опытного хитреца Лисандра.

Фарнабаз любезно принял спартанца и в его присутствии написал письмо, какое просил Лисандр. Но, запечатывая письмо и передавая его Лисандру, ловкий сатрап ухитрился подменить его другим, заранее заготовленным и совсем другого содержания.

Прибыв в Спарту, Лисандр отправился к эфорам и передал письмо Фарнабаза в уверенности, что там содержится полное его оправдание. Но когда это письмо прочли вслух, Лисандр убедился, что на этот раз обманули его самого.

Через несколько дней Лисандр покинул Спарту будто бы затем, чтобы принести жертвы в храме Зевса. Власти не осмелились задержать полководца и потребовать отчета.

Спартанские цари завидовали славе Лисандра и опасались его. Они воспользовались отъездом Лисандра, чтобы подорвать его влияние.

В это время в Афинах началось восстание против «тридцати тиранов», приведшее к их свержению и восстановлению там демократии, и спартанцы не пришли на помощь своим ставленникам.

Возвратившись в Спарту, Лисандр немедленно выступил в поход против Афин, чтобы восстановить власть аристократов. Но один из спартанских царей (их в Спарте было два) Павсаний, отправившийся вместе с Лисандром, признал за афинянами право самим выбирать себе правителей и не позволил Лисандру использовать спартанских воинов против Афин.

Лисандр должен был вернуться в Спарту ни с чем. Многие в Спарте приняли сторону Лисандра и выступили против царя Павсания, но было поздно: демократия в Афинах укрепилась, и силой уже нельзя было навязать жителям города ненавистных правителей.

Однако могущество Лисандра еще не было окончательно подорвано. Он продолжал самовластно распоряжаться во многих греческих государствах, по-прежнему опираясь на силу. Так, например, аргосцы, у которых Лисандр захватил землю, пришли к нему с жалобой. Лисандр, указывая на свой меч, сказал:

— Лучше всего рассуждает о границах тот, у кого в руках меч!

Между тем в это время (401 г. до н. э.) в Спарте умер старый царь Агис II. Пользуясь своим влиянием, Лисандр убедил эфоров провозгласить царем Агесилая, не имевшего законных прав на престол. Лисандр рассчитывал сделать Агесилая своим послушным орудием. Он добился и назначения Агесилая командующим спартанской армией, выступавшей против персов. Лисандр был уверен, что в действительности на войне будет командовать и всем распоряжаться, как это было уже раньше во время борьбы с Афинами, он сам.

Но Лисандру пришлось разочароваться в своих надеждах. Агесилай оказался столь же честолюбивым, как и Лисандр, и не терпел соперников. Царь взял с собой Лисандра в поход в качестве советника и сначала окружил его почетом и уважением.

Малоазийские греки, знавшие ранее Лисандра и привыкшие видеть его главнокомандующим, по всем делам стали обращаться к нему, помимо Агесилая. Тогда Агесилай решил отстранить Лисандра от всех дел и взять власть в свои руки. Как бы в насмешку над Лисандром Агесилай поручил ему раздачу мяса союзникам. «Пусть эти люди теперь ухаживают за моим раздатчиком мяса», — сказал царь об ионийских греках, которые оказывали почет Лисандру.

Тогда Лисандр решил объясниться с Агесилаем, и между ними произошел краткий разговор.

— Ты, Агесилай, — сказал Лисандр, — недурно умеешь унижать своих друзей.

— Да, — ответил Агесилай, — когда они хотят стать выше меня; тому же, который способствует усилению моего могущества, я всегда готов предоставить долю.

Затем Агесилай дал Лисандру незначительное поручение на Геллеспонте и в течение всей войны не возлагал на него больше никаких обязанностей.

Лисандр возвратился в Спарту в сильном раздражении и в обиде на Агесилая. Он полагал, что его заслуги как великого полководца, сделавшего так много для Спарты, недостаточно оценены.

В таком настроении Лисандр решил осуществить давно задуманный им план и стать царем Спарты. Он предполагал провести в народном собрании закон о лишении власти правящих царей и сделать должность царей выборной. «Тогда, — думал он, — спартанцы выберут меня как самого великого человека в Спарте».

Чтобы повлиять на суеверных спартанцев, Лисандр решил получить пророчества знаменитых оракулов, в которых бы говорилось о нем как о будущем спасителе Спарты и всей Греции. Он пытался даже привлечь на свою сторону дельфийских жрецов, чтобы получить нужное ему предсказание. Однако попытка подкупить жрецов-прорицателей оракула Зевса Аммона в Египте окон-

чилась неудачей. Оскорбленные жрецы направили в Спарту постов с разоблачением недостойных действий Лисандра. Его привлекли к суду, но судьи не решились обвинить прославленного полководца, и он был оправдан.

А тем временем измученные спартанским господством греческие города-государства стали подниматься на борьбу за независимость. После Афин, свергнувших своих «тридцать тиранов», против Спарты выступили Фивы. Став во главе направленного против фиванцев войска, Лисандр двинулся через область Фокиду в Беотию и назначил царю Павсанию, который шел к нему на помощь, встречу у города Галиарта. Но, подойдя к городу, он не нашел там Павсания и поэтому не решился на штурм. Посланец Лисандра на пути к Павсанию попал в руки фиванцев, и те приняли меры для защиты города.

Подождав некоторое время Павсания, Лисандр решил дать врагам сражение. Построив свое войско, Лисандр лично повел его на приступ. Фиванцы дали спартанцам приблизиться к стенам, а затем, внезапно открыв ворота, сделали вылазку.

В завязавшейся схватке Лисандр был убит. Осаждающие город спартанцы после гибели Лисандра хотели отступить, но в этот момент с тыла на них напали новые отряды фиванцев. Атакованные с двух сторон, спартанцы потерпели серьезное поражение (395 г. до н. э.).

Узнав о несчастье, Павсаний поспешил к Галиарту, но, встретив там объединенные силы фиванцев и подоспевших к ним на помощь афинян, не решился вступить в неравный бой. Павсаний предложил врагам перемирие для погребения павших и, совершив его, отступил.

Похоронили Лисандра на границе с Беотией, на земле, дружественной спартанцам. В Спарте ему воздали почести, как великому полководцу.

Такова была жизнь Лисандра, наделенного от природы выдающимися талантами, но использовавшего свои способности не столько для славы родины, сколько для своих личных и корыстных целей.

АГЕСИЛАЙ

В Спарте долго царствовал царь Архидам II. При нем началась Пелопоннесская война, и так много побед он одержал на полях Аттики, что первую часть этой «мировой войны греческих государств» принято по его имени называть «архидамовой». Когда он умер, после него остались два сына, старший — Агис и младший — Агесилай. По закону власть переходила к старшему, а Агесилаю предстояло вести жизнь рядового спартанца. Сыновья, предназначенные к царствованию, освобождались от сурового спартанского воспитания, которое было обязательным для всех остальных мальчиков. Совместное воспитание было введено еще Ликургом для того, чтобы юноши научились быть бесстрашными в бою и беспрекословно слушаться начальников. Когда впоследствии Агесилай все-таки пришел к власти, он, благодаря полученному в детстве суровому воспитанию, лучше других царей умел ладить со спартанскими воинами: наряду с данным ему от природы талантом полководца и руководителя, он отличался исключительной справедливостью и был хорошим товарищем.

Когда Агесилай еще проходил обучение в отряде мальчиков, на него обратил внимание знаменитый полководец второй половины Пелопоннесской войны — Лисандр. Его поразило, что хромой Агесилай, несмотря на болезнь ноги, не уступал в физических упражнениях и работах ни одному мальчику и никогда не ссыался на свой физический недостаток. Уродство Агесилая скрадывалось его незлобивостью и той шутливостью, с которой он относился к своему недостатку.

До нас не дошло ни одного портрета Агесилая, так как он не позволял изображать себя ни живописцам, ни скульпторам. Даже умирая, он подтвердил свой запрет. Рассказывают, что Аге-

силай был мал ростом, и лицо его ничем не выделялось. Однако спокойное самообладание, веселость и удивительная мягкость его звучного голоса до глубокой старости делали его внешность приятной.

В годы правления сына Архидам Агиса II закончилась Пелопоннесская война, в которой особенно прославился своими морскими победами полководец Лисандр. Когда Агис II умер, на престол должен был взойти его сын Леотихид, но Лисандр, очень ценивший Агесилая, предложил сделать его царем вместо законного наследника. По материнской линии Леотихид происходил из бедной семьи, а главное — не имел такого количества друзей и сторонников, как Агесилай. Хотя жрецы грозили великими бедствиями за нарушение закона престолонаследия, влияние Лисандра пересилило и хромой Агесилай был провозглашен царем. Чтобы подкупить небогатых родственников Леотихида, Агесилай отдал в их распоряжение половину царского имущества и заслужил этим их расположение.

Вначале Агесилай старался всеми способами понравиться влиятельным людям. Предыдущие цари часто вступали в конфликты с «герусией» — спартанским советом старейшин, куда пожизненно избирались 28 самых знатных старцев, хранителей спартанских законов и традиций. Геронты — так назывались члены герусии — фактически правили всеми делами Спарты. Они очень неохотно позволяли царям менять что-либо во внутренней жизни государства, даже если это было необходимо для успеха на войне. Агесилай, в случае расхождения с геронтами, все же ничего не предпринимал, пока не добьется их согласия, и не позволял себе с ними спорить. Когда на место умершего геронта выбирали нового, Агесилай посылал ему в подарок живого быка и полотняную рубаху, что стоило даже еще дороже.

Кроме герусии, в которую входили и цари, во главе Спарты стояли избиравшиеся ежегодно пять эфоров*. Ссылаясь на волю богов, эфоры имели право отстранять от власти царей, если только им не нравились какие-либо меры, которые те пытались провести против их воли. Поэтому многие цари постоянно вели с эфорами борьбу за власть. Агесилай, наоборот, старался угодить эфорам, выказывая им всевозможные знаки почтения. Каждый раз, когда входившие в зал Совета эфоры заставляли его сидящим, Агесилай немедленно вставал перед ними. Этим он хотел показать, что не стремится к расширению царской власти или к изменению существующих порядков.

Подчиняясь законам, Агесилай считал, однако, что если речь идет о помощи другу, допустимо нарушить или обойти закон. Он утверждал, что во взаимных услугах друзей нет ничего постыдного. Но если и соперник попал в беду, то умнее будет не вредить ему, а поспешить на помощь и таким способом завоевать его расположение. Про него рассказывали, что, когда один из его

* Об эфорах см. выше биографию Ликурга.

Гигантомахия. Деталь северного фриза сокровищницы сифнийцев в Дельфах

друзей попал в Малой Азии под суд, Агесилай написал тамошнему правителю: «Если мой друг не виноват — отпусти его, ибо этого требует закон; если же виноват, все равно отпусти, ради меня. В любом случае он должен быть освобожден».

Добиваясь назначения Агесилая царем, Лисандр имел далеко идущий расчет. После окончания войны с Афинами спартанцы продолжали вести войну за морем с целью освобождения попавших под власть персов греческих городов Малой Азии. Лисандр рассчитывал, что в поход в Азию он отправится с юным царем Агесилаем. Имея большой военный опыт, он станет верховным главнокомандующим и прославится еще больше. В случае победы, возвратившись в Спарту, Лисандр надеялся отстранить обоих царей и стать во главе государства. Однако уже в начале похода Агесилай не захотел быть отодвинутым на задний план. Любовь к славе оказалась у него сильнее чувства благодарности, и Агесилай не давал Лисандру возможности отличиться ни в Совете, ни на поле боя. Как бы в насмешку над прославленным полководцем он поручал Лисандру только продовольственное снабжение городов и армий. Обидевшись, Лисандр вернулся в Спарту и весь остаток жизни посвятил попыткам лишить Агесилая власти и изменить несправедливый, по его мнению, политический строй Спарты.

Избавившись от соперника, Агесилай успешно вел войну в Малой Азии, против персидского сатрапа Тиссаферна. После первых успехов он заключил с сатрапом перемирие, которое, однако, сам же нарушил. Ему удалось обмануть персов, сделав вид, что его войска готовят вторжение в южные области Малой Азии. И когда варвары сосредоточили свои силы в этом районе, Агесилай ударил в центр страны и разбил Тиссаферна у столицы Лидии, города Сарды. Спартанцы захватили множество городов и огромную добычу. Узнав об этом поражении, персидский царь разгневался на Тиссаферна так, что приказал его казнить, несмотря на то, что

раньше он одерживал победы и причинил грекам столько вреда, что они считали его своим главным врагом.

Агесилай, пируя с друзьями, так объяснил свое поведение: «Нечестно, конечно, заключив мирный договор, не выполнить его; но обмануть врагов всегда справедливо, да вдобавок еще приятно и выгодно».

Персидский царь, потерпев несколько поражений, решил, что выгоднее склонить спартанцев к миру, и послал к Агесилаю одного из своих приближенных с богатыми подарками. Агесилай сказал посланцу, что заключение мира зависит не от него, а от решения народа и правительства Спарты. «У греков, — заявил он, — принято брать от врагов не подарки, а добычу».

После того, как союз с Агесилаем заключило малоазийское царство Пафлагония и предоставило ему для войны с персами три тысячи воинов, спартанский царь решил наступать на центральную провинцию Малой Азии Фригию. Сатрапом этой области был выдающийся персидский полководец Фарнабаз, но он не осмелился вступить в бой с превосходящими силами Агесилая. Захватив хранившиеся в столице огромные сокровища, Фарнабаз бежал. Греки и пафлагонцы настигли его отступающую армию и овладели лагерем. Фарнабазу удалось скрыться, но все сокровища достались победителям. Тут между союзниками произошла ссора из-за дележа добычи. Пафлагонцы покинули спартанцев и возвратились на родину.

Шел уже второй год войны, которую Агесилай вел в Малой Азии. Некоторые из отвоеванных спартанцами городов были недовольны спартанскими правителями и поднимали восстания. Агесилай ставил во главе городов местных аристократов, но требовал, чтобы они обходились без насилий и казней.

Молва об его скромном образе жизни распространилась по всему побережью и немало удивляла изнеженных персов. Агесилай спал на жесткой постели и стойко переносил жару, холод и все неудобство походной жизни. Одному греку, удивлявшемуся простоте его одежды, Агесилай сказал: «Такой образ жизни — почва, на которой выросла наша свобода». Когда же его спросили, какой из спартанских обычаев он считает самым важным, Агесилай ответил: «Презрение к удовольствиям».

Малоазийские греки радовались, что высокомерные персидские сатрапы в своих роскошных одеждах преклоняют колени перед человеком в скромном платье воина.

Агесилай между тем готовился к походу против самого персидского царя. Он не мог простить царю вмешательства в междоусобные войны греков. Он утверждал, что царь постоянно вредит эллинам, подкупая демагогов и настраивая их против Спарты.

Когда войска Агесилая уже были готовы к выступлению, из Спарты прибыл посол с сообщением, что Агесилая спешно зовут в Грецию. В письме говорилось, что окружающие Спарту

эллинские государства объявили ей войну. Агесилаю ничего не оставалось, как подчиниться приказу. Агесилай ответил таким письмом: «Агесилай эфорам шлет привет! Большую часть Азии мы покорили, варваров обратили в бегство. Вашему приказу я подчиняюсь и последую сразу за этим письмом. Я принял командование не для того, чтобы получить власть, но ради государства и наших союзников. Командующий лишь тогда поступает правильно, когда руководствуется законами и подчиняется эфорам».

Покидая Малую Азию, Агесилай сказал, что его изгоняют оттуда 30 тысяч персидских лучников. При этом он имел в виду не воинов персидского царя, а персидские золотые монеты, на которых были изображены лучники. Персидский царь не рассчитывал одолеть Агесилая в открытом бою и избрал другой способ борьбы с ним. Он переправил в Грецию 30 тысяч золотых монет и пожертвовал их на восстановление афинских укреплений и фиванской армии. Получив деньги, эти два государства начали против Спарты военные действия.

Выполняя приказ, Агесилай со своими спартанцами переправился через Геллеспонт и вдоль северного побережья Эгейского моря двинулся в сторону Греции. Фракийские племена относились к нему дружелюбно, но одно из них — траллы, которым сам Ксеркс * заплатил дань, — потребовало у Агесилая выкуп — 100 талантов серебра. Агесилай, издеваясь, посоветовал им прийти к нему за деньгами, а когда увидел, что они строятся в боевой порядок, напал на них и обратил в бегство.

Проходя через Македонию, Агесилай спросил царя Александра, хочет ли царь пропустить его как друга или как врага. Александр отвечал, что подумает.

— Пусть думает! — воскликнул Агесилай. — А мы пойдем вперед.

Устрашенный такой смелостью Александр попросил Агесилая пройти через Македонию как друг.

Следующей страной на пути Агесилая домой была Фессалия. Так как фессалийцы вошли в союз с врагами Спарты, он по пути разорил и разрушил их города.

В один из них — Лариссу — он отправил послов, но правители города схватили послов и заключили в темницу. Разгневанные спартанцы хотели осадить Лариссу, но Агесилай сказал, что даже ради всей Фессалии не станет рисковать жизнью двух своих спартанцев. Он завязал с жителями Лариссы переговоры и добился освобождения обоих послов.

Чтобы понять характер Агесилая, его отношение к своим согражданам, следует вспомнить, что, когда ему сообщили о битве под Коринфом, в которой погибло множество врагов и только несколько спартанских воинов, Агесилай с глубоким вздохом сказал: «Горе тебе, Греция, что ты сама погубила столько людей, которые,

* См. выше биографию Фемистокла.

если бы остались жить, могли, объединившись, победить всех варваров на свете».

По приказу эфоров Агесилай, взяв под свое командование отряд спартанцев из-под Коринфа, вступил в Беотию. Здесь его ждала страшная весть о полном разгроме спартанского флота у берегов Малой Азии при Книде (394 г. до н. э.).

Талантливый афинский стратег Конон спасся после гибели афинского флота у Эгоспотамов и поступил на службу к персидскому сатрапу Фарнабазу. На персидские деньги Конон снарядил большой флот и в битве при Книде отомстил спартанцам за гибель афинского флота у Эгоспотамов.

Когда было получено известие об этом несчастье, спартанцам, стоявшим в Беотии, предстояла тяжелая битва с объединенными силами аргосцев и фиванцев; Агесилай решил скрыть от своих воинов весть о поражении при Книде. Украсив себя цветами, он объявил об одержанной якобы при Книде победе и приказал совершить благодарственное жертвоприношение. После этого он вступил в битву с фиванцами, которые впервые показали прекрасную военную подготовку, так что спартанское войско едва избежало окружения и гибели. В этой битве при городе Коронее Агесилай получил несколько тяжелых ран, но все же заставил противника отступить. Агесилай приказал отнести себя на носилках в дельфийский храм, где подарил жрецам десятую часть захваченной у персов добычи.

По выздоровлении Агесилай возвратился в Спарту, где мог убедиться, как сильно изменились спартанские нравы. Многие полководцы, побывав в чужих краях, не желали уже вести прежнюю скромную жизнь. Они присваивали военную добычу, не соблюдали суровых спартанских обычаев и проводили жизнь в праздности. Агесилай по-прежнему любил и ценил обычаи своей родины; его пища, как всегда, была скромной, одежды его жены и дочери, мебель и утварь в доме не изменились за все это время. Из огромной персидской добычи Агесилай не взял ничего для себя лично. Несмотря на это, а может быть, как раз вследствие такого отличного от всех поведения, у Агесилая было много врагов. Царь, однако, старался не вредить тем, кто выступал против него. Напротив, он обычно добивался назначения таких людей на высокие должности, связанные с управлением людьми и имуществом; затем, когда обнаруживалась жестокость или жадность этих людей, Агесилай оказывал им помощь и таким образом из врагов делал их своими друзьями. Его постоянным советником был мудрый афинский писатель Ксенофонт *, которого он убедил отдать сыновей на воспитание в Спарту, чтобы они усвоили местные обычаи.

Сражение при Коронее не привело к окончанию войны. Хотя Агесилаю удалось одержать после этого несколько побед, афинский

* Произведения Ксенофонта «Греческая история», «Анабасис», «Киропедия», «Воспоминания о Сократе» и др. дошли до нашего времени и переведены на русский язык.

флот, отстроенный на персидские деньги, продолжал под командованием Конона господствовать на море и опустошать берега Лаконии и Пелопоннеса. Афиняне восстановили оборонительные стены вокруг города и тоже осмеливались теперь нападать на спартанцев.

В этих условиях спартанское правительство сочло выгодным заключить мир с персами и послало в Азию эфора Анталкида, дав обязательства не помогать азиатским грекам в их борьбе с персами. За это Анталкид добился прекращения персидской помощи афинянам и фиванцам. Всякие объединения и союзы греческих государств были запрещены, что было тоже выгодно прежде всего Спарте, против гегемонии которой Государства Греции заключали союзы. «Анталкидов мир» был выгоден и персидскому царю, опасавшемуся объединения греческих государств, почему этот мир называли еще и «Царским» (387 г. до н. э.). Агесилай был против этого мира. Эфор Анталкид, его враг, считал, что Агесилай потому все время стремится к войне, что надеется прославиться в битвах и возвыситься еще больше.

Однако после заключения «Анталкидова мира» возможность прославиться на войне для спартанского полководца не только не уменьшилась, но даже увеличилась. Спартанские гарнизоны стояли во многих государствах Греции. Командующий одним из таких гарнизонов Фебид проходил со своим отрядом через Беотию и, несмотря на перемирие с фиванцами, внезапным нападением захватил фиванский кремль—Кадмею. Затем от сверг демократическое правительство в Фивах и поставил новое во главе с аристократами *.

Весть о вероломном захвате Фив, в нарушение мирного договора, вызвала негодование в Греции. В самой Спарте многие осуждали самовольные действия Фебида, и его привлекли к суду. Там Фебида спросили, чьему приказу он повиновался, нападая на Фивы? Агесилай выступил в его защиту и сказал: «Все, что приносит пользу Спарте, разрешается совершать даже без особого приказа». Фебид был не только оправдан, но и назначен командующим гарнизоном, который занимал Кадмею.

Теперь спартанцы попытались покончить и с другим противником — Афинами. В беотийском городе Феспиях (в 40 км от Афин) стоял спартанский гарнизон под командованием честолюбивого полководца Сфодрия. Завидуя славе Фебида, Сфодрий задумал захватить Афины. Он знал, что в случае удачи его поступок получит одобрение. Афины были большим городом с многочисленным населением; стены города были вновь отстроены и тщательно охранялись. Захватить Афины среди бела дня было невозможно, поэтому Сфодрий решил ночью, под покровом тьмы, овладеть афинской гаванью — Пиреем и, отняв у афинян море, заставить их впустить в город спартанский гарнизон. Рассказывают, что эту гибельную мысль подал Сфодрию не кто иной,

* См. подробнее об этом в биографии Пелопида.

как фиванец Пелопид, надеявшийся такой провокацией сделать Спарту ненавистной всем грекам. Через своих друзей он вскружил Сфодрию голову и подтолкнул его на это несправедливое и отчаянное предприятие. Сфодрий не рассчитал времени, и спартанцы оказались под стенами Пирея, когда солнце уже ярко светило. Стража подняла тревогу, ворота гавани оказались закрытыми. Внезапное нападение не удалось, и спартанцам пришлось с позором отступить.

Возмущению и негодованию афинян не было предела. Немедленно созвали народное собрание. В Спарту отправили послов с требованием суда над виновниками вероломного нападения. Послам сообщили, что правители Спарты решили привлечь Сфодрия к суду, но он, опасаясь тяжести обвинения и гнева сограждан, бежал из Спарты. У Сфодрия был сын Клеоним, друживший с сыном Агесилая Архидамом. Накануне дня суда Архидам уговорил отца заступиться за совершившего преступление Сфодрия. Хотя и порицая поступок неудачливого полководца, Агесилай все же полагал, что такой храбрый воин будет полезен государству. Вероятно, заступничество Агесилая объяснялось и его любовью к собственному сыну, Агесилай очень любил своих детей и часто играл с ними. Один из друзей Агесилая как-то застал его скачущим верхом на палочке и играющим с сыном в лошадки. Агесилай попросил друга не рассказывать никому об этом, пока тот сам не станет отцом и не поймет, как это приятно.

В результате усилий Агесилая Сфодрий тоже был оправдан. Когда весть об этом достигла афинян, они решили объявить Спарте войну. Незадолго до этого Афины помогли фиванским изгнанникам захватить Кадмею и восстановить демократию. Возможно, Пелопид для того и подтолкнул Сфодрия к неудачной попытке захвата Пирея, чтобы Афины решились наконец на союз с фиванскими демократами. Теперь они совместно начали успешную борьбу за освобождение Греции от спартанского владычества.

Во главе спартанского войска был поставлен второй царь Клеомброт, так как Агесилая все порицали за то, что он воспрепятствовал справедливому осуждению Сфодрия и тем втянул Спарту в тяжелую войну,— ему не доверили командования. Клеомброт повел спартанское войско в Беотию, однако действовал нерешительно. Тогда Агесилай, несмотря на свой преклонный возраст (ему было около семидесяти лет), принял начальство над одним из отрядов и причинил фиванцам немало вреда, одержав победы во многих стычках.

В одном из сражений Агесилай получил тяжелую рану и долгое время вынужден был лежать в постели. Эфор Анталкид сказал ему: «Пеняй на себя. Эта рана тебе в благодарность за то, что научил фиванцев драться. Ведь еще Ликург запретил многократно воевать с одним и тем же противником. Фиванцы не умели и не хотели воевать, а теперь, испытав их искусство на собственной шкуре, можешь сам оценить пользу от твоих уроков».

За время болезни Агесилая спартанцы испытали много неудач. Спартанские союзники были недовольны, и среди них начались волнения; они считали, что Агесилай начал войну из-за своей ненависти к фиванцам, а им теперь приходится идти на смерть ради спартанских интересов, в то время, как сама Спарта отправляет в поход только маленькие отряды своих воинов.

Агесилай решил показать союзникам, что они не правы. Однажды он распорядился, чтобы все союзные воины сели рядом друг с другом; спартанцы должны были сидеть неподалеку отдельно от них. Через глашатая Агесилай приказал встать всем воинам, знакомым с горшечным ремеслом. Некоторые из союзников встали. Затем начали выкликать кузнецов, плотников, строителей и других ремесленников. За небольшим исключением все воины союзников уже стояли, а из спартанцев не поднялся ни один. Ведь в Спарте гражданам было запрещено не только заниматься, но даже изучать какое-либо ремесло. «Вот,— сказал Агесилай,— теперь все видят, что настоящих воинов в наше войско больше всего дает Спарта, а союзники присылают только вооруженных ремесленников».

Союзники все-таки продолжали роптать, и Спарте пришлось согласиться на мирные переговоры. В Лакедемон съехались выборные от всех греческих государств. Среди них был и фиванский полководец Эпаминонд, которому суждено было в скором будущем стать победителем спартанцев. Видя, что Агесилай подчинил своей воле всех выборных и хочет включить в мирный договор пункт о руководящей роли Спарты в Союзе, Эпаминонд стал возражать и предложил включить в договор условие о полном равенстве всех государств. В ответ на это Агесилай, сославшись на «царский мир», потребовал объявить Беотию независимой от Фив.

«Соглашусь при условии, что Спарта признает независимость илотов,— сказал Эпаминонд.— Ведь они такие же греки, как и мы».

Эти слова вызвали такой гнев Агесилая, что он исключил Фивы из мирного договора, который Спарта заключила с остальными греками, и объявил им войну.

Уже через 20 дней спартанское войско во главе с царем Клеомбротом вторглось в Беотию. Союзники из страха перед грозным Агесилаем тоже послали на помощь спартанцам большое войско. Все они направлялись к столице Беотии — Фивам. В десяти километрах к юго-западу от Фив, при местечке Левктры произошла решающая битва (371 г. до н. э.). Во главе фиванцев стоял Эпаминонд. В этой битве он показал свое военное искусство и преимущества разработанного им нового военного строя — косога клина*. Эпаминонд сосредоточил главную массу войска на левом крыле, ослабив правое крыло и центр. Мощная фаланга фиванцев глубиной в 50 рядов, вооруженная длинными копьями, обрушилась на правое крыло спартанцев. Спартанцы были смяты; затем Эпаминонд прорвал центр неприятеля и охватил их с правого крыла. Спартанская армия была почти полностью уничтожена. На поле

* См. биографию Пелопида.

битвы пали царь Клеомброт, 1000 спартанцев и множество воинов союзных Спарте государств.

Достоин удивления мужество, с которым Агесилай и побежденный город встретили страшное известие о разгроме спартанской армии при Левктрах. В этот день у спартанцев был праздник в честь солнечного бога Аполлона — «гимнопедии». Обнаженные юноши демонстрировали свое атлетическое искусство, хоры исполняли боевые песни и ничто, казалось, не предвещало беды. Когда эфорам сообщили о поражении, они прежде всего позаботились о том, чтобы не началась паника и народ не впал в отчаяние. Ни одному хору не разрешили прервать или отменить свои выступления, ничто не должно было нарушить праздник. Наутро, когда имена уцелевших и погибших стали известны, родственники убитых, сдержав слезы, вышли на улицы и гордо прошествовали к центральной площади. Наоборот, семьи тех, кто уцелел в битве, не выходили из домов. Если же кто-нибудь покидал дом, люди видели, как печалит его несчастье сограждан и каким униженным он себя чувствует.

Авторитет Агесилая сильно пошатнулся. Спартанцы то и дело вспоминали, что, когда он незаконно занял престол, было кем-то предсказано, что «хромой царь приведет Спарту к гибели». Но Агесилай не потерял присутствия духа и проявил себя в несчастье даже лучше, чем во дни побед. В Спарте существовал древний обычай, запрещающий воинам отступать с поля боя. Таких людей называли «убоявшиеся», и они считались навек опозоренными. Их не брали больше в армию, они должны были ходить в темной одежде, опустив голову, с наполовину выбритой бородой. Когда-то при Фермопилах попавшие в окружение 300 спартанцев предпочли смерть отступлению. Но теперь в городе оказалась чуть ли не половина мужчин, которых следовало объявить «убоявшимися» и лишить чести. Эфоры предоставили Агесилаю решать, как поступить с провинившимися. Спарта как никогда нуждалась в воинах, и было ясно, что закон надо изменить.

Агесилай собрал всех спартанцев на площади и объявил, что менять закон он не позволит, но сегодня на один день приостанавливает его действие.

— Завтра закон снова войдет в полную силу,— угрожающе добавил он.— Государство не утратит своих законов, а граждане — своей чести.

Чтобы поднять боевой дух спартанцев, Агесилай с отрядом молодежи совершает набег на небольшой аркадский город, стараясь таким образом показать, что положение еще не безнадежно.

На следующий год Эпаминонд с многотысячным войском снова вторгается в Пелопоннес, доходит до Лаконики и безжалостно грабит страну. Агесилай не позволял никому выходить за пределы города. Расположив своих воинов на возвышенностях и в укрепленных районах города, он спокойно ожидал, решатся ли фиванцы ворваться в Спарту. Тяжелее всего было слушать Агесилаю упреки спартанок, запоминавших ему его собственные слова: «Никогда

спартанские женщины не видели и не увидят дыма неприятельских костров».

— Где же твои обещания? — кричали спартанки, но ради спасения родины Агесилай не поддавался чувству обиды и, можно сказать, победил самого себя. В молодости он не умел преодолевать своей вспыльчивости и гордыни, а теперь, в зрелом возрасте, он думал только о пользе отечества. Поэтому, не обращая внимания на оскорбления, Агесилай не выводил своих воинов из города и не вступал в бой с превосходящими силами противника.

Войска Эпаминонда стояли на противоположном берегу Еврота, преодолеть быстрое течение которого фиванцам было нелегко. Агесилай спокойно наблюдал, как на другой стороне реки фиванцы готовятся к переправе. Эпаминонд в поисках брода сам шел впереди своей лодки по дну реки, разыскивая место для переправы. Агесилай долго смотрел на усилия Эпаминонда и наконец сказал: «Какой беспокойный человек!»

Не сумев выманить спартанцев за пределы города, войска Эпаминонда из-за наступивших холодов вынуждены были оставить Лаконику. На следующий год Эпаминонд снова привел свои войска в Пелопоннес и занял Мессению. Илоты, населявшие эту страну, уже давно ждали возможности отложиться от Спарты и создать собственное независимое государство. Теперь они получили, эту возможность. Центром их государства стал расположенный на горе, укрепленный город Мессена, некогда древняя столица этой страны. Сюда в случае нападения сбегались все илоты, и спартанцы уже не могли расправляться с ними, как в прежние времена.

В Аркадии тоже произошли большие изменения. В этой стране издавна соперничали два больших государства — Тегея и Мантинейя. Аркадия давно стремилась к независимости от Спарты, и теперь благодаря Эпаминонду это стало возможным. Был основан новый большой город Мегалополь, вокруг которого объединилась вся Аркадия. У Спарты даже в Пелопоннесе не было теперь возможности расширить сферу своего влияния и завербовать силой новых союзников. Со всех сторон она была окружена сильными и враждебными ей государствами.

В самой Спарте недовольство тоже усилилось. Около двухсот воинов, задумав совершить переворот, заняли укрепленную высоту, на которой стоял храм Артемиды. Сторонники правительства хотели штурмовать это укрепление. Но Агесилай решил лучше прибегнуть к хитрости. Сделав вид, что ничего не знает о заговоре, он в сопровождении лишь одного раба поднялся к храму и стал выговаривать находившимся там воинам за то, что они не поняли его распоряжения и заняли не ту высоту, которую он им приказал. Обрадовавшись, что их замысел не раскрыт, заговорщики, разделившись на группы, послушно разошлись по указанным им местам. А ночью Агесилай приказал схватить и убить 15 человек, которых он считал самыми опасными.

Вскоре был раскрыт еще один заговор, даже более значительный.

И снова Агесилай с согласия эфоров приказал убить заговорщиков без суда, хотя прежде ни одного спартанца не казнили без судебного разбирательства. Так же тайно Агесилай действовал, когда включенные в спартанскую армию илоты перебежали на сторону врага. По его приказу служители обходили по утрам все палатки и, если находили брошенное оружие, прятали его, чтобы воины не знали числа перебежчиков.

Из-за преклонного возраста Агесилай все чаще поручал командование в битвах своему сыну Архидаму. Но когда опасность угрожала самой Спарте, царь брал руководство в свои руки. Так было и во время последнего похода Эпаминонда в Пелопоннес. На этот раз целью похода было наказание Мантинейи, отпавшей от созданного фивами Аркадского союза. Мантинейцы обратились за помощью к Агесилаю. Когда Эпаминонд узнал, что Агесилай выступил из Лакедемона и спартанское войско находится уже около Мантинейи, он решил не упускать удобного случая и напасть на Спарту, пока ее защитники отсутствуют. Однако Агесилай узнал о коварном плане фиванцев. Кратчайшей дорогой он поспешил назад в Спарту. В это время фиванцы уже перешли реку Еврот и ворвались в город. Они дошли до городского рынка и заняли господствующую над площадью возвышенность. Спартанцы продолжали отчаянно сопротивляться, когда подошел отряд Агесилая и решил исход битвы. Сам Агесилай бился, как лев, и проявил такое мужество, которого никак нельзя было ожидать от человека его возраста. Когда фиванцев, наконец, выбили из города, Агесилай воздвиг из отобранного у врагов оружия трофей, чтобы увековечить свою победу.

Несколько дней спустя между войсками Агесилая и Эпаминонда произошла решающая битва при Мантинее (июль 362 г. до н. э.). Готовя своих воинов к сражению, Агесилай убеждал их, не обращая внимания на других фиванцев, направить все силы против самого Эпаминонда.

«Настоящей доблестью, — говорил он, — обладают только умные люди. Именно они определяют исход битвы. Если удастся устранить Эпаминонда, нетрудно будет «подчинить и всех остальных».

Случилось именно так, как он предполагал. Победа уже склонялась на сторону фиванцев, и спартанцы обратились в бегство, когда Эпаминонд обернулся, чтобы ободрить своих. В этот момент один из спартанцев нанес ему смертельный удар. Эпаминонд упал, и спартанцы, прекратив бегство, вновь устремились на врага. Поле битвы осталось все-таки за фиванцами, но обе стороны понесли такие потери, что силы их истощились, и они поспешили заключить мир. К нему присоединились и остальные греческие государства, в частности, Мессения, населенная илотами — бывшими спартанскими рабами. Агесилай потребовал исключить мессенцев из договора, а когда его предложение не прошло, заявил, что спартанцы будут продолжать борьбу с илотами до победы. Такое решение многих настроило против Агесилая: его стали считать человеком жестоким, противником мира, стремящимся к бесконечным войнам.

Однако Спарта была теперь слишком слаба и бедна, чтобы поддерживать свои претензии силой оружия. Хотя мир с мессенцами и не был подписан — война прекратилась.

Еще более укрепилась за Агесилаем слава человека воинственного и вздорного, когда, под предлогом добывания денег для Спарты, он отправился служить наемником к отложившемуся от Персии египетскому царю Таху. Как ни уговаривали Агесилая, что недостойно прославленного спартанского царя воевать под началом варвара, он ничего не хотел слушать: «Не может быть ничего недостойного, — говорил он, — в том, что пойдет на пользу родине».

Ему было больше восьмидесяти лет, тело его было все в рубцах, а силы на исходе. Но воинственный дух толкал Агесилая в новые битвы. Он считал недостойным жить без дела и спокойно ожидать смерти; но никакого другого дела, кроме войны, Агесилай не знал и не хотел знать.

На присланные Тахом деньги Агесилай набрал отряд наемников, взял с Собою тридцать спартанцев в качестве советников и, снарядив несколько судов, отплыл в Египет.

Когда корабли вошли в реку Нил и люди сошли на берег, к ним стали сбегаться египтяне, много слышавшие о подвигах Агесилая и жаждавшие посмотреть на него. Однако вместо роскоши и блеска, на которые они надеялись, они увидели лежащего на земле старого человека маленького роста, прикрытого дешевым грубым плащом. Они даже не поверили, что это тот самый герой, о котором они слышали, что он чуть не сокрушил великую Персию. Они наивно предполагали, что спартанский царь должен быть таким же разодетым и разукрашенным, как и персидский. Насмешки следовали одна за другой.

— Совсем, как в басне, — закричал один египтянин. — Гора рожала, рожала, а родила мышь.

— Подожди, — ответил Агесилай. — Эта мышь покажет еще вам, как сражаются львы!

Вопреки расчетам Агесилая Тах не назначил его главнокомандующим, а поручил ему только командовать наемниками. Спартанец с трудом переносил хвастовство и высокомерие египтянина. Он сопровождал его в походе на Финикию. В это время против Таха восстал его родственник Нектанеб и провозгласил себя вместо него царем Египта. Посоветовавшись с эфорами, Агесилай изменил Таху и, совершив предательство, перешел на сторону Нектанеба. Спартанцы не признавали никакой другой морали и считали благом только то, что по их мнению могло увеличить могущество Спарты.

После того как его покинули наемники, Тах бежал. Нектанебу, однако, пришлось долго утверждать свою власть в Египте. Агесилай еще не раз показывал в битвах с его соперниками свою храбрость и военное искусство. Однажды, когда его люди совсем пали духом, испугавшись надвигающейся опасности (на них надвигалась более чем двухсоттысячная армия), Агесилай придумал хитрость, о кото-

рой не сказал даже самым близким друзьям. На левой ладони он написал белой краской слово НИКЕ — победа, но ставил буквы не слева направо, а справа налево, как бы в зеркальном отражении.

Войска уже были готовы к битве, и прорицатель, согласно обычаю, зарезал жертвенное животное и извлек из его брюха печень. Печень была передана полководцу, который по ее форме и расположению отrostка должен был судить об исходе битвы. Агесилай положил печень на ту руку, где была надпись и, как бы не зная куда ее деть, некоторое время продержал на ладони, пока буквы не отпечатались на влажной поверхности. Затем он передал печень стоящим рядом, и те сообщили о чуде всему войску. На печени белыми буквами было начертано предзнаменование: НИКЕ — ПОБЕДА! Получив столь надежное знамение, воины с воодушевлением бросились в бой и одержали победу.

Нектанеб стал просить Агесилая остаться с ним и на следующий год, но Агесилай уже спешил домой, зная, что Спарта нуждается в деньгах для ведения вновь вспыхнувшей в Пелопоннесе войны. Нектанеб отпустил его с большими почестями и дал ему в награду двести тридцать талантов, огромные по тем временам деньги.

Когда Агесилай отплыл из Египта, уже начиналась зима, и он предпочитал плыть вдоль побережья Африки, держась поближе к суше. В пути он заболел, и ему пришлось высадиться на ливийском побережье в пустынном месте, которое называлось «Менелаева гавань». Здесь он и умер (360 г. до н. э.).

Перед смертью он приказал своим соратникам, чтобы ему не воздвигали никаких памятников:

— Если, — сказал он, — я сделал что-нибудь хорошее — это и будет мне памятником; если же — нет, не помогут все статуи в мире. Разве могут что-либо изменить изделия жалких ремесленников?

У спартанцев существовал обычай: тела тех, кто умер на чужбине, погребать на месте кончины. Тела же царей — доставлять на родину. Поэтому тело Агесилая залили воском и отвезли в Лакедемон, где власть перешла к его сыну Архидаму III.

Агесилай умер в возрасте 84-х лет, процарствовав сорок один год. Все эти годы он не знал отдыха, непрерывно ведя войны. До битвы при Левктрах он был наиболее влиятельным и могущественным человеком во всей Греции. Так что историк Плутарх из всех греческих правителей только его одного называет «Великим».

Агесилай был человеком замечательной энергии и силы воли, но его бурная деятельность принесла народу Спарты, как и всем окружающим народам, больше горя и несчастий, чем покоя и радости.

ПЕЛОПИД

Когда речь идет об истории и героях Древней Греции, обычно вспоминают о блестящих победах над персами, о войнах между самыми замечательными государствами этой страны, Афинами и Спартой, о законодателях, ораторах, писателях, живших в этих полисах. Лишь очень редко очередь доходит до рассказа о других городах, а ведь их история тоже была и поучительной, и интересной. Одним из таких государств были Фивы, лежавшие к северу от Афин, в области Беотии, недалеко от Копайдского озера. В отличие от египетской столицы греческий город называли Фивами семивратными. Это подтверждается и раскопками, да и мифы рассказывают, что после смерти Мудрого царя Эдипа один из его сыновей хотел завоевать родной город, где правил его брат, и ему пришлось собрать семерых героев для того, чтобы против каждого ворот выступал бы отряд одного из них. Так и назвали этот поход «Семеро против Фив». С тех пор прошло немало столетий, и в V в. до н. э. Фивы стали хотя и большим, но второразрядным городом Греции. В Пелопоннесской войне они сражались на стороне Спарты.

Когда в конце V века Афины потерпели поражение и были захвачены, Фивы предлагали скрыть этот город с лица земли. Но Спарта не согласилась с этим жестоким планом. Спартанцы понимали, что уничтожение Афин приведет к возвышению Фив, а они рассчитывали теперь, после победы, сами руководить жизнью всех греческих государств, повсюду насаждая свои порядки. Поэтому они только приказали афинянам скрыть стены вокруг города и поставили во главе государства своих сторонников. Во всех других городах Греции они тоже ставили аристократические правителей и только в Фивах у власти по-прежнему оставались демократы. Это, конечно, раздражало спартанцев, и они пообещали своим

сторонникам — Архию и Леонтиду, что поддержат их. В это же время небольшой спартанский отряд под командованием полководца Фебида проходил мимо Фив, возвращаясь с севера. Неожиданным броском спартанцы свернули с пути, ворвались в Фивы и захватили фиванский кремль, который назывался Кадмея. После этого в городе установилась власть аристократов, а демократы, те, кого не убили сразу, вынуждены были бежать. В Кадмее остался спартанский гарнизон и, опираясь на него, тираны Архий и Леонтид запугали казнями народ до того, что он даже не надеялся обрести когда-нибудь свободу. В Афинах же снова победила демократия, и там нашли убежище фиванские беглецы.

В это время в Фивах жили два друга — Пелопид и Эпаминонд. Пелопид был знатным и богатым юношей, отец его умер рано, юноша стал хозяином богатого поместья и, располагая деньгами, он тратил на себя и раздавал деньги тем беднякам, которых считал хорошими людьми, заслуживающими лучшей жизни. Пелопид пренебрегал своим богатством. Когда некоторые друзья отца порицали его за это, он отвечал:

— Да, это верно, деньги вещь очень важная, вот, например, для Никомеда.

При этом он указывал на хромого слепца, сидевшего на ступенях храма.

Пелопид был человеком горячим, вспыльчивым; у него было много друзей. Один из его сверстников, Эпаминонд, самый начитанный и умный фиванский юноша из бедной семьи, решительно отказывался взять у товарища хотя бы грош. Пелопиду так нравился Эпаминонд, что он стал подражать ему во всем, так же питался сухой рыбой и овсяным хлебом, носил бедную одежду и никогда не надевал никаких украшений. Юноши подружились и стали проводить время вместе, хотя вкусы у них были разные. Пелопид был силач, больше всего любил телесные упражнения — охоту и гимнастику. Эпаминонд же посвящал свое время наукам, читал книги, посещал школы философов, но сильнее всего увлекался историей военного дела. Оба друга были талантливы, и каждый вполне мог прославиться в своей области, но больше всего славы принесла обоим юношам их самоотверженная и неизменная дружба. Началась она давно, во время Пелопоннесской войны, но тянулась всю жизнь, где бы они ни находились и какую бы должность ни занимали.

Если окинуть взором историю прошедших веков, то немало можно вспомнить исторических деятелей, прославившихся на полях сражений и в управлении государством, но каждый раз, когда два гения, жившие в одном государстве, сталкивались в совместных делах, между ними возникало недоброжелательство, а то и вражда, хотя, казалось бы, общие цели, если они живут в одном государстве, должны были бы их сблизить. Примером тому были отношения Аристида и Фемистокла во время греко-персидских войн в Афинах, затем Кимона и Перикла, Никия и Алкивиада во время Пелопоннесской войны со Спартой, которые постоянно соперничали и враждовали.

Деянира и Кентавр.

довали друг с другом. И только жизнь Пелопида и Эпаминонда, боровшихся за независимость Фив, была проникнута дружбой и взаимным расположением, так как они не столько искали богатства и славы, сколько стремились принести пользу родине, не думая о себе. На этом пути они достигли высшего успеха и славы именно потому, что каждый смотрел на успехи друга, как на свои собственные. Рассказывают, что удивительная дружба Пелопида и Эпаминонда окончательно укрепилась еще тогда, когда они совсем молодыми воевали в фиванском войске, помогавшем в то время спартанцам в войне с Афинами. Когда положение их отряда стало критическим, сражавшиеся в центре фиванцы сомкнули свои щиты и решили погибнуть, но не уступать врагу; Пелопид, получив семь ран, рухнул на землю, и друзья думали, что он умер. Эпаминонд шагнул вперед и поклялся, что, пока он жив, не даст врагам захватить тело товарища. Он один сдерживал натиск врагов, раненный копьем в грудь и мечом в руку, пока прибежавшие на помощь спартанцы не спасли их обоих. С тех пор времена изменились. Спартанцы из союзников превратились в злейших врагов Фив. Пелопид вместе с другими вождями фиванских демократов бежал в Афины. Эпаминонду же разрешили остаться на родине. Бедность и не свойственное практическим людям увлечение философией делали его в глазах аристократов человеком жалким и не опасным.

Изгнанный друг Эпаминонда Пелопид был самым младшим

среди изгнанников; он скучал в Афинах без друга и без семьи и постоянно призывал товарищей хотя бы ценой жизни попытаться вернуться на родину.

«Стыдно,— говорил он,— видеть родину поработанной. Неужели мы станем радоваться тому, что удалось спасти наши жалкие жизни. Ведь здесь в Афинах нам приходится постоянно гнуть спину и льстить всякому, кто пользуется влиянием в Народном собрании. Возьмем пример с афинских изгнанников. После поражения в Пелопоннесской войне они сумели все-таки восстановить демократию в родной стране. Несмотря на могущество Спарты, они свергли власть знати, опиравшейся на засевший в Афинах спартанский гарнизон. Мы тоже сумеем уничтожить господство аристократов, поставленных спартанцами во главе Фив».

Призывы Пелопида достигли цели, и беглецы постарались завязать тайные сношения с теми из фиванцев, кто, рискуя жизнью, согласился им помогать. Одним из таких бесстрашных людей был Харон, богатый домовладелец, убежденный сторонник демократии. Он обещал предоставить изгнанникам убежище, если они сумеют тайно проникнуть в город. Другим смельчаком оказался Феллид, который вошел в такое доверие к правителям города, что они сделали его секретарем городской управы и передали ему ведение всех дел. Причиной этому было то, что правившие Фивами богачи, во главе с Архием и Леонтидом, ощущали ненависть к себе всего населения и понимали шаткость своего положения. Они проводили время в пирах и разгуле, требуя от Феллида, чтобы он каждый день придумывал для них новые развлечения. До времени Феллид старался во всем потакать хозяевам города.

Тем временем Эпаминонд готовил молодежь города к восстанию. В гимназиях, когда молодым фиванцам случалось побеждать спартанцев, Эпаминонд упрекал их, говоря, что только трусость заставляет оставаться рабами тех, кого они превосходят и силой и ловкостью.

Изгнанники между тем составили план заговора и назначили день для его осуществления. Большая часть заговорщиков собралась на границе фиванской области, и только двенадцать человек под предводительством Пелопида пересекли границу и пошли по дороге на Фивы. Они были одеты в короткие плащи, несли сети и вели на поводке собак. Прохожие думали, что это охотники.

По пути Пелопид и его друзья разделились и через разные ворота, еще засветло, вошли в город. Начиналась сильная буря. Из-за холода и непогоды жители сидели по домам, и улицы были пусты. Никем не замеченные заговорщики добрались до дома Харона, где их уже ожидали друзья. Всего собралось, вместе с изгнанниками, сорок восемь человек.

Как и было условлено, именно на этот день Феллид назначил в своем доме роскошный пир для правителей города. Он поставил на стол кувшины с отличным вином, чтобы, упившись, гости не могли оказать сопротивления. Архий и Леонтид были уже навеселе,

когда вдруг разнесся слух, что изгнанники вернулись и находятся где-то в городе. Архий решил вызвать и расспросить Харона, так как считал, что этот всеми уважаемый человек лучше других осведомлен обо всем происходящем в городе.

В это время в доме Харона заговорщики уже готовились к выступлению — надевали панцири и опоясывались мечами. Вдруг раздался стук в дверь — это пришел слуга с приказом Харону явиться к Архию. Все подумали, что заговор открыт и дело погибло. Харон решил, что ему следует пойти и попытаться отвлечь подозрения.

Харон был храбрым человеком, но он боялся не столько за свою жизнь, сколько того, что, если заговор будет открыт, друзья заподозрят его в предательстве. Приведя из женской половины дома своего любимого сына, красивого и веселого мальчика, он обратился к друзьям, прося их убить ребенка, если он, хотя бы под пытками, выдаст имена заговорщиков. Благородство Харона вызвало всеобщий восторг. Все заговорщики поклялись, что ни в чем не подозревают своего хозяина, и просили не вмешивать в их дела ребенка и не подвергать его опасности.

«Нет,— твердо сказал Харон,— мальчик останется здесь!»

Он попросил друзей не терять мужества и ушел. Подходя к дому Архия, он собрал все силы, чтобы ни голосом, ни выражением лица не выдать себя. Архий и Феллид вышли к нему навстречу:

«Я слышал, Харон,— сказал Архий,— что в городе скрываются изгнанники, и некоторые граждане сочувствуют им».

«А где же они скрываются?»— спросил Харон. Он понял, что заговор еще не раскрыт, и, ободрившись, сказал:

«Не беспокойся, надо проверить, и я сделаю это».

Присутствующий при этом Феллид похвалил Харона за готовность помочь и увел Архия назад, к столу, где налил ему полную чашу самого крепкого вина.

Только миновала эта опасность, как надвинулась новая, еще более серьезная. Из Афин к Архию прибыл посланник с письмом от его друга. В этом письме содержалось уже не подозрение, а точные сведения о заговоре и обо всех его участниках. Посланца провели к Архию, когда тот был уже совершенно пьян. Подав Архию письмо, посланный сказал:

«Тебя просят прочесть письмо немедленно. Это очень важно».

«Важно? Тогда до завтра,— сказал Архий с пьяным смехом,— тогда до завтра»,— и отложил письмо в сторону. Эти слова погубили его. Впоследствии в Фивах они стали поговоркой.

Наступило время действовать. Заговорщики разделились на две группы. Одна, во главе с Хароном, пошла в дом к Архию, где происходило пиршество. Поверх панцирей они надели женские платья; на голове у них были большие венки, скрывавшие лица. Пьяные гости встретили их радостными криками и рукоплесканиями: они подумали, что Феллид прислал женщин-танцовщиц для развлечения пирующих.

Заговорщики выхватили мечи и бросились, опрокидывая столы и лежа, на Архия и его товарищей. Некоторые пытались защититься, но после короткой схватки были перебиты.

Пелопиду и его спутникам выпала более трудная задача — устранить остальных правителей — Леонтида и Гипата, которых не было на пире. Когда заговорщики подошли к дому Леонтида, там, уже все спали и двери дома были заперты. Пришлось долго стучать, наконец на стук появился полусонный раб. Едва он успел отворить дверь, как заговорщики ворвались в дом, сбили раба с ног. Услышав шум, Леонтид вскочил с постели и выхватил меч. Впыхах он, однако, забыл потушить свет. Вся спальня была ярко освещена, что и привело его к гибели. Первого заговорщика он успел заколоть мечом. Но схватка с Пелопидом была для него роковой. Хотя узкие двери и тело поверженного товарища затрудняли борьбу, но ярость придала Пелопиду такую силу, что он быстро сумел одолеть силача Леонтида.

Потом заговорщики отправились в дом Гипата. Услышав шум, Гипат бросился на улицу, чтобы спрятаться, но был схвачен и убит. Первая часть плана таким образом была выполнена. Пелопид тотчас отправил гонца в Афины к оставшимся там изгнанникам и предложил им немедленно возвращаться в Фивы на помощь. Отряд молодежи под началом Эпаминонда, которого юноши буквально боготворили, тоже присоединился к восставшим.

Город между тем находился в смятении, никто не понимал, что происходит. На улицах стоял страшный шум и не прекращалась беготня. Во всех домах горели огни, но жители боялись выходить на улицу до самого рассвета.

Спартанский гарнизон, занимавший Кадмею, насчитывал до полутора тысяч человек. Кроме того, к спартамцам сбежали многие из фиванских аристократов. С такими силами легко можно было уничтожить кучку заговорщиков. Но крики на улицах, множество огня, собиравшиеся повсюду толпы народа привели спартанцев в замешательство. И вместо того, чтобы начать сразу действовать, они направили в Спарту гонцов с просьбой о подкреплении.

На рассвете в Фивы пришли вооруженные изгнанники. Было созвано народное собрание. Пелопида и Харона выбрали беотархами — так назывались в Фивах высшие должностные лица. Пелопид собрал все наличные силы и тотчас осадил Кадмею. Нужно было как можно скорее изгнать оттуда спартанцев, пока к ним не подошли подкрепления.

Когда фиванцы начали штурм крепости, спартанские военачальники запросили перемирия, обещая вывести свой отряд из Фив. Продержись спартанский гарнизон в Кадмее хотя бы еще один день — освободить Фивы так бы и не удалось. Не успел еще отступавший из Кадмеи отряд дойти до Мегар, как встретил сильную спартанскую армию под командованием царя Клеомброта, спешившую на помощь в Фивы. Но было уже поздно. Спартанское

господство в Фивах невозможно было восстановить. Начальников отступившего из Кадмеи гарнизона предали суду: двоих из них казнили, а на третьего наложили огромный штраф. В Беотию вторглось большое спартанское войско. Устрашенные афиняне расторгли союз с Фивами, фиванцы остались в полном одиночестве, один на один с грозным противником.

Однако никем не предвиденный случай спас Фивы. Афиняне неожиданно поссорились со Спартой, и их союз с Фивами был восстановлен. Сами спартанцы способствовали этому.

Сфодрий, начальник спартанского гарнизона одного из городов в Беотии, проходя со своим отрядом мимо Афин, сделал неудачную попытку захватить афинскую гавань Пирей. Он подошел к самому городу, но должен был бесславно отступить. Позднее пошли слухи, что это Пелопид, желая вызвать войну между Афинами и Спартой, внушил Сфодрию мысль совершить необдуманное нападение. Однако, скорее всего, Сфодрий решился на это по совету спартанского царя Агесилая*.

Возмущенные вероломством спартанцев афиняне объявили им войну и заключили союз с Фивами. Лакедемоняне по-прежнему занимали многие города Беотии. Фиванцы постоянно вступали с ними в столкновения, воюя с величайшим воодушевлением, так как понимали, что сражаются за свободу своей страны. Сами по себе эти столкновения не были значительными, но они оказались отличной школой, в которой фиванцы приобрели боевой опыт, воспряли духом и уже перестали бояться непобедимых до того спартанцев.

В этих битвах со спартанцами прославились Пелопид и его друг Эпаминонд. Однажды Пелопид захотел отбить у спартанцев беотийский город Орхомен и подошел к нему во главе своего «священного отряда» — так назывался отборный отряд фиванцев, состоящий из трехсот человек. Близ города он заметил проходящее большое спартанское войско и, не желая с ним столкнуться, быстро повел свой отряд назад. Но оказалось, что по той же дороге навстречу ему двигается другой, тоже многочисленный спартанский отряд. Один из фиванских воинов вскричал: «Мы, кажется, попали в ловушку!»

«Почему же мы, а не спартанцы?» — спросил Пелопид и приказал немедленно атаковать не ожидавших того спартанцев. Враг был смят мощным натиском тяжелой пехоты Пелопида, их начальник и несколько десятков спартанцев были убиты. Пелопид не стал преследовать отступивших, а напал с тыла на другое крыло спартанцев, стоявших еще в боевом порядке. После этого все войско неприятеля обратилось в бегство. Фиванцы одержали полную победу над вдвое превосходящими силами противника. Никогда еще спартанцы не бывали разбиты врагом, уступавшим им в численности. В течение нескольких столетий гордились они своей непобедимостью, но вот теперь вынуждены были убедиться, что ей пришел

* См. выше биографию Агесилая.

конец. Эта битва произошла недалеко от города Орхомена, при Местечке Тегира. Она послужила как бы введением к последующему великому событию — битве при Левктрах (371 г. до н. э.), которая положила конец спартанской гегемонии, руководящему положению этого государства в Греции.

Спартанский царь Клеомброт с десятью тысячами тяжелой пехоты и тысящей всадников вторгся в Беотию. Ужас охватил всю страну. Грозная опасность нависла над Фивами, неумолимый враг хотел стереть город с лица земли, а всех жителей продать в рабство.

Выхода не было, и беотархи постановили не уклоняться от решающего сражения. Фиванские войска расположились лагерем близ города Левктры, прямо напротив спартанского лагеря. Незадолго до битвы Пелопид увидел смутивший его сон. На поле предполагавшейся битвы стояли надгробия нескольких девушек, в давние времена замученных и убитых спартанцами. Отец девушек отправился в Лакедемон искать правосудия, но, не добившись его, покончил с собой на могиле любимых дочерей. И вот Пелопиду приснились эти молодые девушки, плачущие возле своих памятников, и их отец, потребовавший от Пелопида принести в жертву его дочерям белокурую девушку: «Только так ты добьешься победы», — сказал старик, воздевая руки к небу.

Пелопид пришел в ужас от этого требования. Греки были культурным народом, и человеческие жертвоприношения уже давно у них не приносились. Прошло больше ста лет с тех пор, как во время греко-персидских войн Фемистокл в последний раз совершил человеческое жертвоприношение — принес в жертву богам персидских пленников.

Фиванские полководцы убеждали Пелопида не обращать внимания на этот сон, ибо ни одному из богов не может быть угодна такая дикая и чудовищная жертва. Но жрецы считали, что явленная во сне воля богов должна быть выполнена: белокурую девушку следует заколоть в ночь перед битвой. Спор был в разгаре, когда через лагерь пронеслась молодая кобылица и как вкопанная остановилась перед Пелопидом. Все обратили внимание на ее светлую масть, а прорицатель Феокрит, мгновенно догадавшись, что следует сделать, вскричал, обращаясь к Пелопиду: «Вот жертва, которой требуют боги!»

Кобылицу отвели к могиле девушек, украсили венками и закололи. Всему войску было объявлено, что Пелопиду во сне была предсказана победа.

Наутро на широкой беотийской равнине началась битва. Командовал фиванцами Эпаминонд, а во главе ударного «священного отряда» стоял Пелопид. Левктры расположены неподалеку от Платей, где примерно за сто лет до этого греки одержали решающую победу над персами. Битва при Левктрах тоже была поворотным пунктом в истории Греции. Оказалось, что Эпаминонд недаром так долго изучал историю битв и военную теорию. Со времени

войн с персами самый характер греческого войска претерпел серьезные изменения. Когда-то полководцы строили воинов таким образом, чтобы их нельзя было обойти с флангов. Фронт представлял собой сплоченный строй стоявших плечом к плечу тяжелых вооруженных воинов. Такой строй назывался фалангой, В затылок друг другу ставили несколько шеренг, причем обычно число рядов по всему фронту было одинаковым. Это делалось для того, чтобы враг в каком-нибудь месте не мог разрезать фалангу на несколько частей. Спартанцы и теперь продолжали строить своих воинов в фалангу из восьми рядов. Но им трудно было обеспечить такую фалангу достаточным числом тяжелых вооруженных воинов. В новых условиях надо было менять тактику. Эпаминонд открыл тактическое правило, которое вплоть до нашего времени решает исход почти всех сражений: самое важное — добиться подавляющего превосходства сил на решающем участке фронта. Для этого нужно сосредоточить на нем большую часть воинов, вместо того чтобы распределять их везде поровну. В фиванской армии появилось много вспомогательных отрядов, которые легко было перебрасывать с одного участка на другой. Это позволило Эпаминонду навязать спартанцам свой план битвы. Согласно обычаю, Клеомброт поставил самых сильных воинов на правом фланге. Эпаминонд сосредоточил всю ударную силу своей пехоты (глубиной в пятьдесят рядов) против правого (сильного) крыла спартанцев. Фиванская ударная команда была вооружена мечами и длинными копьями и представляла собой косою клин. Заметив такое необычное построение фиванского войска, спартанцы тоже начали перестраивать свои ряды. Царь Клеомброт удлинил свое правое крыло и решил попытаться окружить фиванцев. В этот момент выступил «священный отряд» Пелопида и предупредил маневр Клеомброта. Царь не успел ни растянуть правое крыло для отхода, ни сомкнуть ряды по-прежнему. Стремительный натиск «священного отряда» смял поредевшие ряды спартанцев. В этот момент Эпаминонд двинул на спартанцев свои основные силы — пятьдесят рядов косою клина. Все правое крыло спартанцев было уничтожено.

Теперь Эпаминонд получил возможность обрушиться на центр и левое крыло спартанской фаланги и, пользуясь превосходством в силах, быстро уничтожил его. До тысячи спартанцев и множество их союзников осталось на поле битвы. Среди них и доблестно сражавшийся царь Клеомброт. Остатки спартанского войска обратились в бегство. Пелопид разделил с Эпаминондом славу победы (371 г. до н. э.).

Победа при Левктрах не только спасла Беотию от порабощения, но и уничтожила спартанское владычество во всей Греции. От Спарты отпали даже ее пелопоннесские союзники, сохранявшие верность более двух столетий.

Была зима, и заканчивался срок пребывания в должности Эпаминонда и других военачальников. Фиванский закон угрожал смертью беотарху, если он в течение месяца не приведет свое войско

в Фивы и не сдаст командования. Боясь ответственности, остальные беотархи повели свои войска домой. Эпаминонд же, посоветовавшись с Пелопидом, решил, что нельзя терять времени и позволить Спарте оправиться от поражения. Во главе большого войска он вместе с Пелопидом вступил в спартанскую область — Лаконику, опустошил ее и стал угрожать самой Спарте. Результатом этого похода было, что две большие области Пелопоннеса — Аркадия и Мессения отпали от Спарты, а к ним стали примыкать другие соседние государства.

После этого блестящего похода Эпаминонд и Пелопид вернулись в Фивы и были с восторгом встречены согражданами. Однако враги привлекли обоих героев к суду за то, что те не сдали командования по истечении целых четырех месяцев после установленного законом срока.

Эпаминонд встретил обвинения врагов спокойно, а Пелопид, более пылкий, возмущался низостью врагов. Оба друга были оправданы и избраны полководцами на следующий год.

Эпаминонд вскоре снова отправился в поход на Пелопоннес. В сражении, разыгравшемся под стенами Коринфа, беотийцы потерпели неудачу. Это послужило поводом новых нападков на него и Пелопида. Противникам удалось привлечь Эпаминонда к суду и временно отстранить от должности. Однако уже на следующий год граждане поняли, что поступили несправедливо, выбрали Эпаминонда полководцем, и он снова отправился в поход на Пелопоннес.

Теперь, когда Фивы стали ведущим государством Греции, у них появились враги не только на юге, но и на севере. Северной Беотии находится обширная плодородная область — Фессалия. В Фессалии боролись между собой несколько государств. В одном из них, в Ферах, захватил власть жестокий, но энергичный и талантливый тиран Александр. Остальные фессалийские города не хотели подчиниться этому властителю и обратились за помощью к Фивам. Пелопид выступил в поход против Александра, отбросил его войска от фессалийского города Лариссы и заставил тирана принести клятву верности Фивам.

После того как с Александром был заключен мирный договор, Пелопид отправился в Македонию, где в это время шла ожесточенная борьба за царский престол. Оба претендента просили продавленного Пелопида быть у них третьей судьей. Пелопид ладил спор между претендентами, но потребовал, чтобы оба они послали в Фивы заложников. Среди них был молодой брат царя Александра Филипп; впоследствии, вернувшись в Македонию, он заложил основы македонского господства над Грецией и стал отцом великого полководца Александра Македонского.

На обратном пути в Фивы Пелопид снова встречает тирана Александра Ферского. Хотя Пелопид много слышал о жестокости и коварстве этого человека, он не побоялся отправиться к нему безоружным, чтобы обсудить новые жалобы фессалийских городов. Пелопид полагал, что могущество Фив и его собственная репутация

великого Фиванского полководца защитят его. Однако Александр приказал схватить Пелопида и отвезти его в столицу своего государства, город Феры.

Александр показалось, что наступил благоприятный момент, чтобы овладеть всей Фессалией. Но уверенности в своем превосходстве над Фивами у него не было, и на всякий случай он не обращался со своим пленником жестоко и не препятствовал его общению с местными жителями. Пелопид же держал себя гордо и независимо. Он уговаривал граждан не подчиняться тирану.

«Удивляюсь я ему,— говорил Пелопид.— Своих подданных, которые ему не могут причинить никакого вреда, он казнит десятками, а меня оставляет в живых, хотя прекрасно знает, что, как только я освобожусь, я буду обязательно ему мстить».

Услышав об этих речах, тиран запретил жителям Фер приходить к пленнику. И только жена Александра Фива продолжала приходить к нему в темницу. Видя, как томится Пелопид в заключении, она старалась ободрить пленника и говорила, что жалеет его жену, разлученную с таким прекрасным человеком.

«Не ее следует жалеть,— ответил Пелопид,— пожалей лучше себя, которой приходится жить с кровожадным чудовищем».

Фиву уже давно угнетала распущенность и невероятная жестокость ее мужа. После слов Пелопида она глубоко задумалась.

Известие о пленении Пелопида вызвало в Фивах взрыв возмущения. Тотчас в Фессалию было отправлено большое войско во главе с Эпаминондом. Когда в Ферах стало известно о приближении этого войска, Александр испугался. Он понимал, что войско Эпаминонда может взять город штурмом или подвергнуть длительной осаде. Тогда сами жители восстанут и свергнут Александра. Однако Эпаминонд решил прежде всего спасти Пелопида, он боялся, что в отчаянии Александр убьет пленника, поэтому, начав переговоры, Эпаминонд потребовал освобождения друга. Александр освободил Пелопида и предложил заключить с Фивами мир, но Эпаминонд подписал только перемирие на тридцать дней. Вернувшись в Фивы, Пелопид был радостно встречен своими соотечественниками.

Спустя некоторое время фиванцы узнали, что опасавшиеся усиления Фив афиняне и их вечные враги спартанцы отправили послов к персидскому царю Артаксерксу, пытаясь убедить его принять их сторону в греческих распрях. Чтобы нейтрализовать эти попытки, фиванцы решили послать в персидскую столицу прославленного Пелопида. Когда он прибыл к Артаксерксу, царь оказал герою величайшие почести. Царь был доволен, что к его двору прибыл человек, сумевший обуздать захватнические попытки спартанцев и унизивший Спарту, которая еще недавно, при Агесилае, угрожала персам.

Задание свое Пелопид выполнил блестяще. Все его предложения царь утвердил: Аркадия и Мессения были признаны независимыми, а фиванцы объявлены наследственными друзьями Великого царя.

Пелопид отказался от богатых подарков, которыми осыпал его Артаксеркс, считая, что недостойно свободному гражданину принимать милости от царя.

При известии о возвращении Пелопида фессалийские города в третий раз стали просить Фивы о помощи в борьбе против Александра Ферского, продолжавшего чинить в Фессалии насилия и грабежи. Исполняя желание фессалийцев, во главе отправляемого гуда войска снова поставили Пелопида.

Накануне выступления войска город среди бела дня погрузился во тьму, и прорицатели посоветовали Пелопиду отложить выступление. Но полководца жег гнев и нетерпение поскорей расправиться с Александром. Он решил не принуждать к выступлению всё войско, а самому отправиться на помощь фессалийцам только с тремя сотнями всадников и с теми пехотинцами, которые согласятся добровольно последовать за ним.

Вскоре его отряд соединился с войском фессалийцев и сразу же двинулся на Александра. Оба войска встретились у фессалийского города Фарсала.

«Враги слишком многочисленны»,— предупреждали Пелопида его разведчики.

«Тем лучше,— отвечал Пелопид,— чем врагов больше, тем большие потери они понесут».

С этими словами Пелопид начал готовиться к сражению. Эта последняя в его жизни битва произошла в местности, которую греки называли Киноскефалы (в переводе «собачьи головы»). Это шла обширная, окруженная небольшими холмами долина, посередине которой высилось несколько скал, отдаленно напоминавших собачьи головы,— отсюда и происходит название местности.

Фессалийская конница разбила всадников Александра, но пехота ирана закрепилась на окружающих долину холмах. Фессалийские голпиты пошли на приступ, но долгое время взять холмы не удавалось. Тогда Пелопид сам бросился на приступ. Пробившись в первые ряды, он вдохнул в воинов столько силы и отваги, что врагам показалось, что перед ними другие люди. Шаг за шагом они стали отступать. С высоты холма перед Пелопидом открылось всё поле битвы.

На правом крыле войск противника он увидел Александра, который пытался построить своих воинов в боевой порядок. Заметив его, Пелопид вспомнил свои обиды и не мог сдержать гнева. Он не забыл вероломства тирана и нанесенных ему оскорблений. С небольшим, отрядом Пелопид направился к этому холму. Громким криком он стал вызывать тирана на поединок, но тот не принял вызова и тотчас скрылся за спинами своих телохранителей. Забыв о себе, Пелопид вырвался далеко вперед и вступил с ними в рукопашный бой. Многим он нанес смертельные раны, но те, что стояли в отдалении, метали в него копыя, пробивая доспехи. Когда сопровождавшие Пелопида фессалийцы подбежали, он уже лежал бездыханным. Сражавшиеся в битве фиванцы были потрясены

смертью Пелопида. Они с яростью атаковали строй наемников тирана, разбили его и долго преследовали. Враг потерпел полное поражение и потерял более трех тысяч человек. Но фессалийцы были глубоко опечалены, словно не победу они одержали, а потерпели поражение. Не снимая панцирей, не разнуздывая коней, даже не перевязав своих ран, собрались они у тела Пелопида и сложили вокруг него груды неприятельского оружия. Затем они в знак скорби остригли гривы у лошадей, коротко остриглись сами и только потом разошлись по палаткам. Никто не разводил огня и не прикасался к еде. Уныние и безмолвие объяли весь лагерь.

На другой день фессалийцы попросили у фиванцев разрешить погребение героя на их земле.

«Вы, фиванцы,— сказали они,— потеряли своего великого полководца, а мы вместе с ним хороним и наши надежды на свободу».

Знаменитый сочинитель басен Эзоп как-то сказал, что смерть счастливого человека — самое горестное событие, но, может быть, он был не прав. Такая смерть — это завидная участь. Умершему уже не грозят превратности судьбы, и в памяти людей он остается счастливым и благополучным.

Фиванцы отомстили за смерть Пелопида, отняв у Александра все его завоевания и принудив его к беспрекословному подчинению.

В том же году, когда погиб Пелопид, в битве при Мантинее пал и его великий друг Эпаминонд; смерть Эпаминонда так поразила фиванцев, что они не сумели воспользоваться одержанной победой.

Вместе со смертью своих вождей Фивы утратили и свое первенствующее положение в Греции.

Тирану Александру все-таки не удалось избежать жестокой расплаты за свои преступления. Прошло почти пять лет. Жена Александра Фива хорошо запомнила наставления Пелопида: он учил ее не бояться могущественного тирана, хотя бы его окружали десятки телохранителей. Она догадывалась, что, подобно тому, как ее муж расправляется со своими впадшими в немилость сторонниками, он когда-нибудь может покончить и с ней. Призвав на помощь своих братьев, она решила предупредить события и покончить с властью ненавистного ей мужа. Это было непросто. Дом тирана всю ночь охраняла стража. Покой, служивший супругам спальней, находился в верхнем этаже, и у порога был привязан свирепый пес, бросавшийся на каждого, кроме хозяев и одного раба, который его кормил.

Когда пришел назначенный день, Фива еще засветло спрятала в одной из нижних комнат своих братьев. Ночью, когда Александр крепко спал, она, как обычно, прошла в спальню одна. Вскоре Фива появилась в дверях и вполголоса сказала рабу:

— Уведи пса, лай мешает хозяину уснуть.

После этого она провела братьев наверх. Но страх перед тираном был столь велик, что, остановившись у порога, они не решались войти в комнату. Тогда сестра поклялась им, что сейчас же разбудит мужа и все ему откроет. Испугавшись угрозы, братья вошли, окружили ложе, и Фива, сняв со стены меч Александра, передала его брату. Один из заговорщиков стиснул тирану ноги, другой — схватил за волосы и запрокинул его голову, третий — перерезал мечом горло.

Александр был первым в Греции тираном, преданным и погубленным собственной женой. Узнав о случившемся, ненавидевшие его сограждане вытащили тело на улицу и растоптали ногами.

ДЕМОСФЕН

Афинский государственный деятель и великий оратор Демосфен всю свою жизнь посвятил родине и умер, борясь за ее свободу. Он родился в Афинах в 384 г. до н. э. Его отец (которого тоже звали Демосфеном) имел оружейную мастерскую и был богатым человеком.

Когда мальчику исполнилось 7 лет, отец умер, оставив в наследство будущему оратору и его пятилетней сестре крупное состояние.

Воспитание ребенка было поручено матери и ее братьям, которые стали опекунами ребенка. Опекуны, однако, оказались людьми недобросовестными. Они не платили учителям, не заботились об образовании детей и их здоровье.

Когда Демосфен достиг совершеннолетия, опекуны отдали ему только дом и рабов, а большую часть денег и имущества присвоили себе. Молодой человек сначала пытался уговорить опекунов добровольно вернуть наследство, но те отказались. Тогда он решил возвратить похищенные деньги через суд. Чтобы добиться успеха в суде, необходимо было основательное знание афинских законов, а главное — умение хорошо и убедительно говорить.

В то время, при демократическом строе, почти каждому афинскому гражданину приходилось выступать в суде и в народном собрании. Выдающиеся ораторы пользовались всеобщим уважением, их выбирали на почетные должности в государстве и отправляли послами в чужие страны. В Афинах появилось много людей, которые учили красноречию: как побеждать в спорах, как сделать слабый довод более сильным.

Самыми выдающимися учителями красноречия в то время были Исократ и Исей. Исократ содержал на дому школу красноречия, но Демосфен не мог посещать занятий, так как плата за обучение

была слишком высокой. Тогда он обратился к Исею, в то время лучшему адвокату по делам о наследствах.

Четыре года молодой человек прилежно учился у Исея и платил ему за обучение большую сумму денег. За это время он хорошо познакомился с произведениями всех выдающихся писателей. Особенно внимательно он изучал сочинения знаменитого историка Фукидида и философа Платона*. «Историю» Фукидида будущий оратор знал почти наизусть, так как переписал ее собственноручно 8 раз.

Окончив учение, Демосфен начал судиться с опекунами. Суд тянулся более 5 лет. Опекуны всячески старались избежать ответственности: они уничтожили завещание отца Демосфена и другие важные документы. В конце концов опекуны были осуждены, однако Демосфену все-таки не удалось целиком вернуть свое наследство.

Тяжелая многолетняя борьба с опекунами закалила характер будущего оратора, развила в нем упорство и настойчивость. Выступать перед народом Демосфен мечтал еще мальчиком. Как-то в ранней юности он упросил своего воспитателя взять его на заседание суда. Мальчик видел, как толпа рукоплескала знаменитому оратору, и удивлялся силе его красноречия, которое покорило всех. С этих пор он забросил все другие занятия и игры и стал усиленно упражняться в красноречии. Он решил Стать оратором.

Но прежде чем выступать перед народом, Демосфену, по примеру своего учителя, пришлось писать судебные речи для других. Такое занятие хорошо оплачивалось, и молодой человек смог не только содержать свою мать и сестру, но и сделать некоторые сбережения.

Однако составление речей для других не удовлетворяло юношу. Ему хотелось посвятить свою жизнь общественной деятельности.

Первое выступление молодого оратора перед народом кончилось печально: шум, смех и шиканье толпы не дали ему закончить речь. Эта неудача была совершенно естественна, так как Демосфен имел очень слабый голос, говорил невнятно, слегка заикался, картавил; к тому же у него была дурная привычка подергивать во время речи плечом, да и вообще он совершенно не умел держаться перед публикой.

Вторая его попытка выступить с речью тоже оказалась неудачной. Упав духом, прикрыв от стыда лицо плащом, спешил он домой и сначала даже не заметил, что следом за ним пошел его друг, известный афинский актер. Они пошли вместе. Демосфен начал горько жаловаться другу на свои неудачи и говорил, что народ не ценит и не понимает глубокого содержания его речей. «Все это так, — отвечал актер, — но я попробую помочь твоему горю. Прочти мне какой-нибудь отрывок из Софокла или Еврипида»**. Демосфен прочел. Когда он окончил, актер повторил то же самое, но настолько выразительно, что Демосфену показалось, будто он слышит совсем другие

* Фукидид — афинский историк V в. до н. э., написал историю Пелопоннесской войны. Платон (ок. 428-348 гг. до н. э.) — знаменитый философ, ученик Сократа.

** Софокл и Еврипид — знаменитые поэты, писавшие для театра. См. выше биографию Софокла.

Демосфен

стихи. Он понял, как много красоты придает речи выразительность, которой ему так не хватало. С удвоенным усердием он принялся за работу.

Демосфен решил во что бы то ни стало исправить недостатки своей речи. Чтобы никто ему не мешал, он уединился, обрил себе полголовы и не выходил из дома, пока волосы не отросли. По несколько часов в день он занимался упражнениями, исправляя неясность своего произношения. Он набирал в рот камешков и старался говорить громко и ясно; чтобы научиться произносить звук «р», он брал щенка, слушал его рычание и повторял звуки. Он приучил себя громко произносить стихи, когда поднимался в гору или гулял по берегу моря, стараясь заглушить своим голосом шум ветра и волн.

После долгих и упорных усилий Демосфен достиг своей цели и стал превосходным оратором. Однако он никогда не говорил без подготовки, а всегда выучивал написанную заранее речь; по ночам при свете лампы он старательно готовился к выступлению, тщательно обдумывал каждое слово. Все это впоследствии дало повод

противникам великого оратора упрекать его в отсутствии вдохновения и природных способностей.

Но даже враги признали в конце концов силу и мастерство его выступлений. В его речах необыкновенная простота выражения соединялась с величайшей силой чувства и мысли, ясностью и убедительностью. Демосфен всегда строго держался главного предмета, не любил пустой болтовни. Он то говорил спокойно, действуя на разум слушателей, то покорял их силой чувства, передавая им свою горячую веру в правоту защищаемого дела.

Когда Демосфену исполнилось 30 лет, он начал принимать участие в государственных делах и всю силу своего ораторского дарования обратил против самого опасного врага независимости Греции — македонского царя Филиппа. Любовь к родине вдохновляла его на борьбу против македонян и их многочисленных пособников.

Еще недавно Македония была слабым и отсталым государством, с которым греки мало считались. Царь Филипп, правивший с 359 по 336 г. до н. э., объединил страну и организовал большую, прекрасно вооруженную армию. В руках талантливого полководца она стала грозной силой.

Внутреннее положение Греции в это время было благоприятным для вмешательства Македонии: греки вели между собой постоянные войны, афиняне воевали с союзниками, фиванцы — с фокейцами, а спартанцы — с государствами Пелопоннеса.

Царь Филипп использовал раздоры греков; он всюду имел своих сторонников и агентов. В случае необходимости царь не брезговал и подкупом. «Осел, нагруженный золотом, возьмет любую крепость», — говорил Филипп.

Сперва Филипп подчинил Фессалию и укрепился в Северной Греции. Но это было только начало. Через некоторое время македонянам удалось захватить все афинские владения во Фракии, и они готовились к вторжению в Среднюю Грецию.

Быстрые успехи Филиппа облегчались еще и тем, что вся Греция была разделена на два лагеря ожесточенной борьбой между богатыми и бедными. Бедняки всюду открыто требовали раздела земли и имущества богачей. Богатые рабовладельцы смотрели на Филиппа как на спасителя от наступающих бедняков. Они предпочитали лучше подчиниться Македонии, чем отдать свои богатства народу. При македонском господстве, думали они, можно будет спокойно владеть своим имуществом и рабами, не опасаться народных восстаний.

Демосфен понимал, какую опасность для Афин и Греции представляют Македония и ее царь, и возглавил партию патриотов, противников Филиппа.

В Афинах в это время власть была в руках сторонников Македонии. Во главе македонской партии стояли Евбул и известный оратор Эсхин.

Евбул был за мир во что бы то ни стало. Он не хотел видеть опас-

ности, грозившей со стороны македонского царя. Евбул надеялся успокоить народные массы, раздавая народу деньги, получаемые от разработки государственных рудников. Демосфен боролся с Евбулом и призывал народ отказаться от подачек ради спасения родины. «Богатые,— говорил он,— бросают народу подачки за счет государства, а сами уклоняются от государственных повинностей». Оратору удалось убедить народ, что государственные деньги понадобятся на борьбу с Македонией и их нельзя тратить преждевременно.

Демосфен постоянно выступал теперь с пламенными речами, стараясь пробудить в афинянах патриотические чувства. Его знаменитые речи против царя Филиппа называли филиппиками (и в наше время страстные обвинительные речи тоже часто называют филиппиками).

После захвата Фракии Филипп стал угрожать самому крупному городу на Халкидике * — Олинфу. В Афины прибыли послы олинфян с просьбой о помощи. Демосфен горячо поддержал олинфян: он произнес три речи в народном собрании в поддержку Олинфа. Хотя постановление о посыле войска в Олинф и было принято, помощь запоздала. Царь Филипп захватил город, а жителей продал в рабство.

Затем Филипп предложил афинянам мир. Афинские послы — Филократ и Эсхин — были подкуплены царем и, несмотря на противодействие Демосфена, заключили мир на невыгодных для Афин условиях (346 г. до н. э.). Вскоре после этого, не обращая внимания на заключенный мир, Филипп разгромил союзника Афин — Фокиду **.

Тогда, наконец, афиняне стали готовиться к решительному отпору Македонии. Демосфен был выбран первым стратегом и стал во главе государства. Филократа обвинили в измене, и он был заочно приговорен к смерти. Демосфен выступил и против другого посла — Эсхина, обвиняя его в измене и продажности. Эсхин искусно защищался и был оправдан, хотя и незначительным числом голосов. Это было время наибольших успехов и славы Демосфена.

Афиняне не могли одни справиться с грозным врагом, поэтому Демосфен стремился создать общегреческий союз против Македонии. Во главе афинского посольства он объехал многие греческие государства, везде произнося страстные речи и побуждая греков к объединению. «Сила македонян,— говорил он,— в слабости и разрозненности греков; если все греки будут едины, то Филипп не осмелится напасть на нас». Население греческих городов с восторгом внимало великому оратору, и вскоре Коринф, Мегары и другие города Пелопоннеса вступили в союз с Афинами.

Филипп между тем пристально наблюдал за положением в Греции. Пока велись переговоры об объединении, пришла грозная весть: войско Филиппа вступило в Среднюю Грецию и заняло

* Халкидика — полуостров на северном побережье Эгейского моря.

** Фокида — область в Средней Греции, неподалеку от Дельфийского оракула.

крепость Элатею — важный пункт на пересечении дорог из Фив в Аттику. Наступил решительный момент борьбы. Многие зависело теперь от того, на чью сторону встанут Фивы — одно из сильнейших государств Средней Греции.

Демосфен во главе афинского посольства прибыл в Фивы с предложением союза против Филиппа. Но Филипп опередил его: в Фивах уже находились македонские послы, которые, не скупясь на обещания, всячески отговаривали фиванцев от союза с Афинами. Однако Демосфен добился блестящего успеха. Его вдохновенные речи, в которых он призывал к мужеству и напоминал о славе и чести Греции, решили дело: фиванцы вступили в союз с афинянами против общего врага. К этому союзу примкнули многие греческие государства. Еще раз Греция объединилась и гордо подняла голову.

Летом 338 г. до н. э. разыгралось сражение при Херонее. От его исхода зависела судьба Греции.

Армия Филиппа состояла из 30 тысяч пехотинцев и 2 тысяч всадников. Численность войска союзников была несколько меньше. На рассвете обе армии двинулись друг на друга. Правым крылом македонского войска командовал сам Филипп, левым — его восемнадцатилетний сын Александр, будущий великий полководец, а центром — опытный военачальник Антипатр.

Началось яростное сражение. Долгое время военное счастье не клонилось ни в ту ни в другую сторону. Решающего успеха первым добился Александр: его воины нанесли сокрушительный удар «священному отряду» фиванцев.

На правом крыле афиняне прорвали ряды македонцев и потеснили их. Преследуя врага, афиняне, упоенные успехом, расстроили свои ряды. Увидя это, Филипп, наблюдавший с холма за ходом боя, воскликнул: «Неприятель умеет сражаться, но не умеет побеждать». Он быстро перестроил своих воинов и ринулся на афинян. Те дрогнули, и все греческое войско стало отступать.

Македоняне одержали решительную победу. В этой битве афиняне потеряли убитыми тысячу человек, а 2 тысячи попало в плен.

Демосфен сражался рядовым гоплитом и отступил с поля боя вместе с войском. За это впоследствии оратор Эсхин обвинил его в трусости. Афинский народ, однако, не поверил клевете и в знак своего доверия Демосфену поручил ему произнести надгробную речь в память павших при Херонее. Это считалось высокой честью.

Известие о поражении при Херонее произвело потрясающее впечатление на афинян. Народное собрание призвало мужчин немедленно готовиться к обороне, а женщин и детей из деревень — укрыться за стенами города. Кто-то предложил освободить рабов и дать права гражданства иностранцам, которые будут сражаться за Афины. Но даже в столь опасный момент афинское народное собрание не решилось на такую крайнюю меру.

Демосфен вместе со своими сторонниками организовал защиту города, поголовно вооружил граждан, укрепил городские стены.

Грозная опасность, к счастью, миновала: вскоре удалось заключить мир на сравнительно приемлемых условиях. Филипп оставил Афинам флот и все находившиеся под их властью города (кроме Херсонеса Фракийского). Были возвращены все пленные.

Греческие государства потеряли свободу и независимость, власть везде переходила в руки богачей, сочувствовавших Македонии.

В Афинах подняли голову явные и тайные сторонники Филиппа. Они стали чуть ли не ежедневно возбуждать обвинения против Демосфена и других представителей народной партии.

Царь Филипп между тем собрал общегреческий съезд в Коринфе, на котором торжественно провозгласил создание нового общегреческого союза под своим руководством. Главной целью нового (Коринфского) союза была организация общегреческого похода, на Персию под предлогом отмщения за разорение Греции в годы греко-персидских войн.

В разгар приготовлений к походу, в 336 г. до н. э., царь Филипп был убит.

Демосфен получил известие о смерти Филиппа, когда народ еще не знал об этом. Он явился в народное собрание и радостно объявил, что видел сон, предвещающий афинянам великое счастье. Вскоре пришла весть о смерти Филиппа. Народное собрание постановило принести богам благодарственные жертвы. Великий оратор в тот же день пришел в собрание в праздничной одежде, с венком на голове, хотя собственную его семью постигло горе: всего несколько дней назад умерла его дочь. Но народную радость Демосфен ставил выше личного горя.

Снова к власти был призван Демосфен. Во всех городах Греции поднялось движение против македонян и пробудились надежды на свободу. Афиняне послали посольство в Фивы и другие греческие государства с предложением союза против Македонии. Афины вступили в сношения также с персами, побуждая их немедленно начать войну с сыном Филиппа Александром. Демосфен полагал, что с наследником Филиппа, мальчишкой и дурачком, как он называл Александра, справиться будет легко.

Вопреки ожиданиям, Александр быстро покончил со своими противниками в Македонии и Фессалии и заставил греков в Коринфе признать себя вождем общегреческого войска, созданного для похода на Персию. Однако ему еще пришлось предпринять поход на север, против восставших на Балканском полуострове племен, которые угрожали границам Македонии.

Пользуясь отсутствием Александра, первыми восстали фиванцы, а за ними — другие греческие государства. Фиванцы осадили стоявший у них македонский гарнизон и многих воинов перебили.

Неожиданно Александр появился с войском под стенами Фив. Город был взят и разрушен до основания. Пощадили только дом,

в котором когда-то жил знаменитый поэт Пиндар*. Уцелевшие жители, числом около 30 тысяч человек, были проданы в рабство.

В Афинах царило страшное смятение: ожидали, что Александр начнет осаду города. Однако изъявлением полной покорности удалось выпросить пощаду у победителя. Александр только потребовал у афинян выдачи Демосфена и других противников Македонии.

Демосфен пришел в народное собрание и рассказал народу басню об овцах, выдавших своих собак волкам, после чего овцы превратились в легкую добычу. Себя самого и своих товарищей он сравнил с собаками, а Александра назвал волком. К счастью, внимание македонского царя было отвлечено приготовлениями к персидскому походу, и он не стал настаивать на своем требовании. Демосфен и его друзья остались в Афинах.

Выступив в поход против Персии во главе 30 тысяч пехотинцев и 5 тысяч всадников, Александр победил персов в сражениях при Гранике и Иссе (334—333 гг. до н. э.); затем он наголову разгромил персидское войско при Гавгамелах (на берегу реки Тигр), завладев Вавилоном и огромными сокровищами персидских царей.

Между тем в Афинах к власти опять пришла македонская партия. Теперь противники Демосфена сочли, что настало подходящее время с ним расправиться. Дело в том, что несколько лет назад один из сторонников народной партии предложил увенчать Демосфена золотым венком за большие заслуги перед родиной. Народное собрание согласилось с этим и постановило наградить Демосфена. Сторонники Македонии возражали, а Эсхин даже внес жалобу на это постановление в суд присяжных. Он доказывал, что Демосфен не заслуживает такой высокой награды.

Демосфен вынужден был защищаться. Суд превратился в поединок двух самых знаменитых ораторов Афин. Враги Демосфена не учли, однако, настроения народа, который видел в Демосфене защитника своей независимости.

Суд начался при огромном стечении народа. Эсхин произнес обвинительную речь, полную несправедливых нападок на Демосфена. В знаменитой защитительной речи «О венке» великий оратор рассказал обо всей своей деятельности на благо народа, родины и ярко обрисовал предательское поведение Эсхина. Несмотря на давление со стороны противников, судьи вынесли справедливый приговор. Эсхин был подвергнут денежному штрафу и должен был уйти в изгнание. Успех речи «О венке» был не только победой Демосфена, но и торжеством патриотических сил в Афинах и во всей Греции.

В результате победы на суде влияние Демосфена на государственные дела возросло. Однако теперь, наученный горьким опытом, он действовал осторожно. Он видел силу врагов и отсутствие единства у греков, а поэтому старался удерживать сограждан от необдуманных выступлений против македонян. Так, например, афи-

* Пиндар — великий беотийский поэт (ок. 518—438 гг. до н. э.), автор многочисленных од и гимнов.

няне по его совету кг поддержали восстания спартанцев, и оно было быстро подавлено македонянами.

Александр между тем всецело был занят азиатскими делами, предоставив полновластно распоряжаться в Греции своему полководцу Антипатру. Однако он прислал в Грецию два повеления: во-первых, он потребовал почитать себя богом и, во-вторых, приказывал всем греческим государствам вернуть своих изгнанников. Над первым повелением греки смеялись, но выполнили его, а последнее вызвало сильное негодование. Дело в том, что изгнанниками были сторонники Македонии, ненавистные народу. В это время произошло событие, которое роковым образом отразилось на судьбе Демосфена.

Казначей Александра Гарпал, воспользовавшись долгим отсутствием царя (тот начал тогда поход в Индию), похитил огромную казну персидских царей. На эти деньги он набрал 6 тысяч наемников и с 30 кораблями неожиданно прибыл в афинскую гавань Пирей. Деньгами казначей пытался привлечь на свою сторону афинских государственных деятелей. Он внушал им надежду, что, используя эти богатства, они смогут добиться независимости Греции. Некоторые предлагали взять деньги Гарпала и начать всеобщее восстание против македонян. Однако Демосфен высказался против этого.

Гарпала не допустили в Афины, и он вынужден был искать себе убежище на юге Пелопоннеса. Там он оставил свое войско и большую часть сокровищ, а сам, захватив с собой 750 талантов (более миллиона рублей) *, вернулся в Афины. Теперь он уже присил только предоставить ему убежище.

Между тем Антипатр и мать Александра Олимпиада потребовали у афинян выдачи похитителя казны. По предложению Демосфена, Гарпал был задержан, а привезенные им деньги положили на сохранение в Акрополь, чтобы вернуть их потом Александру. Гарпалу удалось бежать на остров Крит, где он вскоре был убит.

Когда произвели подсчет захваченных у Гарпала денег, то оказалось, что из привезенной им суммы осталось всего лишь 350 талантов; остальные деньги куда-то пропали. Демосфен предложил произвести строгое расследование. Несмотря на множество обысков, денег не нашли.

Демосфен и некоторые другие лица были привлечены представителями македонской партии к суду по ложному обвинению в расхищении денег, подкупе и устройстве побега Гарпалу. Под давлением противников суд признал Демосфена виновным и приговорил его к уплате 50 талантов. Так как он не мог заплатить такой огромной суммы, то его заключили в тюрьму. Друзья вскоре помогли ему бежать, и он нашел убежище недалеко от Афин, на острове Эгине.

Демосфен мучительно переживал свое изгнание, здоровье его было расшатано. Он горько жаловался друзьям на несправедливость

* Талант — около 1500 рублей золотом.

приговора. Все, что нам известно о жизни и поведении Демосфена, убеждает в его невинности. Человек бескорыстный, он был неспособен на бесчестные поступки.

Однако изгнание Демосфена оказалось непродолжительным. Неожиданно пришло известие о кончине Александра в Вавилоне (323 г. до н. э.).

Смерть Александра послужила сигналом для начала освободительного движения во всей Греции. Народные ораторы произносили в Афинах патриотические речи, убеждая сограждан сбросить македонское иго. Из Афин было направлено посольство в Пелопоннес, чтобы побудить пелопоннесские государства примкнуть к борьбе за свободу.

Афинское народное собрание постановило вернуть любимого оратора из изгнания. За ним был послан на остров Эгину государственный корабль. Когда Демосфен вступил на родную землю, ему устроили в афинской гавани Пирее всенародную торжественную встречу как национальному герою. Впоследствии Демосфен говорил, что это был самый счастливый день в его жизни.

Демосфен возглавил сопротивление македонянам. Началась война, которая вначале шла успешно для афинян. Афинский полководец Леосфен во главе 8 тысяч воинов двинулся в Фессалию против македонского полководца Антипатра; по пути к афинянам присоединились жители общин Средней и Северной Греции — этолийцы и фессалийцы. Союзники одержали победу, а Антипатр с остатками своего войска заперся в крепости Ламии (в Фессалии). Во время осады Ламии афинян постигло тяжкое несчастье: погиб Леосфен.

После его смерти война затянулась и приняла неблагоприятный для афинян оборот. Союзное войско состояло из граждан разных греческих государств и наемников. Сперва начались разногласия среди союзников, а потом стали разбегаться наемники, которым неаккуратно платили жалованье.

На помощь осажденному Антипатру пришли свежие македонские войска. Афиняне храбро выступили навстречу и нанесли им поражение. Однако из Македонии подошли новые подкрепления. Теперь перевес в силах оказался на стороне македонян. Кроме того, афинский флот дважды потерпел поражение, и морское могущество Афин было сломлено.

Македонянам удалось склонить некоторых союзников Афин к заключению мира. Афиняне остались почти в одиночестве. Все же они решились дать последний бой. Он произошел в августе 322 г. До н. э. у города Краннона (Фессалия). Афиняне потерпели поражение, хотя и не такое решительное, как при Херонее.

Пришлось заключить мир, условия которого продиктовали победители: афиняне должны были уплатить Македонии за издержки войны и допустить в свою гавань македонский гарнизон. Демократия в Афинах уничтожалась, и только несколько тысяч богачей со-

храняли право управлять городом. Демосфен и некоторые другие вожди демократии были приговорены к смерти.

Демосфену удалось бежать на остров Калаврию (у берегов Пелопоннеса), где он укрылся в храме Посейдона.

Нашлись предатели, которые добровольно взялись за розыски беглецов. Среди этих предателей наибольшей низостью отличался некто Архий, бывший прежде актером, — он даже получил прозвище «охотника за беглецами». Узнав, что Демосфен находится на острове Калаврии в храме Посейдона как «молящий о защите»*, Архий прибыл туда с фракийскими наемниками и лицемерно предложил Демосфену отправиться с ним к Антипатру, уверяя, что тот не сделает ему ничего дурного. В ответ Демосфен сказал: «Прежде ты не мог, Архий, растрогать меня своей игрой в театре, а теперь ты не обманешь меня своими обещаниями! Подожди немного, мне надо кое-что написать родным». С этими словами Демосфен ушел внутрь храма, взял тростниковое перо, как бы собираясь писать, затем поднес перо ко рту и прикусил его, как он обыкновенно делал, когда обдумывал что-нибудь, готовясь писать. В тростниковом пере был спрятан сильнодействующий яд, который Демосфен и проглотил. Переступив порог храма, он пошатнулся и упал мертвым. Это произошло 12 октября 322 г. до н. э.

Так погиб Демосфен, не пожелавший пережить порабощения родины, за свободу и независимость которой он боролся до последнего вздоха.

Вскоре афиняне воздвигли Демосфену медную статую на городской площади. Демосфен был представлен на ней со скорбным выражением лица и сжатыми в отчаянии руками. Надпись на постаменте гласила:

Если бы мощь, Демосфен, ты имел такую, как разум,
Власть бы в Элладе не смог взять македонский Арей**.

* Храмы считались священными местами. Тот, кто обратился к божеству за помощью, пока он касался статуи бога, считался лицом неприкосновенным.

** Арей (Арес) — бог войны у древних греков. Македонским Ареем здесь назван царь Филипп или Александр.

АЛЕКСАНДР

Александр Македонский по отцовской линии считал себя потомком Геракла, а по материнской — Эака, деда знаменитого Ахилла, самого доблестного из греческих воинов, сражавшихся под Троей. Возводить свое происхождение к мифическим героям было принято у греков, и македонские цари, подражая грекам, тоже придумывали себе легендарные родословные.

Отец Александра Филипп II установил господство Македонии в Греции, а его мать Олимпиада была дочерью одного из властителей Эпира — области на северо-западе Эллады.

Рассказывают, что Александр родился в тот самый день, когда грек Герострат, стремившийся хоть чем-нибудь прославить свое имя, сжег храм богини Артемиды, считавшийся одним из семи чудес света (356 г. до н. э.).

Уже в детстве Александру были свойственны безграничное честолюбие, смелость и вера в свои силы. В отличие от отца он стремился только к военной славе. Филипп одинаково гордился военной доблестью, своим ораторским талантом или победами своих коней на Олимпийских играх. Характер сына отличался высокомерием. Когда друзья однажды спросили Александра, не хочет ли он принять участие в Олимпийских состязаниях, он ответил: «Охотно, если мне придется соревноваться с царями».

Каждый раз, когда приходило известие о новой победе македонян, одержанной Филиппом, Александр с беспокойством говорил товарищам: «Боюсь, что отец совершит все сам и не оставит на нашу долю ни одного славного подвига!»

Отвага Александра проявилась уже в ранней юности. Однажды Филиппу предложили купить коня, прозванного за сходство его го-

ловы с головой быка Буцефалом *. Филипп вместе с сыном отправился осмотреть лошадь. Конь оказался совершенно диким, поминутно вставал на дыбы, бил копытами и кусался. Никто не решался даже подойти к нему. Филипп отказался от покупки и приказал увести лошадь. Александр — ему тогда было 14 лет — раздраженно крикнул: «Вы все трусы, раз отказываетесь от такого великолепного коня!» Филипп рассердился на дерзость мальчика и предложил сыну самому укротить Буцефала.

Александр смело направился к коню, схватил его за узду и повернул против солнца, так как заметил, что животное пугается собственной тени. Затем юноша некоторое время оглаживал коня и бежал рядом с ним, давая ему привыкнуть к себе. Заметив, что лошадь устала и стала тяжело дышать, Александр, скинув плащ, вскочил на нее. Конь рванулся, пытаясь сбросить всадника. Крепко держась, Александр дал коню полную волю, выжидая, пока он еще более утомится. Когда лошадь привыкла к всаднику, мальчик заставил ее повиноваться поводам. Так был укрощен Буцефал, ставший затем верным товарищем македонского завоевателя во всех его походах. Когда Александр, сияя от гордости, подъехал к отцу на присмирившем коне, все разразилось криками восторга, а Филипп обнял его и прослезился от радости. «Дитя мое, — сказал он, — ищи себе более подходящего царства. Македония для тебя слишком мала».

Образование сына Филипп поручил величайшему ученому того времени Аристотелю **. Ученый сумел привить способному мальчику не только интерес к военному делу и политике, но и увлечь его медициной и естественными науками. Впоследствии царь всегда сам лечил болезни своих приближенных и любил назначать им лекарства или диету.

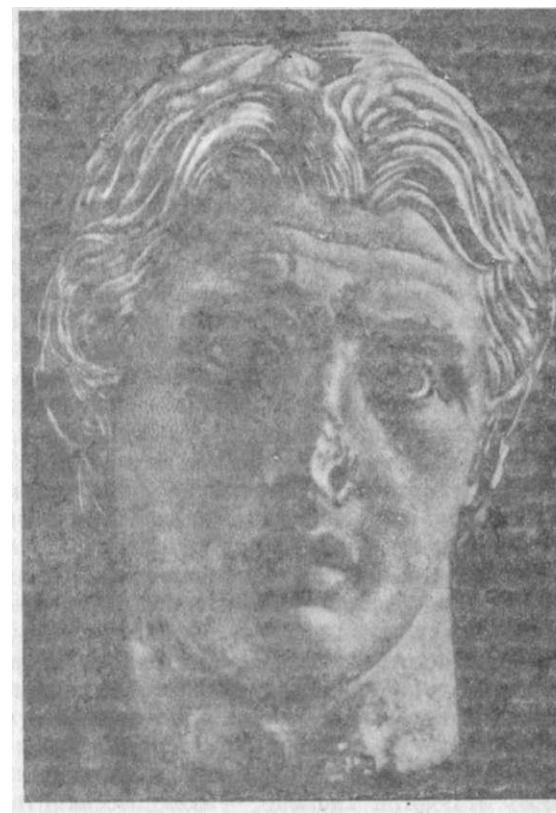
С детства Александр пристрастился к чтению и даже во время самых трудных походов перечитывал свои любимые книги. С поэмой Гомера «Илиада» македонский завоеватель не расставался никогда. У него был список «Илиады», исправленный самим Аристотелем и хранившийся в роскошной шкатулке под подушкой. Александр утверждал, что не знает лучшего руководства для ведения войны.

Кроме Аристотеля у Александра были воспитатели из македонской знати. Они старались закалить юношу, приучали его к умеренности в пище и питье. Александр впоследствии с благодарностью вспоминал, как его воспитатель Леонид приходил к нему в спальню и заглядывал даже под одеяло, чтобы отобрать у мальчика лакомства, которыми мать баловала маленького сына. Наставникам удалось добиться желаемых результатов. Юноша рос умным и развитым не по летам.

Однажды в отсутствие отца Александру пришлось принимать

* Буцефал (в другом произношении Букефал) означает «бычьеголовый».

** Аристотель — (384—322 г. до н. э.) — величайший мыслитель древности. Отец Аристотеля был придворным врачом царя Аминты, отца Филиппа Македонского, и Аристотель стал воспитателем Александра.

Александр Македонский

персидских послов. Персы были поражены гибкостью ума и обширностью знаний юноши. Они утверждали даже, что блестящие способности Филиппа намного уступают талантам Александра.

Ему было всего 16 лет, когда Филипп, отправляясь в поход, поручил сыну управление всей Македонией. Сын оправдал надежды отца: он справился с восстанием фракийских племен и основал в усмирной стране несколько городов, которые он назвал Александрополями (городами Александра).

В битве при Херонее (338 г. до н. э.), в которой Филипп разгромил объединенные силы греков и покончил с независимостью греческих государств, Александр командовал левым крылом македонской армии. Царь радовался удачам сына и не чаял в нем души. Однако вскоре отношения Александра с отцом испортились. Филипп развелся с матерью Александра Олимпиадой и вступил в брак со знатной македонской девушкой Клеопатрой. Честолюбивый

Александр, привыкший считать себя единственным законным наследником, опасался, что этот брак может отразиться на его судьбе: если родится мальчик, Филипп может передать ему царскую власть, минуя старшего сына.

Отношения между отцом и сыном стали настолько плохими, что Александр вынужден был вместе с матерью уехать из Македонии. Это было невыгодно Филиппу. Отъезд жены и сына способствовал распространению слухов о невыносимом характере царя. Филипп, желая опровергнуть эти слухи, стал через посредников уговаривать Александра не выражать открытой неприязни к отцу и вернуться домой. Юноша подчинился воле отца, но его отношения с Филиппом продолжали оставаться враждебными. Еще более ухудшились эти отношения после того, как Александр завязал тайные переговоры с персами, намереваясь жениться на дочери одного из персидских сатрапов. Узнав об этом, Филипп разгневался и выслал из Македонии всех друзей Александра, принимавших участие в переговорах с персами. Неизвестно, какие меры были бы приняты против Александра, если бы в это время не убили самого Филиппа (336 г. до н. э.). Убийца — знатный македонянин — был заколот телохранителями царя на месте.

Причины преступления остались нераскрытыми. Об этом темном деле ходило множество разноречивых слухов. Одни предполагали, что убийца был подкуплен персидским царем, которому стало известно, что Филипп готовит поход македонян и греков в Азию. Другие считали, что убийца мстил Филиппу за нанесенные ему обиды. Но многие потихоньку называли организаторами покушения на жизнь царя самого Александра и его мать. Хотя Александр сразу же казнил всех, кого подозревали в заговоре против его отца, возможно, это было сделано, чтобы обеспечить молчание тех, кто знал о его собственной причастности к заговору. Во всяком случае, вторая жена Филиппа — Клеопатра была брошена в темницу, где ее заставили покончить с собой. Убит был и ее ребенок. Таким образом, Александр остался единственным законным наследником македонского престола.

В это время Александру было всего 20 лет. Македонии со всех сторон грозили опасности. На севере восстали фракийские племена, на юге покоренная Филиппом Греция готовилась вернуть себе былую свободу. Сперва Александр устремился на север. В нескольких сражениях он усмирил восставших фракийцев.

Вслед за тем царь обратился против восставших греков. Стремительно двигаясь, он достиг Фермопил, единственного прохода из Северной в Среднюю Грецию, раньше, чем объединенные силы греков успели занять этот удобный для обороны пункт. Македоняне ворвались в Среднюю Грецию и осадили город Фивы, который вместе с Афинами возглавлял восстание греческих государств против македонского господства. Несмотря на героическое сопротивление фиванцев, город был взят и разрушен. Все жители, за исключением сторонников македонского царя, были проданы в рабство. Этим

страшным примером Александр хотел запугать остальные греческие государства.

Пораженные ужасом греки смирились. Александр готовился к походу в Персию и опасался, как бы в его отсутствие греки снова не подняли восстание. Это побудило царя сменить свирепую жестокость на иные методы воздействия. Он стал ласково принимать греческих государственных деятелей и ученых, всячески стараясь расположить их к себе, и даже пощадил Афины, которым грозила участь Фив.

Александр совершил путешествие в город Кранию (возле Коринфа), чтобы повидать жившего там философа Диогена. Этот философ учил, что люди могут достичь счастья и свободы в том случае, если сумеют сократить свои потребности настолько, чтобы не зависеть от общества и государства. Личным примером доказывал Диоген правильность своего учения: отказавшись от богатства, не имея своего угла, он жил в большой глиняной бочке, одевался в рваный плащ, питался отбросами, которые подбирал на рынке. Диоген считал, что не зависит ни от властей, ни от общества, благами которого он не желал пользоваться. Слава о его учении и образе жизни распространилась среди бедного люда всей Греции. Некоторые считали его мудрецом, другие возмущались его поведением, называя его собачьим*.

Когда Александр прибыл в Кранию, Диоген по обыкновению лежал посреди площади перед своей бочкой и грелся на солнце. Услышав шум, философ повернул голову, взглянул на приближающегося царя и его многочисленную свиту, но даже не пошевелился. Александр приветствовал Диогена и спросил его, не нуждается ли он в чем-либо: все его желания будут немедленно исполнены.

«У меня одно желание,— ответил мудрец,— чтобы ты отошел в сторону и не заслонял мне солнца». С этими словами Диоген повернулся к Александру спиной и подставил солнцу другой бок. Положение царя было нелепым. Александр предложил бедному человеку все, чего тот ни пожелает, а мудрец, вместо благодарности, попросил могущественного властителя убраться подальше. Свита Александра громко возмущалась поведением Диогена и осыпала философа насмешками. Александр, однако, сумел найти выход из глупого положения. Вместо того чтобы наказать дерзкого, создав ему тем самым славу мученика, Александр улыбнулся и сказал: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном!»

Убедившись, что греки примирились с македонским владычеством, Александр собрал представителей от всех греческих государств и предложил им объявить войну персам. Приготовления к этому походу начались еще при Филиппе II. Подобно отцу, Александр провозгласил войну с Персией общегреческим делом, свя-

* Название «киннки» или «циники» (буквально «собачьи») закрепилось в древности за группой философов, к которым примкнул И Диоген. Впоследствии это слово превратилось в ругательство, и в современном языке циниками стали называть бесстыдных и наглых людей.

шенным возмездием за поругание эллинских святынь во время нашествия Ксеркса. Представители греческих государств вынуждены были принять план царя.

Армия Александра, которая готовилась выступить против персов, состояла из 30 тысяч пехотинцев и 5 тысяч всадников. Она была превосходно организована и обучена, своими боевыми качествами она намного превосходила войска персов.

К началу похода Александру удалось обеспечить свою армию продовольствием только на месяц, так как в казне у него почти не оставалось денег. Македонскому царю необходимо было сразу добиться решающего успеха, чтобы устрешенные жители захваченных территорий оплатили его дальнейшие походы. Всякая неудача в начале военных действий грозила гибелью македонской армии. Александр понимал риск задуманного похода: он должен был привести либо к полному успеху, либо к неизбежной гибели Македонии. Накануне выступления Александр rozdal остатки своего имущества друзьям. Один из них, удивленный такой щедростью, спросил: «Что же ты оставяешь себе?» — «Надежду», — ответил царь.

Весной 334 г. до н. э. Александр переправил свою армию через Геллеспонт и начал беспримерный по своей дерзости поход на Восток. Высадившись на малоазийском берегу, царь посетил развалины Трои и устроил пышные празднества в честь героев Троянской войны, первыми добившихся успеха в многовековой борьбе Европы и Азии. Смысл этих торжеств был ясен: потомок Ахилла, Александр продолжал дело своего предка, чтобы победоносно закончить войну против азиатов. Место азиатов-троянцев заняли теперь персы.

Войска персидских сатрапов заняли удобную позицию на крутом берегу реки Граник, через которую македоняне должны были переправиться. Противоположный берег был настолько обрывистым, что переправа казалась почти невозможной. Полководцы Александра единодушно высказались против наступления. Они указывали на глубину реки и быстроту ее течения, на неприступность занятых персами позиций и советовали искать другой, менее опасный путь для вторжения. Александр пренебрег всеми советами. Во главе отборной конницы, составленной из македонских аристократов, царь начал переправу через Граник. Некоторые из македонских полководцев считали, что Александр ведет свои войска на верную гибель. Течение реки уносило людей и лошадей, град стрел сыпался на плывущих. И все же бешеная атака увенчалась успехом: часть конницы во главе с царем выбралась на мокрый и скользкий противоположный берег. Стремительное течение реки разбросало македонских всадников, и на вражескую сторону они выбирались в беспорядке, маленькими группами, а то и в одиночку. Персидская конница обрушилась на македонян и попыталась сбросить их обратно в реку, прежде чем Александру удастся собрать свои разрозненные силы. На крутом берегу завязалась беспорядочная кавалерийская схватка. Поломав при первом натиске копя, войны

взялись за мечи. Персы старались пробиться к царю, который выделялся среди других прекрасными доспехами и великолепными белыми перьями на шлеме. Один перс метнул в царя дротик, который пробил панцирь, но не ранил царя.

В этот момент на Александра бросились два знатных перса — Ресак и Спитридат. Царь увернулся от Спитридата, а Ресака ударил копьем. Оно переломилось, не причинив персу вреда; царь выхватил меч и снова бросился на Ресака, но в это время Спитридат, повернув коня, сзади ударил Александра мечом по шлему. Меч скользнул по стали, срубив султан и перья. Перс замахнулся, чтобы нанести более верный удар, но не успел. Брат кормилицы Александра Клит, по прозвищу «Черный», пронзил Спитридата копьем. Одновременно рухнул с коня и Ресак, пронзенный мечом царя.

Пока македонская конница, ведя опасный бой, удерживала захваченный участок берега, сюда начала переправляться пехота Александра. Под ее ударами неприятельская конница обратилась в бегство. Однако служившие у персов греческие наемники не пожелали отступить, и македонянам пришлось вести бой с этими храбрыми и хорошо обученными воинами. Наконец упорство греческих наемников было сломлено, и македоняне овладели полем сражения.

Рассказывают, что в этом бою персы потеряли 20 тысяч пехотинцев и более 2 тысяч всадников. Потери Александра составили будто бы всего 34 человека. Однако этим цифрам нельзя доверять, потому что македонский завоеватель, подобно многим полководцам, имел обыкновение в своих сообщениях преувеличивать потери врага и преуменьшать свои.

Победа при Гранике открыла македонскому завоевателю путь в Малую Азию. Один за другим греческие малоазийские города сдавались Александру без сопротивления. Только богатые и могущественные Милет и Галикарнасс, которые при владычестве персов пользовались большими преимуществами, не пожелали сдаться. Эти города были взяты приступом.

Скоро и глубинные области Малой Азии оказались в руках Александра. В одном из городов Фригии македонский царь увидел колесницу, дышло которой было закреплено сложнейшим узлом, затвердевшим от времени. По преданию, эта колесница принадлежала когда-то основателю города царю Гордию. Существовало предсказание, что тот, кто сумеет распутать этот узел, станет владыкой мира. Честолюбивый Александр решил любым способом добиться успеха. Однако узел не поддавался никаким усилиям. Тогда Александр выхватил меч и разрубил ремни*. Придворные льстецы тотчас усмотрели в этом благоприятное предзнаменование и хором стали предвещать Александру владычество над миром.

Между тем пришло известие, что персидский царь Дарий с

* Отсюда современное выражение «разрубить гордиев узел», то есть решить запутанный вопрос решительным ударом.

огромной армией двинулся против македонян. Александр поспешил ему навстречу. На границе Сирии и Малой Азии обе армии разминулись во время ночного перехода, двигаясь разными горными проходами. Когда утром это обнаружилось, оба царя повернули войска навстречу друг другу. Александр был рад этой случайности: ему было бы невыгодно, если бы пришлось сражаться с сильной конницей персов на равнинах Сирии. Александр спешно перебросил свою армию на север, чтобы не дать персам выйти из узких горных проходов.

Оба войска встретились недалеко от сирийского города Исса. Горы подходили здесь к самому морю, оставляя у берега лишь небольшую равнину, посреди которой течет река Пинар. Персидская армия была более многочисленной, но Дарий не сумел использовать это преимущество. Александру, по обыкновению сражавшемуся в первых рядах, удалось обратить в бегство отряд телохранителей царя, состоявший из отборных воинов. Дарий не выдержал вида устремившихся на него македонских всадников и бежал с поля сражения. Весть о его бегстве послужила сигналом к общему отступлению персов. Персидская армия была разбита наголову. В руки победителей попали огромный обоз персов и вся обозная прислуга. Были захвачены роскошная колесница персидского царя, его шатер, доспехи, масса драгоценной утвари и денег. Среди пленных были мать, жена и две дочери Дария.

Огромная добыча позволила победителю щедро вознаградить войска и отправить большие богатства на родину друзьям и родным. Своему воспитателю Леониду Александр послал благовоный на колоссальную сумму в 600 талантов. Этим он выполнил клятвенное обещание, какое еще мальчиком дал самому себе. Однажды во время жертвоприношения Александр бросил в огонь большую горсть драгоценного ладана. Ароматный дым густым столбом поднялся к небу. Леонид, не успевший удержать мальчика, сердито сказал: «Нечего транжирить то, что не тобой добыто. Вот когда завоюешь страну, обильную благовоными деревьями, тогда и будешь бросать ладан пригоршнями». Посылая Леониду ладан, тщеславный Александр хотел напомнить ему об этих словах и похвалиться своими успехами.

Разгромив персидского царя, войска Александра заняли страны, лежащие на восточном побережье Средиземного моря: Сирию, Финикию и Палестину. Большинство приморских городов покорились македонянам без сопротивления. Только один богатый финикийский город Тир, жители которого держали в своих руках морскую торговлю Персии и получали от этого большие выгоды, не захотел покориться Александру. Часть города была расположена на острове, и когда Александр осадил Тир, все жители переселились на этот остров. Они считали, что, не имея флота, македоняне ничего не добьются.

Осада Тира продолжалась более полугода (332 г. до н. э.). Александр приказал сделать в море насыпь, которая соединила

остров с материком. Это дало возможность вплотную подойти к стенам города и штурмовать их осадными машинами. Ценой огромных жертв город удалось, наконец, взять. Разгневанный упорным сопротивлением, Александр приказал продать жителей в рабство, а некоторых предал мучительной казни — распял на крестах.

После взятия Тира Александр двинулся на юг, к Египту. Население Египта давно тяготилось владычеством персов и часто поднимало против них восстания. Египтяне видели в македонянах избавителей от ненавистного ига. Заняв Египет (332 г. до н. э.), Александр решил привлечь симпатии египтян, заинтересовав их выгодами торговли с остальными странами, попавшими под его власть. Царь основал новую гавань на побережье Средиземного моря, для того чтобы Египту легче было вести международную торговлю.

Александр сам выбрал полосу земли, лежащую в западной части дельты, между двумя рукавами Нила*. Здесь у самого побережья расположен остров Фарос, который Александр приказал соединить с материком насыпью. Образовалась искусственная бухта, достаточно обширная, чтобы в ней одновременно могло укрыться много кораблей. Были прорыты каналы, которые соединили гавань с лежащим к югу большим озером, что облегчало связь гавани с внутренними областями Египта. Царь сам начертил примерный план города, главных улиц, рынков и общественных зданий. Он приказал назвать город Александрией, чтобы его имя никогда не было забыто в Египте.

Александр всячески подчеркивал свое уважение к египетской религии и обычаям. Вскоре после основания Александрии он отправился в поход через Ливийскую пустыню. Там, в нескольких сотнях километров от Нила, среди раскаленных песков пустыни, находился небольшой зеленый оазис. Египтяне считали, что здесь пребывает сам бог солнца Амон, почитавшийся также в Греции, где его отождествляли с Зевсом. В оазисе был храм Амона, где жрецы предсказывали будущее. После трудного многодневного перехода через безводную пустыню Александр достиг оазиса. Царь щедро одарил жрецов храма, и те провозгласили его сыном Зевса-Амона и предсказали, что он станет господином мира.

Обожествление царей на Востоке было обычным явлением: египетские фараоны, вавилонские и персидские цари считались богами со времени восшествия их на престол. Для египтян утверждение, что отцом Александра был не царь Филипп, а верховный бог Зевс-Амон, не казалось бессмысленным, а было привычным обоснованием его царских прав. Александр поддержал легенду о своем божественном происхождении: она должна была помочь ему упорочить власть над покоренными народами Азии.

Первое время Александр сам вместе со своими друзьями смеялся над нелепым утверждением, что он всемогущий бог. Но по мере

* Место для города было выбрано настолько удачно, что не прошло и 50 лет, как Александрия стала самым многолюдным и цветущим городом Средиземноморья.

того, как множились его успехи, всеобщая лесть и заложенное в нем с самого начала тщеславие привели к тому, что он уверовал в собственное всемогущество и стал охотно говорить о своем божественном происхождении и верить в то, что для него не существует ничего невозможного.

Еще до завоевания Египта Александр поразил всех смелостью своих планов. Вскоре после победы при Иссе Дарий прислал к Александру послов, предлагая заключить мир. Он предложил македонскому царю руку своей дочери, обещая вместе с ней отдать все земли, лежащие западней реки Евфрат. Таким образом, персидский царь уступал не только то, что было уже завоевано македонянами, но еще и другие земли — почти половину своей огромной державы. Одновременно Дарий предлагал Александру союз и огромный выкуп, лишь бы тот вернул ему попавших в плен мать, жену и дочерей.

Приближенные в один голос советовали согласиться на столь выгодные условия. Старый Парменион, ближайший сподвижник Филиппа, сказал: «Если бы я был Александром, я бы принял эти предложения». — «Если бы я был Парменионом, — быстро перебил его царь, — я бы тоже их принял!»

Всем стало ясно, что думал Александр: ему суждено совершить то, что недоступно никому другому. Зачем ему соглашаться на половину Персидского царства, когда он сумеет взять все?

Македонская армия не провела в плодородном Египте и одного года. Весной 331 г. до н. э. Александр вывел своих воинов из долины Нила и повел их через пустыни Передней Азии в Месопотамию. Дарий III понимал, что судьба его государства висит на волоске, и тщательно готовился к решающей битве. Набрав огромное войско, он не решился двигаться навстречу македонянам, как это было при Иссе. Выгоднее было остаться на месте, чтобы самому выбрать поле для грядущего сражения.

Дарий расположил свои силы на восточном берегу реки Тигр у деревушки Гавгамелы. Встреча двух армий произошла в последний день сентября 331 г. до н. э. Был уже вечер, когда македоняне подошли к расположению передовых персидских отрядов. Опасаясь нападения, Дарий построил своих воинов в боевой порядок и всю ночь, окруженный факелоносцами, объезжал их ряды. К утру измученные непрерывным напряжением прошедшей ночи персидские воины еле держались на ногах.

Александр не хотел начать битву прямо с марша. После тяжелого перехода людям необходимо было дать отдых, и царь, уверенный, что персы не решатся покинуть облюбованное ими поле, приказал своим воинам располагаться на ночлег неподалеку от персидских позиций.

Македонские полководцы со страхом смотрели на огромную равнину, откуда, как шум волн, доносился смутный гул голосов. Правильные ряды персидских когорт начинались совсем рядом и тянулись вдаль насколько хватало глаз. Устрашенные многочис-

ленностью неприятельского войска, полководцы во главе с Парменионом умоляли Александра, если уж он твердо решился дать здесь сражение, не дожидаться утра, а воспользоваться темнотой, которая скроет малочисленность македонян. «Я не краду побед!» — отвечал Александр и, отпустив приближенных, заснул крепким сном.

Сражение началось утром. Александр опасался окружения и поэтому построил свои войска в две линии. В случае обхода вторая линия должна была повернуться назад, чтобы македоняне могли сражаться на два фронта. Расчет царя оказался правильным. Уже в начале сражения великолепная конница персов стала теснить левое крыло македонского войска, которым командовал Парменион. Пользуясь тем, что фронт персов был значительно шире македонского, часть всадников обошла Пармениона и появилась в тылу, близ македонского обоза. Казалось, обоз вот-вот попадет в руки врага. Парменион слал к царю гонца за гонцом с просьбой прислать подкрепление.

В этой битве особенно ярко проявилась любовь Александра к риску: нависшая угроза заставила бы более осторожного полководца направить часть сил на помощь Пармениону — без обоза македонская армия не смогла бы продержаться во вражеской стране. Но Александр не хотел отвлекать ни одного воина от задуманного им решающего удара. «Сейчас не время думать об обозе, — отвечал он Пармениону. — Если мы погибнем, обоз нам не понадобится; если победим, тем более нечего бояться. Вместо своего обоза захватим неприятельский».

С этими словами Александр приказал подать свои доспехи и стал готовиться к бою. Поверх плотной шерстяной рубахи царь надел двойной холщевой панцирь, захваченный им при Иссе. Шлем Александра был железный, но тонкой работы, и сиял, словно был сделан из серебра. К шлему был прикреплен металлический воротник, украшенный драгоценными камнями. Но самым ценным в вооружении царя был меч замечательной закалки и легкости.

К царю подвели Буцефала. Обычно Александр пользовался другими конями, так как Буцефал был уже стар и силы его надо было шадить. Но когда предстоял бой, Александр всегда садился на своего любимого коня. Едва Александр вскочил на Буцефала, как началось наступление левого крыла персидской армии. Отделившись от общей массы персов, персидские всадники начали обходить позицию, где стоял Александр. Это передвижение создало просвет в рядах противника, и Александр немедленно бросил все свои силы в образовавшуюся брешь. Ворвавшись в расположение персов, Александр увидел персидского царя. Дарий стоял на высокой колеснице, окруженный множеством телохранителей, рослых как на подбор всадников в блестящем вооружении. В бешеном натиске Александр и его отряд устремились в ряды телохранителей. Многие из них бросились бежать, но самые храбрые отчаянно сопротивлялись. На глазах у растерявшегося персидского царя македоняне

сталкивали их копытами с коней и добивали мечами. Свалка была такая, что Дарию не удалось даже повернуть колесницу, так как трупы лежали под самыми колесами. Казалось, еще немного — и сражавшийся в первых рядах Александр сможет достать Дария мечом. Смертельный ужас охватил царя, и, вскочив на коня одного из телохранителей, он трусливо ускакал с поля сражения.

Заметив исчезновение главнокомандующего, персы стали искать спасения в бегстве. На правом фланге и в центре македоняне одержали полную победу. Однако на левом фланге положение Пармениона оставалось трудным. Александру пришлось отложить преследование Дария и начать переброску войск на левый фланг, но не успели еще все войска туда переправиться, как персы стали отступать и на этом участке.

Битва при Гавгамелах окончательно сокрушила могущество персов. Теперь у Александра не было больше серьезных противников, и хотя восточные провинции Персидского государства готовились еще к сопротивлению, македонский завоеватель мог уже провозгласить себя царем всей Азии. Многие персидские вельможи спешили заявить Александру о своей покорности, и царь охотно утверждал их правителями тех областей, которыми они управляли раньше.

Прежде чем преследовать бежавшего с небольшим отрядом на восток Дария, Александр решил воспользоваться плодами своей победы. Первым делом Александр занял оставшиеся без всякого прикрытия главные города Персидского царства. Македонские войска вошли в величайший город Востока — Вавилон, о сказочных богатствах которого столько писали греческие путешественники. Здесь македонская армия остановилась на отдых, чтобы набраться сил перед новыми тяжелыми испытаниями.

Затем македоняне заняли Сузы — летнюю резиденцию персидских царей. Отсюда горными проходами в самом конце 331 г. до н. э. войско Александра направилось к древней столице Персеполю, где находились царский дворец и гробницы предшественников Дария. В подвалах дворца столетиями накапливались богатства, отбиравшиеся персами у покоренных народов. Все эти сокровища достались Александру. Только чеканной монеты в этом дворце, а также в Сузах македоняне захватили несколько тысяч тонн. Чтобы вывезти все эти ценности, потребовалось 10 тысяч пар мулов и 5 тысяч верблюдов.

Безудержная расточительность Александра приняла теперь исключительные размеры.

Когда из дворца вывозили персидское золото, царь заметил неизвестного ему воина, шатавшегося под тяжестью своей ноши. Желая поощрить его усердие, Александр закричал ему: «Ноша покажется тебе легкой, сети ты потащишь ее не на телегу, а к себе в палатку!» С этими словами он приказал передать воину в собственность все золото, которое тот нес.

Стремление унижить персов толкнуло Александра на поступок,

который бросил тень на его имя и славу победителя. Под предлогом мести за сожжение Афин и разрушение греческих храмов во время похода Ксеркса Александр разрушил Персепольский дворец — замечательный памятник персидской архитектуры. Неизвестно, было ли это сознательным и обдуманным варварством или же, подстрекаемый своими сотрапезниками, ненавидевшими персов, царь поддался минутному порыву. Как рассказывают очевидцы, сам Александр с венком на голове поднес ко дворцу зажженный факел. С криками радости двигалась за ним толпа македонян и греков. Огонь охватил роскошные залы, в которых хранились созданные трудом многих поколений сокровища искусства. Через несколько часов от самого красивого здания персидской столицы остались только пепел и груда развалин. Что значили произведения искусства и даже человеческая жизнь для Александра, разрушившего державу «Великого царя» и занявшего его престол? Жестокость и пренебрежение к людям свили теперь прочное гнездо в душе всемогущего владыки.

Преследуя бежавшего Дария, Александр занял город Экбатаны. В его окрестностях царю показали пропасть, откуда непрерывно вырывался огонь. Неподалеку из земли сочилась нефть. Местные жители объяснили, что эта жидкость способна гореть, как смола, и что вырывающийся из пропасти огонь не потухает, так как источник нефти дает огню все новую пищу. Александр заинтересовался этим и захотел испытать свойства загадочной жидкости.

Был среди прислужников царя мальчик Стефан, смешной и невзрачный. Вот этого-то мальчика Александр приказал обмазать нефтью и поджечь, чтобы узнать, сможет ли удивительная жидкость гореть на человеческом теле: ведь тогда ее сила может быть использована и на войне. Не ожидавший зла от своего повелителя, Стефан был спокоен. Только когда вспыхнуло пламя, мальчик понял, что он обречен. К счастью, приближенные царя успели сбить огонь, но Стефан остался калекой.

Из Экбатан Александр двинулся дальше на восток, где персы собирали силы для новой борьбы. Там находился и Дарий, однако его влияние было подорвано постоянными поражениями. Ходили слухи, будто Дарий готов вступить в переговоры с Александром. Эти слухи побудили персидских правителей восточных областей решиться на низложение царя. Во главе заговора встал Бесс, сатрап одной из восточных провинций Персидской державы — Бактрии. Заговорщики, связав Дария, хотели принудить царя отречься от трона в пользу Бесса.

Известие о том, что Дарий попал в руки Бесса, заставило Александра поспешить. Взяв небольшой отряд всадников, Александр начал преследование бактрийцев, увозивших Дария. Александр, стремясь во что бы то ни стало нагнать беглецов, не давал своим людям ни сна ни отдыха. Измученные бешеной скачкой и отсутствием воды, всадники и лошади пришли в совершенное изнеможение. Как-то отряду встретились погонщики мулов. У одного из

них в мехах было немного воды. Видя, что царь изнемогает от жажды, погонщик налил ему полный шлем драгоценной влаги.

Александр осторожно взял шлем обеими руками и собрался уже пить, когда увидел, с какой жадностью окружающие смотрят на него. Преодолев муки жажды, царь вылил воду на землю, сказав: «Я не стану пить один без моих товарищей! Все должны быть в одинаковом положении!»

Поступок Александра вызвал восторг его спутников. Царь был уверен, что теперь они сделают для него все, что в человеческих силах.

Несмотря на то, что лошади гибли в безводной пустыне, преследование продолжалось. Только 60 человек оставалось у Александра, когда он наконец настиг противника. Лагерь бактрийцев был покинут. На земле валялись брошенные впопыхах золотые и серебряные вещи. В повозках кричали оставленные женщины и дети. Так велик был страх перед Александром, что Бесс и его сторонники бросили все на произвол судьбы и, не думая о сопротивлении, захватили только лошадей и бежали.

На одной из колесниц македоняне обнаружили труп Дария. Бактрийцы убили его, так как стало ясно, что Александр не прекратит преследования, пока не получит царя живым или мертвым.

Александр притворился глубоко опечаленным смертью персидского царя. Он сам покрыл тело покойного пурпурным плащом, повелел отвезти усопшего в Персеполь и торжественно похоронить его среди могил его предков. Так как Дарий не оставил преемника, то в глазах большинства Александр стал его наследником, и к нему по праву победителя должно было перейти огромное государство. В борьбе с Бессом он мог теперь выступать не как завоеватель, а как носитель законной власти, стремящийся наказать убийцу предшествующего царя. Часть населения Персии, которая была верна Дарию, перешла на сторону Александра. Македонский царь смог пополнить свою армию людьми из персидских земель.

Александр разделил армию. Часть, во главе с Парменионом, он оставил на завоеванных землях, а сам с отборными войсками прошел южнее Каспийского моря и двинулся дальше на восток, в Парфию, одну из центральных областей Ирана, а затем в Бактрию. Ее правитель Бесс бежал на север, но жители, не желая навлекать на себя гнев Александра, выдали его македонянам. По распоряжению царя он был предан мучительной казни.

Завоевание Персии казалось Александру только началом великого похода. Впереди мерещилось покорение Азии и всего мира. Опьяненный успехами, Александр не прислушивался к голосам, призывавшим его ограничиться уже завоеванным.

Царь понимал, что для осуществления грандиозных планов недостаточно войск, которые пришли с ним из Македонии. Персидские войска, слабость которых Александр знал, тоже были не способны осуществить его планы. Поэтому царь приказал набрать

30 тысяч персидских мальчиков, чтобы обучить их военным приемам македонян. Эти мальчики должны были в будущем образовать костяк новой армии, такой, какая была нужна Александру.

Александр стремился расположить к себе своих новых подданных. Он женился на дочери знатного персидского вельможи, красавице Роксане, и стал носить персидское платье. Сначала он стеснялся роскошного царского костюма и носил его только на торжественных приемах. Вскоре он привык к новым одеждам и стал в них появляться перед войсками. Это вызывало раздражение македонских воинов. Они видели в поступках Александра стремление отстраниться от своих сподвижников, которые сделали его повелителем Азии.

Недовольство сперва проявлялось в насмешках над одеждой и поведением Александра, а затем переросло в заговоры и покушения на его жизнь. Первый заговор организовал македонянин Димн. Он решил убить царя и рассказал о своем намерении близкому другу Никомаху. Тот посоветовался с братом, который донес о заговоре Александру. Отряд телохранителей был послан арестовать Димна. Отважный заговорщик оказал сопротивление и был убит. Казалось, что с гибелью Димна все нити оборвались; но Александр воспользовался раскрытием заговора и начал расправу с влиятельными македонскими полководцами, недовольными политикой царя. Вдохновителями заговора были объявлены старейший и почитаемый македонянами полководец Парменион и его сын Филот, один из храбрейших командиров македонской конницы. После жестоких пыток Филот был казнен, а Парменион тайно убит по приказу царя.

Однажды во время пребывания македонского войска в Средней Азии царю привезли много свежих фруктов из Греции. По этому поводу решено было устроить пир. На пиру стали петь песни, высмеивающие некоторых македонских полководцев, недавно потерпевших поражение в бою с местными племенами. Клит возмутился тем, что царь в присутствии персов позволяет издеваться над македонянами. Началась «перебранка». Александр, которому песня понравилась, закричал Клиту: «Ты оправдываешь трусов потому, что, видимо, это качество не чуждо тебе самому».

— Моя трусость,— воскликнул Клит,— спасла тебя! Где бы ты был сейчас, если бы я опоздал хоть на миг, когда Спитридат при Гранике занес меч над твоей головой? Если ты стал настолько велик, что можешь выдавать себя за сына Зевса-Амона, то не забывай, по крайней мере, что ты достиг этого кровью македонян.

Эти слова показались Александру вызовом. Швырнув в Клита попавшим под руку яблоком, он потребовал, чтобы ему принесли меч, и приказал трубачу трубить сигнал тревоги.

Но Клит, гордый, как все знатные македоняне, не пожелал уступить.

— Если ты хочешь слышать только приятное и видеть лишь таких людей, которые пресмыкаются перед твоей персидской одеждой,

дой, не надо приглашать к своему столу людей, привыкших к свободе! — закричал он.

Друзья, желая погасить внезапно вспыхнувшую ссору, заставили Клита выйти из зала, но вскоре он вернулся и, встав в дверях, продекламировал стихи из одной трагедии Еврипида:

Как плох обычай наш! Когда трофей
У эллинов победный ставит войско
Между врагов лежащих, то не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один хвалу себе берет.

Не долго думая, Александр выхватил из рук одного из телохранителей копье и метнул его в Клита, который упал, обливаясь кровью. Так Александр убил спасшего ему жизнь друга только за то, что тот вступился за своих товарищей и честно сказал царю все, о чем давно думали его соратники.

Вскоре был раскрыт новый заговор против Александра. В македонской армии была группа знатных молодых людей, которые прислуживали царю и одновременно обучались военному делу, чтобы впоследствии занять высшие командные должности. Юноши ели за царским столом и всюду сопровождали царя, составляя часть его охраны. Однажды один из этих знатных юношей, Гермолай, убил на охоте кабана, которого собирался поразить Александр. Разгневанный царь приказал высечь молодого человека. Друзья наказанного были возмущены и составили заговор с целью убить Александра. Однако один из них испугался и выдал заговорщиков.

Александр лицемерно отказался судить юношей и передал их для суда и наказания воинам. Воины приговорили заговорщиков к смерти и побили их камнями.

И на этот раз Александр не удовлетворился наказанием виновных, а воспользовался раскрытием заговора, чтобы расправиться с неудобным ему человеком. Этим человеком был ученый грек Каллисфен, племянник Аристотеля, учителя Александра. Каллисфен был взят в поход с тем, чтобы он составил его подробное описание и таким образом сохранил в памяти потомков подвиги царя. Ученый аккуратно вел летопись похода и, восторгаясь смелостью и решительностью Александра, пользовался его расположением. Но когда Александр перенял персидские обычаи и превратился в жестокого деспота, Каллисфен стал избегать посещения пирушек и обедов царя. Каллисфен пытался использовать свое влияние на царя, чтобы отвлечь его от перенимания таких восточных обычаев, которые унижали подданных и развращали самого Александра. Когда льстецы стали падать ниц перед Александром, царю это так понравилось, что он награждал поцелуем каждого, кто распластается перед ним.

Каллисфен не захотел пасть ниц перед Александром, а когда Александр отказался поцеловать его, спокойно сказал: «Что же, одним поцелуем будет меньше!»

Македоняне прониклись после этого случая большим уважением к Каллисфену и говорили, что он «единственный свободный человек» из всего окружения царя.

Несмотря на то, что никто из осужденных заговорщиков даже не упомянул имени Каллисфена, Александр привлек его к делу о заговоре против царя. Ученый был заключен в тюрьму, где и умер. Царь, однако, продолжал гневаться и в письмах домой обещал, что по возвращении накажет и Аристотеля за то, что тот рекомендовал ему человека, осмелившегося выражать неодобрение своему государю.

Около четырех лет прошло после битвы при Гавгамелах, и Александр готовился к новым завоеваниям. На этот раз он мечтал захватить богатую область реки Инда и добраться на востоке до великой реки Океан, за которой, как думали тогда, находится конец света.

Перейдя горный хребет Гиндукуш, который они приняли за Кавказ, македоняне очутились в Индии, богатой стране с прекрасными пастбищами и замечательными фруктовыми деревьями. Население страны распалось на множество мелких государств, правители которых враждовали между собой.

Войска Александра пересекли Инд в его среднем течении и углубились в область, орошаемую притоками этой могучей реки.

Здесь находилось государство могущественного царя Таксила, добровольно присоединившегося к Александру, чтобы вместе с ним идти на своего постоянного врага Пора, владения которого лежали дальше на восток.

Подойдя к реке Гидаспу, разделявшей владения обоих царей (июнь 326 г. до н. э.), Александр увидел на противоположном берегу сильное войско Пора. У индийцев были не только пехота и всадники, но и множество боевых колесниц и несколько сот слонов. Безнадежно было пытаться прорваться на тот берег, пока там стояли такие силы. Александр применил хитрость. Делая вид, что он готовится форсировать реку в том месте, где стояла армия Пора, Александр с частью пехоты и отборными всадниками незаметно поднялся вверх по реке и переправился на другой берег. Пор поспешно направил против отряда Александра кавалерию и часть боевых колесниц, но македоняне отбились. Тогда Пор выступил против переправившейся армии Александра со всем своим войском. Упорный бой длился 8 часов. Индийцы потеряли несколько тысяч человек, сам Пор, сражавшийся на боевом слоне, был ранен и захвачен в плен.

Потери македонян тоже были огромны. Александр понял, что если он не хочет, чтобы вся Индия объединилась в борьбе с ним, необходимо вести себя милостиво с побежденными и привлекать местных правителей на свою сторону. Поэтому Александр не только не казнил Пора, но даже отдал ему в управление область, которой он владел раньше. Чтобы обеспечить верность Пора, он расширил его владения, подчинив ему ряд прежде независимых племен.

Утратив свою свободу, эти племена возненавидели Пора, и тот не мог обходиться без поддержки македонян. Александру пришлось оставить часть своей армии в долине Гидаспа для поддержки Пора и Таксила. Чтобы обеспечить оставшимся воинам безопасность, Александр построил ряд крепостей. На месте битвы с Пором царь основал большой город и назвал его Никеей (по-гречески «победная»). Несколько северней, где была совершена переправа, он поставил город Буцефалию, названный в память его боевого коня, который здесь издох от старости.

Битва с Пором подорвала силы и мужество македонян, которые убедились, что в Индии еще много непокоренных племен. Чтобы поднять дух утомленных воинов, Александр прибег к беспощадной строгости. Он наказывал смертью всех нарушителей дисциплины, невзирая на их прошлые заслуги. Александр старался увлечь солдат собственным примером. Никогда еще македонский царь так часто не подвергал свою жизнь опасности, как во время похода в Индию. При штурме одной крепости в области индийского племени маллов, увлекая за собой воинов, Александр с горстью телохранителей первым взобрался на стену и спрыгнул внутрь крепости. В этот момент лестница, по которой следовали остальные, обломилась, и царь оказался среди врагов. Видя, что в крепости только Александр и два его телохранителя, маллы набросились на них. Скоро один из оруженосцев Александра был убит, а сам царь получил несколько ран и упал на колени у стены. Оставшийся македонский воин заслонил Александра своим телом и продолжал сражаться. В последний момент подоспели македоняне и вынесли из боя потерявшего сознание Александра. Царь долго не мог оправиться от тяжелых ран, полученных в этом бою.

Не в силах сломить сопротивление покоренных народов, Александр все чаще прибегал к жестоким и вероломным расправам с противниками. В одном из городов окруженный отряд индийских наемников упорно защищался до тех пор, пока им не дали обещание, что их отпустят домой с оружием и ранеными товарищами. Но когда, доверяя слову Александра, индийцы покинули свои укрепления, македонский завоеватель приказал всех перебить. В другой раз Александр, вопреки законам войны, приказал повесить мирных индийских жрецов за то, что они призывали сограждан бороться за свою независимость. Однако жестокие расправы не запугали индийцев и только усилили их сопротивление завоевателям.

Александр считал, что сразу за долинами Инда и его притоков находится конец обитаемой земли. Но когда войска дошли до самого восточного из притоков Инда — реки Гифасиса, Александр узнал, что за рекой простирается пустыня, перейдя которую, можно попасть в долину реки Ганга, где находятся богатые и многолюдные государства.

Даже тени сомнения не появилось у Александра в том, сумеет ли он с растаявшей наполовину армией покорить остальные народы мира. Упоенный своим величием, считая, что ему предназначено

стать господином всей земли, царь отдал приказ двигаться дальше на восток. Но тут Александр впервые столкнулся с сопротивлением собственной армии. Македонских воинов нельзя было заставить выступить ни угрозами, ни посулами.

Рассерженный Александр на три дня укрылся в своей палатке, никого не желая видеть. Наконец он вышел к воинам и объявил, что войско возвращается на запад. Однако Александр не мог допустить, чтобы обратный путь выглядел отступлением. Было объявлено, что царь решил подчинить племена, жившие в устье Инда.

Построили около 2 тысяч лодок и плотов. На них была посажена часть пехоты. Караван двинулся вниз по течению реки к «Внешнему морю», как тогда называли Индийский океан. Остальное войско двигалось по обоим берегам реки. Путь был беспокойный. То и дело приходилось вести тяжелые битвы с местными племенами и народами. Около 7 месяцев длилось плавание. Наконец македоняне достигли Индийского океана. Здесь войско разделилось. Александр считал необходимым исследовать морской путь из Индии к Персидскому заливу. Он поручил кораблю опытному флотоводцу, греку Неарху, приказав ему плыть к устью Евфрата. Большая часть армии, во главе с самим царем, двинулась на запад вдоль берега Индийского океана. Во время двухмесячного перехода по жаркой и безводной пустыне македонское войско испытало страшные лишения. Из более чем стотысячной армии, с которой Александр вторгся в долину Инда, осталось в живых меньше четвертой части.

В изношенной одежде, почти без оружия, потеряв всех лошадей и вьючный скот, македоняне достигли главного города персидской сатрапии Гедрозии. Там заранее было приготовлено все необходимое для возвращающейся армии. После отдыха армия двинулась через Персию к Вавилону. Царь стремился создать впечатление, что индийский поход увенчался грандиозным успехом. По приказу Александра возвращение армии приняло характер торжественного шествия. Войско шло медленно, делая частые остановки. Впереди на колеснице, запряженной восьмеркой лошадей, ехал сам царь, окруженный пышной свитой. За ним двигались бесчисленные колесницы, на которых ехали его друзья и военачальники. Дальше следовало остальное войско. Всю дорогу солдаты кружками, кубками и бокалами черпали вино из огромных глиняных сосудов и пили за успешное окончание похода. Одни продолжали идти вперед, другие, опьянев, падали наземь и оставались лежать, пока их не поднимали. Везде раздавались звуки флейт, слышалось пение. Процессия напоминала скорее праздник в честь греческого бога виноделия Диониса-Вакха, чем возвращение армии.

Так завершился восточный поход Александра. Воины вернулись в Вавилон, куда по реке Евфрату приплыл и Неарх со своим флотом.

Долгое отсутствие Александра и слухи о его гибели привели

к тому, что в стране начались восстания против македонян. Многие персидские вельможи и македонские военачальники, поставленные Александром во главе огромных сатрапий, изменили царю, стремясь стать независимыми государями.

Македонский завоеватель снова должен был выступить в поход против восставших племен и непокорных сатрапов. Как обычно, действия Александра отличались быстротой и жестокостью: многие знатные персы, греки и македоняне были казнены, возмущившиеся племена приведены к покорности.

Хотя начавшийся распад громадной империи ясно показал, что старая персидская система управления ненадежна, царь все-таки решил сохранить ее. Он надеялся, что эта государственная система сумеет обеспечить прочность его завоеваний.

Александр во всем подражал древним властителям. По обычаю персидских царей-завоевателей, возвратясь из индийского похода, он подарил каждой женщине по золотой монете. Он восстановил разрушенную македонянами гробницу основателя Персидского царства Кира. Чтобы прекратить вражду между победителями и побежденными и сплотить их в единый народ, Александр потребовал от своих солдат и полководцев, чтобы они женились на персиянках.

В Сузах Александр устроил грандиозную свадьбу. По обычаю персов, он взял себе вторую жену — дочь доведенного им до гибели царя Дария III. Одновременно его ближайшие друзья и сподвижники, всего около 80 человек, женились на знатных персиянках. 10 тысяч простых воинов тоже праздновали в этот день свадьбы с местными женщинами. Был устроен роскошный пир, и каждому гостю Александр подарил по золотой чаше.

Однако все попытки сплотить македонян, греков и персов потерпели крах. Персы хорошо помнили о своей недавней независимости, ненавидели завоевателей и были ненадежной опорой. Росло недовольство македонян и греков. Сильное возмущение воинов вызвало решение Александра включить в армию тех 30 тысяч молодых персов, которые по его приказу проходили у греков обучение военному делу.

Когда царь устроил неподалеку от Вавилона, в городе Описе, торжественное прощание с отправляемыми на родину больными и ранеными воинами, македонские войска взбунтовались и потребовали, чтобы он отпустил домой всех. Сперва Александр попытался усмирить бунт и казнил 13 воинов, которые, как ему показалось, кричали громче всех. Но это не испугало солдат. Тогда Александр изменил тактику. Теперь он пытался уговорить, вызвать жалость к себе у старых соратников. «Идите,— кричал он воинам,— и скажите всем, что вы покинули своего царя, оставили его врагам, с которыми он недавно воевал!»

На этот раз Александру еще раз удалось уговорить большинство македонян остаться. Только 10 тысяч твердо настаивали на своем и были отправлены на родину.

На вершине своих успехов, добившись осуществления самых смелых замыслов, Александр чувствовал себя одиноким, лишенным всякой опоры. Огромная империя, неограниченным властелином которой он был, несмотря на кажущуюся покорность, таила в себе грозные и враждебные силы. Достаточно было одного неверного шага, малейшей ошибки, незначительного поражения, и повсюду могло вспыхнуть возмущение.

Понимая опасность своего положения, некогда бесстрашный македонский завоеватель стал трусливым и суеверным. Царский дворец наполнили жрецы, прорицатели и другие обманщики, пользовавшиеся душевной слабостью царя.

Александр не доверял самым близким друзьям. Ему всюду мерещились заговоры и измена. Царь считал, что только с помощью страха, внушаемого подданным, он сможет сохранить власть. Ему нужно было постоянно поражать воображение покоренных народов новыми грандиозными предприятиями, новыми победами. У Александра не было пути назад, он не мог остановиться, отдохнуть, оглядеться. И царь разрабатывает все более смелые, фантастические проекты. Он готовит большую морскую экспедицию во главе с Нearchом, которая должна объехать Аравию и Африку и вернуться через Гибралтарский пролив в Средиземное море. Царь подготавливал грандиозный поход на запад для покорения Северной Африки, Италии и Испании. В связи с этим он собирался построить дорогу через пустыню Сахару и вырыть вдоль нее колодцы. 3 тысячи греческих мастеров и ученых работали над углублением русла реки Евфрат, чтобы превратить город Вавилон в морской порт.

Архитектор Стасикрат предложил превратить гору Афон во Фракии в гигантскую статую Александра. На ладони левой руки эта статуя должна была держать целый город с десяти тысячным населением, а из правой руки должен был вытекать горный поток, впадающий в море.

Все эти планы показывали, что македонский завоеватель, упоенный своими успехами, утратил чувство реальности. Сподвижники царя понимали, что надо думать не о покорении новых стран, а о сохранении уже завоеванных территорий. Но Александр не считался ни с чьим мнением, кроме своего, да и высказывать мнение, отличное от царского, теперь никто не решался. Александр верил в свою удачу и не сомневался, что ему удастся все, что бы он ни задумал. Даже сама природа, считал он, должна будет ему уступить: чтобы доказать это себе и другим, царь назначил начало африканского похода на самые жаркие летние месяцы.

Однако этому походу не суждено было начаться. В разгар приготовлений Александр внезапно заболел и через несколько дней скончался. Это произошло 13 июня 323 г. до н. э., на 33-м году жизни царя.

Тотчас ближайшие сподвижники Александра стали спорить о том, к кому должна перейти власть в огромном, созданном его завоеваниями государстве. Александр не назначил наследника, жена

его только ждала ребенка, сводный брат был слабоумным. Каждый из полководцев мечтал выдвинуть своего кандидата на престол, чтобы самому править от его имени. Еще не успели похоронить завоевателя, как ссоры у гроба перешли в вооруженные столкновения. Скоро эти столкновения переросли в войну, и огромная империя, созданная Александром, распалась. Она была недолговечна потому, что объединяли ее только сила и страх.

Судьба Александра показывает, как меняется характер человека, когда силой обстоятельств он достигает неограниченной власти и получает возможность бесконтрольно распоряжаться сотнями тысяч себе подобных.

Подозрительность и жестокость, презрение к окружающим и боязнь заговоров появились у Александра только после того, как он достиг могущества, которым не обладал до него ни один человек. И даже хорошие качества его характера под влиянием лести и всеобщего поклонения переродились: честолюбие переросло в тщеславие, смелость — в безрассудство, гордость — в манию величия.

ПИРР

На северо-западе Греции лежала некогда небольшая гористая страна Эпир. Там правили цари, которые вели свое происхождение от легендарного греческого героя Ахилла. Рассказывали, что когда-то страну завоевал сын Ахилла Неоптолем (в детстве его называли Пирром). С тех пор в ней правят его потомки.

В 319 г. до н. э. в семье эпирского царя родился сын, ему дали традиционное имя — Пирр.

Времена были бурные. Недавно в Вавилоне неожиданно умер Александр Македонский. Его полководцы и наследники (диадохи) вступили в яростную борьбу за власть в огромной, созданной Александром империи, включавшей Македонию, греческие земли, Египет, Сирию, всю Малую Азию, часть Средней Азии, часть Индии... Никто из сподвижников умершего завоевателя не хотел уступить. Кровавая борьба шла несколько десятилетий, пока империя окончательно не распалась на отдельные царства.

События эти не сразу отозвались в отдаленном Эпире, и первые два года жизни Пирра прошли спокойно. Затем его отец вмешался в дела соседней Македонии. Там разгорелась борьба между матерью Александра Македонского Олимпиадой и Кассандром, сыном одного из диадохов. Царь Эпира поддержал Олимпиаду, но она потерпела поражение. Кассандр взял верх не только в Македонии. Он утвердился также в Эпире, где вспыхнуло восстание. Отец Пирра был свергнут, многие его сторонники погибли. Новый правитель, чтобы избавиться от законного наследника трона, приказал убить двухлетнего Пирра. Убийцы разыскивали мальчика, но верные слуги успели скрыться, унеся с собой ребенка.

Небольшая группа двигалась на запад, стремясь побыстрее пе-

рейти границу Эпира и оказаться в безопасности. Погоня настигала беглецов. Казалось, гибель неизбежна. Тогда трое самых сильных и быстроногих мужчин, взяв мальчика, бегом двинулись вперед. Остальные остановились, чтобы как-то задержать погоню. Им это удалось. Преследователи, убедившись, что наследника царства здесь нет, повернули обратно.

Но опасность не миновала. Беглецы еще находились в пределах Эпира, и всякое могло случиться.

У самой границы царства путь им преградила река. Обычно неширокая и неглубокая, она от долгих обильных дождей превратилась в грозный ревущий поток. Заходило солнце. Надвигающаяся темнота еще больше затрудняла переправу через незнакомую реку.

На противоположном берегу беглецы заметили людей и стали им громко кричать. Чтобы привлечь внимание, они высоко поднимали на руки младенца Пирра. Шум, грохот воды, сильный ветер заглушали крики. Тогда один из беглецов отодрал от росшего на берегу молодого дуба кусок коры и нацарапал на нем записку. Он рассказал в ней об их бедственном положении и о царевиче, которого во что бы то ни стало надо спасти. Затем кору прикрепили к дротику, и самый ловкий и сильный из эпиротов метнул его на другой берег. Там прочли записку и поняли, что времени терять нельзя. Люди быстро соорудили плот и по одному переправили беглецов. Первым перевезли Пирра.

Беглецы направились к царю иллирийского племени тавмантов Главкию. Вначале Главкий колебался. Он опасался, что, приютив сына свергнутого царя, он возбудит вражду тех, кто захватил власть в Эпире. Но когда маленький Пирр — он еще не мог ходить — подполз к царю и обхватил ручонками его ноги, словно моля о защите, Главкий перестал сомневаться. Он взял младенца на руки и передал его жене, приказав воспитывать вместе со своими детьми, как собственного сына.

Спустя несколько лет Пирр превратился в стройного мальчика, решительного и смелого. Больше всего он любил играть в войну. Эта страсть сохранилась и потом, когда он вырос, только война перестала быть игрушечной.

Пирру еще не исполнилось 13 лет (в 307 г. до н. э.), когда обстановка в Эпире изменилась. Главкий решил воспользоваться этим и попытаться вернуть трон своему приемному сыну. Во главе сильного войска он вторгся в Эпир, сверг узурпатора и посадил Пирра на царство.

Прошло четыре года. Все было спокойно в Эпире. Но юный царь тяготился такой жизнью. Он мечтал о славе, о военных подвигах. Во всем стремился походить на Александра Македонского. Ему было уже 17 лет, почти столько же, сколько Александру Македонскому, когда тот успел прославиться в битвах.

Вскоре жизнь Пирра изменилась. Непрерывные распри наслед-

Пирр

ников Александра охватывали все новые земли, создавали везде беспокойную обстановку. Не остался в стороне и Эпир. Там начались волнения, затем поднялось восстание, и Пирр был свергнут с престола. Произошло это, когда Пирр находился в Иллирии, где собирался жениться на одной из дочерей Главкия.

Пирр не мог вернуться на родину. Он снова стал изгнанником, но вскоре нашел применение своей энергии и силам. Непрерывные войны не затихали. Воины требовались везде. Пирр избрал войско Деметрия, прозванного Полиоркетом. Это был сын Антигона Одноглазого — старейшего полководца Александра Македонского. К тому же Деметрий Полиоркет был женат на сестре Пирра Деидамии.

Несколько лет сражался Пирр на стороне Деметрия. В постоянных битвах он показал не только храбрость, но и полководческие способности. В это время борьба диадохов достигла наивысшего напряжения и близилась к завершению. Полководцы Александра Македонского объединились против Антигона Одноглазого, Деметрия и их сторонников. Летом 301 г. до н. э. наступила развязка. Возле города Ипса во Фригии (Малая Азия) произошло крупнейшее сражение. В нем участвовали десятки тысяч пехотинцев, всадников и небывалое число — свыше 500 — боевых слонов. Битва началась атаками колесниц, затем столкнулась конница и наконец вступили в бой слоны и пехота. После долгой схватки воины Антигона не выдержали и начали отходить. Вскоре отход превратился в бегство, которое не смог остановить даже такой опытный военачальник, как Антигон. Сам 80-летний полководец продолжал яростно биться, пока не рухнул на землю, пронзенный дротиками. Юный Пирр тоже участвовал в этой битве и даже обратил в бегство тех, кто сражался против него.

Битва при Ипсе завершила спор диадохов, который привел к распаду великой империи Александра Македонского. На ее развалинах возникло несколько государств. Египет, Сирия, Пергам, Греко-Македонское царство стали самостоятельными.

После поражения при Ипсе Пирр не оставил Деметрия. От его имени он управлял пелопоннесскими городами. А когда диадохи заключили очередной мир, Пирр был вынужден отправиться как заложник в Египет к его правителю Птолемею в знак того, что договор будет соблюдаться. Несколько лет прожил Пирр в городе Александрии, столице Египта. Он показал себя ловким дипломатом и не только завоевал симпатии и уважение Птолемея, но и породнился с ним: женился на его дочери. Родственные отношения обеспечили ему поддержку могущественного царя Египта после того, как он решил возвратиться в Эпир. Там правил родственник Александра Македонского — Неоптолем.

Пирр получил от Птолемея деньги, войско и двинулся в Эпир. В 296 г. до н. э. он отвоевал свое царство, однако еще не чувствовал себя достаточно прочно, несмотря на свои победы на полях сражений. Пирр опасался, что Неоптолем может обратиться за помощью к соседним государям, а потому предпочел договориться с соперником о совместном правлении. Такое положение было неустойчивым и длилось менее двух лет. Прикрываясь видимостью дружбы, каждый из них — и Пирр, и Неоптолем — стремился к единодержавию. Каждый только ждал удобного случая, чтобы устранить соперника. Говорили, что Неоптолем и его сторонники собирались отравить Пирра. Узнав об этом, Пирр не подал вида, но поспешил сделать первый шаг. На празднестве, во время спокойной беседы за пиршественным столом, Пирр неожиданно выхватил меч и убил Неоптолема.

Возможно, что слух о предполагаемом отравлении был выдумкой, нужной Пирру как предлог, чтобы оправдать свои действия.

Пирр надолго становится единственным царем Эпира. Его царствование не было спокойным. Честолюбивому Пирру Эпир был тесен, он стремился к захвату других земель, прежде всего соседней Македонии. Воспользовавшись вспыхнувшей там междоусобицей, Пирр вмешался в дела этой страны. Под предлогом помощи одному из претендентов на македонский трон войска Пирра вторглись в Македонию и овладели несколькими городами. Другие государи, опасаясь усиления влияния Пирра, тоже втянулись в македонские распри. Среди них был и прежний союзник Пирра Деметрий Полиоркет, ставший теперь опасным соперником. После непродолжительной войны Деметрию удалось овладеть значительной частью Македонии, и некоторое время в стране было два правителя. Отношения Пирра и Деметрия все более осложнялись. Деметрий хорошо знал своего прежнего сподвижника, его алчность, его стремление к захватам, и жаждал избавиться от опасного соседа. Особенно обострились отношения между ними после того, как смерть жены Деметрия (сестры Пирра) оборвала их родственные связи.

Разногласия вскоре переросли в вооруженную борьбу. В этой войне развернулся полководческий дар Пирра. Он разбил войска, посланные против него Деметрием в 287 г. до н. э., и когда армия Деметрия перешла на сторону Пирра, он стал царем почти всей Македонии. Значение Пирра возросло. Как избранный войском царь Македонии, он стал вровень с другими диадохами, хотя и был моложе годами. Распространилась по свету слава Пирра как полководца. Восхищала и его личная храбрость. Военный талант Пирра признавали уже давно. Еще Антигон Одноглазый, когда его спросили, кого он считает лучшим полководцем, сказал: «Пирра, если он доживет до старости».

Все чаще Пирра — к его удовольствию — сравнивали с Александром Македонским.

Пирр умел привлекать к себе людей. После одной битвы воины дали ему прозвище «Орел». «Это благодаря вашей доблести я сделался орлом,— ответил Пирр,— ваше оружие — вот крылья, которые вознесли меня!» Пирр завоевал симпатии своих воинов, хотя и губил их тысячами во время войн.

Пирр был благосклонен к друзьям, он мог, когда этого хотел, не гневаться, а спокойно принимать разумные решения. Как-то Пирру донесли, что один из его приближенных ругает и поносит его и что в наказание этого человека надо изгнать из страны. «Нет,— ответил Пирр,— пусть лучше остается на месте и бранит меня перед немногими, чем, странствуя, позорит меня перед всем светом».

Однако во всем, что касалось его власти или военных дел, Пирр был непреклонен и беспощаден.

В Македонии Пирр все же не смог утвердиться. Несколько лет шла яростная борьба. И Пирр, и его соперники безудержно стремились к власти, их жадность, равно как и их взаимное коварство, жестокость не знали пределов. Для достижения своих целей они ничего не жалели, никого не щадили. Распри не прекращались, столкновения возникали снова и снова. В этой длительной борьбе в конце концов Пирр потерпел поражение от своих многочисленных противников и вынужден был удалиться из Македонии в свой родной Эпир.

Пирр мог мирно править своим наследственным царством, но его тяготила спокойная жизнь, и он, как писал историк Плутарх, «скучал, когда сам не чинил никому зла и ему никто не доставлял хлопот». Он по-прежнему жаждал новых подвигов, новой славы. И тут ему представился случай насытить свое честолюбие.

В Эпир прибыли послы от южноиталийского города Тарента. Они обратились к Пирру с просьбой помочь в борьбе против римлян.

В это время Рим, подчинив Среднюю Италию, стал угрожать югу полуострова, где находились богатые греческие города-колонии. Больше всех опасался за свою независимость крупнейший из этих городов — Тарент. В этом городе возникло тревожное положение. Враждебная толпа тарентинцев напала на римские корабли, зашедшие в гавань. Несколько судов было потоплено. Послы Рима, которые прибыли, чтобы выяснить обстоятельства инцидента, ничего не добились и подверглись оскорблениям. Рим получил повод к войне.

В 281 г. до н. э. римское войско двинулось на юг и подошло к границам владений Тарента. Первая же битва показала военное превосходство римлян — тарентинцы потерпели поражение. Правительству Тарента ничего другого не оставалось, как искать себе союзника. Было решено обратиться к прославленному эпирскому царю. Послы Тарента обещали Пирру дать многочисленные войска — не только свои, но и своих союзников. «Нам нужен,— говорили послы,— только опытный полководец, а лучше и славнее Пирра мы никого не знаем».

Пирр охотно принял предложение тарентинцев. В его голове уже роились грандиозные планы: он создаст великую западную империю, подобную той, какую в свое время Александр Македонский создал на Востоке.

Не все разделяли взгляды Пирра. Не все были согласны с его решением.

Жил при дворе эпирского царя грек из Фессалии, ученик знаменитого оратора Демосфена, по имени Киней. Современники говорили, что в ораторском искусстве он не уступал своему учителю. Кроме того, Киней был хитрым и ловким человеком и успешно

выполнял разные дипломатические поручения. Пирр высоко ценил его. «Своими речами Киней покорила мне не меньше городов, чем я силой меча»,— сказал как-то Пирр.

Узнав, что Пирр согласился помочь Таренту, Киней спросил у царя: «Римляне — народ храбрый и воинственный. Если боги пошлют нам победу, то как мы ею воспользуемся?» На это Пирр ответил: «Если мы победим римлян, то вся Италия окажется в нашей власти». После некоторого молчания Киней спросил снова: «Ну, а когда Италия окажется в нашей власти, что мы будем делать после этого?» «По соседству с ней,— ответил Пирр,— находится Сицилия, богатый и плодородный остров. Там не прекращаются народные волнения и всяческие беспорядки, и его нетрудно завоевать». «Прекрасно,— сказал Киней,— но покорение Сицилии будет ли последним нашим завоеванием?» «Нет! — воскликнул Пирр.— Это будет только началом. Ведь из Сицилии нетрудно достигнуть Африки и овладеть Карфагеном». «А располагая такими возможностями,— продолжал Киней,— мы затем легко подчиним Македонию и вместе с тем и Грецию. Но вот что мне не ясно: когда мы выполним все эти планы, что мы будем делать дальше?» «Тогда,— засмеялся Пирр,— мы будем жить в мире и спокойствии, будем проводить время в пирах, веселье и дружеских беседах». «В таком случае,— сказал Киней,— к чему эти войны, опасности, кровопролития, когда ты уже теперь располагаешь всеми условиями, чтобы жить в мире и спокойствии и проводить время в пирах и дружеских беседах?»

Конечно, подобные беседы не могли охладить воинственного пыла царя.

Прежде всего Пирр послал в Тарент самого Кинея с тремя тысячами воинов, чтобы тот договорился с правителями города и подготовил все для приема его войск. Затем, погрузив на суда более 20 тысяч пехотинцев, 3 тысячи всадников и 20 боевых слонов, Пирр отплыл в Италию. Это было в начале 280 г. до н. э.

Плавание оказалось трудным. На море разыгрался жестокий шторм. Он разбросал корабли Пирра, и многие из них затонули. Корабль самого царя отнесло далеко в сторону, и, сильно потрепанный, он еле добрался до тарентской бухты. Постепенно подошли и другие суда. Кроме своих сил, эпирский царь рассчитывал на обещанную помощь тарентинцев и их союзников, а также на поддержку со стороны враждебных Риму италийских племен. Однако вскоре Пирр понял, что тарентинцы сами не склонны сражаться, а надеются только на него. Тогда Пирр предпринял жестокие меры: он приказал закрыть гимнасии, все увеселительные заведения и призвал в армию всех способных носить оружие. Это вызвало недовольство у тарентинцев, но им пришлось подчиниться, так как римляне шли на город.

Пирр послал к римлянам гонцов с предложением договориться

о мирном решении конфликта. Но командовавший римским войском консул Публий Валерий Левин ответил гордым отказом.

Весной 280 г. до н. э. начались военные действия. Наемная армия Пирра была хорошо организована и вооружена. Римлянам впервые предстояло столкнуться с таким сильным противником. Но и Пирру еще не приходилось воевать с пехотой, подобной римской.

Главные силы римлян, состоящие из четырех легионов, двинулись навстречу Пирру. Переправившись через реку Сирус, римляне вышли к городу Гераклею, лежащему к западу от Тарента, и завязали схватку с передовыми отрядами противника. Вскоре в бой вступили главные силы Пирра. У стен Гераклеи началось большое сражение. Оно было очень ожесточенным. Семь раз римские легионы сталкивались с фалангой Пирра, но исход борьбы не определился. Тогда Пирр бросил в бой своих слонов. Огромные, невиданные дотопе в Италии животные испугали римских всадников и обратили их в бегство. Вслед за тем удалось расстроить и ряды римской пехоты. Под натиском слонов и повторных атак пехоты римляне дрогнули и побежали. Преследуя бегущих, воины Пирра овладели римским лагерем. 7 тысяч убитых и раненых римлян остались лежать на поле сражения. 2 тысячи были захвачены в плен. Потери Пирра тоже оказались велики. Сам царь был ранен в битве.

После победы при Гераклею на сторону врагов Рима перешли многие местные племена и почти все южные греческие города. Остатки римской армии отступили на север. Путь для продвижения в глубь страны был открыт. Не встречая серьезного сопротивления, Пирр двинулся на Рим. По преданию, он очень близко подошел к городу.

Однако римляне не пали духом. Они проявили исключительную энергию. Войска одного консула двигались с юга, другой консул со своей армией шел с севера навстречу Пирру. Рим готовился к обороне. Пирр не решился дать сражение и отошел. Он очистил занятую им в Средней Италии территорию и отвел войска на зиму в Тарент. Военные действия затихли до будущего года.

В это время с римлянами велись переговоры. В Тарент прибыла делегация из Рима, чтобы договориться об обмене пленными. Пирр отправил в Рим своим послом Киней, поручив ему склонить римлян к миру. Киней, прибыв в Рим, встретился с влиятельными политическими деятелями. От имени царя он привез их женам и детям богатые дары. Выступая в сенате, Киней выдвинул условия мира: римляне должны уйти из Средней Италии и признать господство Пирра над югом полуострова.

Киней слушали внимательно. Под влиянием его речей и подарков, а еще больше под впечатлением печального для римлян опыта двухлетней войны многие сенаторы склонялись принять

предложения Пирра. Многие колебались, не зная, на какую сторону встать. Все решило выступление сенатора Аппия Клавдия. Его, дряхлого, слепого старика, внесли в зал заседаний. Он обратился к сенату с пламенной речью.

«Римляне! — сказал он. — До сих пор я роптал на судьбу, лишившую меня зрения, теперь, слепой, жалею, что я не глух, ибо тогда я бы не слышал постыдных советов и решений, губящих славу Рима!»

Аппий Клавдий призвал продолжать борьбу, и римский сенат отверг мирные предложения Пирра.

Весной 279 г. до н. э. Пирр начал новое наступление на север. Там римляне сосредоточили 70-тысячное войско. Близ города Аускула произошло второе за эту войну крупное сражение. Обе стороны к этому времени успели произвести некоторые изменения в своих армиях. Пирр ввел, учтя опыт римских легионов, разделение войска на отдельные отряды. Римляне приспособили свои колесницы для борьбы со слонами.

Упорное сражение при Аускуле длилось два дня. Первый день принес римлянам успех. Но на второй день Пирру удалось отеснить римское войско на равнину, где он мог развернуть пехоту и пустить в дело конницу и слонов. Римляне были разбиты. Но победа досталась Пирру дорогой ценой, его армия понесла большие потери. На поле битвы легло более 5 тысяч отборных воинов Пирра — почти четвертая часть его войска. Среди убитых было много его полководцев, друзей, старых сподвижников. Говорят, что когда после сражения Пирра стали поздравлять с успехом, он воскликнул: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска!» С тех пор «пирровой победой» стали называть такую победу, которая на самом деле близка к поражению.

В Италии Пирру трудно было восполнить свои потери. Кроме того, в Таренте и других греческих городах росло недовольство поборами Пирра и его вмешательством в их внутренние дела.

В это время к эпирскому царю прибыли послы из города Сиракузы, что на острове Сицилия. Они обратились за помощью, так как карфагенский флот осадил Сиракузы. Предложение показалось Пирру заманчивым. Здесь, в Италии, его положение осложнялось: несмотря на победы, Рим был еще далеко не сломлен. Предстояла длительная и упорная война. А в Сицилии открывалась возможность быстро овладеть богатым и плодородным островом. Пирр решил отправиться в Сицилию и вести войну против Карфагена — могущественной республики, расположенной на севере Африки (на территории нынешнего Туниса).

Вскоре Пирр покинул Италию, оставив там в некоторых городах свои гарнизоны. Высадившись в Сицилии, Пирр двинулся к Сиракузам. Стремительным ударом он заставил карфагенян снять

осаду и увести свои корабли. После этого успеха войско эпирского полководца легко захватывало город за городом, и вскоре он стал фактическим хозяином острова. Таким образом Пирру удалось объединить под своей властью два царства — Эпир и Сицилию. Однако, продолжалось это недолго. Сказались трудности управления столь отдаленными друг от друга территориями. Кроме того, недовольные поборами и притеснениями пришлых завоевателей, сицилийские греческие города перестали поддерживать царя. Без их поддержки Пирру было нелегко удержаться. Дурные известия приходили также из Италии. Там римляне продолжали войну и захватили несколько городов. Кроме того, они вступили в союз с Карфагеном, который с тревогой следил за успехами Пирра в Сицилии. Этим богатым островом карфагеняне сами хотели завладеть. Поэтому они охотно предложили Риму помощь против общего врага.

В 276 г. до н. э. Пирр покинул Сицилию. Переправа через пролив оказалась трудной и опасной. Карфагенские корабли нанесли урон флоту Пирра.

Но Рим не хотел начинать военных действий. Неожиданная вспышка чумы ослабила римское войско, и требовалось время, чтобы возместить потери. На следующий год (275 г. до н. э.) Пирр снова двинулся на Рим. Около города Беневента, в центре Италии, произошло решающее сражение. Воины Пирра вступили в бой усталыми после тяжелого ночного перехода. Кроме того, некоторые союзники покинули Пирра и к нему давно уже не прибывало новых пополнений.

Атака Пирра была отбита. Исход завязавшегося сражения снова решили слоны, однако на этот раз не в пользу Пирра. Осыпаемые градом огненных стрел, пускаемых римлянами из-за стен лагеря, слоны в испуге и бешенстве ринулись обратно, топча своих же воинов и обращая их в бегство. Пирр потерпел страшное поражение. В сопровождении только нескольких всадников он бежал в Тарент.

Пирр решил как можно скорее вернуться на родину. Хотя он оставил в Таренте около 8 тысяч пехотинцев и 500 всадников, но италийский поход был проигран. Позднее Пирр отозвал из Тарента и эти войска. Так рухнули надежды Пирра на завоевание Италии и Сицилии. Шесть лет потратил он на эти войны, и хотя был побежден, но и в поражении сохранил мужество. По-прежнему его повсюду считали самым опытным и отважным из современных ему царей.

Вернувшись на родину, Пирр начал борьбу со своим основным противником. Им был сын Деметрия Полиоркета Антигон Гонат, который господствовал почти во всей Македонии и в ряде греческих городов, в том числе в Коринфе и Аргосе. Успех снова сопутствовал Пирру. После нескольких сражений ему удалось вытеснить Антигона Гоната из Македонии. Победа, правда, была омрачена бесчинствами

наемников Пирра, которые разграбили и осквернили могилы македонских царей. Это вызвало недовольство населения.

Стремясь утвердить свое влияние в Греции, Пирр ввязался в борьбу со Спартой. Без объявления войны он вторгся на ее территорию. Однако Пирр недооценил твердость и мужество своих новых противников. Он пренебрег полученным им от спартанцев гордым посланием.

«Если ты бог,— писали спартанцы,— то с нами ничего не случится, ибо мы ничем против тебя не погрешили, если же ты человек, то найдется кто-нибудь и посильнее тебя!»

Пирр осадил Спарту. Жители отчаянно боролись за свою независимость, отбивая все попытки врагов прорваться в город. В ожесточенных схватках погибло много воинов Пирра и он сам много раз подвергался смертельной опасности.

На помощь спартанцам подходил отряд, посланный Антигоном Гонатом. Тогда Пирр, не закончив кровавого спора со Спартой, принял роковое решение — идти на Аргос. Вечно жаждущий новых приключений, он решил вмешаться в распри, которые тогда шли в Аргосе между различными группами населения.

Пирр быстро шел к Аргосу. Он не замедлил марша и тогда, когда на его аррьергард напали спартанцы и в схватке убили его сына.

В глубокой темноте войско Пирра подошло к стенам Аргоса. Крадучись, стараясь не шуметь, воины входили в ворота, которые, заранее открыли сторонники Пирра. Неожиданно движение замедлилось. В низкие ворота не могли пройти боевые слоны. Пришлось снимать с их спин башни, в которых размещались стрелки, затем, уже за воротами, снова водружать башни на спины гигантов. Эта задержка и шум привлекли внимание аргосцев, и они поспешили занять укрепленные места, удобные для отражения нападения. Одновременно аргосцы отправили гонца к Антигону с просьбой побыстрее прислать подкрепления.

Завязалась ночная битва. Стесненные узкими улицами и многочисленными каналами, прорезавшими город, пехотинцы и конные воины с трудом продвигались вперед. Все перемешалось. Разобщенные группы людей в тесноте и мраке сражались каждая за себя, не получая приказов командующего.

Когда рассвело, Пирр увидел весь этот беспорядок и пал духом. Он решил, пока не поздно, начать отступление. Однако в этой обстановке не все поняли приказ полководца и не до всех он дошел. Часть воинов продолжала бой. Пирр успешно отражал натиск врагов, но затем его оттеснили на узкую улицу. Там скопилось много людей, которые, прижатые друг к другу, с трудом могли сражаться. Кроме того, посреди улицы, жалобно трубя, лежал раненый слон и мешал продвижению.

Пирр верхом на лошади успешно оборонялся и держал врагов

АГИС IV

на расстоянии. Вдруг один из аргосцев, простой и незнатный воин, живший на этой же улице, метнул копье. Оно пронзило панцирь Пирра и легко его ранило. Пирр устремился на аргосца. Мать этого воина, старая женщина, с крыши увидела, как Пирр ринулся на ее сына. Испугавшись за его жизнь, желая ему помочь, старуха оторвала от крыши тяжелую черепицу, подняла ее двумя руками и с силой бросила в Пирра. Черепица попала в незащищенную нижнюю часть шеи и перебила позвонки. Пирр упал. К нему подскочило несколько аргосцев, и один из них отрубил Пирру голову.

Так закончилась жизнь Пирра, полная превратностей, взлетов и падений. Пирр строил грандиозные планы, для осуществления которых не жалел ни средств, ни людей, но часто ему не хватало предусмотрительности, чтобы довести их до конца. Современники считали его выдающимся полководцем. Несколько десятилетий спустя Ганнибал утверждал, что опытом и талантом Пирр как полководец превосходил всех.

Греция уже около ста лет томилась под владычеством Македонии. Зажиточные граждане не только примирились с таким положением, но были даже рады ему: в македонянах они видели защитников от бедняков, угрожавших их богатству. Борьба между богатыми и бедными продолжалась по всей Греции. Всюду свободные бедняки жили в страшной нищете и были готовы подняться против богачей и их покровителей — македонян.

Особенно тяжелым было положение простого народа в Спарте. Все земельные и денежные богатства сосредоточились там в руках кучки богачей. Полноправных граждан (спартиатов), владевших некогда равными участками земли, теперь оставалось несколько сот семей; из них только около сотни имели земельные участки; у остальных не было ни земли, ни имущества, и они были гражданами только по имени.

Прочее население Спарты состояло из периеков (неполноправных жителей), иностранцев и илотов — рабов.

Периеки должны были нести военную службу и все тяжелые государственные повинности, а также платить различные налоги. Спартанские законы, запрещавшие спартиатам заниматься ремеслом и торговлей, не распространялись на периеков. Поэтому среди них было немало зажиточных людей, но большинство периеков, вследствие своего бесправия, тяжелых налогов и законов, ограничивающих торговлю, бедствовали.

Богачи утопали в роскоши, которая вызывала удивление даже иностранцев. Под видом восстановления старинных общих обедов (сисситий) богачи устраивали в своих великолепных дворцах роскошные пиршества. Зато простой народ ютился в жалких хижинах, не имея подчас и куска хлеба.

В руках богачей и их ставленников находилась вся власть в государстве. Народное собрание не имело силы. Всеми государственными делами распоряжались коллегия эфоров и совет старейшин (геронтов) — исполнители воли богачей. Командование было вверено двум царям, которые имели власть только на войне. Цари принадлежали к двум враждовавшим между собой семьям (домам) — Еврипontiдов и Агиадов. Эфоры старались поддерживать вражду между царями, чтобы, пользуясь ею, самим управлять Спартой.

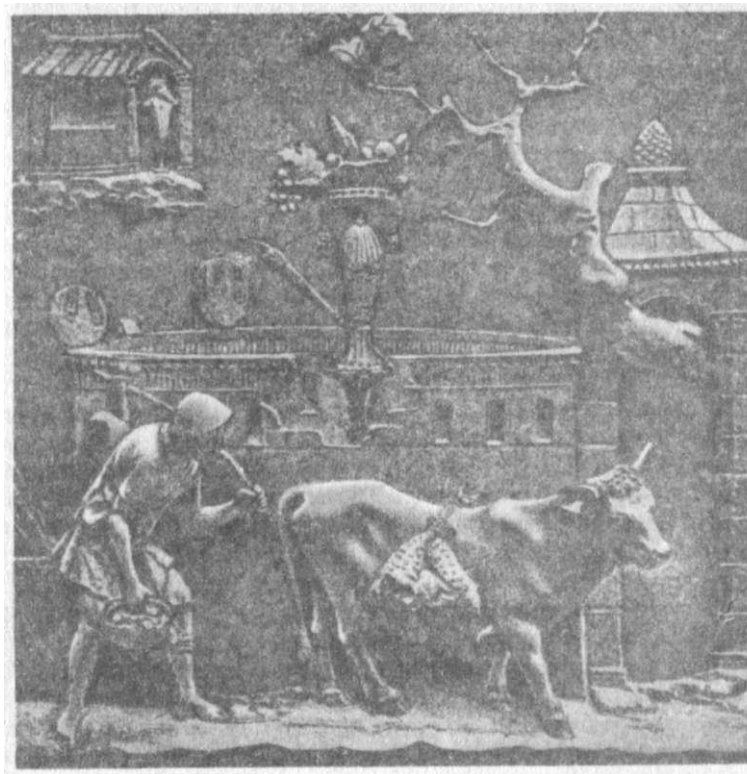
Спартанское государство некогда было самым могущественным в Греции, теперь же оно находилось в глубоком упадке. С помощью наемного войска спартанцы вели бесконечные войны с соседями из-за пограничных земель. Военные расходы ложились тяжелым бременем на народ, периеков и иностранцев. Богачи, разумеется, совершенно не заботились о народных интересах, сам же народ под гнетом такой жестокой нужды думал лишь о ежедневном пропитании и неохотно защищал родину от внешних врагов. Перестали посещаться гимнасии и сисситии, никто не заботился о народных нуждах, о благе и могуществе государства.

Таково было положение в Спарте, когда на престол вступил молодой царь Агис IV (около 245—241 гг. до н. э.). Агис был шестым преемником царя Агесилая, жизнь которого мы уже знаем. Агис воспитывался своей матерью Агесистратой и бабкой Архимидией. Эти женщины принадлежали к числу самых богатых в Спарте. Детство Агиса провел в роскоши, и воспитатели менее всего подготовляли его к будущей деятельности преобразователя. Все же молодой царь получил достаточное образование, а самое главное, проникся любовью к обездоленному народу и твердым желанием улучшить его положение и восстановить былое могущество Спарты.

По уму и высоким душевным качествам Агис не только превосходил второго царя Леонида, но был одним из самых выдающихся людей своего времени. Скоро он сделался любимцем простого народа Спарты.

Тяжело переживая упадок родного города, он понял, что только коренные реформы могут помочь народу и воскресить могущество государства. «Прежде всего,— думал Агис,— необходимо вернуть народу захваченные богачами земли и имущество, уничтожить долги и пополнить число полноправных граждан за счет периеков и иностранцев».

Двадцати лет от роду царь стал готовиться к выполнению своего великого плана. Он переменял образ жизни, отказался от роскошных одежд и изысканной пищи, вернулся к старинной спартанской простоте, с гордостью носил грубый плащ и ел черную похлебку. Этим он хотел показать пример богатым согражданам, призывая их вернуться к суровой жизни предков. Такое поведение молодого царя многим спартанцам казалось странным и неподобающим царскому достоинству.

Крестьянин, везущий свой товар на рынок

Спартанские цари в то время уже переняли образ жизни восточных властителей: они ходили в роскошных одеждах, имели множество слуг и т. д. Товарищ Агиса по правлению, второй царь Леонид жил в роскоши и обращался с народом заносчиво и надменно.

Хотя поведение Агиса казалось многим удивительным и необычным для спартанского царя, но еще более поразили всех его слова о том, что он намерен восстановить древние законы, разделить земли и уничтожить долги.

Простой народ и образованная молодежь с восторгом откликнулись на призыв царя. Юноши были полны любви к родине и стремления возродить ее былую славу.

Яркими противниками Агиса сделались, конечно, богачи, во главе которых стал царь Леонид. Он принадлежал к другой царской семье, Агиадов, всегда враждовавшей с Еврипontiдами, из которых происходил Агис.

Леонид вступил на престол уже стариком после смерти своего

племянника, малолетнего царя; свою молодость он провел при дворе сирийского царя Селевка и там усвоил восточные обычаи. Простой народ не любил Леонида. Из страха перед народом старый царь не решился выступить открыто против предполагаемых преобразований, а тайно вредил молодому царю. Леонид говорил, будто Агис в награду за раздел земли и имущества богачей потребует, чтобы его провозгласили тираном.

Несмотря на противодействие Леонида и его единомышленников, Агису удалось привлечь на свою сторону некоторых влиятельных и богатых людей: Лисандра (потомка знаменитого Лисандра), Мандроклида и, наконец, своего дядю с материнской стороны Агесилая. Однако дядя царя Агесилай примкнул к замышляемому перевороту из корыстных соображений, в надежде избавиться от своих огромных долгов.

Затем Агис рассказал свой план бабке и матери и другим богатым и влиятельным женщинам. «Богатством,— говорил он,— я не могу сравняться с другими царями. Только умеренностью, простотой, презрением к богатству могу я стать выше их роскоши. Возвратив народу равенство и общее владение имуществом, я приобрету имя и славу истинно великого царя». Царь просил мать и бабушку отдать их огромные богатства на благо родины. Мать сначала испугалась замысла молодого царя и пыталась отговорить сына. Потом, увлеченная его благородным порывом, она стала вместе с другими женщинами торопить его приняться за дело. Она приглашала к себе знакомых знатных и богатых женщин и советовала им употребить их влияние на мужей, отцов и братьев в пользу плана молодого царя.

Агис начал с того, что провел в члены коллегии эфоров своего единомышленника Лисандра. При посредстве Лисандра он внес в совет старейшин проект закона (ретру) об уничтожении долгов и разделе земли.

По новому закону предполагалось отменить долги, разделить всю землю в государстве на 4500 больших участков для спартиатов и 15 000 меньших, которыми будут владеть периэки. В число спартиатов Агис хотел включить некоторых периэков и молодых иностранцев, физически здоровых и получивших воспитание свободного человека. Вместе с тем восстанавливались забытые уже сисситии; для этого образовалось пятнадцать товариществ, по 300 членов в каждом. Все члены товарищества должны были вносить свою долю продуктов питания и подчиняться древней военной дисциплине.

Сторонники Агиса — Лисандр, Мандроклид и Агесилай— убеждали народное собрание (апеллу) и старейшин (геронтов) принять закон. Однако среди геронтов не было единодушия. Тогда выступил с горячей речью царь Агис. Он напомнил о воинской славе и доблести предков, взывал к совести и долгу спартанцев. Он призывал возродить могущество Спарты и заявил, что жертвует на благо родины свои огромные богатства (до 600 талантов) и земельные

участки. То же сделают, как он обещал, его мать, бабушка, родственники и друзья — первые богачи в Спарте.

Народ встретил это заявление нового царя бурным одобрением. Когда улеглось ликование народа, приветствовавшего реформу молодого царя, поднялся царь Леонид и ядовито спросил Агиса, почему же он выдает свою ретру за восстановление подлинных ликурговских законов. «Ликург ведь,— сказал он,— не мог требовать отмены долгов и передела земли, да и предлагаемое принятие в число граждан иностранцев противоречит закону Ликурга, который учил ненавидеть иностранцев». Агис, отвечая Леониду, сказал: «Понятно, что ты плохо знаешь закон Ликурга, так как ты все время жил при дворах восточных царей и даже женился на бывшей жене одного из сатрапов. А то бы ты знал, что Ликург вместе с деньгами уничтожил в Спарте и должников и заимодавцев. Что же касается иностранцев, то Ликург изгонял только тех из них, кто показывал своим образом жизни дурной пример гражданам».

В совете старейшин голоса геронтов разделились почти поровну. Противники реформы одержали победу всего лишь большинством в один голос.

Тогда Агис и его друзья задумали действовать не убеждением, а силой. Для этого им надо было прежде всего устранить царя Леонида. Лисандр в качестве эфора решил привлечь его к суду в силу древнего закона, который запрещал спартанским царям жениться на иностранках. Для этого он ловко использовал против царя один старинный обычай.

Обычай этот состоял в том, что через каждые девять лет эфоры в светлую и безлунную ночь в особом помещении наблюдали небесные явления. Если в это время на небе они видели падающую звезду, то это считалось знаком, что один из спартанских царей негоден богам. В таких случаях царей вызывали в суд и разбирали все их поведение с самого рождения.

И вот Лисандр заявил, что видел, как упала звезда. Поэтому царь Леонид был привлечен к суду. Свидетели показали, что во время пребывания в Азии он женился на дочери сатрапа и имел от этого брака двоих детей. В силу спартанского закона Леонид должен был лишиться престола. Однако он не явился в суд и, не дожидаясь приговора, бежал в храм Афины Меднодомной* (по греческим обычаям храмы считались неприкосновенными; в них находили убежище обвиняемые и преступники). Тогда эфоры объявили Леонида лишенным престола и избрали царем его зятя Клеомброта — сторонника реформы. Дочь Леонида, жена Клеомброта, покинула мужа и, явившись в храм, где нашел убежище отец, стала вместе с ним умолять народ о защите.

Между тем, несмотря на удар, нанесенный главному противнику,

* Богиня Афина — одно из главных греческих божеств. Она имела в Спарте местное прозвище «Меднодомной», потому что стены ее храма были обшиты медными листами.

власть царя Агиса была очень непрочной: истек срок полномочий эфоров, и были избраны новые. Новая коллегия оказалась целиком из сторонников бывшего царя Леонида. Вступив в должность, эфоры разрешили Леониду выйти из убежища и обвинили Лисандра и Мандроклида в противозаконных действиях.

Самим царям Агису и Клеомброту грозила участь Леонида, если не будут приняты быстрые и решительные меры. Тогда оба царя с толпой своих сторонников явились на городскую площадь, где заседали эфоры, и прогнали их, назначив на их место других. В числе новых эфоров был и дядя царя Агесилая. В то же время цари вооружили многих своих приверженцев и освободили из тюрьмы всех должников. Эти меры навели страх на противников реформ: они ожидали со стороны царей насилий и убийств. Цари, однако, никого не казнили. Агис даже помог бежать своему врагу Леониду в аркадский город Тегею.

Таким образом, казалось, все препятствия для проведения реформ были устранены. Но среди самих помощников Агиса нашелся человек, который сумел испортить все дело. Этот человек был дядя Агиса, Агесилай. Он стал убеждать Агиса и Лисандра отложить главную реформу — раздел земель и имущества, — а начать с уничтожения долгов.

Сам Агесилай мечтал избавиться от огромных долгов, но вовсе не хотел отдавать народу свои крупные поместья. Он говорил своему племяннику, что если обе меры — передел земли и отмена долгов — будут проведены одновременно, то начнутся волнения: крупные землевладельцы объединятся с ростовщиками-заимодавцами; лучше будет поэтому сначала отменить долги; тогда, по его словам, землевладельцы, благодарные за отмену долгов, легче примирятся с переделом земли. Царь согласился.

В один прекрасный день все долговые обязательства были снесены на площадь и торжественно сожжены.

Зрелище это, конечно, не всем понравилось: богачи-займодавцы ушли с площади, затаив злобу против царей и Агесилая. Народ ликовал, но требовал немедленного раздела земель и имущества богачей.

Законодатели, мечтавшие возродить могущество Спарты, решили приступить теперь ко второй, самой важной части реформы — раздать землю и создать слой крепких землевладельцев, способных с честью воевать за родину. Но теперь тот же Агесилай сумел опять воспрепятствовать реформе: он был неистощим на всяческие выдумки и отговорки, лишь бы только затянуть дело.

Между тем внешние дела Спарты требовали выступления царя Агиса в поход. Пришлось отложить до окончания войны дальнейшие преобразования государственного строя.

В эпоху могущества Македонии в Греции образовались два крупных объединения государств — Этолийский союз (в Западной Греции) и Ахейский союз (на севере Пелопоннеса). Целью этих союзов была борьба против македонского влияния, но союзы эти

часто воевали друг с другом и с остальными греческими государствами.

Ахейский союз вместе со Спартой воевал в это время против этолийцев. Глава Ахейского союза, стратег Арат, ожидал вторжения этолийцев в Пелопоннес и призвал на помощь царя Агиса.

Агис прошел со своим отрядом весь Пелопоннес, всюду беднота с радостью встречала его, ожидая помощи против богачей. Наоборот, богатые с неудовольствием и подозрением следили за движением спартанцев, боясь, что те возбудят всеобщее восстание бедноты.

Отряд Агиса состоял в большинстве из людей, только недавно освободившихся от долговых обязательств. Его воины надеялись по возвращении из похода получить участки, нарезанные из земель, отобранных у богачей; потому все войско было искренне предано своему молодому полководцу, в нем царили строгая дисциплина и горячее воодушевление. Глава Ахейского союза Арат боялся революционного настроения бедноты в Пелопоннесе, поддерживаемого присутствием спартанцев. Он решил поскорее отделаться от Агиса и его войска. Поблагодарив царя за помощь, он отпустил своих союзников.

Агису пришлось возвратиться в Спарту. Здесь он нашел полную перемену настроения граждан. Противники реформы, ободренные отсутствием царя, подняли голову; народ же, возмущенный отсрочкой раздела земель и имущества, волновался.

Поводом для открытого выступления противников Агиса послужили незаконные действия и насилия дяди царя, эфора Агесилая. Он в отсутствие племянника сбросил маску сторонника реформы и откровенно стремился к власти и личному обогащению. Так, например, желая принудить народ уплатить налоги за лишний месяц, он добавил в календарь тринадцатый месяц, хотя в этом году это не полагалось*. Затем Агесилай окружил себя вооруженной охраной. К народу он относился высокомерно, с презрением. В довершение всего этот зазнавшийся человек объявил, что если он будет и на следующий год эфором, то расправится со всеми своими врагами.

Агис, будучи по натуре человеком мягким и доверчивым, не сумел вовремя положить конец беззаконию Агесилая. Вместо решительных и смелых мероприятий, нужных в такой момент, царь бездействовал, не зная, за что взяться. Такая нерешительность Агиса в глазах народа была свидетельством его измены народному делу и сочувствия насилиям Агесилая. Все думали, что и царь заодно с Агесилаем и обманывает народ.

Враги реформы и Агиса между тем решили восстановить Леонида на престоле. Они набрали наемников и с их помощью вернули

* У греков был лунный календарь; лунный год не точно соответствует солнечному году (времени обращения земли вокруг солнца), лунный месяц меньше солнечного. Чтобы времена года начинались всегда в одни и те же месяцы, приходилось время от времени вводить лишний месяц.

бывшего царя из изгнания. Дело Агиса было теперь окончательно проиграно.

Народ не понимал еще, какой опасности подвергается его защитник Агис, а с ним и судьба реформы. Народная ненависть была обращена в этот момент всецело против Агесилая, и потому народ отнесся равнодушно к возвращению старого царя Леонида.

Вернувшись снова к власти, Леонид немедленно начал расправу со своими противниками. Агесилаю удалось спастись бегством из города. Оба царя должны были искать убежище в храмах богов. Агис бежал в храм Афины Меднодомной, а Клеомброт — в храм Посейдона*.

Дочь Леонида и жена Клеомброта, Хилонида, узнав о несчастье мужа, села перед храмом, непричесанная, в грязной одежде в знак печали, и умоляла вместе со своими детьми народ и царя о защите. Обращаясь к царю Леониду, она сказала: «Если тебя не трогает, отец, горе твоих внуков и слезы дочери, то знай, что муж будет наказан строже, чем ты хочешь: первой на его глазах умрет его любимая жена, твоя дочь».

Вспомнив, что Хилонида раньше просила и за него, Леонид ради дочери пощадил зятя и отправил его в изгнание. Хилонида же вновь пошла в изгнание, на этот раз вместе с мужем и детьми.

Так неожиданно для нее самой дочерняя верность спасла Хилониде мужа, хотя отец его и ненавидел. Что касается царя Клеомброта, то он мог, имея такую преданную жену, считать изгнание большим счастьем, чем обладание царской властью.

Затем царь Леонид устранил прежних эфоров и назначил на их место своих сторонников.

Теперь месть Леонида и эфоров обратилась против Агиса. Сначала Леонид пытался лживыми обещаниями прощения убедить несчастного беглеца выйти из храма. Агис не верил своему врагу и продолжал оставаться в храме. Однако, покинув на короткое время свое убежище для того, чтобы выкупаться, он был окружен, изменнически схвачен подосланными людьми, которых считал своими друзьями, и брошен в тюрьму. Это произошло рано утром, до рассвета, улицы города были пусты, и никто из граждан не пришел на помощь царю.

Опасаясь народного возмущения и попыток освобождения Агиса, эфоры и геронты решили немедленно покончить с ним. Эфоры явились в тюрьму и начали допрос Агиса, лицемерно требуя, чтобы тот оправдывался, как будто дело шло о настоящем, справедливом суде. «Действовал ли ты по собственному побуждению, или тебя принуждали Агесилай и Лисандр?» — спросил царя один из эфоров. «Никто меня не принуждал, — ответил царь. — Я действовал так, желая восстановить древние законы Ликурга». «Раскаиваешься ли ты в своих поступках?» — был новый вопрос. «Никогда и ни за что. Я готов скорее претерпеть всяческие мучения и идти на

* *Посейдон* — бог моря.

смерть, чем раскаяться в том, что считаю благом для родины», — отвечал благородный царь.

Суд был кончен. Агис был приговорен к смерти, и стражи получили приказание отвести его в помещение, где совершались казни. Однако тюремщики и наемные воины отказались наложить руки на невиновного и всеми любимого царя. Тогда один из противников Агиса, человек необыкновенной силы, схватил царя и сам потащил к петле, которой его должны были задушить.

Нужно было спешить, так как весть об аресте и приговоре над царем быстро распространилась по всему городу. За воротами тюрьмы был слышен шум и виден свет факелов, освещавших толпу народа. Раздавались вопли матери и бабки Агиса, которые прибежали к тюрьме и с громкими рыданиями требовали, чтобы спартанскому царю была дана возможность оправдаться перед народом.

Враги бывшего царя поспешили с казнью. Идя к месту казни, Агис увидел одного из своих сторонников в слезах. «Перестань плакать! — сказал он. — Погибая несправедливо, вопреки закону, я стою выше своих убийц». С этими словами он добровольно подставил свою шею смертельной петле.

На крики и шум толпы за ворота тюрьмы вышел один из эфоров. Его встретили здесь мать и бабушка Агиса, умоляя спасти сына и внука. Эфор заявил им, что бывший царь находится вне опасности, и предложил войти в тюрьму и лично убедиться в этом. Обманутые женщины вошли в ворота тюрьмы, и успокоившаяся толпа стала расходиться. Тогда эфор приказал запереть ворота и отдал обеих женщин палачам.

Сначала задушили бабушку Архидамию в том же помещении, где был Агис. Когда вошла туда ничего не подозревавшая Агесистрата, она увидела труп сына, лежащий на земле, и мать, висящую в петле. Несчастливая женщина сохранила еще столько твердости, что сняла труп матери и, положив его рядом с сыном, приготовила к погребению. Затем она добровольно отдалась в руки палачей.

Попытка реформы кончилась неудачно, во-первых, потому что невозможно было вернуть Спартанское государство, находившееся в состоянии глубокого упадка, к Ликурговым порядкам; во-вторых, потому что благородный правитель Агис был лишен черт борца и вождя. У него не было непреклонной воли и стойкости, не отступающей перед необходимостью применить силу к богачам. Нужен был правитель иного склада. Такой человек вскоре появился в Спарте. Это был царь Клеомен.

КЛЕОМЕН III

Клеомен был старшим сыном царя Леонида, погубившего благородного Агиса.

После казни Агиса царь Леонид насильно выдал его вдову Агиатиду замуж за Клеомена, чтобы завладеть ее имуществом. Агиатида отличалась изумительной красотой и была одной из самых богатых наследниц: спартанский царь не желал, чтобы ее состояние перешло в другую семью. Вдова несчастного Агиса ненавидела старого царя, как убийцу своего мужа, но полюбила его сына и стала ему преданной женой. Клеомен также полюбил Агиатиду и сумел оценить ее преданность покойному мужу. Агиатида часто рассказывала Клеомену о своем первом супруге, павшем жертвой ненависти и коварства богачей, говорила о его любви к народу и смелых планах возрождения могущества и славы родины. Клеомен с искренней симпатией слушал эти рассказы и проникся уважением к светлой памяти Агиса.

Подобно Агису, Клеомен также получил хорошее образование. Его наставником и другом был знаменитый ученый Сфер Борисфенский, который имел большое влияние на спартанскую молодежь. Сфер учил, что царь — это только первый гражданин, лишь слуга народа и поэтому обязан всецело посвятить себя его благу. Со всем пылом юности Клеомен воспринял эти демократические идеи и с возмущением наблюдал за всем происходившим в Спарте после гибели Агиса.

Победившая кучка богачей опиралась на иноземных наемников: богачи назначали из своей среды угодных им эфоров и геронтов; они думали только о своих личных выгодах и удовольствиях, по-прежнему жили в роскоши и яростно преследовали всех бывших сторонников Агиса.

Простой народ, как и раньше, жил в нищете, но потерял теперь всякую надежду на лучшее будущее. Правительство царя Леонида и в отношениях с соседями руководствовалось только своими интересами и довело Спарту до величайшего унижения. Так, например, когда заклятые враги Спарты — этолийцы — вторглись в Лаконскую область, оно даже не пыталось оказать сопротивление. Мало того, когда оказалось, что набег этолийцев не грозит самой Спарте, богачи обрадовались уходу врагами множества лаконских перизков. Они говорили: «Это избавило нас от лишнего бремени. Теперь беднота уже не так страшна!»

Около пяти лет продолжалось самовластное правление старого царя Леонида. После его смерти на престол вступил 26-летний Клеомен (236 г. до н. э.).

Клеомен был столь же талантлив и умен, как Агис, но отличался железной волей и неукротимой настойчивостью. Он твердо решил продолжить дело Агиса, если нужно — насильственным путем. Не найдя сочувствия у друзей, он задумал один, без помощников, совершить переворот при помощи военной силы.

Клеомен понимал, что реформы будут успешны только тогда, если удастся уничтожить главную опору богачей — совет старейшин (герусию) и эфорат. А для этого нужно было создать войско не из наемников, а из граждан, кровно заинтересованных в переделе земли и имущества богачей. С этим было связано и возрождение военного могущества Спарты.

Вскоре Клеомену пришлось вести войну против прежних союзников — ахейцев. Союз ахейских городов во главе со стратегом Аратом в течение долгого времени стремился объединить под своим руководством одно за другим все государства Южной Греции. Главные усилия Арата были направлены на присоединение двух крупнейших государств Пелопоннеса — Аргоса и Спарты. После неудачной попытки захватить Аргос Арат обратился против Спарты. Тогда эфорам пришлось отдать приказ Клеомену выступить в поход против ахейцев.

Наконец Клеомену представился удобный случай выйти из бездействия, испытать свои силы и найти опору для своих замыслов. Царь набрал отряд в 5000 человек из преданных ему бедных граждан. С этим отрядом он успешно действовал против ахейцев и захватил у них несколько городов. Затем Клеомен вызвал из изгнания брата Агиса, Архидама, чтобы сделать его своим соправителем.

Убийцы Агиса любезно встретили Архидама, когда он прибыл в Спарту, но затем убили его. Это событие побудило Клеомена ускорить государственный переворот. Он привлек на свою сторону много влиятельных и знатных людей и, обеспечив себе их поддержку, снова отправился в поход.

Противнику Клеомена Арату удалось за это время, собрав все силы, присоединить Аргос к Ахейскому союзу. В ответ на это Клеомен вторгся в Аргосскую область и опустошил ее.

Монета с изображением Клемена

Арат и другие стратеги при встрече на поле битвы с Клеоменом обнаружили растерянность: несмотря на численное превосходство, они отступили без боя. В сражении при Ликее (в Аркадии) Клеомен одержал блестящую победу над ахейцами.

Царь хотел преследовать врагов, чтобы довершить их поражение, но встретил неожиданное противодействие со стороны эфоров. Богачи и их ставленники-эфоры боялись успехов молодого царя и роста его популярности в народе. Кроме того, в их планы не входил полный разгром Ахейского союза. Эфоры послали Клеомену приказ прекратить военные действия. Тогда царь, подкупив эфоров, добился разрешения продолжать войну.

Затем он снова выступил в поход и дал сражение ахейцам и мегалополитанцам под Мегалополем. Бой начался неудачно для спартанцев: часть их армии была разбита; однако, преследуя неприятелей, конница мегалополитанцев очутилась в местности, неудобной для сражения в конном строю, среди виноградников, канав и изгородей. К тому же один из начальников мегалополитанцев пал в битве.

Его смерть вызвала замешательство среди мегалополитанцев. Тогда спартанцы под предводительством Клеомена с криком бро-

сились на врагов и обратили в бегство всю неприятельскую армию. Множество ахейцев и мегалополитанцев погибло, а еще больше попало в плен. Клеомен одержал полную победу.

После этой победы Клеомен мог рассчитывать на преданное ему войско и наемников. Он обратился к друзьям с предложением произвести переворот. «Необходимо,— говорил он,— немедленно устранить эфоров и разделить земли и имущество богатых между всеми гражданами. Тогда грекам не будут страшны македоняне и другие завоеватели».

Получив согласие друзей, Клеомен выступил в новый поход; при этом он взял с собой на войну тех, кого считал возможными противниками переворота. Это были крупные богачи и их сыновья. Затем он оставил свое войско в Аркадии на отдыхе, а сам с преданным ему небольшим отрядом наемников внезапно повернул назад к Спарте и неожиданно подошел к столице. Ничего не подозревавшие эфоры обедали, когда воины Клеомена ворвались в помещение. Все эфоры были изрублены.

Кресла эфоров — знаки их власти — были уничтожены. Восемьдесят человек, наиболее непримиримых врагов, Клеомен велел схватить и отправить в изгнание. Так произошел государственный переворот в Спарте.

Затем царь созвал народное собрание и выступил перед ним с речью. Спартанцы были немногословны и не любили длинных речей. Речь Клеомена была краткой: «Если бы я мог исцелить Спарту от ее недугов — роскоши, долгов и кабалы,— а самое главное,— от источников всех пороков — бедности и богатства,— не чиня никаких насилий, я считал бы себя самым счастливым из всех владык в мире,— сказал царь.— Я, как врач, излечил бы отечество без боли,— продолжал Клеомен,— но мирные средства оказались невозможны. Пришлось прибегнуть к силе. Иного выхода у меня нет!»

Клеомен объявил об отмене эфората, так как эфоры присвоили себе слишком много власти и мешают делать то, что полезно для государства. Он уничтожил и герусию: вся власть отныне должна принадлежать только царям. Чтобы не встретить сопротивления от другого, может быть, враждебного его планам царя, Клеомен сделал соправителем своего брата Евклида.

Затем царь объявил о своем намерении немедленно произвести передел земли и имущества. Клеомен отказался от всех своих владений в пользу народа, и его примеру последовали все его родственники и друзья. После этого были переделены земли и имущество остальных граждан. При дележе царь велел отвести земельные участки всем изгнанникам, обещая разрешить им впоследствии вернуться на родину.

Клеомен включил в число полноправных граждан (спартиатов) переизков и некоторых иностранцев, образовав из них отряд в 4000 тяжеловооруженных солдат (гоплитов). Теперь спартанское войско вновь стало сильным и страшным для врагов.

После того как введено было равенство имущества, Клеомен решил восстановить для всех общие обеды (сисситии) и ликурговскую систему воспитания юношества. Всем гражданам рекомендовалось вести умеренный образ жизни, есть черную спартанскую похлебку, носить простую одежду и т. д. Большинство граждан добровольно примирилось с суровым образом жизни, свойственным древним спартанцам, но были и такие, которые посмеивались над старинными обычаями, считая их нелепыми.

Между тем ахейцы и их стратег Арат надеялись, что Клеомен, занятый реформами, не сможет некоторое время вести войну в Пелопоннесе; они жаждали передышки, чтобы оправиться после страшного поражения. Однако Клеомен не побоялся покинуть столицу в такое тревожное время. Он оставил в Спарте своего брата Евклида, а сам немедленно отправился в поход.

Вести о происшедших в Спарте событиях всколыхнули весь Пелопоннес. Во многих городах начались восстания; беднота повсюду требовала отмены долгов и передела земли. Бедняки и обездоленные видели в Клеомене своего спасителя и надеялись, что он поможет освободиться от власти ненавистных ахейцев. Прибывавшие к Клеомену послы из городов Пелопоннеса удивлялись простому обращению царя, отсутствию роскоши и скромной обстановке, в которой он жил.

Богачи всей Греции ненавидели и боялись Клеомена. Они в страхе думали, что если Спарта усилится, то Клеомен отнимет власть у них и раздаст беднякам землю.

Первыми пригласили к себе Клеомена на помощь жители города Мантинеи. Клеомен прибыл в город ночью и помог изгнать стоявший там ахейский гарнизон. Затем он двинулся на север Пелопоннеса в самую Ахейскую область и разбил в решительном сражении ахейскую армию наголову. Теперь могущество Ахейского союза было сломлено!

Затем Клеомен отправил к ахейцам послов с требованием передать ему верховную власть над Ахейским союзом. Он не думал теперь о вмешательстве во внутренние дела отдельных государств; о передаче земли и отмене долгов не было и речи. Царь стремился лишь укрепить положение мелких свободных и полусвободных землевладельцев, чтобы создать из них крупную военную силу и объединить Пелопоннес. Ахейцы ответили согласием и пригласили Клеомена явиться в город Лерну (в Аргосской области), где должно было состояться союзное собрание.

Однако Клеомен как раз в это время заболел и не мог потому своевременно прибыть в Лерну. Воспользовавшись этим, Арат решил любой ценой не допустить установления господства спартанцев в Пелопоннесе.

Когда Арату не удалось заставить ахейцев отклонить требования Клеомена, он принял роковое для свободы Греции решение: ахейский стратег призвал в Пелопоннес македонских завоевателей во главе с царем Антигоном Досоном. Ради интересов богачей Арат

предал свою родину тем самым македонянам, которых он сам некогда изгнал из Пелопоннеса! Страх перед народом оказался у него сильнее любви к родине.

Арат договорился с македонским царем о помощи и затем потребовал от Клеомена, чтобы тот явился один в собрание ахейцев. Богачи и их ставленник Арат боялись, что появление спартанского войска в Аргосе будет сигналом для восстания бедноты. Клеомен прибыл на собрание, но договориться с Аратом и ахейцами ему не удалось. Война вспыхнула с новой силой.

Между тем в ахейских городах начались волнения; народ и беднота всюду были на стороне спартанцев; они негодовали на Арата и считали его изменником общегреческому делу. Тогда Клеомен вступил в Ахайю и взял несколько ахейских городов; далее он двинулся к Аргосу, захватил город и затем осадил Коринф.

Однако Клеомен допустил ошибку: он не призвал народ во всех завоеванных городах немедленно к дележу земли и имущества богатых. Вместо этого царь делал безуспешные попытки сговориться с руководителями греческих городов-государств.

В это время Антигон Досон с двадцатитысячной македонской армией по призыву Арата двинулся из Средней Греции навстречу победоносным спартанцам. Враги Клеомена — партия богатых граждан — при приближении македонян подняли восстание в Аргосе и захватили город.

Клеомен подошел к Аргосу и готовился к штурму города, когда заметил, что в тылу у него неожиданно появилась македонская конница и с возвышенности медленно спускается тяжелая вражеская фаланга. Войску Клеомена пришлось отступить и поспешить к Спарте, чтобы не быть отрезанным от родины.

Плоды блестящих побед Клеомена в Пелопоннесе были теперь потеряны; македоняне брали города, оставшиеся верными Клеомену, разоряя их, продавая жителей в рабство. Один за другим союзники покидали спартанцев.

Когда отступающая армия Клеомена находилась у города Тегеи, Клеомену принесли печальную весть, о смерти его жены Агиатиды. Убитый горем царь внешне сохранял удивительное самообладание и спокойствие; его голос, выражение лица, обращение с людьми остались такими же, как и раньше; как обычно, он отдавал приказания начальникам войска. Наутро он прибыл в Спарту, чтобы похоронить умершую.

После этого Клеомен вновь обратился к государственным делам: для спасения родины необходимо было спешно искать союзников, так как вести длительную войну с сильной Македонией маленькая Спарта не могла.

Возможным союзником был заклятый враг Македонии египетский царь Птолемей III. Он обещал помочь Клеомену деньгами и войском, но требовал за это в заложники мать и детей царя. Клеомен долго не решался сказать об этом матери. Когда ему,

наконец, с горестью пришлось признаться матери, царица сказала: «Скорей сажай нас на корабль и отправляй туда, где я могу быть полезной родине». При расставании она сказала сыну: «Постарайся, чтобы никто не увидел наших слез и не мог заметить какого-нибудь поступка, недостойного нашей родины!» С этими словами царица спокойно взшла с детьми на борт корабля, приказав кормчему немедленно поднять якорь.

По прибытии в Египет она узнала, что Птолемей III ведет с Антигоном переговоры; ей передали также, что ахейцы предлагают Клеомену мир, но царь, в страхе за мать и детей, не решается заключить мир без согласия Птолемея III. Тогда царица немедленно отправила сыну письмо с приказанием забыть о своей семье и думать только о благе родины, не опасаясь Птолемея III и не тревожась из-за одной старухи и малых детей.

Между тем Антигон продвигался на юг. Он уже взял Тегею, разграбил Орхомен и Мантинею и подступил к границам Спартанской области. Клеомен энергично готовился к борьбе с врагами, Он стал отпускать на волю илотов, беря с них выкуп по 5 мин *. Таким образом ему удалось собрать огромную сумму в 500 талантов. Затем он вооружил две тысячи человек по македонскому образцу для борьбы с фалангой Антигона. Окончив военные приготовления, Клеомен решил сам напасть на врагов.

Смелым ударом царь захватил большой город в центре Пелопоннеса Мегалополь. Он обещал пощаду гражданам, если они выйдут из Ахейского союза. Мегалополитанцы отказались, и Клеомен приказал разрушить самые большие кварталы города и затем отступил в Спарту. Македонская армия зимовала в это время в разных городах Пелопоннеса, а сам Антигон с небольшим отрядом находился в Аргосе.

Тогда Клеомен решился на отчаянно смелое предприятие: он внезапно двинулся на Аргос, но тут царя ждала неудача. Антигон укрылся за стенами города. Клеомену пришлось снова отступить: он рассчитывал затянуть войну, так как знал, что в самой Македонии неспокойно — в это время иллирийские племена совершили опустошительный набег на Македонию с севера. Если бы Клеомен еще хотя бы в течение двух дней сумел уклониться от сражения, возможно, он был бы спасен, так как македоняне должны были бы отступить. Но незадолго до этого он получил сообщение от египетского царя Птолемея, что помощь ему будет прекращена. Нужна была решительная победа, и Клеомен со своей 20-тысячной армией смело бросился в бой против вдвое превосходящих сил противника.

Спартанцы сделали последнее усилие, чтобы спасти родину и Грецию от македонских захватчиков. На защиту родной страны были призваны все способные носить оружие граждане и даже илоты. Горные проходы, ведущие к Спарте, были укреплены рвами, окопами и сваленными деревьями.

* Мина — 1/60 часть таланта.

Решительное сражение произошло недалеко от Спарты, около города Селассии. Армия Клеомена занимала сильную позицию на возвышенности. Левым крылом спартанцев, расположенным на высоком холме, командовал Евклид; в центре кавалерия и пехота прикрывали путь к Спарте. Македонянам удалось вначале смять левое крыло и центр спартанцев, однако на правом крыле спартанцы под начальством Клеомена держались стойко. Упорный бой длился много часов, несколько раз македоняне колебались перед отчаянным мужеством спартанцев.

Наконец фаланга Антигона со страшным криком, выставив копьей, бросилась вперед, сметая все на своем пути. Судьба боя была решена натиском вдвое превосходящих численностью македонян. 16000 спартанцев были изрублены на месте, не отступив ни на шаг; спаслись только сам царь Клеомен с 200 спартанцев и 4000 наемников.

В Спарте ничего не знали об исходе битвы. Оставшиеся в городе граждане, кто чем мог, хотели помочь сражающимся: двери домов были открыты, жители оказывали помощь раненым. Вдруг с немногочисленными спутниками прискакал царь Клеомен, забрызганный кровью и грязью, и сообщил о страшном несчастье.

О дальнейшем сопротивлении нельзя было и думать. Клеомен сам советовал гражданам покориться, умоляя их «сохранить себя для лучших дней родины».

Смерти Клеомен не боялся, но робким, малодушным показалось ему предложение одного из друзей покончить самоубийством. Царь направился к берегу моря, с несколькими друзьями сел на корабль и отплыл в Египет. Он надеялся еще склонить царя Птолемея к новой войне против Македонии и решился ожидать благоприятной перемены обстоятельств.

Вскоре македоняне заняли Спарту. Против ожидания, Антигон обошелся с населением милостиво, сохранив гражданам жизнь и собственность. Все реформы Клеомена были отменены, земля и имущество снова возвращены богачам, восстановлены герусия и эфорат, царская власть отменена. Спарта должна была войти в Ахейский союз.

Когда Клеомен со спутниками прибыл в Александрию, столицу Египта, египетский царь Птолемей III, много лет воевавший с Македонией, принял Клеомена с почетом и обещал послать его в Грецию с флотом и войском для восстановления на престоле, а пока назначил ему ежегодное содержание в 24 таланта. Привыкший жить скромно, царь Клеомен расходовал большую часть этой суммы на помощь спартанским изгнанникам в Египте, которых набралось до трех тысяч человек.

Вскоре, однако, царь Птолемей III Эвергет умер. На престол вступил Птолемей IV Филопатор — ничтожный человек и пьяница.

Новый царь все время находился во власти постоянных страхов и подозрений, ловко разжигаемых его любимцами. Придворные внушали царю, что Клеомен, этот «лев среди овец», как они

говорили, представляет для него опасность, так как греческие наемники, служившие в египетской армии, и пелопоннеские изгнанники стоят на стороне Клеомена и по первому его знаку готовы взяться за оружие.

Между тем положение дел в Греции и Пелопоннесе звало Клеомена настоящим образом на родину. Антигон умер, и после его смерти в Пелопоннесе начались новые волнения и война между ахейцами и этолийцами.

Клеомен, отчаявшись получить от египтян флот и вспомогательное войско, стал просить царя отпустить его одного с друзьями в Грецию.

Однако царь Птолемей не отпускал Клеомена. Более того, он подверг спартанского царя и его друзей домашнему аресту, не разрешая им выходить из дому. Клеомен понял, что его не выпустят из заключения, и вместе со своими спутниками решился бежать, чтобы вернуться на родину или умереть со славой.

Когда царь Птолемей уехал из Александрии, Клеомену и его друзьям удалось напоить стражу и вырваться на свободу. С оружием в руках, с громкими криками спартанцы призывали жителей столицы к восстанию и свободе. Однако жители в страхе разбежались, прячась по домам при виде кучки храбрецов.

Попытка спартанцев завладеть городской тюрьмой и выпустить заключенных также потерпела неудачу. Теперь им оставалось отдаться в руки палачей или покончить жизнь самоубийством. Они предпочли смерть, достойную спартанцев, и перебили друг друга. Один за другим падали доблестные спартанцы от руки своих друзей. Наконец остались в живых только двое: царь Клеомен и юный Пантей, любимец царя, некогда первым занявший Мегалополь. Пантей нанес Клеомену смертельный удар, поцеловал его и затем покончил с собой. Так умер царь Клеомен в 219 г. до н. э.

Весть о самоубийстве Клеомена и его товарищей быстро распространилась по городу. Мать Клеомена, Кратесиклея, обняв своих внуков, горько плакала. Неожиданно старший мальчик вырвался из ее рук и бросился с крыши вниз головой; однако он не расшибся до смерти, получив только тяжкие увечья.

Узнав о восстании, царь Птолемей велел распять на кресте труп Клеомена, детей же его вместе с бабкой Кратесиклеей и сопровождавших их женщин — казнить.

После смерти Клеомена движение бедноты в Спарте продолжалось. Появились другие народные вожди, называвшие себя тиранами, которые продолжали дело Клеомена. Борьба шла с переменным успехом вплоть до того, когда в дела Греции вмешалась новая сила — Рим. Подчинив Спарту и другие греческие государства, римские завоеватели надолго установили там свое господство.

ЗНАМЕНИТЫЕ РИМЛЯНЕ

РОМУЛ

Столица современной Италии Рим — очень старый город, его прошлое теряется в глубине веков. История в древние времена была больше искусством, чем наукой. Подлинные сведения подменялись различными легендами, в которых вымысел причудливо переплетался с достоверными историческими событиями далекого прошлого.

Среди многих легенд, которыми пытались объяснить происхождение города и его название, постепенно выделилась одна. Она связала возникновение города с именем Ромула. Легенду эту знал каждый школьник в Древнем Риме.

Когда погибла Троя, часть ее защитников спаслись, увезя с собой сокровища родного города. Во главе троянцев стоял герой Эней. Долго носились корабли беглецов по морю. Наконец ветер пригнал их к берегу. Перед ними была широкая, впадающая в море река, берега которой густо поросли деревьями и кустарником. Яркое солнце освещало равнину. Голубое небо отражалось в водах реки и прибрежных озер. Это был берег Италии, и местность называлась Лаций. Беглецы решили поселиться здесь. Впоследствии на берегу одного из небольших озер возник город Альба-Лонга. В нем правили потомки Энея.

Прошло много лет. Один из царей Альба-Лонги, умирая, призвал двух своих сыновей — Нумитора и Амулия и сказал им: «Пусть каждый выберет себе что пожелает. Один пусть возьмет корону и власть, другой — все мое богатство».

Нумитор, выбрав корону, стал царем Альба-Лонги. Коварный Амулий взял себе золото, решив, что оно поможет ему добиться власти. С помощью заговора Амулий сверг своего брата с трона и стал повелителем города. Как всякий человек, пришедший к

власти нечестным путем, Амулий страшился возмездия. У Нумитора была дочь Рея Сильвия. Амулий боялся, что у нее родятся дети, которые смогут отомстить ему за своего деда. Чтобы предупредить это, он назначил Рею Сильвию жрицей богини домашнего очага Весты. Жрицы этой богини — весталки — обязаны были дать обет безбрачия. За нарушение обета им грозила смерть.

Амулий успокоился, зная теперь, что у Нумитора не будет внуков — его Законных наследников. Однако вскоре царю донесли, что Рея Сильвия родила двух мальчиков. Рассказывали, что их отцом был сам бог войны Марс.

Амулий был разгневан и испуган. Он приказал казнить Рею Сильвию, но за нее заступилась дочь Амулия. Она умоляла отца отменить жестокий приговор. Амулий внял мольбе дочери и отменил казнь, повелев заточить Рею Сильвию в темницу навечно. Но детей царь не пощадил: он вызвал доверенного слугу и приказал ему бросить новорожденных в реку Тибр. Слуга взял младенцев, положил их в деревянное корыто и понес к реке. Он спустился к воде, но побоялся волн и бурного, стремительного течения и оставил корыто на краю берега. Раб полагал, что волна подхватит корыто, унесет его и близнецы утонут.

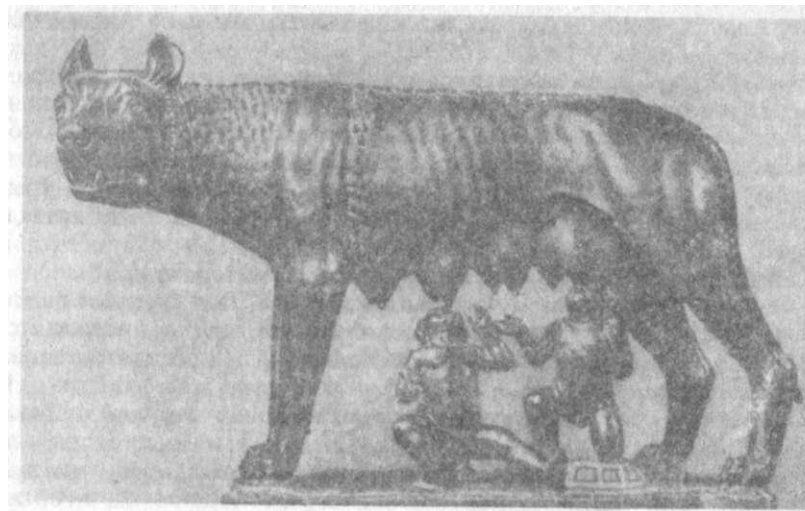
Вода в реке быстро прибывала, и волна подхватила корыто, но течение вынесло деревянную колыбель на тихое место, где она и застряла в корнях большого дерева.

В это время пастух Фаустул, пасший у реки царское стадо, увидел внизу, у воды корыто с двумя младенцами. Он заметил также и волчицу, которая подошла к этому месту, чтобы напиться. Пастух хотел броситься на помощь, так как подумал, что зверь сожрет детей, но остановился, пораженный необыкновенным зрелищем. Он увидел, что волчица, подойдя к детям, ласково их облизала и стала кормить своим молоком. Затем прилетел дятел и принес в клюве пищу. Когда волчица ушла и дятел улетел, Фаустул спустился к реке, взял деревянное корыто с детьми и унес к себе домой. Он назвал одного мальчика Ромулом, другого — Ремом. С тех пор братья жили и воспитывались у пастуха Фаустула и его жены Акки Ларенции.

Ромул и Рем выросли сильными, высокими юношами: они быстро бегали, прекрасно владели мечом и копьем, стали смелыми воинами и охотниками. Их уважали и любили за то, что они помогали бедным людям и защищали слабых от разбойников, которых тогда много бродило в лесах. О Ромуле и Реме разнеслась добрая слава, и к ним стали приходиться нищие крестьяне и даже беглые рабы.

Смелость и независимость юношей, рост их отряда обеспокоили царя Амулия, и он приказал схватить братьев.

Однажды, когда Рем шел с несколькими товарищами, на него напали царские воины и схватили его. Рема привели к Амулию и сказали: «Вот, царь, один из тех, кого ты велел схватить. Мы взяли его на пастбищах Нумитора, твоего брата».

Капитолийская волчица

Амулий приказал выдать Рема для суда Нумитору. Хитрый Амулий решил, что люди станут меньше обвинять его в том, что он отнял все права у своего брата.

Нумитор взволнованно глядел на стройного юношу, стоявшего перед ним. «Кто ты и откуда?» — ласковым голосом спросил Нумитор.

Рем смело ответил: «Я ничего от тебя не скрою. Я вижу, что ты более достоин быть царем, чем Амулий. Прежде чем решить судьбу пленника, ты желаешь его выслушать. Амулий расправляется без суда. Я — Рем, брат Ромула. Мы всегда считали себя детьми царских слуг Фаустула и Акки Ларенции. Но говорят, что наше рождение окутано тайной. Поразительные вещи слышал я о нашем детстве. Дикие звери и птицы кормили нас: волчица поила нас своим молоком, дятел носил нам в клюве кусочки пищи, когда мы лежали в корыте на берегу большой реки. Это корыто и теперь цело. На его медных скрепах — какие-то старые письмена».

Нумитор стал догадываться, что перед ним его внук, один из сыновей Реи Сильвии, которая все еще томилась в темнице. Он продолжал расспрашивать Рема, ища подтверждения своей догадке.

А в это время Фаустул, призвав Ромула, рассказал ему правду о его происхождении. Пастух и прежде намекал о загадочном появлении братьев, но сейчас, когда Рем был схвачен, считал, что больше ничего скрывать не надо.

Фаустул умолял Ромула помочь выручить Рема, а сам поспешил во дворец. Он взял с собой корыто, которое некогда служило колыбелью Ромулу и Рему. У городских ворот стража остановила

Фаустула. У пастуха спросили: «Зачем ты идешь в город? Что несешь с собой?»

Ответы Фаустула показались подозрительными, и его заставили распахнуть плащ. Увидев старое корыто, которое старик так усердно прятал, стража засмеялась и хотела его пропустить. Услышав смех, подошел один из царских слуг. Это был тот, который когда-то по приказу царя Амулия отнес к реке детей Реи Сильвии. Он сразу же узнал корыто, приказал схватить Фаустула и отправить во дворец к Амулию.

Царь был испуган: «Неужели внуки Нумитора живы?»

Фаустула подвергли мучительным пыткам. Под плетью палача он сознался, что дети живы, но не сказал, где они находятся. «Они пасут стада далеко от Альба-Лонги», — прошептал он запекшимися от крови губами.

«А зачем ты шел сюда? — грозно спросил Амулий. — Зачем нес это корыто?» «Я нес его Рее Сильвии, матери детей, — со стоном ответил старик. — Она много раз просила, чтобы ей принесли эту колыбель: матери так хочется взглянуть на нее, потрогать руками...»

В это время царю донесли, что какие-то вооруженные люди ворвались в город и движутся к дворцу. Это подоспел Ромул. Он привел с собой на выручку брата немалые силы, разбив их на отряды по 100 человек в каждом. К Ромулу присоединились многие жители Альба-Лонги, ненавидевшие тирана Амулия, а также и Рем, в котором старый Нумитор признал своего внука.

Амулий растерялся: как затравленный зверь метался он по дворцу, не зная, что предпринять, как спасти свою жизнь.

Вскоре дворец был окружен, его немногочисленные защитники перебиты. Люди Ромула и Рема ворвались внутрь. Амулий был убит.

Ромул и Рем провозгласили своего деда Нумитора царем Альба-Лонги, освободили из тюрьмы свою мать Рею Сильвию, окружив ее почетом и уважением.

Нумитор объявил Ромула и Рема своими законными наследниками. Однако братья не захотели оставаться в Альба-Лонге. Вместе с собравшимися вокруг них людьми они решили основать новый город. Ромул и Рем выбрали для него место, куда когда-то были выброшены Тибром и где их вскормила волчица.

Между братьями возник спор о том, где строить город, как его назвать и кто будет в нем править. Ромул выбрал для постройки Палатинский холм. Рем считал, что лучше строить на Авентинском холме. По обычаю, условились решить спор гаданием по полету птиц и таким путем узнать волю богов. Братья сели порознь друг от друга и стали ждать появления вещей птиц. Такими птицами считались коршуны. Вскоре со стороны Рема показали 6 коршунов. Через несколько мгновений мимо Ромула пролетело 12 птиц.

Братья опять начали спорить. Рем утверждал, что преимущество должно быть у того, кому первому явились вещие птицы. Ромул

доказывал, что царем должен быть тот, кто увидел вдвое больше коршунов. Рем не соглашался.

Когда Ромул стал копать ров, которым собирался окружить стену будущего города, Рем издевался над работой брата и портил ее. Назревала новая ссора. Насмехаясь, Рем перепрыгнул через ров и был убит. Одни говорят, что удар ему нанес разгневанный Ромул, воскликнув при этом: «Так будет со всяким, кто осмелится переступить стены моего города!» Другие утверждают, что Рема убил один из друзей Ромула. Рассказывают также, что в стычке погибло несколько человек, в том числе и Фаустул, воспитатель братьев.

Похоронив Рема, Ромул принялся за постройку города. В то время строительство сопровождалось различными обрядами. Прежде всего вырыли большую яму, куда сложили полезные для человека плоды и хлебные злаки. Затем каждый бросил в яму горсть земли, принесенную из тех мест, откуда он родом. Это символически выражало единство всех пришельцев, будущих граждан города. Яма — ее назвали «мундус» — стала центром города.

Затем Ромул запряг в плуг быка и корову и пропахал глубокую борозду: здесь должна была вырасти городская стена. В тех местах, где пахарь приподнимал плуг, в борозде образовывались разрывы, — так намечались будущие ворота. После совершения обряда стена считалась священной. Город был назван именем своего основателя, и Ромул стал его царем.

Новый город всячески стремился увеличить число своих жителей. Поэтому там при первых выстроенных храмах создали убежища, считавшиеся священными и неприкосновенными. Здесь находили защиту беглые рабы, несостоятельные должники и всякий ищущий безопасного пристанища. Рим принимал изгнанников и пришельцев, откуда бы они ни приходили. Их прошлым никто не интересовался. Население Рима и сам город стали быстро разрастаться.

Римские ученые уверяли, что они точно высчитали и определили дату основания города. Это событие, по их словам, произошло 21 апреля 753 г. до н. э. И хотя этот день римляне ежегодно праздновали и называли его днем рождения отечества, конечно, весь рассказ об основании Рима — легенда, да и сами Ромул и Рем — мифические личности. Мы знаем, что Рим получил свое название не от Ромула, а что легенда о Ромуле была придумана позднее, чтобы объяснить возникновение и название города *.

Такой же легендой был рассказ о дальнейшей жизни и смерти Ромула.

Став царем, Ромул разделил всех, кто мог служить в войске, на отряды. Каждый отряд состоял из 3 тысяч пехотинцев и 300 всадников и назывался легионом. Остальные жители считались простым народом — популюс. Сто лучших граждан были отобраны

* В легенде отразились воспоминания о подлинных исторических событиях. Археологически подтверждено, что на Палатинском холме поселились выходцы из Альбы-Лонги.

Ромулом и названы патрициями (латинское слово *pater* означает «отец»). Собрание патрициев составляло сенат — совет старейшин (от латинского *senex* — старец).

Находившие убежище в Риме пришлые люди стекались сюда из разных городов. Женщин было мало. Ромул направил посольство к соседним племенам с просьбой разрешить их девушкам выходить замуж за римлян. Но соседи отказались, ответив, что не хотят иметь дело с беглецами и разбойниками.

Тогда Ромул решил действовать хитростью. Он распустил слух, будто на территории Рима найден алтарь, выстроенный неизвестному богу. Его называли Консом — богом совета*. Ромул объявил, что в честь этой находки в Риме будут происходить празднества. Предстоящий праздник привлек множество людей из разных мест. Особенно много пришло народа из соседнего племени сабинян. Они пришли со своими женами и детьми.

Начался праздник. Ромул, одетый в пурпурный плащ, сидел впереди вместе с лучшими людьми Рима. Когда зрители увлеклись состязаниями, Ромул поднялся с места, снял с себя плащ, а затем снова накинул на плечи. Это был условный сигнал. Увидев поданный знак, римские юноши обнажили мечи и с громкими криками кинулись в толпу гостей. Каждый из римлян схватил на руки девушку-сабинянку и унес к себе в дом.

Оскорбленные сабиняне стали готовиться к войне с обидчиками. Вначале они направили послов в Рим с предложением вернуть похищенных девушек, а затем качать переговоры об установлении дружеских и родственных отношений между двумя народами. Но Ромул отклонил эти предложения.

Царь сабинского города Ценины Акрон первым начал военные действия, двинув своих воинов против Рима. Когда оба войска сблизились, полководцы по старому обычаю вызвали друг друга на поединок. Ромул был опытен, осторожен, силен и хладнокровен, ценинский же царь — горяч и несдержан. Это его и погубило. Ромул воспользовался растерянностью в стане врага, разбил его войско, занял Ценину, а жителей переселил в Рим. Это способствовало росту города.

Ромул захватил и разорил еще несколько сабинских городов, а жителей также переселил в Рим.

Некоторое время спустя большое войско сабинян двинулось против римлян. Их предводителем был Тит Таций. Сабиняне близко подошли к Риму, но дальнейшее продвижение им преградил Капитолий — высокий холм, с трех сторон обрывающийся отвесными скалами. Только с восточной стороны подступы к Капитолию казались более доступными, хотя путь и проходил по заболоченной, топкой долине. На вершине холма были воздвигнуты прочные стены, за которыми укрывались защитники.

Тит Таций понял, что штурмом ему эту цитадель не взять. Но сабинянам помогло предательство: дочь начальника римского

* Отсюда в русском языке слова: консул — советник; консилиум — совет.

гарнизона Тарпея тайно явилась к врагу и предложила Титу Тацию впустить его воинов в крепость.

«За это каждый воин пусть отдаст мне то, что носит на своей левой руке», — сказала Тарпея, указав на тяжелые золотые браслеты.

Тит Таций с презрением выслушал ее корыстную речь, но, взглянув на неприступные вершины Капитолия, согласился.

Ночью Тарпея отворила одни из ворот крепости врагу. Так, благодаря измене, сабиняне овладели Капитолием.

Предательница потребовала платы. Хотя Тит Таций и вынужден был воспользоваться изменой, но он презирал изменников. Помня об уговоре, он сказал: «Выполните обещание, воины! Отдайте все, что вы носите на левой руке. Не скупитесь. Все отдайте, как это делаю я». С этими словами Тит Таций снял золотой браслет и щит с левой руки и бросил их в Тарпею. Все воины последовали его примеру: в предательницу полетели щиты, настолько тяжелые, что под их тяжестью она умерла.

Высокую скалу на Капитолии, у которой погибла изменница Тарпея, впоследствии стали называть Тарпейской скалой (с нее римляне сбрасывали приговоренных к смерти преступников).

Потеряв капитолийские укрепления, римляне надеялись победить врага в открытом сражении. Оно началось в узкой долине, расположенной между Капитолийским и Палатинским холмами. Первыми двинулись вперед сабиняне. Их конница неслась на римлян. Впереди скакал отважный, смелый воин Курций. Неожиданно ноги его лошади погрузились в густую, вязкую глину. Напрасно всадник ударами и криками старался повернуть коня, топь все больше и больше засасывала его. Тогда Курций встал на круп лошади и прыжком достиг твердой почвы, а бедное животное погрузилось в топкое болото, которое образовалось после недавних дождей. Трясина была незаметна, и только гибель коня Курция предупредила сабинян о подстерегавшей их опасности. Это место долго потом называли озером Курция.

Сабиняне обошли опасное место, и вскоре завязалась кровавая сеча. Под ударами мечей падали убитые и раненые. Потери были велики у той и другой стороны. Ромул бился впереди: его видели там, где было труднее и опаснее. Неожиданно он покачнулся и опустил на одно колено: камень, пущенный из пращи, ранил его в голову. Увидев, что их предводитель ранен, римляне дрогнули и побежали к Палатинскому холму, преследуемые сабинянами. Ромул с большим трудом поднялся на ноги. Он пытался остановить бегущих воинов. Ему это удалось. Римляне снова повернулись лицом к врагу, и битва возобновилась с прежней силой.

Вдруг сражающиеся услышали крики и плач женщин. С холмов сбежали похищенные некогда римлянами сабинянки. Женщины громко рыдали, волосы их были распущены, многие прижимали к себе детей. Плача, они протягивали детей своим мужьям — рим-

лянам и отцам и братьям — сабинянам, умоляя мужчин прекратить побоище и не оставлять их сиротами или вдовами. «Что дурного сделали мы вам? За что вы приносите нам столько горя? Вы ранее не смогли спасти нас, так зачем же теперь вы отрываете мужей от жен и угрожаете оставить наших детей сиротами?! Наши дети — это ваши внуки. Мы все ведь близкие друг другу люди. Пощадите наших детей и мужей, сабиняне! Пощадите наших братьев и отцов, римляне!..»

Вид женщин и их справедливые упреки заставили обе стороны опустить оружие. Предводители — Ромул и Тит Таций начали переговоры о перемирии. Пока вожди договаривались, женщины подводили своих детей и мужей к отцам и братьям, приносили еду и питье, оказывали помощь раненым.

Когда между сабинянами и римлянами был заключен мир, оба племени объединились, поселившись в одном городе, который в честь Ромула сохранил название Рим. Граждане Рима стали именоваться квиритами, в честь родного города Тита Тация — Куры. Оба вождя должны были царствовать и командовать войском сообща.

Объединившиеся народы заимствовали друг у друга обычаи, участвовали в праздниках, как старых, так и вновь учрежденных. Был введен праздник женщин — матроналии (от латинского *matrona* — замужняя женщина), в память о том, что женщины положили конец войне между сабинянами и римлянами. Этот день отмечался ежегодно 1 марта.

Справлялся и старый, установленный Ромулом и Ремом праздник в честь бога Луперка, защитника стад от волков (от латинского *lupus* — волк). Праздник этот назывался «луперкалии» и сопровождался различными обрядами. Жрецы-луперки нарезали из шкур принесенных в жертву животных тонкие ремни. Держа их в руках, жрецы обегали Палатинский холм. Бег они начинали с того места, где, по преданию, Ромула и Рема кормила волчица. Своими ремнями жрецы хлестали встречных. Люди верили, что эти удары приносят счастье и удачу, а женщинам облегчают роды. Ремни назывались «февра», а поэтому и месяц, когда праздновали луперкалии, стали называть «февруарий» — февраль.

Четыре года Ромул и Таций правили вместе. На пятом году случилось несчастье — родичи Тация убили ларентских послов, что считалось тягчайшим преступлением. Ромул потребовал сурово наказать убийц. Однако Таций задерживал исполнение смертного приговора. Тогда родственники убитых, считая Тация виновником того, что правосудие не свершилось и их родные остались неотомщенными, напали на Тация и убили его. Ромул спокойно отнесся к этому событию и даже не пытался расследовать обстоятельства гибели Тация. Ромул устроил своему соправителю торжественные похороны и стал править один.

Ромул вел непрерывные войны с соседними народами, подчиняя их власти Рима.

Как часто бывает со многими правителями, власть которых укрепили постоянные удачи, Ромул возгордился. Он отказался от прежней близости к народу. Он окружил себя приближенными и телохранителями — ликторами. Они шли всегда впереди царя, держа в руках связки прутьев — фасции, в которые был воткнут топор. (Ликторы исполняли в Древнем Риме приговоры.) Ромул стал носить пышную одежду — красный хитон и плащ с широкой пурпурной каймой. Правил он единолично. Царь, сидя в кресле, разбирал дела, вершил суд, не спрашивая совета у старейшин, чем унижал и оскорблял их. Недовольство царем росло, но против могущественного Ромула боялись выступить открыто: внешне все были ему покорны.

Наступил 38-й год царствования Ромула. В один из жарких июньских дней он приказал народу собраться за городской стеной, возле места, которое называлось Козьим болотом. В это время поднялся сильный ветер и разразилась гроза: оглушительно гремел гром, сверкали молнии. Стало темно, как ночью. Испуганные люди бросились в разные стороны. Вскоре гроза прекратилась, небо прояснилось, и все возвратились к Козьему болоту. Но Ромула не было. Царь исчез.

Сенаторы объяснили народу, что Ромул, при блеске молний, вознесся на небо и отныне будет для римлян богом, как раньше был добрым царем. Не все поверили этому. Прошел слух, что сенаторы убили Ромула во время грозы, чтобы избавиться от его все возрастающей власти и вернуть себе прежнее влияние.

В Риме был установлен культ бога Квирина-Ромула, в честь которого на одном из холмов построили храм. Холм после этого стал называться Квиринальским.

НУМА ПОМПИЛИЙ

После смерти Ромула в Риме возникли разногласия: спор шел о том, из какого племени следует избрать нового царя — из римлян или сабинян. Те, кто пришел с Ромулом, считали несправедливым, чтобы сабиняне, получившие римское гражданство, властвовали над основателями Рима. Сабиняне, в свою очередь, утверждали, что они не были покорены римлянами, а слились с ними на равных правах: Ромул и Тит Таций обладали одинаковой властью. После смерти Тация римлянин Ромул правил один, а теперь справедливость требует, чтобы царем стал сабинянин.

Не придя к единому мнению, сенаторы решили сами управлять государством. Каждый сенатор по очереди надевал платье властителя Рима, брал в руки знаки царского достоинства, приносил жертвы богам, как верховный жрец, и становился царем, власть которого продолжалась в течение суток. Сенаторов обоих племен этот порядок вполне устраивал, так как никому невозможно было возвыситься над другими. Так продолжалось некоторое время. Но простые люди были недовольны, ибо видели, что знатные захватили власть и заботятся только о себе. В народе говорили: «Сейчас у нас вместо одного царя стало сто».

Народ требовал, чтобы власть снова была вручена одному достойному человеку, избранному всеми гражданами Рима. В конце концов сенаторы решили выбрать правителя, боясь, как бы народ не сделал этого сам.

После долгих пререканий сенаторы пришли к единому решению, объявив на народном собрании, что наиболее достойным кандидатом

признан Нума Помпилий, сабинянин по происхождению. Народ приветствовал это решение.

Нума жил в сабинском городе Куры, который был родиной соправителя Ромула — Тита Тация. В этот город и направилось посольство из наиболее именитых граждан Рима, чтобы предложить Нуме царскую власть.

Нума был известен далеко за пределами своего города, прославившись скромностью, миролюбием и глубоким умом. Он давно мог занять высокое положение — ведь он был женат на дочери царя Тита Тация. Но государственными почестями Нума предпочитал спокойную частную жизнь. Из своего дома он изгнал расточительство и роскошь. Нума любил уединение, бродил по окрестным рощам и лесам, наслаждаясь красотой природы и предаваясь размышлениям. Многие считали, что Нума потому подолгу бывает в священных рощах, что там он общается с богами. Прошел даже слух, что нимфа-камена Эгерия * стала его супругой, после того как умерла его жена. Мудрость и предусмотрительность Нумы объясняли тем, что Эгерия раскрывала ему божественные предначертания.

Послы Рима прибыли в Куры. Они склонились перед Нумой и предложили ему царствовать в Риме. Послы были уверены, что Нума обрадуется выпавшему на его долю счастью. Но Нума не хотел отказываться от своей спокойной жизни и ответил послам:

— Каждому человеку трудно менять привычный образ жизни, особенно это трудно тому, кто доволен своей жизнью. Вы зовете меня на царство. Жизнь и смерть Ромула показывают, что ваше царство выросло на крови. Сам Ромул прослыл убийцей своего брата, а потом виновником смерти соправителя Тита Тация. Когда же он стал править один, то сделался самовластным и жестоким государем. Смерть его окружена тайной, и говорили, что его убили сенаторы, хотя они и рассказывают народу, что Ромул был вознесен на небо. Я простой человек. Вы знаете, кто мой отец и моя мать. Ромул всю жизнь воевал. Все войны, которые он вел, были успешны, и вы, римляне, привыкли к победам. Вы даже не представляете себе, что можно жить без войны. Вам нужен молодой царь — воин и полководец. Я для этого не гожусь. Больше всего я люблю мир и ненавижу все, что связано с войной. Вам не нужен царь, который почитает справедливость и будет учить вас любить мир. Ищите себе другого царя, римляне.

— Мудрый Нума! — отвечали послы. — Ты утверждаешь, что любишь мир, но ведь твой отказ неминуемо породит у нас междоусобную войну. Ведь ты единственный человек, кого все римляне согласны признать своим царем.

* По верованиям древних каждое дерево, река, источник имели свое божество. Каменами называли нимф источников. Считали, что они обладают даром прорицания.

Нума Помпилий

Сограждане тоже уговаривали Нуму согласиться. Одни говорили, что это окончательно соединит римлян и сабинян в единый народ. Другие утверждали, что он сумеет ввести в Риме справедливые, полезные для всех законы.

Нума согласился.

Когда он вступил в Рим, навстречу ему вышли сенаторы, жрецы и тысячи граждан. Женщины осыпали его цветами. На городской площади — форуме — сенатор, который в этот день был временным царем, поднялся со своего места и вручил Нуме знаки царского достоинства. Двенадцать ликторов стали впереди Нумы. Затем, по обычаю того времени, Нума поднялся на Капитолийский холм, чтобы узнать волю богов. Римляне верили, что гадание

по полету птиц позволяет узнавать будущее. Нума сел на вершине холма, закрыл лицо плащом, а стоявший позади жрец положил руку на голову царя. Все вокруг притихли. Народ напряженно глядел на него. Прошло несколько минут, и появились вестие птицы. Они пролетели справа от Нумы. Это считалось благоприятным знаком. Раздались радостные крики.

Став царем, Нума прежде всего распустил воинский отряд из 300 человек, который в последние годы правления Ромула охранял царя. Нума сказал: «Охрана нужна только тому, кто не доверяет народу и боится его. Избрав меня царем, народ показал, что он мне доверяет. Я же верю народу, и мне не нужны телохранители».

Население Рима было очень разнородно: одни пришли еще вместе с основателем города, другие поселились позднее или же были насильственно переселены, из покоренных городов. Много в городе жило и беглецов, которых охотно принимали, не спрашивая, что заставило их уйти из родных мест. Постоянные столкновения с соседями укрепили воинственный дух римлян: сила заменила право и закон. Нума хотел навести порядок в государстве и установить справедливые законы, которые бы защищали слабых от произвола сильных и богатых. В те далекие времена законы, политика и религия были тесно связаны друг с другом. Вот почему многие законы, введенные, по преданию, Нумой Помпилием, касались религиозных правил и жреческих должностей.

Прежде всего Нума отдал дань памяти Ромула: основатель города стал почитаться в Риме под именем бога Квирина, воинственного, подобного Марсу. Учредил Нума и должность жреца бога Ромула-Квирина. До этого в Риме было два жреца. Один — верховного бога римлян Юпитера, другой — бога войны Марса. Вместе со жрецом Квирина их стало трое.

Нума создал коллегию жрецов, которых стали называть понтификами. Над ними стоял верховный жрец, или великий понтифик. Жреческая коллегия понтификов управляла всей религиозной жизнью государства и наблюдала за общественным и частным богослужением. Первым верховным понтификом считался сам Нума. Его власть в делах религии была безграничной: он был религиозным главой государства и считался толкователем воли богов. Нума совершал религиозные церемонии и наблюдал за исполнением обычаев и обрядов. Во всех своих действиях он советовался с коллегией понтификов.

На форуме, на склоне Палатинского холма, был построен небольшой храм Весты. У алтаря богини всегда горел священный огонь, который олицетворял общий очаг Римского государства. Весталки должны были следить за тем, чтобы священный огонь никогда не угасал.

В весталки посвящались девочки из самых знатных семейств Рима. Они должны были служить богине 30 лет. Говорили, что

первые 10 лет они учились тому, что должны делать; во второе десятилетие делали то, чему выучились, а в третье — уже сами учили других. Весталки давали обет безбрачия, нарушение которого сурово каралось: клятвopреступницу живой зарывали в землю. Это был страшный и печальный обряд.

Осужденную весталку усаживали в крытые носилки. Внутри носилок не проникал свет, а толстые, перевязанные ремнями покрывала заглушали звуки. Снаружи не был слышен плач несчастной. В глубоком молчании носилки поднимали и несли через форум. Толпа молча расступалась перед процессией. Наконец процессия доходила до так называемых Коллинских ворот. Неподалеку от них возвышался небольшой холм, на склоне которого зияло черное отверстие — вход в подземелье. Носилки ставили на землю, развязывали ремни и медленно поднимали покрывало. Верховный понтифик за руку выводил женщину, голова которой была закутана плащом. Жрец подводил осужденную к спуску в подземелье, и та по приставной лестнице сходила вниз. В маленькой келье-яме стояла узкая кровать, горел светильник. У ложа находилось немного пищи — хлеб, вода в кувшине, молоко, масло, но ее хватало лишь на короткий срок. Когда несчастная весталка спускалась в подземелье, лестницу убирали, а вход заваливали землей, пока поверхность холма не становилась ровной. Такой страшной смертью наказывались весталки, нарушившие обет безбрачия.

Весталки имели большие преимущества по сравнению с другими гражданами Рима. Впереди весталок, как и у высших должностных лиц, шел ликтор, и все уступали им дорогу. Даже правитель государства при встрече с весталкой приказывал своим ликторам опускать к земле свои фасции с топорами. В цирках и амфитеатрах, на празднествах и собраниях весталкам предоставлялись почетные места. Оскорбивший весталку приговаривался к смерти. Если осужденный, которого вели на казнь, случайно встречал на пути весталку, казнь отменялась и человек получал свободу. Весталки очень почитались в Древнем Риме.

По преданию, Нума учредил также жреческие коллегии фециалов и салиев.

Фециалы ведали международными отношениями. Их посылали послами в другие государства. Они совершали обряды, предшествующие объявлению войны и заключению мира. До того как начиналась война, фециалы должны были использовать все возможное и доступное, чтобы разрешить конфликт мирным путем. Но если переговоры терпели неудачу, то объявлялась война: стоя на границе, жрец-фециал бросал в сторону врага на неприятельскую территорию окровавленное копье.

Особая легенда связана с созданием коллегии жрецов-салиев. Рассказывали, что на восьмом году царствования Нумы Рим охватил жестокий мор: тысячи людей умирали от неизвестной болезни.

Римляне пребывали в страхе и смятении, они молили богов смилостивиться над ними. Вместе с народом молился и царь. Вдруг с неба упал медный щит необычайной формы. «Это знамение богов,— сказал Нума.— Щит послан в знак того, что боги охраняют и защищают Рим. Я слышал голос с неба, который произнес «Пока этот щит будет у римлян, их могущество никто не сможет оспорить. Рим будет в безопасности от врагов».

Мор вскоре прекратился. Нума приказал хранить щит как зеницу ока. Однажды царь призвал лучших мастеров-оружейников и сказал им: «Сделайте одиннадцать точно таких же щитов. Сделайте так, чтобы никто не мог отличить подлинного от тех, какие вы создадите вновь. Тогда нельзя будет похитить подлинный щит».

Взглянув на щит, мастера отказались от работы, признав, что они не смогут добиться полного сходства щитов. Только один мастер, по имени Ветурий Мамурий, взялся за работу. Через некоторое время он принес свои изделия и, положив все 12 щитов рядом, предложил царю угадать, какой из них служил для него образцом. Как ни бился Нума, но не смог отличить подлинный щит от поддельного.

После этого Нума учредил коллегию жрецов (в честь богов Марса и Квирина) из 12 человек — по числу щитов, которые они должны были хранить.

Ежегодно в марте процессия жрецов обходила город, направляясь к храму Марса. На жрецах были красные вышитые хитоны, перехваченные металлическим поясом. Поверх хитонов жрецы надевали легкие панцири, а на голову — остроконечные шлемы. В левую руку каждый жрец брал короткий меч, а в правую — копье или жезл. В таком наряде жрецы медленно шествовали по улицам. Под звуки труб они пели обрядовую песню и, приплясывая, ударяли в такт мечами по священным щитам, которые впереди несли служители. От этой торжественной пляски и произошло название жрецов — салии (по-латыни *salii* — скачущие, прыгающие).

В те далекие времена, когда люди не понимали и боялись многих явлений природы, магические обряды занимали важное место в жизни суеверных римлян. Точное исполнение обрядов казалось надежной защитой от опасностей и несчастий и помогало умилостивить таинственные силы природы, обожествляемые людьми. Установление большинства обрядов приписывалось Нуме Помпилию.

Особое значение римляне придавали обряду жертвоприношения. В жертву богам приносились животные, растения, плоды. При этом молитвы были очень подробными. Римлянин боялся пропустить что-либо или сказать лишнее, чтобы боги не потребовали больше, чем он хотел или мог обещать, и, так сказать, не могли поймать молящегося на слове. Поэтому у алтаря какого-либо бога человек говорил: «Прими в дар это вино, которое я тебе приношу». Римляне считали, что если забыть указать, что жертвуется именно это

вино, то бог может потребовать все вино, какое хранится в доме. Одна из легенд рассказывает, как Нума торговался с самим Юпитером, главой римских богов, которого он увидел в роше на Авентинском холме.

«Ты принесешь мне в жертву голову»,—сказал Юпитер. «Хорошо,—ответил Нума,—ты получишь головку лука с моего огорода». «Нет,—перебил Юпитер,—я имею в виду нечто человеческое». «Тогда получишь волосы»,—быстро сказал царь. «Да нет же, мне надо что-то живое». «Ладно,—подхватил Нума,—получишь рыбешку».

Юпитер засмеялся находчивости Нумы и согласился со всем, что тот предлагал.

Нума воздвиг в Риме храмы в честь богини Верности и бога Термина. Царь внушил римлянам, что клятва верности — величайшая из всех человеческих клятв. Термин был богом границ, рубежей, пограничных межевых знаков. Последние Нужны были для того, чтобы отличить, где кончается твой участок земли и начинается чужой. Межевые знаки считались священными.

Построив храм бога Термина, Нума установил особый праздник — терминалии. Праздновались терминалии ежегодно в мае. В этот день жрецы окрестных селений со своими семьями приходили к каменным межевым знакам. Они украшали камни цветами и веселились. Этот обряд был связан с земледелием, которое высоко ценил Нума. Он говорил: «Земледелие способствует миру. Тот, кто обрабатывает землю, не хочет, чтобы плоды его труда погибли в войне. Однако земледelec будет храбро защищать свою землю от врагов, и с развитием земледелия воинская доблесть не исчезнет. Не будет только несправедливой, алчной, корыстолубивой воинственности, приносящей людям несчастья».

Нума сам обходил поля граждан, поощрял трудолюбивых и наказывал нерадивых.

В Риме развивались торговля и ремесла. Многие и здесь связывались с именем легендарного Нумы. Считалось, что он разделил ремесленников на несколько цехов: флейтистов, золотых, дел мастеров, плотников, красильщиков, сапожников, дубильщиков, медников, гончаров. Остальные профессии были организованы в один цех. Каждый цех устраивал свои собрания, имел свои праздники.

Предания рассказывают, что именно Нума Помпилий преобразовал римский календарь. Он высчитал, что в году 365 дней, и разделил каждый год на 12 месяцев. При этом был изменен порядок месяцев. При Ромуле первые месяцам римского календаря считался март, названный так в честь бога войны Марса. Царь Нума первым месяцам года сделал январь, посвятив его древнему италийскому богу Янусу. С именами различных богов связывались и другие месяцы: весенний апрель — с богиней любви

Венерой, май — с древней италийской богиней земли Майей, а июнь — с именем Юноны, супруги Юпитера. Остальные месяцы издревле просто назывались пятым, шестым, седьмым, восьмым и т. д. Названия эти сохранились и в наше время. Правда, после того как январь стал первым, февраль вторым, а март лишь третьим месяцам года, все сместилось и в Древнем Риме — месяцам, который называли пятым, превратился в действительности в седьмой, и т. д. Вот почему теперешний девятый месяцам года называется сентябрем (септембер — от латинского septem — семь). То же случилось и с восьмым месяцам (октобер — октябрь, octo — восемь): он оказался десятым; девятый (но-вембер — ноябрь, novem — девять) стал одиннадцатым; десятый (децембер — декабрь, decern — десять) — двенадцатым. Все они и поныне сохраняют старые названия.

Где же прежние пятый и шестой месяцы? Они еще в древности получили новые названия: один в честь Юлия Цезаря стал называться июлем, другой — в честь Октавиана Августа, римского императора — августом.

Нума не случайно посвятил первый месяцам года Янусу: этот древнейший италийский бог когда-то считался богом света и солнца. Янус открывал небесные двери и выпускал утром на землю день, а вечером, когда день возвращался, Янус затворял за ним двери. Наступала ночь. Само имя «Янус» происходит от латинского слова janua — дверь, вход. Потом Янус стал божеством начал, создателем всего существующего на земле. Считалось, что он создал и обучил человека. В молитвах имя Януса упоминалось прежде других богов. Изображали Януса с двумя лицами: одно было обращено назад — к прошлому, другое глядело в будущее. Римляне почитали Януса как покровителя и защитника государства, как бога, который решает вопросы войны и мира.

В Риме воздвигли храм Янусу, не похожий на другие. Он состоял из двух больших арок, в каждой из которых были ворота. Арки соединялись друг с другом боковыми стенами. Когда начиналась война, ворота храма Януса отворялись и войска, отправлявшиеся в поход, проходили через храм под сводами его арок. Пока шли военные действия, ворота храма Януса оставались открытыми. В мирное время ворота затворялись. Последнее случилось очень редко — Рим постоянно вел войны. Только при царе Нуме Помпилии двери храма Януса ни разу не открывались. В Риме царили мир, спокойствие, безопасность и доверие. За все царствование Нумы — а он правил 43 года — не было ни одной войны, ни одного волнения среди подвластных ему жителей. Поэты воспевали это прекрасное время:

Съедены ржавчиной крепкие копыя, съеден двуострый меч.
Медных труб умолкли призывы...

Конечно, всякому преданию свойственны преувеличения, но эта легенда должна была показать людям, насколько мир благодетельней войны, даже победоносной.

Рассказы о мирном правлении Нумы нравились простым римлянам, которые, как всякий народ, не любили войны и страдали от нее в первую очередь.

Мудрое и мирное законодательство Нумы Помпилия, твердое соблюдение законов укрепили Рим. В отличие от Ромула, власть Нумы держалась не на воинской силе и тирании, а на разумных, справедливых законах. У Нумы не было врагов и завистников, Никто не злоумышлял против него.

Легенда рассказывает, что Нума умер, как жил,— спокойно, тихо. Он достиг глубокой старости и медленно угас, сохранив до конца ясность мысли. Однажды он не поднялся, как обычно, с восходом солнца. Когда к нему вошли, то увидели, что царь скончался. Ему было за восемьдесят лет.

Хоронили Нуму не только римляне, но и соседние союзные и дружественные народы.

Древние римляне сжигали умерших. Однако Нума приказал не устраивать ему погребального костра, а похоронить у подножия Яникульского холма.

Его последняя воля была выполнена. В могилу опустили два гроба: в одном покоилось тело царя, в другой положили книги законов и философские книги, написанные самим Нумой. Подобно греческим законодателям, Нума сам писал свои законы.

Два царя — Ромул и Нума — укрепили Римское государство, но разными путями. Ромул был воин, а Нума — мирный законодатель. Это принесло ему славу в народе. Конечно, законы, обычаи, обряды, установление которых приписывается Нуме Помпилию, в действительности складывались на протяжении столетий. Казалось, что законы Нумы посвящены культу и поклонению разным богам. Реформатор придавал своим нововведениям религиозную форму, но главное, к чему он стремился и за что ценили этого царя современники и потомки,— это его стремление к миру. Легенда как бы противопоставляла его Ромулу. В глазах народа легендарная история правления Нумы как бы подтверждала, что мирные завоевания и законы не менее прочны, чем то, что добыто силой оружия.

Слава Нумы еще усилилась после того, как последующие цари вновь начали бесконечные войны. Эта политика войн и насилия расширила римское государство, но принесла неисчислимые страдания народу.

Легенда о добром и мудром царе Помпилии долго жила в народе. Особенно оживала она в трудные времена, когда войны и мятежи делали жизнь невыносимой. Народу казалось, что аристократические правители Рима скрывали подлинную волю справедливого Нумы. Это отразилось в рассказе о легендарном событии, якобы случившемся 400 лет спустя после смерти Нумы.

В Риме много дней подряд шли дожди и размыли могильную насыпь у подножия Яникульского холма. Открылась могила Нумы, в которой увидели два каменных гроба. Вскрыли тот, в котором должен был находиться прах царя, но гроб был пуст.

Во втором гробу нашли книги, написанные Нумой. Когда с ними ознакомился сенат, то он решил, что с их содержанием не стоит знакомить народ. Книги сожгли, чтобы исчезла память о справедливом царе. Однако Нума не был забыт. В народе продолжали помнить человека, который создал мудрые законы и видел силу государства не в войне, а в мире.

ВАЛЕРИЙ ПОПЛИКОЛА

Древний патрицианский род Валериев играл заметную роль в истории Рима. К нему принадлежал и Публий Валерий, ставший известным еще тогда, когда в Риме правили цари. Он был богат и славился своей щедростью и справедливостью. К нему часто обращались за помощью, и он никому в ней не отказывал.

В Риме царствовал тогда Тарквиний, прозванный Гордым — вероломный и жестокий человек. Царь и его родичи совершили множество преступлений. Одно из них истожило терпение народа. Сын царя покусился на честь благородной Лукреции, которая, не вынеся позора, покончила с собой. Римляне восстали. Во главе восстания стал Луций Брут, ненавидевший Тарквиния, который казнил его родных. Брут обратился за помощью к Публию Валерию, который принял деятельное участие в свержении царской власти. В Риме установилась республика.

Уставший от тирании царей, народ решил доверить власть двум правителям — консулам, избравшимся на год. Всем было ясно, что первым консулом будет избран Луций Брут, который надеялся, что вторым станет его ближайший сподвижник — Валерий. Этого желал и сам Публий Валерий. Но народ выбрал другого — Тарквиния Коллатина, мужа погибшей Лукреции.

Валерий был разочарован, даже обижен результатами выборов, такой неблагоприятностью римлян.

Между тем изгнанный царь Тарквиний не смирился с потерей власти. Укрывшись в одном из соседних городов, он собирал силы для войны с Римом.

Некоторое время спустя в Рим прибыли послы Тарквиния. От его имени они объявили, что бывший царь отказывается от власти

и прекращает войну. Он только требует, чтобы ему вернули имущество и деньги, принадлежавшие ему, его родным и друзьям, чтобы иметь возможность жить в изгнании безбедно.

Многие сенаторы склонны были удовлетворить просьбу Тарквиния. Поддерживал их и второй консул — Коллатин. Но Луций Брут резко возражал против возвращения имущества Тарквинию Гордому, он даже назвал действия второго консула предательскими. Большинство же склонно было согласиться с Тарквинием и отдать ему имущество и деньги в обмен на мир. Однако прав оказался Брут. Тарквиний заботился не о своем имуществе: он хотел узнать настроение римлян и выяснить возможность своего возвращения. Пока решался вопрос об имуществе и деньгах, посланцы царя готовили заговор против республики. Им удалось склонить на сторону Тарквиния нескольких уважаемых римских граждан — Аквилев и Вителлиев (они были в родстве с обоими консулами). В заговор были вовлечены даже два сына Брута и два племянника Коллатина.

Заговорщики отправились в дом Аквилев, чтобы скрепить союз страшной клятвой. Осмотрев комнату, в которую они вошли, заговорщики убедились, что она пуста. Но они не заметили раба по имени Виндиций. Он оказался здесь случайно и, когда услышал шум шагов и говор приближающихся людей, испугался и спрятался в стоявший в комнате большой сундук. Сквозь щель сундука он все видел и слышал. Он узнал, что заговорщики собираются убить обоих консулов, а затем — открыть ворота Тарквинию Гордому. Свой план они изложили в письме к царю и отдали его послан Тарквиния, которые здесь же присутствовали.

Когда заговорщики ушли, Виндиций вылез из своего убежища. Он был испуган и колебался, не зная, как поступить. Он понимал, какая опасность грозила молодой республике. С другой стороны, он боялся, что его рассказу не поверят, ведь среди заговорщиков он видел сыновей Брута и племянников другого консула. Виндиций не знал, к кому направиться и рассказать о заговоре. Он понимал, что если заговорщики узнают, что он открыл их тайну, то ему будет грозить смерть. Он решил наконец пойти Публию Валерию, зная о его доброте, справедливости и о том, что его дом всегда открыт для нуждающихся в совете или помощи.

Валерий был потрясен сообщением Виндиция и стал энергично действовать. Виндиция он запер, запретив выходить из дома. Своему брату Марку Валерию он поручил ворваться в бывший царский дворец и захватить там переписку Тарквиния. Сам же с многочисленными друзьями и прислугой направился в дом Аквилев, где жили послы Тарквиния. В доме никого не было, и Валерий без труда нашел нужные письма заговорщиков к бывшему царю — важнейшее доказательство их измены. Когда они покидали дом, вернулись заговорщики и у входа завязалась схватка. У Валерия попытались отнять захваченные им письма. Сделать это не удалось. Изменников схватили и повели на форум. Народ волновался, про-

Публикола

слышав о раскрытии заговора против республики. Толпа на форуме увеличивалась с каждой минутой, шум голосов не умолкал.

На трибуну поднялся Публий Валерий. Площадь затихла, когда Валерий приказал привести из своего дома Виндиция. Тот рассказал что он слышал в доме Аквилеев. Прочли и письма изменников бывшему царю. Все были потрясены. Воцарилось молчание.

Раздалось несколько робких голосов, предлагавших изгнать виновных из Рима. Валерий молчал. У заговорщиков возникла надежда на мягкий приговор. И тогда Брут обратился к сыновьям:

— Что же вы молчите? Что же не отвечаете на обвинения? Ответа не было. Брут еще два раза повторил свой вопрос. И снова молчание. И тогда Брут обратился к ликторам:

— Исполняйте свои обязанности!

Ликторы схватили сыновей консула, сорвали с них платье, связали за спиной руки и стали сечь прутьями.

Брут сурово, внешне спокойно, не отрывая взгляда следил, как избивают его детей. Только после того, как приговоренных положили на землю и обезглавили, Брут поднялся с места и покинул форум, сказав:

— Пусть остальных судит другой консул.

Брут ушел. Сенаторы и народ оцепенели, не могли опомниться от того, что произошло у них на глазах. Непреклонность Брута, не остановившегося перед казнью своих детей для спасения родины, сохранилась навсегда в памяти римлян.

На форуме остался консул Коллатин, известный своим мягким характером. Это внушило заговорщикам надежду на спасение. Они попросили отсрочить суд, чтобы иметь время лучше подготовиться к защите. Кроме того, Аквиллии потребовали выдать им Виндиция, их раба. Коллатин уже хотел удовлетворить их просьбу, а потом распустить народное собрание. Но Валерий и его сторонники воспротивились этому. Они окружили Виндиция. Валерий громко заявил, что его не выдаст, а также не допустит, чтобы собрание было распущено и изменники остались безнаказанными.

По приказу консула ликторы стали раздвигать толпу, пытаясь схватить раба, но встретили сопротивление Валерия и его людей. Народ громко призывал Брута, и тот возвратился на форум. Народ просил его судить заговорщиков.

— Я имел право судить своих сыновей как глава семьи,— сказал Брут,— но участь остальных предателей должен решить народ. Пусть каждый римлянин скажет свое мнение.

Но никто не попросил слова, и сразу приступили к голосованию. Приговор был единодушным. Изменники были казнены.

Консул Коллатин потерял доверие римлян, вынужден был сложить свои полномочия и уйти в изгнание. Сразу же приступили к выборам другого консула. Им был избран при всеобщем ликовании Публий Валерий, который доказал своим поведением преданность республике.

Первым решением нового консула было освобождение от рабства Виндиция. Вчерашний раб не только стал свободным человеком, но получил все права римского гражданина. Он был первым в истории Рима вольноотпущенником.

Затем было объявлено о конфискации всего имущества бывшего царя, а его дворец был разгромлен народом и срыт до основания.

Тарквиний, потеряв надежду вернуть себе власть с помощью заговора, бежал к этрускам, собрал войско и двинулся на Рим. Войско республики во главе с обоими консулами преградило ему

путь. Завязалась ожесточенная битва, в которой обе стороны понесли большие потери. Непогода остановила битву, и ее исход остался нерешенным. Такой неопределенный результат встревожил Валерия. Но на следующий день сражение возобновилось с новой силой, и Тарквиний, его приверженцы и союзники-этруски были разгромлены.

За эту победу Валерий был удостоен триумфа. В истории Рима он первый въехал в город на триумфальной колеснице, запряженной четверкой коней.

Незадолго до этого умер Луций Брут. Валерий приказал воздать ему великие почести, а сам произнес яркую речь, отдав должное достоинствам первого консула республики. С тех пор установился обычай — при погребении выдающегося гражданина произносить в его честь похвальную речь.

После смерти Брута Валерий сосредоточил всю власть в своих руках, стал править один. Это вызвало ропот в народе. Говорили, что Валерий, на словах восхваляя Брута и его взгляды, следует не его примеру, а идет по стопам Тарквиния и что его единовластие не согласуется с республиканскими принципами.

Говорили также, что живет Валерий слишком пышно, что дом его по богатству превосходит дворец Тарквиния, который был разрушен народом. Все эти пересуды доходили до консула; его друзья также говорили ему о растущем недовольстве римлян. Валерий принял неожиданное для всех решение: он нанял множество работников, и в одну ночь они разрушили его дом до основания.

Римляне были поражены. Мнение народа решительно изменилось, везде восхваляли величие духа Валерия. Но римляне не желали, чтобы консул был бездомным, жил у своих друзей, а не у себя, и построили ему новый дом, более скромный, чем прежний, но достаточно удобный.

В знак того, что народ должен испытывать к власти уважение, а не страх, Валерий приказал вынуть из дикторских связок воткнутые туда топоры. Он также обязал склонять эти дикторские связки не перед консулом, а перед народом.

Еще много издал Валерий законов, которые усиливали влияние народа на жизнь государства. В ответ римляне все более уважали своего консула и охотно повиновались ему.

Прежде всего Валерий пополнил сенат, который сильно поредел после изгнания Тарквиния и войны с ним, верными республиканцами. Он издал закон, по которому каждый обвиняемый мог обжаловать решение консула, обратившись к народу.

Он облегчил жизнь римских бедняков, освободив их от налогов. Он поощрял развитие ремесел в Риме. Было введено суровое наказание тем, кто занимал какую-нибудь должность, не будучи избран народом.

Особенно решительные и жестокие меры приняты были против всякой попытки восстановить единовластие, тиранию. Тот, кто

подозревался в этом, мог быть убит без суда, а его убийца не нес никакого наказания.

Слава Валерия и любовь к нему возросли настолько, что римляне прозвали его Попликола — «друг народа». Это прозвище навсегда осталось с ним, вытеснив его настоящее имя.

Только после принятия законов, укреплявших республику, Попликола разделил власть с избранным вторым консулом. Сам он был выбран на новый срок.

Тем временем Тарквиний готовил новую войну. После поражения он бежал в город Клузий к могущественному этрусскому царю Ларсу Порсене, который обещал ему поддержку.

Порсена отправил в Рим послов с требованием вернуть Тарквинию власть. Получив отказ, он объявил Риму войну и двинул к нему свое войско, которое вскоре достигло ворот города. Небольшой римский отряд сдерживал у реки натиск воинов Порсены. В этом бою с превосходящими силами врагов Попликола был тяжело ранен. Его удалось вынести с поля битвы. Скоро был ранен и другой консул. Римляне пали духом и, спасая свои жизни, побежали под защиту городских стен. Враги ринулись к деревянному мосту через Тибр, чтобы ворваться в город на плечах бегущих римлян. Казалось, их ничто не может остановить и Рим падет.

В этот миг на мост выбежали три воина. Один из них — Гораций Коклес — преградил путь врагам. Пока он сражался с ними, два его товарища ломали мост. Раздался грохот, мост рухнул. Быстрая, глубокая река стала преградой для штурмующих город воинов Порсены. А Гораций Коклес, задержавший врагов, бросился в воду и, несмотря на полученную рану, нанесенную брошенным вслед копьем, и на тяжелое вооружение, переплыл реку.

Восхищенные его мужеством римляне громко приветствовали героя. Попликола наградил его. Позднее в храме Вулкана поставили его бронзовую статую.

Разрушение моста не дало Порсене взять Рим штурмом, и он начал осаду города. В Риме начались болезни и голод.

В это время еще одно войско этрусков вторглось в римские владения. Попликола — он был снова избран консулом, — продолжая оборонять город от Порсены, одновременно выступил против новых врагов, разбил их, обратил в бегство и освободил римские земли, захваченные ими.

Однако опасность по-прежнему угрожала Риму. Тогда один молодой римлянин по имени Муций решил убить Порсenu и тем освободить город от осады. Ему сопутствовала удача: он незамеченным пробрался во вражеский лагерь и проник в шатер Порсены. Но покушение не удалось, юношу схватили и обезоружили.

— Кто ты такой? — спросил Порсена.

Юноша бесстрашно ответил царю:

— Я римский гражданин. Зовут меня Муций. Я хотел убить тебя — врага моего отечества. На этот раз ты уцелел. Но все равно дни твои сочтены. Триста римских юношей составили заговор на твою жизнь. Первый жребий пал на меня. Не удалось мне — удастся кому-нибудь другому.

Порсена потребовал, чтобы Муций назвал имена заговорщиков и раскрыл их планы. Муций молчал. Разгневанный Порсена угрожал сечь его живым на костре и приказал готовить казнь. Муций, не сказав ни слова, подошел к стоявшей рядом жаровне и положил правую руку на пылающие угли. Муций стоял не дрогнув, пока его рука медленно обугливалась. Присутствующие были поражены, и больше всех — царь, когда увидели, с каким презрением относится римский юноша к физическим страданиям. Порсена вскочил, приказал оттащить юношу от жаровни и вскричал:

— Ступай отсюда безнаказанно! Ты поступил с собой более жестоко, чем со мной. Хотел бы я, чтобы и за меня сражались такие бесстрашные люди!

Пораженный храбростью римлян и опасаясь за свою жизнь, Порсена не только отпустил Муция, но и снял осаду.

Благодарные римляне дали Муцию прозвище Сцевола, что значит «левша». Это прозвище стало почетным именем для потомков героя, напоминая всем о величии его подвига.

Попликола видел в Порсене не только противника, но и достойного человека, которого лучше иметь союзником и другом, чем врагом. Он послал к нему гонцов и предложил Порсене самому судить, справедливо ли было изгнание Тарквиния, кто прав — народ или бывший царь.

Несмотря на протесты и укоры Тарквиния, Порсена отошел от союза с ним, прекратил войну с Римом, заключил мир и в дальнейшем проявил много великодушия по отношению к недавним врагам.

Попликола продолжал оставаться влиятельнейшим человеком в государстве, хотя на следующих выборах он не был избран консулом. По всем важным вопросам за советом обращались к нему. А еще через год его избрали консулом в четвертый раз.

На этот раз ему пришлось вести войну с сабинянами. Их многочисленное войско выступило против Рима. У сабинян был коварный план. Небольшой конный отряд должен был приблизиться к стенам города, выманить оттуда римлян и, отступая, увлечь их к лесистой местности, где были скрыты основные силы сабинян.

Однако Попликола разгадал планы врагов и, соответственно расположив свои силы, утром, под покровом счастливо опустившегося тумана, напал на сабинян с тыла и с флангов. Удар был неожиданным, враги понесли большие потери и обратились в бегство. Немногие спаслись, успев добежать до близкого городка Фидеи, остальные погибли или были взяты в плен.

Эта победа принесла новую славу Попликоле. Он во второй раз был удостоен триумфа, после которого передал власть новым консулам.

Очень скоро после этого он скончался (503 г. до н. э.).

Смерть Попликолы повергла в печаль не только близких и друзей, но и весь город. Ему были устроены торжественные государственные похороны. Погребли его в пределах города. Римлянки оплакивали его так, словно потеряли общего для всех сына, брата или отца. Целый год они носили по нему траур.

Публий Валерий, прозванный народом Попликола, навсегда остался в истории Рима.

ГАЙ МАРЦИЙ КОРИОЛАН

Царь Луций Тарквиний был честолюбивым и жестоким человеком, и римляне изгнали его. Царская власть в Риме была уничтожена навсегда. Однако Тарквиний не смирился и много раз пытался вернуть себе утраченный трон. Но заговоры, которые он устраивал, срывались, а его вероломные нападения отражались молодой республикой. Тарквиний в последний раз решил попытаться счастья. Он собрал своих сторонников и поднял против Рима несколько италийских племен. Римляне двинулись навстречу врагам. У Регильского озера завязалась ожесточенная битва. Она длилась долго, а исход ее все еще оставался нерешенным.

В разгар сражения полководец Авл Постумий заметил, что один из римских воинов упал, пораженный ударом копья. Подле раненого никого не было, и враги устремились к нему, чтобы добить. Гибель его казалась неминуемой. Вдруг наперерез врагам ринулся юноша, почти мальчик. Он успел прикрыть раненого щитом, а мечом сразил одного из нападавших и ранил другого. Раненый римлянин был спасен.

— Кто этот юный воин, не уступающий в храбрости и в искусстве боя ветеранам? — спросил Авл Постумий.

— Это Гай из рода Марциев, — ответили полководцу, — это его первая война.

Битва закончилась полной победой римлян. После сражения военачальник награждал храбрейших воинов. Среди них был Гай Марций.

— Ты спас своего соотечественника в бою, — сказал Авл Постумий. — Такой подвиг достоин высокой награды.

Под одобрительные крики воинов кудрявая голова юноши была увенчана дубовым венком. Это была первая боевая награда Гая Марция. С тех пор он участвовал во многих войнах, сражался во многих битвах. Он стал ловким, сильным, смелым и опытным воином и возвращался из походов увенчанный лаврами.

Гай Марций принадлежал к старому богатому патрицианскому роду. Отец Гая умер рано, и мальчика воспитала мать, которую он всю жизнь нежно любил. Гай вырос стройным, сильным юношей, больше всего увлекавшимся военными играми и упражнениями. В характере Гая Марция было много противоречивого. Он сочетал в себе глубокую любовь к матери, привязанность и уважение к друзьям из благородных римских фамилий с презрением к тем, кто не родился патрицием. Отчаянная храбрость совмещалась в нем с безмерным честолюбием, и чем больше гремела слава о его военных подвигах, тем надменнее он становился. Твердость его взглядов легко оборачивалась упрямством. Он был горяч и быстро переходил от одного настроения к другому, от дружбы к вражде, от великодушия к жестокости, от спокойствия к необузданному гневу. Взгляды его с возрастом не изменились. Гай Марций был аристократом и по рождению и по своим убеждениям. Он считал, что только патриции достойны управлять государством. В борьбе, которая тогда шла между богатыми — патрициями и бедняками — плебеями, Марций безоговорочно стоял на стороне патрициев и не скрывал своих чувств. Он был в числе тех, кто противился каким бы то ни было уступкам народу.

— Толпу надо успокаивать, — говорил он, — не уступками, а силой. Казните несколько зачинщиков, остальные сами подчинятся. Чем больше им уступать, тем больше они будут требовать!

Эти речи Гая Марция заставили народ относиться к нему настороженно, несмотря на его военные подвиги и заслуги перед Римом.

Вскоре плебеи добились уступок, был заключен «священный договор» и созданы должности народных трибунов, обладавших важными правами. К ним любой плебей мог обратиться за помощью и защитой. Народные трибуны не подчинялись консулам и сенату и могли отменить любое их распоряжение, — это было так называемое право «вето». Личность народного трибуна считалась священной и неприкосновенной.

Длительная борьба патрициев и плебеев, казалось, закончилась. Римский народ с надеждой глядел в будущее. Но только необходимость заставила патрициев протянуть руку плебеям; в глубине души они продолжали считать их своими врагами. Не изменил своим убеждениям и Гай Марций. С особой неприязнью он относился к народным трибунам, защитникам прав плебеев.

Надгробный рельеф

Соседние народы были враждебны Риму. Особенно сильными и непримиримыми врагами были вольски. Несколько раз они поднимались против Рима. Полагая, что Рим ослаблен внутренними раздорами, вольски снова начали войну.

Договор, заключенный между патрициями и плебеями, позволил римлянам выставить сильное войско, во главе которого стал консул Коминий. Война началась удачно для Рима. Войско Коминия вторглось во владения вольсков, захватило несколько городов. Но когда римляне подошли к городу Кориолы, им пришлось остановиться. Мощные стены города нельзя было взять штурмом. Пришлось начать осаду.

Сопротивление осажденных постепенно ослабело. Казалось, падение города близко. В это время лазутчики донесли римскому полководцу, что на выручку Кориол движутся большие силы вольсков. Коминий разделил свое войско на две части. Меньшую часть оставил под стенами города. С главными же силами он двинулся навстречу вольскам, идущим на выручку своим соотечественникам. Гай Марций остался у Кориол.

Осажденные заметили, что число их врагов уменьшилось, и решили воспользоваться этим, сделать вылазку и вырваться из кольца осады. Раскрылись городские ворота. Вольски неожиданно напали на римские линии. Удар был внезапным, и вольски дрались с таким мужеством, — ведь от исхода вылазки зависела их жизнь, — что римляне не устояли. Ряды их дрогнули. Вскоре римляне обратились в бегство.

Гай Марций бросился к бегущим воинам:

— Стой! Стой! — закричал он. — Кто истинный римлянин, тот

станет рядом со мной! Встретим врага как воины! Только трус не стыдится позорной раны в спину!

Несколько воинов остановились подле Марция. С этой горсткой людей он бросился навстречу врагам. Завязалась ожесточенная схватка. Гай Марций разил вольсков, так же яростно сражались и другие римляне. Для них сейчас не было иного выхода, кроме победы или смерти.

Бегущие римские воины заметили этот неравный бой. Стыд охватил их, они поняли, что оставили в опасности товарищей. Сначала один, другой, затем все римские воины повернулись лицом к врагу. Битва разыгралась с новой силой. На этот раз вольски не смогли противостоять натиску римлян, начали отходить, а затем отступление превратилось в бегство. Вольски бежали к городу, чтобы укрыться за его толстыми стенами.

Ворота города открылись, чтобы принять беглецов. Это увидел Марций, сражавшийся впереди других. Он крикнул:

— Римляне! Это для нас открыли ворота! Войдем в город!

Воины заколебались. Ведь их было немного, в городе же укрывались все силы вольсков. Однако Марций даже не оглянулся. Не медля ни мгновения, он бросился вперед и вместе с беглецами ворвался в город. За ним последовали другие римские воины.

В городе началась паника. Вольски были испуганы и растеряны — они не знали, что в ворота прорвалась только горстка людей.

У Марция был грозный и устрашающий вид. Кровь струилась из нескольких полученных им в бою ран. Его глаза горели. Он издавал воинственные крики, подбадривая римлян, а его меч разил тех, кто осмеливался схватиться с ним. Когда он приблизился к первому дому, то бросил факел и поджег его. Так же поступили и другие римляне. Ветер переносил огонь с крыши на крышу, от строения к строению. Вскоре значительную часть города охватило пламя. Пожар увеличил панику. Пользуясь общим смятением, римляне открыли все ворота, и римское войско вошло в город. Судьба Кориол была решена.

Отважный Гай Марций не удовольствовался этой победой. Он обратился к воинам:

— Римляне! Мы покорили Кориолы, но это только полдела. Поспешим на помощь тем, которые в открытом бою бьются с врагами...

Во главе небольшого отряда Марций быстрым маршем двинулся туда, где воины Коминия стояли против вольсков.

Римляне увидели, что к ним приближаются несколько десятков человек в запыленных, изорванных, покрытых кровью одеждах.

— Великие боги! — воскликнул консул. — Мы разбиты под Кориолами! Печальную весть принес ты, Гай Марций...

Марций прервал Коминия:

— Пусть тебя, Коминий, не пугает наш вид. Мы не беглецы, мы победители. Кориолы пали!

Римское войско восторженно приветствовало эти слова. Консул обнял Марция и расцеловал его.

— Скажи, Коминий, где расположены лучшие воины врага? — спросил Гай Марций, указывая на вольсков.

— Они стоят в центре, — ответил консул.

— Прошу тебя, исполни мое желание — поставь мой отряд против центра.

— Ты смел и неутомим, Марций, — сказал Коминий. — Пусть будет так.

И в новом сражении Гай Марций показал свою храбрость, свое искусство. Он помог успеху римлян. Когда разбитые вольски побежали, спасаясь от мечей римлян, многие говорили Марцию:

— Победа уже завоевана, иди, Марций, отдохни. Кровь течет из твоих ран. Ты заслужил отдых.

— Нет! — решительно возразил Марций. — Победитель не должен знать усталости! — И бросился преследовать врагов.

Победа была полной, Вольски потеряли много людей. Римляне захватили большую добычу и сотни пленных.

На другой день войско построилось на поле. Как того требовал обычай, полководец принес жертвы богам. Затем он обратился к Гаю Марцию:

— Доблестный воин, ты показал высокое мужество. Твоя доля в победе велика. Пусть же будет велика и твоя доля в добыче. Но прежде возьми этого коня. — Коминий приказал подвести к Марцию прекрасного боевого коня в великолепной сбруе и продолжал: — А себе, Марций, возьми десятую часть всех ценностей, всего золота, десятую часть пленников, десятую часть лошадей, захваченных у врага. Одобряете ли вы мое решение? — обратился Коминий к воинам.

Раздались удары мечей о щиты и восторженные крики:

— Слава доблестному Марцию!

Марций поднял руку и попросил тишины:

— Благодарю тебя, о консул, за похвалы, — сказал он. — Благодарю за боевого коня. Я принимаю его. Но я не приму большей доли добычи, чем другие. Все должны получить равные части. Я прошу дать мне одного пленника, я хочу, в благодарность богам, дать ему свободу.

Бескорыстие Марция удивило всех не меньше, чем раньше его храбрость в сражении. Приветствия разразились с еще большей силой. Когда толпа умолкла, консул сказал:

— Нельзя, римляне, заставить человека взять больше добычи, чем он желает. Но есть награда, от которой нельзя отказаться. Пусть же отныне он будет называться Гай Марций Кориолан. Только ему ведь мы обязаны взятием Кориол. Это имя

всегда будет напоминать римлянам о его доблести, о его подвиге!

Со славой вернулся Гай Марций в Рим, в дом своей матери, где он по-прежнему жил. Он стал самым знаменитым человеком в городе.

Но ни награда, ни слава не изменили взглядов Кориолана. Он оставался одним из самых крайних приверженцев патрициев и не скрывал своих чувств. Многих простых людей стала раздражать его надменность, хотя слава о его подвигах еще привлекала к нему.

Между тем в Риме настали тяжелые времена. Война принесла бедствия. Борьба между патрициями и плебеями продолжала разорять страну. Значительная часть полей оставалась необработанными. Стало не хватать хлеба. В Риме начался голод. Народ роптал и требовал, чтобы были приняты меры. Консулы отправили во все стороны гонцов, чтобы узнать, где можно купить хлеб. Соседние народы были враждебны Риму и отказались продать хлеб. Они радовались, что в Риме наступили трудные времена. Только в далекой Сицилии удалось купить и еще получить в дар зерно. Но путь из Сицилии был труден и долог. Надо было до того, как придет сицилийский хлеб, распорядиться теми небольшими запасами, какие удалось собрать с римских полей. Народ волновался. Он не доверял патрициям. Народные трибуны бдительно охраняли интересы плебеев. Они произносили резкие речи против патрициев. На улицах Рима доходило до вооруженных столкновений.

В разгар этих событий в Рим прибыли послы от города Велитрия. Там пронеслась чума, и множество жителей города умерло. Едва десятая часть осталась в живых. Город обезлюдел. Уцелевшие граждане избрали послов и направили их в Рим, чтобы просить сенат о покровительстве. Велитрийцы просили также прислать им переселенцев-колонистов.

Сенат решил отправить часть плебеев в опустошенный чумой город. Патриции надеялись разом достичь двух целей: и заселить новые владения, и удалить из Рима беспокойных плебеев. Одним из ярых сторонников этого плана был Кориолан.

Народные трибуны выступили против. Трибуны говорили: патриции одних граждан морят голодом, других посылают в жертву чуме.

Помимо всего сенат задумал новый поход против вольсков. Но плебеи отказывались воевать и не желали слушать разговоров о переселении. Сенат не знал, что делать. Кориолан призывал обуздать дерзостных трибунов. Он требовал принудительного переселения бедняков в Велитрий.

— Плебеям, — говорил он, — надо показать, что можно воевать и без их помощи.

Кориолан собрал отряд из патрициев и совершил набег на владения вольсков. Была захвачена большая добыча: хлеб, скот, оружие, драгоценности, рабы.

Поведение Кориолана возбуждало недовольство народа. Многие прежние его сторонники отошли от человека, который недавно был любимейшим героем Рима. Все реже говорили о его военных подвигах. Популярность Кориолана падала. Скоро это стало ясно всем.

Пришло время избирать новых консулов. Кориолан выставил свою кандидатуру. Ее поддержали патриции. Еще были люди, для которых слава Кориолана покрывала недостатки его характера.

По обычаю в день выборов кандидат в консулы должен был явиться на форум, чтобы его видел народ и знал о его намерениях. Кориолан появился на форуме в сопровождении сенаторов. Патриции старались показать, что он самый желанный кандидат. Кориолан вел себя надменно. Он резко и враждебно говорил о плебеях. И плебеи голосовали против него.

Народ не избрал Кориолана консулом.

В ярости Кориолан удалился с форума. Его неприязнь к народу переросла в ненависть.

Наконец в Рим прибыло давно ожидавшееся зерно. Часть зерна была закуплена в Италии, а остальное из Сицилии — подарок сиракузского царя Гелона. Сенаторы собрались, чтобы решить, как распорядиться этим хлебом. На улицах города, на форуме собирались радостные толпы. Ожидали решения, которое положит конец нужде и голоду.

После долгих споров сенаторы решили, чтобы часть хлеба поступила в продажу, а остальное было бесплатно роздано римлянам. Уже большинство сенаторов готово было присоединиться к этому решению, как с места поднялся Кориолан и сказал:

— Сенаторы! Отчего возник голод в Риме? Он возник из-за лености тех, кто своим бунтом привел страну на край пропасти. Эти же люди потом делали все, чтобы отечеству было трудно. Кто же эти люди, сенаторы? Это те, кого вы хотите теперь за их вражду к отечеству наградить бесплатным зерном! Нет, не так надо поступать. Сейчас настало время не подарков, а расплаты. Они говорят, что цена на зерно слишком высока. Что же, верните древние права патрициев, уничтожьте должность этих болтунов, народных трибунов. Если хотите набить свои желудки, безоговорочно подчинитесь нам! Вот как надо говорить с этими людьми, сенаторы! Народ должен у ваших ног просить милости, а не награды...

Так говорил Кориолан. Его речь вызвала одобрение патрициев. Народные трибуны, после речи Кориолана, покинули сенат и обратились к народу, собравшемуся на форуме:

— Всеми силами мы будем противостоять патрициям. Скорее мы согласимся голодать, чем откажемся от того, что добыли в долгой борьбе. Те, кто хочет отнять наши права,— враги своего народа. Первый враг — Кориолан!

Гнев народа был беспределен.

— К суду Кориолана! — кричала толпа.

— Судить Кориолана за оскорбление народа! За измену!

Перед единодушием народа сенаторы были бессильны. Они вынуждены были согласиться на суд, который состоялся на следующий день.

Кориолану пришлось подчиниться. Он предстал перед народным собранием. Воцарилась тишина. Народный трибун огласил обвинение.

— Мы обвиняем Гая Марция, прозванного в годы, когда его дела еще служили славе Рима, Кориоланом, в том, что он хотел восстановить прежнее положение, разорвать «священный договор» и себя превратить в диктатора. Он враг народа римского и по закону заслуживает смерти.

— Смерть ему! — закричала толпа.

— Сбросить его с Тарпейской скалы!

Тщетно просили сенаторы и друзья Кориолана пощадить человека, которому столь многим обязано отечество. Народ требовал смерти Кориолана.

Тогда один из народных трибунов попросил тишины и, когда она наступила, сказал:

— Ты теперь видишь, Гай Марций, что народ, который ты презираешь, который ты так поносил, всегда прав и за ним остается последнее слово. Ты достоин казни. Но в память прежних твоих подвигов мы просим не смерти, а вечного твоего изгнания из Рима. Уйди из нашего города и в изгнании задумайся о своем падении.

Народ утвердил это решение.

Кориолан вскочил и крикнул голосом, дрожавшим от ярости и злобы:

— Позор, что в Риме все вершит темная толпа! Вы изгоняете меня?! Да, я уйду в изгнание! Но настанет день, когда Кориолан снова явится перед вами, он вернется как победитель! Он тогда с отвращением будет слушать ваши просьбы о милосердии. Я стыжусь, что я римлянин!

Быстрыми шагами удалился он с форума.

Народ ликовал, как после большой победы. Он нанес новый удар патрициям. В тот день по выражению лиц легко было распознать, кто патриций, а кто плебей. Патриции были грустными, а плебеи веселыми и радостными.

В сопровождении своих друзей и единомышленников Кориолан отправился к своему дому. Он простился с матерью, женой, детьми и покинул город. Несколько дней он прожил в своем загородном доме, обдумывая планы мести. Только этим были заняты его мысли. Он решил вовлечь Рим в тяжелую войну с одним из соседних государств. Жгучая ненависть к народу, изгнавшему его из Рима, привела к измене.

Кориолан направился к вольскам, злейшим врагам Рима. Он прибыл в город Антий, где жил предводитель вольсков Тулл Аттий,

старый противник Кориолана. В дом к Туллу Аттию и явился Кориолан. Войдя, он не назвал себя, а молча, покрыв голову плащом, сел у очага. По обычаю это означало, что он отдавал себя под защиту домашних богов (ларов) и что ему должно быть оказано гостеприимство.

— Что надобно тебе, незнакомец? Кто ты и откуда? — спросил Тулл Аттий.

Не произнося ни слова в ответ, Кориолан отбросил плащ. Тулл узнал своего давнего врага.

— Ты не веришь собственным глазам, — сказал Кориолан. — Да, это я, Гай Марций, причинивший столько бед вольским. Мое прозвище — Кориолан — говорит за себя. Сейчас я у тебя как проситель. Наглая чернь изгнала меня. Я хочу мстить своим гонителям. Я буду сражаться с вами против римлян.

В знак мира Кориолан протянул руку. Тулл Аттий обрадовался неожиданной возможности. Он усадил беглеца на почетное место. Вместе с другими вождями вольсков они обсудили план похода на Рим. Вольски удивлялись ненависти Кориолана к родному городу.

Вскоре все было готово к войне. Вольски собрали большое войско и во главе его поставили Кориолана. С войском шли также многочисленные римские изгнанники, подобно своему предводителю, мечтавшие о мести.

Кориолан послал ультиматум Риму, требуя возвращения всех отнятых у вольсков городов и земель. Не получив ответа, он вторгся в пределы Римской республики. Война развивалась удачно для вольсков. Они захватили несколько городов и приближались к Риму. Воины Кориолана грабили жилища и опустошали поля плебеев, но щадили имущество патрициев. Это вызвало подозрения в Риме, и народ стал настороженно относиться к патрициям, полагая, что они в сговоре с врагами. Раздоры внутри Рима усилились.

Войско Кориолана подошло к Риму и расположилось лагерем, готовясь к решительному штурму.

В Риме воцарился страх. Там не были готовы к борьбе. Помимо того, даже непосредственная опасность, грозившая городу, не примирала патрициев и плебеев. Невозможно было собрать достаточные силы, чтобы противостоят Кориолану. Не приходилось рассчитывать и на помощь союзников.

Тогда сенат послал несколько патрициев, друзей Кориолана, чтобы просить его о мире. Они должны были обещать Кориолану возвращение всех прежних прав и отмену приговора об изгнании. Послы думали, что Кориолан встретит их как друзей, однако он принял их сухо и надменно. Выслушав посланцев Рима, Кориолан твердо заявил, что он предводитель вольсков и может вести переговоры только как вождь вольсков. Он снова потребовал, чтобы Рим возвратил все города и земли, захваченные в разное время у вольсков. Для исполнения этих требований он дал тридцать дней срока.

Сенат сделал еще попытку умиловить Кориолана. К нему послали жрецов и прорицателей — авгуров. Но и это посольство не добилось смягчения суровых условий. Кориолан лишь дал римлянам еще три дня на размышления.

Рим был в смятении. Храмы были переполнены молящимися. Кориолан хорошо воспользовался тридцатидневной отсрочкой. Он занял владения союзников Рима, грабил и опустошал их.

Когда срок ультиматума прошел, Кориолан со своим войском вернулся под стены Рима. Римляне решили обороняться. Свои надежды они возлагали на время и возможную перемену счастья.

В это время одна из молящихся в храме женщин, по имени Валерия, решила отправиться в дом матери Кориолана Волумнии. Вместе с другими женщинами Валерия пришла к дому. У входа сидела Волумния с женой Кориолана Вергилией и его детьми.

— Почтенная Волумния! — сказала Валерия. — Никто нас не посылал к тебе. Мы пришли как женщины к женщине, потому что настал час грозной опасности для родины. Кориолан отклонил посольства мужчин. Мы, женщины, пойдем в лагерь вольсков. Пойди с нами, Волумния, и ты, Вергилия. Возможно, речи матери и мольбы супруги смягчат сердце Кориолана.

Волумния сказала:

— Не знаю, прислушается ли Кориолан к моим словам и уведет ли назад войско вольсков. Ведь ради своей мести он не посчитался даже с отечеством, которое в глазах римлянина стоит выше матери, жены и детей! Однако мы готовы помочь вам. Пойдемте к нему и будем молить его.

Мать и жена Кориолана присоединились к другим женщинам, и процессия двинулась в лагерь вольсков. Когда вольски увидели шествие, они немало удивились. Кориолану сообщили о приближении римских женщин.

— Я привык иметь дело с мужами, а не с женщинами, — сказал Кориолан.

— Среди них твоя мать и твоя жена...

— Я не знаю сейчас ни матери, ни жены, я знаю только мечь, — ответил Кориолан.

Но выйдя из шатра, Кориолан увидел свою мать, которую всегда любил. Он не выдержал и бросился к ней навстречу. Кориолан хотел обнять ее, но Волумния отшатнулась и твердо, глядя на него, сказала:

— Прежде чем обнять меня, скажи, к кому я пришла? К врагу Рима или к своему сыну? Я хочу знать, кого я Произвела на свет? Неужели предателя, который из низкой мести хочет разрушить свое отечество?! Подумай, Марций, об этом, подумай о том, что ты должен будешь пройти по трупам твоих друзей, твоей матери, жены, и твоих детей! Я не могу представить себе, что это мой сын стоит под стенами Рима во главе вражеского войска! Неужели мне сулили боги дожить до позора и видеть сына изменником, врагом родного города! Как мог ты пойти на

это?! Если ты не можешь иначе, убей меня сразу! Я не хочу дожидаться того дня, когда увижу тебя побежденным согражданами или празднующим победу над отечеством. Я не прошу тебя спасти родину ценой гибели вольсков, ценой нового предательства. Низко предавать тех, кто доверился тебе. Но я прошу тебя быть благородным. Чем кончится война — неизвестно. Известно лишь, что, если ты станешь победителем, тебя проклянет родина. Если ты потерпишь поражение — тебя убьют вольски.

Кориолан не перебивал. Когда Волумния умолкла, он еще долго стоял молча.

— Сын мой, что же ты молчишь? — сказала Волумния. — Разве человек должен помнить только о причиненном ему зле? Разве не делали тебе добра твои родители, прежние друзья и сограждане? Если ты так жестоко караешь неблагодарность, будь же сам примером благодарного человека. Будь милосерден, справедлив и благороден.

С этими словами она упала перед ним на колени. Кориолан был взволнован. Он поднял мать, со слезами на глазах прижал ее к своей груди:

— О, мать! — сказал он. — Ты победила! Ты спасла Рим, но потеряла сына!

Затем он заключил в объятия жену, детей, словно навек прощаясь с ними.

Поздно ночью вернулись женщины в город с радостным известием. Сенат хотел наградить их, но женщины отвергли награду. Они просили только, чтобы им дозволили соорудить храм на том месте, где гордость и воля Кориолана были побеждены его матерью.

Кориолан приказал войску отойти от стен Рима. Вольски, которые надеялись на победу и добычу, были недовольны.

Кориолан возвратился с войском в город Антий, столицу вольсков. Его встретил Тулл, уже давно завидовавший славе Кориолана и возненавидевший недавнего друга. С приходом полководца-римлянина влияние и власть Тулла заметно уменьшилась. Уход Кориолана из-под стен Рима дал Туллу возможность расправиться с ним.

Сторонники Тулла убеждали вольсков, что римлянин дважды их предал. Первый раз, когда согласился на тридцатидневную отсрочку штурма Рима. Вторично — когда увел от города войско по просьбе матери. Сам Тулл требовал, чтобы Кориолан сложил с себя полномочия полководца и дал отчет в своих действиях Народному собранию. Кориолан согласился на это.

В назначенный день Кориолан явился в Народное собрание, где его встретили шумным неодобрением. Сторонники Тулла шныряли в толпе, подстрекая людей к расправе с Кориоланом. Когда Кориолан хотел говорить, ему не дали слова. Самые решительные из его противников бросились к нему. Блеснули на солнце лезвия мечей. Смертельно раненный Кориолан упал на землю, обливаясь кровью, и несколько минут спустя умер.

Большинство вольсков не желало смерти Кориолана: жаль было потерять талантливого полководца, одержавшего для них столько блестящих побед.

Похоронили Кориолана торжественно, украсив его могилу оружием, захваченным в бою у врагов.

Римляне же при известии о смерти Кориолана не выразили ни печали, ни радости. Римлянки жалели Кориолана, тронутые его необыкновенной любовью к матери, и носили по нем траур в течение десяти месяцев, как это сделала бы каждая из них, потеряв отца, сына или брата.

В драматической легенде о Гае Марции Кориолане отразились подлинные события седой древности Рима; его борьба с соседними народами за преобладание в Лации и не прекращавшаяся после введения должностей народных трибунов борьба патрициев и плебеев внутри республики.

МАРК ФУРИЙ КАМИЛЛ

Римляне часто воевали со своими соседями. Они покорили значительную часть Средней Италии. В этих нескончаемых войнах прославились многие полководцы. Одним из наиболее знаменитых был Марк Фурий Камилл. За свои подвиги он четыре раза удостоивался большого триумфа — высшей награды победителю.

В Риме ходило немало рассказов о смелости, мужестве, скромности, уме и полководческом даре Камилла.

Прочную славу Марк Фурий Камилл завоевал в войне с Вейями, одним из самых богатых и красивых городов Этрурии*. Сильные Вейи были постоянным соперником Рима, и между ними часто возникали столкновения. Во многих сражениях римляне терпели поражения. Исход этой длительной борьбы могло решить только покорение или разрушение одного из враждовавших городов.

Собрав значительные силы, римляне осадили Вейи, обнесенные высокими крепкими стенами. Защитники города были хорошо вооружены и имели достаточные запасы продовольствия. Осада оказалась очень трудной. Шел год за годом, а овладеть Вейями все не удавалось.

Прошло семь лет. Воины и граждане Рима начали роптать: «Наши начальники слишком нерешительны! Они медлят, как черпахи! Надо их заменить...»

Сенат прислушался к голосу народа и назначил новых военачальников. Среди них был и молодой Марк Фурий Камилл.

Понимая, что сразу овладеть Вейями невозможно, Камилл выступил против тех городов, которые помогали осажденным. Подчинив их, он несколько облегчил положение римлян, стоявших под стенами Вей, но осада продолжалась без серьезной надежды

* Этрурия — область на западе Италии, севернее Лация (современная Тоскана).

на скорый успех. В разгар войны случилось несчастье. Воды горного Альбанского озера вышли из берегов и хлынули вниз, заливая луга, пашни, сметая все на своем пути. Лагерь римлян и их укрепления были сметены потоком.. Это было тем более неожиданно, что после жаркого лета все реки и озера обмелели и в некоторых источниках иссякла вода. Не умея объяснить причин катастрофы и пораженные грозным явлением природы, люди сочли это чудом и дурным предзнаменованием. Осажденные радовались несчастью римлян. Один из этрусских воинов насмешливо кричал со стены города: «Эй, римляне! Плохи ваши дела! Никогда не взять вам нашего славного города! Это показали Альбанские воды!...»

Случилось так, что несколько дней спустя, во время стычки у городской стены, этот насмешник попал в плен к римлянам. При допросе пленный рассказал следующее: «Я открою вам тайну, почему я уверен, что никому не взять города. Существует предсказание, что Вейи только тогда падут, когда враг повернет назад хлынувшие воды Альбанского озера и помешает им соединиться с морем».

Суеверные римляне поверили предсказанию. Тысячи воинов вышли с мотыгами и лопатами, чтобы соорудить преграду на пути вод. Был построен также водоотводный канал. Однако еще три года пришлось римлянам стоять под стенами Вей.

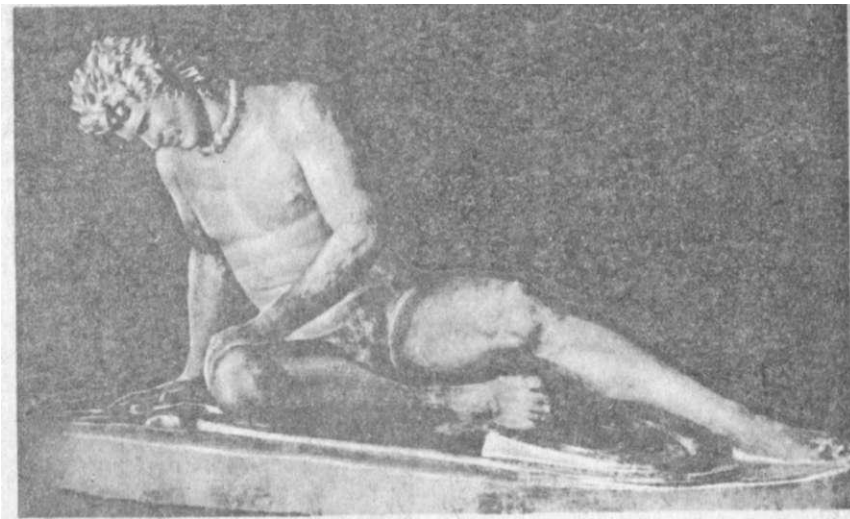
Наступил десятый год осады. Римский народ был крайне недоволен. Он требовал решительных действий. Тогда сенат прибегнул к крайним мерам: все должностные лица Рима были отстранены от власти, вместо них диктатором был назначен Марк Фурий Камилл. Ему теперь были подчинены все гражданские и военные власти в государстве.

Камилл энергично приступил к делу. Разгромив последних союзников осажденного города, спокойный за свой тыл, Камилл занялся осадой Вей. Он внимательно осмотрел укрепления города и понял, что штурмовать этот хорошо укрепленный город слишком опасно. После долгих размышлений он вспомнил, как тысячи римских граждан рыли землю у Альбанского озера, как быстро рос водоотводный канал... И пришло решение.

Прежде всего Камилл отдал приказ прекратить беспорядочные стычки с осажденными. Наступило затишье. Защитники Вей насмехались над римлянами. Они кричали со стен, что римляне трусят и поэтому укрываются в своем лагере.

Тем временем незаметно для осажденных воины Камилла рыли подкоп под стены города. Почва была мягкой, и работа подвигалась быстро. Сменяясь каждые шесть часов, римские воины день и ночь рыли подземный ход. Через несколько недель работа была завершена. Был готов глубокий и длинный подкоп, который заканчивался внутри города.

Настал решительный день. Часть римского войска, возглавляемого Камиллом, двинулась к городу, словно собиралась его

Умиравший галл

штурмовать. Защитники Вей заняли места на стенах и башнях, готовые отразить врага. В это время другая часть римских воинов скрытно вошла в подземный ход и вскоре оказалась внутри крепости.

По преданию, выход из подкопа случайно оказался под храмом богини Геры. Римляне притаились, ожидая сигнала. В храме происходило богослужение. Послышался голос жреца, говорившего: «Кто закончит совершение обряда, тот победит...»

В этот момент римляне, взломав пол, появились перед изумленными этрусками. Схватив лежавшие на алтаре жертвы, они быстро завершили обряд, повергнув в ужас суеверных этрусков. В это время шел общий штурм города. Неожиданный удар римских воинов с тыла решил дело. Вейи пали. Римляне захватили огромную добычу. Но главное — была достигнута желанная цель: могущественный, опасный соперник был сокрушен.

Камилл был удостоен большого триумфа. Пышность, с какой прошел триумф, возбудила зависть некоторых граждан. Особенно их раздражало то, что в триумфальную колесницу Камилла были впряжены четыре белых коня. «Никто так не поступал,— говорили завистники,— Камилл хочет сравняться с богами».

Но вскоре (в 394 г. до н. э.) вспыхнула новая война. На этот раз противниками Рима стали жители города Фалерий. Римлянам снова понадобился опытный военачальник, и они опять обратились к Камиллу. Его поставили во главе римского войска.

Римский полководец двинул свои силы к Фалериям. Город этот был прекрасно укреплен, и Камиллу стало ясно, что одним ударом его не взять. Началась осада.

Уверенные в прочности стен, окружавших город со всех сторон, фалерийцы не боялись врага. На башнях и стенах были только дозорные. Жители продолжали заниматься своими делами. Даже школа, куда ходили все дети фалерийских граждан, выходила, как обычно, вместе с учителем за городские ворота для прогулки. Однако учитель оказался предателем. Он с каждым днем отходил с детьми все дальше от стен города. Шло время. Однажды, выйдя, как всегда, с детьми из города, он подвел их к вражескому лагерю и окликнул римских часовых. Передав им детей, он попросил отвести его к римскому полководцу. Солдаты отвели его и детей к Камиллу. Учитель низко поклонился и сказал, указывая на детей: «Я воспитатель этих детей. Моя обязанность обучать их и охранять. Но, Камилл, оказать тебе услугу для меня куда важнее, чем выполнить долг. Вот почему я пришел к тебе и привел с собой детей. Бери их, и Фалерии сами падут к твоим ногам».

Камилл ужаснулся поступку учителя, предавшего беззащитных детей врагам. Он отвернулся от учителя и громко сказал окружающим: «Квириты! Все вы знаете, что война — дело жестокое и часто несправедливое. Но для порядочных людей и на войне существуют какие-то законы. Все мы желаем победы. Мы не можем покупать победу ценой преступления. Полководец и его воины должны рассчитывать на свое искусство и мужество, а не на чужую подлость...»

С этими словами Камилл повернулся к ликторам и, указав на учителя, сказал: «Возьмите этого негодяя и свяжите его».

Ликторы схватили изменника, сорвали с него одежду и связали ему руки за спиной. «Принести прутья и плети,— приказал Камилл,— и раздайте их детям. А вы, дети, идите назад, к своим отцам, матерям, а изменника гоните перед собой. Пусть каждый подгоняет его своим прутком или плетью!»

Когда в городе стало известно, что благодаря подлому поступку городского учителя дети попали в руки врага, жители были потрясены. Повсюду слышались рыдания и горестные вопли. Толпы людей, вышедшие на городские стены, с отчаянием глядели в сторону римского лагеря. Вдруг все увидели удивительную картину: какой-то голый человек со связанными за спиной руками, спотыкаясь, брел к городу. За ним, стегая его плетями и прутьями, крича и улюлюкая, шли дети. Родные и близкие, забыв об опасности, бросились из ворот навстречу ребятишкам.

Узнав о том, что произошло, фалерийцы восхваляли Камилла, называли его отцом родным, спасителем детей. Народное собрание города решило прекратить сопротивление и послало именитых граждан сообщить об этом Камиллу. Победитель был милостив к капитулировавшим фалерийцам. Они должны были заплатить лишь небольшую дань, чтобы возместить понесенные римлянами расходы.

Затем вчерашние враги заключили между собой дружественный союз.

Однако большинство воинов было недовольно таким исходом войны. Особенно недовольны были Камиллом за то, что он не дал разграбить город и захватить добычу, которая, казалось, уже находилась в их руках. В Риме многие разделяли недовольство воинов. На Камилла посыпались одно за другим различные обвинения. С горечью слушал он эти наветы, но не возражал своим хулителям. Он считал, что ему не в чем оправдываться. Когда же сказали, что Камилл идет против народа и не любит своих сограждан, он не выдержал и решил покинуть родной город.

Ранним утром Камилл простился с семьей, вышел из дома и направился к городским воротам. Выйдя из города, он обернулся и, глядя на раскинувшийся перед ним Рим, воскликнул: «О римляне! Вы опозорили и изгнали меня. Скоро вы раскаетесь, и вам еще понадобится Камилл. Вы нетерпеливо будете ждать его возвращения. И если моей родине будет угрожать опасность, я забуду обиды и приду на помощь».

Прошло менее года, и тяжкое бедствие обрушилось на Римское государство. Рим подвергся нашествию галлов.

Галлы были многочисленным народом. Уже давно они покинули свою родину и двинулись на поиски новых земель. Одни племена заняли северные районы Западной Европы, другие осели на равнинах между Пиренеями и Альпами. Позднее десятки тысяч галлов перешли Альпы и вторглись в плодородные долины Северной Италии.

Многие племена галлов еще вели кочевую жизнь. Они двигались в поисках добычи и новых земель. Походы, сражения, пиры они считали единственными занятиями, достойными мужчин. Небольшого роста, крепко сложенные, они были прирожденными воинами. Сражаясь, галлы не закрывали головы шлемом: их длинные, косматые волосы развевались по ветру, а опущенные вниз длинные усы придавали им дикий, воинственный вид. Перед боем галлы надевали яркие праздничные одежды, а шею украшали золотыми ожерельями. Оружием им служили длинный меч, кинжал и пика. Сражались галлы преимущественно пешими.

В начале IV в. до н. э. одно из многочисленных племен галлов вторглось в Этрурию и осадило город Клузий, дружественный Риму. Жители обратились к римлянам за помощью. Римский сенат отправил к галлам послов.

Галлы встретили послов с подобающими почестями. Те передали письма, взятые из Рима, и просьбу римского сената не нападать на клузийцев, старинных союзников и друзей римского государства. Обратившись к предводителю галлов Бренну, послы спросили: «За что вы напали на город Клузий? Чем провинились перед вами его жители?»

Бренн дерзко рассмеялся и ответил: «Клузийцы виновны в том, что не хотят уступить нам часть своей земли, хотя мы бедны и

нас много, а они даже не могут распахать все свои земли. Так же были виноваты перед вами, римлянами, жители многих городов, земли которых вы захватили. Когда народы не хотят уступить, вы, римляне, начинаете войну, опустошаете целые области, покоряете города и жителей обращаете в рабство. Я не осуждаю вас и не виню за то, что вы делаете. Сильный должен подчинять слабого. Это древний закон и людей, и зверей. Бросьте вы жалеть осажденных клузийцев! А то ведь и галлы могут начать жалеть те народы, которые терпят от вас несправедливости!»

Послы поняли, что им не убедить галлов. Они покинули их лагерь и направились в Клузий, чтобы рассказать о результате переговоров.

Вскоре осажденные предприняли вылазку. Под стенами города завязалось сражение. Один из римских послов, Квинт Фабий Амбуст, присоединился к клузийцам и напал на галльского воина — высокого, ловкого и красивого всадника. Поединок проходил стремительно. Звенело оружие, храпели сталкивавшиеся друг с другом кони. Пыль, поднятая лошадьми, мешала различать того, кто бился на стороне клузийцев. Но вот галльский воин упал на землю. Победитель соскочил с коня и стал, по обычаю, снимать с убитого оружие. И тут предводитель галлов узнал в победителе Квинта Фабия.

«Боги свидетели! — закричал Бренн. — Этот римлянин нарушил священный обычай! Он прибыл к нам как посол, его встретили как посла, ему оказали почести, его пропустили в осажденный город. А теперь он сражается против нас как враг!»

Галлы решили снять осаду Клузия и идти на Рим. Они медленно продвигались вперед. Бренн ожидал ответа из Рима, куда он отправил послов с требованием выдать Фабия, нарушившего законы войны.

Когда в Риме узнали о случившемся, немедленно собрался сенат. Многие осуждали поступок Фабия. Хранители международных договоров — жрецы-фециалы говорили: «Квинт Фабий Амбуст совершил кощунство и навлек позор на Рим. Сенат должен выдать виновного. Пусть он понесет заслуженную кару, а Рим восстановит свою честь».

Сенаторы не пришли к единому мнению и обратились к народному собранию. Народ восхищался смелостью Фабия и не хотел его наказывать. Более того, Фабий и его братья на народном собрании были избраны военными трибунами.

Галлы, узнав об этом, пришли в ярость. Медлительность Бренна исчезла, и его воины быстро двинулись на Рим. Они очень спешили, нигде не задерживались и даже не разоряли земель, лежавших на их пути. Когда тысячи вооруженных галлов проходили мимо какого-нибудь города, жители которого, заперев ворота, стояли на стенах, готовые защищаться, галлы кричали: «Не бойтесь! Мы идем на Рим! Только римлянам мы объявили войну! Остальные народы — наши друзья!»

Римское войско выступило навстречу противнику. 40-тысячную армию возглавляли военные трибуны. Римские военачальники и воины относились к галлам пренебрежительно. Недалеко от Рима, у впадения в Тибр небольшой речки Аллии, римляне разбили лагерь. Очень скоро показались и галлы. Заиграли тысячи боевых рожков, воздух огласился страшными боевыми криками. Галлы немедленно бросились вперед и смяли левое крыло римлян, не ожидавших такой стремительности. Почти все римские воины на этом участке были истреблены. Правый фланг тоже понес большие потери и обратился в бегство. Ужас, который галлы вселили в сердца римлян, был так велик, что в бегстве они даже сбивали друг друга с ног. Часть воинов бежали в Рим, другие укрылись в соседних Вейях, так как были уверены, что Рим сегодня же будет занят врагом. Такого поражения римляне еще не знали.

Галлы сначала сами не поняли размеров своей победы. Они не стали сразу преследовать врага, а занялись разделом захваченной добычи. Время было упущено. Римляне сумели воспользоваться передышкой. Мирные жители покинули город, а воины укрепили Капитолий — крепость, расположенную на высоком холме с крутыми обрывистыми склонами. Туда сносили оружие и запасы продовольствия.

Старейшие сенаторы и жрецы не пожелали укрыться за стенами Капитолия. Они облачились в праздничные одежды, пришли на форум*, уселись в кресла, сделанные из слоновой кости, и стали ожидать своей участи.

К вечеру, на третий день после битвы при Аллии, галлы подошли к Риму. Ворота города были открыты. На стенах не было видно ни одного воина. Галлы побоялись сразу вступить в город, опасаясь ловушки. Им казалось невероятным, что римляне отказались от сопротивления. Решили дождаться утра. На рассвете разведчики донесли, что никакой опасности нет, и галлы через Коллинские ворота устремились в Рим. Улицы были пусты, двери домов закрыты, все кругом словно вымерло.

Когда галлы дошли до форума, они увидели нескольких стариков, сидящих в креслах. Ни один из них не двинулся с места. Галлы остановились в изумлении. Они приняли этих людей за искусно сделанные статуи. Один из галльских воинов приблизился к сенатору Манию Папирию и осторожно потрогал его за подбородок, затем, осмелев, дернул за длинную бороду. Старик поднял посох и ударил им обидчика. Галл выхватил меч и зарубил Папирия. Другие галлы бросились на стариков и перебили их. Затем враги рассыпались по улицам, убивая всех встречных. Начались грабежи, поджоги и бесчинства. Рим запылал и через несколько дней превратился в груды тлеющих развалин. С волнением и скорбью смотрели на гибель родного города воины, укрывавшиеся за стенами

* Форум — рыночная площадь, служившая также местом проведения народных собраний. Впоследствии в Риме было несколько форумов.

Капитолия. Они отклонили предложение сдаться и готовились обороняться до последнего человека.

Осада Капитолия оказалась длительной: проходили месяцы, а крепость не удавалось взять. В поисках пищи отряды галлов рыскали по окрестностям и опустошали их, возбуждая ненависть местного населения. Самый сильный из этих отрядов направился к латинскому городу Ардее, расположенному недалеко от Рима. Там проживал после своего изгнания Марк Фурий Камилл. Он жил там как простой гражданин. Когда пришли известия о нашествии галлов, поражении при Аллии и гибели Рима, Камилл решил выступить против врагов своей родины. Он страстно убеждал ардейцев не оставаться в стороне от борьбы: «Борьба с галлами — общее дело. Рим — только начало. Когда падет Капитолий, варвары уничтожат города Италии один за другим. Опасность уничтожения грозит и Ардее, если она не будет готова к войне».

По решению городских властей организация обороны Ардеи была поручена Камиллу. Он энергично взялся за дело. Вооружены были все, кто способен носить оружие. Так в Ардее было тайне создано войско, о существовании которого враги и не подозревали.

Когда отряд галлов, разграбив окрестности Ардеи, возвращался в Рим, он расположился на ночлег на равнине. Ни о чем не беспокоясь, галлы пировали, радуясь богатой добычей, и заснули, даже не выставив часовых. Лазутчики донесли обо всем Камиллу, и он решил воспользоваться беспечностью врага. С наступлением темноты Камилл вывел из Ардеи своих воинов и неожиданно напал на галлов. Крики атакующих, рев боевых труб настолько ошеломили врагов, что большинство из них не успели оказать сопротивление и погибли.

Весть об успехе Камилла дошла до римлян, скрывавшихся в Вейях после разгрома под Аллией. Они прислали Камиллу гонцов с просьбой возглавить борьбу против галлов, на что тот ответил: «Я не могу решать. Я только слуга отечества. Сейчас мое отечество в Капитолии, там, где мои сограждане защищают последний клочок римской земли. Без воли защитников Капитолия я не вправе принять командование. Их воля для меня закон».

Тогда молодой Понтий Коминий вызвался пробраться в осажденный Капитолий и передать защитникам слова Марка Камилла. Юноша не взял с собой письма, чтобы в случае неудачи враги ничего не могли узнать. Он запомнил все, что ему надо передать, надел на себя легкую одежду, под которой спрятал кусок коры пробкового дуба. За день Понтий Коминий прошел весь путь, и когда стало темнеть, был уже на берегу Тибра. Мост охраняли галльские часовые. Понтий снял с себя одежду, обмотал ею голову и вошел в реку. Пробковая кора хорошо держала его на воде. Переплыв Тибр, он вышел к городу и осторожно двинулся дальше. Свет костров, шум и говор указывали ему, где враги, и Коминий обходил опасные места. Так в темноте он достиг подножия Капитолия. Вокруг стояла тишина. Капитолийский холм в этом месте

казался особенно крутым и недоступным. Поэтому галлы здесь выставили слабую охрану.

С огромными усилиями, цепляясь за каждый выступ, рискуя ежеминутно сорваться, лез Коминий по отвесной скале. Подойдя к стене, он окликнул стражу и назвал себя. Его пустили. Немедленно собрался сенат, которому Понтий сообщил о победе Камилла. Осажденные ничего об этом не знали, и радость их была велика. Сенат единодушно назначил Марка Фурия Камилла диктатором и вручил ему неограниченную власть в военных и гражданских делах.

Понтий Коминий спустился тем же путем и благополучно возвратился к своим. Римляне радостно встретили решение сената. Камилл со своим отрядом, к которому присоединилось еще 20 тысяч добровольцев, стал готовиться к нападению на галлов.

Между тем новая опасность нависла над осажденным Капитолием. Днем галльский дозор обходил холм и случайно остановился у того места, где ночью взбирался наверх Коминий. Росшая в расщелинах трава кое-где была примята, виднелись следы осыпавшейся земли. Галлы сразу же сообщили обо всем своему военачальнику Бренну. Тот внимательно осмотрел склон холма, а затем велел собрать к нему наиболее ловких и отважных воинов. К ним обратился Бренн со словами: «Воины! Сам неприятель показал нам путь, как овладеть цитаделью Рима. На эту скалу поднялся римлянин, значит, сможет подняться и галл. Где прошел один человек, пройдет много людей. Им даже легче будет подниматься, ибо Они будут помогать друг другу. Сегодня ночью мы овладеем Капитолием. Ваша храбрость, воины, принесет вам славу, и вы захватите богатую добычу!»

В полночь большой отряд галлов скопился у подножия Капитолийского холма. Молча, помогая друг другу, они стали карабкаться по скале. С большим трудом первые галлы достигли вершины, за ними поднялись другие и стали у подножия стены готовиться к штурму. Внутри цитадели была тишина: усталые защитники крепости спали. Заснули и часовые. Даже собаки, чуткие ко всякому шороху, ничего не почуяли. Вдруг в ночной тишине загготали и захлопали крыльями священные гуси, находившиеся в храме богини Юноны. Несмотря на связанный с осадой голод, римляне сохраняли гусей Юноны и кормили их, но вдоволь накормить не могли. Голодные гуси стали особенно беспокойными и подняли крик, который разбудил римских часовых *. Увидев, что они обнаружены, галлы бросились на приступ.

Первым устремился навстречу врагу храбрый воин Марк Манлий. Ударом щита он свалил с крутизны галла, успевшего подняться на самый верх. Другой галл замахнулся секирой, но Манлий успел ударить его мечом, отрубив правую руку. Падая

* С тех пор возникла поговорка «гуси Рим спасли». Раз в год по улицам Рима проносили богато убранного гуся и распятую собаку, предки которой плохо сторожили Капитолий.

со стены, этот галл увлек за собой еще несколько человек, карабкавшихся наверх. В это время подоспели другие римляне. Завязалась яростная схватка. Мечами, копьями, камнями, дротиками, руками, щитами они сваливали в пропасть врагов. Скоро все поднявшиеся на скалу галлы были перебиты, остальные отступили. Капитолий был спасен.

На рассвете сигнальная труба собрала защитников Капитолия. Смелый Манлий получил награду, самую высокую, какая могла быть в осажденной крепости: каждый воин отдал ему свой однодневный паек хлеба и вина. Начальник караула, едва не пропустивший врага, был приговорен к смерти. Его сбросили со скалы.

После неудачной попытки взять Капитолий галлы усилили осаду. Они плотным кольцом окружили крепость. Осажденные испытывали жестокий голод. Съев скудные запасы продовольствия, они были вынуждены варить кожу своих шитов и сандалий. Измученные римляне решили начать переговоры. Галлы тоже были изнурены длительной осадой, болезнями и голодом, ибо Камилл уничтожал отряды, посланные за продовольствием. Галлы хотели кончить войну поскорее и согласились на переговоры. Они обещали очистить город и римские владения, если римляне уплатят им огромный выкуп золотом. Римляне приняли эти условия. По обычаю, договор скрепили взаимной клятвой.

Принесли золото и стали взвешивать. Галлы хотели обмануть римлян и получить побольше драгоценного металла. Сперва потихоньку, а потом и открыто они стали тянуть вниз чашу весов с гириями. Возмущенные римляне запротестовали. Тогда Бренн снял свой тяжелый меч и бросил его на ту чашу весов, где стояли гири.

«Что это значит?!» — воскликнули римляне. «Горе побежденным — вот что это значит!» — закричал Бренн, и слова его впоследствии стали поговоркой.

Силы были неравны, и осажденным пришлось отдать больше золота, чем было оговорено. В это время послышались звуки труб, и в воротах города показался Камилл со своими воинами. Он спешил на помощь своим соотечественникам. Все расступились. Камилл приказал снять золото с весов и сказал: «Римляне привыкли спасать отечество не золотом, а железом!»

В ярости Бренн воскликнул: «Римляне нарушают договор, скрепленный клятвой!» — «Этот договор не имеет силы, — возразил Камилл. — Он незаконный. После того как я был избран диктатором, вся власть перешла ко мне. Лишь диктатор может заключать договоры, а я его не заключал. И не заключу!»

Рассвирепевший Бренн подал сигнал к бою. Обнажив мечи, галлы и римляне бросились друг на друга. На узких улицах, среди развалин не могло развернуться настоящего сражения. Происходили лишь отдельные стычки, которые прекратились с темнотой.

Убедившись, что римлян ему, не разбить, Бренн решил вывести войска из города. Ночью галлы покинули Рим. На рассвете Камилл

настиг галлов. Началась битва, которая продолжалась целый день. Галлы потерпели полное поражение.

Победители возвратились в освобожденный Рим, где семь месяцев хозяйничали галлы. Вернулись в Рим и жители. Навстречу своим женам и детям шли героические защитники Капитолия; бледные, измученные, едва державшиеся на ногах от голода и лишений, они со слезами обнимали своих близких. Все восхваляли Камилла, называли его «вторым основателем Рима».

Камилл удостоился триумфа, который он заслужил как спаситель отечества. Нужно было восстанавливать разрушенный Рим. Многие граждане говорили: «Зачем восстанавливать Рим! Надо покинуть пепелище и переселиться в Вейи. Они сохранились, и там удобно жить».

Некоторые возражали и против приказов Камилла: «Он заставляет нас разбирать развалины и восстанавливать город из честолюбия. Мало ему славы полководца-диктатора, он хочет еще прославиться как великий строитель».

Чтобы окончательно все решить, Камилл созвал сенат. Первым поднялся старый Луций Лукреций. К его голосу всегда прислушивались. Вдруг за дверью послышался топот: это проходил отряд дневной стражи. В тишине четко прозвучал голос центуриона: «Стой! Будем отдыхать здесь». Эти слова означали, что отряд остановился на отдых перед курией (так называли здание, где происходили заседания сената).

Луций Лукреций не колеблясь повторил слова центуриона и добавил: «Да, римляне, отдых должен быть здесь, где жили наши отцы и деды, где находятся гробницы наших героев, могилы наших предков!» Все единодушно пришли к тому же мнению.

За год почти весь город был отстроен. Еще не закончились восстановительные работы, как пришло сообщение: в римские владения вторглись племена эквов, вольсков и латинян. Вскоре стало известно, что у Медицейской горы окружено римское войско. Камилла снова избрали диктатором. Набрав войско, Камилл выступил против неприятеля. Он решил идти в обход Медицейской горы в тыл врага. Неприятель, заметив костры римлян и боясь очутиться между двух огней, стянул все свои силы в лагерь, поспешно его укрепляя. Камилл понял, что надо торопиться, пока к врагам не подошла помощь.

Взглянув на неприятельский лагерь, Камилл увидел, что все укрепления там деревянные. Камилл знал, что каждое утро ветер с гор дует в сторону вражеского лагеря.

Римский диктатор приказал приготовить большое количество зажигательных стрел. Затем он разделил свои силы на две части, приказал одним бросать во врагов копья, стрелять из луков и как можно громче кричать, чтобы привлечь внимание противника. Сам Камилл с другой частью войска занял позиции спиной к горам. Рассвело, с гор, как обычно, подул резкий, сильный ветер. По сигналу Камилла тысячи зажигательных стрел посыпались в лагерь

врагов. Они впились в дерево, поджигая его. Ветер раздувал пламя. Запылала ограда лагеря, за ней деревянные постройки. Люди гибли в огне. Те, кто успевал выскочить из огня, падали под ударами копий и мечей римлян.

Это сражение принесло Камиллу новую славу. Он еще не раз командовал римскими войсками. В последний раз Камиллу пришлось возглавить войско уже глубоким стариком: ему шел 80-й год. Его снова избрали диктатором, когда до Рима докатился слух: от берегов Адриатического моря снова наступают галлы.

Боевой опыт помог Камиллу выработать особую тактику для борьбы со своим старым противником. Галлы сражались длинными мечами, которыми старались поразить врага в голову или плечо. Зная это, Камилл приказал выковать для своей тяжелой пехоты железные шлемы с гладкой, полированной поверхностью, чтобы плохо закаленные мечи врага соскальзывали, не нанося вреда, или ломались. Щиты он велел обить медью. Воинов обучили не метать копья, а, превратив их в пики, защищаться ими от вражеских мечей. Это принесло успех в завязавшейся битве. Копья римлян отбивали удары мечей и пробивали кожаные щиты врагов. Мечи галлов скользили по доспехам римлян и ломались. Скоро галлы оказались безоружными. Тогда ударила тяжелая римская пехота. Галлы побежали, но мало кто из них успел спастись. Эта битва оказалась последней для Камилла. Вскоре он умер.

ФАБИЙ МАКСИМ

Квинт Фабий Максим с детства отличался тихим, кротким нравом, спокойствием, неторопливостью. Был настойчив в учении, хотя и не блистал успехами. В шумных ребячьих играх охотно уступал первенство товарищам. Но проницательные люди угадывали в этом мальчике твердость духа, силу воли, разумную смелость и предсказывали ему славную будущность.

Детство, юность и вся остальная жизнь Квинта Фабия прошли в трудные для Рима годы ожесточенной борьбы с Карфагеном.

Двадцать три года длилась первая Пуническая война, закончившаяся победой Рима, но могущество Карфагена не было сломлено. И Рим и Карфаген понимали, что новое столкновение неизбежно, и готовились к нему.

Используя передышку, Карфаген утверждал свое господство в Испании, где его полководцы Гамилькар, Гасдрубал и, наконец, Ганнибал подчиняли себе город за городом. Захват Ганнибалом города Сагунта, который находился в союзе с Римом, дал повод к войне.

И Рим и Карфаген помнили о тягостях прошлой войны и проявляли выдержку и осторожность. После захвата Сагунта Рим не сразу начал боевые действия, а послал в Карфаген специальное посольство для переговоров. Во главе посольства стоял Квинт Фабий Максим. К этому времени он сделал заметную карьеру, был сенатором. Зная его благоразумие, осторожность и выдержку, ему доверили эту трудную миссию.

Прибыв в Карфаген, римские послы потребовали, чтобы их как можно скорее провели в сенат. Карфагенский сенат собрался в храме Ваала, главного финикийского божества. В храме царил напряженная тишина. Все, затаив дыхание, ждали появления рим-

ских послов. Все понимали, что нависла угроза новой войны с Римом. Была надежда на то, что римляне не готовы к войне. Ведь они не помогли союзному Сагунту и позволили Ганнибалу захватить город. А у Карфагена в Испании прекрасная наемная армия, во главе которой стоит талантливый полководец.

Двери храма распахнулись, и вошло римское посольство. Впереди шел сенатор Квинт Фабий Максим. Фабий заявил, что сенат поручил ему задать только один вопрос: самовольно ли Ганнибал захватил Сагунт или это сделано по решению карфагенского сената?

После краткого совещания встал один из карфагенских сенаторов. Он ответил, что разбирать вопрос о том, действовал ли Ганнибал самовольно или нет — дело самих карфагенян. Карфаген — независимое государство, и римляне не имеют права вмешиваться в его внутренние дела.

Сказав это, карфагенский сенатор сел на место под бурное одобрение присутствующих. Тогда Фабий Максим свернул полу своей тоги так, как будто он что-то в ней нес, и сказал, обращаясь к карфагенским сенаторам: «Здесь я принес вам и войну, и мир. Выбирайте любое». «Выбирай сам!» — ответили сенаторы. Тогда Фабий распустил полу тоги и воскликнул: «Война!»

В тот же день римские послы отбыли из Карфагена. Произошло это ранней весной 218 г. до н. э. Началась вторая Пуническая война.

Обе стороны подготовили свои планы ведения войны. Римляне намеревались одновременно вторгнуться в Испанию и Африку. Один консул должен был собрать большое войско и флот на острове Сицилии и напасть на Карфаген. Другой консул должен был высадиться в Испании и начать борьбу с Ганнибалом, чтобы его армия не могла прийти на помощь родному городу. Римляне рассчитывали на превосходство своей пехоты над наемниками Ганнибала и надеялись на быструю победу.

План Ганнибала поражал своей смелостью. Карфагенский полководец собирался вести войну на территории врага и вторгнуться в Италию. Он решил перейти через высокие Альпы и спуститься в долины Италии. Римляне считали, что Альпы недоступны для карфагенской армии, и свои основные силы сосредоточили на юге, ожидая морского вторжения из Африки.

Поход Ганнибала был необычайно труден. Многие наемники отказались идти через высокие и недоступные горы и вернулись домой. Но большая часть войска оставалась верна своему полководцу.

Неожиданно для римлян поредевшая, но сильная армия Ганнибала появилась в северной Италии. Известие об этом повергло Рим в смятение. Надо было менять все планы войны.

Консул Гай Фламиний, которому было поручено ведение войны на севере, человек самонадеянный и горячий, рассчитывал на быстрый успех. К тому же поступили сведения, что вражеское войско измучено и во многом нуждается после альпийского похода.

Римская школа

Дальновидный Фабий Максим советовал ему быть осторожнее, не торопиться ввязываться в сражение, пока не станут яснее силы противника. Пока же помогать союзникам, защищать укрепленные города и изматывать силы Ганнибала. Но консул был непреклонен. Он выступил из Рима, обещая в несколько дней покончить с Ганнибалом.

Противники встретились на земле этрусков у Тразименского озера. Завязалось ожесточенное сражение. В самый разгар битвы произошло сильное землетрясение, причинившее этой местности большие разрушения, но сражающиеся его даже не заметили — так жестоко и упорно шла сеча. Римляне потерпели тяжкое поражение (21 июня 217 г. до н. э.). Большая часть римского войска погибла в сражении, остальные были истреблены во время преследования, когда они обратились в бегство. Пал и консул Гай Фламиний.

В знак своего уважения к доблести врага Ганнибал приказал похоронить римского полководца с почестями. Но тело Фламиния не было найдено.

Известие о поражении вызвало в Риме панику. Город лихорадочно стал готовиться к обороне: разрушали мосты через Тибр, укрепляли стены, создавали новую армию. Шли споры о том, кому поручить командование. Всем было ясно, что избираемые на год, не имеющие достаточного опыта полководцы не могут противостоять Ганнибалу. Сошлись на том, что необходимо избрать диктатора, наделить его неограниченными полномочиями, чтобы он взял в свои руки всю полноту власти. По решению сената был избран Фабий. Это назначение многих привело в недоумение, его считали нерешительным человеком, да и слишком старым для такой миссии. Но Фабий скоро рассеял эти сомнения.

Фабий прибыл к войску с твердым намерением уберечь его от разгрома во что бы то ни стало. Прежде всего он хотел поднять боевой дух солдат, который сильно упал после трагического сражения на Тразименском озере. Они считали Ганнибала непобедимым, а войну проигранной. Новый полководец стал внушать воинам, что причиной неудачи была не их трусость, а нерадивость их военачальника, который не чтит богов и не соблюдал священных обрядов. Этим Квинт Фабий внушал солдатам надежду и изгонял страх перед врагами.

Отдавая себе отчет в силе карфагян и в военном гении их полководца, Фабий выработал свой план ведения войны. Он принял решение всячески уклоняться от любого сражения с Ганнибалом, которое не надеялся выиграть. Ему представлялось бесспорным, что лучший способ борьбы — исподволь подрывать мощь Ганнибала, не вступая в решающую битву. Карфагенский же полководец стремился вызвать римлян на решительный бой.

Фабий Максим старался, не вступая в сражение, следовать за неприятелем, не теряя его из виду. Он выбирал место для стоянок на высотах, где не могла действовать прекрасная карфагенская конница, и дожидался там, пока неприятель не тронется с места. Тогда он двигался вслед за ним, но шел обычно или в обход через горную местность, или находился достаточно далеко, чтобы противник не мог навязать ему сражения, и в то же время достаточно близко, чтобы держать его в постоянном напряжении перед возможной битвой. Нападением на мелкие отряды карфагян Фабий очень затруднял снабжение войска Ганнибала.

Тактика Фабия возбуждала недовольство у римлян и даже бросала тень на его доброе имя. Над ним насмехались в собственном лагере, требовали решительных действий. Враги тоже поносили его, считали бездарным полководцем.

Но Ганнибал судил иначе. Он разгадал планы Фабия, его замысел, опасный для карфагенского войска, и стремился любым путем навязать ему сражение. Все попытки и хитрости Ганнибала терпели неудачу. Фабий спокойно продолжал проводить свою линию. Он был уверен в правильности своих действий.

Особенно резко выступал против Фабия его помощник, начальник римской конницы Марк Минуций. Наглый и самоуверенный, он своими словами и поступками смущал солдат, подрывал их доверие к Полководцу, внушая им необоснованные надежды. Минуций и его сторонники иронически называли Фабия «дядькой Ганнибала». Открыто издеваясь, Минуций говорил:

— Наш полководец нарочно выбирает места для стоянок войска повыше в горах, по-видимому, для того, чтобы было лучше видно, как неприятель опустошает Италию.

Фабия, конечно, доносили об этих насмешках. Друзья советовали ему изменить тактику, чтобы пресечь дурную молву. Но Фабий сохранял спокойствие и выдержку. Он отвечал друзьям:

— Я был бы даже большим трусом, чем кажется Минуцию,

если бы из страха насмешек изменил бы свой план. Не стыдно бояться за судьбу отечества, но позорно для диктатора прислушиваться к глупым толкам и клевете. Если он поступит так, то станет рабом тех, кем должен править.

Не гневался Фабий и на тех, кто дал ему прозвище «Кунктатор» («Медлитель»), с которым он вошел в историю Рима.

Между тем Ганнибал решил переместить свою армию на юг, где легче было перезимовать и прокормить отощавших коней. Он вызвал к себе проводников и приказал им вести войско к городу Казину. Этот город лежал в глубокой речной заболоченной равнине, окруженной горами.

Фабий хорошо знал эту местность и понял, что неприятель сам лезет в ловушку и что, наконец, представляется удобный случай для нанесения удара. Пока Ганнибал спускался в долину, Фабий выставил заслон из четырех тысяч пехотинцев, а остальное войско разместил на высотах вдоль реки. К вечеру карфагеняне оказались запертыми в узкой долине.

С отборным отрядом Фабий напал на неприятеля с тыла и нанес ему значительные потери.

Ганнибал понял, в какое положение он попал. В ярости от ошибки он приказал казнить проводников. Положение его казалось безвыходным. Пути отступления были отрезаны, и с рассветом римляне могут уничтожить войско карфагенян. Но Ганнибал нашел выход.

Из огромной захваченной добычи Ганнибал приказал отобрать две тысячи быков, привязать к их рогам сухие пучки прутьев или хвороста и, когда наступит полная темнота, поджечь эти живые факелы. В назначенное время солдаты подожгли их и погнали животных к занятому римлянами перевалу. Пока пламя не касалось их тела, быки шли спокойно, подгоняемые погонщиками.

Сверху казалось, что движется большое войско, освещая себе путь факелами. Но скоро рога животных догорели до самого основания и жжение стало, невыносимым. От боли и ужаса быки бросились вперед, теснясь, обжигая друг друга.

Страх охватил римлян, занимавших выход из долины. В темноте им казалось, что они окружены превосходящими силами врагов; они оставили свои позиции и отошли к главному лагерю.

Легкая пехота Ганнибала немедленно заняла перевал и дорогу, а по ней беспрепятственно вышло из западни карфагенское войско, унося и всю захваченную добычу.

Еще до рассвета Фабий разгадал хитрость Ганнибала, но не тронулся с места своего расположения. Позднее с частью своих сил он начал погоню, но она, как и следовало ожидать, оказалась безуспешной. Более того, карфагеняне неожиданным нападением нанесли римлянам большие потери и заставили отступить.

В римском лагере с новой силой стали раздаваться голоса, осуждающие нерешительность Фабия. Ганнибалу было известно, что происходило в римском войске. Чтобы усилить недовольство

Фабием, он, когда его войска захватили территорию, на которой находилось поместье Фабия, приказал сжечь все вокруг, а владения римского полководца не трогать. Он даже приказал охранять дом Фабия, чтобы там ничего не пропало. Эта «заботливость» врага похожа была на награду за нерешительные действия «Кунктатора» и вредила репутации римского военачальника.

В Риме усилились противники Фабия. Видели только его нерешительность, забывая, что благодаря дальновидной тактике Фабия хотя не было побед, но не было и поражений. Прежний страх перед Ганнибалом стал рассеиваться. Сторонники энергичных действий против Ганнибала приобрели в Риме значительное влияние. Вскоре Фабий был вызван в Рим для участия в важных священных обрядах. Покидая лагерь, Фабий строго приказал Минуцию не вступать с Ганнибалом ни в какие столкновения. Он не только отдал этот приказ как командующий, но и просил его по-дружески. Однако Минуций не послушался.

Воспользовавшись тем, что значительная часть войска Ганнибала была отправлена для сбора продовольствия и корма для коней, Минуций напал на оставшихся, нанес карфагенянам заметные потери и затем в полном порядке отступил.

Слух об этом столкновении дошел до Рима сильно раздутым. Люди рассказывали друг другу о крупной победе. Это вызвало ликование народа. Толпы римлян заполнили форум. Сторонники Минуция открыто обвиняли Фабия в малодушии, трусости, чуть ли не в измене. Они говорили, что медлительность «Кунктатора» облегчала действия Ганнибала, помогала врагам разорять страну. Если же к Ганнибалу придут подкрепления, ему легко будет покорить всю Италию.

В ответ на эти речи слово взял Фабий. Он не оправдывался, а спокойно и с достоинством объявил, что в Риме задерживаться не собирается, и быстро покончив с делами, возвратится к войску и накажет Минуция за невыполнение приказа командующего.

Толпа на площади взволновалась. Родичи и сторонники Минуция хорошо знали, что у диктатора неограниченные права, и он может без суда, своей волей, подвергнуть провинившегося любому наказанию вплоть до смертной казни. Они понимали, что Минуцию может грозить смерть.

Раздались голоса в защиту Минуция, требования уберечь его от мести Фабия. Говорили, что надо было бы лишить Фабия диктаторских полномочий, но на это не решились.

Тогда, по настоянию противников Фабия, Минуцию предоставили такие же диктаторские права, прежде всего в командовании войском. Так впервые в истории республики в ней одновременно командовало два диктатора.

Враги Фабия рассчитывали, что такое решение его глубоко оскорбит. Но они плохо знали этого человека. Фабий говорил, что порядочного и честного человека ничто не может оскорбить и

опорочить. Он только был огорчен тем, что эти интриги приводили к решениям, которые шли во вред республике. Опасаясь, что Минуций натворит новых бед, Фабий покидает Рим и возвращается к войску.

Торжествующий Минуций встретил его высокомерно. Он потребовал, чтобы отныне они командовали армией поочередно. Но Фабий не пошел на это, а предпочел разделить войско на две части и при этом предупредил Минуция, чтобы тот помнил, что воюет с Ганнибалом, а не с Фабием.

Со своей частью войска Минуций стал отдельным лагерем.

Ганнибал внимательно следил за всем, что происходит у римлян, готовясь воспользоваться этими раздорами.

Между карфагенянами и расположением войска Минуция возвышался небольшой холм, удобный для устройства лагеря. Равнина, которая расстилалась у подножия холма, занятого римлянами, была изрезана рытвинами и неглубокими оврагами. Ганнибал решил использовать эту местность как приманку для неприятеля.

Едва Минуций отделился от Фабия, как Ганнибал ночью приказал скрытно занять все эти удобные для укрытия неровности местности. Издалека эти рытвины не были видны, и равнина выглядела пустой.

С утра Ганнибал послал небольшой отряд к вершине холма, рассчитывая спровоцировать Минуция. Это удалось, Минуций приказал своей легкой пехоте двинуться против неприятеля. За ней выступила конница. Когда Ганнибал двинулся на помощь своим, Минуций повел в бой все свое войско.

Сражение разрослось и шло с переменным успехом. Когда Ганнибал убедился, что римские силы полностью вовлечены в битву и что их тылы остались неприкрытыми, он подал условленный сигнал. Из своей засады с криками ринулись карфагенские воины и врезались в задние ряды римлян. Нападение было неожиданным, и последние ряды римских воинов были смяты и изрублены. Ужас охватил римлян, началось беспорядочное бегство. Но оно не приносило спасения. Нумидийские всадники Ганнибала бросились преследовать и убивать бегущих. Тщетно Минуций пытался остановить бегство. Казалось, все погибло.

Хорошо зная Минуция, Фабий предвидел, что может произойти, и готовился. Свое войско он держал в полной боевой готовности. Он внимательно наблюдал за всем, что происходит в лагере Минуция.

Увидев, что карфагеняне окружают римлян, начинают их теснить, и обращать в бегство, он с горечью воскликнул:

— Клянусь Геркулесом! Минуций погубил себя раньше, чем я мог предвидеть!

Ни минуты не медля, Фабий приказал выступать и обратился к войску со словами:

— Кто помнит Марка Минуция — за мной! Он храбр и любит родину. Если он слишком поторопился изгнать неприятеля и допустил ошибку, то сейчас не время его осуждать.

Римляне прежде всего разметали карфагенских конников, а затем обрушились на тех, кто зашел в тыл войскам Минуция, и обратили врагов в бегство.

Увидев изменившуюся обстановку и оценив силу удара, Ганнибал приказал трубить отступление. Карфагеняне вернулись в свой лагерь, римляне — в свой, унося доспехи убитых врагов. Благородный Фабий, возвратившись, ни одним словом не упрекнул своего помощника.

Минуций, как только вернулся в свой лагерь, произнес перед солдатами речь:

— Римляне! Людям свойственно ошибаться и это неизбежно. Но достойный человек должен из своих ошибок извлекать урок, учиться на своих ошибках. Скажу откровенно, сегодня я должен скорее благодарить судьбу, чем ее хулить. Сегодня мне открылось то, чего я долго не понимал. Теперь я убедился, что не гоюсь командовать другими и сам не могу обойтись без начальника. Знайте все, что у нас нет другого главы, другого предводителя, кроме диктатора!

После этих слов он во главе своего войска двинулся в лагерь Фабия. Когда из своего шатра к ним вышел Фабий, Минуций приказал склонить перед ним боевых орлов и назвал его отцом.

— Ты, диктатор,— сказал Минуций,— сегодня одержал две победы. Ты победил Ганнибала своею храбростью и умением, а своими мудростью, великодушием и добротой ты покоришь меня. Первая твоя победа нас спасла, вторая — научила разуму. Я назвал тебя отцом потому, что не знаю более почетного имени. Отец дал мне жизнь, ты — ее спас. Поверь, мои чувства к тебе горячее, чем к родному отцу.

Он обнял и поцеловал Фабия.

Вскоре истек срок полномочий Фабия Максима, он сложил с себя власть и возвратился в Рим.

На выборах 216 г. до н. э. были избраны новые консулы: Теренций Варрон и Эмилий Павел. Им предстояло продолжать войну с Ганнибалом. Теренций Варрон требовал решительных действий. Еще в народном собрании он громко заявил: «Пока командовать будут разные Фабии, война станет бесконечной!»

Став консулом, он хвастливо говорил, что теперь он быстро справится с Ганнибалом. Эмилий Павел был сторонником осторожной, продуманной тактики и последователем Фабия Максима.

Было собрано огромное войско — более восьмидесяти тысяч человек только пехоты и нескольких тысяч всадников. По установившемуся обычаю, консулы должны были командовать по очереди, через день, во избежание разногласий.

Безрассудство консула Теренция Варрона беспокоило Фабия. Он умолял другого консула — Эмилия Павла — всеми силами сдерживать опасную энергию Теренция.

— И Ганнибал и Теренций,— говорил он,— стремятся как можно скорее начать решающую битву. Но Теренций не знает сил

противника, а карфагенянин хорошо знает свои слабости. Если Ганнибал не победит в битве, то он или погибнет, или должен будет бежать из Италии. Из тех сил, какие он два года назад привел сюда, осталась едва третья часть.

Эмилий Павел был согласен с Фабием и обещал сделать все, что в его силах, чтобы удержать Теренция Варрона от битвы.

Но удержать Теренция было невозможно. Он воспользовался днем, когда командование принадлежало ему, чтобы осуществить свой план.

Римляне стояли тогда неподалеку от лагеря Ганнибала у городка Канны в Апулии. Теренций настаивал на сражении — у римлян двойное превосходство в пехоте, лишь несколько меньше конницы.

Римское войско вышло из лагеря в поле и построилось в боевой порядок. В центре в семьдесят рядов пехота. Справа и слева — конница.

На другой стороне широкого и ровного поля построил свои силы Ганнибал. Его строй был необычным. Он напоминал собой полумесяц, выпуклой своей стороной обращенный к противнику, а остриями вглубь. В центре Ганнибал поместил двадцать тысяч пехотинцев, это были наиболее слабые его части. Самые сильные и дисциплинированные отряды он поставил по обоим краям и отодвинул немного назад. Конницу, как и римляне, разделил на две части и поместил на краях полумесяца.

Впереди, как всегда, были отряды легкой пехоты, которые должны были завязать сражение.

Римская пехота, как и следовало ожидать, потеснила центр неприятеля и вклинилась в глубину его расположения. Тогда отборные части карфагенян выступили против правого и левого фланга римлян. Одновременно конница Ганнибала атаковала тыл римского войска. Продвижение римлян остановилось. Задние ряды вынуждены были повернуться, чтобы отражать атаку конницы. Усилился и натиск карфагенян с флангов. Очень скоро кольцо замкнулось, римское войско было полностью окружено меньшим по численности войском Ганнибала. Смелый план карфагенского полководца осуществился. Ряды римлян смешались. Началась паника. Сжатые со всех сторон, в беспорядочной толкотне, римляне почти утратили возможность обороняться. Началось избиение.

Очень немногие смогли вырваться из окружения. Среди спасшихся был консул Теренций Варрон. Другой же консул — Эмилий Павел — мужественно бился с врагами, был несколько раз ранен. Его, испачканного кровью и грязью, узнал молодой римский всадник. Соскочив с коня, он подвел его к консулу и умолял воспользоваться им для спасения своей жизни, которая нужна республике. Но Эмилий Павел отверг помощь и только попросил:

— Расскажи Фабию Максиму, что Павел Эмилий до конца следовал его советам, но был побежден: сначала Теренцием Варроном, потом — Ганнибалом.

Произнеся эти слова, консул бросился в гущу битвы и погиб.

Римская армия была уничтожена: пятьдесят четыре тысячи убиты, восемнадцать тысяч взяты в плен. Это произошло 2 августа 216 г. до н. э.

Это было самой блестящей победой, оставшейся в памяти на века как образец военного искусства гениального полководца. Название «Канны» сделалось нарицательным.

Для римской республики это была катастрофа. Все ожидали, что Ганнибал сразу двинется на Рим. Путь ему был открыт.

Однако по неясным причинам Ганнибал медлил. Один из его сподвижников тогда произнес запомнившиеся слова:

— Ты, Ганнибал, умеешь побеждать, но не умеешь пользоваться плодами своей победы.

После битвы при Каннах и одержанной победы положение Ганнибала укрепилось. Он стал господином всей Италии. Племена и города сдавались ему без сопротивления. Сдался и второй по величине город республики — Капуя.

При известии о поражении и гибели армии в Риме воцарилось уныние. Со страхом ожидали немедленного нападения врагов. «Ганнибал у ворот!» — раздавался клич.

В то же время в Риме резко изменилось отношение к Фабию. Малодушие и даже трусость, в которых его обвинили, сейчас выглядели как мудрость и проницательность. Положение его укрепилось. Рим возлагал на Фабия свои надежды и не ошибся в этом.

Фабий не потерял присутствия духа, он спокойно ходил по городу, беседовал с гражданами, призывая их меньше горевать о несчастье, а собраться с силами для отпора врагу. Прекратились внутренние раздоры. Чтобы подчеркнуть единство римлян перед лицом опасности, Фабий убедил сенат и сограждан встретить спасшегося консула Теренция Варрона не упреками и обвинениями, а приветливо. Встречая консула, Фабий поблагодарил его за то, что он не впал в отчаяние, а сохранил веру в силу римской республики и прибыл, чтобы вместе со всеми участвовать в защите родного города.

Неудачи продолжали преследовать республику. Плохо сложились дела Рима и на других театрах военных действий.

Карфаген высадил десант на остров Сицилию и поддержал антиримское восстание Сиракуз. Македонский царь выступил на стороне Карфагена. В Испании брат Ганнибала Гасдрубал разбил римские армии.

Казалось, республика подошла к краю пропасти. Для спасения Рима приняты были энергичные меры. Создавалась новая армия. Все, способные носить оружие, начиная с семнадцати лет, становились солдатами. Не хватало оружия; его ковали, со стен храмов снимали висевшие там трофеи, когда-то захваченные у врагов. Пошли даже на исключительный шаг: отпустили на волю восемь тысяч молодых рабов и вооружили их.

Римские полководцы сейчас везде придерживались осторожной тактики Фабия. Они действовали в Италии против Ганнибала, избегая крупных сражений, хотя враг продолжал опустошать страну. Однако постепенно ослабленные силы неприятеля теснились. Римляне препятствовали подходу подкреплений, подвозу припасов. Надо признать, что карфагенский сенат придавал больше значения военным действиям в Сицилии и Испании и не торопился поддерживать своего гениального полководца.

В течение нескольких лет римляне накапливали силы и медленно продвигались от города к городу, постепенно вытесняя Ганнибала из центральной Италии на юг.

В эти годы кроме Фабия прославился другой полководец — Клавдий Марцелл. Это был смелый, могучий воин. Ему удалось одержать первую после Канн победу над Ганнибалом, пусть незначительную, но она ободрила римлян, вдохнула в них новые силы.

Фабий действовал по-прежнему, надеясь, что Ганнибал и без решающих битв истощит свои силы.

Римляне дали прозвища обоим полководцам: Фабия они называли «щитом Рима», а Марцелла — его «мечом».

Соединение этих двух военных лидеров было очень удачным, их столь разные темпераменты, столь различная тактика хорошо служили единому делу, приближали победу над врагом.

Армия Фабия продолжала действовать в Италии, Марцелл же со своим войском направился в Сицилию. Он добился там большого успеха и подчинил Риму почти весь остров. Дольше всех сопротивлялся город Сиракузы. Марцелл осадил его с суши и с моря. Борьбе сиракузцев огромную помощь оказал гений великого ученого, математика Архимеда. Изобретенные им приспособления наносили урон осаждающим, топили римские корабли. Одно время Марцелл даже вынужден был отойти от стен города; он решил, что надо ждать благоприятного момента.

Однажды Марцелл обратил внимание, что одна из башен города охраняется хуже других. Определив ее высоту, он приказал в тайне готовить штурмовые лестницы нужной длины.

Скоро пришел удобный случай для решительных действий. В Сиракузах праздновали день богини Артемиды, внимание защитников города ослабло. Тогда под покровом ночи римляне овладели башней, затем прилегающим к ней куском стены и приникли в город. К утру, почти все Сиракузы были захвачены.

По требованию солдат, раздраженных длительной осадой, город был отдан на разграбление. Через несколько дней цветущие Сиракузы были разорены так, что уже не смогли подняться.

Марцелл больше всего был огорчен гибелью Архимеда. Его убил один из солдат, грабивших город.

Существует несколько рассказов о гибели Архимеда. Вот наиболее распространенный. Архимед, как обычно, сидел над своим чертежом и размышлял. Он был так поглощен мыслями, что не

заметил, как перед ним появился римский солдат, один из грабивших захваченный город.

— Идем,— сказал римлянин,— тебя зовет Марцелл.

Архимед отмахнулся:

— Никуда я не пойду. Не мешай мне решать задачу...— Солдат выхватил меч и убил старика.

После сицилийской победы римляне разгромили войско македонского царя, от которого Ганнибал ждал помощи. Последней надеждой Ганнибала были карфагенские войска в Испании, которыми командовали братья полководца — Магон и Гасдрубал. Но победы римского военачальника Публия Корнелия Сципиона в Испании изменили обстановку. Ни Магон, ни Гасдрубал не смогли прийти на помощь своему старшему брату. Магону не удалось высадиться в Италии, а Гасдрубал был разбит и погиб в бою. Римляне отрубили ему голову и забросили через ограду в лагерь Ганнибала.

Римские полководцы — Фабий и прибывший из Сицилии Марцелл теснили Ганнибала. Его положение становилось безнадежным. Но карфагенский полководец наносил ответные удары. Последней победой Ганнибала была победа над неосторожным Марцеллом, который погиб в этой битве.

Фабий продолжал действовать как всегда, оправдывая свое прозвище «Кунктатор». Его медлительность часто давала свободу действий Ганнибалу и дорого обошлась Италии, стоила многих жертв и разорения страны. Но все же только благодаря действиям Фабия римляне сумели накопить силы и лишить карфагенского полководца плодов его прежних побед.

Слава Фабия достигла своей вершины. Римляне оказывали ему почести, выражали свою благодарность. Именно в это время Фабия наградили прозвищем «Максимус», то есть — величайший.

В знак признания заслуг Фабия, стремясь выразить ему свое поклонение и любовь, римляне избрали его сына консулом. Он оказался достойным своего отца. На всех произвел впечатление следующий эпизод.

Однажды Фабий Максим хотел верхом подъехать к сыну, который в то время занимался делами и был окружен народом. По закону к консулу можно было приблизиться только пешком. Конечно, Фабий знал об этом, но, по-видимому, желал испытать сына. Молодой консул, завидев отца, послал к нему ликтора и через него потребовал, чтобы тот, если хочет его видеть, спешился.

Стоявшие вокруг были неприятно поражены, считая, что сын этим требованием оскорбил отца. Но Фабий покорно слез с коня и, подойдя к консулу, обнял его:

— Ты правильно поступил, сынок,— сказал он.— Я вижу, ты понимаешь, что властвуешь над римлянами и что эта власть требует уважения.

Римляне начали активные боевые действия против городов, перешедших в свое время на сторону Ганнибала. Для решительного удара был выбран многолюдный и богатый город Капуя. Ганнибал

срочно пришел ему на помощь и заставил снять осаду. Но после того, как карфагеняне удалились, римляне снова возобновили осаду, приняв на этот раз меры против возможного возвращения Ганнибала: на его пути были выстроены специальные укрепления.

Ганнибал понимал огромное значение для него Капуи. Если Рим возьмет Капую и накажет за измену её жителей, то это повлияет на позицию других городов. Но Ганнибал хорошо понимал, что он слишком слаб, чтобы силой заставить римлян отойти от Капуи. И тогда карфагенский полководец принял единственно возможное решение. Он начал свой знаменитый поход на Рим.

Его расчет был прост: узнав о непосредственной угрозе Риму, войско будет срочно брошено для спасения столицы и, таким образом, осада Капуи прекратится. Но римляне, в отличие от того, что происходило после поражения при Каннах, были спокойны. Они были уверены, что Ганнибал Рим взять не сможет.

Осада Капуи продолжалась.

Сам Ганнибал понимал, что ему Рима не захватить. Все еще надеясь на осуществление своего плана, он постоял некоторое время под стенами Рима и отступил.

Капуя вскоре пала. Жителей жестоко наказали. Это произвело огромное впечатление, и область за областью, город за городом стали возвращаться под власть Рима. Настало время для окончательного изгнания карфагенских захватчиков из Италии и завершения затянувшейся войны.

Молодой полководец Публий Корнелий Сципион одержал блестящие победы в Испании и изгнал оттуда карфагенян. Это принесло ему славу и огромную популярность. Сципион считал, что отныне война должна быть перенесена на территорию врага. Он предлагал собрать сильную армию, высадиться в Африке и начать войну непосредственно против Карфагена. Многие деятели были с ним согласны, и большая часть народа склонялась на сторону Сципиона.

Публий Корнелий Сципион стал готовиться к африканскому походу. Ему приходилось преодолевать много препятствий и прежде всего сопротивление Фабия Максима. Престарелый полководец полностью сохранил свою медлительность и осторожность. Он всех предупреждал об опасности замыслов Сципиона для республики, что они приведут к катастрофе. Он говорил, что неизвестно, чем закончится война в Африке, и что нельзя отправлять войска из Италии, когда Ганнибал рядом с Римом.

Сципиону все же удалось настоять на своем. На четырехстах транспортных судах его войско отплыло в Африку. Скоро оттуда пришли радостные известия о блестящих победах римского полководца.

Попавший в трудное положение Карфаген нуждался в помощи. Карфагенский сенат направил к Ганнибалу послов с приказом срочно вернуться на родину. Вскоре (203 г. до н. э.) Ганнибал со своим сильно уменьшившимся войском оставил Италию, в которой пробыл пятнадцать лет.

Известие о том, что Ганнибала больше нет в Италии, вызвало всеобщее ликование в Риме.

Было решено увенчать Фабия Максима лавровым венком. Эта высокая награда означала, что он всеми признан победителем Ганнибала.

Фабий продолжал уверять, что поход Сципиона ошибка, сулящая беды республике. Возможно, в нем говорило и чувство зависти к молодому победоносному полководцу.

Предсказания Фабия не оправдались. Сципион разбил Ганнибала у города Замы (202 г. до н. э.), смирил Карфаген и завершил войну победой Рима.

Фабий Максим до этого дня не дожил. Его смерть произвела большое впечатление на римлян, его называли отцом, и каждый римлянин горевал о нем, как о собственном отце. Как «спасителю отечества» ему были устроены торжественные государственные похороны.

КАТОН СТАРШИЙ

Марк Порций Катон (впоследствии прозванный Старшим) происходил из старого римского рода, который не отличался ни знатностью, ни богатством. Семья владела небольшим участком земли в Самнитской области. Как все римляне, отец и дед Катона участвовали в войнах, мужественно сражались, возвращались с наградами, но они не сделали сколь-нибудь значительной карьеры, военной или политической.

Родился Марк Порций в 234 г. до н. э. Рос здоровым, крепким ребенком, смелым юношей. Был некрасив, что позволяло его врагам насмехаться над ним, но умен и остер на язык.

Когда Марку Порцию исполнилось семнадцать лет, разразилась новая война с Карфагеном, угрожавшая самому существованию Рима. Карфагенский полководец Ганнибал, перейдя с войсками через Альпы, вторгся в Италию. В это грозное для родины время юный Марк Порций сражался в армии простым воином. Ганнибал одерживал победу за победой, приближаясь к Риму. Но римляне были упорны и терпеливы. Никто не жалел ни сил, ни средств для борьбы с врагом. Опасность сплотила всех.

Марк Порций участвовал во многих битвах в Италии, проигранных римлянами. Воевал он и в Африке, в сражении при городе Заме, закончившемся блестящей победой над Карфагеном. Молодой воин отличался храбростью и выносливостью и был замечен полководцами Фабием Максимом и Сципионом Старшим.

Катон вел суровую и простую жизнь. На стоянках помогал своему рабу готовить еду и не обращал внимания, вкусной ли она

получалась. Он не принимал участия в солдатских пирушках, не пил вина, утоляя жажду только водой. Лишь иногда, после долгого утомительного похода, чтобы снять усталость, Катон добавлял в воду несколько капель вина.

Простая, непритязательная жизнь древних римлян была идеалом для Катона. С детства он стремился подражать им. В особенности привлекала его жизнь консула Мания Курия, который прославился своими победами над самнитами и Пирром. Маний Курий, уже прославленный полководец, трижды удостоенный триумфа, продолжал сам обрабатывать свой небольшой участок земли. Рассказывали, что однажды к нему прибыли послы самнитов. Они застали Мания у очага, он готовил себе на обед вареную репу. Самниты предложили ему золото, чтобы он прекратил войну, Маний прогнал их:

— Тот, кто довольствуется таким простым обедом, не нуждается в золоте! Лучше побеждать тех, кто владеет богатством, чем самому его иметь!

Всю жизнь Катон подражал Манию Курию.

В перерывах между войнами Марк Порций возвращался домой и работал в поле вместе со своими рабами.

В это время он стал пробовать свои силы как оратор, выступая в судах, защищая интересы своих соседей. В окрестностях уже хорошо знали молодого адвоката, и многие побаивались его язвительных и остроумных речей.

Слухи об образе жизни Катона, о его трудолюбии, уме и ораторском даре дошли до его знатного соседа — Луция Валерия Флакка, аристократа, скучавшего в своем деревенском поместье. Он пожелал познакомиться с человеком, который стремился возродить древние римские нравы и обычаи. Знакомство состоялось и понемногу перешло в тесную дружбу.

Флакк предложил Катону отправиться в Рим и попытаться сделать политическую карьеру. Он обещал свою поддержку, без которой человеку, не принадлежавшему к знати, трудно было рассчитывать на успех.

В Риме Катон вскоре привлек внимание своими страстными, остроумными речами и прекрасным знанием римских законов. Поражала его бурная энергия и скромный, аскетический образ жизни. Прошло сравнительно немного времени, и Катон стал одним из самых знаменитых римских ораторов. Современники называли его «римским Демосфеном».

Большую роль в жизни Катона играла поддержка его друга Валерия Флакка, человека известного и влиятельного. Благодаря этой поддержке и своим собственным дарованиям Катон многого добился.

Когда закончилась война с Ганнибалом, Катона выбрали претором, ему поручили управление островом Сардиния. Он оказался прекрасным правителем и умело защищал интересы Рима, вызывая

Перепись имущества граждан

уважение к римскому государству и к себе. В отличие от прежних преторов он не обременял жителей острова чрезмерными поборами в свою пользу. Управляя большим островом, он, как всегда, вел простой образ жизни. Ежедневное содержание, которое полагалось ему и его свите, поражало своей скромностью островитян, привыкших к бессовестным грабегам римских наместников. Однако Катон умел быть суровым и даже беспощадным, когда этого требовали интересы Рима. Судьей он был справедливым, беспристрастным и, в отличие от своих предшественников, совершенно неподкупным. Впоследствии жители острова говорили, что никогда римляне не пользовались большим уважением сардинцев и одновременно никогда они так не боялись римлян, как во время правления Катона.

На выборах консулов в 195 г. до н. э. Катон победил. Он занял высшую должность в государстве. Вторым консулом выбрали его знатного друга Луция Валерия Флакка. Произошло это тогда, когда в Испании вспыхнуло восстание против римского владычества.

Многочисленные воинственные испанские племена, населявшие север и запад Пиринейского полуострова, не желали примириться с господством Рима. Перед яростью их нападений часто должны были отступать даже дисциплинированные, прекрасно обученные римские легионы. Чтобы окончательно избавиться от чужеземного ига, испанцам не хватало сплоченности и единства. Не прекращались раздоры между отдельными племенами.

С самого начала восстания римляне терпели неудачи. На юге полуострова был убит наместник Рима, а его легионы разгромлены. На севере римляне с трудом отражали атаки теснивших их повстанцев.

Сложная и опасная обстановка в Испании вынудила Рим по-

слать туда подкрепления. Во главе их стал консул Катон, который со своими легионами высадился на восточном побережье Испании.

Катон действовал быстро и решительно. Ему удалось навязать восставшим решающее сражение, в котором военное искусство, дисциплина и опыт римлян восторжествовали над храбростью испанцев. Свежие резервы, введенные в битву в переломный момент, решили ее исход. Испанцы были разгромлены. Вся южная Испания покорилась Риму.

Однако спокойствие продолжалось недолго. Смирение испанцев было вынужденным, они по-прежнему стремились к свободе, готовые восстать при первой возможности. Едва пронесся слух, что Катон и его легионы покинули Испанию и возвратились в Рим, снова вспыхнуло восстание. Слух оказался ложным. Катон бросил свои силы на усмирение восстания. На этот раз он действовал с особой жестокостью. Повстанцы были побеждены. Часть их истреблена, а множество пленников продано в рабство. По приказу Катона испанским городам приказано было срыть укрепления и разрушить стены. Испания надолго была усмирена.

За свои победы в Испании Марк Порций Катон был удостоен триумфа, этот незначительный человек достиг высших почестей.

Катон и далее продолжал верно служить республике. На любом доверенном ему посту он проявлял энергию, настойчивость и заслужил уважение и доверие сограждан.

Когда началась война с сирийским царем Антиохом III, Катон отправился в Грецию, где развернулись военные действия. Во время войны с Антиохом III римлянам вновь пришлось столкнуться со своим старым противником, карфагенским полководцем Ганнибалом. Ганнибал был самым непримиримым и опасным врагом Рима.

После окончания второй Пунической войны Ганнибал не смирился с поражением и прилагал все усилия, чтобы подготовить Карфаген к новой войне с римской республикой. Рим потребовал у карфагенского сената выдачи Ганнибала. Чтобы избежать выдачи, Ганнибал бежал к сирийскому царю Антиоху III, готовившемуся к войне с Римом. Великий карфагенский полководец предложил царю смелый план войны: войско Антиоха должно было высадиться в Греции, где Этолийский союз враждебных Риму греческих городов готов был оказать помощь сирийцам. В случае первых успехов царь Антиох мог рассчитывать на поддержку также со стороны Македонии. Одновременно Ганнибал во главе одиннадцатитысячной сирийской армии и флота из сотни боевых кораблей предполагал поднять восстание в Карфагене против сената, а затем высадиться в Италии.

Однако этот грандиозный план потерпел неудачу. Гений Ганнибала, как и во время второй Пунической войны, столкнулся с недалекновидностью и недоброжелательством союзников. Придвор-

ные сирийского царя завидовали тому значению, какое приобрел карфагенский пришелец при дворе Антиоха III.

Самолюбивый и ничтожный царь прислушивался к наветам придворных, которые внушали ему, что слава карфагенянина затмевает славу царя. Антиох стал отдаляться от Ганнибала, постепенно устраняя его от дел. Он перестал прислушиваться к советам Ганнибала. Из всех грандиозных планов карфагенского полководца Антиох осуществил только высадку в Греции. Однако большая часть греков и Македонское царство не поддержали его. Значительную роль в этом сыграл Марк Порций Катон, его ловкая дипломатия, его ораторское искусство, умение убеждать.

Катон с несколькими другими римскими представителями, прибыв на Балканский полуостров, объехал города Коринф, Афины, Патры и другие. Он сумел уговорить граждан не поддерживать сирийского царя, не выступать на его стороне. Лишь незначительная часть греков примкнула к сирийскому войску, высадившемуся в Средней Греции.

В 191 году до н. э. против сирийцев в Грецию был направлен с легионом консул Маний Ацилий Глабрион. В числе его военных трибунов находились Марк Порций Катон и Луций Валерий Флакк. Двадцатитысячная римская армия легко овладела Северной Грецией. Антиох со своими сравнительно небольшими силами попытался защитить Среднюю и Южную Грецию. Он занял памятный для греков узкий Фермопильский проход между горами. Основные силы римлян под командованием консула готовились к прорыву через труднодоступный горный перевал. Отряд воинов, возглавляемый Катонем, был послан в обход позиций сирийцев. Катон выполнил поставленную перед ним задачу, ударив по противнику с тыла. Войско Антиоха было почти полностью уничтожено. Сам царь едва спасся с несколькими сотнями всадников.

Выдающуюся роль в этой битве сыграл Катон. После победы на глазах всего войска консул обнял и поблагодарил Катона. Именно Катону было поручено отправиться в Рим с вестью о победе. В Риме его приняли как победителя Антиоха.

Прославился Марк Порций не только военными подвигами. Он был выдающимся оратором и писателем. Его манере писать еще долгие годы поражались римляне.

По своим политическим взглядам он был сторонником единства римского общества. Он желал видеть Рим таким, каким тот был до войны с Ганнибалом, когда и аристократия и простой люд были единодушны в стремлении к победам, к расширению своих земель. Катона пугал рост имущественного неравенства в римском обществе, он видел усилившийся контраст между богатыми и бедными римлянами. Всеми силами, всеми доступными ему средствами Катон боролся за единство, за сплочение римского народа, за уменьшение различий между простыми и знатными. Он видел в единстве залог

могущества Рима. Поэтому он резко выступал против тех, кто своими действиями подрывал единство республики.

— Для римлян,— говорил Катон,— лучше всего соблюдать древние законы и те обычаи, благодаря которым Рим достиг своего могущества и расцвета.

Катон также видел, как с ростом богатства верхушки римского общества — нобилитета — знатные люди превращаются в замкнутую группу, в которой ценятся не таланты и способности, а связи и высокое происхождение. Римские нобили все высокомерней относились к простым гражданам, не обладавшим привилегиями.

По мере роста богатства знати росло и недовольство со стороны остальных римских граждан. Способные люди из народа, не находя применения своим талантам, не имея доступа в ряды нобилитета, чаще становились врагами нобилей. Таким образом, аристократия сама подрывала свое положение, способствуя расслоению общества, уничтожению единства римского народа, которое так стремился сохранить Катон.

Всю свою жизнь Марк Порций возбуждал судебные процессы против тех, кто, по его мнению, своими действиями наносил вред единству римского общества, монолитности государства. Он часто добивался осуждения нарушителей законов. Но и его самого порой стремились привлечь к суду многочисленные враги.

Уже будучи глубоким стариком (в 149 г. до н. э.) Катон привлек к суду наместника Испании Сервия Сульпиция Гальбу. Памятна его длительная борьба со знаменитым Сципионом Старшим. Еще во время войны с Ганнибалом Катон — вместе с Фабием Максимом — не побоялся публично обвинить прославленного полководца в растрате общественных денег. В то время Сципион считался единственным человеком, способным противостоять гению Ганнибала. Поэтому сенат вынужден был объявить выдвинутые против него обвинения необоснованными. Однако Катон не оставил в покое полководца. Во время войны с Антиохом III Катон выдвинул против Сципиона, уже прозванного за победы над Карфагеном «Африканским», новые обвинения.

Пользуясь своим огромным влиянием, Сципион проводил на государственные должности родственников и друзей. Он подкупал избирателей щедрыми раздачами хлеба, привлекал на свою сторону солдат подачками за счет государственных средств. Своего брата Луция, человека бездарного, Сципион сделал командующим войском на последнем этапе войны с сирийским царем Антиохом. Благодаря этому ничтожный Луций Сципион получил право на триумф наравне с заслуженными римскими полководцами. Поводов для предъявления Сципиону обвинения было достаточно, но только у Катона хватило мужества выступить против всемогущего полководца. Катон потребовал для него смертной казни за превышение власти, казнокрадство, подкуп избирателей и стремление к господству в го-

сударстве. Только слава победителя Ганнибала спасла Сципиона. Однако его брат Луций едва не попал в тюрьму и должен был уплатить большой штраф. Род Сципионов был опозорен, и сам полководец лишился власти. Видя крушение всех своих надежд, Сципион Старший, прозванный «Африканским», удалился из Рима и умер в изгнании.

Выступал Катон и против других нарушителей законов. Так, он обрушился на род Квинкциев, представитель которого Тит Квинций Фламинин, известный победитель македонского царя, пытался подражать Сципиону Старшему. Катон сумел доказать римлянам, что ни знатность, ни богатство, ни слава не спасут от наказания тех, кто, возгордившись, попытается нарушить дедовские обычаи и законы.

Но постепенно сам Катон стал отходить от своих идеалов. Его слова и требования все сильнее расходились с делами. Власть, почет и богатство многое изменили в жизни Катона. Когда-то он энергично боролся против торговцев и ростовщиков, разорявших римских крестьян. Под старость, стремясь увеличить свое состояние, Катон сам стал не чужд спекуляции, занимаясь ею через подставных лиц, тайно.

В юности Катон удивлял соседей и знакомых тем, что работал в поле с рабами, ел ту же пищу. Во время походов Катон делил тяготы военной жизни со своим рабом, обращаясь с ним почти как с равным. В старости же он стал расчетливым и жестоким рабовладельцем. В своей книге «О земледелии» Марк Порций дает советы, как извлечь больше прибыли из труда рабов, экономя на их содержании.

Катон безжалостно избавлялся от рабов, которые были не в состоянии более работать, хотя они состарились в его имении. Некогда поражавший скромностью жизни, неприхотливостью пищи, Катон стал устраивать пышные званые обеды. Он жестоко наказывал рабов за самые малые провинности: плохо накрытый стол, кашель или чихание в присутствии гостей. Рабы панически боялись своего жестокого господина. Известен случай, когда один из его рабов покончил с собой, чтобы не держать ответа перед хозяином за какой-то ничтожный проступок.

В молодости Катон учился у греческого философа Неарха. Много читал греческих авторов. Все это способствовало развитию его вкуса, ораторского и писательского дара. Под конец жизни он, однако, стал враждебен всему иноземному, особенно возненавидел греческую литературу и все имеющее отношение к Греции. Он даже утверждал, что изучение греческой литературы может погубить римскую республику. Вот что он писал сыну: «То, что я говорю о греках, основано на собственном опыте, приобретенном мною в Афинах. Их сочинения стоит только просматривать, но никак не изучать. Поверь мне, что греки до основания испорченный народ, который не способен разумно управлять собой. Если они перенесут к нам свое образование — все погибло».

Чем больше Катон отходил от древних обычаев, тем беспощадней преследовал за это других. Он постоянно бранил молодое поколение; поведение его становилось все более лицемерным, ханжеским.

В 184 г. до н. э. Катон и его друг Флакк были выбраны цензорами. Должность эта в Риме была почетной, и обычно получали ее в конце политической карьеры, завершая ее. Цензоры следили за нравами и поведением граждан, контролировали действия сената, ведали государственным имуществом. Только цензоры могли изменять состав сената и изгонять из него признанных недостойными.

Должность цензора досталась Катону нелегко. Ему пришлось преодолеть сопротивление римских аристократов. Они не хотели, чтобы человек незнатного происхождения, «выскачка», как они его называли,— занял одну из самых важных и почетных должностей в республике. Кроме того, многие боялись, что, став цензором, он будет беспощадно преследовать всех, кто сколько-нибудь нарушит закон.

Будучи цензором, Катон всячески старался показать себя прежним неуклонным защитником старины, человеком, который бережет казну республики. Рим снабжался водой бесплатно, но содержание водопроводов требовало больших средств. По трубам вода подавалась во многие частные дома и сады. Катон приказал разобрать эти водопроводные трубы, чтобы все граждане без различия пользовались общими уличными водопроводными колонками, фонтанами. Эта реформа давала Риму ничтожную экономию, но причиняла много неудобств и затруднений жителям. Однако римская беднота была довольна тем, что и аристократы вынуждены пользоваться общими городскими источниками воды.

Катон-цензор боролся также с теми согражданами, которые возводили постройки на земле, принадлежащей государству. По его приказу безжалостно сносились даже самые красивые дома, виллы и загородные дачи богачей, застроивших государственные участки земли. Эта разрушительная деятельность цензора ничего народу не давала, но плебс был доволен. Такими дешевыми приемами Катон завоевывал популярность в народе.

Несмотря на постоянное заигрывание с народом, Катон в конце жизни теснее всего связан был с римскими дельцами, торговцами, ростовщиками. Эти слои населения Рима были решительно настроены против Карфагена, хотя этот город давно уже не угрожал господству Рима на Средиземном море. И в военном отношении он не представлял прежней опасности. Однако римские торговцы и спекулянты боялись конкуренции опытных и ловких карфагенских купцов. Катон всецело был на их стороне. Он стал постоянно выступать против Карфагена, призывая к новой войне с ним, к его разрушению. Каждую свою речь, о чем бы она ни была, Катон заканчивал словами:

— А Карфаген должен быть разрушен!

Это выражение сделалось нарицательным и навеки оказалось связано с личностью Катона.

В конечном итоге Катон добился своего. В третьей, последней Пунической войне (149—146 г. до н. э.) Карфаген был взят, город снесен с лица земли, жители перебиты или проданы в рабство.

Умер Катон глубоким стариком. И хотя под конец жизни он изменил своим взглядам и идеалам, умер он окруженный почетом и уважением. В одном из римских храмов была поставлена его статуя. Потомки прославляли его как сурового, неподкупного цензора, оберегавшего добрые нравы римлян, позабыв о ханжестве и лицемерии, отличавших Катона в конце жизни.

ЭМИЛИЙ ПАВЕЛ

Будущий знаменитый полководец Люций Эмилий Павел* родился в знатной семье. Его отец был избран консулом республики в тот год, когда началась вторая Пуническая война и карфагенский полководец Ганнибал, перейдя Альпы, вторгся в Италию. Судьба Рима висела на волоске.

Отец Эмилия Павла погиб в несчастном для римлян сражении при Каннах (216 г. до н. э.). Мальчик остался сиротой, и его детские годы прошли в тяжелое для страны время войны. Но в конце концов Карфаген потерпел поражение. Жизнь стала налаживаться.

Юный Эмилий Павел получил прекрасное образование и воспитание. Он вырос прямым, честным человеком, не любившим громких слов, хвастовства, лжи и не терпевшим лести. Эмилий Павел рано стал занимать государственные должности— его происхождение помогало карьере, но проявлялись и его способности руководителя, а позднее — талант полководца.

Свои обязанности — сначала эдила, затем жреца-авгура — он выполнял ревностно и отличался точностью даже в мелочах. Тем, кто попрекал его в излишней скрупулезности, он отвечал:

— Из-за невнимания к мелочам нередко исчезает забота о делах первостепенной важности.

Военная карьера Эмилия Павла началась, когда он еще молодым человеком исполнял должность претора. Это было во время сирийской войны. В Испании вспыхнуло восстание, осложнившее положение республики. Сенат поручил подавить восстание Эмилию Павлу, предоставив ему широкие полномочия. В знак полноты его власти ему были присвоены знаки отличия консула республики:

* Биография Эмилия Павла написана на основе очерка Б. М. Когана (М., 1964.).

его отныне сопровождали двенадцать ликторов, а не шесть, как полагалось претору.

Восстание в Испании было быстро подавлено, и Эмилий Павел освободителем возвратился в Рим. Сирийская война еще продолжалась.

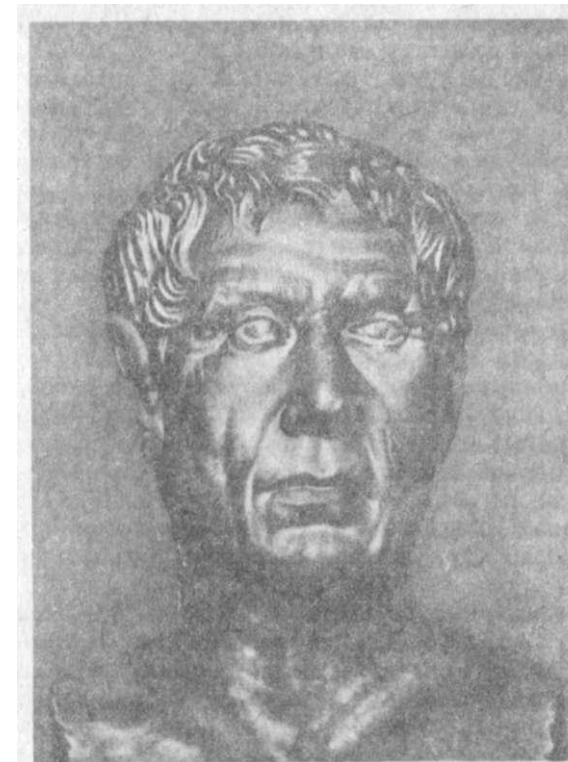
Царь Антиох III предоставил убежище карфагенскому полководцу Ганнибалу, самому непримиримому и опасному врагу Рима. Более того, Ганнибал стал не только гостем, но советником царя. Он вынашивал планы создания антиримского союза государств, новой войны и нового вторжения в Италию. Колебания Антиоха III и решительные действия римской республики помешали осуществиться этому плану. В 190 г. до н. э. сирийский царь был разбит. По требованию Рима Антиох должен был выдать Ганнибала, но карфагенский полководец бежал в Вифинию (Малая Азия), где несколько лет спустя покончил с собой, чтобы избежать римского плена.

В то время, когда римские армии сражались на Востоке, Эмилий Павел вернулся из Испании победителем. В отличие от других военачальников он не обогатился во время испанского похода; его честность произвела впечатление на римлян. Несколько лет спустя Эмилий Павел был избран консулом (182 г. до н. э.). Он возглавил поход против лигуров, воинственных племен, живших на северо-западе Италии. Лигуры занимались морским разбоем, их корабли бороздили Средиземное море, препятствуя торговле, затрудняя снабжение республики. В борьбе с лигурами полководческий дар Эмилия Павла проявился во всем блеске. Несмотря на пятикратное превосходство сил, лигуры были разгромлены и загнаны в свои укрепленные города. Эмилий Павел показал себя мудрым государственным деятелем, дипломатом. Он предложил лигурам мягкие условия мира, вернул захваченные города, но лишил их всех кораблей. Пиратские набеги лигуров прекратились. Умеренные условия мира объяснялись тем, что лигуры нужны были римской республике как заслон против воинственных галлов, живших севернее.

Несмотря на успехи, Эмилий Павел не был избран консулом на второй срок и на некоторое время ушел в частную жизнь. Он занимался воспитанием детей, стремясь дать им прекрасное образование, предпочитая при этом греческую культуру. В доме постоянно жили греческие учителя философии, риторики, грамматики, а также художники; опытные воины и атлеты обучали его сыновей военному искусству, верховой езде, охоте.

В 171 г. до н. э. началась война с Македонией, где царствовал Персей. Это была третья Македонская война. Первая Македонская война (215—205 гг. до н. э.) велась с царем Филиппом V, который был союзником Ганнибала. Рим победил, но Македонское царство сохранилось. Еще не завершена была война с Карфагеном, и римская республика нуждалась в мире с Македонией.

Вторая Македонская война (200—197 гг. до н. э.) тоже закончилась поражением Филиппа V. На этот раз Македония вынуждена

Эмилий Павел

была отказаться от всех своих завоеваний, уплатить Риму большую контрибуцию, выдать победителю весь свой флот и ограничить армию пятью тысячами солдат. Царь Филипп V не мог смириться с поражением и тщательно готовился к новой войне. Он строил тайные лагеря для войск и склады оружия, собирал запасы продовольствия, накапливал средства. Удалось ему обойти и условия мира: он каждый год собирал четыре тысячи солдат, обучал их и отпускал, чтобы призвать к службе других. Это позволило накопить резерв вооруженных сил.

Ко времени начала новой войны царя Филиппа V уже не было в живых. Старший сын царя, талантливый, образованный Деметрий должен был наследовать трон. Но второй сын — Персей, злобный, коварный человек, оклеветал своего брата, добился его казни и стал наследником. Гибель любимого сына Деметрия ускорила смерть Филиппа.

Персей стал царем Македонии.

Новый македонский царь был человеком жадным, трусливым,

жестоким и мстительным. Он, как и его предшественник, ненавидел Рим и продолжал политику отца, но не обладал его талантами. Однако Филипп V сумел так тщательно подготовиться к войне, что Персей успешно ее начал и одержал несколько значительных побед.

Римляне вторглись в Македонию с суши и с моря. Персей разбил сухопутную армию римлян, которые потеряли несколько тысяч воинов убитыми и пленными. Затем войско македонского царя напало на стоянку римского флота и захватило двадцать боевых кораблей с оружием и продовольствием. Много грузовых судов было потоплено. Попытки римлян вторгнуться снова в Македонию успешно отражались.

Римский сенат был встревожен. Народ негодовал. Он обвинял своих полководцев в бездарности, неумении воевать, даже в трусости. Рим привык к победам: он разгромил сирийского царя Антиоха III, дважды победил македонского царя Филиппа V, наконец, сокрушил мощь Карфагена, войском которого командовал величайший полководец Ганнибал. А сейчас ничтожный Персей громит римские легионы и угрожает республике.

Сенат также опасался, что Персей подымет против Рима греческие города. Это сильно осложнило бы положение республики.

Однако непомерные скупость и жадность македонского царя сорвали этот союз. Когда иллирийский царь Гентий порвал с Римом, Персей не уплатил обещанных денег и не оказал ему никакой помощи. Гентий был разгромлен и изгнан из Иллирии. После этого греческие города воздержались от дальнейших переговоров с вероломным Персеем.

Сенат решил назначить нового полководца. Выбор пал на престарелого Эмилия Павла — ему было уже под шестьдесят. Все вспомнили о военных заслугах его отца и знали об одержанных им в прошлом победах, широко были известны его опытность, благоразумие, выдержка.

На очередных выборах (168 г. до н. э.) Эмилий Павел был избран консулом республики. Это было его второе консульство, через четырнадцать лет после первого.

Эмилий Павел обратился к народу. Он поблагодарил за оказанное ему доверие и заявил:

— Я во второй раз принял власть консула только потому, что римляне не нашли другого более опытного полководца. Если же такой найдется, я безропотно уступлю ему место. Для меня главное — интересы республики. Но если народ доверит власть мне, то все мои приказы должны выполняться без малейших возражений. Все силы республики должны быть направлены на подготовку к войне...

Римляне радовались, что во главе войска стал решительный и опытный полководец. Речь Эмилия Павла внушила гражданам веру в победу. Толпы народа проводили консула до дома. У входа

его встретила маленькая дочь Терция. Она громко плакала и сквозь слезы сказала отцу:

— Наш Персей умер!

Ребенок горевал о своей любимой комнатной собачке, которую звали Персеем.

Все сочли эти слова хорошим предзнаменованием.

— В добрый час, дочка! — радостно воскликнул Эмилий Павел. — Пусть твои слова будут благим знаком!

Эмилий Павел отправился в Грецию, к войску. Он благополучно миновал преграды и опасности и достиг лагеря, расположенного у подножия священной горы Олимп. Боевой дух солдат был подорван неудачами, дисциплина расшатана. Трудно было с продовольствием, особенно с водой, которой было мало, к тому же неприятной на вкус. Солдат мучила жажда. Прежде всего надо было достать свежую воду. Но где ее взять?

Эмилий Павел, разглядывая громаду горы Олимп, покрытой густым лесом, обратил внимание, что среди деревьев выделяются ярко-зеленые полосы. Он понял, что там из-под земли бьют родники, вода которых стекает вниз, так и не выходя на поверхность. Он приказал вырыть у подножия горы колодцы, которые вскоре наполнились отличной водой.

Македонское войско расположилось по другую сторону склона Олимпа в труднодоступной местности, к тому же сильно укрепленной. Персей чувствовал себя в безопасности. Силы его превышали римские: сорок тысяч пехотинцев и четыре тысячи всадников. Персей избрал выжидательную тактику. Он полагал, что время работает на него и чем дольше продлится война, тем больше расходов понесет Рим. В конце концов сенат откажется давать деньги на войну, и римляне вынуждены будут вернуться домой. Царь мерил по себе, полагая, что римляне так же скупы, как он. Персей не понимал, что сенат не остановится ни перед какими расходами, чтобы добиться победы.

Два войска стояли друг против друга. Казалось, что военные действия замерли. Но Эмилий Павел не бездействовал. Он восстанавливал расшатанную дисциплину, сурово следил за неукоснительным выполнением приказов, проводил боевые упражнения, требовал внимательно следить за противником, чтобы избежать неожиданностей. Он приказал часовым в ночных дозорах находиться без копий, считая, что они будут бдительнее нести службу, боясь нападения врага на них, безоружных.

Персей, считая свою позицию неприступной, бездействовал. Не желая тратиться, он отказался платить сильному отряду наемников, который оставил македонский лагерь и ослабил силы Персея. Так скарденность царя пошла на пользу римлянам.

Лазутчики донесли консулу, что ущелье, ведущее в глубь Македонии, враг считает неприступным и потому оно охраняется небольшим отрядом. Эмилий Павел приказал занять это ущелье. Несколько тысяч воинов возглавил Сципион, прозванный Назика

(зять Сципиона Африканского). С ними отправился и старший сын консула Фабий Максим. Римляне сумели обмануть неприятеля: они двинулись по одному направлению, а ночью резко его изменили и направились к ущелью. Перебежавший из римского лагеря критянин предупредил Персея, что римляне его обходят. Персей был обеспокоен, но не двинулся с места.

Отряд Сципиона Назики выполнил свою задачу, и римляне вышли в тыл врагу.

Персею грозило окружение, Испуганный царь дал приказ к отступлению. Македоняне отошли к городу Пидне, где было решено дать бой, используя свое превосходство в силах. Поле, расстилавшееся перед лагерем Персея, благоприятствовало действиям знаменитой македонской фаланги, удар которой считался тогда неотразимым.

Была вторая половина теплого июньского дня. Римляне стали строиться в боевой порядок. Звучали трубы. Подошел отряд Сципиона Назика и присоединился к основным силам.

Эмилий Павел обходил ряды легионеров. Консул был в нерешительности. Он опасался атаковать македонскую фалангу, готовую к бою.

Нетерпеливые молодые командиры торопили полководца, уговаривали не медлить и как можно быстрее напасть на врага.

Осторожный Эмилий Павел ответил:

— Будь я так молод, как вы, я дал бы приказ начать битву. Но мой опыт, мои победы дают мне право понимать возможные последствия. Нельзя с ходу атаковать изготовившуюся к бою фалангу.

И консул отдал приказ строить лагерь, чтобы отвести туда войско. Поужинав, римляне расположились на отдых. Вдруг полная луна стала меркнуть и постепенно исчезать. Наступило полное лунное затмение. Обычно суеверные, римляне на этот раз не были испуганы. Эмилий Павел заранее предупредил войско, чтобы оно не приняло затмение за дурное предзнаменование. Чтобы окончательно успокоить солдат, наутро консул принес обильные жертвоприношения богам.

Македонян и царя Персея лунное затмение встревожило, они сочли это дурным знаком.

Во второй половине следующего дня римляне начали строиться в боевые порядки. Эмилий Павел обходил ряды воинов, размещал их, ободрял. Вскоре завязались первые схватки с македонянами. Стало ясно, что в бой вступила вся армия Персея.

Впереди шли наемники. Высокорослые фракийцы потрясали тяжелыми мечами, сверкали полированными медными щитами и оглашали воздух воинственными криками. Один вид их внушал страх. Рядом с ними шли наемники других племен. Затем показалась знаменитая македонская фаланга. Это были отборные воины в позолоченных доспехах и пурпурных одеждах. Фаланга ошетилилась длинными копьями — сариссами. Она медленно приближалась к

римлянам. Впоследствии Эмилий Павел признавался, что на время его охватил страх...

Равнина наполнилась блеском железа, сияньем меди и загудела от грозного крика. Никогда еще не видел римский полководец такого устрашающего зрелища. Но он скрыл свои чувства, оставался внешне спокоен и с улыбкой объезжал ряды воинов.

Битва разгоралась. Македонцы смяли несколько передовых римских отрядов и достигли первых линий легионеров. Их длинные копья уже вонзались в щиты римлян, лишая их подвижности и возможности действовать мечом, который не доставал врага.

Битва становилась все ожесточенней. Под напором фаланги римская линия подалась назад. Многие пали духом. Эмилий Павел тоже начинал терять самообладание, видя фалангу, окруженную густым лесом копий, неприступную как крепость, сильную как таран.

Но военное счастье изменчиво.

Слабой стороной фаланги было то, что передвигаться сомкнуто она могла по ровной местности. А перед римским лагерем был холм, и равнина была неровной.

Преследуя римлян, македоняне спешили обойти поросшее кустарником пересеченное поле. В плотных рядах фаланги появились разрывы, которые становились все более частыми. Это заметил Эмилий Павел. Он приказал воинам врываться в эти бреши и еще больше расстраивать строй фаланги, нанося удары и с тыла, и с флангов. Длинные копья македонян теряли свое преимущество. Еще немного, и фаланга дрогнула, стала рассыпаться.

Битва была свирепой. Три тысячи отборных македонских воинов, продолжавших сопротивляться, были истреблены. Остальные обратились в бегство. Римляне бросились преследовать. Началась резня. Более двадцати пяти тысяч македонцев погибло. Потери римлян оказались незначительными — менее сотни людей.

Персей не принимал участия в битве и вел себя недостойно. В решающий момент сражения он не двинул своей конницы. Затем, не дожидаясь конца битвы, бежал, бросив войска на произвол судьбы.

К вечеру римляне прекратили преследование и возвратились в лагерь. Их встречали рабы с факелами. Они отводили воинов в ярко освещенные и украшенные зеленью палатки. Лагерь праздновал победу.

Так завершилась битва при Пинде, нанеся смертельный удар великому Македонскому царству.

Для Эмилия Павла радость победы была омрачена. В лагерь не вернулся его любимый сын Публий. Горе отца разделяли воины, которые любили храброго и приветливого юношу. Всю ночь искали его тело среди павших. Под утро, когда уже не оставалось никаких надежд, Публий с тремя товарищами возвратился в лагерь. Пылкий юноша увлекся преследованием врага и так далеко удалился от лагеря, что пришел последним. Сыну Эмилия Павла суждено было

славное будущее. Это он стал полководцем, прославившимся под именем Сципиона разрушением Карфагена.

Персей, охраняемый своими всадниками, бежал в древнюю столицу Македонии Пеллу. С ним была только свита и наемники-критяне. Персей был подавлен и растерян. Особенно испугался он, когда уцелевшие македонские воины стали осыпать его всадников бранью, обвиняя в трусости и измене за то, что в решающий момент битвы не вступили в борьбу.

Приближенных Персея и оставшихся с ним наемников удерживала не преданность царю, а надежда на богатое вознаграждение. Все знали о неисчислимых сокровищах македонского царя. Однако Персей остался верен своей природе. Он обманул своих спутников и ничего им не заплатил. Он тайно со своей семьей на небольшом корабле отплыл на остров Самофракию. Там он укрылся в храме Диоскуров.

Вся Македония была занята римлянами.

Местопребывание Персея скоро стало известным победителям. Римская эскадра подошла к острову Самофракии. Командовавший флотом Гней Октавий не осмелился нарушить священную неприкосновенность храма, но принял все меры, чтобы царь снова не мог ускользнуть.

А Персей готовил бегство. Он договорился с владельцем небольшого судна, что тот возьмет на борт его с семьей и сокровищами. На этот раз обманут был Персей. Судовладелец, погрузив ценности, поднял паруса и отплыл, оставив царя на берегу. Персею ничего не оставалось, как сдать римлянам.

Пленником он ступил на борт римского корабля и скоро предстал перед Эмилием Павлом.

Недавний повелитель Македонии в несчастье не смог держать себя достойно. Страстное желание жить заглушило в нем все остальные чувства. Он упал перед Эмилием Павлом ниц, плача и моля о пощаде. Консул укоризненно сказал:

— Зачем своей позорной трусостью ты принижаешь мою победу? Римляне уважают доблесть побежденного, но в их глазах нет ничего презренной трусости!

Протянув руку, он поднял Персея и передал его страже.

Консул глубоко задумался о гибели великих царств и превратности судьбы их властителей.

Македония была разделена на четыре области. Ее крепости должны были быть скрыты. Армию иметь запрещалось. Недавно еще могущественная Македония превращалась в слабое государство, полностью зависимое от Рима. Таков был бесславный конец великой державы Филиппа и Александра.

Римский сенат сурово поступил с союзниками македонского царя. Иллирийские владения Гентия были разделены. Греческие государства, проявившие в битве Персея доверие и оказавшие помощь, были разграблены.

Эмилий Павел трудолюбиво занимался делами побежденной Македонии. Как некогда в Испании, так и ныне проявилось его бескорыстие. Он не пожелал даже взглянуть на груды золота и серебра, которое извлекли из захваченных царских сокровищниц.

Эмилий Павел не очень щедр был на награды, что вызывало недовольство воинов. Они считали, что получили меньше, чем заслуживали.

Римское победоносное войско возвращалось в Италию. Консул плыл на корабле македонского царя с шестнадцатью рядами гребцов. Корабль был пышно украшен коврами, пурпурными тканями и богатым оружием, захваченным у врага.

Тысячные толпы встречали победителей и их полководца. Но простой народ не любил Эмилия Павла за его приверженность к аристократам. Ворчали и вернувшиеся из похода солдаты. В этом недовольстве заключалась причина того, что бесспорно заслуженный Эмилием Павлом триумф не сразу осуществился.

Многие выступали против триумфа. Солдаты тоже присоединились к тем, кто голосовал против триумфа на народном собрании.

Ряд видных сенаторов выступил в защиту права Эмилия Павла на триумф, против лишения победителя законных почестей. Они добились того, что трибуны прервали начавшееся голосование, чтобы выслушать мнение сенаторов.

Один известный всем бывший консул Марк Сервилий сказал, что считает Эмилия Павла великим полководцем, а его победы удивительными. «Я поражен,— сказал он,— что римляне, предоставляя триумф менее значительным победам, отказывают в законных почестях человеку, сокрушившему великую империю Филиппа и Александра Македонского. Римляне! — заключил оратор,— удивительно, что есть у нас неблагодарные мерзавцы, которым больше по душе полководец, умеющий заискивать, а не командовать!»

Эта речь переломила настроение. Было решено дать триумф Эмилию Павлу.

Торжества заняли три дня. Десятки тысяч людей, одетых в праздничные одежды, заполнили улицы и площади Рима. Двери храмов были раскрыты, в них вносили венки, на алтарях курились благовония.

Весь первый день триумфа до самого вечера двести пятьдесят разукрашенных колесниц везли захваченные у врагов произведения искусства — картины, статуи.

Второй день по улицам проходило множество повозок, нагруженных дорогим и красивым македонским оружием. Оружие блестело на солнце, звенело, стлкаясь при движении. Казалось, все это альные люди искусно уложили его. Поверх блестящих щитов, лат лежали шлемы, поножи, колчаны со стрелами, обнаженные мечи, и

все это словно проткнуто македонскими длинными копьями — сариссами.

За повозками с оружием три тысячи человек несли семьсот пятьдесят кувшинов с серебряными монетами. Кувшины были такими тяжелыми, что на каждый требовалось четыре носильщика.

За ними множество людей высоко поднимали, чтобы все могли видеть, серебряные чаны, кубки, рога, ковши.

Третий день триумфа был самым торжественным и значительным. С самого утра по улицам двинулись трубачи, игравшие боевые марши, какими обычно ободряли воинов на поле битвы. За ними вели сто двадцать откормленных быков, украшенных пестрыми тканями и венками. Рога их были вызолочены. Их должны были принести в жертву богам. На заклание вели их юноши, а рядом с ними мальчики несли золотые и серебряные жертвенные чаши для возлияний.

После небольшой паузы появились несколько сот рабов, они несли семьдесят семь тяжелых сосудов, наполненных золотой монетой. Высоко над головами поднимали тяжелый золотой ковш, украшенный драгоценными камнями. Ковш был отлит по приказу Эмилия Павла из македонского золота. Рядом несли множество богатейшей золотой утвари с пиршественных столов Персея.

Завершала эту часть процессии позолоченная колесница Персея. На колеснице грудями лежало оружие царя, поверх него сверкала дивной красоты диадема, символ царской власти.

За колесницей шли дети Персея — два мальчика и девочка, — окруженные учителями, воспитателями, наставниками. Дети были еще слишком малы, чтобы понимать глубину случившегося с ними несчастья. Но их сопровождающие жалобно кричали, плакали и молили толпу о сострадании.

В темной одежде, подавленный горем, шел за ними Персей.

Накануне он посылал своего приближенного к Эмилию Павлу, умоляя избавить его от позорного участия в юбилее. Тогда же Эмилий Павел ответил царю:

— Это прежде зависело от тебя. И теперь зависит только от тебя!

Этими словами консул дал понять Персею: избавиться от позора он может, лишив себя жизни, самоубийством.

Но трусливый царь цеплялся за жизнь, стремясь сохранить ее любой ценой. Римляне обещали ему жизнь. Сам лишить себя ее он не решился.

Все громче становились радостные крики толпы. Приближалась главная часть процессии, апогей триумфа.

Появились ряды рабов. Они несли четыреста золотых венцов — дары греческих городов их освободителям от македонского ига (оно теперь на длительное время заменилось римским). Наконец на круглой раззолоченной колеснице, запряженной четверкой белых коней, показался триумфатор.

Эмилий Павел был одет в пурпурную тунику, расшитую золотыми пальмовыми ветвями. Поверх нее была наброшена пурпурная тога. Как обычно, за спиной триумфатора государственный раб держал над головой полководца золотой венец и время от времени громко восклицал, склоняясь к герою торжества:

— Помни, что ты только человек! Помни о смерти!

Слова раба должны были напоминать триумфатору, что счастье не постоянно, переменчиво и сегодняшний победитель завтра может стать побежденным.

Рядом с колесницей шли друзья и родственники победителя, гордые его славой.

Затем следовали ликторы, их, полагалось консулу двенадцать. Ликторы также были одеты празднично, а торчащая связка розог была увита ветвями лавра. Музыканты, шедшие за ликторами, играли торжественный марш.

Улицу заполнили солдаты, шла победоносная армия. Шли солдаты вольным шагом, закинув щиты за плечи. Офицеры в начищенных латах и шлемах. Триумф примирил солдат с полководцем, по крайней мере внешне. Тяготы похода, лишения, раны, суровость центурионов, голод, тяжкая жара — были позади. Впереди награды, раздел добычи, вино, веселье. Во время триумфа дисциплина ослабевала, солдаты даже подшучивали над своим полководцем, пели веселые песни, не всегда пристойные. Легионеры подшучивали над лысиной полководца, над его характером, привычками, его строгостью и его слабостями.

Под крики толпы: «Ио! Триумф! Ио! Триумф!» праздничная процессия направилась к храму Юпитера на Капитолийском холме. Здесь шествие ожидали сенаторы в праздничных одеждах.

Триумфатор принес в жертву Юпитеру быков, передал храму часть военной добычи и золотой венец. Затем он роздал подарки солдатам и распустил их на несколько дней. Завершился триумф торжественным пиром.

Добыча, захваченная Эмилием Павлом после победы над Македонией, была так велика, что в Риме на несколько лет отменили налоги.

По отношению к поверженному и уже безопасному врагу Эмилий Павел проявил подлинное великодушие. Он сохранил Персею жизнь, хотя обычно, после триумфа, пленные цари и полководцы подвергались казни. Умер Персей в тюрьме спустя ряд лет. Ходили слухи, что он уморил себя голодом.

В последние годы жизни Эмилий Павел занимал должность цензора. В древнем Риме цензор следил за переписью населения, составлял списки сенаторов, распределял граждан по сотням и оценивал их имущество.

Казалось, Эмилий Павел был щедро обласкан судьбой. Но Фортуна не всегда была к нему благосклонна. Судьба посылала ему много горя.

У него было четыре сына. За пять дней до триумфа на пят-

надцатом году жизни умер один из сыновей. Через три дня после триумфа смерть унесла второго, двенадцатилетнего сына. Два старших сына Эмилия Павла — Публий и Квинт — впоследствии ушли в другие семьи (Сципиона и Фабия Максима).

Конец своей жизни Эмилий Павел провел в имении на берегу моря. Однажды он вернулся в Рим и лично принес жертву богам за свое благоденствие. Но в тот же день ему стало плохо, он потерял сознание и вскоре скончался. Произошло это в 160 г. до н. э. Эмилию Павлу было шестьдесят восемь лет.

БРАТЬЯ ГРАКХИ

ТИБЕРИЙ

Тиберий и Гай Гракхи принадлежали к старинному римскому роду Семпрониев. Их отец дважды избирался консулом и за победы в Испании и на острове Сардинии удостоился триумфов. Когда в 151 г. до н. э. отец Гракхов умер, старшему сыну Тиберию было только 11 лет, а младшему едва исполнилось 3 года. Все заботы о воспитании мальчиков легли на плечи их матери Корнелии, дочери знаменитого полководца Сципиона, победителя Ганнибала. Корнелия старалась, чтобы ее дети были достойны славы отца и деда. Ее труды не пропали даром: дела братьев Гракхов навсегда прославили их имена.

15-летним юношей Тиберий отправился в Африку в ряды армии, сражавшейся под стенами Карфагена. Шла третья Пуническая война. В одном из сражений юный Гракх совершил свой первый подвиг. Случилось это так. Решено было взять штурмом предместье Карфагена Мегару. Под покровом ночной тьмы, стараясь не делать шума, римские воины двинулись к крепостным стенам, надеясь захватить врага врасплох. Но карфагенские часовые их заметили. Тогда римляне бросились на открытый штурм. Карфагеняне яростно оборонялись. Наконец группе римских воинов удалось захватить одну из крепостных башен. По шатким доскам, переброшенным на головокружительной высоте к стенам крепости, самые отважные ринулись вперед. Первым спрыгнул на стену Тиберий. Имя героя стало известно всей армии.

После разрушения Карфагена Тиберий вернулся в Рим. Его слава была столь велика, что его избрали в коллегию авгуров*,

* Авгуры — предсказывавшие будущее по полету птиц и их поведению.

в которую входили только знатные и уважаемые граждане Рима. Гордый сенатор Аппий Клавдий — один из опытнейших политиков своего времени — предложил Тиберию в жены свою дочь. Рассказывали, что, придя домой, Аппий Клавдий с порога крикнул жене: «Антистия, я просватал нашу дочь!» Та удивленно спросила: «К чему такая поспешность? Или ее женихом стал Тиберий Грах?» Вот это было бы счастьем для дочери!» Так велико было уважение римлян к молодому Граху.

Вскоре Тиберий был избран квестором * и вместе с консулом Манцином направлен в Испанию, где народ восстал против римского владычества. Восставшие укрепились в крепости Нуманции. Война шла неудачно. Поговаривали, что в Риме никогда не было такого бездарного полководца, как Манцин.

Однажды в ставку консула проникли ложные слухи о том, что вторая римская армия, воевавшая в Испании, потерпела поражение. Испуганный Манцин приказал той же ночью отступить от стен Нуманции. Защитники города заметили отход и, преследуя римлян, оттеснили их в непроходимое горное ущелье. Гибель 20-тысячной римской армии казалась неизбежной. Послы, отправленные Манцином, униженно просили начать мирные переговоры. «Мы согласны,— ответили нумантинцы,— но пусть переговоры ведет Тиберий Грах. Мы помним его отца, который был у нас наместником, и слышали о Тиберии, что он не только смел, но также честен и справедлив». Тиберия направили послом. Он умело вел переговоры, и мир был заключен. Римскому войску разрешили вернуться на родину.

В Риме Тиберия ожидали неприятности. Значительная часть народа и сенаторы возмущались капитуляцией армии. Они говорили: «Кто позволил Тиберию говорить с врагом от имени римского народа? Этот договор позорит римское оружие, не следует его признавать». Однако Граху спасли аристократические связи, заступничество родственников и солдат из армии Манцина. Помилованы были и остальные военачальники. Только Манцина, босого, в одной рубахе, закованного в цепи, выдали нумантинцам. Однако нумантинцы не казнили несчастного полководца, а великодушно отпустили на родину.

Тиберий Грах много думал о положении римского народа. Еще направляясь в Испанию, он обратил внимание, что на полях совершенно не видно свободных крестьян. Повсюду попадались лишь рабы, закованные в цепи, и надсмотрщики с длинными бичами. То здесь то там раздавался свист плети из воловьих жил да жалобный крик избиваемого раба. Куда же исчезли свободные крестьяне, еще недавно трудившиеся на этой земле? Положение народа, судьба Римского государства глубоко волновали Тиберия. Скоро он понял причину поразившего его явления. Пока крестьяне, составлявшие основную часть римского войска, сражались в Африке,

* Квестор — выборная должность в Риме. В армии квесторы ведали финансовыми вопросами.

Грахы

в Малой Азии, Испании или Греции, их хозяйство приходило в упадок, а земли захватывались богатыми землевладельцами (оптиматами). Разоренные крестьяне либо шли в батраки, либо уходили в города и жили там на подачки городских богачей. Чем меньше оставалось свободных крестьян, тем слабее становилось Римское государство: ведь батрак или городской нищий не имел права служить в армии. А сильная армия защищала страну от внешних врагов и держала в повиновении сотни тысяч рабов в самой Италии. Все это понял Тиберий Грах и решил бороться за преобразования в стране. По существовавшим в Риме обычаям, предлагать проект новых законов мог только человек, занимающий государственную должность. Поэтому Тиберий выставил свою кандидатуру на пост народного трибуна *, обещая в случае избрания добиться передела земель. Став народным трибуном (133 г. до н. э.), Тиберий выступил с требованием предоставить землю народу. Обращаясь к римлянам, он говорил: «Дикие звери в Италии имеют логова и норы, куда они могут спрятаться, а люди, которые сражаются и умирают за Италию, не владеют в ней ничем, кроме воздуха и света. Лишенные крова, точно кочевники, бродят они повсюду с женами и детьми. Полководцы обманывают солдат, когда на полях сражений призывают их защищать от врагов могилы отцов и храмы: ведь у множества римлян нет ни отчего дома, ни гробниц предков,— они

* Народными трибунами называли в древности представителей простого народа, избираемых по римским округам (трибам) на один год.

сражаются и умирают за чужую роскошь, чужое богатство. Их называют владыками мира, а они не имеют даже клочка земли».

По проекту закона, предложенного Тиберием Гракхом, общественные земли, незаконно присвоенные богачами-оптиматами, возвращались государству. Они были розданы малоземельным и безземельным гражданам. Новые владельцы не имели права продавать свой участок, который должен был переходить по наследству от отца к сыну.

Народ восторженно встретил этот проект. Но он вызвал бурю негодования среди землевладельцев. Они решили не допустить принятия закона, грозившего их богатству и влиянию. Оптиматы стали распространять клеветнические слухи о том, что Тиберий переделом земель хочет вызвать междоусобицу в стране и захватить власть в свои руки. Однако авторитет Тиберия был слишком велик: народ полностью доверял своему трибуну. Распространяемые врагами клеветнические слухи ничего не могли изменить.

Враги Тиберия не дремали. Они нашли другой способ борьбы с ненавистным им законом. Оптиматы уговорили одного из трибунов, богатого землевладельца Марка Октавия, наложить вето на законопроект Тиберия. Тиберий был потрясен: Октавий, в прошлом его друг, выступает против закона, которого так жаждет народ, который так нужен республике! Думая, что Октавий боится потерять свои земли, Тиберий предложил из своих личных средств возместить ущерб, который ему нанесет новый закон. Октавий отказался. Тогда Тиберий, пользуясь тем же правом вето, приказал приостановить деятельность всех государственных учреждений, пока его законопроект не будет поставлен на голосование в народном собрании. Прекратили работу магистраты, был опечатан храм Сатурна, в котором находилась государственная казна, и таким образом были прекращены все платежи.

В знак протеста против Тиберия оптиматы стали появляться на улицах Рима в траурных одеждах. Наиболее решительные противники реформы стали готовить покушение на Тиберия. Но никакие угрозы не могли заставить его отступить. Гракх потребовал обсудить создавшееся положение перед народом.

И вот настал день народного собрания. На центральной площади Рима — форуме, подле трибун, собралась многотысячная толпа. Люди приветствовали Тиберия, ободряли его. Но вдруг крик гнева и возмущения прокатился по площади. Оказалось, что оптиматы, желая сорвать голосование, похитили избирательные урны. Возбужденный народ был готов ринуться на расправу с ненавистными богачами. Тогда на трибуну, где находился Тиберий, поднялись бывшие консулы Манлий и Фульвий. Они стали умолять Гракха не допустить кровопролития и обратиться в сенат: ведь там заседают самые мудрые и уважаемые люди государства. Пусть они решат, как следует поступить. После долгих уговоров Тиберий согласился. Но когда сенаторы не поддержали его предложений, он снова созвал народное собрание. «Граждане! — обратился он к римлянам. —

Трибуны, которых вы облекли такой большой властью, что одно лишь слово каждого из них может остановить жизнь государства, не могут прийти к соглашению. Поэтому я предлагаю: пусть волей народа один из нас будет отстранен от должности».

И повернувшись к своему противнику, Тиберий спокойно произнес: «Октавий! Спроси мнение граждан. И если римский народ лишит меня звания трибуна, я тотчас отправлюсь в свой дом и буду жить как простой гражданин. Клянусь тебе, Октавий, что ты не увидишь меня в числе твоих недругов, если народ отметит тебя своим доверием».

Понимая, что народ ни за что не лишит Тиберия звания трибуна, ибо все знают, как смело борется он за народное счастье, Октавий молчал. Тогда заговорил Тиберий. «Народный трибун, — сказал он, обращаясь к притихшей толпе, — лицо священное и неприкосновенное, так как деятельность его посвящена народу и он призван защищать интересы народа. Но если трибун, отвернувшись от народа, причиняет ему вред, умаляет его власть, препятствует его свободе, — такой трибун сам отстраняет себя от должности, ибо не исполняет своего долга. Тот, кто ниспровергает демократию, — уже не трибун. Я предлагаю решить, может ли занимать должность трибуна Марк Октавий, раз он препятствует принятию закона, который даст римскому народу кров, хлеб и работу».

Началось голосование. Вот уже 17 триб из 35 высказались за то, чтобы Октавий был отстранен от должности трибуна. Но Тиберий приостановил голосование. Дружески взяв Октавия за руку, Тиберий вновь попытался убедить его в неразумности упорства.

«Октавий! Откажись от своего «вето». Этого жаждет народ, терпящий лишения и горе. Взгляни, с какой надеждой смотрят на тебя сейчас граждане, и подумай, с каким презрением и ненавистью будут смотреть они, если ты обманешь доверие тех, кто тебя избрал. Не покрывай позором свое честное имя!»

Октавий молчал. Его глаза наполнились слезами. Казалось, он внял убеждениям друга, внял голосу совести, внял воле народа. Но когда Октавий взглянул на сгрудившихся в стороне аристократов, на их траурные одежды, на их лица, застывшие в напряженном ожидании, он, словно внезапно пробудившись, освободил свои руки из рук Тиберия и, глядя ему в лицо, произнес: «Нет!» Уважение кучки оптиматов оказалось для Октавия дороже, чем счастье народа.

Тиберий продолжил голосование. Большинством голосов Октавий был отстранен от должности. По приказу Тиберия сопротивлявшегося Октавия стали сводить с трибуны. Между разгневанным народом, бросившимся на Октавия, и защищавшими его богачами завязалась схватка. Октавий едва спасся: его выхватили из толпы и дали возможность бежать.

После отстранения Октавия и избрания на его место другого трибуна все препятствия были устранены. Аграрный закон Тиберия был принят. Для передела земли была избрана комиссия из трех

уполномоченных: сам Тиберий, его младший брат Гай и тесть Аппий Клавдий. То, что уполномоченные были членами одной семьи, не смущало римлян: напротив, в этом видели залог их успешной деятельности. Но сенат всячески мешал работе Тиберия: ему отказались предоставить помещение для работы, задерживали необходимые средства и т. д. Враги продолжали злоумышлять против Тиберия и его единомышленников. Положение становилось опасным.

Противники Тиберия получили новый предлог для нападков на трибуна. Умер Аттал, царь Пергама, одного из малоазийских государств. Посланец царя Евдем передал завешание, которое объявляло наследником покойного римский народ. Тиберий внес законопроект, по которому все сокровища пергамского царя распределялись между гражданами, получающими земельные участки по новому закону. При этом Тиберий подчеркнул, что намерен решить этот вопрос с самим народом, не обсуждая его в сенате. Это вызвало у сенаторов чрезвычайное раздражение: они надеялись, что несметные богатства Пергама не минуют их рук. Вновь волна клеветы обрушилась на Тиберия. Один из сенаторов, Квинт Помпей, заявил:

— Я сосед Тиберия, и мне известно, что Евдем привез в Рим и передал Тиберию корону пергамских царей. Разве не ясно всякому, что Гракх собирается стать царем Рима, погубить республику!

Затем выступил Квинт Метелл: «Когда Тиберий-отец, в бытность свою цензором, возвращался с позднего ужина домой, граждане тушили огни, чтобы цензор не подумал, что они засиделись в гостях или пьянствуют. Теперь не так. Тиберию-сыну самому освещают путь ночью. И кто?! Люди из черни, самые отчаянные и негодные!»

Так старался укорить Тиберия всякий, кому не нравилось, что трибун, встав на защиту народа, пренебрегает мнением богачей и аристократов. Но враги не только клеветали и укоряли: они продолжали угрожать, хотя по закону личность народного трибуна была неприкосновенной. По просьбе Тиберия его дом каждую ночь стали охранять вооруженные граждане.

Оптиматы с нетерпением ждали окончания срока полномочий Тиберия Гракха. Они надеялись, что тогда смогут легко расправиться с ним, а главное, отменить аграрный закон. Чтобы не погубить начатое дело, Тиберий решил вторично выставить свою кандидатуру на выборах народных трибунов. Это было нарушением обычая, запрещавшего одному и тому же человеку два года подряд избираться на эту должность. Воспользовавшись этим, оптиматы стали обвинять Тиберия в намерении устроить государственный переворот. Они распространяли слухи о многочисленных дурных предзнаменованиях, якобы предвещавших гибель Тиберия. Будто бы в его боевой шлем заползли змеи и вывели там детенышей. Утром того дня, когда были назначены выборы народных трибунов, жрецы утверждали, что необычно вели себя священные куры: они

не хотели выходить из клетки и отказывались клевать корм. А это считалось недобрым предзнаменованием.

В день выборов неудачи преследовали Тиберия. Выходя из дому, Тиберий так сильно ударился ногой о порог, что сквозь обувь выступила кровь. Пройдя несколько шагов, он увидел на крыше дома двух дерущихся воронов. Камень, который столкнули птицы, упал у самых его ног. Некоторые из спутников Тиберия заколебались и стали советовать вернуться назад. Но проходивший мимо друг и учитель Гракха философ Блоссий сказал: «Велик будет стыд и позор, если ты, сын Гракха, внук Сципиона Африканского и вождь римского народа, испугавшись ворона, не отзовешься на призыв граждан! А что скажут враги? Они, конечно, станут утверждать, что трибун считается с приметам больше, нежели с желанием народа».

И Тиберий продолжал свой путь.

Сначала все складывалось хорошо. Народ восторженно приветствовал трибуна. Но в это время один из сторонников Тиберия, сенатор Фульвий Флакк, с трудом пробившись через толпу к трибуне, сообщил, что сенаторы готовятся к расправе с Гракхом и его единомышленниками и что они собрали возле площади много своих вооруженных сторонников. Друзья Тиберия, услышав о грозящей опасности, опоясали тоги и, разломав заборы, вооружились обломками. Стоявшие в задних рядах не слышали слов Фульвия и не понимали причину тревоги. Тогда Тиберий, не надеясь, что его услышат, коснулся рукой головы, жестом желая показать, что его жизни угрожает опасность. Враги поспешили истолковать этот жест по-своему: «Тиберий хочет стать царем! — кричали они, — он хочет возложить на свою голову корону!» Главарь противников Тиберия Сципион Назика устремился в курию, где шло заседание сената, и потребовал от консула немедленной казни Гракха. Консул возразил: «Я не положу начало насилию и не нарушу правосудия. Но если народ, послушавшись Тиберия, нарушит законы республики, я применю свою власть для ее, защиты».

Спокойный тон консула еще более распалил ярость сторонников Назики. Вскочив с места, Назика крикнул: «Что я слышу? Даже консул предаст республику! Кто хочет помочь мне, пусть следует за мной!»

С этими словами он бросился к выходу. За ним устремились другие сенаторы. Толпа людей, вооруженных палками, камнями, ножками от разбитых скамеек, хлынула на площадь, где происходило народное собрание. Стойких сторонников Тиберия на площади было немного. Крестьяне, обязанные Тиберию своей землей, отсутствовали, так как наступило время полевых работ. Городскую бедноту в большинстве составляли люди, зависимые от аристократии, жившие ее подачками. Они расступились перед сенаторами и не оказали сопротивления. Друзья Тиберия были частью убиты, частью обращены в бегство. В схватке на площади погиб и сам Тиберий. Это случилось в 133 г. до н. э.

Расправа над сторонниками Тиберия Гракха продолжалась еще несколько дней. Людей без суда предавали казни. Даже трупы их подвергались надругательствам. Тела Тиберия и 300 его сторонников были брошены в реку. Но народ не испугался жестокой расправы. Он продолжал чтить память героического трибуна и ненавидел его врагов. Сципион Назика — инициатор убийства Тиберия, несмотря на занимаемый им высокий пост верховного жреца, был вынужден покинуть Рим и умер в изгнании. Опасаясь гнева народа, сенат не посмел разогнать комиссию по переделу земель, в которую вместо Тиберия избрали одного из его сторонников.

Когда погиб Тиберий Гракх, его брату Гаю шел двадцать первый год. Как и Тиберий, он выделялся умом, образованностью и ораторскими способностями. Гай был более вспыльчив, чем брат, и, выступая, настолько отдавался чувству гнева, что начинал кричать и часто допускал чрезмерные резкости. Зная свой недостаток, Гай заставлял своего раба становиться позади и следить за речью господина. Заметив, что Гай чрезмерно распался, раб останавливал его. Но различия в характерах не мешали обоим братьям одинаково горячо любить свой народ и самоотверженно бороться за его права.

Первое время после гибели брата Гай не появлялся в народном собрании и, казалось, отошел от политической деятельности. Но эти годы не прошли даром. Гай постоянно упражнялся в красноречии и развивал свой ораторский талант. Первая же речь, произнесенная Гаем на судебном заседании, восхитила слушателей и принесла ему славу первого оратора Рима. Богатые римляне поняли, что, если младший Гракх пойдет по стопам брата, над ними снова нависнет угроза. Поэтому они были очень довольны, когда узнали о предстоящем отъезде Гаия в Сардинию в качестве квестора. Сам Гай направился туда с радостью: военная слава влекла молодого человека не менее, чем слава оратора. В Сардинии Гай выделился среди других знатных молодых людей храбростью в битвах, дисциплинированностью и справедливостью. Что же касается рассудительности, трудолюбия и скромности, то, по словам современников, он не имел себе равных. Вскоре эти таланты молодого квестора принесли римлянам немалую пользу.

Когда наступили зимние холода, консул обратился к местным жителям с требованием снабдить римских солдат теплой одеждой. Сардинские города отправили в Рим депутатов с просьбой освободить их от этой повинности. Сенат удовлетворил их просьбу. Консул, командовавший римской армией в Сардинии, оказался в трудном положении: войско страдало от стужи. Тогда Гай поехал по сардинским городам и так убедительно рассказывал всем о страданиях римлян, что жители стали добровольно жертвовать воинам одежду.

Рост популярности Гаия беспокоил сенат. Сенаторы опасались возвращения Гракха в Рим, и когда настало время сменять гарнизон в Сардинии, консулу и его квестору Гаю Гракху было приказано

остаться на острове еще на год. Узнав об этом, рассерженный Гай самовольно уехал в Рим. Этот поступок вызвал всеобщее осуждение; даже простой народ считал, что квестор не имел права оставить должность раньше своего полководца. Гаия привлекли к суду. Его защитительная речь была яркой и убедительной.

«Я участвовал,— сказал Гай,— не в десяти походах, как предписано законом, а в двенадцати. Я был квестором целых три года, хотя обязателен лишь годовой срок! Может быть, я извлек выгоду из столь долгой службы? Нет! Из всех участников войны я один уехал с полным кошельком, а вернулся с пустым!»

Попытка осудить Гаия провалилась. Знать пыталась еще несколько раз привлечь его к суду по разным ложным обвинениям, но каждый раз красноречие Гаия и безупречность его поведения помогали ему доказать свою невиновность. Попытки недругов не допустить Гаия к важным государственным постам тоже не имели успеха. Гай выставил свою кандидатуру в народные трибуны на 123 г. до н.э. Все богатые как один человек поднялись против Гаия. Зато со всех концов страны в Рим стекалась такая масса народа, желавшего голосовать за младшего Гракха, что форум не мог вместить всех пришедших. Хотя знать оказала немалое давление на народ и многих склонила не голосовать за Гаия, он все-таки был избран народным трибуном.

Заняв этот пост, Гай легко выдвинулся благодаря своему уму и красноречию. Выступая по разным вопросам, он не раз вспоминал трагическую гибель своего брата и напоминал о жестокости его убийц — оптиматов: «Наши предки присудили к смертной казни Гаия Ветурия лишь за то, что он не уступил дорогу трибуны, переходившему через площадь. А народный трибун Тиберий был зверски убит на глазах у всех, и никто не был за это наказан. Враги волокли его труп через весь город, отказали ему в погребении, бросили в реку, точно собаку. А сколько друзей Тиберия убили без суда?»

Под влиянием речей Гаия в народе ожили воспоминания о героической жизни его брата и о том произволе, который творила знать. Поэтому народное собрание приветствовало деятельность Гаия: люди видели в нем продолжателя дела Тиберия.

Прежде всего Гай провел закон о твердых ценах на хлеб: это принесло большие выгоды римской бедноте. Была возобновлена работа комиссии по переделу земли: вновь безземельным гражданам стали отводить участки. Чтобы привлечь на свою сторону всадников*, Гай провел судебную реформу. До этого судебные дела велись сенаторами. Всадники не могли попасть в сенат: ведь его члены не выбирались, а назначались. Обычно бывало так, что место умершего отца занимал его сын; немного самых знатных римских семей из поколения в поколение стояло во главе государства. Всадники не допу-

* В древности всадниками называли людей, являвшихся в армию на собственном коне. Позднее всадниками называли всех богачей (землевладельцев и торговцев), не входивших в сенаторское сословие, но играющих видную роль в Риме.

скались к управлению. По предложению Гая, в руки трехсот представителей этого сословия был передан суд.

Людей поражала энергия и распорядительность Гая. Постоянно его видели среди граждан, и с каждым, будь то ремесленник или посол, солдат или ученый, крестьянин или сенатор, он разговаривал приветливо. Популярность Гая была настолько велика, что он без труда добился своего переизбрания народным трибуном на второй срок (122 г. до н. э.).

Но враги Гая нашли коварный способ ослабить влияние народного вождя и подорвать его авторитет. Исполнителем этого замысла стал один из трибунов, Ливии Друз. Он происходил из знатной и богатой семьи, был опытным политическим деятелем и блестящим оратором. Должность народного трибуна обязывала Друза стоять на защите прав народа, но на деле он стал послушным орудием знати. Друз предлагал законопроекты внешне чрезвычайно заманчивые, осуществить которые, однако, было невозможно. Например, Гай предложил образовать две колонии, где желающие могли бы получить земельные наделы. Друз же, демонстрируя свое мнимое народолюбие, предложил создать 12 колоний, хотя в действительности для них не нашлось бы земли. Когда Гай с трудом добился снижения арендной платы за землю, Друз по соглашению с сенатом предложил полностью отменить арендную плату. Знать была готова на любые уступки, лишь бы Друз стал самым популярным человеком в Риме, а влияние Гая было бы ослаблено. Друз всегда подчеркивал, что все его проекты вносятся с одобрения сената, и таким образом обманывал граждан, убеждая их, что сенат заботится о народе. Коварству Друза не было границ: он клеветал на Гая, говоря, что тот берется сам руководить всеми финансовыми делами новых римских колоний в надежде обогатиться.

Как раз в это время Гай отбыл в Африку, где на месте разрушенного Карфагена хотел основать колонию Юнонию. Скоро из Африки пришли дурные вести.

«Граждане! — рассказывал приехавший оттуда гонец. — Несчастье грозит нашей новой колонии. Видно, неправ был Гракх, когда предложил распахать земли на месте, преданном проклятию: ведь там стоял Карфаген — город, причинивший Риму столько вреда. Боги прогневались на нас. Когда мы хотели водрузить римское знамя на месте будущей колонии, поднялся сильный ветер. Знамя было разорвано в клочья, а внутренности животных, принесенных в жертву, были сброшены с алтарей и раскиданы по нечистой земле».

Потрясенные слушатели качали головами, а рассказчик продолжал: «Долго трудились мы, ставя каменные столбы на границе колонии. А когда настало утро, ни одного столба не оказалось на месте! Куда же делись эти камни? Ночью набежала стая волков. Мы видели, как в темноте блестели их глаза. Потом волки исчезли. Вероятно, они были посланы богами, чтобы сотворить это чудо».

Несмотря на суеверные страхи римлян, Гай продолжал работы по основанию колонии со свойственной ему энергией и деловитостью.

Аристократ Луций Опимий, злейший враг Гая и яростный противник его реформ, выдвинул свою кандидатуру в консулы. Это заставило Гая покинуть Африку и вернуться в столицу: он хотел помешать избранию Опимия.

Вернувшись в Рим, Гай переселился с Палатинского холма, где жили аристократы, в квартал, расположенный ниже форума и заселенный беднотой. Он хотел быть ближе к народу, большинство которого его по-прежнему любило и уважало. Гай намеревался выступить с новым законопроектом о предоставлении гражданских прав италикам*. Услышав об этом, жители различных областей Италии стали сходить в Рим, желая поддержать своего защитника. Гражданские права, которых добивался для них Гай, означали, что они смогут получать от государства, так же как и римская беднота, земельные наделы и материальную помощь.

Предложение Гая враги сумели использовать против него. Консул Гай Фанний выступил перед народом с речью, в которой грозил римлянам, что новые граждане отнимут у них все имущество.

«Неужели вы не понимаете, — спрашивал он, — что, даровав италикам гражданские права, вы тем самым ограбите сами себя? Не надейтесь, что после этого вы будете занимать в цирках и амфитеатрах те же места, что и сегодня! Ведь эти люди заполнят весь город, на их долю достанется весь хлеб при раздачах, а вы ничего не получите».

Римляне действительно стали опасаться за свои привилегии. Используя их тревогу, Фанний внес предложение не допускать в Рим италиков, а тех, кто уже прибыл, — высылать из города. Это нанесло удар замыслам Гая. Ведь именно италики могли оказать ему наибольшую поддержку. Поэтому Гай протестовал против действий консула и обещал помочь италикам, которых хотели изгнать.

Как-то, проходя по улице, Гай услышал крики знакомого ему италика, которого схватили ликторы консула. По виду ликторов Гай понял, что они не подчинятся его приказу, а попытка принудить их силой приведет к столкновению, которого Гай хотел избежать.

Стало ясно, что Гай не в состоянии выполнить своих обещаний, так как народ не склонен был делиться с италиками своими привилегиями. Римская беднота понимала, что чем больше будет граждан, тем меньше достанется при раздачах на долю каждого. Главный враг Гая, вождь оптиматов Опимий, был избран консулом. Однако Гай не падал духом. Он в третий раз выставил свою кандидатуру в трибуны, но на этот раз не был избран. Говорили,

* Подчиненные Риму жители Италии (так называемые «италики») считались «союзниками» Рима, но не имели гражданских прав.

что трибуны пошли на обман и исказили результаты подсчета голосов.

Теперь богачи перешли в наступление: по их требованию был изменен ряд законов, и народ лишился многих прав, добытых для него Гаем.

В основанную Гракхом колонию Юнонию сенат послал комиссию, которая придирчиво проверяла прошлую деятельность Гая, ища любого предлога, чтобы обвинить его в злоупотреблениях. Многие сторонники Гая призывали его продолжать борьбу с аристократами, перейдя к открытой войне. Говорят, что так же думала и мать Гая Корнелия. По ее приказу в Рим прибыла группа воинов, переодетых жнецами. В решительный момент они должны были выступить на стороне Гракха. Отношения между сторонниками Гая и аристократами так обострились, что столкновение могло произойти в любой момент. Так и случилось.

Однажды во время жертвоприношения, совершавшегося консулом, один из ликторов грубо крикнул стоявшим рядом друзьям Гая: «Эй вы, негодяи! Уступите место порядочным людям!»

Это вызвало такой взрыв возмущения, что оскорбитель тут же был убит. Узнав о случившемся, Гай пришел в отчаяние: «Что вы наделали? Вы что, не понимаете, что наши враги только и ждут предлога, чтобы обнажить мечи? Сейчас они получили этот предлог».

Действительно, едва весть об убийстве ликтора облетела народ, на улицах стали собираться толпы вооруженных людей. Только хлынувший ливень разогнал всех по домам.

На другой день перед зданием, где совещались сенаторы, появилась толпа, оглашавшая воздух громкими воплями и рыданиями. К зданию принесли на носилках труп убитого вчера ликтора. Сенаторы, услышав шум, вышли на площадь, и консул Опимий, делая вид, что ему непонятна причина волнения, спросил пришедших: «Граждане, что случилось? Почему на вас траурные одежды? Что означают ваши рыдания?» — «Свершилось неслыханное злодеяние. Сторонники Гракха убили вчера ликтора, служителя закона», — отвечали люди, несшие труп. Их притворные вопли и показная скорбь, так же как и искусно разыгранное удивление и возмущение Опимия, — все это должно было возбудить римлян против Гая, оправдать расправу с ним и его сторонниками.

Но многие граждане по-прежнему стояли за Гракха. Они возмущались: «Сенаторы еще говорят о правосудии! А где было правосудие, когда Тиберий пал под ударами убийц? Где были сенаторы, когда труп народного трибуна волокли через весь город?»

Они понимали, что гибель ликтора только предлог, чтобы начать расправу с Гаем и его сторонниками. Сенаторы прибегли к чрезвычайным мерам. Опимий получил диктаторские полномочия. Он приказал сенаторам и всадникам явиться при оружии, в сопровождении вооруженных рабов.

Потрясенный происходящим, Гай был печален. Долго стоял он

на площади перед статуей своего отца. По его щекам текли слезы. Видевшие это люди были глубоко тронуты горем своего вождя. Огромная толпа провожала Гая до дома и охраняла его всю ночь.

Наутро сторонники Гая отправились на Авентинский холм, где они решили обороняться от нападения.

Когда Гай выходил из дому, его остановила жена с маленьким сыном на руках. Упав на колени перед мужем, она умоляла его не идти на Авентин. Но слезы и мольбы жены не удержали Гая. Он молча вышел из дому и в сопровождении друзей отправился к своим сторонникам. Когда все собрались, ближайший друг Гая Фульвий Флакк послал своего младшего сына для переговоров с сенаторами. Тот почтительно обратился к консулу Опимию и сенаторам и сообщил им условия, на которых еще возможно было примирение. Большинство сенаторов, стремясь избежать гражданской войны, не возражали против переговоров. Они хорошо помнили, какую ненависть заслужили в Риме убийцы Тиберия Гракха.

Но Опимий грубо ответил посланцу: «Я не намерен вести переговоры через мальчишку! Пусть Гай и Фульвий сами придут сюда и попросят пощады».

Узнав об ответе Опимия, Гай хотел сам отправиться на площадь и убедить консула и сенаторов не допускать кровопролития. Но друзья не пустили его: коварство врагов было слишком известно. Тогда Фульвий снова послал своего сына. Опимий приказал схватить юношу, а сам во главе вооруженных воинов двинулся к Авентину. Критские лучники, наемники Опимия, еще издали стали поражать противника. Началась паника. Один за другим гибли друзья Гракха. Фульвий и его старший сын укрылись в заброшенных банях, но были обнаружены и убиты. Гай не хотел участвовать в битве, не хотел поднимать оружие на сограждан. Уйдя в храм Дианы, он намеревался покончить с собой.

«Пусть боги накажут римский народ за неблагодарность, — сказал он друзьям. — Народ, который покидает своих вождей в беде, вполне достоин вечного рабства».

Друзья все-таки уговорили Гая бежать. Горстке людей удалось незаметно покинуть храм и устремиться к воротам в стене, окружавшей Авентин. К несчастью, Гай оступился и вывихнул ногу. Враги, напавшие на след беглецов, настигли их. Друг Гая Помпоний взялся задержать преследователей. В крепостных воротах завязался рукопашный бой. Силы были неравны, и через несколько минут герой пал мертвым.

Тем временем Гай, с трудом ступая на больную ногу, спускался к Тибру, надеясь по мосту перебраться на противоположный незаселенный берег. Встречные сочувствовали Гаю и подбадривали его. Но напрасно он молил дать ему коня, чтобы спастись от преследователей. Страх перед местью аристократов пересиливал жалость. На мосту преследовавшие Гая враги вновь были остановлены. Сподвижник Гая. Лициний повторил подвиг Помпония: несколько минут отражал он удары врагов, пока не погиб.

Когда Гай в сопровождении верного раба достиг священной роши, крики преследователей раздавались уже совсем рядом.

«Друзей у меня больше нет, а врагам не хочу достаться живым»,— сказал Гай своему рабу и показал на меч. Тот понял желание господина и нанес ему смертельный удар.

Через некоторое время перед Опимием появился человек, несущий на острие копья отрубленную голову. Это приятель Опимия Септимулей пришел за наградой: ведь консул обещал за голову Гая столько золота, сколько она будет весить. Но негодяй не удержался от подлости: вынув мозг, он наполнил голову Гая свинцом, чтобы получить побольше золота.

Целый день волны Тибра несли к морю трупы: около 3 тысяч сторонников Гая были убиты и брошены в реку по приказу консула.

Кичась своими злодеяниями, Опимий приказал в память о победе построить на площади Рима храм Согласия. Но едва постройка была завершена, как на фронтоне появилась надпись, начертанная каким-то смельчаком: «Нечестие воздвигло храм Согласию!»

Цель, к которой стремились Тиберий и Гай Гракхи и за которую они отдали свои жизни, была благородной. Они хотели сделать равными и счастливыми всех свободных граждан Италии. Но рабов они освобождать не собирались. Может быть, именно в этом была главная причина их поражения.

Братья Гракхи погибли, но римский народ не забыл их. В одном из лучших районов Рима им воздвигли статую. Проходя мимо нее, люди склоняли головы, а в праздник урожая первые колосья и первые плоды года граждане приносили туда, где некогда погибли Тиберий и Гай, борясь за права разоренного римского крестьянства.

МАРИЙ

Гай Марий* родился в 155 г. до н. э. близ города Арпина в селении Цереаты. Впоследствии оно, было переименовано в честь его знаменитого земляка: до сих пор итальянцы называют его Казамаре — «родина Мария». Родители Мария имели небольшой участок земли, но ее не хватало, чтобы прокормить целую семью. Поэтому отец Гая должен был наниматься на работу к богатым соседям.

Марий рано стал батрачить вместе с отцом, с юных лет выполняя тяжелые крестьянские работы. С детства он привык спать на голой земле, легко переносить голод и жажду, зной и стужу. В зрелые годы, будучи консулом и главнокомандующим римской армии, Гай Марий сохранил привычки итальянского крестьянина.

Когда Марий достиг призывного возраста, то поступил на военную службу: по римским законам все граждане, владевшие даже небольшими участками земли, были обязаны служить в армии. В тяжелой борьбе с восставшими испанскими племенами молодой солдат прошел суровую школу, выделяясь среди остальных воинов своей храбростью. После того как Марий в единоборстве победил испанского богатыря, главнокомандующий римского войска Сципион Эмилиан обратил внимание на отважного юношу. Сципион принадлежал к той части римской знати, которая стремилась открыть доступ к управлению государством наиболее выдающимся представителям из народа. Действуя таким способом, они хотели укрепить власть римской знати, привлечь в ее ряды тех, кто мог стать опасным для ее господства.

Поэтому Сципион открыл храброму и по-крестьянски сметливому Марию доступ к офицерскому чину. Сын батрака не упустил

* Биографии Мария и Суллы написаны Б. П. Селецким для книги «Знаменитые римляне». М., 1964.

возможности выдвинуться, став через некоторое время одним из самых лучших и отважных штабных офицеров главнокомандующего. Наблюдая за энергичным, упорным и трудолюбивым молодым человеком, Сципион прочил ему блестящую карьеру. Эти разговоры еще больше разжигали честолюбие Мариа, стремившегося сравняться со знатью в почестях, титулах и богатстве, войти в аристократическую среду как равный, а может быть, и как первый, среди равных. Он надеялся при поддержке и покровительстве Сципиона достигнуть на политическом поприще таких же успехов, как и на военном.

Но надежды Мариа не оправдались: покровитель рано умер, и он лишился могущественной поддержки. Несмотря на это, Гай все же попытался начать политическую карьеру. Столкнувшись с высокомерием и чванством римской знати, ему пришлось претерпеть обиды и унижения.

Его простые крестьянские манеры, вполне пригодные в военном лагере, казались смешными в столице. Все попытки Мариа сблизиться со знатью римские аристократы встречали презрительными насмешками. Именно под влиянием этих обид в характере Мариа появились и развились отрицательные черты: к трудолюбию, упорству, энергии, храбрости и здравому смыслу римского крестьянина прибавились хитрость, алчность, жестокость, злобная завистливость и подозрительность.

Ценой больших унижений Марию удалось наконец заручиться поддержкой знатного семейства Цецилиев Метеллов. Благодаря их помощи Гай выставил свою кандидатуру на выборах народных трибунов.

В это время в Риме шла борьба между правителями-аристократами и народной партией, стремившейся к власти. Став трибуном, Марий внес в сенат законопроект, ограничивавший влияние римской знати при выборах должностных лиц. Несмотря на сопротивление аристократического сената, он добился проведения закона в жизнь. Этим Гай снискал к себе симпатии народной партии, но аристократы отвернулись от него.

Напрасно Марий пытался заручиться поддержкой знати, помешав в сенате проведению закона о даровой раздаче хлеба римской бедноте. Этим он добился только того, что от него отвернулись и демократы.

После окончания срока полномочий трибуна Марий выдвинул свою кандидатуру на должность эдила. Однако, потеряв симпатии как аристократов, так и демократов, он провалился на выборах. Его даже привлекли к суду по обвинению в подкупе избирателей.

Казалось, политическая карьера была кончена и оставалось только заниматься финансовыми спекуляциями, с помощью которых Гай Марий уже сумел сколотить себе порядочное состояние. Однако и на этот раз судьба улыбнулась честолюбцу: ему удалось посвататься к Юлии, происходившей из знатного семейства Юлиев Цезарей. Женидьба на аристократке восстановила положение Мариа в обществе,

Марий

а родственные связи с семьей Юлиев позволили ему снова выступить на политической арене. В 115 г. до н. э. Гай был выбран претором и назначен наместником в Испанию. Здесь он снова показал свои военные дарования в борьбе с испанскими повстанцами, которые вели против римлян партизанскую войну.

Вскоре после этого вспыхнула война в Африке. Нумидийский *

* Нумидия - государство в Северной Африке (на территории нынешнего Алжира).

царь Югурта, возглавив свободолюбивых и отважных североафриканских кочевников, наносил римлянам поражение за поражением. После ряда неудач сенат решил направить в Африку лучшего полководца Рима, Цецилия Метелла, одного из покровителей Мария.

В поисках дельных офицеров для предстоящей кампании Метелл вспомнил о Марии, которому и была предложена должность в штабе. В войне с царем Югуртой Гай проявил блестящее военное дарование и прославился подвигами. В битве при реке Мутул римская армия одержала победу лишь благодаря стойкости и находчивости Мария. После этого сражения он становится первым помощником Метелла.

Вскоре, однако, отношения между главнокомандующим и помощником испортились: Марий решил воспользоваться трудностями войны с Югуртой, чтобы устранить Метелла и самому стать во главе армии. Честолюбивый офицер затеял интриги против своего начальника: он заискивал перед солдатами, в их присутствии порицал действия главнокомандующего, распускал грязные слухи о Метелле. Марий пользовался любым предлогом, чтобы доставить своему начальнику какую-либо неприятность.

Командовал саперами в то время близкий друг Метелла Турпилий, отличавшийся мягким характером и пользовавшийся любовью и уважением не только со стороны римлян, но и нумидийцев. Будучи начальником римского гарнизона в городе Вакке, он старался не обижать и не раздражать местных граждан. Когда Югурта внезапно подступил к городу, жители его восстали и открыли ворота своему царю. Нумидийцы перебили всех римлян за исключением Турпилия, для которого горожане выпросили у Югурты жизнь. Возвратившийся в римский лагерь Турпилий был обвинен Марием в измене и осужден. Метелл принужден был подписать смертный приговор своему другу. Турпилия казнили. Однако вскоре следствием было установлено, что его осудили несправедливо.

Все разделяли печаль Метелла, горевавшего о Турпилии. Лишь один Марий радовался: он открыто говорил, что благодаря его стараниям Метелла теперь преследуют угрызения совести — духи-мстители за казненного друга.

Интриги Мария против главнокомандующего имели успех. Солдаты в письмах домой жаловались на тяготы походной жизни, на суровую дисциплину, введенную Метеллом, и добавляли, что война будет тянуться до бесконечности, если главнокомандующим не станет Гай Марий. Эти письма подготовили общественное мнение Рима и привлекли на сторону Мария симпатии избирателей, когда приблизился срок выборов новых консулов.

Марий потребовал у главнокомандующего отпуска для поездки в Рим. Он мотивировал требование желанием выставить на выборах свою кандидатуру, что по римским законам давало право на отпуск с места службы. Метелл под всяческими предлогами затягивал отъезд Мария. Он отпустил его только за двенадцать дней до начала выборов, рассчитывая, что тот опоздает. Но Марий быстро

сумел добраться от лагеря до ближайшего морского порта и вскоре держал речь перед народом в Риме.

Выбранный консулом против желания аристократической группировки, Марий приложил все усилия, чтобы сместить Метелла с должности главнокомандующего и занять его место. Он снова сблизился с народной партией. Опираясь на ее поддержку и используя враждебное отношение народа к знати и сенату, Гай добился поста главнокомандующего на африканском театре военных действий.

Выступая против Метелла, он утверждал, что сумеет победить Югурту меньшими силами. Став главнокомандующим, Марий забыл свою похвалу и начал добиваться увеличения численности римской армии в Африке. С огромной армией, пополненной добровольцами, Марий отправился в Африку, где в целом ряде сражений разгромил войска нумидийцев. Тогда царь Югурта перешел к партизанской войне.

Неуловимые нумидийские всадники своими набегами причиняли сильный ущерб римлянам. Свои налеты Югурта производил с территории отдаленной и труднодоступной Мавритании*, царь которой был его тестем. В такой ситуации война с Югуртой грозила затянуться до бесконечности. Чтобы закончить борьбу, нужно было отправить римского представителя к мавританскому царю Бокху, попытаться уговорить его выдать Югурту и отказаться от поддержки нумидийских партизан. Посольство это считалось опасным, так как двуличный Бокх мог выдать посла нумидийцам и тогда римлянина ожидала мучительная казнь. Это рискованное поручение взял на себя храбрый офицер Мария, молодой аристократ Луций Корнелий Сулла. Он сумел договориться с Бокхом и привез в римский лагерь скованного Югурту. Так к весне 105 г. до н. э. закончилась Африканская война.

Однако аристократическое правительство, недовольное сближением Мария с народной партией, сумело испортить ему торжество. Сенат поддерживал распространившееся в столице мнение, что победой в войне римляне обязаны не Марию, а отважному Сулле, захватившему Югурту. Подозрительный Гай Марий возненавидел своего храброго помощника, но скрывал свои чувства под маской благожелательства. Вскоре им обоим представился случай снова применить свои знания и военный талант для защиты республики.

Едва в Риме узнали о пленении Югурты, как разнесся слух о том, что у северных границ появились германские племена кимбров. Это была огромная орда, двинувшаяся к югу от берегов Балтийского моря в поисках новых земель. Жильем кимбрам служили крытые повозки. В бою эти повозки использовались как укрытие. Под их кожаными верхом кимбры помещали скarb и свои семьи. Жители юга удивлялись, смотря на высоких и стройных людей с темно-русыми волосами и голубыми глазами, на их сильных

* Мавритания — государство на северо-западе Африки (территория нынешнего Алжира).

и статных женщин, на детей. Сражались они одетыми в медные шлемы и панцири, применяя в бою длинные мечи, метательные копья и большие продолговатые щиты. Их боевой строй представлял тесную фалангу, состоявшую из равного числа рядов в ширину и глубину фронта.

Воины первых рядов часто связывались друг с другом цепочками или веревками, продетыми в металлические пояса. Из такой связанной одной цепью шеренги невозможно было ни бежать, ни отступить. Существовала у кимвров и конница, но по своим боевым качествам и численности она уступала римской.

Кимвры были суровым, диким и отчаянно смелым народом: нередко они уславливались с противником о времени и месте боя и перед началом сражения вызывали сильнейших вражеских бойцов на поединки. Перед битвой пришельцы всячески выражали свое презрение к врагу и поднимали страшный шум: мужчины оглашали воздух боевым кличем, а женщины и дети стучали по натянутым кожаным крышкам повозок. Кимвры дрались с необыкновенной храбростью, считая смерть на поле битвы достойной свободного человека. Зато после победы они зверски расправлялись с побежденными. Случалось, что они заранее посвящали богам всю военную добычу: после завершения боя уничтожалось все имущество врага, убивали даже лошадей; пленников вешали на месте или оставляли в живых только затем, чтобы принести их в жертву богам. Своих вождей они выбирали из рядов лучших и храбрейших воинов. Эти грозные орды двигались к югу, уничтожая все на своем пути.

Первые столкновения с кимврами были неудачны для римлян: несколько армий, пытавшихся остановить лавину чужеземцев, потерпели поражение. Особенно страшен был разгром армии галльского наместника Рима Квинта Сервилия Цепиона. Из 120 тысяч человек уцелела лишь горстка беглецов. Всем казалось, что республика находится на краю гибели. Взоры всего римского народа обратились к Марию, единственному прославленному полководцу того времени. Вопреки закону, запрещавшему одному и тому же лицу два года подряд занимать государственные должности, Гай Марий, находившийся еще в Африке, был заочно выбран консулом. Ему поручили командование в войне против кимвров. Аристократический сенат не смел возражать. Народная партия торжествовала: вопреки воле знати ставленник демократов, выходец из простой крестьянской семьи, получил почти неограниченную власть в республике.

В борьбе с врагами проявились одновременно и величие и все низменные стороны характера Мария. Он, как никто другой, сумел организовать оборону отечества. В то же время, завидуя талантам Суллы, Гай приложил все усилия, чтобы молодой и даровитый офицер не смог выдвинуться и хотя бы в малейшей степени соперничать с ним в военной славе.

В это тяжелое для Рима время не хватало войска, а набрать новых солдат было нелегко. Согласно закону в римской армии

могли служить люди, имевшие какое-либо имущество. Неимущей бедноте — пролетариям римское правительство не доверяло. Поэтому с древнейших времен римские легионы комплектовались главным образом из крестьян, вооружавшихся за свой счет. Однако во II в. до н. э. римское крестьянство стало разоряться и уходить в города, где пополняло ряды пролетариев. В связи с этим численность римской армии резко сократилась. Военное могущество республики пошатнулось.

Стремясь увеличить римскую армию, расположенную в Африке, в 104 г. до н. э. Марий протасил в сенате военную реформу. Он стал вооружать воинов за счет государства, увеличил жалованье солдатам и допустил на военную службу неимущих. Эти меры привлекли в армию массу безработных пролетариев, которых конкуренция рабского труда лишила всяких средств к жизни. Отныне служба в армии стала единственным источником существования для римского бедняка, где он имел заработок и обеспечение в старости.

В 104 г. до н. э. Марий прибыл в римские владения за хребтами Альп во главе многочисленных италийских и союзных отрядов. Его сопровождали несколько опытных офицеров, среди которых особенно выделялся Корнелий Сулла.

Сначала главнокомандующий не нашел врага, против которого был послан: кимвры, уничтожившие армию Цепиона, направились в это время в Испанию, предварительно разграбив всю область к западу от реки Роны, и сражались теперь с храбрыми народами, населявшими Пиренейский полуостров. Теперь Марий имел достаточно времени, чтобы тщательно организовать оборону родины. Он укрепил дисциплину в армии, поднял ее боеспособность, приучил солдат к походам и земляным работам: руками воинов был построен канал, облегчавший доставку продовольствия из Италии.

Наконец, в 103 г. до н. э. кимвры, не сумев преодолеть отчаянного сопротивления испанцев, отхлынули обратно в Галлию, получив сильное подкрепление: к ним присоединилась многочисленная орда тевтонов. С возросшими силами вражеские вожди решили предпринять поход в Италию. Чтобы облегчить снабжение продовольствием, кимврские и тевтонские полчища разделились на две части и двинулись разными путями. Кимвры направились к западным перевалам Альп, ведущим в Италию, тевтоны — к восточным, где их ожидал Марий.

Римское войско встретило тевтонов на хорошо выбранной позиции при слиянии рек Роны и Изара. Занимая ее, римляне преграждали противнику путь, по которому тот мог проникнуть в Италию. Тевтоны напали на лагерь римлян.

Три дня подряд враг атаковал римские укрепления, но все безрезультатно. Понеся тяжелые потери, тевтоны решили прекратить штурм лагеря и, оставив его, двинуться прямо в Италию.

Шесть дней непрерывным потоком они проходили мимо римского лагеря. Оставить у себя в тылу сильную армию и отрезать себе,

таким образом, всякий путь к отступлению было рискованным шагом, на который решился бы не всякий командир. Но самоуверенные тевтоны слишком презирали своих врагов и скоро поплатились за это.

Едва противник миновал римский лагерь, Марий вывел свои войска и двинулся вслед за ним. Через несколько дней при Секстиевых Водах римляне, заняв удобную позицию на высоком холме, дали тевтонам решительный бой, отличавшийся длительностью и упорством. До полудня чужеземцы стояли непоколебимо, как стена. Но непривычной зной юга быстро утомял их, а внезапный удар, нанесенный римлянами с тыла, расстроил уже и без этого дрогнувшие ряды. Тевтоны были разгромлены и частью перебиты, частью взяты в плен. Их вождь Тевтобад оказался в числе пленников.

Одновременно летом 102 г. до н. э. кимвры перешли Альпы, вторгнувшись в пределы Италии. Здесь, при выходе из горных проходов, их ожидала стоящая лагерем римская армия под командой второго консула Квинта Лутиция Катулла. Позади него протекала река, через которую навели прочный мост, обеспечивавший, в случае необходимости, отступление.

Когда кимвры густой массой хлынули из горных ущелий, римскую армию охватила паника: конница бежала за реку, а пехота бросилась на ближайшую возвышенность, казавшуюся надежной защитой. С большим трудом Катуллу удалось собрать часть войска и занять оборону.

Тем временем кимвры попытались разрушить переправу, по которой римские войска могли отступить на другой берег. Враг пуская вниз по течению реки огромные стволы деревьев, которые ударялись о сваи, поддерживающие мост.

Прежде чем мост обрушился, Катуллу удалось по нему переправить большую часть своих войска на другую сторону. Однако легион, прикрывавший отступление, был отрезан от главных сил, и его командир собирался сдаться на милость победителям. Но один из подчиненных ему офицеров, Гней Петрей, убил начальника, стал во славе солдат и, пробившись через ряды врагов, присоединился к остальной армии.

Не надеясь своими силами остановить кимвров, Катулл отступил, оставив на разграбление всю равнину от Альпийских гор до долины реки По. На помощь Катуллу был срочно направлен Гай Марий, который стал перебрасывать свои войска с берегов Роны в Италию.

Кимвры, не решившись форсировать По, целую зиму провели в богатой местности, изобиловавшей продовольствием. Весной объединенные силы под командованием Мария и Катулла перешли реку и двинулись против врага. Противники сошлись близ местечка Верцеллы (западнее Милана). Кимвры желали дать бой и по своему обычаю предложили римлянам сговориться о дне и месте сражения. Марий согласился и назначил битву на следующий день — 30 июня 101 г. до н. э., выбрав местом сражения Раудийские

поля, где можно было использовать превосходство римской конницы. В назначенный день римляне атаковали врага, который хотя и предвидел нападение, но все же был захвачен врасплох. Из-за густого утреннего тумана конница кимвров столкнулась с более многочисленной римской кавалерией раньше, чем ожидала этого, и была отброшена к пехоте, которая лишь начинала строиться в боевой порядок. С небольшими для себя потерями римляне одержали победу.

Так погибло племя кимвров. Большинство их пало в бою, а остальные попали на невольничьи рынки. Римское государство ликвидировало грозную опасность, и в этом была большая заслуга Мария.

После победы Марий удостоился таких почестей, каких не знал никто ни до, ни после него. Он был объявлен «спасителем отечества» и новым «основателем Рима». Народ и армия боготворили его.

Аристократическое правительство Рима было перед ним бессильно. Марий пользовался всяким предлогом, чтобы унижить римскую знать. Но даже на вершине славы он оставался прежним италийским крестьянином, суеверным и боязливым, в глубине души которого жило неосознанное, инстинктивное почтение к аристократии.

После торжеств Марий явился в сенат в одежде триумфатора, что было грубым нарушением римских обычаев. Этим он хотел показать, что законы писаны не для него. Однако, заметив неудовольствие сенаторов, бесстрашный на поле боя Марий струсил и немедленно переоделся в обычное платье.

Распустив по домам армию, Марий снова (во время войны он пять раз избирался консулом) выставил свою кандидатуру на выборах консулов. Прославленный полководец заискивал перед избирателями, старался угождать народу, хотел казаться мягким и уступчивым, к чему был менее всего способен по своему характеру. Спокойствие и невозмутимость, свойственные ему во время сражений, покидали его в Народном Собрании. Случайная похвала или порицание заставляли его теряться. Стремясь к верховной власти в государстве, Марий еще больше сблизился с народной партией. Во главе римской демократии стояли в то время Луций Апулей Сатурнин и Гай Сервий Главция. На выборах в 100 г. до н. э. римская народная партия добилась большого успеха: Марий избирается консулом, Главция — претором, Сатурнин — народным трибуном. Придя к власти, демократы с помощью Мария принялись за осуществление смелых социальных реформ. Они стремились ослабить власть аристократического сената, распоряжавшегося судьбой римского государства, уравнивать в правах с римлянами италийских подданных, наделить землей малоземельных крестьян и неимущих пролетариев. Этот законопроект представлял дальнейшее развитие аграрного законодательства Гракхов. С этой целью демократы предложили закон о выводе римских колонистов в Африку, Нарбонскую Галлию, Сицилию, Македонию. На территории бывших

карфагенских владений неимущие римляне и италийцы должны были получить участки земли по 25 га на семью. Им выделили средства для обзаведения скотом и хозяйственным инвентарем. Осуществление этой грандиозной программы демократы намеревались поручить Марию. Они желали принятия законопроекта, так как в этом случае Марий становился неограниченным властителем Рима, ибо и армия, и денежные средства для покорения Галлии и колонизации захваченных земель находились бы в его руках. Тогда значение аристократов было бы сведено на нет. Все попытки знати бороться с Марием и народной партией не привели ни к чему. Бывший начальник Мария, глава аристократов, Квинт Цецилий Метелл, пытавшийся сопротивляться мероприятиям народной партии, был с позором изгнан из Рима. Казалось, что римские демократы одержали окончательную победу. Однако Марий внезапно изменил им.

Честолюбие Мария было честолюбием крестьянина, стремившегося сравняться в титулах, почестях и значении с аристократами. Сатурнин и Главция хотели покончить с господством знати и установить в Риме демократический строй. Они готовили окончательное свержение аристократического правительства силой оружия.

Марий же не хотел победы демократической партии, так как пользовался ее услугами лишь для того, чтобы укрепить свое влияние среди народа. Как всякий выскочка, он в глубине души презирал людей одного с ним происхождения. Несмотря на все резкие выступления против римской знати, Марий только ее и чтит и уважал, только с ее мнением и считался. Целью всей его жизни, вершиной желаний было добиться уважения и восхищения аристократов. С гибелью аристократического режима гибла и заветная мечта Мария. Поэтому в момент торжества римской народной партии прославленный полководец перешел в стан врага. В своем предательстве Марий дошел до крайних пределов. Рассказывали, что он одновременно ухитрился в разных комнатах своего дома вести тайные переговоры с аристократами и демократами. «Знаменитый полководец», «спаситель отечества», жалуясь на расстройство желудка, ежеминутно бегал из одной комнаты в другую, возбуждая аристократов и демократов друг против друга, обещая и тем и другим свою поддержку.

Козни Мария вскоре были обнаружены. Произошел окончательный разрыв между ним и народной партией, означавший крушение всех замыслов как знаменитого полководца, так и римских демократов. Марий не мог без их поддержки стать первым лицом в государстве, они же без его авторитета и влияния были не в состоянии свергнуть господство знати.

Когда наступил срок окончания полномочий должностных лиц, выбранных на 100 г. до н. э., перед Главцией и Сатурнином встал вопрос, который некогда стоял и перед Тиберием Гракхом: либо отказаться от реформ, либо добиваться своего избрания на новый год любым путем. Они выбрали путь восстания.

Как только демократы прибегли к насилию, аристократический сенат поручил Марию как консулу восстановить порядок в государстве силой оружия. 10 декабря 100 г. до н. э. завязались уличные бои между сторонниками народной партии и правительственными войсками, возглавляемыми Марием. Исход этой борьбы был заранее предрешен: разгромленные демократы отступили на Капитолий. По приказу Мария солдаты отвели от Капитолийского холма водопровод, осажденные лишились воды и вскоре сдались. Их поместили в здании сената. Гай сделал неудачную попытку спасти жизнь бывшим сторонникам. Но он уже не был хозяином положения. Молодые аристократы, принимавшие активное участие в подавлении восстания, вопреки приказу консула взобрались на крышу здания, где были заперты пленники, и перебили их сорванной с кровли черепицей. Среди убитых был и Апулей Сатурнин. Главция пытался скрыться, но был схвачен и убит.

Римская знать торжествовала победу. Было принято решение возвратить из изгнания Метелла. Мария же не только не наградили за предательство, а, окруженного всеобщим презрением, изгнали из Рима. Человек, которого называли «спасителем отечества» и шесть раз избирали консулом, тайно, как вор, покинул родной город перед прибытием Метелла. Он отправился на Восток под предлогом поклонения восточным святыням. Марий надеялся, что в его отсутствие все забудут о совершенном им предательстве.

Вернувшись, он выстроил дом вблизи главной площади Рима с тем расчетом, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше народу. Однако его покои пустовали.

Он надеялся, что вспыхнет война на Востоке. Но и эта надежда рухнула, как и многие другие. В его военных талантах никто не нуждался, всюду царил мир. Все забыли о прославленном полководце. Те же, кто помнил, считали его человеком смешным, ничтожным и ничуть не опасным.

Особенно раздражало Мария возвышение молодого аристократа Суллы. Видя крушение всех своих честолюбивых стремлений, Марий удалился в Байи — модный римский курорт на берегу Средиземного моря. Там у него была выстроена великолепная вила. По рассказам, прославленный полководец вел здесь такой образ жизни, что вызвал нареkania даже со стороны выдавших виды римских богачей.

И все же бывший крестьянин где-то в глубине души лелеял надежду, что сбудется предсказание, по которому его в седьмой раз изберут консулом, что снова, как некогда, поведет он римские легионы к победе и славе.

Прошло несколько лет со времени мятежа Сатурнина и Главции. В 91 г. до н. э. италийские подданные Рима восстали, не выдержав притеснений со стороны аристократического правительства. Римлянам пришлось вести войну с людьми, не уступавшими им в выучке и вооружении. Во время этого восстания италийцев, получившего в истории название «Союзнической войны», сенат вновь вспомнил о Марии. Ему было поручено командовать одним из

подразделений римской армии. На этот раз счастье отвернулось от старого полководца. Луций Корнелий Сулла затмил Мариа своими успехами. Дело дошло до того, что победителя кимвров и тевтонов отозвали из армии за нерешительные действия и медлительность. Многие говорили, что карьера Гая Мария окончена навсегда. Он оказался беспомощным не только на политической арене, но и в военном деле, где он считался непревзойденным мастером; его обогнал молодой и талантливый соперник — Корнелий Сулла.

Но тут случай снова вынес Мария на поверхность водоворота римской политической жизни.

В 89 г. до н. э. понтийский царь * Митридат VI Евпатор объявил войну Риму. Его войска наголову разгромили наспех сформированные римские отряды, быстро захватили всю Вифинию и даже провинцию Рима — Азию. Флот Понта под командованием Архелая блокировал проливы и острова Эгейского моря (кроме Родоса), а большая сухопутная армия через территорию Фракии и Македонии вторглась в Грецию.

Население, обозленное насилием римской администрации и откупщиков, принимало пришельцев как освободителей. А Афины даже восстали еще задолго до прибытия войск Митридата. Желая привлечь на свою сторону симпатии жителей, царь Понта объявлял в своих воззваниях и манифестах о намерении провести в присоединившихся к нему районах большие социальные реформы: ликвидировать долги, совершить передел земли, освободить рабов. По приказу Митридата повсеместно была организована резня римских чиновников, ростовщиков, купцов. Было убито до восьмидесяти тысяч человек, имущество их поделено, а принадлежавшие им рабы объявлены свободными. Понтийский царь вступил в тесную связь с восставшими италиками, обещая прийти к ним на помощь.

Итак, римлянам предстояла жестокая борьба. Им уже мерещилась богатая добыча; в благоприятном исходе войны они были уверены.

Встал вопрос: кто будет главнокомандующим — ставленник аристократического правительства или сторонник демократов. Та партия, в чьи руки попадет захваченная добыча, надолго сумеет утвердить свое господство в государстве.

Снова в Риме вспыхнула борьба между аристократами и демократами из-за поста командующего в войне против Митридата. Знать выдвигала Луция Корнелия Суллу. Демократам не оставалось ничего другого, как искать сближения с Марием, единственным полководцем, который мог соперничать с Суллой. Народная партия простила Гаю Марию его вероломство. Все внезапно вспомнили старые заслуги полководца.

Демократы добились в Народном Собрании проведения закона, согласно которому командование в войне с Митридатом поручалось

* Понтийское царство находилось на севере Малой Азии. В его состав входили территории Северного Причерноморья.

Марию. Согласно закону Луций Корнелий Сулла, консул этого года, должен был передать руководство военными силами государства престарелому победителю тевтонов и кимвров. Народная партия силой добилась утверждения законопроекта аристократическим правительством.

Но с Суллой не так легко было справиться. Он больше, чем кто-либо другой, имел право быть главнокомандующим на Востоке. Несколько лет назад он с величайшим успехом вел дела Рима в Азии. Луций Корнелий содействовал разгрому восставших италийцев, являлся консулом в тот год, когда вспыхнули военные действия между царем Митридатом и римлянами. Согласно римским законам Сулла в качестве консула имел неотъемлемое право командовать и в этой войне. Наконец, он был аристократом и не желал торжества народной партии. Луций Корнелий также менее всего хотел без борьбы уступить военную славу будущего боевого похода старому врагу и сопернику Гаю Марию и решил действовать.

Римское войско под командованием Суллы ворвалось в столицу, разгромило в уличном бою силы демократов, возглавляемые Марием, и восстановило господство аристократов. Марий и двенадцать других вождей народной партии были объявлены вне закона. Торжествующий Сулла во главе легионов отправился на Восток.

Тем временем преследуемый врагами Марий бежал в Африку. Много раз он и его спутники были на краю гибели, однако судьба хранила старого честолюбца. Пока Гай скитался на чужбине, а Сулла вел войну с Митридатом в Азии, римские демократы вновь подняли восстание против правительства. Узнав об этом, Марий поспешил в Италию, набрав по пути отряд из беглых рабов и италийцев — участников восстания против Рима. С этими силами Марий присоединился к демократической армии, готовившейся захватить Рим.

В 87 г. до н. э. войска народной партии под командованием Мариа овладели столицей. Вступая в Рим, старый полководец помышлял лишь о мести, желая расквитаться с противниками за все свои несчастья, неудачи и унижения. Было решено предать смерти всех видных членов аристократической партии и конфисковать их имущество.

Пять дней и ночей без перерыва продолжалась в Риме кровавая резня. Но и потом еще в столице ежедневно убивали людей по приказу Мариа: он сам указывал жертвы и назначал палачей. Не раз один взгляд Мариа или молчание, которым он встречал приветствующих его, равнялись смертному приговору.

Гай Марий запрещал хоронить трупы, приказывая выставлять головы убитых сенаторов у ораторской трибуны на главной площади Рима.

Однако Марий не был счастлив, понимая, что если в первые консульства он был надеждой и гордостью своих сограждан, то теперь казался им пугалом, чудовищем. Даже демократы сторонились и стыдились его бессмысленной жестокости. Наиболее ува-

жаемый представитель народной партии, Квинт Серторий, открыто выражал негодование и порицал жестокость Мария.

Старому полководцу не давали покоя успехи Суллы на Востоке в войне против Митридата. Снедаемый завистью к своему более молодому и удачливому сопернику, с которым судьба постоянно сталкивала его, Марий стал готовиться к походу на Восток. В разгар этих приготовлений он заболел. Сказались старые раны, суровые лишения, пьянство, которым старик старался заглушить тоску и горечь неудач. Во время болезни, длившейся семь дней, Марий бредил сражениями и победами, которые, как ему казалось, он одерживал над Митридатом: его мучила зависть к Сулле. «Спаситель отечества» умер 13 января 86 г. до н. э. на семидесятом году жизни. При этом известии Рим и Италия вздохнули с облегчением.

СУЛЛА

В течение III в. до н. э. в Римском государстве произошли огромные изменения. Рим превратился в центр могущественной державы, имевшей мировое значение. Такая быстрая перемена отразилась на всей жизни общества. Суровые, неприхотливые и скуповатые римляне, привыкшие экономить каждую копейку, жить интересами своего небольшого замкнутого хозяйства, вдруг оказались обладателями неисчислимых богатств. Государственные деятели, политический кругозор которых ограничивался пределами Италии, вершили теперь судьбы чуть ли не полумира.

Древние правила и нормы поведения, которыми руководствовались отцы, деды и прадеды, менялись на глазах, а новые еще не были созданы. Старики, вроде Катона Старшего, судорожно цеплявшиеся за старые, отжившие обычаи поведения и на словах проповедовавшие древние добродетели, в практической жизни действовали вразрез со своими проповедями и впадали в ханжество и лицемерие. Молодежь, не имея, идеалов, шла, куда толкала ее все увеличивавшаяся в римском обществе жажда богатств и наслаждений, куда вели ее честолюбие и случай.

Луций Корнелий Сулла был из числа таких молодых людей. Он принадлежал к одному из самых знатных римских родов. Его предки занимали высокие должности в государстве. Они были богатыми людьми и любили широко пожить. Прадеда Суллы, например, даже изгнали из сената за чрезмерное расточительство и любовь к роскоши. Эта расточительность, наследственная черта рода Суллы, привела к тому, что некогда богатая и влиятельная семья постепенно обеднела и утратила свое значение. Родители Луция Корнелия Суллы, еле-еле сводившие концы с концами лишь благодаря подачкам знатных и могущественных родственников,

заботились о воспитании сына. Сулла получил такое образование, что ни в чем не уступал ученым людям своего времени.

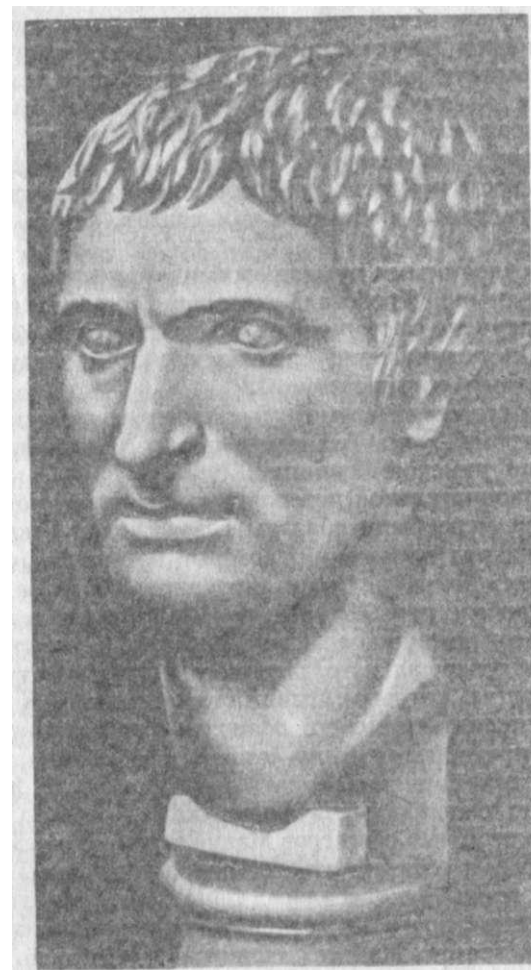
От отца Сулла не унаследовал состояния и, не имея даже собственного дома, был вынужден снимать квартиру, что считалось в Риме позором для человека знатного происхождения. Обладая большими способностями и огромной энергией, Л. Корнелий чувствовал себя неизмеримо выше большинства тогдашней римской молодежи. Сулла был уверен, что создан для великих дел, что именно он мог бы прославить свой род, вернуть своему семейству былое значение. Это не могло не разжигать в юноше непомерного честолюбия и стремления к власти и славе.

Вместе с тем Сулла прекрасно понимал, что бедность является препятствием для его карьеры. Страстный темперамент и жадность к жизни и ее наслаждениям мешали ему постепенно сколотить состояние: такая медленная, кропотливая работа была Сулле явно не по душе. Поэтому не оставалось ничего другого, как положиться на случай, который сразу выдвинет его в первые ряды римской знати. Сулла прекрасно понимал, что такой случай может и не представиться, но он твердо верил в чудо. Не случайно впоследствии, когда Сулла добился осуществления самых смелых мечтаний, то стал приписывать свои успехи не доблести и не талантам, а исключительно везению. А пока что он пользовался теми удовольствиями, которые в изобилии предоставлял «Вечный город». Он так неумеренно предавался разгулу, что удивлял даже выдавших виды жителей Рима. Вероятно, поведение Суллы объяснялось не только погоней за наслаждениями, но было также стихийным протестом против лицемерия «старозаветных» римлян, прикрывавших свои грешки разговорами «о добрых старых нравах и обычаях».

Многочисленные долги и неприличное поведение Суллы приводили в ужас родственников. Пользуясь связями, они с трудом пристроили Суллу офицером в штаб консула Мария, отправлявшегося в африканский поход. Так молодой человек, позоривший добропорядочное семейство, был удален от соблазнов столицы. Сулле в это время исполнился тридцать один год. Он начинал свою военную и политическую деятельность в том возрасте, когда многие из его сограждан уже сделали карьеру.

Его начальник Марий — выходец из низших слоев римского общества — был храбрый человек и талантливый полководец, не получивший греческого образования, считавшегося обязательным для римских аристократов. Будучи на вершине славы и могущества, Марий сохранил манеры и привычки итальянского крестьянина, чувствуя себя гораздо лучше в солдатском лагере, чем в великосветской гостиной какой-нибудь римской красавицы. Его мужиковатый вид, непонимание греческой речи, которой в совершенстве владела знать, пристрастие к вину — все это было предметом шуток римской «золотой молодежи».

Штаб Мария состоял из людей, подобных их начальнику, на-

Сулла

чавших службу с низших чинов. Они добились высокого положения лишь благодаря личным заслугам и храбрости. Эти грубые служаки неприветливо встретили знатного и образованного аристократа, не прославившегося ничем, кроме громких скандалов и кутежей в столице.

Сулле хотелось не только добиться уважения среди суровых сослуживцев, но и превзойти их храбростью и деловыми качествами. Кроме того, ему впервые открывалась возможность применить свою энергию и способности к чему-нибудь большему, чем кутежи. С той же страстью, с какой он прежде предавался разгулу, Сулла с головой погрузился в военные дела.

Война в африканской пустыне против отважного и хитрого нумидийского царя Югурты предоставила способному офицеру огромные возможности выдвинуться и проявить свои таланты. Сулла охотно брался за любое дело и всегда доводил его до конца. Он умело обходился с солдатами, принимая наравне с ними участие в земляных работах. И в битве, и на военных советах Корнелий превосходил всех храбростью, находчивостью и умом. Сулла скоро сделался любимцем как солдат, так и самого главнокомандующего.

Борьба с неуловимыми нумидийскими всадниками, привыкшими к войне в пустыне, требовала хорошей организации конницы. Сулле было поручено сформировать в Италии новые кавалерийские соединения. Он великолепно справился с этой задачей, показав себя превосходным организатором.

В одном из сражений застигнутые врасплох римские легионеры избежали разгрома лишь благодаря смелости и энергии Суллы, командовавшего римской конницей.

Наконец, окончательной победой в африканской войне римляне в значительной мере были обязаны безрассудной отваге Суллы.

Несмотря на ряд поражений, которые потерпели нумидийцы в борьбе с Римом, война не могла прекратиться до тех пор, пока оставался на свободе царь Югурта, пользовавшийся огромным влиянием среди соплеменников. Свои дерзкие и опустошительные набеги Югурта совершал из отдаленного и труднодоступного Мавританского царства, которым правил его тесть Бокх. К Бокху было необходимо отправить римского офицера с требованием о выдаче Югурты. Это предприятие было связано с огромным риском, так как мавританский царь мог выдать римского посла Югурте, а в этом случае его ожидала мучительная казнь.

Когда среди штабных офицеров Мария стали искать добровольца, который взял бы на себя это ответственное поручение, даже самые мужественные воины заколебались. Одно дело умереть в бою, на глазах у товарищей, другое — погибнуть в одиночку под страшными пытками среди врагов. Из всех офицеров лишь один Сулла, ни минуты не раздумывая, взялся за опасное предприятие. Для него это был желанный случай доказать свое превосходство над другими. Быть может, Сулла тайне хотел испытать судьбу, увериться в благосклонности единственного божества, которому он поклонялся.

Во время опасного посольства Сулла во всем блеске проявил бесстрашие и ловкость. Он не дрогнул, когда проводник вел его к Бокху через лагерь нумидийских воинов. С презрением отклонил он трусливые советы своих спутников, которые в самую последнюю минуту предлагали ему спастись бегством. Такую же твердость и бесстрашие Сулла проявил в переговорах с Бокхом и сумел добиться выдачи нумидийского царя. Скованный Югурта был доставлен Л. Корнелием в римский лагерь. Трудный африканский поход закончился. Однако подвиг Суллы задел мнительного и завистливого Мариа, который годами готовил свой успех. И вдруг, откуда

ни возьмись, какой-то офицер, появившийся недавно в армии, вырвал у него победу.

Марий с трудом скрывал свое раздражение под маской добродушия и благожелательности. Сулла прекрасно понимал, что происходило в душе его начальника, но ему доставляло большое удовольствие злить подозрительного и мужиковатого Мариа. Это был прекрасный случай расквитаться за тот более чем холодный прием, который оказали молодому аристократу сам Марий и старые штабные офицеры. Кроме того, скромность не входила в число добродетелей Суллы, и он не считал нужным молчать о своих заслугах.

Враждебные Марию аристократы старались подорвать его авторитет в глазах народа. Всюду, где только можно, они подчеркивали двусмысленность создавшегося положения: формально победителем в африканской войне считался выходец из простонародья, консул Марий, фактически же войну закончил римский аристократ Сулла.

Не без помощи сената Сулла убедил мавританского царя Бокха воздвигнуть на главной площади Рима скульптурную группу, изображавшую эпизод пленения Югурты. Это еще больше насторожило Мариа. Однако внешне отношения между Суллой и его начальником оставались прекрасными.

Вскоре после окончания войны с Югуртой с севера в пределы Римского государства вторглись племена кимвров и тевтонов. Орды отважных воинов разгромили посланные против них римские войска и угрожали самой Италии. Ввиду нависшей опасности командование армией снова было поручено Марию. В числе его штабных офицеров по-прежнему находился Сулла. Римская армия и в этой войне не раз была обязана ему своими победами. С возрастом авторитета Суллы росло и недовольство Мариа: главнокомандующий перестал давать Сулле важные поручения и открыто мешал его продвижению по службе. Это привело к полному разрыву между ними, и Сулла перешел в штаб второго консула, аристократа Катутла, который открыл ему путь к славе и власти. В руках молодого штабиста оказалось все продовольственное снабжение римской армии: в трудных условиях он сумел наладить бесперебойную доставку в войска провианта и фуража. Это в значительной мере облегчило римлянам победу над кимврами и тевтонами.

После победы над германцами аристократическое правительство Рима предоставило Сулле возможность поправить его денежные дела, назначив его наместником в одну из восточных провинций, которой угрожало нападение со стороны понтийского царя Митридата. Сулла и здесь проявил свои недюжинные дипломатические способности и изворотливость, сумев предотвратить войну, казавшуюся неизбежной.

С Востока Сулла вернулся богатым человеком, изрядно ограбив подвластную ему провинцию, где не пренебрегал никакими средствами, чтобы приумножить свое состояние. Грабеж населения римскими наместниками был обычным явлением, и в Риме, как

правило, никто не обращал на это никакого внимания. Но Сулла в данном случае проявил такой непомерный аппетит и такую беззастенчивость, что вызвал нарекания даже со стороны сената.

Сторонник народной партии, Гай Цензорин, возвел против Суллы обвинение во взяточничестве и ограблении провинции. Назначили судебное разбирательство. Но во время суда Цензорин неожиданно для всех отказался от своих обвинений, и дело было прекращено. Все знали, что Сулла не из тех людей, которые прощают обиды, и Цензорин, по-видимому, струсил, решив не навивать себе опасного врага.

Возвращение Суллы с Востока на родину совпало с тревожными событиями в Риме. Незадолго перед тем народная партия попыталась захватить власть в столице. Однако нерешительность, а потом и прямая измена Мария привели к провалу этой попытки. Вчерашний герой, спаситель отечества от германских варваров, превратился в предателя, в обанкротившегося политика.

Вскоре вспыхнуло восстание италиков, известное в истории под названием «Союзнической войны». Этот период явился тяжелым испытанием для Римского государства: пришлось сражаться с людьми, прошедшими выучку в римской армии и ни в чем ей не уступавшими.

Суллу поручили командование армией. В этой войне своими успехами он окончательно затмил Мария, разгромив самнитов — самое могущественное из восставших италийских племен. Огнем и мечом Сулла прошел их землю и взял штурмом столицу самнитов город Бовиан. После этого движение «союзников» пошло на убыль.

Успехи в «Союзнической войне» выдвинули Суллу на первое место среди военных и политических деятелей. Его избирают консулом. Сделанная им карьера могла удовлетворить самого тщеславного честолюбца, но Сулла не знал предела своим мечтаниям. Луций Корнелий Сулла породнился с одной из самых знатных и влиятельных римских фамилий, женившись на Цецилии, дочери верховного жреца Метелла. В глазах окружающих женитьба на Цецилии, принадлежавшей к высшим кругам римской знати, считалась большой честью для Суллы, выходца из обедневшей семьи.

В период консульства Суллы разгорелась давно угрожавшая Риму война с понтийским царем Митридатом. Понтийский царь правил землями, расположенными на северном и южном побережье Черного моря, а также областями в Малой Азии. Царь Понта мог набирать людей в войско на огромном пространстве от устья Дуная до Каспийского моря. Во главе его армии стояли опытные греческие военачальники. Однако пестрая масса войск Митридата не имела единоначалия и неизбежно должна была потерпеть поражение в столкновении с высокоорганизованной римской военной системой. Огромное государство Митридата было лоскутным, готовым распасться при первой же серьезной неудаче, что прекрасно понимал

владыка Понта и старался избежать открытого столкновения с Римом.

Долгое время Митридату удавалось вести в отношении римлян рискованную политику на грани войны. Однако после того как «Союзническая война» была в основном закончена, римские дипломаты сумели вызвать понтийского царя на открытое столкновение.

Несмотря на подавляющее превосходство римлян, у понтийского царя были некоторые шансы на успех. Прежде всего Римское государство ослаблялось постоянной борьбой между аристократическим правительством и народной партией, стремившейся к власти. Митридат, на худой конец, мог всегда попытаться сговориться с одной из борющихся в Риме сторон. Кроме того, не все очаги «Союзнической войны» в Италии были потушены, и Митридат надеялся раздуть их с новой силой. Он даже включил в состав своей армии, вооруженной по римскому образцу, отряд италийских беглецов, нашедших после разгрома восстания приют при дворе понтийского царя. В подвластных республике провинциях местные жители, и особенно рабы, были недовольны римским владычеством. Митридат обратился к этим людям с призывом восстать против Рима. В ответ на это в Малой Азии и Греции начались массовые избиения римских чиновников, купцов и ростовщиков. На одном только небольшом острове Делос было перебито до двадцати тысяч римлян. Вся Малая Азия и Греция вскоре оказались в руках понтийского царя.

Успехи Митридата показали римлянам всю серьезность положения. В Риме предполагали, что исход борьбы будет в пользу римлян, если правительство примется за дело всерьез. Но на пути к решительному ведению войны стояли многочисленные препятствия. Первым и главным из них была борьба между аристократами и Народной партией. Обе стороны прекрасно понимали, что победа над Митридатом сулила не только славу, но и огромные денежные богатства в виде военной добычи, конфискаций и штрафов с восставших городов Малой Азии и Греции. В руках командующего армией, направленной против Митридата, окажутся огромные средства, которые можно употребить на подкуп избирателей, солдат, на захват власти в государстве. Поэтому было очень важно, кто будет главнокомандующим: ставленник аристократического правительства или сторонник народной партии. В Риме было только два военачальника, слава и заслуги которых давали им право добиваться командования в войне с Митридатом: Сулла и Марий. Назначение первого значительно бы упрочило положение правительства. Поэтому народной партии ничего другого не оставалось, как простить Марию его предательство и поддержать его кандидатуру. Гай Марий принял поддержку прежних друзей, надеясь с их помощью восстановить свое положение в республике.

Было очевидно, что правительство пошлет против Митридата Суллу. Поэтому народная партия подняла массы на борьбу против правительства с целью передачи командования в войне с Понтом

Марию. Во время волнений народ напал на сенаторов и многих из них убил. При этом погиб сын консула Помпея. Консул Сулла был загнан сторонниками народной партии в дом Мария. Здесь демократы, угрожая ему кинжалами, требовали, чтобы он уступил командование своему политическому противнику. Корнелий Сулла принял требования народной партии. Консул Помпей, проявивший больше упорства, был лишен власти, а Сулла публично, на главной площади Рима, признал Мария главнокомандующим. Народная партия ликовала.

Однако радость была преждевременна: усыпив бдительность противника рядом уступок, Сулла бежал из Рима к боготворившей его армии, с которой он прошел «Союзническую войну». Он настроил солдат против Мария, соблазнил их рассказами об огромной добыче, ожидающей их на Востоке; он запугал солдат тем, что Марий отправится в поход с другими войсками, предоставив им заканчивать тяжелую и малоприбыльную «Союзническую войну». Сулла добился того, что его солдаты перебили посланных к ним Марием офицеров и потребовали, чтобы их вели на Рим.

Никогда еще ни один римский полководец даже не помышлял о походе против собственной столицы. Армия во главе с консулом могла переступить границу «Вечного города», лишь получив право на триумфальное шествие. В глазах Суллы римский народ, который назывался владыкой мира, был лишь сборищем черни, а победитель кимвров и тевтонов Марий — обанкротившимся политическим мошенником. Законность Луций Корнелий считал пустым словом, а «Вечный город» был для него населенным пунктом, лишенным гарнизона, с полуразвалившимися укреплениями, взять которые значительно легче, чем овладеть Бовианом.

Во главе шести легионов Сулла ворвался в Рим, разгромил в уличных боях наспех собранные Марием силы и овладел столицей. Впервые за всю многовековую историю Рима на его площадях запылали бивуачные костры римских легионеров. Марий и другие вожди народной партии бежали. Сенат объявил двенадцать человек врагами отечества, подлежащими смертной казни.

Разгромив демократов и укрепив власть сената, Сулла двинулся на Восток против понтийского царя. Это было отчаянно смелое предприятие: у консула не было ни военного флота, ни денег, в тылу у него оставался враждебный ему римский народ и незаконченная «Союзническая война». Однако римская армия, если не численно, то по своим боевым качествам превосходила войска Митридата. На стороне Суллы были имущие классы Греции, испуганные восстаниями рабов и бедноты, поднявшимися по призыву понтийского царя.

Действия Суллы отличались быстротой и решительностью. Нуждаясь во флоте, он послал в Восточное Средиземноморье своего помощника Лициния Лукулла, чтобы нанять на службу финикийских, критских и киликийских пиратов.

Начиная с 87 г. до н. э. с большим упорством римляне повели

осаду центров восстания в Греции — Афин и Пирея. Когда же в 86 г. до н. э. Афины были взяты штурмом, началось ужасное и безжалостное избиение жителей. Город был отдан на разграбление солдатам Суллы.

Когда Сулла приказал выдать ему сокровища Дельфийского храма, посвященного богу Аполлону, жрецы заявили: они не решаются трогать ценности ввиду явного проявления божественного гнева (в храме были слышны пение и музыка). На это Сулла, смеясь, ответил, что, наоборот, божество с удовольствием отдает ему свои сокровища, так как пение и музыка обычно являются признаками радости, а не гнева. После этого жрецам не оставалось ничего другого, как доставить римскому полководцу требуемые ценности.

В битвах в Беотии — при Орхомене и Херонее — римляне разгромили две армии Митридата и очистили от понтийцев всю Грецию.

Однако победы Суллы были сведены к нулю событиями, происшедшими в это время в Италии. Пока Сулла на Востоке боролся против Митридата, Римом снова овладела народная партия. В столицу вернулся Марий, жаждавший мести. Народная партия вошла в соглашение с остатками восставших италийцев, и началась расправа со сторонниками аристократического правительства. Убийства, конфискации и изгнания следовали одно за другим.

Однако дни престарелого Мария были сочтены: возраст, раны и лишения подорвали его здоровье. Он заболел горячкой. Во время болезни, длившейся семь дней, Гай Марий бредил сражениями и победами над Митридатом. Даже на пороге смерти Мария терзала зависть к его более счастливому сопернику.

После его смерти взяли верх умеренные элементы, боявшиеся жестокостью отпугнуть состоятельные слои римского населения. Убийства были прекращены. Под предлогом выплаты жалованья рабов и италийцев, выполнявших приказы покойного Мария, окружили войсками и истребили. Таким способом вожди народной партии хотели доказать, что они не причастны к прежним избиениям, и свалили всю вину с себя на умершего Мария.

В это время начались восстания против Митридата в городах Малой Азии. Известие об изгнании понтийских войск из Греции и появление новой римской армией под командой представителя демократов Флакка ободрило состоятельные слои малоазийского населения, недовольного политикой Митридата. К концу 85 г. до н. э. положение Митридата стало крайне тяжелым. После битвы при Орхомене Греция была для него окончательно потеряна. Одна часть Малой Азии была занята римской армией Флакка, а другая охвачена восстанием. В довершение всего на море появился созданный Суллой римский флот. Однако для Митридата оставался еще выход: играя на вражде между римскими аристократами и демократами, он мог выторговать выгодные условия мира. Мир можно было заключить или с Суллой, или с Флакком, в зависимости от того, кто окажется уступчивее.

Митридат начал переговоры одновременно с двумя римскими военачальниками. Он готов был отказаться от уже потерянных им территорий в Греции, но настаивал на присоединении к Понту римских владений в Азии. Сулла отверг эти наглые условия и переправил свои войска в Малую Азию прежде, чем Митридат успел прийти к соглашению с римскими демократами. Появление Суллы в Азии заставило понтийского царя поспешно договориться с ним об условиях мира. При раздорах, которые потрясали римскую республику, ему удалось добиться от Суллы если не выгодных, то вполне сносных условий.

Митридат должен был уступить все занятые им у римлян области, выдать пленных и перебежчиков, передать Сулле свой флот из восьмидесяти боевых кораблей, доставить продовольствие, уплатить жалованье римской армии и возместить военные издержки.

Закончив войну с Митридатом, Корнелий Сулла двинулся против армии римских демократов, находившейся в Малой Азии. Войско народной партии было не только слабее армии Суллы числом, но и уступало ей в отношении дисциплины. Незадолго перед появлением Суллы в Азии офицеры демократической армии составили заговор против своего начальника Флакка, в результате которого он был убит, а на его место избран Гай Флавий Фимбрия, принимавший вместе с Марием участие в истреблении римских аристократов.

Когда Сулла подступил к лагерю противника, солдаты демократической армии стали массами покидать своего начальника. Видя безвыходность положения, Фимбрия покончил жизнь самоубийством. После этого Сулла стал готовиться к походу в Италию против захватившей власть в Риме народной партии. На города Малой Азии, население которых по призыву Митридата приняло участие в избиении римских купцов, был наложен штраф.

Перед отплытием в Италию Сулла решил испытать верность своих воинов, распуслав слух, что его казна опустела из-за огромных расходов. Узнав об этом, солдаты тотчас же устроили складчину и предложили консулу из собственных сбережений значительную сумму для ведения войны в Италии. Денег Сулла не взял, но поблагодарил солдат за усердие: теперь он знал, что солдаты верят в его удачу и пойдут за ним навстречу любой опасности.

В 83 г. до н. э. Сулла со своей армией высадился на юге Италии в Брундизии. Со всех сторон к его лагерю стали стекаться сторонники аристократии. Объединившиеся вокруг Корнелия Суллы аристократы были более сплочены, чем их противнику — демократы. Исход борьбы был ясен, так как в распоряжении Суллы находились огромные денежные средства, награбленные на Востоке. Благодаря подкупу, ему удалось сразу же после высадки переманить на свою сторону армию одного из демократических консулов. Армия другого консула была осаждена Суллой в городе Капуа.

Демократы прибегли к крайним средствам для продолжения борьбы: золотая и серебряная утварь римских храмов была перс-

чеканена в монету. Демократическое войско пополнялось многочисленными италийскими добровольцами — участниками недавнего восстания против Рима. В короткий срок была собрана громадная армия — около 40 легионов.

В столице опять начались избиения людей, подозреваемых в сочувствии аристократам. Однако дни правления демократов были сочтены. В 82 г. до н. э. Сулла овладел Римом. В некоторых частях Италии остатки демократов и восставших италийцев еще пытались оказать сопротивление, но это была уже борьба без всякой надежды на успех.

Началась свирепая борьба с побежденными. Сулла хотел дать народным массам жестокий урок. Он начал с того, что приказал согнать на Марсово поле шесть тысяч пленных и всех их перебить. Крики людей, которых резали как баранов, донесся до храма богини войны Беллоны, где Сулла держал речь перед собравшимся сенатом. Сенаторы пришли в ужас. Но консул посоветовал им не обращать внимания на то, что происходит снаружи: не случилось ничего особенного, просто его солдаты получили приказ проучить кучку негодяев. После этого жители Рима поняли, что победа Суллы не избавила их от кровопролития, а лишь привела к замене одного палача другим.

Многие были удивлены свирепостью победителя. Все знали, что Марий был жесток от природы, а неограниченная власть только дала свободу его врожденным порочным наклонностям. Сулла же смолodu прослыл человеком веселым и добрым, всегда готовым пожалеть несчастного и помочь любому в беде. Полагали, что, придя к власти, Сулла прекратит жестокие расправы, к которым прибегли Марий и демократы. Однако, овладев Римом, он превзошел Гая Мария в жестокости, как несколько раньше в военной славе.

Были введены *проскрипции* — списки людей, объявленных вне закона. В них включали всех заподозренных в сочувствии демократам. Сразу же приговорили к смерти сорок сенаторов и около тысячи шестисот других людей. Сулла назначил подарки тем, кто их убьет, деньги — кто на них донесет, наказания — кто укроет приговоренных. Немного времени спустя он включил в проскрипции еще новых людей: все осужденные погибали там, где их схватили, — в домах, на улицах, в храмах. Некоторые в страхе бросались с мольбой о жизни к Сулле, а их убивали у его ног. Страх был так велик, что никто из наблюдавших эти ужасы не смел даже пикнуть.

Когда в столице уже некому было предъявлять обвинения, Сулла обрушился на целые области Италии. В большую часть городов он направлял колонистов из своих солдат, чтобы иметь гарнизоны по всей Италии. Земля, принадлежавшая горожанам, их дома и имущество были поделены между солдатами. Ужас охватил всю республику. Никто не помышлял о сопротивлении главе аристократов. Только в Испании отважный вождь демократов

Серторий, опираясь на поддержку местного населения, долгие годы успешно боролся против Суллы и его полководцев.

После победы над демократами Сулла стал диктатором, сделавшись единственным и полновластным властителем Рима. Он сразу же принялся за восстановление и упрочение господства аристократии.

Приверженцы Суллы воспользовались проскрипциями и конфискациями для личного обогащения. Один из его штабных офицеров, Марк Лициний Крассе, благодаря проскрипциям сделался самым богатым человеком в Риме. Желая вознаградить своих сторонников за усердие, Сулла не препятствовал им грабить и обогащаться. Он раздавал щедрой рукой конфискованные имения, дарил земли с многочисленным населением и доходами от городов своим офицерам, красивым женщинам и разным проходимцам.

Он хорошо знал корыстолюбие римской аристократии и считал необходимым задобрить ее, чтобы она не мешала ему установить твердый порядок в ее же интересах. Но Сулла понимал, что знать не способна к управлению республикой, и выбрал своими ближайшими помощниками в деле восстановления древнего государственного строя «новых людей» — способных, беспринципных и честолюбивых перебежчиков из демократического лагеря. Между аристократами и «новыми людьми», не имевшими знатных предков и родословной, сразу же разгорелась вражда. Однако Сулла умел держать своих подчиненных в руках: когда его ближайший сподвижник Лукреций Офелла вопреки воле диктатора выдвинул свою кандидатуру в консулы, он приказал убить его на главной площади Рима в присутствии Народного Собрания.

Сулла хорошо сознавал непрочность установленного им строя, при котором у власти снова оказалась родовитая римская знать. Прекрасно зная людей, он ясно предвидел будущее. Когда знатные друзья упросили его пощадить племянника Гая Мария, будущего диктатора Гая Юлия Цезаря, Сулла, вычеркивая имя Цезаря из проскрипционного списка, заметил:

— Вы еще пожалеете о сделанном. В этом молодом человеке сидит сотня Мариев.

Ближайший помощник Суллы Гней Помпей вопреки советам диктатора добился избрания в консулы Марка Лепида. Когда Помпей возвращался домой, радуясь своему успеху и влиянию на избирателей, Сулла, подзвав его к себе, сказал:

— Ты, молодой человек, недурно распорядился, проведя Лепида в консулы. Теперь не спи и гляди в оба — ты усилил противника на свою же голову.

Очень скоро предсказание диктатора сбылось: Марк Лепид выступил против Помпея, поддерживавшего сулланский режим.

Восстановив в Риме господство аристократии, Сулла решился на смелый шаг, сложив с себя диктаторские полномочия и вернувшись к частной жизни. Будучи полновластным правителем республики, он распоряжался по своему усмотрению жизнью людей

и их собственностью. И вот теперь всесильный диктатор публично отказался от власти, распустил вооруженную охрану и обратился к Народному Собранию с предложением: если кто пожелает, может потребовать у него отчета о деятельности. Растерянные жители безмолвствовали. Тогда Сулла сошел с ораторской трибуны и спокойно прошел через толпу, в которой, пожалуй, не было человека, которому бы он не причинил какого-нибудь вреда.

Многие удивлялись этому поступку Суллы. Диктатор Гай Юлий Цезарь считал впоследствии отказ Суллы от власти ошибкой. Однако сам Гай, цепляясь за ускользающую власть, пал под ударами кинжалов заговорщиков, а Сулла умер своей смертью, окруженный преданными друзьями.

Он лично достиг всего, о чем мог мечтать. Кроме того, честолюбие Суллы было особым: его больше привлекало достижение цели, преодоление трудностей, чем сама цель.

Большее удовольствие доставляло ему завоевывать власть, чем пользоваться ею. Как только Сулла достиг всего, чего мог желать, то заметил, что власть мешает ему наслаждаться красотой жизни. Тогда он ушел на покой, удалившись в одно из своих имений. Здесь Сулла занялся охотой, рыбной ловлей и составлением мемуаров. В это время умерла его жена, Цецилия Метелла. Вскоре Сулла, уже будучи пожилым человеком, женился (в пятый раз) на Валерии Мессале, сестре известного римского адвоката Гортензия, соперника знаменитого Цицерона.

Сулла умбр на шестидесятом году жизни от горлового кровотечения (в 78 г. до н. э.). Когда в Риме зашла речь о похоронах Суллы, многие протестовали против торжественного погребения тирана. Однако память и страх перед Суллой еще жили. Было решено перенести его тело в столицу и здесь похоронить.

Никогда Италия не видела более торжественных похорон. Всюду, где проносили тело умершего, к шествию присоединялись толпы народа и старые солдаты Суллы. Впереди несли боевые знамена диктатора. Казалось, вся армия захотела в последний раз собраться вокруг умершего командира, который при жизни так часто водил ее к победам. Наконец нескончаемая траурная процессия вступила в столицу.

Сенат решил тело Суллы предать сожжению. Его прах был погребен на Марсовом поле рядом с гробницами древних римских правителей. Надпись на его мавзолее, составленная заранее самим Суллой, гласила: *«Здесь лежит человек, который более, чем кто-либо из других смертных, сделал много добра своим друзьям и зла врагам».*

Сильный духом и телом, голубоглазый, светловолосый, с поразительно бледным лицом, которое при малейшем волнении заливалось яркой краской, Сулла был красивым человеком. Он искал в жизни только веселья и наслаждений. Его одинаково любили в аристократических гостиных и в солдатских палатках. Он был интересным собеседником и хорошим товарищем. Знатные и не-

знатные друзья находили в нем человека, всегда готового помочь в нужде. Сулла был страстным поклонником вина и женщин: целый год после его смерти римские дамы носили по нем траур.

Он любил шутку и отличался чудачеством. Когда однажды во времена своей диктатуры Сулла руководил публичной продажей имущества людей, объявленных вне закона, какой-то поэт преподнес ему плохие стихи, прославляющие его деяния. Сулла тут же приказал выдать автору награду из конфискованного имущества с условием, чтобы сочинитель поклялся впредь никогда не писать стихов.

В Сулле не было даже следа того чванства, с которым римская знать обычно относилась к артистам, художникам, писателям. Он охотно выбирал себе товарищей из среды актеров и любил проводить время за бокалом вина в обществе Квинта Росция, величайшего артиста той эпохи. Сам Сулла неплохо пел и даже сочинял комедии-шутки, которые исполнялись в близком ему кругу. Он был суеверен, но его суеверие не имело ничего общего с легковерием Мария, за деньги покупавшего у жрецов благоприятные предсказания, а затем действовавшего согласно этим заведомо ложным пророчествам. Вера Суллы была верой в судьбу, в случай, верой человека, навсегда отказавшегося от надежды установить причинную связь между явлениями. Это было суеверие счастливого игрока, убежденного в том, что судьба предопределила ему везде и всегда выигрывать. Он был сыном своего времени и своего класса. Рожденный в другую эпоху и в другой среде, Сулла стал бы украшением отечества. Вместо этого он сделался пугалом, чудовищем, о котором последующие поколения вспоминали с ужасом и отвращением.

МАРК КРАСС

Марк Лициний Красс родился в 115 г. до н. э. в знатной семье. Его отец одно время играл заметную роль в политической жизни страны, занимал государственные должности и однажды удостоился триумфа.

Детские и юношеские годы Марка протекали в бурное и тяжелое время. Внутренняя политическая борьба между аристократической и народной партией переросла в кровавую гражданскую войну.

Подобно молодым людям своего круга, Марк Красс готовился к политической карьере. Он не обладал блестящим красноречием, но был трудолюбив и упорен. Для того времени публичные выступления в суде в роли адвоката были обычным началом карьеры политического деятеля. Красс охотно брался за любое дело в суде, даже самое маленькое и ничтожное, от которого отказывались другие. Он был обходителен с людьми, независимо от их звания и положения. На улицах Рима Красс любезно отвечал на поклоны каждого встречного, будь то даже самый незначительный человек. Постепенно увеличивалась известность Красса, и к нему стали охотно обращаться за помощью.

С юношеских лет Марк Красс стремился к наживе. Жажда богатства стала основной чертой его характера. Он рано обнаружил блестящие способности дельца и спекулянта, умеющего из всего извлекать выгоду.

Состояние Красса постепенно росло. Он арендовал земли, участвовал в торговых и откупных компаниях, а также скупал рабов для продажи. Под его наблюдением молодых рабов обучали различным наукам, искусству, ремеслам. Обученных рабов продавали втридорога, либо Красс отдавал их в аренду.

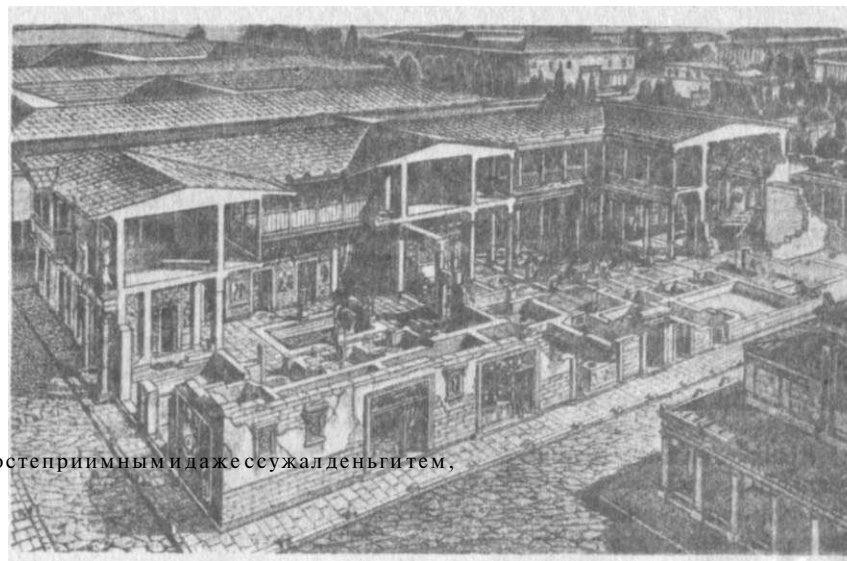
Красс использовал все, даже недостаток жилья в Риме. Город, куда стекались тысячи людей со всех концов Италии и из провинции, был переполнен. С каждым годом жилищный кризис усиливался. Многоэтажные дома были лишены удобств, часто обваливались, разрушались. Из-за скученности зданий возникали пожары, опустошавшие целые кварталы. Это создавало благоприятные условия для спекуляций. Красс создал пожарные команды из специально обученных рабов. Они за плату тушили пожары, предохраняли от огня соседние дома. Красс покупал сгоревшие дома за бесценок, а затем на их месте сооружал многоэтажные доходные здания и сдавал их в аренду.

Заправляя крупными делами, Красс не брезговал и мелкими, стараясь извлечь доход из всего и экономя на всем. Так, когда в холодные дни он одалживал плащ своему учителю, постоянно сопровождавшему его в разъездах, Красс никогда не забывал потребовать его обратно. Однако, когда ему это было выгодно, Красс становился щедрым, гостеприимным и даже ссужал деньгами, кто мог ему пригодиться, не требуя за это процентов.

В эти годы в Риме шла кровавая борьба между сторонниками аристократической партии, возглавляемой Суллой, и народной партией, вождем которой был Гай Марий. Крассе, как и вся его семья, принадлежал к аристократической партии.

В 88 г. до н. э. Сулла захватил Рим. Разгромив демократов, Сулла отправился в поход на восток против понтийского царя Митридата. Воспользовавшись отсутствием Суллы, Рим осадил войска Мария и его соратника Цинны. В городе свирепствовали голод, болезни. В июне 87 г. до н. э. Рим капитулировал. Началась кровавая расправа со всеми, кого подозревали в сочувствии Сулле. Погибло много знатных граждан. Были убиты отец и брат Красса, и сам он едва избежал гибели. С несколькими друзьями и слугами он успел бежать из Рима. Скрываясь днем, двигаясь по ночам, беглецы достигли моря, сели на корабль и поплыли в Испанию, где жили друзья семьи. Марк Красс рассчитывал на их помощь. Однако в Испании тоже были напуганы террором и боялись Мария. Поэтому Красс соблюдал осторожность. Он и его спутники укрылись в пещере, выходящей к морю. Неподалеку находилось поместье Вибия — друга отца Красса.

Когда от посланного раба Вибий узнало том, что Марк Красс спасся, он обрадовался, но посоветовал им оставаться некоторое время в пещере, ежедневно посылая им пищу и питье. Восемь месяцев прожили Красс и его спутники в пещере. Они покинули свое убежище, когда стало известно о смерти вождей демократов — Мария и Цинны. Марк Красс открыто стал на сторону Суллы. Как многие другие, например, Помпей, он стал вербовать наемников в свои личные войска. Собрал две с половиной тысячи человек, он выступил на помощь Сулле. Прибыв в Италию, отряды Красса соединились с сулланской армией, которая готовилась идти на Рим. К Сулле стекались

Дом римского нобиля

представители римской знати, они рвались к власти, желая отомстить сторонникам Мария.

С ним был и Крассе, которым владели честолюбивые мечты. Он мечтал сравняться с Помпеем, названным «Великим» самим Суллой. У Красса же не хватало боевого опыта. Кроме того, корыстолюбие и жадность по-прежнему оставались основными чертами его характера: когда на пути к Риму сулланцы захватили умбрийский город, Красс присвоил себе большую часть добычи.

1 ноября 82 г. до н. э. у Коллинских ворот столицы началось ожесточенное сражение. Красс командовал правым флангом армии Суллы. Сражение продолжалось несколько часов. Левое крыло армии было разбито, сам Сулла едва не погиб и с толпой беглецов укрылся в укрепленном лагере. Крассу же удалось разбить неприятеля и отбросить его на север. До наступления темноты он преследовал отступавших. Успех Красса решил дело. Рим капитулировал. Сулла вырвал победу в своем командовании. Красс стал одним из самых близких ему людей. Он не только вернул отобранные марианцами владения своей семье, но во много раз увеличил их. Свои огромные богатства Красс добывал в пламени войны, мятежей и общественных бедствий. Овладев Римом, Сулла принялся за казни и убийства своих противников. Он в огромном количестве распродал и раздавал конфискованное у казненных имущество.

Красс не только скупал за бесценок имения и дома казненных, но и выпрашивал у победителя все новые подарки. Продолжал Красс и свои старые спекуляции, прерванные изгнанием. Вскоре

он сделался владельцем большинства римских домов, огромных земельных участков, серебряных рудников, тысяч рабов и другой собственности. Красс стал самым богатым человеком в Риме. Он хвастливо говорил, что человек, который на свои деньги не может содержать армию, не должен называться богатым. Богатство сделало Красса очень влиятельным. Значительная часть сенаторов стала его должниками. Однако, стремясь к популярности, Красс продолжал заниматься адвокатской деятельностью. По-прежнему он был учтив, обходителен и приветлив с людьми и не держался так недоступно, как Помпей. Но под обходительной, приветливой внешностью скрывался решительный, жесткий характер, порой внушавший страх противникам. Один из народных трибунов сказал о Крассе: «Его нельзя задевать — ведь у него на рогах сено». (Римляне, чтобы предостеречь встречаемых, привязывали к рогам бодливых быков сено.)

Красс завидовал Помпею, его победам, триумфам, его прозвищу «Великий», титулу императора.

Пользуясь своим положением и тем, что от его кошелька многие зависели, Красс лавировал между враждующими партиями, не связывая себя ни с одной из них. На первое место он ставил свои выгоды и держался обособленно как от аристократической, так и от народной партии. Он никому не был ни надежным другом, ни непримиримым врагом, а переходил то на одну, то на другую сторону, меняя свои политические убеждения в зависимости от выгоды.

В 74 г. до н. э. Римское государство переживало тяжелое время. На западе, в Испании шла война против восставших племен, возглавляемых бывшим марианцем Серторием. Сенат послал туда с армией Гнея Помпея. На Востоке шла война с таким грозным противником, как Митридат. Против него были посланы два консула. В это время в самой Италии началось восстание рабов под предводительством Спартака.

В городе Капуе существовала школа гладиаторов, которая пользовалась известностью; в ней обучалось несколько сот гладиаторов. Это были большей частью фракийцы, галлы, взятые в плен и обращенные в рабство. Наиболее сильных, выносливых отбирали в гладиаторы и обучали биться с оружием в руках друг против друга на потеху римской толпе. Гладиаторов держали под строгим надзором, чтобы они не убежали или не восстали. За малейшую провинность их били плетью, заковывали в кандалы и сажали на цепь.

В школе созрел заговор. Его возглавил сильный, ловкий, умный и смелый Спартак, по происхождению фракиец. Он сражался против римлян, был взят в плен и продан в капуанскую школу гладиаторов.

Заговор из-за предательства был раскрыт, общее восстание не удалось. Все же 78 человек успели бежать, вооружившись кухонными ножами и вертелами.

Когда беглецы оказались за пределами города, им повстречалось несколько повозок, везших в Капую оружие для гладиаторов. Рабы захватили это оружие и двинулись дальше. К вечеру беглецы достигли Везувия и, выбрав на горе удобное для обороны место, расположились там.

Римские власти вначале не приняли всерьез бегство кучки гладиаторов. Однако первые попытки захватить мятежников окончились неудачей. Гладиаторы отбились и даже завладели оружием легионеров. Тогда против восставших был брошен трехтысячный отряд.

Поляна на горе Везувий, где расположились гладиаторы, была труднодоступной. Со всех сторон ее окружали обрывистые, отвесные скалы, лишь сверху поросшие диким виноградом. Только одна узкая тропа вилась между скал. Римский военачальник приказал блокировать ее, считая, что голод вынудит гладиаторов сдаться.

Положение казалось безнадежным. Однако Спартак осуществил ловкий и смелый план. По его приказу нарезали гибкие виноградные лозы и сплели длинную лестницу. По ней, воспользовавшись беспечностью правительственных войск и утренним туманом, один за другим осажденные спустились вниз. Оставшийся последним осторожно, чтобы не производить шума, переправил вниз оружие, а затем присоединился к остальным. Без единого звука отряд снялся с места и вышел в тыл римлянам. Нападение было внезапным. Ничего не подозревавших римских воинов застигли врасплох и большей частью перебили. Победители захватили много оружия, припасов. К Спартаку стали стекаться беглые гладиаторы, рабы, свободные крестьяне. Почти вся окрестность оказалась в руках восставших. Против них правительство бросило значительные силы, но Спартак разбил их.

Армия Спартака разрасталась и становилась грозной силой. Спартак понимал, что ему будет не под силу бороться с могущественным Римом. Он предложил идти на север, перевалить через Альпы, достигнуть Галлии, Фракии и вернуть освобожденных рабов на родину. Другие вожди восстания возражали против этого плана, они требовали продолжать войну в Италии, громить рабовладельцев и освобождать рабов.

Восстание распространялось на новые и новые страны. Римское правительство перестало пренебрежительно относиться к восставшим рабам. Оно поняло, какая грозная опасность нависла над Римом. В 72 г. до н. э. сенат постановил отправить против Спартака сразу обоих консулов: так делалось, когда шла трудная война с сильным противником.

Борьбу Спартака затрудняли разногласия среди восставших. Однажды часть рабов отделилась от основных сил, решив действовать самостоятельно. Она была полностью уничтожена армией одного из консулов. Другой римский полководец попытался разбить самого Спартака, но вождь рабов, прорвав окружение, уничтожил его армию и двинулся к Альпам. Путь им преградил наместник Цизаль-

пийской Галлии Гай Кассий с десятитысячным войском. Спартак разбил его. Сам Кассий едва избежал плена. Победы Спартака водошевли рабов. Всю Италию охватил пожар восстания.

Обеспокоенный сложившейся обстановкой, сенат стал искать человека, которому можно было бы доверить борьбу с мятежными рабами. Лучшие полководцы были вне Италии. Помпей продолжал войну в Испании, Лукулл воевал с Митридатом в Малой Азии. Тогда свои услуги предложил Марк Лициний Красс. Он решил, что пришел его час сделать военную карьеру. Кроме того, Красс, сам крупнейший рабовладелец, был кровно заинтересован в быстром подавлении восстания.

В это время Спартак повернул от Альп и двинулся к югу вдоль побережья Италии. Рим направил против него большие силы. Красс выслал вперед два легиона, приказав им не завязывать сражения. Командовавший отрядом Муммий презрительно относился к восставшим рабам и не считал их достойным противником. Поэтому он пренебрег приказом Красса и напал на Спартака. В ожесточенном сражении римляне были разгромлены и бежали.

Боевой дух римских солдат был подорван. Чтобы его восстановить, Красс воскресил старинный жестокий обычай — децимацию, то есть казнь каждого десятого. Уцелевших солдат Муммия построили и разбили на десятки. Бросили жребий, и те, на кого он указал, были казнены. Эта казнь считалась позорной и сопровождалась мрачными обрядами.

Восстановив такими суровыми мерами дисциплину, Красс двинулся против Спартака. Восставшие уже находились на юге Италии. Они вышли к проливу, отделявшему Италию от острова Сицилия, и начали переговоры с пиратами, корабли которых бороздили Средиземное море. Спартак договорился с пиратами, что те перевезут восставших в Сицилию. Тридцать с лишним лет назад там было подавлено крупное восстание рабов. Но положение на Сицилии оставалось напряженным. Достаточно было искры, чтобы вновь вспыхнуло пламя борьбы. Спартак рассчитывал на это. Он хотел превратить этот многострадальный остров в центр огромного восстания рабов. Пираты, однако, не выполнили обещания. Им помешали римские военные корабли.

Красс решил запереть восставших на маленьком полуострове на юге Италии. В кратчайший срок его воины вырыли широкий ров длиной в 300 стадиев (более 55 километров) и перерезали перешеек. Армия Спартака оказалась в ловушке. Скоро стало не хватать пищи, люди терпели лишения. Но Спартак снова обманул своих врагов и вырвался из западни. В темную зимнюю ночь восставшие завалили часть рва хворостом, ветвями и перешли его, прорвавшись через римские заграждения.

Красс испугался. Он, как и все, опасался всеобщего восстания рабов. Боялись также, что Спартак двинется на Рим. Поступившись своим самолюбием, Красс потребовал, чтобы на помощь из Испании и Азии были вызваны Помпей и Лукулл с их легионами. Но Красс

хотел покончить с восстанием до того, как придут эти полководцы, и он сначала решил напасть на те отряды, которые снова отделились от главных сил Спартака. В кровопролитном сражении они были разбиты. Римляне удивлялись мужеству тех, кого они не считали за людей. На поле битвы пало 12 тысяч 300 восставших, и только двое были поражены в спины; остальные бились с врагами лицом к лицу и погибли как герои.

Хотя силы Спартака после этого поражения уменьшились, он сумел нанести еще несколько грозных ударов римлянам. Вождь восставших рабов по-прежнему считал, что в сложившихся невыгодных условиях надо избегать сражения, но его войско требовало идти на Красса. Спартаку пришлось подчиниться.

Красс также спешил. Он хотел покончить с восстанием, пока не подошли легионы Помпея, уже высадившиеся в Италию. Вскоре армии Красса и восставших рабов выстроились друг против друга. Перед началом боя к Спартаку подвели коня. Спартак выхватил меч и убил его. «Если мы победим,— воскликнул Спартак,— я отберу у врагов много хороших коней. Если мы потерпим поражение, мне не понадобится и мой!»

Сражение было ожесточенным. Рабы понимали, что это их последний бой. Спартак сражался впереди, пытаясь пробиться к Крассу. Ему удалось сразить двух телохранителей римского полководца. Но вскоре он был ранен. Опустившись на одно колено, Спартак продолжал сражаться до тех пор, пока не пал под ударами врагов, но не отступил ни на шаг.

Восстание рабов было подавлено. С захваченными в плен рабами и гладиаторами Красс расправился беспощадно. Остатки армии Спартака перехватил и истребил Помпей. Более 6 тысяч пленных были распяты на крестах на дороге от Капуи до Рима. Помпей доносил сенату: «Красс выиграл битву, а я с корнем вырвал войну!»

Помпей отнял у Красса значительную часть славы. Как покоритель Испании Помпей получил триумф. Красс даже не пытался требовать почестей для себя. Сенат признал неуместным и недостойным отмечать победу над таким противником, как восставшие рабы. Красс завидовал Помпею, но, стремясь к власти, не порывал с ним. Он даже обратился к Помпею за поддержкой во время консульских выборов. Оба, и Помпей и Красс, опираясь на народную партию, были избраны консулами.

Однако дружеские отношения между двумя консулами не установились. Их пребывание у власти было отмечено соперничеством и раздорами. Римляне вспоминали впоследствии, как после избрания в консулы богач Красс принес грандиозную жертву Геркулесу: он угощал народ на 10 тысячах столов, расставленных на улицах города, и роздал всем гражданам Рима столько хлеба, что его хватило каждому на три месяца.

Красс продолжал лавировать между различными политическими течениями. Стремясь к власти, Красс сблизился даже с Катилиной, который готовил государственный переворот, направленный против

аристократических правителей Рима. Однако Красс скоро понял, что победа Катилины приведет к конфискации и разделу имущества богачей. Когда Катилина собирался начать резню в городе, Красс явился к Цицерону и передал ему документы, изобличающие участников заговора. Все же слух о том, что Красс был в числе заговорщиков, распространился по городу; один из арестованных утверждал, что Красс был связан с заговорщиками, но сенаторы не поверили, что такой богатый, знатный человек мог помогать злодеям. «Они хотят оклеветать Красса и погубить одного из первых людей государства», — говорили сенаторы.

Были в сенате и такие, кто верил в причастность Красса, но они промолчали, полагая, что в смутное время не следует порочить имя такого могущественного человека, как Марк Лициний Красс. Большинство сенаторов зависело от Красса. Поэтому они дружно кричали: «Это ложь! Надо снять подозрение с Красса!» Богатство еще раз помогло Марку Крассу.

После заговора Катилины укрепилось мнение, что римское государство нуждается в твердой власти. Эта идея связывалась с именами таких людей, как Помпей, прославившийся своими походами на Востоке, Юлий Цезарь, популярность которого сильно возросла, и Марк Красс.

Возвратившись из Испании, Гай Юлий Цезарь выставил свою кандидатуру на консульских выборах и хотел заручиться поддержкой Помпея и Красса. Но Цезарь опасался, что если он обратится за помощью к одному, то это вызовет недовольство другого. Цезарь решил примирить соперников. Это ему удалось тем легче, что каждый надеялся использовать примирение в своих интересах. Так возник союз трех сильнейших людей государства, которые стали править Римом. Союз получил название первого триумvirата. Это было шагом от республики к монархическому правлению. «Трехголовым чудовищем» называли триумvirат современники. Другие говорили, что союз Помпея, Цезаря и Красса — это союз силы, ума и золота.

Были определены сферы влияния триумvirов. Помпей укрепил свою власть в Риме и Италии. Крассу обещали снижение откупных платежей и командование на Востоке. Цезарю на 5 лет предоставили в управление Галлию, куда он и направился.

Победы Цезаря в Галльской войне сделали его главной фигурой триумvirата. По его инициативе через 4 года в городе Луке состоялась торжественная встреча триумvirов.

Цезарь, Помпей и Красс подтвердили существование своего союза. Цезарь обещал поддержать Помпея и Красса на предстоящих консульских выборах. В свою очередь, став консулами, они обещали продлить полномочия Цезаря в Галлии. Себе же решили взять другие провинции. Этот договор вызывал беспокойство в Риме. Вражда Цезаря, Помпея и Красса была опасна для государства, но их согласие было еще большим несчастьем для республики.

Первое время Красс и Помпей скрывали свои намерения. Когда

Помпея спросили, намерен ли он добиваться консульства, то услышали уклончивый и пренебрежительный ответ: «Может быть, да, а может, и нет! Если я и сделаю этот шаг, то лишь ради добропорядочных граждан».

На тот же вопрос осторожный Красс ответил: «Я выставлю свою кандидатуру только в том случае, если это принесет пользу государству».

Скромность Красса понравилась, а уклончивые ответы Помпея породили у многих уверенность, что он вряд ли станет выдвигать свою кандидатуру на выборах. Однако оба триумvира приняли участие в выборах. Истратив много денег на подкуп, Помпей и Красс стали консулами.

Все, что наметили триумvиры, было осуществлено. Цезарю еще на 5 лет продлили его полномочия в Галлии и предоставили право увеличить свои войска до 10 легионов. Испанские провинции достались Помпею, а Крассу — наместничество в Сирии, где ему предоставлялось право «набирать войска среди граждан и среди союзников, а также вести войну и заключать мир с кем пожелает».

Красс не скрывал своей радости, считая, что наконец получил власть и неограниченные возможности для обогащения. Он мечтал о войне с парфянами, претендовавшими на господство в Сирии. Эта война с богатым Парфянским царством ему представлялась славной, легкой и выгодной.

Зимой 55—54 гг. до н. э. Красс прибыл в южный порт Италии Брундизий. Погода стояла скверная, море было беспокойно. Однако он отдал приказ кораблям отплыть, взяв на борт часть войска. Буря погубила много судов. Сам Красс с остальными войсками двинулся на Восток сушей, через Балканы.

В это время Крассу было уже 60 и выглядел он значительно старше своих лет. Он был лыс и глуховат. «Поздно вато собрался старик в поход», — шептались солдаты.

Достигнув Сирии, Красс двинулся в Месопотамию. Ему удалось легко переправиться через Евфрат. Многие города добровольно подчинялись римлянам. Только один город Зенодотия оказал сопротивление. После непродолжительной осады город был взят, разграблен, а жители проданы в рабство.

Воины провозгласили Красса императором. Он охотно принял этот титул, хотя разорение Зенодотии было ничтожным военным подвигом. Многие говорили: «Красс торопится. Он не надеется совершить более крупные подвиги, а потому довольствуется малым».

Наступила осень. Оставив в захваченных городах Месопотамии гарнизоны, Красс возвратился в Сирию. Это было ошибкой. Красс потерял драгоценное время, к борьбе с ним. Зимую в Сирии, Красс не столько готовил войска к предстоящим битвам, сколько подсчитывал доходы с покоренных городов. В течение многих дней он взвешивал сокровища храма богини Атаргатис из Гиерополя. Говорили, что за эти месяцы

Красс успел ограбить храм и в Иерусалиме. Все это вызывало насмешки солдат над своим начальником.

Ранней весной римские войска стали готовиться к выступлению. К Крассу прибыли послы парфянского царя. Они обратились к нему со словами: «Если войско, которое идет на нас, послано римским народом, то мы поведем с ним непримиримую войну. Если же ты, Красс, начал поход по собственной воле, ради наживы, то царь Парфии не начнет военных действий, жалея твою старость. Он позволит тебе увести римских солдат, которых ты оставил в городах Месопотамии». Красс же гордо заявил: «Я не дам царю ответа сейчас. Я дам ему ответ в Селевкии» *.

Глава парфянского посольства засмеялся. Он протянул свою руку ладонью вверх и сказал: «Скорее на моей ладони вырастут волосы, чем ты, Красс, увидишь Селевкию!»

Началась война с Парфией, с этой огромной державой, раскинувшейся от Персидского залива до Каспийского моря.

К Крассу прибыли римские беглецы из Месопотамии. Они рассказали о вторжении парфян, об их силе и многочисленности. Многие советовали Крассу не спешить, а прежде тщательно разузнать о враге как можно больше. Говорили и о дурных предзнаменованиях. Но Красс никого не желал слушать. Он отказался отсрочить выступление. Отказался и последовать совету армянского царя Артабазы, который прибыл, приведя с собой 6 тысяч всадников, и обещал дать еще помощь, если Красс поведет свои войска через Армению. «Горы моей родины,— говорил Артабаз,— удобны и безопасны. Там не может развернуться конница парфян».

«Нет,— сказал Красс,— я должен идти в Месопотамию. Там я оставил много храбрых римских воинов. Я не могу покинуть их на произвол судьбы».

После этих слов армянский царь уехал вместе со своим отрядом из лагеря римлян.

В мае 53 г. до н. э. легионы Красса подошли к Евфрату и начали наводить переправу. Когда войска перешли на другой берег реки, мост разметала буря. «Не бойтесь, воины, что мост разрушен,— обратился Красс к солдатам.— Не думайте, что это предвещает несчастье. Мост вам больше не понадобится. Клянусь, что, разбив врагов, мы пойдем назад через Армению».

Солдаты одобрительно зашумели. Но далее Красс произнес: «Воины, ни один из нас не вернется этой дорогой...» Эти слова прозвучали двусмысленно. «Ни один из нас не вернется...» — подумали суеверные римские солдаты.

И надо же, что в тот же день воинам выдали пищу сухим пайком — чечевицу и соль. Это опять произвело неблагоприятное впечатление: в Риме чечевицу и соль ставили перед умершим в знак траура. «При плохих предзнаменованиях начинается поход», — шептались между собой солдаты.

Армия Красса двигалась вдоль реки. Римлян было 7 легионов,

* Селевкия — город на Тигре, одна из столиц Парфянского царства.

примерно 40 тысяч человек. Разведчики, шедшие впереди, донесли, что местность безлюдна, но на земле видны следы от множества лошадей. Отпечатки копыт показывали, что всадники уходили от римского войска. «Парфяне убегают при одном приближении римлян», — сказал Красс.

Более осмотрительные командиры предлагали соблюдать осторожность и не спешить, другие советовали остановиться в каком-нибудь укрепленном пункте, добыть как можно больше сведений о противнике и изучить местность. Они также считали, что двигаться надо вдоль реки. Это обезопасит войско от нападения с фланга и тыла. По реке, рядом с войсками, могут двигаться суда с продовольствием, и солдаты ни в чем не будут испытывать нужды.

В это время в лагерь прибыл Абгар, вождь одного из арабских племен в Месопотамии, ловкий и коварный человек. Он когда-то помог Помпею и считался другом и союзником римлян. Однако на этот раз Абгар прибыл в лагерь Красса с тайным поручением парфянских полководцев — попытаться заманить римлян в глубь страны. Там, на равнине, парфянская конница рассчитывала окружить и уничтожить своего противника, так как римляне теряли преимущества для обороны, какие давали река и ее холмистые берега.

Абгар умело играл роль друга римлян. Он восхищался армией Красса, ее силой, вооружением, дисциплиной и пренебрежительно отзывался о парфянах.

«Зачем, Красс, ты медлишь? — говорил араб.— К чему так тщательно готовиться? Твоим солдатам нужно не оружие, а сильные, быстрые ноги, чтобы догонять убегающих врагов».

Все это было ложью. В действительности царь Парфии Арсак в это время с огромным войском выжидал, как сложатся события в Армении, а часть воинов под командованием Сурена и тысячу верблюдов, нагруженных припасами и боевым снаряжением, выслал вперед померяться силами с римлянами.

Абгару удалось убедить Красса, и римская армия двинулась в глубь страны, на восток от Евфрата. Врагов по-прежнему нигде не было видно. Вначале дорога была легкой. Но через несколько дней началась безлесная, песчаная и безводная равнина. Ноги воинов погружались в мягкий, сыпучий песок. Идти становилось все тяжелей. Сколько хватал глаз, видна была унылая, однообразная пустыня.

Несколько всадников нагнало римскую армию: это были гонцы армянского царя Артабазы; они принесли печальную весть о вторжении парфян в Армению. «Царь не сможет теперь помочь тебе,— сказали гонцы.— Он повелел передать тебе, чтобы ты шел в нашу сторону. Соединившись, мы станем сильнее парфян. В наших горах сражаться будет гораздо легче».

Красс рассердился, назвал армянского царя изменником и угрожал наказать его за предательство.

9 июня 53 г. до н. э. из римского лагеря ускакал Абгар. Его

измена стала очевидной. Но Красс все равно приказывал идти вперед, торопя солдат.

Неожиданно из посланной вперед большой группы вернулось всего несколько человек. Они с трудом спаслись от многочисленного врага, движущегося на римлян.

Полученное известие ошеломило Красса. Он приказал войску построиться в боевой четырехугольник. Командовать одним из флангов Красс поручил Гаю Кассию, другим — своему сыну Публию Крассу, опытному и храброму военачальнику. Центр армии возглавил сам Красс.

В боевом порядке римляне медленно продвигались вперед. Усталые солдаты страдали от зноя, жажды, но, подгоняемые приказом, шли безостановочно. Вдруг, неподалеку от города Карра, они увидели врагов. Это были передовые отряды парфянской армии. Главные силы шли за ними. Противник приближался и скоро оказался достаточно близко. Парфянские воины сбросили плащи, которыми прикрывали свои сверкающие доспехи.

Вдруг вся равнина угрожающе загудела. Это раздался грохот барабанов, увешанных погремушками. Барабаны парфян издавали низкий гул, смешанный как бы со звериным ревом и раскатами отдаленного грома. В ответ римляне тоже затрубили в свои трубы и рожки. Устрашенные этими звуками (ведь из всех пяти чувств именно слух легче всего приводит душу в замешательство), римские воины с беспокойством смотрели на открывшуюся перед ними грозную картину. Врагов оказалось великое множество. Особенно страшными казались парфянские всадники. На них были медные и железные латы и шлемы, закрывающие лицо. Их кони также были защищены броней. Пригнувшись к лошадям, конники понеслись на римлян, надеясь одним ударом опрокинуть первые ряды и ворваться внутрь их боевых порядков.

Натолкнувшись на стойкое сопротивление, парфяне отступили. Казалось, они в беспорядке рассеялись в разные стороны. Из рядов римлян послышались насмешки. Однако вражеская конница незаметно начала обходить римлян и скоро окружила их плотным кольцом.

Красс приказал легковооруженным воинам броситься на противника. Но не успели legionеры пробежать и несколько шагов, как послышался свист множества стрел. Упали первые убитые и раненые. Солдаты Красса впервые поняли, на что способны знаменитые парфянские стрелы: они пробивали латы, щиты и пронзали человека насквозь. Римляне стояли так кучно, что каждая стрела находила жертву. Неся большие потери, римляне пытались перейти в наступление, но парфяне не принимали боя, а мчались прочь, время от времени оборачиваясь ипуская свое смертоносное оружие. Красс приказал своему сыну навязать бой врагу. Он выделил для этого распоряжение около 4500 воинов, пеших и конных. Публий Красс и его солдаты двинулись вперед. Парфяне поспешно отступили. Римляне двинулись им вслед. Преследование продолжалось долго. Неожидан-

но парфяне повернули своих коней. Римляне быстро построились для отражения атаки. Однако столкновения не произошло. Закованные в броню парфянские всадники остановились против рядов противника. Главная масса конницы кружилась вокруг легионеров, посылая в них тучи стрел. Тысячи коней подняли густое облако пыли, которое обволокло римлян. Солдаты ничего не видели, задыхались и падали мертвыми или ранеными, пораженные стрелами.

Публий со своими всадниками бросился на парфян. Завязалась схватка. Римляне сражались отчаянно. Они хватались за длинные парфянские копья и, подтянув к себе неповоротливого в своей броне врага, стаскивали его на землю. Другие легионеры подлезали под неприятельских коней, ударяя ножом в незащищенное брюхо лошади. Животное поднималось на дыбы и сбрасывало седока, который на земле находил свою гибель. Римляне потеряли много людей, ранен был и Публий Красс. Отступив к соседнему песчаному холму, римляне выстроились на нем, прикрывшись щитами. Это было роковой ошибкой. На равнине врагам был открыт только первый ряд воинов. Он прикрывал собой остальных. На склоне холма каждый следующий ряд расположился выше предыдущего. Ведь отряд превратился в мишень для парфянских стрел. Люди гибли один за другим, не имея возможности даже ответить врагу. Публию Крассу предложили тайно бежать, пока холм еще не успели полностью окружить.

«Нет,— ответил Публий,— ничто не заставит меня покинуть людей, которые гибнут по моей вине!»

Избиение продолжалось. Не желая попасть в руки парфян, многие римляне покончили с собой. Не в силах держать меч раненой рукой, Публий Красс приказал оруженосцу заколоть его. Прорвавшиеся на холм парфяне уничтожили почти весь отряд. Около 500 человек попали в плен.

В это время Марк Красс напрасно ждал известий от сына. Как и другие, он думал, что Публий преследует бегущих врагов и, прекратив погоню, возвратится. Но скоро прибыли гонцы, сообщившие о бедственном положении Публия. Был дан приказ идти на помощь. Но тут послышались звуки парфянских барабанов. К римскому лагерю приближались тысячи всадников. Несколько человек подскочили ближе. Все увидели надетую на копье голову Публия Красса. Парфянин показал свой кровавый трофей и насмешливо крикнул: «Кто родители этого воина? Откуда он родом?! Не может же быть, что у малодушного, ничтожного Красса был такой доблестный сын!»

Римляне были подавлены. Многих охватила ужас. Марк Красс держался мужественно и бою уже было невозможно.

Между тем лучники парфян, наскокивая, пускали стрелы, тесня первые ряды римлян. Пехотинцы поражали людей своими длинными копьями. С наступлением темноты парфяне прекратили бой. Наступила страшная для римлян ночь. Никто не горевал об убитых, не заботился о раненых; каждый оплакивал собственную судьбу.

Было решено под покровом ночи вырваться из ловушки, оставив всех, кто не может сам передвигаться. Без громких команд, в тишине войны поднялись и стали тихо удаляться. Когда раненые поняли, что их бросают на произвол судьбы, они подняли крик. Теперь парфяне заметили бегство римлян, но преследовать их не стали, так как не умели и не любили сражаться ночью: в темноте лучники не видят цели.

Только когда рассвело, парфяне ворвались в лагерь и перебили раненых. Совершив это кровавое дело, они на своих быстрых конях погнались за Крассом, убивая оставших солдат.

Красс укрыл свое войско за стенами города Карра. Вскоре парфяне окружили город и потребовали, чтобы им выдали Красса и Кассия закованными в цепи. Необходимо было бежать, но так, чтобы об этом никто не знал. Красс решил уходить под покровом ночи. Однако нанятый проводником грек оказался предателем и повел Красса неверной дорогой. Заподозрив недоброе, Кассий с 500 всадниками повернули назад; другой помощник Красса — Октавий, имея надежного проводника, с пяти тысячным отрядом к утру достиг безопасной гористой местности. Красса же — с ним было около 2500 пехотинцев и несколько десятков всадников — проводник завел в болото, и пока римляне выбирались на дорогу, их Настигли парфяне. Завязалось сражение. Римляне ожесточенно отбивались. Им даже удалось потеснить парфян.

Боясь, что ночью римляне уйдут, парфяне пошли на хитрость. Через нескольких пленных, которым дали возможность бежать, они распустили слух, что царь Парфии хочет примириться и заключить дружеский союз с римлянами. Вскоре после того, как затихла битва, к холму, где расположился Красс, подъехал парфянский командующий. Он предложил начать переговоры о мире. «Царь Парфии не хочет войны», — сказал он и пригласил Красса обсудить с ним условия перемирия.

Красс почувствовал вероломство и не хотел покинуть укрепленный лагерь. Но солдаты потребовали, чтобы он вышел на переговоры. Красс стал спускаться с холма. С ним пошли несколько человек. К Крассу подъехали два всадника. «Пошли кого-нибудь вперед», — сказал один из них, — пусть он убедится, что те, кто встретятся с тобой, безоружны».

Красс покачал головой. «Не надо», — сказал он, — если бы я ценил сейчас свою жизнь, я бы не вышел к вам».

В этот момент к Крассу подъехал парфянский командующий. Он воскликнул: «Что это такое?! Мы верхами, а римский полководец идет пешком!» — «Каждый поступает по обычаю своей страны», — ответил Красс. «Но конь тебе будет нужен», — сказал парфянин, — мы поедem к Евфрату и там подпишем договор о мире».

Красс приказал привести свою лошадь. Парфянский полководец остановил его и указал на прекрасного коня с золотой уздечкой, которого подвели воины: «Царь дарит тебе этого коня!»

Крассу помогли сесть верхом, а парфянские конюхи стали

ударами плетей подгонять его коня. Римляне наконец поняли, что Крассу грозит плен, и бросились к нему. Началась сумятица, толкотня. Помощник Красса Октавий выхватил меч и ударил одного из конюхов. В этот миг ему всадили нож в спину. Схватка была короткой. Несколько римлян и парфян были убиты. Был убит и Красс.

Отрубленную голову и руку Красса послали царю Парфии. Рассказывали, что в голову Красса парфяне лили через рот расплавленное золото, говоря при этом: «Ты был ненасытен в жажде золота. Теперь, наконец, ты насытишься».

Так закончилась жизнь Марка Лициния Красса.

ПОМПЕЙ

Гней Помпей* происходил из знатного рода. Юность будущего полководца совпала с грозной эпохой гражданских войн в Риме. В этот период в столице противостояли друг другу две группы: бедняки, жившие только на государственные подачки, и аристократы, в руках которых была земля, богатства, рабы и государственная власть. Римская беднота уже давно не имела постоянного заработка: на него нельзя было рассчитывать потому, что везде — и в ремесле и в сельском хозяйстве — рабовладельцы предпочитали пользоваться даровым трудом рабов. Свободным людям оставалась жалкая участь нищих. Однако они были римскими гражданами, и в народном собрании от их голосов зависели результаты выборов должностных лиц и принятие новых законов. Поэтому некоторые политики, стремясь к власти, боролись против преимущественных прав старой знати и обещали ослабить власть сената и улучшить положение бедняков. Их называли популярами или народной партией. С ними боролись оптиматы, во главе которых стоял удачливый полководец Корнелий Сулла.

Пока Сулла воевал на Востоке, власть в Риме захватили популяры. Помпей хотел было перейти на их сторону, но, видя, что ему не доверяют из-за его знатного происхождения, уехал из Рима в область Пицен, где у него были обширные поместья. Вскоре после успешной войны с понтийским царем Митридатом вернулся в Италию Сулла. Во главе своей армии он шел на Рим. Зажиточные граждане ждали Суллу как своего избавителя, а бедняки со страхом думали о предстоящей расправе.

Находясь в Пицене, Помпей видел, как богатые и знатные граждане готовятся стать на сторону Суллы. Он тоже решил прим-

кнуть к оптиматам, но считал ниже своего достоинства явиться к Сулле жалким беглецом. Поэтому, пользуясь старыми связями отца с зажиточными гражданами Пицена, Помпей сделал попытку привлечь их на сторону Суллы. Зажиточные пиценцы охотно откликнулись на призыв Помпея. Вскоре ему удалось набрать три полных легиона и заготовить на них продовольствие и оружие. Затем 20-летний полководец двинулся навстречу Сулле. Со своими легионами Помпею пришлось пробиваться через вражескую территорию. Войска популяров много раз пытались его окружить и уничтожить, но молодой полководец каждый раз избегал опасности.

Сулла ничего не знал об отряде Помпея. Но когда пришло известие, что севернее Рима войско Помпея сражается против превосходящих сил противника, Сулла немедленно выступил ему на помощь. Узнав о приближении сулланской армии, Помпей выстроил свое войско для торжественной встречи. Приветствуя Суллу, Помпей назвал его императором. Не только при первой встрече, но и впоследствии диктатор оказывал Помпею особые знаки внимания, отличая его среди множества других полководцев, мало того, став пожизненным диктатором, Сулла пожелал породниться с Помпеем, чтобы еще теснее связать его с собой и партией оптиматов. Для этого он предложил Гнею развестись с женой и взять в супруги падчерицу диктатора. Отклонить предложение Суллы Помпей не рискнул.

Некоторое время спустя пришла весть о том, что вожди народной партии вновь собирают силы для борьбы. Один из них — Перпенна — укрепился в Сицилии, пытаясь превратить остров в опорный пункт для вторжения в Италию, а другой — Карбон — собрал флот и крейсировал вдоль берегов Сицилии. Против них Сулла послал Помпея. Вскоре тому удалось отобрать Сицилию у Перпенны и захватить в плен Карбона. Боясь, чтобы диктатор не заподозрил его в симпатии к популярам, Помпей казнил захваченных в плен видных противников Суллы. Менее известным популярам Помпей, если это не могло возбудить подозрений Суллы, разрешал прятаться, а некоторым даже сам помогал бежать.

Помпей решил наказать жителей сицилийского города Гимеры за то, что они поддерживали восставших. Один из гимерцев, Сфений, сказал: «Ты, Помпей, поступишь несправедливо, если отпустишь виновного, а казнишь ни в чем не повинных людей». «Кого же ты считаешь виновным?» — спросил Помпей. «Себя, — смело отвечал Сфений, — ведь это я убедил сограждан выступить». Восхищенный смелостью и благородством этого человека, Помпей даровал ему прощение.

В то время как Помпей улаживал сицилийские дела, пришло письмо от Суллы с приказанием немедленно отплыть в Африку для подавления не подчинявшегося Сулле полководца Домиция. Помпей с шестью легионами отплыл к берегам Африки. Ночью смело и неожиданно он напал на врага и в жестокой схватке

* Биография Помпея написана Г. А. Стратановским в 1964 г.

Помпей

одолеет противника. Сам Домиций пал в бою. После этого все города в Африке и местные цари подчинились Помпею.

Хотя Сулла после этого и стал называть Помпея «Великим», но долго не соглашался предоставить ему заслуженный триумф. В последнее время диктатор изменил свое отношение к Помпею, завидуя его славе и возрастающему могуществу.

После смерти Суллы (78 г. до н. э.) один из консулов, Лепид, собрал популяров и поднял восстание против сената. Помпей был назначен главнокомандующим в войне против повстанцев и победил. Едва окончилась война с Лепидом, как Помпей отправился в Испанию, где ликвидировал еще один очаг сопротивления власти оптиматов. Победив в Испании, Помпей с войском переправился в Италию. Он вернулся во время восстания рабов под предводительством Спартака, когда Марк Красс уже разбил армию восставших. Остатки разбитого войска Спартака попали в руки подоспевшего Помпея. Он жестоко расправился с пленными и

распял на крестах более 5 тысяч человек. Помпей написал сенату, что Красс разбил гладиаторов в открытом бою, а он, Помпей, довершил победу над дерзкими рабами.

В 70 г. до н. э. Помпей неожиданно порвал со своими прежними друзьями — оптиматами и перешел на сторону популяров. С его помощью была восстановлена отмененная Суллой должность народных трибунов, и это снискало Помпею расположение народа.

Через некоторое время Помпея избирают на должность консула. Одновременно с ним консулом стал и Красс — победитель Спартака и один из богатейших людей Рима. Однако консулы враждебно относились друг к другу. Оба они стремились к власти и были постоянными соперниками во всем. Когда закончился срок консульства, Красс вернулся к частной жизни, а на Помпея было возложено командование в войне с пиратами.

Пираты укрепились на юго-восточном побережье Малой Азии, в Киликии. Сама природа этой местности была для них удобна. Здесь росло много корабельного леса, имелись тайные гавани и бухты.

Пираты вначале занимались только охотой за людьми, продавая в рабство пленников. Когда же во время гражданских войн побережье Средиземного моря осталось почти без охраны, разбойники осмелели и стали опустошать прибрежные города. Многочисленные корабли пиратов отличались быстротой и легкостью хода. Из восточной части Средиземного моря пираты постепенно перенесли свои разбойничьи операции к берегам Греции и даже Италии. Они почти полностью парализовали торговлю в Средиземном море. Стало трудно подвозить в Рим продовольствие. Сенат поручил Помпею уничтожить морских разбойников и предоставил ему чрезвычайные полномочия на море и на суше. Помпей снарядил 500 кораблей, набрал огромную армию и разделил все Средиземное море на 13 округов. В каждом из них он расположил по эскадре кораблей и этим лишил пиратские суда возможности свободного плаванья. Только немногие пираты прорвались назад в Киликию.

Западная часть Средиземного моря была очищена от морских разбойников. Командам кораблей, которые сдались, Помпей сохранил жизнь. Главари пиратов и те, кто остались им верны, укрыли свои богатства, жен и детей в тайных убежищах, а сами с большим флотом ожидали нападения Помпея у крепости Коракесия в Киликии. В морском сражении пираты были разбиты наголову. Затем Помпей приступил к осаде крепости. Видя, что дальнейшее сопротивление невозможно, пираты решили сдаться. В плен было взято более 20 тысяч пиратов, не считая их семей. Помпей приказал переселить всех этих людей в местности, расположенные вдали от моря, чтобы они не могли вернуться к своему разбойничьему промыслу.

Когда в Рим пришло известие, что война с пиратами закончилась, один из трибунов предложил закон о передаче Помпею командования всеми войсками на Востоке. Помпею предстояло

закончить войну против понтийского царя Митридата, которая велась еще со времен Суллы. Митридат VI Евпатор был царем небольшого государства на южном берегу Черного моря (Понта) и одним из самых ярых врагов Рима. В результате завоеваний под власть Митридата попали земли как на северном и восточном побережье Понта (Кавказское побережье, часть Крыма), так и в Малой Азии и даже на Балканском полуострове. Во главе его армии стояли опытные греческие военачальники, но государство, созданное царем, было лоскутным, не имеющим прочных экономических связей, и могло распасться при первой же серьезной неудаче.

Война с Митридатом, располагавшим армией в несколько десятков тысяч человек, была трудной и продолжительной. Несколько раз Помпей наносил поражения понтийскому царю, но тот уходил от окончательного разгрома и собирал новые силы. Преследуя Митридата, римляне продвигались вдоль южного берега Понта, затем вступили в Армению, царь которой подчинился Риму. Продолжая преследование Митридата, Помпей вторгся в Албанию и Иберию (современные Азербайджан и Грузия). Трудности войны в горной местности заставили Помпея прекратить поход, удовлетворившись формальным подчинением племен Закавказья. Тем временем, Митридат укрылся на Киммерийском Боспоре (Керченский полуостров).

Помпей вернулся в Малую Азию и завершил покорение Понтийского царства, превратив его в римскую провинцию. После этого римские легионы двинулись в Сирию, которая в следующем году также стала провинцией Рима. Затем Помпей покорил Иудею, захватив в плен ее царя Аристокла.

Не спрашивая согласия сената, Помпей низлагал и возводил на троны царей в государствах Передней Азии, перекраивал территории их царств.

Помпею предстояло еще продолжить трудную войну с Митридатом, но неожиданно пришло известие, что греческие города Крыма и Кавказа восстали против понтийского царя. Во главе мятежников стал сын Митридата Фарнак. Армия и флот перешли на его сторону, и когда столица Митридата Пантикапей (современная Керчь) открыла ворота восставшим, Митридат покончил с собой (63 г. до н. э.). Так погиб Митридат Евпатор — злейший враг Рима, которого называли вторым Ганнибалом.

Неожиданная смерть царя Понта изменила планы Помпея, и он повернул в сторону Италии. Между тем в Рим проникали всевозможные слухи о намерениях Помпея. Оптиматы опасались, что он поведет свою армию в столицу и окончательно установит единовластие. Некоторые богатые люди, боясь беспорядков, даже покинули город. Однако Помпей еще до прибытия в Италию распустил своих легионеров по домам. Лишь только разнеслась весть об этом, как жители городов в праздничных одеждах стали выходить навстречу победителю Митридата. Когда полководец под-

ходил к Риму, за ним следовала огромная толпа, численно во много раз превосходившая охранявших его солдат.

Триумф Помпея продолжался два дня. На таблицах, которые несли во время процессии, было написано, что Помпей взял 1000 крепостей, 900 городов, захватил 800 кораблей и внес в государственное казначейство баснословную сумму денег.

Помпей достиг вершины славы и могущества, и это возбудило опасение оптиматов и сената.

В это время среди римских государственных деятелей появилось новое лицо — Гай Юлий Цезарь. Это был человек талантливый и честолюбивый. У него не было ни военной славы Помпея, ни богатства Красса, но своей энергией и блестящим умом он превосходил многих. Примкнув к народной партии, Цезарь завоевал расположение и любовь простых людей, сумев с помощью щедрых раздач и обещаний добиться высоких должностей в государстве. Стараниями Цезаря между ним, Помпеем и Крассом был заключен тайный союз — триумvirат. Для укрепления этого союза Помпей даже женился на дочери Цезаря — Юлии.

Триумвиры всеми средствами добивались проведения выгодных для них законов. Цезарь выставил свою кандидатуру в консулы на следующий, 59 г. до н. э. Став консулом, Цезарь провел одобрение распоряжений, сделанных Помпеем в Азии. Цезарю была предоставлена сроком на 5 лет в управление провинция Галлия.

Отправляясь в Галлию, Цезарь не хотел оставить Рим в безраздельной власти Помпея и поручил молодому, Клодию всеми средствами стараться умалить власть Помпея и унижить его. Вооруженные банды Клодия нападали на друзей Помпея и на него самого. Сенат и оптиматы злорадствовали, видя затруднительное положение триумвира.

Солдаты Помпея противодействовали сторонникам Клодия. На улицах и площадях происходили настоящие сражения. В Риме царил хаос.

Тогда с помощью Цицерона Помпей примиряется с сенатом. Сенат принял закон, по которому Помпею было поручено снабжение Рима хлебом. В это время Рим страдал от недостатка продовольствия. Энергичные меры Помпея спасли римских бедняков от голода. Авторитет Помпея снова вырос.

Между тем Цезарь захватил в Галлии огромную военную добычу и создал армию, преданную ему, готовую идти за ним куда угодно. Часть награбленных богатств Цезарь отослал в Рим для подкупа высших должностных лиц и для раздачи народу.

Однако война в Галлии затянулась, и чтобы окончательно покорить страну, Цезарю надо было продлить здесь свое пребывание. Для этого он пригласил Помпея и Красса на свидание в город Луку, расположенный в Северной Италии. Здесь между триумвирами было заключено новое соглашение, по которому Цезарю оставлялись его провинции еще на 5 лет, а Помпей и Красс должны были стать кон-

сулами в следующем году. Для поддержки их кандидатур Цезарь обещал послать в Рим своих солдат. Все произошло так, как намечали триумвиры. После окончания своего консульства Красс получил в управление Сирию, и ему было разрешено начать войну против парфян. Помпею же были предоставлены Ливия и Испания с четырьмя легионами солдат, но он предпочел остаться в Италии и передал управление своими провинциями легатам*.

Вскоре после этого произошли два события, которые привели к распаду триумvirата: Красс потерпел поражение в войне с парфянами и погиб (53 г. до н. э.), а незадолго до этого умерла дочь Цезаря Юлия, супруга Помпея.

В Риме создалась напряженная обстановка. Каждый день совершались насилия и убийства. Очередные консульские выборы были сорваны. Теперь даже оптиматы поняли необходимость твердой власти. Из двух возможных претендентов — Цезаря и Помпея — они предпочитали последнего. Даже самые убежденные сторонники республики считали необходимым сосредоточить власть в одних руках. Для этого один из них предложил выбрать Помпея единственным консулом вместо обычных двух.

Помпей снова занял высшее положение в государстве и энергично принялся восстанавливать порядок. Он начал судебные процессы по делам о подкупах и лихоимстве и сам председательствовал на этих судах. Множество людей (среди них и сторонники Цезаря) были осуждены на изгнание. Помпею удалось привести в порядок государственные дела и установить твердую власть. После окончания срока его чрезвычайных полномочий сенат продлил Помпею управление его провинциями еще на 5 лет.

Теперь Помпей чувствовал себя сильнее своего соперника, срок командования которого в Галлии истек. Он провел закон, направленный против Цезаря, запрещающий кандидатам заочно помогать должности консула. Цезарю же было необходимо, не покидая Галлии, быть избранным в консулы, чтобы не оставаться без должности ни одного дня. По римским законам, частные лица легко могли быть привлечены к суду. Оптиматы уже открыто заявляли, что намерены добиваться осуждения Цезаря сразу, как закончится срок его командования.

Вся Италия теперь, казалось, поддерживала Помпея. Гордясь собственным величием, Помпей, отбросив обычную осторожность, стал пренебрежительно относиться к силам и возможностям своего противника. В это время из Галлии приехал сторонник Помпея Аппий. Он рассказывал не то, что действительно видел в Галлии, а то, что, по его мнению, должно быть приятно Помпею. Он говорил: «Цезаря легко можно сокрушить с помощью его же воинов. Стоит только Помпею появиться перед легионами Цезаря, они тотчас перейдут на его сторону, — так велика их ненависть к наместнику Галлии и глубока любовь к Помпею».

Проникшись преувеличенной верой в свои силы, Помпей вы-

* Легат — помощник полководца или наместник провинции.

смеивал осторожность людей, напоминавших ему, что в Риме нет войск, чтобы защитить столицу от Цезаря, если тот вздумает двинуться на город. Помпей только смеялся: «Стоит мне только топнуть, как в любом месте Италии из-под земли вырастет войско».

В противоположность Помпею, Цезарь со свойственной ему энергией взялся за дело, которое было для него вопросом жизни и смерти: во что бы то ни стало продлить срок своего командования армией. Для Цезаря было весьма важно выиграть время, заставить хотя бы отложить назначение себе преемника. С этой целью правитель Галлии пошел на хитрость. Он подкупил своего противника Куриона и тайно вошел с ним в соглашение: оставаясь для вида врагом Цезаря, Курион должен был добиться, чтобы сенат в ближайшее время не обсуждал вопроса о смене командования в Галлии. Однако Помпей и оптиматы оказались сильнее, и вскоре дело приняло такой оборот, что сторонникам Цезаря, в том числе Куриону, пришлось бежать из Рима.

Цезарь, выиграв необходимое ему время, подвел войска к границе своей провинции, к реке Рубикону, отделявшей Северную Италию от Средней. После некоторых колебаний он перешел Рубикон и двинулся на Рим. Лишь только распространились первые слухи об этом событии, в Риме началась паника. Помпея назначили главнокомандующим с неограниченными полномочиями. С утра до вечера испуганные сенаторы и должностные лица сходились к дому Помпея узнавать новости, просить и давать советы.

Сенаторы спрашивали Помпея, какие меры он собирается предпринять для защиты столицы: ведь его легионы находятся в Испании и Ливии и перебросить их в Италию уже нет времени. Помпей неуверенно отвечал, что он предполагает вскоре набрать 30-тысячное войско. Один из сенаторов, обращаясь к Помпею, напомнил его прежнее хвастливое заявление и предложил топнуть ногой и вызвать обещанные легионы.

Помпей был захвачен врасплох неожиданным поворотом событий и в течение трех дней не принимал никакого решения. Он не знал даже, какими силами располагал Цезарь и какими были его истинные намерения. Между тем волнения, начавшиеся в Риме, распространились на всю Италию. Жители итальянских городов стекались в столицу, ища там безопасности, а римляне бежали из города, опасаясь восстания рабов и насилий со стороны черни. Деловая жизнь полностью приостановилась.

Помпею не удалось справиться с волнениями и беспорядком в городе. Нередко ему в один и тот же день приходилось принимать противоположные решения. Имея слишком много советчиков, он не знал, кого слушать, и терялся в догадках, чьи сообщения считать достоверными. Наконец Помпей издал декрет о чрезвычайном положении, приказав всем сенаторам следовать за собой. Он предупредил их, что будет считать врагом отечества всякого, кто остался в Риме. Не надеясь защитить столицу, Помпей покинул Рим и отправился на юг Италии, где у него стояли два легиона.

Консулы и сенат должны были переехать в Капую и увезти туда казну.

В этот момент пришло известие, что кавалерия Цезаря уже недалеко от Рима. Консулы бежали, даже не совершив полагающегося по обычаю жертвоприношения и оставив врагу государственную казну.

Через несколько дней Цезарь беспрепятственно вступил в Рим. Против ожиданий он вел себя милостиво, чем расположил к себе жителей. Захватив государственную казну, Цезарь начал преследовать Помпея, стремясь изгнать его из Италии до того, как туда придут вызванные из Испании легионы.

Между тем Помпей захватил приморский город Брундизий, расположенный на противоположном Греции берегу Адриатики. Помпей решил переправиться в Грецию и там собрать силы для борьбы с Цезарем. В Брундизии было достаточно транспортных судов, и войско Помпея вместе с сопровождавшими его консулами и сенаторами легко переправилось через Адриатическое море.

Цезарь хотел немедленно преследовать Помпея, но, не имея кораблей, вынужден был возвратиться в Рим. Вскоре вся территория Италии перешла в руки Юлия Цезаря.

Силы соперников были неравны. Цезарь имел небольшую, но испытанную в боях, всецело преданную своему полководцу армию. В руках же Помпея сосредоточились весь флот и богатства страны. Кроме того, Помпей мог рассчитывать на подчиненные ему легионы, находящиеся в Испании.

Перед Цезарем встала задача не допустить переброску испанских легионов к Помпею. Не теряя времени, он двинул свои войска в Испанию и в течение 40 дней принудил все 5 стоявших там легионов сдать. Помпей между тем готовился к войне. Его и без того огромный флот пополнился новыми боевыми кораблями, армия увеличилась до 11 легионов. В его лагерь стекались знатные римляне со всей Италии, восточные цари и властители.

Цезарь стягивал войска к Брундизию, готовясь перебросить их на Балканский полуостров. Сперва Цезарь переправился только с небольшим отрядом, оставив все грузы в Италии. Флот Помпея блокировал гавань Брундизия и препятствовал переправе остальной армии Цезаря. Но Помпей не сумел воспользоваться благоприятным случаем и разгромить небольшой отряд Цезаря до подхода его главных сил. Помпей предпочитал ждать, рассчитывая, что голод ослабит войска Цезаря и его легко будет уничтожить. Однако оставшиеся в Италии легионы Цезаря, которыми командовал Марк Антоний, через некоторое время присоединились к Цезарю. Теперь, когда его силы возросли, Цезарь стремился к решающему сражению. Он осадил приморский город Дирахий, через который армия Помпея получала подкрепления. Под стенами Дирахия постоянно происходили стычки, и одна из таких стычек переросла в настоящее сражение. Цезарь был разбит и потерял около двух тысяч солдат. Помпей, однако, побоялся довершить победу и ворваться в лагерь Цезаря, позволив тому отступить в Фессалию. Обра-

щаясь к друзьям, Цезарь сказал по этому поводу: «Сегодня победа была бы на стороне врагов, если бы кто-нибудь у них умел побеждать».

В лагере Помпея из-за нерешительности главнокомандующего царили суета и беспорядок. Сейчас, когда казалось, что враг разбит, среди победителей возникли разногласия. Одни считали, что Цезарь бежал, и предлагали немедленно начать преследование; другие кричали, что пора уже переправляться в Италию; третьи стали посылать в Рим своих слуг, чтобы те заняли им дома вблизи форума. Они были настолько уверены в победе, что уже спорили о распределении высших должностей в государстве. Тем временем армия Помпея, преследуя Цезаря, двигалась на восток и вскоре достигла Фарсальской долины в Фессалии. Воины Помпея рвались в бой. «Неужели,— говорили они,— Помпей до такой степени состарился, что не осмеливается напасть на врага, силы которого почти вдвое меньше?»

Помпей уступил и дал приказ готовиться к сражению.

После ночного отдыха Цезарь хотел двигаться дальше. Вдруг ему сообщили, что передовые части Помпея строятся в боевой порядок. Тогда Цезарь приказал поднять над своей палаткой флаг — это было сигналом к битве.

Помпей построил свои легионы в три линии. Сам он стоял на правом фланге, напротив Антония; на левом фланге он сосредоточил ударные силы своей конницы. Помпей предполагал опрокинуть малочисленную конницу Цезаря и затем, прорвав фронт знаменитого десятого легиона (в рядах которого сражался сам Цезарь), окружить и уничтожить противника. Цезарь, заметив, что на левом фланге неприятеля сосредоточена большая масса конницы, выдвинул против нее 6 когорт отборных воинов, лишь для виду прикрыв их небольшим количеством всадников.

С обеих сторон был дан сигнал к атаке. Всадники Помпея бросились вперед. По сигналу Цезаря его конница быстро отступила, а стоявшая за ней пехота внезапно двинулась на врага, бросая дротики прямо в лицо вражеским всадникам. Вслед за этим конница Цезаря тоже бросилась в атаку и обратила в бегство неприятельскую кавалерию. Не обращая внимания на бегущих, пехота Цезаря опрокинула левое крыло противника и стала угрожать его тылу. Армия Помпея не могла больше удерживать своих позиций. Отчаявшись, Помпей бросил командование и направился к лагерю. Оставшись без командира и предоставленные самим себе, воины начали беспорядочное отступление, превратившееся в паническое бегство. На поле битвы осталось более 6 тысяч воинов Помпея. Говорят, что армия Цезаря потеряла только 200 человек убитыми.

Помпей сидел в своей палатке, когда в лагерь вместе с беглецами ворвались их преследователи. Тогда он вскочил на коня и вместе с несколькими друзьями поскакал прочь. Убедившись, что его никто не преследует, Помпей поехал медленно и вскоре прибыл в Темпейскую долину, расположенную недалеко от Эгейского моря. Там он остановился на ночь в какой-то рыбацкой хижине. На

рассвете Помпей сел на корабль и переправился на нем в город Митилену на острове Лесбос, где находились его жена и сын. Оттуда Помпей с женой и друзьями поплыл вдоль берегов Малой Азии. По дороге к нему присоединилось несколько кораблей. Помпей начал снова собирать войско. Он узнал, что его флот все еще стоит возле Диррахия, а в Африке ему остались верны несколько легионов.

Когда обстановка немного прояснилась, Помпей понял, что еще не все потеряно. Много споров возникло у Помпея с его друзьями о том, где лучше формировать новую армию. Одни предлагали Сирию, другие — Египет, третьи — Африку. Решили отправиться в Сирию, но по прибытии на Кипр выяснилось, что жители Сирии, опасаясь Цезаря, отказываются принять беглецов. Тогда Помпей, собрав небольшой флот, с двухтысячным отрядом поплыл в Египет. В Египте в это время царствовали юная Клеопатра и ее младший брат Птолемей-Дионис. Помпей надеялся, что в благодарность за предоставленную некогда их отцу помощь они окажут ему гостеприимство.

Когда флот беглецов подошел к берегам Египта, в стране шла война; Клеопатра бежала, а государством правила группа придворных — опекунов малолетнего царя Птолемея.

На совете, собранном в связи с просьбой Помпея, мнения приближенных царя разошлись: одни предлагали принять беглецов, другие — отослать назад. «Приняв Помпея,— сказал один из опекунов царя,— мы наживем себе могущественного врага в лице Цезаря. В случае же отказа Помпей нам этого никогда не простит и будет мстить. Наилучшим выходом будет принять Помпея, а затем убить его. Этим мы окажем услугу Цезарю, да и Помпея уже не придется больше опасаться: ведь мертвые не кусаются».

Советники одобрили этот коварный замысел, поручив осуществить его одному из царских опекунов, египтянину Ахилле. Тот, взяв с собой бывшего центуриона Помпея, вместе с тремя рабами подъехал на лодке к кораблю беглецов. Ахилла предложил Помпею перейти в его лодку, так как большому кораблю из-за мелководья нельзя подойти к берегу.

Помпей почувствовал недоброе, но спастись бегством было уже поздно. Невдалеке появилось несколько египетских военных кораблей. Простившись с женой и друзьями, Помпей вошел в лодку со словами:

Когда к тирану в дом войдет свободный муж,
Он в тот же самый миг становится рабом.

Эти стихи Софокла были последними словами, которые близкие услышали от Помпея.

Когда лодка отплыла на значительное расстояние от корабля, Помпей, взглянув на римского центуриона, сказал: «А ведь ты служил когда-то под моим началом».

В ответ тот лишь кивнул головой. Последовало долгое молчание.

Помпей читал про себя написанную им речь, которую собирался произнести перед царем Птолемеем. Лодка приближалась к берегу. Жена Помпея и его друзья с тревогой наблюдали, что произойдет дальше. Они начали надеяться, что все обойдется благополучно. На берегу собралось множество воинов как будто для торжественной встречи.

Лодка уткнулась носом в землю. Помпей встал, чтобы выйти на берег. В этот миг центурион вонзил ему в спину меч. Другой удар нанес Ахилла. Убийцы отрубили Помпею голову, а тело выбросили в море. Это произошло 29 сентября 48 г. до н. э. Помпею накануне исполнилось 58 лет.

Когда народ, толпившийся на берегу, разошелся, один из друзей Помпея подобрал его тело и предал огню. Прах полководца был передан его жене, и та похоронила его в Италии.

Убийцам Помпея не удалось извлечь выгоду из своего преступления. Прибывший вскоре в Египет Цезарь не захотел даже взглянуть на отрубленную голову своего соперника и приказал казнить убийц.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Цезарь принадлежал к знатному патрицианскому роду Юлиев. Основателем этого рода считался Юл, сын Энея, внук самой богини Венеры.

Гай Юлий Цезарь родился в тот год, когда Марий отразил нашествие тевтонов и кимвров.* Тетка Цезаря, Юлия, была женой этого полководца. Юному Гаю было всего 16 лет, когда его женили на дочери Корнелия Цинны, ближайшего сподвижника Мария. Знатное родство сулило юноше блестящую карьеру. Но приход к власти Суллы, вождя оптиматов, положил конец могуществу влиятельных покровителей Цезаря.

Сулла потребовал, чтобы Цезарь развелся с супругой, а когда тот отказался, диктатор отобрал у него приданое жены и лишил отцовского наследства.

Гнев Суллы угрожал жизни дерзкого юноши, и Цезарю пришлось скрываться, меняя каждую ночь свое убежище. Среди знакомых Цезаря нашлись люди, близкие к Сулле, которые уговорили диктатора не обречь его на смерть. Говорят, что Сулла назвал этих людей глупцами. «Они не понимают, что в мальчишке сидит сотня Мариев»,— сказал он, но все-таки пощадил юношу. Когда слова Суллы передали Цезарю, тот немедленно уехал из Италии.

В Малой Азии Цезарь некоторое время служил в римской армии. Недалеко от Милета он попал в плен к пиратам, хозяйничавшим на морс и на многих островах. Пираты потребовали с него выкуп в 20 талантов. «Недорого же вы меня цените»,—

* О точной дате рождения до сих пор идут споры: по-видимому, он родился или в 102 или в 100 г. до н. э.

рассмеялся Цезарь и предложил им 50 талантов за свое освобождение.

Разослав спутников собирать деньги для выкупа, Цезарь остался с другом и двумя слугами у пиратов, где и провел более двух месяцев. Нисколько не опасаясь разбойников, во власти которых он находился, Цезарь вел себя так, будто они были его телохранителями. Ложась спать, он запрещал им шуметь и распевать песни, участвовал в их гимнастических соревнованиях, читал им свои речи и стихи. Так как его сочинения не вызывали у пиратов восторгов, то он бранил их, называя дикарями, и грозил распять на кресте. Эти слова смешили разбойников, и они не раз удивлялись веселому характеру пленника.

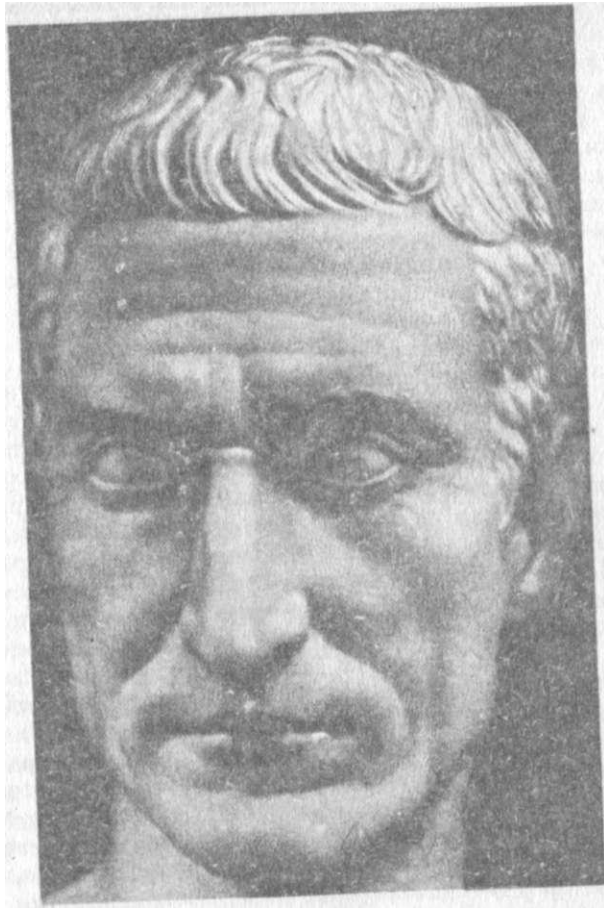
Но вскоре выяснилось, что слова Цезаря не были пустой угрозой. Как только доставили 50 талантов и пираты, получив их, вернули ему свободу, Цезарь снарядил несколько военных кораблей и погнался за своими обидчиками. Он застал их врасплох возле того острова Фармакуссы, где они держали его в плену, и переловил почти всех. Выплаченные деньги Цезарь отобрал, а разбойников приказал распять без суда, не дожидаясь решения римских властей. Впоследствии придворные льстецы превозносили доброту Цезаря, который облегчил страдания приговоренных, распорядившись сперва удавить пиратов, а потом уже мертвых привязать к крестам.

Суллы уже не было в живых, но возвращаться в Рим Цезарь еще не решался. Он отправился на остров Родос, чтобы изучить там искусство красноречия. (В тогдашнем Риме успеха в политике мог добиться лишь тот, кто умел выступать в суде или народном собрании.) Мечтая о политической карьере, Цезарь провел на Родосе больше года, занимаясь у знаменитого Аполлония Молона, обучавшего некогда ораторскому искусству самого Цицерона. Упорный труд дал хорошие результаты: современники восхищались блестящим красноречием Цезаря, и даже Цицерон признавал его речь остроумной, краткой и выразительной. Успеху способствовали также прекрасный звонкий голос и выразительная жестикуляция.

В Риме после смерти Суллы противники установленного им режима подняли восстание, и Цезарь счел момент благоприятным для своего возвращения. По совету матери, он не принял участия в восстании, которое, как она и предсказывала, закончилось поражением.

Цезарь быстро завоевал любовь народа, смело привлекая к суду вождей аристократической партии Стремлян, к популярности, он был со всеми приветлив и ласков, охотно устраивал богатые приемы и угощения, не жалея на это денег, которых у него было не так уж много.

Поведение Цезаря почти ни у кого не вызывало подозрений. Никто не догадывался, что этот человек неспроста растрчивает Свое состояние, что на уме у него далеко идущие политические

Цезарь

замыслы. Цезарь так ловко умел прикидываться пустым франтом, стремящимся лишь к внешнему успеху, что даже самые проницательные из его противников были сбиты с толку.

Первый раз Цезарь выступил на форуме на похоронах своей тетки, вдовы Мария, объявленного Суллой врагом отечества. Цезарь не только осмелился дать высокую оценку деятельности великого римского полководца, но и приказал нести за гробом изображения Мария, которых народ не видел с того самого дня, как Сулла захватил власть. Аристократы, поддерживавшие Суллу, были возмущены поступком Цезаря, но народ приветствовал его. Это побудило Цезаря выставить в центре Рима на Капитолии позолоченные статуи Мария. Надписи на них рассказывали о славных, но несправедливо забытых победах этого полководца. Сенат

был всерьез обеспокоен возрождением народной партии популяров и тем, что «Цезарь уже не подкапывается под республику, а наступает на нее с осадными орудиями», как выразился один из сенаторов.

Вот уже около 100 лет никто из предков Цезаря не занимал высокого положения в государстве. По римским законам, гражданин, прежде чем стать консулом, должен был последовательно пройти все предшествующие республиканские должности: квестора, эдила, претора. После окончания срока исполнения каждой должности полагалось провести не меньше года в провинции в качестве наместника или представителя Рима. Мало кому удавалось достичь должности консула: чтобы попасть на каждый из выборных постов, требовалось истратить огромные деньги на подкуп избирателей. Цезарь не жалел средств, стремясь занять почетное положение в республике. Казалось, что он слишком дорого собирается заплатить за пустую славу, но на деле он добился великих возможностей сравнительно небольшой ценой.

Прежде чем получить первую должность, Юлий Цезарь издержал на пиры и угощения больше 1000 талантов, большую часть которых взял взаймы. К этому времени относится его сближение с победителем Спартака богачом Крассом. Последний поддерживал Цезаря деньгами, надеясь с его помощью одолеть Помпея, с которым он соперничал со времени их совместного консульства.

Выбранный квестором, Цезарь служил в Испании, а затем, вернувшись в Рим, выставил свою кандидатуру в эдилы.

В обязанности эдилов входило украшение города, а также устройство игр и зрелищ. Цезарь украсил не только форум — место собраний римских граждан, но также и Капитолийский холм, где он построил портики и выставил для всеобщего обозрения свои великолепные коллекции. Цезарь решил также добиться звания великого понтифика — самой высокой жреческой должности в Риме. В это время жрецов, подобно другим магистратам, избирало народное собрание, и единственным различием было то, что их выбирали не на срок, а пожизненно. Должность великого понтифика имела не только религиозное, но и большое политическое значение, так как понтики ведали календарем, завещаниями, ведением государственной летописи и списками должностных лиц. Соперниками Цезаря были виднейшие сенаторы, руководители аристократической партии оптиматов. Выступить против них было большой дерзостью, и вся надежда Цезаря была на поддержку городской бедноты. Говорят, что в день выборов, уходя в народное собрание, Гай сказал матери: «Сегодня ты увидишь меня или великим понтификом, или изгнанником!» Успех Цезаря на выборах был столь бесспорен, что оптиматы пришли в ужас и решили любыми средствами препятствовать дальнейшему продвижению этого опасного человека.

В этот год был раскрыт заговор Катилины. Сам Катилина

бежал в Этрурию, а его сторонники в Риме, обвиненные в изменнических сношениях с галлами, сознались в своем преступлении, и вопрос об их судьбе должен был решаться в сенате.

При допросах выяснилось, что Красс и Цезарь более двух лет поддерживали тайную связь с Катилиной, рассчитывая с его помощью добиться неограниченной власти в республике. Но богатый Красс испугался смелых планов Катилины, обещавшего своим сторонникам отмену долгов и раздел имущества богачей, отступился от заговорщиков и передал консулу Цицерону обличающие их документы.

Цезарь, которого народ считал своим защитником, занимавший к тому же высокую должность великого понтифика, был слишком популярен, чтобы Цицерон, несмотря на неопровержимые улики, решился обвинить его в участии в заговоре. Консул был уверен, что ради собственной безопасности Цезарь не станет вмешиваться, когда сенат будет решать судьбу заговорщиков. Однако у Цезаря хватило ума и мужества не молчать, когда сенаторы осуждали на смерть его бывших товарищей. Народ не простил бы ему, если бы он не заступился за людей, которые осмелились подняться против засилья богачей и аристократов.

Цезарь произнес мастерскую речь. Он делал вид, что беспокоится не о заговорщиках, а о сенаторах, которые чересчур крутыми мерами могут привести к взрыву народного возмущения. Цезарь надеялся запугать сенаторов и убедить их сохранить жизнь заговорщикам. Он говорил, что по закону осужденные имеют право обратиться к народному собранию, а ни один из сенаторов не захотел бы, чтобы этот вопрос решался беднотой на улицах и площадях Рима. Цезарь предлагал ограничиться тем, чтобы, конфисковав у заговорщиков имущество, подвергнуть их заключению в разных городах Италии. Но сенат, несмотря на предостережения Цезаря, все-таки осудил сторонников Катилины на смерть.

При выходе из сената толпа молодых аристократов набросилась на Цезаря с обнаженными мечами, и ему лишь с трудом удалось спастись. Но зато он сохранил то, что казалось ему в это время главным,— доверие простого народа.

На следующий год Цезарь занимал в Риме должность претора — высшего судьи, пост, следующий по значению за консулом. Привлекая к суду вождей аристократической партии, Цезарь до того разгневал сенаторов, что те отстранили его от должности. Однако это вызвало волнение народа, и решение сената пришлось отменить.

После этих событий Цезарь был назначен наместником провинции Испании, где надеялся обогатиться и расплатиться с неотложными долгами. Однако враги Цезаря решили не допустить его в Испанию. По их наущению толпа кредиторов окружила Цезаря и грозила не выпустить его из Рима, пока он не возвратит им деньги. Юлию Цезарю пришлось снова прибегнуть к помощи Красса, который ссудил ему достаточную сумму, дав возможность выехать в провинцию.

Рассказывают, что, когда, удрученный неприятностями, Цезарь со своими слугами проезжал бедный городок в Галлии, кто-то, желая развеселить полководца, смеясь, спросил его: «Неужели и в этой глуши люди тоже борются за власть, затевают интриги и завидуют друг другу?» «Конечно,— ответил Цезарь.— И я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме!» Это был не единственный пример тщеславия и честолюбия Цезаря.

3 Испании Цезарь впервые понял, что неограниченной власти, к которой он стремился, легче добиться, опираясь на преданное войско, чем на городскую бедноту. Целью своего пребывания в провинции он считал прежде всего обогащение и создание верной ему армии. Помимо 20 когорт, которые уже были в Испании, он набрал еще 10, доведя таким образом свое войско до трех легионов. Затем Цезарь предпринял завоевание западных областей Испании вплоть до самого океана. Обитавшие здесь племена лузитанов сохраняли свою независимость. Понимая превосходство римлян, они старались задобрить Цезаря тщательным исполнением всех его распоряжений. При приближении римских войск некоторые города сами открывали ворота, но Цезарь искал не покорности, а денег. Заняв город, полководец сразу же отдавал его на разграбление. Некоторые города он спас от разрушения и даже освободил от части долгов, взяв с них за это в свою пользу огромный выкуп. За один год пребывания в Испании Цезарь нажил изрядное состояние. Теперь к нему сторицей вернулись деньги, которые он истратил во время выборов. Солдаты, довольные щедростью полководца, провозгласили Цезаря императором. В республиканскую эпоху титул императора давался полководцу солдатами в награду за крупную победу. Полководец, удостоенный этого титула, по возвращении в Рим имел право на получение триумфа — торжественного въезда в столицу.

Однако от триумфа Цезарю пришлось на этот раз отказаться. Он торопился в Рим, чтобы выставить свою кандидатуру в консулы на следующий год. Так как желающие получить триумф должны были ждать за пределами городской черты, Цезарь решил отказаться от торжества, но не терять права добиваться должности консула.

Несмотря на сопротивление партии сената, Цезарь был избран консулом. Вторым консулом выбрали непримиримого аристократа Марка Бибула. Знать постаралась сразу ослабить значение победы Цезаря. Сенат принял постановление, чтобы консулов этого года не назначали наместниками в провинции, а дали бы им по окончании консульства малозначительные и невыгодные должности.

Цезарь понимал, что одному ему не справиться с противодействием сената. Возобновив дружбу с Крассом, Цезарь привлек к их союзу и прославленного полководца Помпея. Хотя Красс и Помпей вот уже десять лет были соперниками и сильно не любили

друг друга, Цезарь сумел их примирить. Он убедил их, что, бессильные в одиночку, объединив силы, они могут диктовать свою волю как сенату, так и народному собранию. Помпей надеялся, что союз с Крассом и Цезарем поможет ему добиться награждения его солдат-ветеранов, воевавших с ним на Востоке. Поэтому он охотно пошел на союз с Цезарем и даже породнился с ним, женившись на его дочери Юлии.

Союз трех — триумvirат — вначале был тайным. Но когда сенат продолжал противодействовать всем предложениям Цезаря — раздачам хлеба, основанию колоний и т. д., он вместе с Крассом и Помпеем вышел на форум и просил друзей помочь расправиться с теми, кто с оружием в руках мешает провести законы, нужные народу. Оба обещали помощь.

Вскоре после этого Помпей с вооруженными людьми занял форум и таким образом добился утверждения угодных ему и Цезарю законов. Распоряжения, которые он сделал во время восточного похода, были утверждены, ветераны получили обещанную землю, Цезарю же, во изменение первоначального решения, отводилась после консульства провинция Галлия и командование стоящими там 4 легионами. Второй консул Марк Бибул пытался было сорвать принятие новых законов, ссылаясь на неблагоприятное небесное знамение, но ветераны прогнали его с форума силой. На следующий день Бибул заявил протест в сенате, но никто не осмелился поддержать его, опасаясь гнева триумvirов. Это привело Бибула в такое отчаяние, что он заперся у себя дома и не выходил до самого конца своего консульства. С тех пор Цезарь решал все дела по собственному усмотрению, и некоторые шутники стали, указывая дату, писать не «год консульства Цезаря и Бибула», а «год консульства Юлиа и Цезаря» *.

Когда закончился этот страшный для многих сенаторов год консульства Цезаря, он отправился в отведенную ему провинцию Галлию. Богатые возможности этой страны казались ему залогом будущих триумфов. Народное собрание дало ему в управление Предальпийскую Галлию по обе стороны реки По **, расположенную так близко от Рима, что, находясь там, Цезарь по-прежнему мог влиять на ход событий в столице. По предложению Помпея, Цезарю было поручено также управление Нарбонской Галлией, которую называли просто «провинцией». Эта плодородная полоска побережья Средиземного моря от Италии до Испании, с центром в городе Нарбон, находилась южнее «лохматой Галлии», еще не подчиненной Римом. Так называли свободную Галлию римляне, потому что жители ее не стригли волос и ходили лохматыми, как звери. Населяли «лохматую Галлию» многочисленные племена, враждовавшие между собой. Эти племена сильно отличались друг от друга. Самые дикие — белги — жили на севере, между реками

Сеной и Рейном. Они не торговали с римскими купцами, у них не было влиятельных богачей, а вожди племен подчинялись народному собранию, состоявшему из всех мужчин, способных носить оружие.

Совсем иначе жили их ближайшие соседи — эдуи и арверны. Римские купцы вели с этими племенами оживленную торговлю, покупая за бесценок богатства страны: медь, золото, а также обращенных за долги в рабство галльских бедняков. Местная знать лишила власти старинных племенных вождей, и собрания воинов не имели у этих народов прежнего значения. Все это вызывало недовольство и волнения бедняков. Народ добивался отмены долгового рабства, справедливого раздела земли и восстановления демократических порядков. К движению народа присоединились и некоторые племенные вожди. Они с горечью видели, что галлы, еще недавно наносившие соседям поражение за поражением, вынуждены теперь платить дань пришельцам из-за Рейна — германцам. Вождю одного из германских племен, Ариовисту, удалось укрепиться на западном берегу Рейна, и теперь всей Галлии угрожало германское нашествие. Перед лицом опасности необходимо было объединить разрозненные племена галлов и провести внутренние реформы, чтобы облегчить положение бедноты и сплотить население для защиты родины. Вожди народной партии заключили союз с гельветами — сильным и воинственным племенем Восточной Галлии, населявшим альпийские области вокруг Женевского озера. Их уговорили переселиться на плодородные земли запада, где они должны были вступить в борьбу с Ариовистом и приостановить германское нашествие. Гельветы сожгли свои города и села, которых, как говорят, было больше 400, и двинулись в путь с женами и детьми. Однако знать в Галлии была недовольна подготавливающимся переселением: она боялась, что приход гельветов усилит народную партию и приведет к установлению старинных демократических порядков, которые еще сохранились у этого племени.

Едва Цезарь (весной 58 г. до н. э.) прибыл в Нарбонскую Галлию, как к нему явилась депутация знатных эдуев с просьбой воспрепятствовать переселению гельветов. Цезарь еще в Италии изучил положение в Галлии и знал, что в борьбе за эту страну у римлян будут два соперника — гельветы и германцы. Посольство эдуев пришло как нельзя более кстати: представился желанный повод для военного вторжения в Галлию, а главное, возможность сокрушить врагов поодиночке. Переселение началось в противовес наступлению германцев, а значит, Ариовист не станет заступаться за гельветов, когда Цезарь попытается использовать удобный момент, чтобы уничтожить одного из главных соперников.

По слухам, гельветов насчитывалось более 300 тысяч и примерно четверть от этого числа составляли воины. У Цезаря были все основания увеличить свою армию, и в дополнение к своим четырем легионам он спешно набрал в Предальпийской Галлии еще два.

* Римляне в эпоху республики год называли именами двух правящих консулов. Приведенная шутка основана на том, что Юлий Цезарь — два имени одного лица.

** Предальпийской Галлией называли Северную Италию.

Гельветы, боясь вступить в борьбу с могущественным Римом, просили у Цезаря разрешения закончить начатое переселение. Однако наместник отказал им; ему нужен был предлог для увеличения своей армии, и мирный исход переговоров его не устраивал. Вскоре, убедившись, что переселение гельветов на запад продолжается, Цезарь начал их преследовать. Гельветы уклонялись от решающего сражения, а сочувствующая им часть галлов задерживала поставку обещанного Цезарю провианта. Положение римлян стало критическим, так как продовольствия оставалось только на два дня. Прекратив преследование, Цезарь повел свои войска на запад, где, как он знал, в городах племени эдуев было запасено много продуктов. Увидев, что Цезарь отходит, гельветы уверились в своей силе и, погнавшись за римлянами, напали на них. Разыгралось сражение, в котором превосходство римской тактики и оружия обеспечило римлянам победу. Полудикие гельветы, обремененные к тому же большим обозом, отступили, понеся огромные потери. Цезарь приказал гельветам вернуться в оставленные ими области, опасаясь, как бы германцы не захватили опустевшие земли.

После победы над гельветами к Цезарю явились депутации почти всех народов Восточной Галлии и стали настойчиво просить его помочь отразить нашествие германцев. Теперь, когда не было надежды на помощь гельветов, страх перед дикими и жестокими германцами объединил все население Галлии. Цезарь понял, что если он не хочет потерять завоеванное с таким трудом положение в Галлии, ему не миновать столкновения с вождем германцев Ариовистом.

Предлог для войны с Ариовистом найти было легко. Цезарь предложил предводителю германцев освободить союзников Рима эдуев от уплаты дани и явиться к нему для переговоров. «Если мне понадобится Цезарь, — ответил гордый германец, — я к нему тогда и пойду. Если же я нужен Цезарю, пусть он придет ко мне. Чем беспокоиться об участии эдуев, завоеванных германцами, не лучше ли Цезарю освободить от дани тех галлов, которых покорили римляне?»

Этот ответ заставил Цезаря ускорить подготовку к войне. Прежде всего встала задача обеспечить снабжение армии. Ариовист зашел в тыл к римлянам и перерезал дорогу, по которой они подвозили продовольствие. В лагере Цезаря началось уныние.

Цезарь решился на смелый шаг, разделив свою армию и послав в тыл врага два легиона, которые отрезали германцев от земель, откуда к ним поступали продовольствие и подкрепления. Ариовист напал на стоявшие у него в тылу легионы, но хорошо окопавшиеся римляне устояли. Когда же подошли основные силы Цезаря, германцы были разбиты*. Цезарь преследовал противника до Рейна. Сам Ариовист спасся, но значительная часть его войска погибла во время бегства и переправы.

*Эта битва произошла на востоке современной Франции в районе Эльзаса.

Оставив командование армией своему помощнику Лабиему, Цезарь отправился зимой (58—57 гг. до н. э.) в Предальпийскую Галлию, куда съехались многие политические деятели Рима. Каждому Цезарь охотно давал или обещал все, что бы у него ни попросили. Лучшим применением захваченных у неприятеля средств Цезарь считал подкуп влиятельных сограждан. Вскоре, однако, тревожные вести заставили его снова возвратиться за Альпы.

Среди галльских вождей были люди, мечтавшие объединить страну и создать независимое галльское государство. Теперь, когда гельветы были разбиты, а германцы отброшены за Рейн, Рим стал главной угрозой независимости страны. Последней надеждой галльского народа были обитавшие севернее реки Сены многочисленные племена белгов. Понимая, что римляне неминуемо двинутся в их страну, этот свободолюбивый народ объединился и создал огромное по тем временам войско. Увеличив армию еще на два легиона, Цезарь, не дожидаясь нападения белгов, форсировал Сену и повел своих легионеров на север.

Цезарь стремился расположить свои войска так, чтобы белги не смогли перерезать дороги и помешать римлянам подвозить подкрепления и продовольствие из провинции. Когда появилась огромная армия белгов (по словам перебежчиков, их было больше 300 тысяч), Цезарь заперся в укрепленном лагере, уклонившись от сражения. Враг попытался захватить римский лагерь, но не смог преодолеть глубокие и широкие рвы, валы и частоколы. Не удалось ему также захватить дорогу, по которой в лагерь Цезаря подвозили провиант. Вскоре теснимые голодом племена противника начали расходиться. Окрестности были опустошены, а наладить регулярную доставку собираемого по всей стране продовольствия белги не могли. Вожди племен пообещали друг другу помощь на случай, если римляне вторгнутся в их земли, и распустили свои армии по домам. Почти без кровопролития Цезарю удалось разделить самый воинственный народ Галлии на части, и теперь покорение их было только вопросом времени.

На первых порах Цезарь даже не поверил в свой успех и, подозревая военную хитрость, боялся начать преследование отступающих. Когда же легионы, наконец, двинулись на север, часть белгов сразу перешла на сторону римлян. Только восточные племена оказали сопротивление. Но судьба их была предreshена, ибо теперь у римлян было не только военное, но и численное превосходство. Цезарь осадил их города и заставил сложить оружие. Война на севере Галлии продолжалась еще целый год, и случилось, что римлянам приходилось плохо. Однажды, опрокинув римскую конницу, белги окружили два легиона и перебили всех командиров. Цезарь, схватив щит, бросился вперед и через ряды сражающихся пробился к окруженным. Увидев угрожающую их полководцу опасность, воины наиболее преданного Цезарю десятого легиона ринулись за ним. Если бы не этот порыв, едва ли кто-либо

из окруженных уцелел бы. К концу года покорение белгов закончилось. Независимость сохранили только самые северные племена, жившие в устьях рек Рейна и Шельды.

Вторую зиму своего проконсульства (57—56 гг. до н. э.) Цезарь, как и первую, провел в Предальпийской Галлии. Из Рима поступали тревожные вести. В отсутствие Цезаря отношения между Крассом и Помпеем снова ухудшились, и враждебная триумвирату старая знать не преминула использовать это. Чтобы укрепить положение тройственного союза, нужно было поразить воображение римлян успехами, достигнутыми победоносными триумвирами. Римские рабовладельцы жаждали новых завоеваний: привыкшие к роскошной жизни, они наделали за последние годы много долгов, рассчитывая на богатства азиатских провинций. Однако хищническая эксплуатация разорила славившуюся своими несметными богатствами Азию. В Риме стало не хватать денег и все громче раздавались голоса, требовавшие новых захватов.

Первые победы Цезаря не давали еще оснований утверждать, что вдвое превышавшая Италию по территории и не уступавшая ей по населению Галлия покорена окончательно. Однако Цезарь решил использовать настроение римлян и немедленно объявить о завоевании страны. Это был как раз тот случай, которого он ждал так долго и с таким нетерпением. Наконец-то Цезарь мог опередить соперников и выдвинуться на первое место в триумвирате.

Упускать момент было нельзя. Цезаря не смущало, что нога римского солдата еще не ступала в Западную Галлию, что Южная Галлия — Аквитания еще была свободна, что даже самые дружественные римлянам племена — эдуи, секваны, ремы — согласились считать римлян союзниками, покровителями, но не господами. Все отступало на задний план перед главной целью — стать, наконец, первым человеком не только в провинции, но и в самом Риме.

Послав для виду один легион принять знаки покорности мелких племен, населявших область между Сеной и Луарой, Цезарь отправил римскому сенату донесение, что завоевание Галлии закончено. Это сообщение вызвало в Италии взрыв энтузиазма. Сенат постановил провести 15-дневные празднества и благодарственные молебствия по случаю одержанной победы.

Цезарь знал, что даже теперь он не может в одиночку сокрушить могущество старой знати и завладеть Римом: путь к власти по-прежнему лежал через триумвират. Шумный успех и возросший авторитет Цезарь решил прежде всего использовать для укрепления триумвирата. По его просьбе к нему на границу Галлии в город Луку прибыли Помпей и Красс. С триумвирами приехали их сторонники. Всего в Луке собралось более 200 сенаторов, которых сопровождало 120 ликторов. На совещании решили добиваться, чтобы консулами на следующий год были избраны Помпей и Красс. После консульства Помпей должен был получить в управление

Испанию, а Красс — Сирию. Победитель Спартака рассчитывал стяжать на Востоке славу Александра Великого, вступив здесь в войну с парфянами и отвоевав у них богатейшее Междуречье. Цезарю будущие консулы должны были продлить еще на 5 лет истекавшее через год (в 54 г. до н. э.) проконсульство в Галлии и отпустить средства на увеличение его армии еще на два легиона. Последнее условие многим казалось подозрительным, но для Цезаря оно было главным. Договорившись с Цезарем, Красс и Помпей вернулись в Рим.

Несмотря на то, что присоединение Галлии было торжественно объявлено и отпраздновано, третий год проконсульства Цезаря ознаменовался не менее жестокими битвами, чем первые два. Когда ошеломленные поведением Цезаря галлы поняли, что присоединение к Риму связано не только с утратой самостоятельности во внешней политике, но и с уплатой миллионной подати, они взбунтовались. Все побережье от устья Луары до устья Рейна поднялось против Рима.

Усмирить Аквитанию, население которой было раздираемо внутренними противоречиями, оказалось нетрудно, но племена венетов, населявшие запад Галлии — Арморика *, продолжали борьбу в течение года. Построив флот на Луаре и приказав ему плыть к морю, Цезарь повел сухопутные силы на запад. Осада приморских городов венетов, расположенных на мысах и окруженных морем, не дала желаемых результатов. Господствуя на море, венеты обеспечивали осажденных всем необходимым. Исход войны могла решить лишь морская битва. Однако парусные суда венетов с их высокими бортами были более приспособлены к плаванию в океане, чем построенные на Луаре римские галеры. Римляне победили только благодаря остроумной выдумке командующего римским флотом Децима Брута. Прикрепив к длинным шестам серпы, римляне перерезали канаты, державшие паруса вражеских кораблей. Суда противника утратили подвижность, и римляне получили возможность штурмовать их с близкого расстояния. Наступивший штиль усугубил несчастье венетов, и весь их флот погиб в этой битве. После этого сдались и осажденные приморские города. Расправа с венетами была жестокой. Цезарь приказал казнить старейшин племени, а жителей продать в рабство. Деньги, полученные от продажи, Цезарь раздал сверим воинам.

К концу лета третьего года войны почти вся Галлия подчинилась Цезарю, и он, не тревожась ни о чем, провел зиму в Северной Италии. Внезапно пришло известие о новом наступлении зарейских германцев: два племени — усипеты и тенктеры — форсировали реку недалеко от устья и заняли земли на западном берегу Рейна. Цезарь немедленно отправился к войску, желая пресечь вторжение в самом начале, ибо галлы легко могли объединиться с германцами для совместной борьбы с Римом. Когда

* Арморика — современный полуостров Бретань.

римская армия подошла к расположению германцев, те направили к Цезарю послов для выработки условий перемирия. Они просили Цезаря не изгонять их из Галлии. Продолжая вести переговоры, Цезарь внезапно напал на германцев. Понеся большие потери, тенктеры и усипеты бежали за Рейн. Преследуя их, Цезарь приказал построить свайный мост и, перейдя через Рейн, 18 дней грабил земли врагов. Удача в борьбе с германцами воодушевила Цезаря на еще более смелые предприятия. Он был первым римлянином, рискнувшим пуститься со своим войском в Западный Океан и переправиться через Атлантическое море*. В этом море, как рассказывали, лежал остров Британия столь невероятной величины, что некоторые писатели вообще не верили, что может существовать такой большой остров. Немало легенд ходило также о залежах олова, серебра и других богатствах, находившихся там. Дважды переправлялся Цезарь (в 55 и 54 г. до н. э.) в Британию с берегов Галлии, но никаких богатств ему не удалось захватить. Родственные галлам племена, населявшие Британию, были бедны и немногочисленны. Но и они оказывали Цезарю отчаянное сопротивление. Запасы продовольствия у римлян подходили к концу, а жители не думали складывать оружие. По счастью, один из сопутствовавших Цезарю галльских вождей выступил посредником и сумел убедить правителя бриттов пойти с римлянами на мировую. Цезарь утверждал потом, будто бритты обещали платить ему дань, но после того, как римляне покинули остров, никакой дани оттуда не поступало.

Вернувшись в Галлию, Цезарь узнал о смерти своей дочери Юлии, жены Помпея. Это был для него тяжелый удар. Неудача экспедиции в Британию должна была вызвать новый подъем освободительного движения галлов. Борьба с ними требовала новых средств, и если бы Помпей не стал поддерживать Цезаря, то завоевания в Галлии легко могли быть утрачены.

Наступила пятая зима Галльской войны (54—53 г. до н. э.), и Цезарь, как обычно, отправился в Италию. Следовало выяснить, не отойдет ли Помпей от них с Крассом после того, как родственник союз, скреплявший триумvirат, со смертью Юлии распался. Перед отъездом Цезарь распределил легионы по областям Галлии, так как ни одна область не могла в течение зимы прокормить армию, насчитывавшую свыше 10 легионов. Этим воспользовались свободолюбивые племена: сперва восстали эбуроны, а затем — нервии, одно из белгских племен, замирение которых Цезарь считал уже законченным. Они захватили врасплох и истребили больше 5 тысяч римлян, а затем осадили в лагере легион, которым командовал Квинт Цицерон — младший брат знаменитого оратора. Цезарю пришлось отказаться от поездки в Италию и немедленно повернуть назад. Он выбрал удобный пункт, где с

* Древние считали, что «круг земель», лежащий вокруг Средиземного моря, обтекает мировая река Океан. Западная часть Океана, омывающая берега Галлии, называлась также Атлантическим морем.

небольшой армией можно было защищаться против многочисленного врага, и построил лагерь. Цезарь удерживал своих воинов от стычек, всячески показывая варварам, что боится превосходящих сил противника. Когда же белги, забыв осторожность, стали нападать на лагерь, римляне, сделав вылазку, нанесли им сокрушительное поражение.

Эта победа укротила на время северных галлов. Цезарь всю зиму неустанно разъезжал, энергично пресекая готовящиеся повсюду новые заговоры и волнения. Многих поражало, как легко переносит Юлий Цезарь трудности походной жизни и суровую северную зиму. Ведь в Риме он был известен своей изнеженностью и приверженностью к жизненным удобствам, что казалось неприличным для воина. Думали, что его тшедушное телосложение, частые головные боли, случавшиеся с ним, припадки падучей болезни сделают его негодным для военной службы. Однако тех, кто знал непомерное честолюбие Цезаря, нисколько не удивило, что он сумел перебороть немощи, легко перенося лишения, которые были не по плечу даже более сильным людям. Обязательным условием воспитания воинов Цезарь считал личный пример полководца; когда тот наравне со всеми переносил любые трудности. Он не искал в слабости здоровья предлога для облегчения своих обязанностей; наоборот, суровость военной жизни стала для него лекарством от болезней. Беспрестанными маршами, умеренной пищей, постоянным пребыванием на свежем воздухе он победил свою слабость и сделал тело сильным и выносливым. Спал он обыкновенно в повозке под открытым небом. Любимым развлечением Цезаря была верховая езда: отведя руки назад и сложив их за спиной, он мог скакать во весь опор по любой дороге. Сидя на коне, Цезарь, как рассказывали его подчиненные, диктовал письма сразу двум секретарям так, что те едва успевали записывать. Недаром сложилась легенда, что Цезарь мог одновременно заниматься двумя и даже тремя делами.

Воины с восторгом передавали рассказы о скромности и неприхотливости Цезаря. Однажды зимой он вместе с приближенными был застигнут в пути непогодой и попал к бедняку, у которого в хижине мог поместиться всего один человек. «Почести,— сказал Цезарь,— предоставляют сильнейшему, а необходимое — слабейшим». Впустив в хижину своего старика-секретаря, Цезарь с остальной свитой устроился под навесом перед дверью дома.

В другой раз Цезаря принимал богатый житель столичного города в Предальпийской Галлии. Хозяин угощал спаржей, политой неочищенным оливковым маслом. Гости были возмущены. Многие открыто высказывали свое неудовольствие, «ЕСЛИ вам не нравится,— сказал Цезарь,— отставьте еду молча. Кто обличает чужую невоспитанность, сам не может служить образцом вежливости».

С этими словами он, не торопясь, доел предложенную ему грубую пищу.

Простота в обращении, смелость, умение привлекать к себе сердца подчиненных — все это особенно пригодилось Цезарю на шестой год его пребывания в Галлии (53—52 гг. до н. э.). В этом году пришло известие о страшном поражении, постигшем римлян, пытавшихся завоевать Парфию, и о гибели ближайшего друга и сподвижника Цезаря — Марка Красса. Эта весть означала, что триумвирату, 7 лет державшему все нити управления, пришел конец. Общественное мнение в столице резко изменилось. Римляне, еще недавно восторгавшиеся захватническими войнами, мечтавшие о новом Александре Македонском, теперь гневно выступали против людей, втягивающих государство в опасные авантюры.

Этот гнев легко мог обратиться и против Цезаря. Опасность была велика, и надо было как можно скорее покончить со всеми враждебными силами, выступление которых могло вызвать новый взрыв освободительной борьбы галлов. Римляне вторично перешли Рейн, чтобы устроить германцев. Резко изменилось отношение к незамирным галлам. Надо было во что бы то ни стало быстро сломить их сопротивление. Цезарь приказал объявить по всей Галлии, что на территории племен, не подчинившихся римлянам, каждый легионер может безнаказанно грабить и убивать кою захочет. Всех участвовавших в мятеже прошлого года Цезарь казнил, а отобранное у них имущество роздал своим сподвижникам. Немалая пожива досталась и купцам, следовавшим по пятам за наступающей римской армией. За кувшин вина покупали они у воинов пленников, захваченных прямо на поле сражения. Только при взятии одного города, рассказывают очевидцы, было продано в рабство 53 тысячи человек.

Уверенный в том, что теперь наступило спокойствие, Цезарь уехал на зиму в Италию. Но, как это часто бывает, упоенный победами завоеватель утратил представление о том, что творится в покоренной им стране. Чем более жестокой становилась власть Рима, тем сильнее росло влияние враждебных римлянам слоев населения. Возмущенный непрерывными грабежами и казнями, галльский народ восстал. В городе Кенабе, на реке Луаре, племя карнутов перерезало римских купцов, а вместе с ними и интендантов, заготовлявших продовольствие для римской армии. У соседей карнутов — арвернов, опираясь на бедноту, к власти пришел один из племенных вождей — Берцингсториг, которого римляне незадолго перед этим изгнали из страны. Арверны восстали, и все племена Средней Галлии присоединились к ним. Римские легионы, оставленные Цезарем зимовать на севере, поближе к ненадежным белгам, оказались отрезанными от провинции.

Положение могли спасти только быстрота и решительность. Оставив вновь набранные в Италии войска защищать провинцию, Цезарь со старыми солдатами стал пробиваться через глубокие снега в область арвернов. Стремительность натиска испугала галлов. Они вызвали Верцингсторига, который со своей армией находился

в это время на севере у племен, еще не решавшихся примкнуть к восстанию. Пока армия галлов стягивалась к области арвернов, Цезарь с отрядом всадников, никем не замеченный, прошел через всю Галлию и присоединился к своим легионам, стоявшим в Бельгии. Теперь под его командованием снова была большая армия, состоящая более чем из 10 легионов.

Воевать в чужой стране в зимних условиях было нелегко, но Цезарь не стал ждать благоприятной погоды. Прежде всего он решил отомстить за убийство римских граждан и, вторгшись в область карнутов, сжег Кенаб. Затем, переправившись через Луару на юг, он стал разрушать один за другим галльские города.

Верцингсториг избрал против римлян тактику партизанской войны. Уклоняясь от решительного сражения, он сжигал при отступлении все запасы продовольствия и, перерезая линии римских коммуникаций, нападал на обозы, шедшие с юга. Видя, что галлы отступают, Цезарь разделил свою армию. Четыре легиона (под командованием своего помощника Лабиена) он послал на север, а с остальными шестью легионами вторгся к зачинщикам мятежа — арвернам и осадил их столицу Герговию. Взять арвернов измором было трудно, так как у римлян у самих не хватало продовольствия, и Цезарь решился на штурм. Хорошо укрепленная крепость устояла. Римляне отступили, потеряв убитыми и ранеными почти легион. В первый раз случилось, что войска под командованием Цезаря потерпели крупное поражение. Победа Верцингсторига сделала его народным героем. Племена, во время всех предыдущих восстаний хранившие верность Риму, как, например, эдуи, примкнули к арвернам. Их пример увлек остальных галлов. Пламя восстания охватило всю страну, от Пиренеев до Рейна. Заложники, знатные юноши различных галльских племен, содержавшиеся в римском лагере, были освобождены, казна Цезаря захвачена восставшими, мосты через Луару разрушены. Казалось, близится долгожданный момент свержения римского ига.

Неожиданно для всех Цезарь повел войска из страны восставших эдуев не на юг, в сторону Италии, а на север, к белгам. Он не мог оставить на верную гибель находившиеся там четыре легиона под командованием Лабиена. Риск был велик, но Цезарь не видел другого выхода: оставить своих людей без помощи означало навсегда лишиться их доверия. Рухнули бы надежды Цезаря на достижение при помощи армии высшей власти. Он предпочитал погибнуть, чем отказаться от своих замыслов.

Окруженные со всех сторон врагами, без продовольствия, смертельно усталые, упорно пробивались легионы Цезаря на север. На их счастье, Лабиен разбил паризиев и собрал богатую дань с северных племен. Когда римляне, наконец, соединились, голодавшие войска Цезаря получили пищу и возможность отдохнуть.

Однако долго отдыхать было нельзя. Галлы лихорадочно гото-

вились к решающей битве. Все восставшие племена прислали своих представителей в столицу эдуев — город Бибракте: здесь был принят план войны и установлено, сколько воинов выставит каждое племя. Верцингеториг, избранный командующим всего галльского ополчения, учил своих воинов строить и укреплять лагерь, рыть траншеи, совершать переходы и маневрировать. Он понял причины успехов римлян и внушал свободолюбивым, но диким галлам, что назначение воина состоит не только в том, чтобы сражаться: надо уметь ежедневным упорным трудом подготавливать победу. Обучение разноплеменного войска еще только начиналось, а галлы, воодушевленные победой при Герговии, требовали, чтобы Верцингеториг преградил путь Цезарю и уничтожил его легионы в решающем сражении.

Галльский вождь приказал построить возле города Алезия* лагерь, расположенный недалеко от скрещения дорог, по которым Цезарь мог возвращаться с севера в Нарбонскую Галлию. Сюда Верцингеториг собрал большие запасы продовольствия, 15 тысяч всадников и лучшую часть пехоты.

Когда отступавшие из Галлии римские войска поравнялись с Алезией, они были атакованы вражеской конницей. Внезапность атаки не привела римлян в замешательство. Первый натиск был отбит незадолго перед этим набранной Цезарем конницей, о существовании которой галлы не подозревали. Отбросив врага, легионеры сомкнутыми колоннами преследовали отступавших и уничтожили больше 3 тысяч человек. Галлы отступили к Алезии, где у стен города находился их укрепленный лагерь. Римляне открыли путь на родину. Но Цезарь не был бы Цезарем, если бы не попытался использовать неожиданно открывшиеся перед ним благоприятные возможности. Римские войска повернули на север и подошли к Алезии.

Расположенный на вершине высокого холма, омывавшегося двумя реками, галльский лагерь казался неприступным. Только длительная осада могла бы сломить галлов. Цезарь заставлял легионеров работать по 16 часов в сутки. Город был окружен линией валов, которые отрезали осажденных от внешнего мира. Незадолго до этого Верцингеториг приказал своим всадникам покинуть город: для защиты лагеря конница была не нужна, а продукты питания необходимо было экономить. Всадники, разъехавшись по всей Галлии, вскоре собрали многочисленную армию добровольцев, которые и поспешили на выручку Верцингеторига.

Приближение вражеской армии, в несколько раз большей, чем та, которая была заперта в Алезии, делало положение римлян рискованным. Цезарь хорошо понимал, что для того, чтобы не выпустить Верцингеторига, ему придется сражаться на два фронта. Теперь надо было срочно построить оборонительную линию против приближающегося галльского ополчения. Галлы могли сосредоточить все силы на одном каком-либо участке, в то время как римлянам

* Алезия находилась недалеко от современного города Дижона.

предстояло держать оборону и на внешней, и на внутренней линиях укреплений. Недостаток в воинах они возместили превосходством техники.

Были выкопаны один за другим три широких рва, промежутков между которыми не превышал 100 метров. За рвами высился вал, укрепленный частоколом, за которым могли скрыться оборонявшие римский лагерь стрелки. Через каждые 25 метров на валу были построены многоэтажные башни, где находились метательные орудия для перекрестного обстрела. Перед рвами в землю были вкопаны стволы деревьев, сучья которых переплетались между собой, образуя густую колючую сеть. Пять рядов таких заграждений шли вплотную один за другим. В поле перед ними были вырыты прикрытые землей ямы-ловушки, на дне которых торчали заостренные сверху колья и крючья.

Строительство мощной линии обороны потребовало шести недель напряженного труда, но когда галльское ополчение наконец подошло к Алезии, римляне легко отразили два первых приступа. Третий приступ едва не окончился взятием римского лагеря, но римская конница, зайдя в тыл галлам, неожиданно напала на них. После ожесточенной схватки галлы отступили. Конница преследовала и рубила беглецов. После этой неудачи галлы потеряли всякую надежду на победу. Галльское ополчение разошлось по домам, а вскоре сдался и Верцингеториг. Цезарь не пощадил вождя галлов: почти шесть лет его держали в тюрьме, чтобы провести в триумфальном шествии на потеху римской толпе, а затем казнить.

После падения Алезии борьба в Галлии продолжалась еще около года. Жестоко расправляясь с восставшими, привлекая на свою сторону знать, Цезарь сумел наконец усмирить страну. За 8 лет он взял штурмом более 800 городов, покорил 300 племен. Против римлян боролось 3 миллиона человек, из которых, как утверждал Цезарь, один миллион он уничтожил, а еще один взял в плен. Только после взятия Алезии каждый римский воин получил в награду по одному рабу. Галлов обязали вносить в римскую казну ежегодную подать в 40 миллионов сестерциев. В страну вывезли колонии римских граждан: заброшенную во время войны землю по дешевке скупали римские рабовладельцы. Приток денег из Италии способствовал быстрому восстановлению хозяйства. Галлия была втянута в экономическую жизнь Римского государства. Быстро менялись культура и язык галлов, все больше подвергаясь римскому влиянию*. Новые связи прочнее, чем размещенные в стране гарнизоны, приковали Галлию к Риму.

За время Галльской войны Цезарь в своем войске вырастил нескольких талантливых молодых командиров, которые впоследствии стали крупными полководцами. Среди них особенно выделялся Марк Антоний. В отсутствие Цезаря они командовали

* О влиянии римлян в Галлии можно судить по тому, что современный французский язык принадлежит к так называемой «романской» (римской) группе языков.

армией. Цезарь щедро награждал своих сподвижников из захваченной в Галлии добычи. Антоний вернулся в Рим богатым человеком. Он и его единомышленник Курион были избраны народными трибунами и развили энергичную деятельность, защищая интересы Цезаря.

Успехи Цезаря в Галлии вызвали беспокойство Помпея. Раньше он относился к Цезарю с пренебрежением, полагая, что ему будет легко в любой момент устранить человека, обязанного своим возвышением его покровительству. Однако после завоевания Галлии Цезарь сравнялся в славе с Помпеем, превосходя его награбленным в Галлии богатством. Это было решающим преимуществом в Риме: люди, добивавшиеся высоких должностей, открыто выставляли на площадях столики с деньгами для подкупа избирателей, и подкупленный народ приходил на голосование, чтобы мечами и дубинами бороться за тех, кто дал деньги. Государство уподобилось кораблю, потерявшему управление, и многие открыто говорили, что наступило время заменить республику монархией. Знатные считали наиболее подходящим правителем Помпея, который еще при Сулле стоял на стороне нобилей и никогда, подобно Цезарю, не заигрывал с бедной.

По предложению аристократа Катона, сенат передал Помпею власть обоих консулов и продлил ему проконсульство в Африке и в Испании, позволив управлять в Риме. Цезарь также потребовал, чтобы ему продлили проконсульство в Галлии. Сенат, вставший на сторону Помпея, отказал Цезарю. Узнав об этом, один из командиров галльской армии сказал, ударив по рукоятке меча: «Вот что продлит проконсульство Цезаря».

Вслед за этим сенат решил изгнать из своей среды сторонников Цезаря — Антония и Куриона, которые, опасаясь за свою жизнь, вынуждены были бежать из Рима в одежде рабов.

Когда римские воины увидели, как двое почитаемых политических деятелей стали жертвой беззакония, они были возмущены. Если сенат так обошелся с людьми, занимавшими высшие должности в государстве, то могли ли простые воины рассчитывать на обещанные им пенсии и вознаграждения? Цезарю теперь было нетрудно разжечь своих солдат и повести их против сената.

В Предальпийской Галлии этой зимой (50 — 49 гг. до н. э.) находился только один легион. Не желая дать противникам времени на подготовку к войне, Цезарь не стал дожидаться прихода всей галльской армии и двинулся в Италию, располагая всего пятью тысячами человек. Достигнув реки Рубикона, считавшейся границей между Галлией и Италией, Цезарь долго стоял на берегу, не решаясь дать войскам приказ начать переправу. Переход границы означал бы начало гражданской войны. Наконец со словами «Жребий брошен!» он первым двинулся через реку.

Сенат поручил Помпею оборону столицы. Войска Помпея находились в Испании и Африке. Но стремительность Цезаря не оставила времени для переброски их в Италию. Когда в Риме

поняли, что отстоять город не удастся, всеми овладела растерянность. Началось повальное бегство из столицы. Большинство сената, как и сам Помпей, покинуло Италию и бежало в Грецию. Цезарь вступил в Рим, не встретив сопротивления.

Помпей не успел в спешке вывезти государственную казну, и теперь она попала в руки победителя.

Подчинив Италию, Цезарь отправился в Испанию, где были расположены главные силы Помпея. Цезарь считал опасным оставлять у себя в тылу враждебные войска. После короткой, но жестокой войны Цезарь принудил испанскую армию Помпея к капитуляции.

Осенью Цезарь вернулся в Рим, где его провозгласили диктатором. Затем с отборным отрядом кавалерии и пятью легионами он направился на юго-восток Италии, в Брундизий, а оттуда отплыл в Грецию. Переправить на Балканский полуостров сразу всю армию Цезарь не мог из-за отсутствия транспортных судов. С имеющимися силами Цезарь не решался перейти в наступление против Помпея, собравшего к этому времени значительную армию. Увидев, что оставшиеся в Италии войска медлят, так как в Адриатическом море господствовал флот Помпея, Цезарь решил отправиться к морю сам и ускорить переправу. Тайно от всех был снаряжен небольшой быстроходный корабль, на который поднялся человек в одежде раба с закрытым лицом. Экипаж корабля не догадывался, кто этот молчаливый путник. Однако в этот день на море разыгралась буря и Цезарь вынужден был вернуться.

Наконец Антоний, командовавший оставшейся в Италии армией, переправил ее в Грецию и соединился с Цезарем. Вскоре после этого в Северной Греции при Фарсале произошло решающее сражение. Новобранцы Помпея не устояли против закаленных в боях с галлами ветеранов Цезаря. Остатки армии Помпея капитулировали, а сам он бежал в Египет, где был предательски убит.

После смерти Помпея Цезарь, нуждаясь в деньгах, чтобы рассчитаться со своими ветеранами, отправился в Египет. Здесь он собирался взыскать с жителей для своего войска 10 миллионов сестерциев. В это время наибольшим влиянием в стране пользовался один из царедворцев, правивший от имени малолетнего царя Птолемея. Чтобы не делить ни с кем власть, он изгнал из столицы старшую сестру царя Клеопатру. Этот правитель, боясь за свое положение, сразу стал проявлять враждебность к римлянам. Солдатам Цезаря он отпускал только старый, залежавшийся хлеб, говоря, что людям, которые едят чужое, нечего привередничать. Цезарь располагал, в Египте слишком незначительными силами, чтобы начать войну. В поисках опоры среди местного населения он решил вернуть из изгнания Клеопатру. Молодая царица села в маленькую лодку и под покровом ночи, имея лишь одного спутника, подплыла ко дворцу, занятому

Цезарем. Боясь попасть к врагам, она спряталась в мешок и таким образом была доставлена в покои Цезаря. Прельщенный смелостью и красотой царицы, Цезарь возвел ее на престол, вступив с ней в брак.

Вмешательство во внутренние дела Египта и поборы пришельцев вызвали восстание местного населения. Небольшой отряд римлян попал в опасное положение. Враги отрезали Цезаря от кораблей, и, чтобы спастись, римляне подожгли город. Во время пожара сгорела знаменитая Александрийская библиотека. Спасаясь от разъяренных жителей, Цезарь укрылся в александрийской гавани на маленьком острове Фаросе*.

Однажды, когда Цезарь плыл, чтобы соединиться со своими войсками, египтяне окружили лодку, и римскому полководцу пришлось броситься в воду. Со всех сторон на него сыпались стрелы, однако Цезарь упорно плыл к берегу. Самое удивительное даже не то, что он сумел спастись от смертельной опасности, а то, что и в воде он не выпустил из рук своих дощечек с записями, с которыми никогда не расставался.

Несмотря на все опасности, римлянам удалось продержаться до прибытия вызванных из Сирии легионов, и восстание было подавлено. В это время на Востоке Фарнак, сын понтийского царя Митридата VI Евпатора, начал войну против Рима. Ему удалось занять значительную часть Малой Азии. Цезарь выступил против Фарнака с тремя легионами. Война с понтийским царем была закончена одним сражением. Победа досталась так легко, что, сообщая о ней в Рим, Цезарь ограничился всего тремя словами: «Пришел, увидел, победил!»**

Остатки легионов Помпея собрались в Африке. Во главе их встал давний враг Цезаря Катон. К помпеянкам присоединился нумидийский царь Юба. Непокойно было и в Испании, где в римских гарнизонах находилось много ветеранов Помпея. Казалось, гражданская война готова вспыхнуть с новой силой. Цезарь поспешил в Африку. Около города Тапса противники встретились. Судьба, как и раньше, была благосклонна к Цезарю: в течение трех часов он захватил три вражеских лагеря. Потери помпеянцев, по слухам, достигали 50 тысяч; сам же Цезарь потерял только 50 воинов. Катон понял, что дело его проиграно, и покончил жизнь самоубийством. Цезарь вернулся в Рим, где отпраздновал триумф в честь всех одержанных побед в Галлии, Египте, Малой Азии и в Африке. Воинам Цезарь раздал богатые подарки, а народу устроил грандиозное пиршество. На 22 тысячах столов выставили угощение для всех граждан. Гладиаторские бои на суше и на море довершили празднество.

Вскоре после этого Цезарь, в четвертый раз выбранный консулом, отправился в Испанию, где против него подняли восстание

* На этом острове находился знаменитый Фаросский маяк, считавшийся одним из семи чудес света.

** По-латыни все три слова начинаются на одну букву и имеют одинаковое окончание: Vini, vidi, vici!

сыновья Помпея — Гней и Секст. При городе Мунде произошло ожесточенное сражение (45 г. до н. э.). Солдаты Цезаря, измученные бесконечными войнами, страдающая от нехватки продовольствия, дрались неохотно, и победа была достигнута ценой очень больших потерь. Говорят, что, вспоминая эту битву, Цезарь сказал: «Раньше я дрался с врагами за победу, на этот раз мне пришлось сражаться за жизнь». В битве при Мунде погибли последние вожди помпеянцев; только младшему сыну Помпея — Сексту удалось скрыться.

Казалось, что теперь уже не существовало силы, способной уничтожить могущество Цезаря. Утомленные смутами и гражданскими войнами, римляне видели в монархии единственную надежду на установление долгожданного покоя. Трудно даже представить, какие бедствия претерпел Рим за эти годы. Проведенная в городе перепись показала, что из 320 тысяч граждан погибло больше 170 тысяч, и это не считая потерь, понесенных жителями остальной Италии и провинцией. Устрашенные римляне склонились перед счастливой судьбой Цезаря и безропотно позволили надеть на себя узду. Победитель уже не довольствовался десятилетними диктаторскими полномочиями. Теперь он получил звание пожизненного диктатора. Он имел право назначать половину всех должностных лиц и, таким образом, стал неограниченным властителем Рима. Воспользовавшись этим, Цезарь значительно увеличил число квесторов, эдилов и преторов. Желая привлечь на свою сторону как можно больше влиятельных лиц, он назначал их, хотя бы на короткий срок, на высшие должности.

С этой же целью Цезарь в полтора раза увеличил число сенаторов, введя в высший совет государства своих подчиненных и даже вольноотпущенников. Добиваясь расположения армии, он наделял отставных солдат земель как в самой Италии, так и далеко за ее пределами. Нескольким десяткам тысяч ветеранов получили землю в Галлии, в Африке (на месте разрушенного Карфагена) и в Греции (на месте разрушенного Коринфа).

Занимая должность великого понтифика, Цезарь стоял во главе римских Жрецов. Понтифики ведали календарем, отличавшимся сложностью: для приведения календаря в соответствие с астрономическим временем надо было некоторые годы делать на месяц длиннее. Все были заинтересованы в том, чтобы упростить календарь и сделать его всем понятным. Цезарь пригласил в Рим египетских астрономов, и под его руководством они провели реформу, разбив год на 12 солнечных месяцев. К каждому четвертому году регулярно добавлялся дополнительный день, так называемый високосный. Месяц, на который приходился день рождения Юлия Цезаря, был назван в его честь июлем. Римский календарь оказался самым точным из всех существовавших в древности, и введение его прославило имя Цезаря на тысячелетия*.

* Введенный Юлием Цезарем календарь (юлианский) оказался настолько удобным, что получил распространение во всех странах Европы.

Чтобы крепче связать Рим с подчиненными ему провинциями, Цезарь предоставил многим провинциалам право римского гражданства. При нем начали чеканить золотую монету, чем значительно облегчили заморскую торговлю. На монетах вместо герба был изображен Цезарь, увенчанный лавровым венком.

Достигнутые успехи не только не успокоили деятельную натуру Цезаря, а наоборот, казалось, толкали его на новые, еще более смелые предприятия. Говорили, что теперь, когда ему не с кем соперничать, он соревнуется с самим собой, стремясь будущими подвигами превзойти уже совершенные. Мало кто понимал, что не тщеславие, а необходимость толкает Цезаря вперед, что он стал рабом своей удачи и уже не может остановиться. Армия требовала награды за испанскую войну, а денег в казне почти не было. Чтобы расплатиться с солдатами, приходилось начинать новую войну.

Замышлявшийся Цезарем поход должен был затмить славу похода Александра. Он мечтал совершить то, что не удалось Крассу,— разгромить Парфянское царство, а затем вернуться в Италию северным путем через Скифию, Германию и Галлию. Цезарь возлагал все свои надежды на этот поход. Самым важным для него теперь было переломить настроение римского общества, утомленного бесконечными войнами. Цезарь решил соблазнить римлян множеством блестящих проектов, выгодных всем слоям населения. Для их осуществления нужны были большие средства, и казалось, что легче всего добыть их, завоевав богатую Парфию.

Перед тем как отправиться в поход, Цезарь решил упрочить свое положение в Риме, считая, что для этого лучше всего объявить себя царем и основать династию, подобную династиям эллинистических монархов. Так как у него не было детей, он усыновил внука своей сестры, семнадцатилетнего Октавия *.

Сторонники Цезаря распространяли по городу слухи, будто в древних книгах сказано, что парфян сможет победить только царь. Однако ненависть к монархии была в Риме очень сильна, и Цезарю, чтобы избежать осложнений, приходилось искусно маневрировать. Однажды, когда он въезжал в город, несколько человек закричали: «Да здравствует царь!» Толпа на площади умолкла. Никто не поддержал кричавших. Видя это, Цезарь спокойно сказал: «Вы что-то путаете. Мое имя не царь, а Цезарь».

В год своего последнего консульства Цезарь назначил вторым консулом преданного ему Марка Антония. Однажды в праздничный день Цезарь явился на форум в пурпурной одежде триумфатора. Здесь к нему подошел Антоний и хотел надеть на него золотую корону. Люди, заранее расставленные Антонием, стали аплодировать. Однако когда Цезарь оттолкнул корону, аплодисменты стали громче и раздались приветственные крики. Антоний был уверен, что Цезарь отказался только для виду, желая, чтобы его попросили еще раз. Тогда он снова поднес корону Цезарю, и снова нанятые хлопальщики усердно изображали народный восторг. Но Цезарь,

* Октавий после усыновления изменил, согласно обычаю, свое имя на Октавиан.

почувствовав настроение толпы, и на этот раз отказался от царской власти.

Раздраженный неудачей, Цезарь решил покарать противников, невзирая на их общественное положение. Когда народные трибуны сорвали со статуй Цезаря короны и арестовали людей, приветствовавших его как царя, диктатор отрешил трибунов от должности и изгнал из сената. Это вызвало против Цезаря взрыв возмущения, так как трибуны считались самыми священными из должностных лиц. Особенно возмущены были представители старой римской аристократии, которые еще со времен заговора Катилины видели в Цезаре опасного смутьяна. Они не замечали, что, придя к власти, Цезарь сильно изменился и вовсе не был склонен выполнять данные народу обещания. Так, он отказался провести закон об отмене долгов, распустил союзы ремесленников, игравшие большую роль в защите прав бедняков, уменьшил число граждан, получавших бесплатный хлеб от государства. Аристократы ненавидели Цезаря, но понимали, что бессильны бороться против его диктатуры. Единственную надежду они возлагали на смерть Юлия Цезаря.

Среди сенаторов возник заговор, ставивший целью уничтожить Цезаря и восстановить старые республиканские порядки. Во главе заговора встали Марк Брут, Децим Брут Альбин и Кассий. Число заговорщиков скоро достигло 60, и слухи о готовящемся покушении поползли по городу. Друзья предостерегали Цезаря и советовали ему усилить охрану, но он не прислушивался к многочисленным доносам, поступавшим к нему ежедневно. В большинстве своем они были ложны. Доносчики пытались разделаться с личными врагами и выслужиться перед диктатором: сегодня они обвиняли в заговоре Брута, завтра Антония. Цезарем овладела апатия. «Лучше, — говорил он, — один раз умереть, чем жить в постоянном страхе. Что предназначено судьбой, того не предотвратить. Самая лучшая смерть та, которая приходит неожиданно».

Заговорщики решили убить диктатора в иды марта *. В этот день должно было состояться заседание сената, на котором Цезаря предполагалось провозгласить царем всех заморских владений и разрешить ему носить царскую корону за пределами Италии. За несколько дней до этого какой-то гадатель предупредил Цезаря, чтобы тот опасался мартовских ид. Хотя Цезарь не верил прорицателям, но на этот раз встревоженная жена уговорила его сослаться на болезнь и не выходить из дому. Мятежники догадывались, что о заговоре известно, и опасались отсрочки заседания. Децим Брут, которому диктатор так доверял, что даже назначил его одним из своих наследников, отправился к Цезарю. «Ты, — сказал он, — и так слишком часто пренебрегал сенатом. Не стоит делать это сейчас, когда сенаторы согласились провозгласить тебя царем».

Гонимый честолюбием, Цезарь пренебрег советом жены и вышел из дому. По дороге они встретили гадателя, предупредившего Цезаря

* Иды — середина месяца, приходившаяся на 15-ое или 13-ое число. Мартовские иды — 15 марта.

об опасности. «Почему не сбывается твое предсказание?— насмешливо спросил Цезарь.— Иды марта пришли, а я все еще жив». «Пришли, но не прошли»,— будто бы ответил прорицатель.

Эти слова стали потом поговоркой.

Когда Цезарь подошел к самому входу в курию *, один из его приверженцев передал ему маленький свиток папируса с сообщением о готовящемся покушении. «Немедленно прочти это, Цезарь,— сказал он,— и не показывай никому. Здесь написано о важном для тебя деле».

Однако множество просителей отвлекли диктатора, и он вошел в сенат, так и не прочитав свитка. Опасаясь, что силач Антоний сможет помешать убийцам. Децим Брут ловко задержал его разговором у входа в сенат.

Между тем Цезарь вошел в курию, и все стоя приветствовали всесильного диктатора. Несколько десятков заговорщиков окружили кресло Цезаря. Один из них, Туллий Кимвр, настойчиво стал просить вернуть из изгнания его брата. Когда Цезарь отказал, Туллий схватил диктатора за край тоги и, сильно дернув, оголил ему шею. Это было сигналом. Заговорщики, выхватив из-под плащей мечи, бросились на диктатора. Они договорились заранее, что каждый нанесет Цезарю хотя бы один удар, чтобы никто не мог утверждать, что он не виноват в совершившемся. Возникла свалка, и целясь в Цезаря, заговорщики переранили друг друга. Куда бы ни бросался Цезарь, всюду его встречали направленные на него мечи. Ему нанесли 23 раны, но только две из них были смертельны. Сенаторы молча взирали на происходящее, не смея ни вступить за Цезаря, ни даже позвать на помощь. Диктатор упал, обливаясь кровью, у подножия статуи Помпея. Казалось, что Помпей с удовольствием смотрит на противника, распростертого у его ног. Когда все было кончено, Марк Брут хотел обратиться с речью к сенату, но, очнувшись от оцепенения, сенаторы бросились бежать, распространяя по городу страх и смятение.

Цезарь умер 56 лет от роду, пережив Помпея почти на четыре года. Ему не пришлось воспользоваться могуществом и властью, к которым он стремился всю жизнь и которых достиг такими великими трудами. Но и заговорщики не добились своей цели: власть сената не была восстановлена. Ни один человек, сколько-нибудь причастный к убийству Цезаря, не уцелел. Об их судьбе будет рассказано в биографии Октавиана.

* Курия — здание, предназначавшееся для собраний граждан или заседаний сената.

ЦИЦЕРОН

Великий оратор, писатель и политический деятель Марк Туллий Цицерон* родился 3 января 106 г. до н. э. близ города Арпина. Отец его происходил из состоятельной римской семьи всадников. Прозвище рода Туллиев «Цицерон» (по-латыни — цицеро) означает «горошина». Некоторые думали, что у одного из предков великого оратора была бородавка на носу, напоминавшая горошину. Другие же полагали, что какой-либо его предок был знаменитым огородником и выращивал хороший горох. В роду Туллиев никто не занимал высших государственных должностей, и потому, когда Цицерон достиг поста консула, представители знати называли его презрительно выскочкой, «новым человеком» (хомо новус).

Еще в детстве Цицерон показал блестящие способности в учении. Он отличался такой поразительной понятливостью и памятью, что родители его товарищей приходили в школу посмотреть на это маленькое чудо.

Когда Цицерон подрос, его отец переселился в Рим, чтобы дать ему и брату Квинту образование. В столице молодой человек изучал римское право, занимался греческой философией, теорией риторики **.

В Риме в это время собрались виднейшие представители греческой философии.

В обществе греческих ученых и писателей Цицерон основательно изучил греческий язык и литературу. Греческий поэт Архий привил будущему оратору вкус к изящной литературе и поэзии: Цицерон

* Биография Цицерона была составлена Г. Л. Стратановским для книги «Знаменитые римляне». 1964.

** Риторика — наука о красноречии.

в юности и даже в зрелом возрасте писал стихи (правда, довольно плохие).

Особенно заинтересовался молодой человек *диалектикой*, то есть искусством спора и убеждения. Одновременно с этим он упражнялся в декламации — составлении речей на греческом и латинском языках. Знаменитый актер Росций Галл учил Цицерона произношению, постановке голоса и ораторским жестам.

После школы Марк Туллий служил в армии и участвовал в «Союзнической войне». По окончании военной службы двадцатилетний Цицерон решил посвятить свою жизнь политической деятельности.

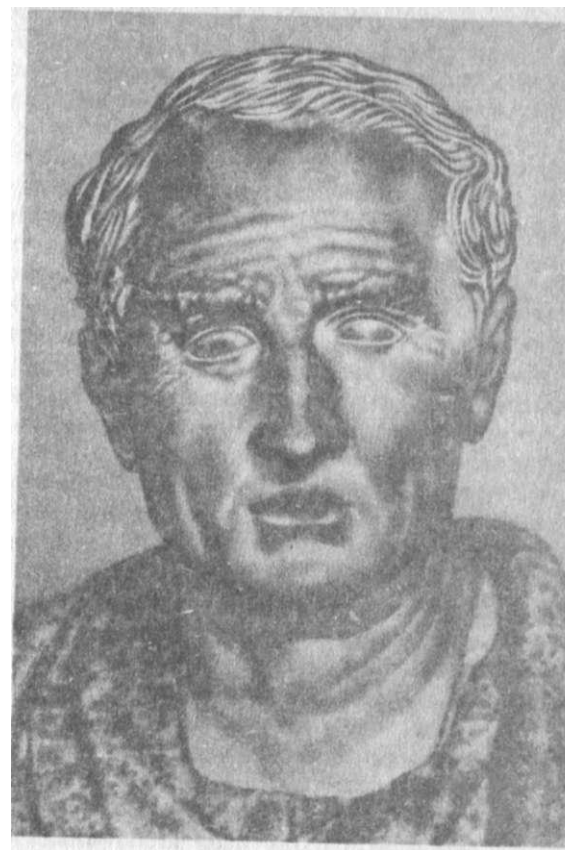
В республиканском Риме незнатные юноши могли выдвигаться, лишь выступая в каком-нибудь громком судебном процессе в качестве защитника или обвинителя. Тут представлялся удобный случай изложить свои взгляды на те или иные вопросы общественной жизни, обратить на себя внимание, получить известность у граждан-избирателей.

Однако момент для публичных выступлений был неблагоприятным: шла гражданская война, по стране прокатилась волна террора против народной партии. Ежедневно вывешивались списки обреченных на казнь людей. Наемные убийцы вечерами бродили по темным улицам Рима. Они врвались в дома богатых людей или убивали их просто на улице, а затем под разными предлогами завладевали их состоянием.

Как человек честный и гуманный, Цицерон приходил в ужас от насилий и жестокостей, творимых сторонниками Суллы. Он решил защищать несчастные жертвы диктаторского режима. Одной из таких жертв явился Росций.

На улице Рима был убит богатый землевладелец, некто Секст Росций. Убийство подстроили родственники с целью завладеть его имуществом. Они вошли в соглашение с всесильным любимцем диктатора Суллы Хрисогоном, который скупил за бесценок с торгов имущество убитого. Родственники погибшего пытались устранить законного наследника — сына Секста Росция. Когда им это не удалось, они выдвинули против молодого человека обвинение в отцеубийстве. Никто не хотел брать на себя защиту молодого Росция из страха перед Корнелием Суллой. Только Цицерон согласился защищать несчастного. Дело Росция было настолько ясным, что адвокату не стоило никакого труда доказать его невиновность. Но этого Цицерону показалось мало.

Всем было известно, что за обвинителем скрывается всесильный Хрисогон. Этот временщик считал себя в полной безопасности, так как ему сходили с рук и не такие поступки. Цицерон в своей речи не побоялся заклеить любимца Суллы. Когда молодой оратор произнес имя Хрисогона, обвинители и толпа народа замерли в безмолвии. Однако Цицерон, продолжая сохранять спокойствие, выдвигал одно за другим обвинения, клеймя позором человека,

Цицерон

перед которым все трепетали. Судьи и публика поняли, что Цицерон обвиняет в лице Хрисогона самого Суллу. В заключение молодой оратор потребовал положить конец гнусному режиму. Речь его была встречена рукоплесканиями, а обвиняемого суд оправдал.

Вскоре после этого Цицерон вместе с братом Квинтом уехал путешествовать в Грецию и Малую Азию якобы для лечения, но на самом деле опасаясь преследований со стороны Суллы. Сначала братья прибыли в Афины. Цицерон продолжал свои занятия философией, начатые в Риме. Затем он переехал на остров Родос, где находились знаменитая школа ораторского искусства и известные профессора — Аполлоний и философ Посидоний. Рассказывают, что Аполлоний, не понимавший ни слова по-латыни, попросил Цицерона произнести речь по-гречески. Выслушав блестящую речь молодого римлянина, присутствующие осыпали оратора похвалами. Сам

Аполлоний слушал речь с невеселым видом. Когда оратор кончил, знаменитый профессор сказал: «Хвалю тебя, Цицерон, и удивляюсь твоему дарованию, но жалею о судьбе Греции: единственно прекрасное, что у нас еще осталось — образованность и красноречие, и это теперь завоевали римляне!»

После кончины Суллы Цицерон возвратился в Рим. Первое время Цицерон вел себя осторожно, не торопился выставлять свою кандидатуру на государственные должности, предпочитая держаться в тени.

Вскоре Цицерон возобновил свои публичные выступления в качестве защитника. Необыкновенный талант оратора доставил ему известность и связи во влиятельных кругах столицы, которые позволили ему заключить выгодный брак с Теренцией, женщиной из богатой семьи. Цицерон стал теперь человеком зажиточным и мог бесплатно оказывать помощь нуждающимся в защите.

Избранный квестором, он был отправлен на остров Сицилию для заготовки хлеба. На этом посту Цицерон проявил исключительную деловитость, мягкость и справедливость в обращении с местным населением, привыкшим к грубому произволу римских чиновников.

Марк Туллий Цицерон был так доволен и горд своими успехами, что по возвращении в Рим, как сам признавался впоследствии, попал в смешное положение. Случайно встретив одного знакомого, оратор спросил, что говорят в Риме о его, Цицерона, подвигах (он воображал, что весь город только и говорит о нем). Знакомый же ответил ему вопросом: «А где же ты, Цицерон, был все это время?»

Между тем сицилийцы привлекли к суду своего наместника Верреса и обратились к Цицерону с просьбой взять на себя роль обвинителя. С энергией принявшись за дело защиты интересов сицилийцев, Цицерон отправился на остров собирать материалы по обвинению Верреса. Противная сторона выставила в качестве защитника адвоката Гортензия. Обвиняя Верреса, одного из приспешников Суллы, Цицерон опять выступал как представитель народной партии и враг сулланского режима.

Разбирательство дела Верреса началось на форуме при огромном стечении народа. Подсудимый явился в сопровождении своих знатных покровителей, держался самоуверенно и нагло. Когда огласили содержание документов и свидетельские показания, искусно подобранные Цицероном, открылись все возмутительные факты насилий, вымогательства и прямого грабежа. Народ пришел в неистовство. Когда один из свидетелей рассказывал, как Веррес приказал распять на кресте человека, который кричал: «Я — римский гражданин!» * — толпа чуть не растерзала обвиняемого. Дело Верреса превра-

* Римский гражданин по закону не мог быть подвергнут позорной казни — распятию на кресте.

тилось в судебный процесс не только над всеми насилиями и беззакониями, творившимися при сулланском режиме, но и над партией оптиматов. Видя, что народ не позволит судьям вынести оправдательный приговор и дело его проиграно, Веррес добровольно удалился в изгнание.

Выступлением против Верреса Цицерон завоевал расположение народа и вскоре был избран претором. Пребывая на этой должности, он честно и беспристрастно выполнял свои обязанности.

Во время своей деятельности в качестве претора Цицерон произнес первую политическую речь в поддержку закона о назначении Помпея главнокомандующим в войне с царем Митридатом. Выступление имело блестящий успех, и Помпей был назначен главнокомандующим. Постепенно Цицерон стал все более склоняться на сторону оптиматов, понимая, что его дальнейшая политическая карьера зависит от их поддержки.

Консульство Цицерона совпало с раскрытием знаменитого заговора Катилины. Катилина был разорившимся аристократом, сподвижником Суллы. Он домогался должности консула, но не был избран. Тогда Сергей Катилина выставил заманчивый лозунг, призывавший к уничтожению долговых обязательств. Лозунг пришелся по вкусу римской бедноте, разорившейся знати, ветеранам Суллы и всем, кто был недоволен существовавшими порядками. Опасность беспорядков заставила объединиться всадников и сенаторов-оптиматов, и они добились избрания в консулы Цицерона, считая его самым подходящим человеком для защиты их интересов. Новый консул постарался оправдать доверие выборщиков.

Прежде всего он приставил к Катилине шпиона, через которого узнавал о всех намерениях заговорщиков; в различных пунктах города были расставлены караулы и разосланы доверенные лица для наблюдения за всем происходящим.

Между тем Катилина действовал энергично, собирая по Италии вооруженные отряды своих приверженцев. В Риме он поручил своим сторонникам убить Цицерона. Однако тот был своевременно предупрежден, заговорщики схвачены и казнены без суда. Сам Катилина отправился в Этрурию, где ему удалось сформировать армию из ветеранов Суллы. Спустя некоторое время армия Катилины была разбита наголову, а глава заговора пал в бою (63 г. до н. э.). Так была пресечена попытка совершить в Риме переворот.

Заслуги Цицерона при ликвидации заговора Катилины были оценены оптиматами и всадниками. Человека, которого они еще так недавно презрительно называли выскочкой, осыпали неумеренными похвалами и даже поднесли ему почетный титул «отца отечества». Сын захудалого провинциального всадника сделался вождем сената!

До некоторых пор Цицерон внешне оставался скромным чело-

веком, который, казалось, не стремился ни к власти, ни к роскоши. Он заботился больше всего о своей литературной славе. В душе, однако, Цицерон всегда лелеял мечту стать государственным деятелем. И вот его мечта сбылась! Опьяненный чрезмерным потоком лести, Цицерон окончательно уверовал в то, что он великий политический деятель — спаситель отечества. Но вместо того, чтобы энергично вмешаться в борьбу партий, став окончательно на сторону оптиматов или народа, он бездействовал. Марк Туллий занял половинчатую, колеблющуюся позицию. Где бы он теперь ни говорил — в сенате, в суде или в народном собрании, все должны были слушать бесконечные разглагольствования о Катилине и о его, Цицерона, роли при подавлении заговора. Эта слабость великого оратора стала вызывать насмешки.

Цицерон полагал, что теперь ему как государственному человеку, вождю сената не пристало жить в скромном доме. Он купил за огромные деньги большое здание на Палатинском холме. Необходимую сумму ему пришлось занять у своих подзащитных.

Между тем Цицерон вскоре убедился, что его влияние среди оптиматов и всадников не так уж велико, как он себе представлял. Мало того, над ним внезапно нависла грозная опасность.

В это время в Риме политическая обстановка была напряженной, борьба партий обострилась.

Оптиматы и народная партия с тревогой ожидали возвращения Помпея. Шли бесконечные толки о том, что предпримет Гней Помпей: распустит ли он свою армию или, подобно Сулле, двинет ее на Рим, чтобы захватить власть. Вскоре в городе разразился скандал, который повлек за собой самые печальные последствия для Цицерона.

Некто Клодий, молодой человек знатного рода, прокрался ночью в дом великого понтифика Юлия Цезаря. Там в это время знатнейшие женщины Рима вместе в весталками справляли праздник в честь Благой богини *, на котором не имел права присутствовать ни один мужчина. Клодий проник в дом Цезаря, переодевшись в женскую одежду. Однако его узнали по голосу, и он еле спасся. Клодий был одним из вождей народной партии, и оптиматы привлекли его к суду по обвинению в преступлении против религии. Представ перед судом, Клодий бесстыдно отрицал предъявленные ему обвинения, стараясь доказать, что в ту ночь находился далеко от Рима. Вызванный в суд Юлий Цезарь тоже дал показания в пользу Клодия. Тогда с обвинением Клодия выступил Цицерон. Благодаря подкупу судей Клодия все-таки оправдали. С тех пор этот человек возненавидел Цицерона и только ждал случая отомстить ему.

Вскоре после этого трое самых влиятельных людей в Риме —

* Благая Богиня (Бона Деа) — италийское божество плодородия, покровительница женщин.

Цезарь, Помпей и Красс — заключили союз, так называемый первый триумвират. Цезарь был душой этого союза. После тщетных попыток привлечь на свою сторону Цицерона триумвиры решили избавиться от наиболее влиятельных вождей партии оптиматов — Катона и Цицерона. Сначала Цезарь хотел просто удалить знаменитого оратора подальше от столицы, предложив ему отправиться командовать легионом в Галлию. Но Цицерон отказался.

Участь Цицерона решили триумвиры, и он был отдан в жертву своему врагу Клодию. (В это время Клодий был народным трибуном, и римская беднота видела в нем своего защитника.) Одним из первых законов, предложенных Клодием, был закон, направленный против Цицерона. Этот закон гласил: казнивший без суда римского гражданина должен быть изгнан. Клодий привлек Цицерона к суду за то, что тот когда-то приказал без суда и следствия казнить сторонников Катилины.

Великий оратор, облачившись в траурную одежду, обходил городские улицы, умоляя народ о защите. За ним следовали толпы молодых людей из числа всадников, вторя его мольбам. Цицерон обратился за помощью в сенат. В страхе перед Клодием сенаторы не решились прийти на помощь своему товарищу. Цицерону оставалось обратиться к самим триумвирам. Цезарь в это время находился в Галлии, Красс был явно враждебно к нему настроен, оставался один Помпей. Цицерон отправился к Помпею, но тот уклонился от свидания.

Тогда Цицерон обратился к своим друзьям. Одни предлагали ему остаться в Риме и бороться с врагами до конца, другие же советовали бежать, рассчитывая, что его пребывание в изгнании будет кратким. И вот Цицерон, столько раз выступавший, защищавший и обвинявший других, побоялся суда над собой и решил бежать. Человек, которого еще недавно провозгласили «отцом отечества», вынужден был глубокой ночью тайно покинуть Рим и удалиться в добровольное изгнание.

После бегства Цицерона Клодий провел постановление об его изгнании и обнародовал декрет, по которому изгнанник должен был удалиться от столицы на 500 миль.

Цицерон отправился в Южную Италию. Оттуда он намеревался перебраться в Сицилию, жители которой помнили его по делу Верреса. Однако наместник Сицилии прислал ему письмо с просьбой не посещать остров. Огорченный Цицерон направился в Брундизий, чтобы оттуда отплыть в Македонию.

Находясь в изгнании, Цицерон первое время совершенно пал духом: целые дни он сидел, устремив свой взор в сторону любимой родины. Несчастье, по-видимому, совершенно сломило этого человека.

Между тем в Риме Клодий разрушил дом Цицерона, сжег его виллы, разграбил часть имущества оратора. На месте разрушенного

дома он велел построить храм Свободы. Попытка Клодия продать остальное имущество великого оратора с публичных торгов окончилась неудачей: к чести римского народа, не нашлось ни одного покупателя.

Ободренный успехами, Клодий набрал вооруженные банды из вольноотпущенников, рабов и гладиаторов. Этим людям он распределил по десяткам и сотням под начальством отчаянных головорезов. Из шаек образовались тайные общества в каждом квартале столицы, которые имели склады оружия и свой штаб. С помощью этих банд Клодий стал хозяином в народном собрании. Он щедро награждал своих сторонников и жестоко преследовал врагов. Уверенный в своих силах, Клодий выступил против одного из триумвиров — Помпея. Говорят, что он даже подослал к нему убийцу, но покушение не удалось. Тогда, решив, что Клодий зашел слишком далеко и стал опасен, сенаторы задумали вернуть из изгнания Цицерона. Помпей тоже стал на сторону друзей великого оратора.

Однако Клодий с помощью банд делал все, чтобы помешать возвращению своего заклятого врага: он запугивал сенат и пресек все попытки поставить в народном собрании вопрос о возвращении Цицерона. Один из консулов все-таки выступил в сенате за возвращение изгнанника, а народный трибун внес такое же предложение в народном собрании. Сенат постановил не утверждать ни одного решения и вообще не заниматься государственными делами, пока Цицерону не будет дана возможность вернуться.

В конце концов Помпей с помощью солдат прогнал с форума банды Клодия, и народ единодушно принял решение вернуть знаменитого изгнанника. Сенат постановил за государственный счет восстановить его разрушенные виллы и дом.

Цицерон вернулся в Рим, проведя в изгнании 16 месяцев. Его возвращение было похоже на триумфальное шествие полководца. Первый италийский город Брундизий, где он вступил на италийскую землю, устроил в его честь праздника. Жители городов, расположенных вдоль знаменитой Аппиевой дороги, встречали Цицерона: со всех ближайших деревень сбегались люди с женами и детьми, чтобы взглянуть на него. Из Рима навстречу великому оратору вышли бесчисленные толпы народа.

В доме брата, где Цицерону пришлось остановиться, его приветствовали знатнейшие из сенаторов. Даже его давний недоброжелатель Марк Красс вышел к нему в знак примирения. Цицерон был очень доволен таким приемом и свои чувства выразил в таких словах: «Мне кажется, что я не только возвращаюсь из изгнания, а восхожу на небо».

Между тем Клодий продолжал бесчинствовать. Противная сторона решила действовать его же оружием: народные трибуны Сестий и Милон набрали отряды, которые почти ежедневно вели бои с людьми Клодия. В результате беспорядков выборы консулов и

других должностных лиц провести не удалось. Такое положение прекратилось, только когда Помпея избрали единоличным консулом и он с помощью солдат разогнал банды. Во время одной из стычек трибун Милон убил Клодия. На его похоронах толпа народа в здании, где заседал сенат, из скамей и столов сенаторов воздвигнула огромный костер и сожгла на нем труп своего вождя.

Убийца Клодия должен был предстать перед судом, и Цицерон взялся его защищать. Защита Милона являлась делом весьма опасным, так как разъяренная римская чернь угрожала отомстить за своего любимца.

Римский форум, где проходил суд, представлял необычайное зрелище: вокруг площади расположились вооруженные солдаты Помпея; ораторская трибуна и судейские места были окружены многотысячной толпой, которая то слушала, затаив дыхание, то вдруг приходила в ярость. Цицерон прибыл на форум в закрытых носилках, чтобы не подвергнуться по пути оскорблениям со стороны толпы. Как только оратор поднялся на трибуну, из публики раздались дикие выкрики, вопли и угрозы. Защитник страшно перепугался, не мог говорить со своей обычной твердостью и проиграл дело. Милон был осужден и удалился в изгнание.

Через некоторое время Цицерона отправили наместником в назначенную ему провинцию Киликию (в Малой Азии). По пути греки встречали его с почетом, и он мог убедиться, что слава о нем как об ораторе и писателе распространилась всюду.

Цицерон был образцовым правителем: он не давал римским откупщикам и купцам грабить местное население, был справедлив, неподкупен и легко доступен для всех, кто желал к нему обратиться. По истечении срока своих полномочий Цицерон, провожаемый благодарными киликийцами, отплыл в Италию.

Он вступил на италийский берег во время грозных событий — началась война за власть между Цезарем и Помпеем. Великий оратор пытался примирить противников, настойчиво уговаривая их прийти к соглашению. Цицерон предложил даже разрешить Цезарю заочно домогаться консульства, а Помпею, когда Цезарь будет избран, удалиться в Испанию. Под давлением оптиматов сенат отверг эти предложения и объявил военное положение. В ответ Гай Юлий Цезарь из Галлии, своей провинции, вторгся в пределы Италии. У Помпея в Италии было всего 2 легиона против 11 легионов Цезаря. Он оставил Рим врагу и объявил набор в войска по всей Италии. Сенату и консулам Помпей приказал выехать в Капуя*. Цицерон как член сената подчинился приказу главнокомандующего не без колебаний. В своих письмах Цицерон писал, что не знает, на какую сторону ему встать.

Помпей, вяло и нерешительно организовавший оборону, в конце концов покинул Италию. Цицерон не последовал за ним, а остался

* Капуя — город в италийской области Кампания.

в своем имени. Цезарь прислал ему письмо, советуя присоединиться к нему; если же он отказывается, то пусть едет в Грецию и живет там спокойно, ожидая дальнейших событий.

Захватив Италию, Цезарь отправился в Испанию против находившейся там армии Помпея. После его отъезда Цицерон отплыл к Помпею, где его встретили с радостью. Однако претор Марк Порций Катон высказал мнение, что Цицерону для блага отечества лучше бы оставаться в Риме, а не рисковать собой без нужды. Помпей не давал Цицерону никаких важных поручений, и тот ходил по лагерю угрюмый и печальный, ворча и критикуя распоряжения главнокомандующего. В конце концов Помпей решил избавиться от Цицерона и Катона, отправив их в Диррахий.

Великий оратор не принял участия в битве при Фарсале. Помпейцы предложили Цицерону как бывшему консулу командовать флотом и остатками разбитой армии. Он отверг это предложение и вообще отказался от дальнейшего участия в войне. Цицерон считал, что после Фарсальской битвы дело Помпея проиграно и следует заключить почетный мир. Сам Помпей со своими друзьями, обвинив великого оратора в измене, хотел его убить. Цицерон спасся только благодаря вмешательству Марка Катона, а затем бежал из лагеря.

После этого Цицерон высадился на итальянский берег в Брундизии и жил здесь некоторое время до возвращения Цезаря из Египта и Азии. Наконец пришло известие, что Цезарь высадился в Таренте * и идет в Брундизий. Цицерон поспешил ему навстречу. Цезарь милостиво приветствовал его и с тех пор не переставал оказывать ему знаки уважения и благосклонности.

Во время диктатуры Цезаря Цицерон отошел от общественной деятельности, посвятив все свое время научным и литературным занятиям. Изредка приезжал он в город, чтобы приветствовать Цезаря и произнести в его присутствии речи в защиту сторонников Помпея. В речах оратор иногда кривил душой, допуская неумеренные хвалы диктатору.

В этот период к печали о гибели республики, многих друзей и соратников у Цицерона прибавились еще и семейные неприятности: ему пришлось разойтись с женой Теренцией, с которой он прожил много лет. Материальное положение Цицерона было очень тяжелым — его обременяли большие долги. Вскоре после этого Цицерона постигло новое несчастье — умерла его любимая дочь.

Между тем против Цезаря был составлен заговор, во главе которого стояли Брут и Кассий. Цицерон, хотя и имел самые дружеские отношения почти со всеми заговорщиками, не был посвящен в их замыслы. Сразу же после убийства Цезаря великий оратор вернулся к политической деятельности и стал во главе сенатской партии.

* Тарент — город на юге Италии, на берегу Тарентского залива.

Заговорщики, достигнув успеха, не сумели тотчас же захватить власть: они колебались, не зная, каково настроение народа и солдат Цезаря. Обе партии — сенатская и цезарианская — находились в состоянии полной растерянности.

Через два дня собрался сенат и, по предложению Цицерона, помиловал убийц Цезаря, но вместе с тем утвердил все распоряжения покойного диктатора.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, консул Антоний, один из ближайших помощников Юлия Цезаря, завладел его завещанием, а также государственной казной. Цезарь завещал огромные суммы для раздачи римскому народу и назначил своим наследником внучатого племянника — Октавиана.

На похоронах Цезаря собрались огромные толпы людей. Консул Антоний произнес речь, показав народу окровавленную тогу Цезаря, всю исколотую кинжалами. Возбужденные люди бросились поджигать дома заговорщиков. Волнения продолжались несколько дней.

Между тем Антоний, набрав из ветеранов Цезаря отряд в 6000 человек, стал хозяином Рима. В этот момент прибыл в Рим 18-летний наследник Цезаря Октавиан. Он объявил, что принимает наследство Цезаря (уже частично расхищенное Антонием) и обязуется немедленно выплатить народу завещанные диктатором деньги. Щедро раздавая обещания, молодой человек набрал из бывших солдат Цезаря войско, чтобы, как он говорил, добиться наследства и отомстить убийцам. Со своими сторонниками Октавиан призывал народ на форуме и на улицах Рима выступить против консула Антония, обвиняя его в измене Цезарю и в задержке уплаты денег простому люду по завещанию.

Против Антония выступил и Цицерон. В своих речах он заявлял, что тиран пал, а тирания до сих пор живет. Обращаясь к Антонию, оратор сказал: «Я презрел мечи Катилины, не усташусь и твоих мечей; я готов пожертвовать собой ради свободы республики».

Между тем Октавиан передал Цицерону и сенатской партии набранные им отряды для борьбы с Антонием. Великий оратор с радостью согласился. Он рассчитывал, что юноша в его руках станет послушным орудием. Молодой человек, однако, очень ловко сыграл на слабости Цицерона — тщеславии, уверив оратора, что во всем будет следовать его советам. Против Антония сенатом было послано войско во главе с новыми консулами. Молодому Октавиану предоставили знаки преторской власти. При Мутине (в Северной Италии) Антоний был разбит и бежал. Октавиан во главе своих легионов вошел в Рим. Еще раньше он договорился с Антонием и Лепидом о разделе власти (этот сговор называют вторым триумvirатом). Триумвиры объявили, по примеру Суллы, проскрипционные списки лиц, которых решено было уничтожить. Под давлением Антония первым в этот список был занесен Цицерон.

В это время Цицерон находился вместе с братом Квинтом в своем поместье неподалеку от Рима. Узнав об угрожающей опасности, братья решили отправиться в ближайший порт на Тирренском море. Оттуда они думали перебраться в Македонию к находящемуся там Бруту. По дороге Квинт решил вернуться, чтобы заготовить продовольствием, а Цицерон продолжал путь один. Спустя несколько дней Квинт был схвачен и убит. Цицерону удалось добраться до моря и благополучно сесть на корабль. Прибыв в Кайету*, где у него было имение, беглец остановился в своей вилле на отдых. Тут его настигли подосланные Антонием убийцы. Найдя двери дома запертыми, они взломали их и ворвались внутрь. Но Цицерона не оказалось в вилле, и слуги уверяли, что его не видели. Вдруг один из вольноотпущенников указал людям Антония на нескольких человек, несущих носилки с оратором по направлению к морю. Убийцы побежали за ними. Цицерон, завидев бегущих, велел слугам опустить носилки на землю. Он спокойно смотрел в упор на своих преследователей. Так 7 декабря 43 г. до н. э., на 64-м году жизни, погиб Цицерон.

МАРК БРУТ

Марк Юний Брут* — одна из замечательных личностей в истории Римской республики последних десятилетий ее существования. Времена были тяжкие: внешние войны, восстания рабов, кровавые распри гражданской войны. Все это ослабляло государственный строй Рима, который сложился в иные времена и давно уже не соответствовал современной действительности. Из города-государства за столетия Рим вырос в огромную державу, населенную разными народами. Нужна была новая система управления государством, его отдаленными провинциями, вассальными царствами и приграничными поселениями римских воинов. Старая аристократическая республика изжила себя. Новые формы рождались в муках гражданских войн. Армия становилась единственной реальной силой. Полководцы превращались в видные властные фигуры. Все вело к становлению диктатуры. В борьбе за власть выше других поднялся Юлий Цезарь, победивший своих соперников. Цезарь железной рукой подавлял всякое сопротивление аристократической верхушки республики — оптиматов. Одновременно он заигрывал с народом, стремясь отвлечь его от политики, подкупал его зрелищами, пышными празднествами, разнообразными подачками.

В эти годы развивалась политическая деятельность Марка Брута. Будущий защитник республики и ярый противник Цезаря происходил из старинного и знаменитого рода. Его предок, легендарный Юний Брут, по преданию поднял восстание против царя Тарквиния Гордого и изгнал его из Рима. С царской властью было навсегда покончено. Юний Брут стал консулом Римской

* Биография Марка Брута написана на основе очерка Б. М. Когана в книге «Знаменитые римляне», (М. 1964 г.).

* Кайета — порт на Тирренском море в области Лаций.

республики (509 г. до н. э.). На этом посту он прославился силой воли, мужеством и непримиримостью к врагам республики.

В семье Брутов глубоко почитались их славные предки и традиционной была ненависть к тирании.

Мать Марка Брута Сервилия тоже принадлежала к известнейшему римскому роду, прославившемуся знаменитыми людьми, стоявшими на защите республики.

Марк Юний Брут получил прекрасное образование. Он изучал греческих философов, литературу, владел греческим языком, как родным. Он сочинял стихи, торжественные и судебные речи и был прекрасным оратором.

Еще юношей Брут впервые принял участие в походе на остров Кипр, принадлежавший тогда Египту. Экспедицией командовал его дядя. Три года провел Брут на острове, приучаясь к делам управления, набираясь опыта.

После Кипра Брут отправился в центр тогдашней культуры, образования — в Афины, где продолжил изучение греческих философов.

Вскоре он занял официальный пост квестора в римской провинции Киликии (Малая Азия). По нравам того времени он занимался и торговыми делами, ростовщичеством. Среди его должников были царьки малоазиатских государств. Брут стал богатым человеком, одним из самых состоятельных людей в республике.

Когда началась новая гражданская война, борьба Цезаря и Помпея, Брут принял в ней участие. Никто не сомневался, что Брут примет сторону Цезаря. Ведь в свое время по приказу Помпея был убит отец Брута. Однако личное всегда отступало у Брута перед чувством справедливости и преданности республике. Цезаря он считал главной опасностью для нее. И Брут становится на сторону Помпея, видя в нем вождя и защитника республиканского строя. В Малой Азии, куда он был послан Помпеем, Брут собрал легион, значительный флот, много оружия и денег. Он привел свои силы в Македонию, где соединился с армией Помпея.

Вскоре подошла армия Цезаря. Обе армии расположились у города Фарсалы. Даже перед битвой Брут оставался верен себе. В лагере каждый свободный час он читал, размышлял над прочитанным.

Битва при Фарсале закончилась поражением Помпея, который бежал с немногочисленными сторонниками к морю. Брут укрылся в болотных камышах, а под покровом ночи отправился в город Лариссу (в Фессалии). Оттуда он написал письмо Цезарю. Победитель обрадовался письму. Он благоволил Бруту и всегда надеялся привлечь его на свою сторону. Перед битвой при Фарсале Цезарь приказал начальникам своих легионов не убивать Брута, но до-

Марк Брут

ставить его живым, если тот сдаться добровольно. Если же окажет сопротивление — отпустить. Теперь Цезарь позвал Брута к себе и не только простил его, но принял в число ближайших друзей. Он много беседовал с ним. Брут убедил Цезаря помиловать Кассия и многих других видных помпеянцев.

Перед отплытием в Африку для борьбы с остатками помпеянцев Цезарь назначил Брута правителем — легатом — Предальпийской Галлии, как называли римляне Северную Италию. Брут отлично справился с делами управления, снискав всеобщее уважение. Не опозорил он себя ни жестокостью, ни грабежом. Жители вздохнули свободно, словно не было гражданской войны.

Цезарь, возвратившись из Африки и объезжая Италию, был очень доволен управлением Брута. В благодарность становящийся всесильным диктатор помог Бруту получить самую важную и почетную из преторских должностей, так называемую городскую преттуру.

Пользуясь доверием и любовью Цезаря, Брут мог бы достичь еще более высокого положения. Он становился вторым человеком в государстве. Но он все настороженнее относился к Цезарю, прислушиваясь к голосам тех, кто предупреждал об опасности ласк тирана, угрожающего республике. А власть Цезаря возрастала: в четвертый раз он стал диктатором, на этот раз пожизненным, в пятый раз был избран консулом, носил постоянно титул императора как военачальник римской армии.

Он получил право объявлять войну, распоряжаться казной. Стал появляться одетым в пурпурную тогу, подобно царям.

Скоро распространились слухи, что в следующем году (44 г. до н. э.) Цезарю предложат царскую корону. Никто этому не удивлялся.

Но не все склонялись перед диктатором, немало было недовольных Цезарем. Много было сторонников сохранения олигархической республики. Были и просто недовольные, обиженные Цезарем и стремившиеся ему отомстить.

Начал созреть заговор против диктатора. К концу зимы (45/44 г. до н. э.) он стал оформляться. Заговорщики стремились привлечь к себе Брута, чтобы он возглавил их.

Брут долго колебался, он еще верил Цезарю и не замечал, что его покровитель фактически раздавил республику и установил военную диктатуру, беззастенчиво используя власть в своих интересах.

Заговорщики ожидали решения Брута. Его участие было бы залогом успеха, он оправдал бы в глазах народа их дело. Если же Брут останется в стороне, то заговору будет нанесен непоправимый удар. Ведь всем известна честность и справедливость Брута и его любовь к свободе. За таким человеком пойдут многие.

Товарищ Брута по претуре Кассий, одно время разошедшийся с ним, подошел к нему, положил руку на плечо и доверительно сказал:

— Рассказывают, что Цезаря хотят провозгласить царем. Что мы будем делать, если льстецы в сенате предложат Цезарю корону??

— Я не пойду в сенат,— ответил Брут.

— А если,— снова спросил Кассий,— как преторов нас обяжут явиться в сенат?

— Тогда я буду защищать свободу и республику!

Кассий обнял Брута и раскрыл ему тайну заговора. Колебания Брута кончились. Он всей душой стал на защиту республики против тирании и возглавил заговор. Имя Брута привлекло новых сторонников. Более шестидесяти сенаторов примкнуло к заговору.

Вся тяжесть подготовки выступления легла на плечи Брута. На людях он по-прежнему сохранял невозмутимость, ничем себя

не выдавая, вел обычную жизнь. Но близкие не могли не заметить, что он что-то скрывает, хранит какую-то тайну. Прежде всего заметила это его жена, благородная Порция. Она горячо любила мужа, от нее не укрылись муки Брута, и она поняла, что он вынашивает какой-то опасный замысел. Она решила доказать мужу, что достойна доверия и готова идти рядом с ним до конца. Она решила показать свою твердость. Закрывшись в спальне, Порция ножом нанесла себе рану в ногу. Хлынула кровь, она ощутила острую боль. Тогда она позвала Брута.

— Брут,— сказала она,— я вошла женой в твой дом, чтобы разделить все твои радости и печали. Я хочу разделить с тобой все. Я способна хранить любую тайну. Разве ты забыл, что я дочь Катона и супруга Брута?

С этими словами она, откинув покрывало, показала рану на бедре и рассказала, что таким образом решила испытать свою твердость.

Брут обнял ее и благословил богов, что получил такую жену и друга. Он еще более укрепился в своих целях и решимости действовать.

Заговорщики решили убить Цезаря в сенате в день мартовских ид, то есть в середине марта, когда сенаторы соберутся на заседание. Говорили, что на этом заседании Цезарь будет провозглашен царем. В такой день можно было сойтись вместе, не вызывая подозрения.

Когда настал намеченный день, Брут и другие заговорщики, скрыв под тогой короткие мечи, отправились в сенат. Брут был поразительно спокоен.

Цезарь немного опоздал. Заговорщики стали опасаться, что он что-то узнал и принял меры предосторожности. Но вскоре показали носилки, которые несли шесть рослых рабов. Они поставили носилки на землю, Цезарь вышел из них и направился к своему креслу. Сенаторы стоя приветствовали диктатора.

Заговорщики, возглавляемые Брутом, разделились на две группы, одна стала за креслом Цезаря, другая вышла ему навстречу. Один из заговорщиков обратился к Цезарю с просьбой простить его брата, недавно высланного из Рима. Цезарь отказал в помиловании. Но проситель не отошел, а вместе с другими еще теснее приблизился к креслу. Сверкнули клинки коротких мечей и кинжалов. На диктатора посыпались удары.

Сенаторы; оцепенев, глядели на кровавую сцену.

Цезарь кричал, отбивался, пытаясь пробиться сквозь круг убийц. Вдруг он увидел Брута с мечом в руке.

— И ты, Брут! — воскликнул пораженный Цезарь и перестал сопротивляться. Завернулся с головой в тогу и молча принял смертельные удары. Ему нанесли двадцать три раны. Он упал мертвым к подножию стоявшей тут статуи Помпея. Можно было подумать, что сам Помпей явился отомстить своему противнику.

Сенаторы в ужасе разбежались. Заговорщики с окровавленными мечами в руках бросились на улицы города, крича:

— Мы уничтожили царя и тирана!

Они призывали восстановить попорченную Цезарем свободу.

Брут и Кассий обратились на форуме к народу. Но жители Рима не были на стороне убийц Цезаря. Многие не понимали, чего хотяг заговорщики, боялись новой смуты.

Сенат не согласился объявить Цезаря тираном и вынести благодарность его убийцам. По предложению Цицерона сенат принял компромиссное решение: оставить в силе все законы Цезаря и не наказывать его убийц.

Цезарю были устроены пышные государственные похороны. Диктатор завещал каждому римлянину по семидесяти пяти серебряных монет и оставил народу свои огромные сады за Тибром. Щедрость Цезаря изменила настроение граждан, они восхваляли личность погибшего и выражали враждебность к его убийцам. Толпа стала громить дома заговорщиков.

Брут и его друзья ничего не добились. Они устранили Цезаря, но не могли восстановить республику. У власти остались цезарианцы. Во главе их стоял Марк Антоний, близкий Цезарю военачальник — храбрый, горячий, но нерешительный. Вторым вождем цезарианцев был начальник конницы при Цезаре Марк Эмилий Лепид. Третьим был молодой внучатый племянник Цезаря Октавиан. Они составили правительство, известное как второй триумвират, и разделили между собой власть.

Брут и его друзья бежали в Грецию, готовясь к борьбе. Брут проявил замечательные качества полководца и правителя. В короткое время он собрал значительные силы. Малая Азия, Сирия, Греция были за него. К нему стекались бывшие солдаты и офицеры Помпея. Царьки Малой Азии доставляли ему оружие и деньги.

Еще недавно Брут и Кассий покинули Италию беглецами, без денег, без оружия, не имея ни одного корабля, ни одного города на своей стороне. А через несколько месяцев у них был отлично снаряженный флот, пехота, конница, богатая казна и обширная территория на востоке Римского государства.

Несмотря на различие характеров обоих вождей-республиканцев — Брута и Кассия, они прекрасно ладили друг с другом. Кассий был суров, даже жесток к подчиненным и беспощаден к врагу. Брута даже враги уважали за прямоту, великодушие, честность и незабываемость.

Кассий захватил остров Родос, где беспощадно расправился с теми жителями, которые противились республиканцам. Он говорил, что от того, кто не пощадил Цезаря, нельзя ждать милости.

Брут осадил город Ксанф (в Ликии), обитатели которого предпочли капитуляции смерть в огне. Брут награждал тех воинов,

которые спасали из огня горожан. После этого другой ликийский город, Патары, сдался Бруту без сопротивления.

Завоевав эти города, Брут обратился к жителям острова Самоса:

— Ксанфяне, отвергнув мои милостивые предложения, превратили свою родину в могилу, в пепелище. Патарцы, доверившись мне, сохранили и жизнь и свободу. Выбирайте!

Самосцы, получив это письмо, достойное по краткости древних спартанцев, сдались Бруту.

Но Брут мог быть жестоким. В ответ на казнь Цицерона * он приказал казнить взятого в плен брата триумвира Гая Антония. Когда в руки республиканцев попал убийца Помпея Феодот, по приказу Брута он был предан мучительной казни.

Брут и Кассий сосредоточили свои силы в Македонии, у города Филиппы.

Триумвиры, готовясь к борьбе, тоже собирали армию для разгрома республиканцев. Вскоре Марк Антоний и Октавиан привели верные им легионы в Македонию. Их войска расположились лагерем неподалеку от республиканцев.

Силы противников были приблизительно равны. Только у Брута и Кассия было больше конницы.

Обе армии стояли друг против друга в бездействии. Республиканцы не хотели решительной битвы. Они рассчитывали, что, после того как отрежут противника от источников снабжения, его войска вынуждены будут сдать.

Однако Антоний и Октавиан сумели навязать республиканцам сражение.

Противников разделяло обширное болото. Антоний задумал преодолеть его и зайти в тыл врагу. Для вида Антоний ежедневно производил смотр своих солдат, а втайне часть легионеров соорудала насыпь на болоте, чтобы сделать его проходимым. Через десять дней насыпь построили, и по ней, без лишнего шума, ночью двинулось войско. Силы Кассия оказались окруженными.

Кассий быстро принял ответные меры: его воины соорудили поперек болота стену. Легионы Антония бросились на штурм стены. Так завязалось сражение при Филиппах. Когда правое крыло Антония зашло в тыл, конница Кассия, не думая о сопротивлении, стала отступать. Оставшись без прикрытия, пехота также дрогнула. Все попытки Кассия остановить воинов не увенчались успехом. Пришлось отступить и ему. В лагерь ворвались враги. В это время спутники Кассия увидели быстро приближавшихся к ним всадников. Это был передовой отряд Брута, спешивший на помощь. Но Кассий решил, что это неприятельская погоня. Его уговорили послать на разведку человека. Им был некий Титиний, близкий друг Кассия. Всадники узнали его и встретили радостными криками, многие спешили, обнимали его. Но это привело к несчастью. Кассий

* См. биографию Марка Туллия Цицерона.

решил, что Титиний попал в руки врагов. В отчаянии Кассий бросился на меч.

Узнав о поражении Кассия, Брут поспешил к нему, но застал своего друга уже мертвым. Оплакивая соратника, Брут сказал, что это был последний римлянин, ибо человека такой силы духа нам уже не видать. Брут ободрил солдат Кассия, обещал каждому награду и уверял, что окончательная победа близка. Ведь ему удалось одержать победу над Октавианом. Воины Брута ворвались в лагерь противника, но Октавиана там не застали, он успел выбраться за лагерные укрепления.

Роковой для республиканцев оказалась двойная ошибка полководцев: Брут был уверен, что Кассий победил и потому не сразу пришел к нему на выручку, а Кассий считал, что Брут погиб и потому не дождался его помощи.

Брут занялся восстановлением лагеря Кассия. Республиканский полководец решил не штурмовать вражеских позиций, пока не будут собраны воедино все силы. Это решение было ошибкой. Многие командиры и воины Кассия были недовольны, что ими командует Брут. Дисциплина в войске республиканцев упала, как и вера в победу.

У республиканцев оказалось много пленных. Их требовалось охранять, а лишних воинов для этого не было. Брут решил отпустить тех пленных, кто родился свободным, а захваченных рабов приказал заколоть, — ведь они не считались людьми. Воинам Кассия он выплатил деньги. Потом он посулил всему войску отдать на разграбление два греческих города — Фессалонику и Спарту. Эти жестокие и позорные деяния легли пятном на доброе имя Брута, единственное пятно на репутации Брута, которому нельзя найти оправдания.

У триумвиров положение тоже было не лучше. Продовольствие заканчивалось. Лагери стояли в низине, в болоте. Все со страхом ожидали зимних холодов. В довершение бед пришло известие о поражении на море: корабли Брута уничтожили суда, которые везли пополнение и продовольствие.

Когда Антоний и Октавиан получили это сообщение, они решили поторопиться с битвой, стремясь завершить борьбу до того, как Брут узнает о победе его моряков.

Пасмурным ноябрьским утром войско республиканцев стало строиться в боевой порядок. Ждали приказа о начале сражения. Но Брут безмолвствовал. Его словно подменили. Он колебался, не принимал решения. Многие республиканцы перебежали к противнику. Брут перестал доверять даже друзьям. Только к вечеру он дал сигнал к битве. Войско пришло в движение. Началась вторая битва при Филиппах (ноябрь 42 г. до н. э.). Сражение первое время шло успешно для республиканцев. Во главе левого фланга Брут повел своих солдат на врага. Противник был смят и стал

отступать. Но правое крыло Брута было слишком ослаблено. Оно не выдержало удара врага и отступило. Армия Брута попала в окружение и почти вся была уничтожена.

В этот грозный час Брут показал чудеса храбрости и мастерство полководца; но переломить ход битвы было уже невозможно. Его воины сражались не так, как когда-то, особенно те, которые попали к нему из отряда Кассия. Многие сдавались в плен, но лучшие соратники Брута пали, сражаясь до конца. Некоторые из них пытались спасти Брута. Так, один из его друзей, Луцилий, увидев, что всадники врага мчатся к Бруту, бросился наперерез, крича, что он Брут и что он сдается на милость Антония. Обрадованные воины с торжеством отвели мнимого Брута в шатер Антония. Сохраняя спокойствие, Луцилий сказал:

— Марка Брута никто не захватил в плен и, надеюсь, никогда не захватят. Я обманул твоих солдат и за это готов претерпеть любое наказание.

Присутствующие были одновременно и растеряны и поражены смелостью и хладнокровием Луцилия. К их удивлению Антоний сказал:

— Мы овладели добычей, которая лучше той, какую искали. Искали врага, а приобрели друга. Клянусь богами, не знаю, что бы я сделал с Брутом, попадись он мне. А такие люди, как этот Луцилий, пусть всегда будут друзьями Антония, а не врагами!

С этими словами он обнял Луцилия, который на всю жизнь оставался ему преданным.

Тем временем Брут бежал. Он переправился через речку, берега которой поросли густым лесом. Уже стемнело, когда он остановился в лощине у подножия высокой скалы. Брут долго сидел в глубоком раздумье. Потом он стал громко оплакивать друзей, которые пали, защищая его в бою. Каждого он называл по имени, никого не пропуская. Всем спутникам он приказал позаботиться о спасении.

Наступила самая тихая и темная пора ночи. Брут наклонился к преданному ему рабу Клиту и что-то ему шепнул. Клит ничего не ответил и заплакал. Брут подозвал своего оруженосца Дардана и довольно долго говорил с ним с глазу на глаз. Дардан угрюмо молчал. Тогда Брут обратился к своему другу Волумнию, напомнил об их долгой дружбе и сказал:

— Окажи мне теперь последнюю услугу: я возьму меч, а ты положи свою руку поверх моей, чтобы прибавить силы удару.

Волумний наотрез отказался. Тут кто-то заметил, что враг приближается и надо бежать. Брут встал.

— Да, надо бежать, — сказал он, — но я буду действовать не ногами, а руками.

Он был совершенно спокоен. С улыбкой простился со всеми по очереди, поблагодарил друзей за верность. Напоследок он снова призвал всех позаботиться о спасении жизни и отошел в сторону.

Трое двинулись за ним следом, в том числе грек по имени Стратон, давний приятель Брута. Брут велел ему стать рядом с ним, упер рукоятку меча в землю и, придерживая меч обеими руками, бросился на него. Острие пронзило его насквозь. Так окончилась жизнь Марка Юния Брута.

Антоний разыскал тело Брута и предал его торжественному погребению. Урну с прахом Антоний велел отвезти в Рим к его матери. Узнав о смерти мужа, жена Брута Порция последовала его примеру.

В истории Брут остался как герой борьбы за свободу и сохранился таким в памяти народов, жива она и сегодня*.

ОКТАВИАН АВГУСТ

Октавиан Август был одним из самых выдающихся государственных деятелей Древнего Рима. Его имя сохранилось в потомстве наряду с именами Александра Македонского и Юлия Цезаря. Еще при жизни его — правителя Римского государства — стали называть «божественным Августом», а впоследствии даже возникла легенда, что отцом Октавиана был не простой смертный, а бог Аполлон.

Октавиан родился 23 сентября 63 г. до н. э. Астрологи предсказывали младенцу великое будущее. Его отец Гай Октавий происходил из привилегированного сословия всадников. По материнской линии Октавиан приходился внучатым племянником Юлию Цезарю. Покровительство Цезаря помогло Октавиану рано вступить на политическое поприще. Мальчиком Октавиан воспитывался в доме своей бабки Юлии, сестры всемогущего диктатора. Еще в детстве он отличался необычайными способностями. Когда ему исполнилось 12 лет, во время похорон своей бабки Юлии Октавиан произнес яркую, запомнившуюся современникам речь. Цезарь осыпал юношу милостями и незадолго до своей кончины усыновил его и назначил наследником.

Для продолжения обучения Цезарь отправил юношу в греческий город Аполлонию. Здесь Октавиана застало известие об убийстве Цезаря. Юноша знал, что возвращение в Рим для него опасно, и колебался, принимать ли ему наследство Цезаря. Мать не советовала ему вмешиваться в грозившую гибелью политическую борьбу. Однако Октавиан принимает решение. Он отправляется в Рим и прибывает туда как раз вовремя.

Убийцы Цезаря бежали, наиболее видные противники погибшего диктатора также разъехались из столицы, сенат бездействовал. Октавиан был с радостью встречен ветеранами Цезаря и народом,

* Достаточно вспомнить недавно привозившуюся в Россию скульптуру Микельанджело «Брут» и упоминания имени этого героя у А. С. Пушкина.

ожидавшим, что распоряжения диктатора будут, наконец, исполнены и Октавиан, получив наследство, выплатит каждому жителю Рима обещанные 300 сестерциев. Октавиан подтвердил, что выплатит народу завещанные деньги, и взял, согласно тогдашнему обычаю, имя своего приемного отца. Теперь он стал именоваться Гай Юлий Цезарь Октавиан *.

Однако получить наследство Октавиану оказалось не так просто. Консул Антоний захватил деньги Цезаря и оставшиеся после него документы. Он объявил, что выборы консулов производить не следует, так как Цезарь уже назначил на наступающий год (43 г. до н. э.) всех должностных лиц. В действительности это было не так. Антоний сам поставил на все должности своих родственников и преданных ему людей.

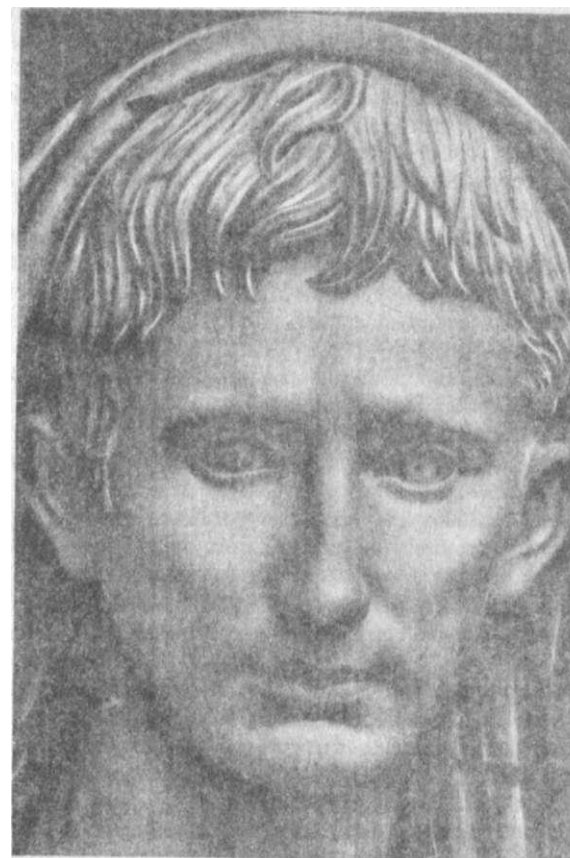
Октавиан потребовал от Антония передать ему как законному преемнику наследство Цезаря. Антоний отказался. Октавиан обвинил его в измене и в присвоении завещанных народу денег. Он продал часть собственного имущества и роздал народу обещанные Цезарем деньги. Этот поступок привлек к Октавиану симпатии солдат и бедноты. Наследник Цезаря мгновенно из малоизвестного человека сделался самым популярным из всех оставшихся после смерти Цезаря политических деятелей. После того как два легиона перешли на сторону Октавиана, он передал их вместе с набранными на собственный счет воинами в распоряжение сената для борьбы с Антонием.

Добиваясь власти, Октавиан стремился сблизиться с главой сенатской партии, знаменитым оратором Цицероном, который обладал большим влиянием и ненавидел Антония. Цицерон с радостью пошел на союз с Октавианом. Он был заинтересован в поддержке наследника Цезаря — любимца римской бедноты и полагал, что неопытный 18-летний юноша будет послушным орудием в его руках. Октавиан старался укрепить Цицерона в этом убеждении, всячески заискивал перед ним и даже почтительно называл его «отцом».

По совету Цицерона сенат объявил Антония «врагом отечества». Во главе направленной против него армии были поставлены выбранные законным порядком два консула и Октавиан, которому предоставили командовать его двумя легионами. Октавиана не смущало, что он оказался в одном лагере с убийцами его приемного отца. Он стремился к власти любыми путями.

Войска двинулись к городу Мутине, на севере Италии, где стояли легионы Антония. Произошло решающее сражение. Войска Антония были разбиты. Оба консула пали в бою, и Октавиан остался единственным командующим. От природы осторожный, он не решился преследовать отступающие войска Антония, и те, переправившись через Альпы, спустились в Нарбонскую Галлию. Здесь стоял со своими легионами Марк Эмилий Лепид, один из

* Усыновленный брал полное имя своего отца, а свое бывшее имя приписывал а конце нового.

Октавиан Август

ближайших сподвижников Цезаря. Войска Антония объединились с войсками наместника Галлии Лепида. Теперь в их распоряжении оказалось 17 легионов, и они двинулись на Италию.

Между тем Октавиан во главе своей армии поспешил к Риму. Цицерон сумел преодолеть недоверие к Октавиану со стороны сената. Великий оратор рассчитывал, что если Октавиан будет избран консулом, то вторым консулом станет он и будет руководить своим юным товарищем по консульству.

В августе 43 г. до н. э. войска Октавиана подошли к столице, и вскоре 19-летний полководец был избран консулом. Однако, к великому разочарованию Цицерона, вторым консулом был избран не он, а дальний родственник Октавиана, во всем тому послушный.

Теперь Октавиан уже не нуждался в Цицероне, которого не поддерживали ни армия, ни народ. Однако Октавиану нужны были союзники: он не был достаточно силен, чтобы властвовать едино-

лично. Октавиан начинает переговоры с Антонием и Лепидом. На островке, лежащем посреди реки По, в течение трех дней шли переговоры трех самых влиятельных в Риме политиков. Каждый предъявлял свои требования. Полководцы Цезаря Антоний и Лепид добивались казни своего Главного врага — Цицерона. Вначале Октавиан отстаивал своего недавнего союзника, но в конце концов уступил и пожертвовал его головой. Союз трех был заключен. Его называли вторым триумvirатом.

В последних числах ноября 43 г. до н. э. войска трех полководцев торжественно вошли в Рим. В народном собрании был проведен закон, согласно которому участникам триумvirата — триумvirам вручалась неограниченная власть на 5 лет для «устройства государственных дел».

Войска триумvirов насчитывали около 30 тысяч пехотинцев и 40 тысяч конных воинов. Опираясь на эти силы, триумvirы захватили большинство римских провинций и разделили их между собой. Октавиан получил Африку, Нумидию, а также острова Сицилию и Сардинию, Антоний — Северную Италию, а Лепид — те провинции, которые лежали за Альпами (Нарбонскую Галлию и Испанию). Италия оставалась в совместном управлении всех трех. Но самыми богатыми, восточными, провинциями по-прежнему владели Брут и Кассий, а на море хозяйничал пиратский флот Секста, сына Помпея Великого.

Для борьбы с ними триумvirам требовались большие средства. Солдаты ждали вознаграждения, а государственная казна была пуста. Триумvirы решили конфисковать и продать земли 18 крупнейших городов Италии. Кроме того, опубликовали так называемые проскрипционные списки, в которых были перечислены граждане, подлежащие казни с конфискацией имущества. Одни попали в эти списки как враги Цезаря и триумvirов, другие за то, что были богаты, а правительство нуждалось в деньгах. Нелегко приходилось и простому народу. Новые властители постоянно изобретали новые налоги и пошлины.

К смерти и конфискации имущества было приговорено около 300 сенаторов и более 2000 всадников. Одной из первых жертв стал знаменитый оратор и писатель Цицерон. Узнав о том, что он объявлен вне закона, Цицерон укрылся в своем имении близ Рима. Некоторое время он еще надеялся бежать на Балканский полуостров к Марку Бруту, куда стекались все республиканцы, противники триумvirов. Однако надежда, что Октавиан заступится за него, заставила Цицерона отложить бегство. Когда же он наконец понял, что помощи ждать не от кого, подоспели убийцы. Предавший своего недавнего соратника Октавиан стремился снять с себя ответственность за это преступление. Много лет спустя, когда он уже единолично правил огромной империей, Октавиан застал своего внука за чтением одного из сочинений Цицерона. Мальчик, зная отношение деда к великому оратору, испугался и хотел спрятать свиток. Октавиан взял книгу, прочитал имя автора и сказал: «Что правда, то правда, ученый был человек и любил отечество!»

Жестокие казни и преследования потрясли Италию. Все новые лица становились жертвами проскрипций, так как доносчики получали часть конфискованного имущества. Стремясь обогатиться или отомстить, жены доносили на мужей, должники на своих кредиторов, сыновья на отцов. А чтобы обреченные на смерть не сумели спастись, были назначены высокие награды за доставку голов осужденных.

Триумvirы и их ближайшие сподвижники составили себе огромные состояния, скупая за бесценок имущество казненных. Однако выручка от распродажи конфискованных имений не оправдала ожиданий новых правителей, так как много денег и имущества успели расхитить легионеры.

Насилия и грабежи, чинимые триумvirами, возбудили против них всеобщее возмущение в Риме и в Италии. Тем временем положение в провинциях становилось все более опасным. Брут и Кассий переправили свои легионы в Македонию и двинули их навстречу войскам Антония и Октавиана.

Осенью 42 г. до н. э. обе армии сошлись на равнине у города Филиппы в Македонии. Здесь завязалось жестокое сражение. На правом фланге Брут внезапным нападением захватил лагерь Октавиана и обратил его воинов в бегство. Но на другом крыле Антонию удалось потеснить войско Кассия и ворваться в лагерь республиканцев. Кассий в отчаянии покончил с собой.

Через несколько дней Антоний завязал новую битву, на этот раз против легионов Брута. Она закончилась полной победой. Не желая пережить катастрофу, Брут бросился на меч. После этого легионы Брута перешли на сторону Антония.

Битва при Филиппах нанесла последний удар республиканцам. Однако положение триумvirов оставалось непрочным. Казна была пуста, а одержавшие победу воины требовали награды.

Было решено, что Антоний постарается выжать средства из восточных провинций, уже достаточно истощенных поборами республиканцев. Антоний отбыл в Малую Азию. Здесь, в киликийском городе Тарсе, он встретился с египетской царицей, знаменитой Клеопатрой, оказавшей роковое влияние на его судьбу.

Царица приплыла в Таре по реке на корабле с вызолоченной кормой, с пурпурными парусами и серебряными веслами. Весла погружались в воду под звуки флейт. Царица возлежала под золотым балдахином, по сторонам ее стояли мальчики в опалах. Красивые рабыни, изображавшие nereид*, стояли у руля. Берега реки были усеяны толпами народа, собравшегося посмотреть необычайное зрелище. Восхищенные люди верили, что на корабле плывет сама богиня красоты Афродита.

Антоний устремился к царице и был встречен со сказочной пышностью.

* Нереиды — дочери морского старна Нерея, олицетворение морских волн, изображались в виде прекрасных девушек в легких одеждах.

Клеопатре исполнилось тогда 29 лет. Она не отличалась красотой, но в ней прекрасно сочетались незаурядный ум и образованность. Она умело владела своим удивительно музыкальным голосом. Антония она очаровала, и он утвердил ее власть в Египте.

В это время в Италии Октавиан пытался расплатиться с воинами, отбирая землю у мирных жителей и раздавая ее ветеранам, что вызвало против него всеобщее недовольство.

Воспользовавшись этим, жена Антония Фульвия и его младший брат Луций подняли восстание против Октавиана. В Италии разыгралась новая гражданская война. На короткое время Луций Антоний даже захватил Рим, но потом отступил на север и был осажден Октавианом в городе Перузии. После длительной осады Луций сдался, а Фульвия бежала в Грецию, где вскоре заболела и умерла. Не желая ссориться с Антонием, Октавиан помиловал Луция.

Союз между Антонием и Октавианом был закреплен браком: Антоний женился на сестре Октавиана Октавии. Но доброта императора была только кажущейся. Он унаследовал только имя Цезаря, но не его характер. Если Цезарь умел прощать сдавшихся врагов, то Октавиан всем молившим его о пощаде отвечал тремя словами: «Ты должен умереть!»

Однако Октавиан был ловким дипломатом. Не будучи в силах победить Секста Помпея, он пошел на примирение с ним, так как народ, уставший от бедствий гражданской войны, жаждал мира. По условиям заключенного в 39 г. до н. э. соглашения объявлялась общая амнистия всем, кроме убийц Цезаря. Секст Помпей получал на 5 лет в управление острова Сардинию, Сицилию и Корсику. Что было особенно важно для рабовладельцев Италии, Секст Помпей обязался не принимать больше в свою армию беглых рабов, но зато те, которые уже служили у него, были признаны свободными.

Соглашение оказалось недолговечным. Уже на следующий год война возобновилась, так как рабы продолжали бежать в Сицилию.

Полководец Октавиана Марк Випсаний Агриппа в двух морских сражениях разбил Помпея. Потеряв большую часть флота, Секст Помпей бежал в Малую Азию, где был схвачен и казнен по приказу Антония.

30 тысяч рабов из войска Секста Помпея были возвращены их владельцам, а 6 тысяч, хозяев которых не удалось установить, были казнены для устрашения остальных. Торговля с провинциями наладилась, и голод в Риме прекратился. Почувствовав силу, Октавиан отстранил Лепида от управления и отобрал его провинции. (36 г. до н. э.). Второй триумvirат прекратил свое существование. Властелинами Римского государства остались Октавиан и Антоний.

Стремясь привлечь к себе симпатии римлян, Октавиан начал смягчать свою жестокую политику. Он прекратил проскрипции и

конфискации имущества богатых людей. Беднякам стали регулярно раздавать бесплатно хлеб и даже масло. Кроме того, он простил недоимки по налогам и предпринял большие общественные работы, чтобы дать заработок ремесленникам.

Между тем Марк Антоний отправился на Восток, где под его властью оказались богатые страны, и среди них царство Птолемеев — Египет, еще не разграбленный римлянами. По примеру Александра Македонского, Антоний решил объединить все страны Востока, а для этого, прежде всего, стать царем Египта. Брак с царицей Клеопатрой открывал к этому прямой путь. Антоний послал развод сестре Октавиана Октавии, но сенату, перед которым, как римский полководец, обязан был отчитываться, не решился объявить о своем новом браке.

Разведясь с Октавией, Антоний торжественно отпраздновал свадьбу с Клеопатрой, от которой уже имел детей. Поведение Антония и его политика на Востоке вызвали волну возмущения в Риме: суеверные римляне объясняли поступки Антония влиянием любовных чар коварной египетской царицы. На самом же деле брак Антония с Клеопатрой был прежде всего политическим союзом, благодаря которому Антоний мирным путем получал колоссальные богатства Египта.

Весной 36 г. до н. э. Антоний во главе 16 легионов (около 100 тысяч воинов) выступил в поход против парфян. Однако римляне вынуждены были отступить. Антоний отправил сенату победную реляцию, но слухи о тяжелых потерях и неудаче похода достигли столицы.

Чтобы восстановить свою репутацию полководца, Антоний, по совету Клеопатры, в 34 г. до н. э. начал войну в Армении, захватил в плен армянского царя и превратил Армению в римскую провинцию. Антоний отпраздновал в Александрии пышный триумф. Это был вызов римским обычаям, ибо триумф всегда справлялся в столице государства — в Риме.

Октавиан решил открыто выступить против Антония. 1 января 32 г. до н. э. оканчивался срок полномочий триумвиров. В этот день Октавиан выступил в сенате и огласил попавшее к нему в руки завещание Антония, в котором тот приказывал похоронить его в Александрии, а своим наследником объявлял сына Клеопатры от Юлия Цезаря — Цезариона. Дети Клеопатры от Антония получали по этому завещанию римские провинции на Востоке: Финикию, Сирию, Армению и даже еще не завоеванную Парфию.

Впечатление от выступления Октавиана в сенате было столь велико, что сторонники Антония, в том числе оба консула и 300 сенаторов, боясь расправы, бежали из Рима.

Оставшаяся часть сената лишила Антония всех полномочий и объявила войну Клеопатре, обвиняя ее в присвоении собственности римского народа. Октавиан привел к присяге все войска, расположенные в Италии и западных провинциях. На Востоке римские войска и войска союзников присягнули Антонию.

Обе стороны энергично готовились к войне. Силы Антония состояли из 500 кораблей, 100 тысяч пехотинцев и 15 тысяч конников; у Октавиана было 400 судов, 80 тысяч пехотинцев и 12 тысяч всадников. Однако следует учитывать, что армия Антония была разнородной, римляне в ней составляли меньшинство.

2 сентября 31 г. до н. э. у мыса Акция (западное побережье Греции) произошло решающее сражение. Перед битвой Антоний приказал сжечь все египетские корабли, кроме 60, так как все свои войска он разместил на римских судах. Корабли Антония представляли собой плавучие крепости; на палубах в деревянных башнях размещались катапульты, борта были укреплены толстыми балками с железными скобами, носы кораблей обшиты медью.

Флот Октавиана состоял из быстрых и легких судов, на носках которых были установлены тараны.

Около полудня поднялся ветер с моря, и Антоний, надеясь на мощь своих судов, двинулся навстречу противнику. Быстрые корабли Октавиана, по три-четыре судна, нападали на неповоротливые громадные корабли Антония, но не решались таранить их непробиваемые борта. Однако плохо управляемые, громоздкие суда Антония тоже не могли воспользоваться тараном — основным приемом морского боя того времени. Битва скорее напоминала сухопутную схватку: стреляли катапульты, летели каменные ядра баллист, стрелы и копья, на палубы падали горящие факелы... Битва стала всеобщей, но исход ее был не ясен. Вдруг 60 кораблей Клеопатры подняли паруса и обратились в бегство, пробиваясь сквозь сражающиеся корабли.

Бросив свой флот на произвол судьбы, Антоний последовал на быстроходном корабле за царицей. Оставшись без полководца, флот Антония потерпел поражение. Несколько дней спустя сдались и оставшиеся на берегу легионы Антония. Октавиан стал единственным властителем Римского государства.

Октавиан умело использовал всеобщее недовольство поведением Антония, чтобы свалить на него вину за жестокости первого периода правления триумвиров. Все в Риме обвиняли Антония в преступлениях против государства, требовали наказать его и Клеопатру.

Октавиан понимал, что завоевание Египта принесет ему не только необходимые средства, но и желанную популярность. Однако сделать это было не так легко. В распоряжении Антония еще оставались 11 легионов, флот Клеопатры и огромная египетская казна. Но у Антония не было уже прежней энергии и уверенности в себе и в своих солдатах.

Летом 30 г. до н. э. Октавиан начал вторжение в Египет одновременно с востока и запада. Легионы Антония перешли на его сторону. Антоний покончил жизнь самоубийством, бросившись на меч. Клеопатра попала в руки Октавиана. Узнав, что тот хочет отправить ее в Рим, чтобы во время триумфа в цепях провести за своей колесницей, она лишила себя жизни. Как она убила себя,

никто не знал. Рассказывали, будто она погибла от укуса ядовитой змеи.

Октавиан обошелся с населением Египта довольно милостиво. Он не позволил солдатам разграбить Александрию, не превратил Египет в римскую провинцию, а сделал своим личным владением, которым управляли назначенные им чиновники. Все доходы с этой богатейшей страны шли в личную казну Октавиана. Казни сторонников Антония были немногочисленными. Октавиан приказал только убить Цезариона (сына Цезаря от Клеопатры) и старшего сына Антония (от первой жены) Антилла. Детей Антония от Клеопатры взяла на воспитание сестра Октавиана Октавия (бывшая жена Антония).

Возвратившись в Италию, Октавиан заплатил ветеранам обещанные деньги. Солдаты, отслужившие свой срок, получили почетную отставку и земельный надел.

13 января 27 г. до н. э. Октавиан объявил, что он отказывается от всех предоставленных ему полномочий и «восстанавливает республику». В действительности это торжественное заявление ничего не значило. Октавиан не собирался отказываться от своего единовластия, которого он достиг ценой таких больших усилий. Римское государство фактически превратилось в монархию.

Подлинные взгляды Октавиана на необходимость единоличной власти хорошо выразил в своем обращении к нему один из его ближайшего окружения — Меценат: «Свобода и демократия — благо только тогда, когда принадлежат людям благоразумным. Гражданские войны показали, что римляне неразумны. Давать свободу таким людям — все равно что давать меч в руки ребенка или сумасшедшего».

Еще в 28 г. до н. э. Октавиан произвел «чистку» сената, исключив из числа сенаторов около 200 человек, которых он считал непригодными заседать в высшем государственном совете. Имя Октавиана теперь значилось первым в списке сенаторов. Он был объявлен «принцепсом» — первым, как бы почетным главой сената. Как первый в списке сената, он получил право раньше всех высказывать свое мнение на заседании, и никто из сенаторов не рисковал ему возражать. Так как главу государства называли теперь принцепсом, то и государственный строй, созданный Октавианом и просуществовавший около 300 лет, принято называть *принципатом*.

Покорный сенат преподнес Октавиану титул «Августа» («подателя благ»), который раньше присваивали только богам, а впоследствии стали носить все римские императоры. Титул «Августа» стал как бы вторым именем Октавиана, и потомки, отбросив все его прежние имена, стали звать его Октавиан Август или даже просто Август.

Кроме того, Октавиан получил также титул «отца отечества» и, как верховный главнокомандующий, носил титул императора*. Как

* Военный титул императора присваивался полководцу, одержавшему победу и отпраздновавшему триумф. Впоследствии императорами стали называть глав государств.

«сын божественного Цезаря», Октавиан был приравнен к богам, и в провинциях ему стали воздвигать храмы. Шестой месяц римского календаря — секстилий — был переименован в честь принцепса и стал называться августом*.

Формально в Риме сохранялись все республиканские учреждения. Ежегодно происходили выборы консулов, народных трибунов и других должностных лиц, заседал сенат, созывались народные собрания. В действительности же власть принадлежала одному принцепсу.

Таким образом, несмотря на официальное восстановление республики, можно говорить, что власть Августа была чисто монархической. Единовластие, которого он достиг якобы законным путем, на самом деле Август получил, опираясь на армию. Армия, бывшая в Риме ранее народным ополчением, превратилась в личное наемное войско принцепса. Высшие военачальники назначались самим Августом, солдаты тоже приносили присягу на верность императору.

Однако Август опасался чрезмерных претензий и влияния армии. Он распустил значительную часть легионов, а оставшиеся разместил вдали от Рима на границах государства. В Риме он оставил только свою личную охрану — преторианскую гвардию, которая пользовалась большими привилегиями по сравнению с остальными легионами. Преторианцы были важнейшей опорой власти.

Понимая, что после стольких лет гражданской войны страна нуждается в мире и все желают спокойной жизни, Август заметно сократил завоевательные устремления Римской империи.

Чтобы обезопасить Рим от нападений варварских племен, Август построил много укрепленных лагерей вдоль естественных границ государства по Рейну и Дунаю и приступил к сооружению могучего оборонительного вала между этими реками. На Востоке Август тоже отказался от грандиозных планов Цезаря и Антония. Он не стремился к завоеванию Парфии и укрепил границу, проходившую по Евфрату.

В Риме на Марсовом поле был воздвигнут беломраморный алтарь мира в честь того, что Август сумел «даровать мир, какого римляне не знали за всю свою историю».

Стремясь оставить о себе добрую память у потомков, Август начал перестраивать Рим, используя средства, какие ранее шли на завоевательные войны. Была создана новая площадь — форум Августа, возведено много великолепных зданий во всех районах города. «Я получил Рим кирпичным, — говорил Август, — а оставляю его мраморным».

Август реорганизовал аппарат управления государством, создав много новых должностей. Для управления провинциями он назначил наместников (прокураторов), которые всецело зависели от него. Взимание налогов было взято под строгий контроль. Выкачивание богатств из провинций продолжалось, но доходы шли уже не отдельным римским чиновникам, а в императорскую казну.

* Римский год начинался с марта.

Август стремился распространять взгляды, оправдывающие его режим. Он окружил себя писателями и художниками, понимая, какое огромное влияние может оказать искусство на настроение и образ мыслей римского общества. Август лично присутствовал на публичных чтениях новых произведений и появлялся во время литературных чтений. Чаще всего они происходили у друга Августа — Мецената. Меценат привлекал в свой кружок самых талантливых писателей и поэтов того времени. Он был сказочно богат и щедро вознаграждал тех, кто восхвалял блага нового режима и достоинства самого Августа. Знаменитый поэт Вергилий написал «Энеиду» — поэму о подвигах Энея, мифического предка Цезаря и Августа, прославлявшую прошлое Рима и Италии. Мифология в этой поэме искусно переплетается с восхвалением Августа и его семьи. Другой поэт — Гораций, сражавшийся в битве при Филиппах на стороне республиканцев, писал теперь, обращаясь к Августу: «Ты обуздал дух своеволия, опасный для правления». Особенно прославляли поэты успехи внешней политики Августа. Хотя в Германии его полководцы потерпели поражение и не всегда успешно шла война на Рейне и Дунае, они утверждали, что большая часть обитаемого мира уже покорена, а жители другой — скифы, парфяне, индийцы, бритты — тоже склонились перед могуществом Августа.

Принцепс не только поощрял лесть своих подданных, но и сам немало сделал для того, чтобы возвеличить свои дела в глазах народа и потомков. Об этом свидетельствует знаменитая надпись «Дела Божественного Августа», которую иногда называют «Завещанием Августа». Надпись эта была вырезана на медных досках и установлена на площади в Риме. Переведенная на греческий язык, она была выставлена во многих восточных городах империи. Одну из таких копий открыли в XVI в. на стенах храма Августа и богини Ромы на территории столицы нынешней Турции города Анкары. Позднее и в других городах были найдены отрывки из нее, подтверждающие широкое распространение завещания императора. В этой надписи Август сравнивает себя с Ромулом, подобно которому он, установив новые порядки, как бы основал Рим заново. Август утверждает, что смог совершить это, основываясь исключительно на своем божественном авторитете, и лицемерно добавляет: «Власти у меня было при этом не больше, чем у многих товарищей, занимавших другие государственные должности».

Первым важным подвигом, который он совершил еще 19-летним юношей, Август считает «спасение государства», то есть расправу с заговорщиками, убившими Цезаря и начавшими гражданскую войну. Вторым подвигом надпись называет «восстановление республики», когда на основе всеобщего согласия Август передал власть в распоряжение сената и римского народа. Если верить Августу, то при нем Рим оставался республикой, а всесильный принцепс лишь охранял ее, «как караульный солдат на посту». Третьим подвигом своего правления Август считает установление «Римского

мира», то есть прекращение политики захватов и установление прочных границ. Искусной группировкой материала Август создает впечатление, что он принес людям «Золотой век» и возвратил римлянам добрые нравы и обычаи предков.

Август был дальновидным, трезвым и осторожным политиком, считавшим, что для достижения цели годятся любые средства. Он никогда ничего не говорил и не делал необдуманно. Даже со своей женой Ливией он, случалось, говорил по заранее составленной записке. Личные качества Августа как нельзя лучше подходили к той эпохе, когда от государственного деятеля требовались не столько талант и вдохновение, сколько расчет и здравый смысл. Недаром любимой присказкой Августа была пословица: «Поспешай медленно». Благодаря своей осторожности Августу удалось то, что не удалось Цезарю: он не только благополучно прожил долгую жизнь, но и сумел избрать себе наследника, переход власти к которому произошел без всяких волнений.

У Августа не было сыновей, и наследником он избрал своего пасынка Тиберия.

Летом 14 г. до н. э., спасаясь от римской жары, Август отправился в город Нолу (близ Неаполя), и там 75-летний принцепс заболел. Стало ясно, что смерть близка.

Пасынок Августа Тиберий в это время был в Иллирии (Балканский полуостров). За ним срочно послали. Мать Тиберия Ливия не была уверена, застанет ли Тиберий Августа еще в живых. Ливия выставила вокруг дома, где умирал Август, сильную стражу, чтобы не допустить в стране нежелательных слухов, а сама, как пишет римский историк, «распространяла добрые вести о состоянии принцепса». Только когда Тиберий прибыл в Нолу, сообщили о кончине Августа и одновременно о том, что сенат провозгласил Тиберия новым принцепсом. Произошло это 19 августа 14 г. до н. э.

Август стоял во главе государства 44 года. С его правления начался новый период в истории Рима — период империи.

ОВИДИЙ

В приморском румынском городе Констанце, неподалеку от набережной, стоит бронзовая статуя Публия Овидия Назона, одного из великих поэтов древности. Как случилось, что памятник римскому поэту воздвигнут так далеко от его родной Италии? Ответ на это может дать биография Овидия.

20 марта 43 г. до н. э. в небольшом городе Сульмоне, примерно в 100 километрах от Рима, в семье богатого римлянина из старинного рода Овидиев родился мальчик. Ему дали имя Публий. Римское имя обычно состояло из трех частей: собственно имени, наименования рода и фамилии (прозвища, данного кому-то из предков в старину, когда род стал делиться на части). Один из предков маленького Публия был прозван Назоном (носатым), и это прозвище стало фамилией одной из ветвей рода Овидиев. Таким образом, полное имя мальчика было Публий Овидий Назон.

Время было бурное. Всего за год до рождения Публия был убит Юлий Цезарь и вновь разгорелась кровавая гражданская война. Она закончилась в 30 г. до н. э. победой Октавиана. К этому времени Публию Овидию Назону исполнилось 13 лет.

Отец привез Публия и его старшего брата в Рим. Там они должны были получить образование, чтобы в будущем занять достойное положение в государстве.

Еще мальчиком Овидий увлекался поэзией. Он не только с упоением читал и декламировал творения великих римских поэтов — Катулла, Вергилия, Горация, но и сам стал сочинять стихи. Отец не одобрял увлечения сына, не ожидая от этого ничего хорошего. Судьбе поэтов в Древнем Риме нельзя было позавидовать: немногие из них дожили до благополучной старости. Отец запретил сыну заниматься стихотворчеством, считая, что поэзия только от-

влекает его от занятий, важных для будущей карьеры. Юноша Овидий учился в Риме, затем — в Афинах, в Малой Азии и на острове Сицилии. Он слушал знаменитых ученых и поэтов, упражнялся в красноречии у самых знаменитых ораторов.

Через три года Овидий, вернувшись в Рим, начал государственную службу и добился успехов на этом поприще. С годами он становится все более известным и уже получил право занимать в театре почетное место у самой сцены. Перед ним открывалась возможность блестящей карьеры.

Однако страсть к поэзии оказалась непреодолимой. На 25-м году жизни, когда его положение было прочным и он мог ожидать вскоре кресло сенатора, Овидий вдруг оставил службу и целиком занялся поэзией. Он мог это себе позволить, так как был богатым человеком: денег у него было достаточно, и на одной из лучших улиц Рима ему принадлежал большой дом с садами.

Стихи сделали Овидия знаменитым. Он читал их в богатых домах, в литературных кружках, и это принесло ему больше славы, чем речи, произнесенные когда-то на форуме. Овидий получил, наконец, возможность как равный встречаться с замечательными поэтами, которых любил с детства. Он даже подружился с великим Горацием.

Чаще всего Овидий посещал кружок, собиравшийся в доме полководца Валерия Мессалы. Душой этого кружка был поэт Тибулл, который не интересовался политикой, а свои стихи посвящал любви, природе и радостям сельской жизни. Многие поэты кружка Мессалы неодобрительно относились к новым порядкам, введенным Октавианом Августом в Риме, но боялись говорить об этом открыто. В своих стихах они не касались опасных тем. Овидий тоже писал только о душевных переживаниях влюбленных и радостях беззаботной жизни. Первые его книги были остроумны, изящны, но лишены серьезного содержания. Однако уже в них чувствовалась его глубокая образованность, знание греческой истории и мифологии.

В книге «Героини» знаменитые женщины древности рассказывали о своих страданиях и тоске, вызванных вынужденной разлукой с женихами и мужьями. Возлюбленная Тесея Ариадна, помогавшая аргонавтам волшебница Медея, Основательница Карфагена Дидона, прекрасная Елена, ставшая причиной Троянской войны, поэтесса Саффо и многие другие самые известные героини, о судьбе которых знал каждый школьник, заговорили у Овидия прекрасным языком поэзии.

Вот одно из таких посланий. Покинутая Одиссеем Пенелопа пишет мужу, хотя и не надеется, что ее послание достигнет цели. Она рассказывает, как тяжело ей, одинокой женщине, управлять домом, где кроме нее только малолетний сын и старик тесть. «Раньше, чем вспомнишь ты нас, стану старухой седой...» — этой жалобой заканчивает Пенелопа свое грустное послание.

Время шло. Овидию было около 45 лет. Уже почти 20 лет как

Овидий

он писал стихи, но все еще не создал ничего значительного. Настала пора приступить к большой поэме, которая прославила бы его имя навеки. Овидий задумал пересказать в стихах сказки и мифы древних таким образом, чтобы из множества маленьких сюжетов получилась поэма, связанная единым содержанием. После долгих колебаний Овидий остановился на превращениях, описаниями которых полны греческие мифы. Ничто не исчезает в мире, рассуждал поэт, все только меняет форму. Родиться — значит стать иным, чем ты был раньше. Умереть — значит перестать быть тем, кем ты был до смерти. Мы — лишь часть мира, постоянно меняющегося — это всеобщее превращение. По-гречески превращения — «метаморфозы». Овидий так и назвал свою поэму — «Метаморфозы».

Над этой поэмой Овидий работал более семи лет. Он писал ее торжественным поэтическим размером — гекзаметром, тем размером, каким были написаны великие эпические поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Поэт решил рассказать обо всех изменениях от сотворения мира до своего времени — эпохи Августа. Начал поэму Овидий рассказом о самой первой метаморфозе, о том, как

из всеобщего беспорядка, хаоса возник нынешний мир, вселенная: небо, земля, звезды, море, растения, животные и, наконец, человек. После этого следовало описание этапов развития человеческой жизни. Овидий писал, что человечество прожило четыре века. Самым счастливым для людей был первый век, когда все жили честно, когда не знали войны, земля принадлежала всем и давала богатые урожаи, а весна стояла круглый год. Этот век Овидий назвал золотым.

Но когда власть над миром захватил верховный бог Юпитер, он разделил год на четыре сезона. Кроме весны, появились знойное лето, дождливая осень и холодная зима. Люди принуждены были трудиться, пахать землю, строить жилища, чтобы укрыться от холода. Но между людьми еще сохранялся мир. Это был серебряный век.

Вслед за ним настал век медный. Он был более суровым. Люди разучились жить мирно. Начались кровавые войны.

Нынешний век Овидий назвал железным. Люди стали добывать из земли железо и золото, но это не принесло им счастья. Ради золота люди стали убивать друг друга. Землю разделили на маленькие участки, и их владельцы враждовали между собой. Железный век безжалостен: он полон жестокостей и преступлений. Хитрость, коварство, жажда наживы, насилие воцарились повсюду. «Люди живут грабежом, и в хозяине гость не уверен». Брат идет на брата, мужья ненавидят жен, а жены — мужей. Сын с нетерпением ждет смерти отца, чтобы получить наследство. Злая мачеха готовит смертельный яд для детей мужа. Утрачены совесть и стыд, и богиня справедливости Астрея навсегда покинула землю.

Все 15 книг поэмы Овидия наполнены легендами о самых различных превращениях. Надменный великан Атлант превратился в высокую гору; любовавшийся своим отражением в воде юноша Нарцисс — в цветок; нимфа Дафна стала лавровым деревом; жестокие мальчишки, которые никого не жалели и неприлично ругались, сделались лягушками; фиванская царица Ниоба окаменела от горя и превратилась в скалу, из которой струится источник ключевой воды — вечные слезы матери, потерявшей своих детей.

250 сюжетов разработал Овидий в «Метаморфозах», и, хотя почти все они были уже известны читателям, в каждом рассказе Овидия чувствовались тонкие наблюдения, отразившие особенности времени, в котором он жил. Прежде всего их отмечают доброта и терпимость, снисходительность к людям, жившим в то смутное и опасное время. Ему была чужда и даже отвратительна беспощадность к пороку и слабости, которую прославляли старинные римские легенды. Восстановлением старинной суровости нравов Август рассчитывал вернуть славные времена процветания Рима. Овидий ненавидел только злодейство, желание навредить, причинить другому зло. Пороки и даже преступления, если они совер-

шаются под влиянием страстей, Овидий склонен был оправдывать слабостью человеческой природы.

В «Метаморфозах» рассказано, к какой беде привела сына солнечного бога Феба, Фаэттона, юношеская самоуверенность и безответственность. Уговорив отца, Фаэтон получил от него на день солнечную колесницу и погнал огнедышащих коней по небу, хотя это и грозило гибелью всему миру. Только молния Юпитера приостановила безумный бег огненных коней и спасла землю и человечество. Хотя дерзость Фаэттона принесла много вреда, но читателю жаль смелого юношу и его родителей, когда те плачут на его могиле, читая трогательную надпись, которой завершается этот рассказ Овидия.

Здесь погребен Фаэтон, колесницы отцовской возница.
Пусть он ее не сдержал, но, дерзнув на великое, пал он.

Рассказ о волшебнице Медее, покинувшей родину и отца ради аргонавта Ясона, а потом обманувшей и погубившей его врага Пеллея, проникнут у Овидия пониманием и состраданием к несчастной женщине, ставшей жертвой своей страсти. Доброта Овидия, его снисходительность к человеческим слабостям полюбили читатели.

Образованные люди давно уже не верили в правдивость легенд, рассказанных Овидием. Да и сам поэт не стремился убедить читателя, что все это происходило на самом деле. Но все понимали, что под покровом фантастических событий в поэме идет речь о подлинных человеческих чувствах, понятных каждому. Гордящаяся своим ремеслом ткачиха Арахна не могла быть превращена в паука, но легко понять ее гордость своим искусством; Нарцисс не мог стать цветком, но самовлюбленность и сейчас — чувство, присущее многим. Символичен рассказ Овидия о Пигмалионе. Скульптор Пигмалион изваял из слоновой кости фигуру женщины настолько прекрасной, что сам в нее влюбился. Горячая любовь скульптора оживила статую. Такова была сила любви и творческого горения.

Овидий заканчивает свою поэму пророческими словами:

Вот завершился мой труд, и его ни Юпитера злоба
Не уничтожит, ни меч, ни огонь, ни хищная старость...
Ввысь вознесусь я, мое нерушимо останется имя,
Всюду меня на земле, где бы власть ни раскинулась Рима,
Будут народы читать...

Овидий ошибся только в одном. Спустя 2 тысячи лет его читают не только в Риме, но и далеко за пределами тех стран, которые когда-то входили в Римскую империю.

Вдруг, поздней осенью 8 г. н. э., Овидий был вызван во дворец. Император сурово встретил поэта и объявил ему свою волю. На следующий день Овидию было приказано покинуть Рим и отправиться в ссылку на далекую окраину империи, к берегам Эвксинского Понта (Черного моря), в недавно присоединенный город Томы. Ему было запрещено когда бы то ни было возвратиться в Италию. Изгнание было вечным.

Почему поэту был нанесен такой жестокий и неожиданный удар? Чем был вызван гнев императора?

Овидия нельзя было назвать противником установленного Августом режима, при котором ничем не ограниченное самовластие главы государства прикрывалось республиканскими формами. Но воцарившееся в Риме лицемерие все-таки раздражало Овидия, и он иногда позволял себе высмеивать некоторые решения императора. В своих ранних поэмах он смеялся над браками, заключенными из хозяйственных или политических расчетов, воспевал вольную холостяцкую жизнь. Это не могло понравиться Августу, издававшему законы против безбрачия и стремившемуся закрепить святость семейных отношений. Поэт вызвал недовольство императора. Овидий чувствовал, что тучи над ним сгущаются, и пытался смягчить Августа, восхваляя его предков, его самого и его деяния. Однако Овидий не превратился в придворного поэта — это противоречило его натуре и характеру. Недовольство императора нарастало и, наконец, вызвало бурный гнев и жестокий приговор.

Можно также предположить, что Овидий оказался случайной жертвой той ожесточенной борьбы за власть, которая шла в это время в Риме. Долгий брак Августа с его второй женой Ливией оставался бездетным. Правда, у императора от первого брака была дочь Юлия, и Август предполагал передать власть ее сыновьям, своим внукам. Но у Ливии были другие планы. У нее от первого брака был сын Тиберий, прославившийся как талантливый полководец. Его Ливия прочла в наследники, но император долго этому противился. Неожиданно оба внука Августа, Луций и Гай, в течение двух лет умирают один за другим. Поползли слухи, что их отравила Ливия, чтобы очистить своему сыну Тиберию путь к престолу. В связи с этим многие вспоминали строку из «Метаморфоз»:

Жестокая мачеха готовит смертельный яд...

И хотя эти строки были написаны еще до смерти внуков Августа, они казались намеком. Запомнила их и Ливия, возненавидевшая поэта. Может быть, эта ненависть императрицы повлияла на решение Августа. Конечно, это остается только предположением. Главная причина опалы Овидия до сих пор неизвестна. Возможно, не знал ее и сам поэт. Он был неприятен самовластному Августу, и этого было достаточно.

Предлогом для ссылки Овидия было обвинение в том, что его стихи противоречат добрым нравам. За высылкой поэта последовал приказ императора уничтожить все сочинения Овидия, какие имелись в общественных библиотеках Рима.

Вернувшись из дворца, убитый горем поэт стал готовиться к спешному отъезду.

Уже рассветало, когда Овидий, простившись с женой и домашними, отправился в гавань. Там его ждал специальный корабль. Поэт взшел на палубу. Матросы подняли парус. Судно медленно тронулось по реке по направлению к открытому морю. Сутки

плыл корабль по беспокойному Тирренскому морю. Стоял декабрь — самое неблагоприятное время для плавания. Вскоре разразилась сильнейшая буря. Ветер сорвал парус, сломал мачту. Огромные волны кидали судно из стороны в сторону. Оно потеряло управление, ветер погнало его назад и вскоре прибил к берегам Италии.

Через несколько дней Овидий сел на другой корабль. Долго длилось опасное путешествие. Только через год Овидий добрался до города Тома, где ему было приказано жить. Эту старинную греческую колонию населяли греки и геты*.

За два года до прибытия Овидия Тома были присоединены к Римской империи. Но это не избавило город от опасностей. Вокруг жили воинственные племена сарматов**. Они часто воевали и не признавали римских законов. Сарматы не стригли волос, одевались в меховые шкуры и носили штаны, что казалось римлянам необычным и смешным. Сарматы совершали частые набеги, опустошали окрестные селения, угоняли скот, уводили в рабство жителей. Иногда они подходили к самым городским стенам.

Трудно приходилось Овидию на новом месте. В Риме он привык к жизни богатого, избалованного человека. Прежде ему не приходилось служить в армии: он и смолodu не был охотником до войны. Теперь же, под старость, приходилось брать в руки меч, надевать на седые волосы шлем и вместе с римскими легионерами отражать набеги сарматов.

Все в новой стране казалось Овидию чуждым. Бесконечная степь, отсутствие садов и виноградников, гнилая вода, непривычный холод. Он не мог привыкнуть к убогому полутемному дому, к непривычной еде. Особенно угнетало его отсутствие любимых книг. Овидию было одиноко, не с кем было дружить, так как никто здесь не знал латинского языка. Греки, жившие в Томах, говорили на местном диалекте, лишь отдаленно напоминавшем тот литературный греческий язык, который знал и любил Овидий.

В письмах к друзьям в Рим Овидий горько жаловался: «Здесь все враждебно человеку — и воздух, и вода, и земля... Все четыре времени года — одно другого хуже: море замерзает, источники солонья, степь — как море. Жизнь человека постоянно подвергается опасности... Если заболеешь, к тебе не придет ни врач, ни друг».

Однако и здесь Овидий продолжал писать стихи:

Дом неудобный, еды не найдешь подходящей больному...
Друга здесь нет, кто тебя бы утешил занятной беседой
И заставлял забывать времени медленный ход...

Стихи давали ему утешение, отвлекали от печальной действительности. В изгнании Овидий написал свои последние книги: «Тристии» («Скорбные элегии») и «Послания с Понта». У поэта

* Геты — фракийские племена, жившие в низовьях Дуная, на территории нынешней Румынии. Впоследствии назывались даками.

** Сарматы — кочевые племена, жившие в районе Азовского моря, передвигаясь на запад, во времена Августа достигли низовьев Дуная.

еще теплилась надежда умолить Августа смягчить его участь, разрешить ему переменить место ссылки и позволить переехать куда-нибудь поближе к любимой Италии. Обращаясь к Августу, Овидий продолжает каяться в своих преступлениях, хотя и сам не знает, что было главной причиной гнева императора. Многие впоследствии укоряли поэта за то, что даже в ссылке он продолжал малодушно льстить Августу, восхваляя его справедливость и милосердие. Но, прежде чем осуждать Овидия, надо вспомнить о том, что ему пришлось испытать и какие бедствия выпали на его долю. Эти страдания отразились в его последних книгах. А. С. Пушкин справедливо считал их вершиной творчества поэта.

«Послания с Понта» обращены к друзьям. Дружба была последней формой духовного общения, какая оставалась у Овидия, и больше всего он боялся лишиться ее. Однако в Италии у него оставалось уже немного друзей. Большинство боялось переписываться с опальным поэтом, чтобы не вызвать гнев Августа.

Если ты счастлив, богат, то в друзьях недостатка не будет.
А коль нагрянет беда, станешь тогда одинок...

Чем меньше оставалось у Овидия друзей, тем больше ценил он тех, которые сохранили ему верность в это трудное время.

Шли годы, Овидий постепенно привыкал к чуждому быту, к холодной зиме.

Летом 14 г. н. э. умер 75-летний Август. Власть в империи унаследовал его пасынок Тиберий, сын Ливии. Во враждебном отношении к нему Тиберия и Ливии Овидий не сомневался. Стало ясно, что помилования ожидать не приходится. Поняв, что ему не суждено вернуться на родину, Овидий стал сближаться с жителями Том. Он научился говорить на их языке и даже сочинял стихи на гетском наречии. Однажды он выступил на празднике с чтением своих стихов, и горожане наградили его почетным лавровым венком. Овидий учил детей, лечил больных, помогал соседям советами. Римский аристократ нашел общий язык с теми, кого еще недавно считал варварами. Местные жители тоже привыкли к поэту и полюбили его. Овидий был удостоен чести, какой не оказывали еще ни одному иноземцу, — его освободили от всех налогов. Когда он состарился и ослабел, местные жители окружили вниманием поэта, помогали и кормили его. Благодарный Овидий писал:

В горькой моей судьбе вы меня обласкали, согрели...
Даже родной мой Сульмон не был так добр ко мне...

До последних дней жизни поэт тосковал о Риме и мечтал возвратиться на родину, которой ему так и не суждено было увидеть. В 18 г. н. э. Овидий умер. Незадолго до этого ему исполнилось 60 лет. Перед кончиной он просил перевезти его прах в Рим. Однако это не осуществилось. С течением времени могила Овидия затерялась. Но слава великого поэта росла и в Риме, и

далеко за его пределами. 18 столетий спустя другой великий поэт, А. С. Пушкин, тоже был сослан в Причерноморские степи. Здесь уже давно не было древних кочевых племен — гетов и сарматов. По степи кочевали цыгане. Пушкин полюбил это древнее племя, не раз бродил с ними, сидел у таборных костров, беседуя со стариками. Он услышал здесь рассказ, который так поразил его, что он включил его в свою поэму «Цыганы».

Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнание...
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной:
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный,
И полюбили все его...
Он ждал: придет ли избавленье.
И все, несчастный, тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал.
Свой дальний град вспоминая...

Память об Овидии и его трагической судьбе столетиями передавались из поколения в поколение: в этом истинная слава поэта.

И в наше время в румынском городе Констанце, выросшем на месте, где некогда находились древние Томы, стоит памятник римскому поэту Публию Овидию Назону.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

5

ЗНАМЕНИТЫЕ ГРЕКИ

ТЕСЕЙ

13

ЛИКУРГ

23

СОЛОН

35

ФЕМИСТОКЛ

44

АРИСТИД

55

ПЕРИКЛ

64

НИКИЙ

76

АЛКВИАД

90

СОФОКЛ

107

ЛИСАНДР

116

АГЕСИЛАЙ

126

ПЕЛОПИД

140

ДЕМОСФЕН

154

АЛЕКСАНДР

165

ПИРР

187

АГИС IV

199

КЛЕОМЕН III

208

ЗНАМЕНИТЫЕ РИМЛЯНЕ

РОМУЛ

219

НУМА ПОМПИЛИЙ

228

ВАЛЕРИЙ ПОПЛИКОЛА

238

ГАЙ МАРЦИЙ КОРИОЛАН

246

МАРК ФУРИЙ КАМИЛЛ

258

ФАБИЙ МАКСИМ

270

КАТОН СТАРШИЙ

284

ЭМИЛИЙ ПАВЕЛ

293

БРАТЯ ГРАКХИ

305

МАРИЙ

319

СУЛЛА

333

МАРК КРАСС

347

ПОМПЕЙ

362 "

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

374

ЦИЦЕРОН

399

МАРК БРУТ

411

ОКТАВИАН АВГУСТ

421

ОВИДИЙ

433

372 **Знаменитые греки и римляне: 35 биографий выдающихся деятелей Греции и Рима. Сборник. Авторы и составители М. Н. Ботвинник и М. Б. Рабинович — СПб.: Индивидуальное частное предприятие Кузнецова «Издательство «Эпоха», 1993. 448 с.**

ISBN 5-87594-034-4.

Выдающийся древнегреческий историк Плутарх (46—120 гг. н. э.) известен своими «Сравнительными жизнеописаниями» видных греческих и римских государственных и общественных деятелей.

Предлагаемая книга познакомит читателя с биографиями исторических деятелей Греции и Рима, чьи имена связаны с наиболее важными, поворотными моментами истории древнего мира.

Несколько биографий написаны не по Плутарху, а по другим древним источникам.

Настоящее издание — наиболее полное из всех прежних подобных изданий и в какой-то мере удовлетворит непреходящий интерес читателя к истории древнего мира.

3 4804010100 Подписное

ББК84.4Гр

ЗНАМЕНИТЫЕ ГРЕКИ И РИМЛЯНЕ

Художник М. Е. Новиков
Редактор С. Н. Кузнецов
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректор Л. А. Привалова

Сдано в набор 15.09.92. Подписано к печати 05.03.93. Формат 60*90 **Vi6**. Бумага кн.-журн. Гарнитура тайме. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0. Уч.-изд. л. 31,7. Тираж 50 000 экз. Заказ 482.

Индивидуальное частное предприятие Кузнецова «Издательство «Эпоха». - 190068, Санкт-Петербург, пер. Бойцова, 4.
Санкт-Петербургская типография № 6 Министерства печати и информации Российской Федерации. 193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10.